П. АНДЕРСОН

ВОЙНА КРЫЛАТЫХ ЛЮДЕЙ

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Пол Андерсон

ВОЙНА КРЫЛАТЫХ ЛЮДЕЙ

Перевод с английского

«ЭЯ»
КИШИНЕВ
1993

А65

Составитель В. П. КИРЧЕВ

Андерсон Пол

А65 Война крылатых людей: Сборник фантаст. произведений./Перевод с англ./Сост. В. П. Кирчев.— К.: «ЭЯ», 1993.— 576 с. (Серия «Зарубежная фантастика», вып. 2,3).

ISBN 5—86892—068—6

В сборник произведений крупнейшего американского писателя-фантаста Пола Андерсона вошли «Война крылатых людей», «Сатанинские игры», «Звездный торговец», «Люди ветра», «Право первородства» и «Повелитель тысячи солнц».

ISBN 5—86892—068—6

© Составитель В. П. Кирчев, 1993.
© Оформ. худ. О. Полищук, 1993.

ВОЙНА КРЫЛАТЫХ ЛЮДЕЙ

ВЕЛИКИЙ Адмирал Сиранакс хир Урнан, Наследник Верховной Власти, Вождь Дракхонского Флота, Рыбак Западных Морей, Первый Жрец и Оракул Путеводной Звезды распростер крылья и снова сложил их с шумом, выражающим предельное изумление. Лавина бумаг, сметенных со стола порывом воздуха, некоторое время опускалась на пол.

— Нет! — крикнул он.— Невозможно! Это какая-то ошибка!

— Как адмирал пожелает...— Главный Командор Дельп хир Орикан иронически поклонился.— Разведчики ничего не видели...

Гнев исказил лицо капитана Теонакса хир Урнана, сына Великого Адмирала и его законного наследника. Он оскалил клыки, сверкнувшие белизной на фоне темной пасти.

— Нет времени, чтобы тратить его на твою дерзость, командор Дельп,— холодно произнес он.— Было бы хорошо, если бы мой отец, наконец, решил избавиться от солдата, не питающего к нему уважения.

Большая фигура Главного Командора напряглась под перекрещенными ремнями с шитьем — знаками его положения. Капитан Теонакс сделал шаг вперед. Их хвосты распрямились, а крылья распростерлись в яростной готовности к битве, так что вся комната, казалось, была заполнена их теламн и ненавистью, которую они питали друг к другу. Словно случайно рука Теонакса опустилась на обсидиановый трезубец. Желтые глаза Дельпа засверкали, а пальцы сжались на рукоятке боевого топора. Адмирал Сиранакс ударил хвостом об пол, и это прозвучало, словно грохот взрыва. Оба противника вздрогнули, вспомнив, где они находятся, и, медленно расслабляя мышцу за мышцей под блестящей коричневой шерстью, постепенно успокоились.

— Довольно! — рявкнул Сиранакс.— Дельп! Твой необузданный язык когда-нибудь обязательно тебя погубит. Теонакс, мне уже надоели твои фокусы! Тебе представится возможность заняться своими врагами, когда меня уже не будет на этом свете! А пока что побереги тех немногих способных офицеров, которые еще остались в нашем Флоте!

Уже давно никто не слышал от адмирала таких решительных слов. Его сын и подчиненные осознали, что этот поседевший, ревматический старик с помутневшими глазами — это именно тот, кто был когда-то покорителем Майонского Флота! Тысяча отрубленных крыльев вражеских вождей повисла тогда на мачтах дракхонов. Это был все еще их вождь

в войне со Стадом ланнахов. И они приняли позу почтения и стали ждать, что он скажет дальше.

— Ты понял меня слишком дословно, Дельп,— начал адмирал, но уже более мягким тоном. Потянувшись к полке, размещенной над столом, он взял длинную трубку и начал набивать ее лепестками высушенного држа, которые доставал из кисета, висящего на поясе. Одновременно адмирал удобно уложил свое плохо гнущееся старческое тело в кресле из дерева и кожи.— Конечно, я удивился, однако могу поспорить, что наши разведчики еще не разучились пользоваться подзорными трубами. Еще раз точно опиши мне, что произошло.

— Наш патруль отправился на обычную разведку в место, находящееся на расстоянии тридцати обдиенан отсюда на северо-северо-запад...— Дельп осторожно подбирал слова.— Это рядом с островом, который называют... Не могу выговорить варварского названия, данного ему тамошними обитателями, но оно звучит в переводе, как «Шелест Знамен».

— Да, да,— кивнул Сиранакс.— Знаю.— Он улыбнулся.— Знаешь ли, мой друг, мне еще случается временами рассматривать карты.

Теонакс улыбнулся. Дельп не умел быть льстивым, и это было его слабым местом. Дед Командора был обыкновенным парусным мастером, а отец смог дослужиться только до капитана Флота. Это, конечно, могло случиться уже после того, как их род получил дворянство за героизм в битве за Ксариду — но все равно это было мелкое дворянство, немногим выше обычных моряков, и на их руках еще были видны следы тяжелой работы.

Сиранакс — воплощенный ответ Флота на те дни голода и опустошения — выбирал офицеров по их способностям — и ничего кроме этого! Именно таким образом простой Дельп хир Орикан в течение нескольких лет поднялся на второе по важности место среди дракхонов. Однако это не сгладило шероховатости его воспитания и не научило его как следует себя вести с истинно высокородными. Насколько Дельп пользовался популярностью среди простых моряков, настолько большинство аристократов ненавидело его — выскочку, простака, который посмел жениться на дочери рода Аксоллон! Пусть только хранящие его крылья старого адмирала сомкнутся в смертельном объятии... Теонакс уже сейчас смаковал подробности того, что ожидает Дельпа хир Орикана. Найти какую-нибудь причину для обвинения будет нетрудно...

Командор сглотнул слюну.

— Прости, господин...— буркнул он.— Я не хотел... В конце концов мы недавно находимся в этом море... Разведчики увидели этот плывущий предмет, не похожий ни на что, известное нам. Двое из них прилетели, чтобы доложить нам об этом, и ждут приказа. Я не летал, чтобы проверить их донесение. Но уверен, господин, что это чистая правда!

— Плавающий предмет в шесть раз длиннее, чем самые длинные наши лодки. Предмет, который похож на лед, но не изо льда.— Адмирал потряс длинной седой гривой.

— Хорошо отполированный горный хрусталь похож на это вещество,— заявил Дельп.— Но он не такой светлый. И у него нет такого сияния.

— И ты говоришь, что по нему бегают животные?

— Три, господин. Примерно такого же роста, как и мы, или даже немного больше, но без крыльев и хвостов. Но это не животные... Я думаю... Дело в том... что они носят одежду и, по-моему, то, на чем они находятся, не должно было служить в качестве лодки. На этом предмете тяжело удерживать равновесие и, кроме того, он тонет.

— Если это не лодка и не кусок дерева, смытый с берега,— удивился Теонакс,— то скажи, откуда он взялся? Из далеких морей?

— Не думаю, капитан,— бросил с раздражением Дельп.— Если бы это было так, то существа, находящиеся на этом предмете, были бы рыбами или морскими млекопитающими... Во всяком случае, они были бы приспособлены к жизни на воде. А эти не приспособлены. Они выглядят типичными сухопутными существами, хотя у них только четыре конечности.

— Итак, по всей вероятности, они упали с неба,— язвительно засмеялся Теонакс.

— Я не был бы сильно этим удивлен,— очень тихо сказал Дельп.— Никакое другое объяснение тут не подходит.

Теонакс от изумления раскрыл пасть. Но старый адмирал только кивнул головой.

— Очень хорошо,— буркнул он.— Мне приятно, что у кого-то из моих подчиненных еще осталось немного воображения.

— Но откуда они могли прилететь? — взорвался Теонакс.

— Быть может, наши враги, ланнахи, могут что-то знать об этом,— сказал адмирал.— Каждый год они облетают большие пространства, чем мы видим за целые поколения. Они встречаются с варварскими стадами в тропических районах и обмениваются новостями.

— А также самками,— вырвалось у Теонакса. В его голосе прозвучало наивысшее неодобрение, однако оно было скрашено сладострастием, что было характерно для отношения всего Флота к обычаям перелетных рас.

— Неважно! — рявкнул Дельп.

Теонакс ощетинился.

— Ты, помет мойщика палуб, как ты смеешь...

— Замолкни! — взревел Сиранакс, и оба притихли.

— Я прикажу допросить наших пленных,— через мгновение продолжал адмирал, но уже более спокойным тоном.— Нужно будет послать быструю лодку, чтобы они забрали тех троих, пока не утонул предмет, на котором они находятся.

— Они могут быть опасными,— предостерег Теонакс.

— Вот именно,— кивнул его отец.— Если это так, то будет лучше, если они окажутся в наших руках. Ведь их могут спасти ланнахи и заключить с ними союз. Дельп, возьми «Герунис» с верной командой и поставь паруса. Возьми с собой ланнаха, которого мы поймали: как его там зовут... ну, того, который владеет языками...

— Толк? — У командора были трудности с чужим произношением.

— Вот именно, может быть, он сможет с ними поговорить. Пошли назад разведчиков, как только прибудете на место и захватите неизвестных, чтобы они представили мне отчет. Но держись подальше от главных сил Флота, пока у тебя не будет уверенности, что они для нас не опасны. А также пока мне не удастся уменьшить суеверный страх черни перед морскими дьяволами. Будь вежлив, насколько это возможно, но и резок, если это будет необходимо. Мы всегда сможем попросить прощения или выбросить тела за борт. А теперь лети!

Его угнетала пустота. Даже с такой маленькой высоты, с колышащегося и неустойчивого корпуса разбитого планетолета, Эрик Вейс ощущал беспомощность человека перед природой. Ему казалось, что сама беспредельность горизонта, в котором смыкались морозная бледность неба и серость туч, бушующих волн, движущихся вперед,— всего этого хватит, чтобы испугать любого. Его предки смотрели в лицо смерти на Земле, но земной горизонт не был таким бескрайним. Что с того, что его отделяли от Солнца более сотни световых лет? Эти расстояния были слишком велики, чтобы их можно было представить: они становились только числами и не ужасали того, кто измерял скорость космического корабля с двигателями второго класса в парсеках за неделю. Даже эти десять тысяч километров открытого океана, отделяющие его от торгового поселения — единственной человеческой колонии в этом мире,— были не более чем еще одним числом. Позже, если бы ему удалось выжить, Эрик мучил бы себя размышлениями о том, как переслать через эту пустоту известие о себе. Однако пока он был занят лишь тем, как сохранить себе жизнь.

Тем не менее он только сейчас оценил величину этой планеты. Ранее, во время полуторагодичной службы, она не очень-то его поразила — но тогда он был изолирован психологически и физически безотказностью могучей техники. Теперь же он был на тонущем корабле и видел за холодными волнами только горизонт, в два раза более отдаленный, чем на Земле. Планетолет затрясся от резкого удара. Вейс потерял равновесие и соскользнул с изогнутых плит брони. Он лихорадочно пытался ухватиться за тонкий трос, которым были привязаны к навигационной башне контейнеры с едой. Если он упадет в воду, то сапоги и мокрая одежда потянут его в глубину, как камень. Каким-то образом он все же сумел изловчиться и схватить трос, остановив свое падение. Разочарованная волна хлестнула его по лицу, словно влажная соленая рука. Трясясь от холода, Эрик Вейс прикрепил на место последний контейнер и на четвереньках пополз к люку. Это был маленький аварийный люк: волны уже залили роскошную прогулочную палубу, по которой любили прохаживаться пассажиры, когда гравитаторы

корабля несли его по воздуху. Нарядный бронзовый выход на палубу уже полностью находился под водой. Когда они упали в море, вода залила разбитое машинное отделение. Она просачивалась через погнутые перегородки и лопающиеся плиты обшивки, и теперь уже корабль был почти готов к своему последнему путешествию — на дно моря. Ветер своими худыми пальцами перебирал мокрые волосы Эрика и старался помешать ему закрыть люк. Эрик боролся с ураганом... С ураганом? Нет, черт возьми! Ветер дул едва со скоростью неповоротливого бриза, но при атмосферном давлении, шестикратно превышающем земное, этот ветерок был посильнее земного шторма. Пусть поглотит ад планетолет Политехнической Лиги номер 2987165/11! Пропади пропадом сама Лига, Николас ван Рийн и особенно Эрик Вейс, раз он оказался таким глупцом, что решился работать в Компании! Борясь с люком, он вскользь посмотрел поверх него, словно ожидал откуда-то спасения. Он увидел красноватое солнце и огромные массы туч, грозящие бурей с севера, и на их фоне несколько точек — наверное, это были обитатели планеты. Пускай дьявол их поджарит на медленном огне за то, что они не догадались прийти на помощь! Или пусть незаметно удалятся отсюда, когда люди пойдут на дно, пусть не висят здесь над нами, упиваясь этим зрелищем!

Вейс наконец закрыл люк, быстро повернул задвижку и спустился вниз по лестнице. У самого ее конца он был вынужден остановиться, чтобы не упасть от сильного толчка. Он еще слышал биение волн о корпус корабля и вой вихря.

— Все в порядке?

— Да, госпожа,— ответил он.— Насколько это возможно...

— А возможно немногое, не так ли? — Княгиня Сандра Тамарин осветила его фонариком. В тусклом свете она казалась еще одной тенью в глубине мертвой машины.

— Ты выглядишь как вымокшая крыса, приятель. Иди сюда, здесь для тебя есть сухая одежда.

Эрик кивнул. Он снял мокрую куртку и пинком сбросил сапоги, в которых хлюпала вода. Без них он промерз бы там, наверху, где не могло быть больше пяти градусов выше нуля, но ему казалось, что в них плещется половина океана. Когда Эрик шел в глубь коридора, его зубы стучали от озноба. Эрик Вейс был молодым человеком, родом из Северной Америки. У него были рыжие волосы, голубые глаза и слегка квадратное лицо. Он вполне мог похвастать своей атлетически стройной фигурой. Работать он начал в возрасте двенадцати лет как практикант коммерческого училища на складах Земли, а сейчас уже был представителем Галактической Компании Специй и Спиртных напитков на всей планете Диомед. Нельзя сказать, что это была ослепительная карьера, поскольку Ван Рийн был сторонником продвижения по службе согласно заслугам, и наибольшие шансы имели те, кто мог быстро соображать, метко стрелять и быть в ладах с фортуной. Карьера же Эрика Вейса продвигалась вперед спокойно, в перспективе у него были

торговые точки на более близких и приятных планетах и, в конце концов, руководящая должность где-нибудь на Земле... Впрочем, зачем об этом думать, коль скоро воды чужой планеты должны были поглотить его через несколько часов.

В конце коридора находилась навигационная башня, выступая из корпуса корабля. Сквозь прозрачную броню внутрь проникал дневной медный свет местного солнца, низко стоявшего на бледном небе, затянутом тучами на юго-западе. Княгиня Сандра выключила фонарик и указала на лежащий на столе комбинезон. Рядом находилась утепленная куртка с капюшоном и перчатками, которая ему понадобится, когда он снова выйдет наружу на предвесенний воздух.

— Одень это,— сказала княгиня.— Когда корабль пойдет на дно, отсюда нужно будет быстро убираться.

— А где ван Рийн? — спросил он.

— Он заканчивает работу над плотом. Ван Рийн знает, как обращаться с инструментами, правда? Когда-то он же был простым членом экипажа космического корабля.

Вейс пожал плечами и ждал, когда Сандра выйдет.

— Переодевайся же скорее! — прикрикнула она.

— Но...

— Ах...— По ее лицу промелькнула слабая улыбка.— Не думала, что на Земле все еще стыдятся наготы.

— Вообще-то нет, госпожа... но ведь ты высокородная княгиня, а я только простой торговец...

— Самые большие снобы происходят с республиканских планет, таких, например, как Земля,— сказала княгиня.— Здесь, на этом тонущем корабле мы все равны. Быстро переодевайся! Я отвернусь, если ты стесняешься.

Вейс втиснулся в комбинезон так быстро, как только мог. Ее веселость принесла ему неожиданное утешение. И почему этому старому, толстому, льстивому козлу ван Рийну всегда так везет? Колонисты на планете Гермес в большинстве своем происходили из дворянских родов, а их потомки свято чтили чистоту крови, особенно это вошло в моду после того, как Гермес объявил себя Автономным Великим Княжеством. Княгиня Сандра Тамарин была почти такого же роста, что и Эрик, а просторная полярная одежда не могла скрыть ее стройных женственных форм. Она не была красивой, ее лицо имело слишком выразительные черты: широкий рот, курносый нос, выдающиеся скулы. Однако ее большие зеленые глаза, оправленные в длинные черные ресницы, и тяжелые черные брови были такими красивыми, каких он в своей жизни не видел. Волосы у нее были прямые, длинные, пепельного цвета — сейчас они были собраны в узел, но Эрик видел их когда-то при свете свечи свободно падающими на плечи...

— Ты уже закончил, Эрик Вейс?

— Ох... Простите, госпожа. Я задумался. Еще минутку.— Он натянул утепленную куртку, но не стал ее застегивать. Внутри корпуса еще сохранялись остатки тепла.— Уже! Прошу прощения, госпожа.

— Ничего.— Она обернулась и, не взглянув на него, посмотрела вверх.— Эти туземцы... они еще там?

— Я думаю, да, госпожа. Но они слишком высоко летают, чтобы я мог знать это наверняка. Насколько мне известно, обычная высота их полета пять-шесть километров.

— Я тут думала кое о чем, Эрик, но у меня не было случая задать вопрос. Мне кажется, что существа величиной с человека вообще не могут летать! Они просто не могут существовать, так как должны обладать очень интенсивным обменом веществ.

— Госпожа, и ты задаешь такие вопросы сейчас?

Она улыбнулась.

— Конечно. Мы ведь ничем не заняты. Мы просто ждем Николаса ван Рийна. Что же нам еще остается делать, кроме как разговаривать об особенностях расы диомеданцев?

— Мы можем ему помочь... Помочь побыстрее закончить этот плот. Иначе мы все утонем!

— Ван Рийн сказал мне, что аккумуляторов хватает только на один сварочный аппарат, так что любая помощь будет ему только помехой. И не будем говорить о том, что ожидает нас. У высокородных жителей Гермеса есть свои обычаи и предписания, в том числе и относительно поведения перед лицом смерти. А из чего же состоит человек, как не из обычаев и предписаний? — Она говорила свободным, глухим голосом, слегка улыбаясь, но Эрик задумался, какая часть этой свободы была притворством?

Он хотел сказать ей: «Мы находимся на планете в водах океана, которые принесут нам смерть. В нескольких десятках километров отсюда есть остров, но в какую сторону — точно неизвестно. Что ожидает нас в лучшем случае? Может быть, нам удастся закончить вовремя плот, состоящий из пустых бочек из-под топлива; нам удастся погрузить на него пищу, пригодную для употребления людям; может быть, шторм, просыпающийся на севере, уляжется... Туземцы пролетели над нами еще несколько часов назад, но с того времени они не обращают на нас внимания, совершенно игнорируя во всяком случае, помощи они нам не оказали!

Кто-то ненавидит тебя или ван Рийна,— продолжал бы он.— Не меня, а вас! Я слишком маленькая фигура, чтобы меня можно было ненавидеть. Но ван Рийн владеет Галактической компанией Специй и Спиртных напитков, которая имеет большое влияние в исследованной части Галактики. А ты, госпожа — княгиня Сандра Тамарин, наследница трона, владеющего целой планетой — конечно, если ты переживешь нынешние события. Ты отвергла много предложений замужества, сделанных представителями обнищавшей больной аристократии своей планеты, и публично объявила, что поищешь отца своим детям в каком-нибудь другом месте. Ты громогласно объявила, что очередным великим князем Гермеса будет мужчина, а не хихикающий манекен. Так что многие дворяне опасаются твоего возвращения на трон. О, да, можно еще сказать, что есть еще много таких, которые воспользуются тем, что Николас

ван Рийн или Сандра Тамарин не вернутся из этого путешествия. Со стороны моего хозяина, конечно, было галантностью предложить вам, княгиня, путешествовать с Антареса, где вы познакомились, на Землю на собственном космическом корабле, с остановками в наиболее интересных местах в течение всего пути. Самое малое, на что мог рассчитывать ван Рийн — это на торговые привилегии на территории Великого Княжества. Самое большое — нет, он не мог рассчитывать на официальную связь. Для этого в нем слишком много двуличия, да и ты, гордая, красивая и невинная, не допустила бы его к высокому трону своих предков. Но я удаляюсь от темы, моя дорогая госпожа,— говорил бы он дальше.— А самое главное — это то, что кого-то из нашей команды подкупили! Заговор был ловко подготовлен, и этот кто-то ждал только подходящего случая. Случай подвернулся после посадки на Диомеде, когда ты захотела увидеть, как выглядит настоящая девственная планета, даже главные континенты которой не смогли нанести на карту в течение тех пяти лет, как основана здесь колония. Да, случай подвернулся, когда мне было приказано отвезти тебя и моего шефа к тем крутым горам на другой стороне планеты, которые привлекали своим волшебным видом. Бомба в главном генераторе... Команда погибла, техники и стюарды убиты взрывом, пилот разбил себе голову, когда нас резко бросило в воду... Радио разбито... и планетолет тонет. Он затонет гораздо быстрее, чем персонал базы начнет беспокоиться и будет организована спасательная экспедиция. И даже если мы все еще к тому времени не утонем — есть ли хоть один шанс, что несколько воздушных платформ, кружащихся над почти совершенно неисследованным миром, в два раза большим, чем Земля, смогут заметить на воде три маленьких человеческих точки? Таким образом,— хотел он еще сказать,— мы стоим перед лицом неминуемой гибели, и я предлагаю тебе, госпожа: забудь обо всем на то короткое время, которое нам еще осталось, и поцелуй меня!» Но слова застряли у него в горле, и он ничего не сказал.

— Так что? — в ее голосе прозвучала нотка нетерпения.— Ты молчишь, Эрик Вейс?

— Прости, госпожа,— буркнул он.— Я боюсь, что не смогу вести светский разговор... в таких условиях.

— Я сожалею, что не обладаю достаточной квалификацией, чтобы отпустить твои грехи и дать духовное утешение,— с ранящей насмешливостью сказала она.

Большая гривастая волна поднялась над наружной палубой и достигла башенки. Они почувствовали, как конструкция из стали и пластика затряслась под ее ударом. Прежде чем волна схлынула, они стояли в непроницаемой темноте. Когда посветлело и Вейс увидел, как глубоко уже погрузился разбитый корабль, он задумался, сумеют ли они вообще перейти на плот ван Рийна через залитый люк грузового трюма. Неожиданно его взгляд привлекла белизна, сверкнувшая вдали. Он не поверил своим глазам, решив, что зрение задумало в

эти последние минуты сыграть с ним злую шутку.

— Княгиня Сандра,— очень осторожно произнес он, потому что он не мог позволить себе криков, которые можно простить только низкорожденным землянам.

— Да? — Она, не повернув головы, все еще созерцала горизонт на севере, наполненный только тучами и молниями.

— Там, госпожа... примерно на юго-востоке... паруса, идущие под ветром...

— Что? — вырвался у нее крик.

Ни с того ни с сего Эрик громко рассмеялся.

— Какая-то лодка идет к нам,— показал он.— И притом быстро.

— Я не знала, что туземцы еще и моряки,— тихо сказала Сандра.

— Те, что обитают рядом с нашей торговой точкой, наверняка нет,— ответил Эрик.— Но нельзя забывать, что перед нами огромная планета. Поверхность ее суши примерно в четыре раза превышает поверхность суши Земли, а мы до сих пор узнали только маленький клочок одного континента...

— Так ты не знаешь, кто эти моряки?

— Не имею представления, госпожа.

Привлеченный криками, Николас ван Рийн, сопя, подходил к навигационной башенке.

— Ад и дьяволы! — рычал он.— Что там у вас? Да, это похоже на лодку, а может быть, ялик. Нет, постой-ка. На грот-мачте поставлен квадратный парус и... да, есть и противовес. Хм.., он ведет себя так, словно у него есть приличный руль и... Все святыни господни, позаботьтесь о нас! Эта чертова штуковина выдолблена из ствола гигантского дерева!

— А чего вы ожидаете на планете без металлов? — не выдержал Эрик. Его нервы были так напряжены, что он забыл о почтении. Почтении, которое он должен был выказывать аристократу торговой профессии — своему начальнику!

— Хм... могли бы быть сборные суда, какие-нибудь плоты, катамараны... Сухую одежду, быстро! Слишком холодно для таких развлечений!

Вейс увидел, что ван Рийн стоит в луже соленой морской воды, которая стекает по его ногам. Трюм, в котором он работал, наверняка был залит уже много часов.

— Я сейчас принесу, Николас.— Сандра побежала вниз по коридору, разбрызгивая воду. Коридор постоянно наклонялся по мере того, как все больше воды проникало внутрь корабля через разбитую корму.

Эрик помог своему шефу снять промокший комбинезон. Обнаженный ван Рийн напоминал — как же называлась эта вымершая обезьяна? — двухметровую гориллу. Ван Рийн громко выражал свое недовольство холодом, влажностью и медлительностью движений своих помощников. На толстых его пальцах сверкали кольца, на запястьях — браслеты, на шее висел медальон с изображением святого Дисмаса. Вейс всегда

считал, что короткие волосы и хорошо выбритое лицо более практичны; ван Рийн же завивал и помадил свои черные волосы согласно архаической моде, на лице он растил козлиную бородку, а также ужасающе напомаженные усы под большим изогнутым носом. Сопя, он рылся в навигационном ящике, пока не отыскал бутылку рома.

— Ага! Я знал, что она должна быть где-то здесь, родимая.— Он приложился к бутылке и одним глотком проглотил порцию, равную нескольким рюмкам.— Хорошо! Прекрасно! Может быть, мы снова теперь начнем жить, как уважающие себя люди, а?

Когда он услышал, что Сандра возвращается, он обернулся, величественный и круглый, как луна. Единственной подходящей ему одеждой была его собственная одежда: пышное одеяние, состоящее из рубашки, обшитой кружевами, вышитого жилета, шаровар и чулок из блестящего шелка, золотистых туфель, шляпы и бластера в кобуре.

— Благодарю! — коротко сказал он.— Эрик, пока я буду одеваться, будь добр спуститься в холл и принести мне оттуда коробочку сигар и бутылочку кальвадоса. А потом мы отправимся наружу, чтобы поприветствовать наших спасителей.

— Святой Петр! — закричал Вейс.— Холл находится под водой!

— Жаль,— болезненно вздохнул ван Рийн.— Ну, тогда принеси мне только кальвадос. Быстро! — щелкнул он пальцами.

— Нет времени, сэр,— поспешно сказал Вейс.— Я должен еще собрать кое-что из наших вещей. Надо прихватить немного боеприпасов, так как туземцы могут быть настроены враждебно.

— Да, такое возможно, если они уже слышали о нас,— согласился ван Рийн. Он начал одевать шелковое белье.— Бр-р-р! Я поставлю пять тысяч свечей, если вдруг снова окажусь в моей конторе в Джакарте!

— Какому же святому ты принесешь столь щедрую жертву? — смеясь, поинтересовалась Сандра.

— Конечно, святому Николаю, моему тезке и покровителю путешественников...

— Святой Николай будет дураком, если сейчас же не возьмет с тебя письменного обязательства,— вновь засмеялась княгиня.

Ван Рийн побагровел, но не нашелся, что ответить законной наследнице трона планеты, которая могла предложить выгодные торговые сделки. Вместо этого он облегчил себе душу, выкрикивая оскорбления вслед удаляющемуся Эрику. Прошло немного времени, прежде чем они выбрались наружу. ван Рийн застрял в аварийном люке, и его пришлось проталкивать. Проклятия, выкрикиваемые разгневанным басом, заглушали грохот надвигающейся бури. Время обращения Диомеда вокруг своей оси составляло каких-то двенадцать часов, а на этой географической широте, в тридцати градусах

на север, была еще зимняя пора, и солнце опускалось к морю с огромной скоростью. Они держались за тросы, не укрываясь от ветра и волн, которые перекатывались через них. Ничего более им уже не оставалось.

— Это не место для старого больного человека,— застонал ван Рийн. Вихрь вырвал слова у него изо рта и швырнул их в воду. Длинные, до плеч, локоны ван Рийна трепетали, как обтрепанная хоругвь.— Мне нужно было остаться дома, на Яве, а не терять здесь свои жалкие последние годы жизни.

Вейс таращил глаза в темноту. Лодка подплывала все ближе. Даже такой сухопутной крысе, как Эрик, бросилась в глаза ловкость команды. Ван Рийн же свои похвалы выражал во весь голос:

— Дьявол, я возьму их в Воскресный яхт-клуб, а потом запишу на ближайшую регату и поставлю на них!

Это была большая лодка длиной более чем в тридцать метров, с искусно сделанным форштевнем, но при смелом размахе парусов она казалась небольшой. Несмотря на противовес, Эрик в любую минуту ждал, что она перевернется. Конечно, летающим существам в этом случае грозило меньше, чем людям.

— Эти диомеданцы...— Голос Сандры едва донесся к нему сквозь свист ветра и гул моря.— Какие они? Ты был среди них полтора года, правда? Чего мы можем от них ожидать?

Вейс пожал плечами.

— А чего можно ожидать от любого человеческого племени из каменного века? Это могут быть и идолопоклонники, и людоеды, или и то и другое вместе! Я знаю только Тирланское стадо, в котором большинство составляют перелетные охотники. Они всегда придерживаются буквы своих законов, хотя и не слишком мелочны, если речь идет об их душе. Но в общем-то это приличные существа!

— Ты говоришь на их языке?

— Настолько, насколько мне позволяет строение органов речи и воспитание в земной технической культуре. Я не утверждаю, что усвоил все их понятия, но мне удалось с ними...— Корпус планетолета заметно погрузился в воду. Эрик услышал, как под напором поступающей внутрь воды лопается какая-то перегородка и в середину вливается очередная порция морской воды. Они стояли уже по щиколотку в воде. Сандра оперлась о него, и он отметил, что брызги воды замерзают на ее бровях.

— Это не значит, что я пойму местный язык,— закончил он свою мысль.— Мы находимся от Тирлана дальше, чем Китай находится от Европы!

Лодка поравнялась с ними, и как раз вовремя — разбитый корабль мог утонуть в любой момент. Паруса опустились, был брошен якорь и мощные руки моряков опустили весла на воду. Один из диомеданцев прыгнул на корпус планетолета, держа в руке канат. Двое других находились

поблизости, несомненно, как стража. Первый приблизился и присмотрелся к людям. Тирлан находился севернее, и его обитатели еще не вернулись из тропиков, так что это был первый диомеданец, которого Сандра увидела собственными глазами. Она слишком промокла, замерзла и устала, чтобы любоваться неземным очарованием его движений, но все же заставила себя присмотреться к этому существу. Теперь наверняка придется общаться с представителями этой расы длительное время, если они только захотят оставить ее в живых.

По человеческим критериям диомеданец был низкого роста и, кроме того, у него был толстый хвост метровой длины и огромные перепончатые крылья, как у летучей мыши, которые сейчас были сложены на спине. Плечи находились чуть ниже крыльев, ближе к половине блестящего тюленьего тела. Мускулистыми руками с пятью пальцами он очень напоминал человека. Его ноги отличались от человеческих тем, что сгибались назад над стопами с четырьмя когтями, напоминающими лапы земных хищных птиц. Голова, сидящая на шее, в два раза более длинной, чем у человека, была круглой, с высоким лбом и желтыми глазами с мигающими перепонками. Над глазами находились тяжелые надбровные дуги. Лицо оканчивалось тупой мордой, под черным носом топорщились короткие, словно кошачьи, усики, большой рот и медвежьи клыки выдавали плотоядное животное, недавно превратившееся во всеядное. Ушных раковин не было, а мясистый гребень, размещенный посередине головы, очевидно, помогал управлять полетом. Диомеданец был покрыт коротким мягким коричневым мехом, и несомненно, был млекопитающим мужского пола. На его плечах перекрещивались два ремня, а середину туловища охватывал пояс, к которому были прикреплены две пузатые кожаные сумки. К поясу крепилось вооружение: нож из обсидиана, небольшой топорик с кремневым наконечником, а также боло. В наступающей темноте трудно было заметить, как были вооружены его товарищи, кружащиеся в воздухе. У них было какое-то длинное и тонкое оружие, но это наверняка были не ружья,— их не могло быть на этой планете, лишенной меди и железа. Эрик Вейс наклонился и начал ломать свой голос хрипящими звуками тирланского языка.

— Мы друзья. Ты меня понимаешь?

На него обрушился град совершенно незнакомых ему слов. Он грустно пожал плечами и развел руки. Диомеданец направился вдоль корпуса — на двух ногах, несколько наклоняясь вперед, чтобы уравновесить тяжесть хвоста и крыльев — и нашел выступ, к которому земляне прикрепили свои страхующие тросы. Он быстро привязал свой канат к этому месту.

— Корабельный канат,— тихо заметил ван Рийн.— Почти такой же, как у земных моряков.

Канат понадобился для того, чтобы подтянуть лодку поближе. Диомеданец обернулся к Эрику и показал на лодку. Эрик кивнул головой и только потом прикинул, что такой жест

наверняка здесь означает что-то иное, если вообще что-то обозначает. Через мгновение он уже делал первый шаг в указанном направлении. Диомеданец схватил брошенный с лодки другой конец каната. Он показал на него, на людей и начал энергично жестикулировать.

— Я понимаю,— сказал ван Рийн.— Они боятся подплыть поближе, потому что могут легко разбить лодку о корпус. Мы должны обвязаться канатом, и они нас перетянут. О, святой Христофор, чтобы вот так относиться к старым бедным костям!

— Еще наша еда,— напомнил Вейс.

Планетолет вздрогнул и погрузился глубже. Диомеданец нервно зашевелился.

— Нет, нет! — крикнул ван Рийн.

Ему показалось, что если он будет орать достаточно громко, то, возможно, и преодолеет языковой барьер. Он замахал руками:

— Нет! Никогда! Вы что, не понимаете, вы, капустные головы! Нам лучше утонуть в вашем загаженном океане, чем пробовать вашу пищу! Смерть! Зараза! Самоубийство! — Он прикоснулся руками ко рту, похлопал себя по животу, а потом махнул рукой в сторону запасов пищи.

Вейс мрачно подумал, что эволюция слишком эластична. Вот планета, обладающая кислородом, азотом, водородом, углеродом, серой... Биохимия, основанная на белке, образует гены, хромосомы, клетки, живую ткань... Местная протоплазма соответствует всем земным определениям, но любого человека, который осмелится съесть диомеданский фрукт или бифштекс, ждет верная смерть, вызванная примерно пятьюдесятью аллергическими реакциями. Их вызывали непригодные для человека белки. Только заблаговременно сделанные прививки оберегали людей от хронического насморка, астмы или крапивницы, вызванных воздухом, которым они дышали, либо водой, которую пили. Эрик провел сегодня днем много времени, перетаскивая пищу на обшивку планетолета с тем, чтобы затем погрузить ее на плот. А уж если ван Рийн путешествовал на планетолете, то без сомнения в рацион экипажа входили: хлеб, масло, сыр всевозможных сортов, копченый лосось, индейка, компот в жестяных банках, шоколад, сладкие ватрушки, пиво, вина и еще бог знает что на несколько месяцев. Диомеданец распростер крылья, маневрируя ими, чтобы сохранить равновесие. В полумраке казалось, что когти на верхнем краю крыла промелькнули мимо лица ван Рийна словно косилка, управляемая ангелом смерти. Торговец ждал неподвижно, время от времени указывая пальцами на груду ящиков. Наконец, диомеданец или понял, в чем дело, или попросту уступил. Осталось уже немного времени. Он свистнул сидящим в лодке, откуда подлетела туча его товарищей, которые развязали тросы, скреплявшие ящики, и начали переносить их в лодку. Эрик помог Сандре обвязаться шнуром.

— Боюсь, что мы можем слегка промокнуть, госпожа,— попробовал он улыбнуться.

— Итак, это и есть героические приключения межзвездных храбрецов? — насмешливо сказала она.— Что ж, мне придется сказать пару слов моим придворным поэтам, когда я вернусь... Если только вернусь...

Когда Сандра была уже на другой стороне и канат бросили обратно, ван Рийн кивнул Эрику. Сам он что-то выспаривал у предводителя диомеданцев. Как ему это удавалось без знания языка, Вейс не знал, но оба собеседника уже достигли стадии выкрикивания оскорблений в адрес друг друга. В тот момент, когда Эрик сжал зубы и прыгнул в воду, ван Рийн взбунтовался и сел. Когда молодой человек, мокрый, как крыса, наконец, добрался до лодки, торговец явно выиграл этот словесный поединок. Один диомеданец может подняться в воздух с грузом примерно в пятьдесят килограммов и перенести его на небольшое расстояние. Трое туземцев связали из канатов примитивную упряжь и начали переносить ван Рийна над водой. Прежде, чем они добрались до лодки, планетолет затонул. В лодке сидело более сотни туземцев — все вооружены, некоторые в шлемах и нагрудниках из нескольких слоев твердой кожи. На носу стояла катапульта, едва видимая в темноте, на корме же находилась каюта, построенная из стволов молодых деревьев, связанных канатами. Она возвышалась над лодкой, словно корма средневекового галеона. На ее крыше двое рулевых боролись с мощным румпелем.

— Как видно, мы оказались на военном корабле,— буркнул ван Рийн.— Это не очень-то хорошо. С капитаном торгового судна я еще могу договориться. Если же речь идет о каком-то паршивом офицеришке, у которого в голове одни только нашивки, то на такого я могу только орать.— Он поднял маленькие, близко посаженные глазки к ночному небу, по которому промелькнула молния.

— Я жалкий грешник! — крикнул он.— Но этого я не заслужил! Ты меня слышишь?

Через мгновение землян протолкнули между гибкими телами диомеданцев по направлению к каюте. Лодка начала убегать от шторма на частично — кроме кливера — зарифленных парусах. Качка, шум волн, ветра и удары грома постепенно ушли на дно сознания Эрика. Он хотел только найти какое-то сухое место, снять одежду, скользнуть в постель и спать сто лет. Каюта была маленькой. Когда трое людей и двое диомеданцев оказались в ней, то они едва смогли сесть. Однако в ней было тепло, и каменная лампа, подвешенная к потолку, давала приглушенный свет, вызывающий гротескно двигающиеся тени. Одним из двух диомеданцев в каюте был туземец, который первым прыгнул на корпус планетолета. В одной руке он держал стилет из стекла вулканического происхождения. Он не сел, а только осторожно присел, и его внимание частично сосредоточилось на втором туземце. Тот был значительно старше и худее первого, в его шерсти просвечивали пучки седых волос. Он был привязан ремнем к столбику в углу каюты. Глаза Сандры сузились. Бластер ван Рийна словно

случайно оказался на ее коленях, когда она села. Диомеданец с ножом бросил взгляд на бластер, и ван Рийн выругался.

— Глупая сопля́чка! Какого черта ты показала ему, что это оружие?

Первый туземец что-то сказал узнику. Тот что-то буркнул в ответ и обратился к людям. Когда он заговорил, то это прозвучало как другой язык, отличный от того, на котором говорил спасший их диомеданец.

— Ага! Переводчик! — закричал ван Рийн.— Ты говорить земной язык, нет? Моя, твоя...— Он хлопнул себя по бедру.

— Прошу прощения. Я думаю, мне стоит попробовать,— сказал Вейс и перешел на язык тирланцев:

— Ты меня понимаешь? Мы можем попытаться поговорить друг с другом только на этом языке

Узник нахохлил гребень и присел на четыре лапы. То, что он ответил, было почти знакомо Эрику.

— Говори немного медленнее, хорошо? — сказал Вейс и почувствовал, как проходит сонливость.

Он с трудом понимал, что говорит туземец.

— Ты употребляешь разновидность языка карное,которую я никогда не слышал,— разобрал он слова диомеданца.

— Карное... Сейчас, сейчас... да, один из тирланцев упоминал о группе племен далеко на юге, которые так называются. Я говорю на языке тирланцев...

— Я не знаю этой расы. Они не зимуют у нас. Карное тоже не делают этого регулярно, но время от времени, когда мы бываем в тропиках, мы встречаем одного или двух из них, так что...— Дальше Вейс перестал понимать.

Диомеданец с ножом что-то нетерпеливо сказал, и переводчик рявкнул ему в ответ. Затем он обратился к Эрику.

— Я Толк, мохра ланнахов...

— Что и кого? — удивился Эрик.

Даже двум людям трудно понять друг друга, когда они употребляют разные диалекты языка, который ни для одного из них не является родным. Эти трудности дополнительно увеличивала специфика человеческого произношения, сдвинутая вниз шкала слуха диомеданцев, а также отличающаяся кривая реакции в стрессовой ситуации. За целый час Вейс получил такое количество информации, что ее можно было вместить в несколько коротких фраз. Толк был специалистом по языкам из Великого Стада ланнахов. В его задание входило изучение всех языков, с какими сталкивалось его племя, а их было очень много. Наверняка его титул можно было перевести, как герольд, поскольку его обязанности заключались часто в официальном объявлении присутствующих и прибывающих. Стадо находилось в состоянии войны с дракхонами, а Толка поймали в недавней стычке. Второго из присутствующих диомеданцев звали Дельп, и был он старшим офицером дракхонов. Вейс, как мог, медлил с разговором о себе, не столько от желания сохранить тайну, сколько из-за сознания, каким трудным будет этот разговор. Однако он не забыл попросить Толка, чтобы

тот предупредил Дельпа, что пища, которую забрали с планетолета, съедобная для землян, была смертельной для диомеданцев.

— А почему я должен ему это говорить? — спросил Толк с не очень приятной улыбкой.

— Если ты этого не сделаешь,— кивнул Вейс,— то, думаю, тебе не поздоровится, когда он узнает, что я просил тебя поставить его в известность об этом.

— Верно,— вынужден был согласиться ланнах. Сказав несколько слов офицеру, он подождал ответа.

— Дельп говорит, что с вами ничего не случится, если вы сами чего-то не спровоцируете,— объяснил Толк.— Он говорит, что вы должны выучить его язык, чтобы он мог сам с вами разговаривать.

— Чего они хотят от нас? — прервал разговор ван Рийн.

Вейс объяснил. Торговец взорвался:

— Что? Что он такое плетет? Мы должны тут сидеть до тех пор, пока... А, чтоб тебя молния ударила! Скажи этой сдохшей жабе...— Он поднялся с пола. Дверь каюты тут же раскрылась и внутрь ввалились два стражника. Один из них держал в руке топорик, в руке другого был деревянный трезубец с отточенными кремневыми остриями. Ван Рийн схватился за бластер. Заскрипел голос Дельпа.

— Он требует,— начал переводить Толк,— чтобы вы сохраняли спокойствие.

После длительной беседы, с большим усилием отгадывая каждое слово, Эрик, наконец, кое-что понял.

— Дельп не хочет сделать нам ничего плохого, но он должен заботиться о своих людях. Вы являетесь для него чем-то новым. Может быть, вы сможете ему помочь, а может — навредить, поэтому он не хочет пока вас освобождать. Он должен иметь время, чтобы принять решение. Вы должны снять свою одежду и другие предметы и оставить у него. Вы получите другие одеяния, поскольку, как видно, у вас нет шерсти.

Когда Эрик перевел все это своему хозяину, ван Рийн отреагировал на это с необычайным спокойствием.

— Пожалуй, у нас в этот момент нет выбора. Да, мы можем многих убить и даже занять всю лодку. Но ведь мы не можем сами доплыть до базы. Даже если бы с нами ничего не случилось по дороге, мы просто умерли бы от нехватки пищи. Если бы я был помоложе, то добрый святой Георгий мне свидетель, я сражался бы честно, согласно правилам. Я одной рукой разодрал бы его пополам, а второй играл бы на его ребрах, как на цымбалах. Я бы весь его народ заставил помогать мне. Но сейчас я уже слишком стар, толст и измучен. Тяжело быть старым, мой мальчик...

Он нахмурил покатый лоб и с хитрым выражением на лице кивнул:

— Но там, где есть две враждебные стороны, которые можно выставить друг против друга, именно там честный торговец имеет шанс кое-что заработать!

— Прежде всего,— сказал Вейс,— ты должен понять, что ваш мир шарообразный.

— Наши философы уже давно знают об этом,— ответил Дельп, довольный собой.— Даже такие варвары, как ланнахи, имеют об этом понятие. Во время перелетов они каждый раз преодолевают тысячи обдиенан. Мы так далеко не перемещаемся, но, прежде чем мы отправились в далекое плавание, мы должны были овладеть астрономией.

Вейс сомневался, могут ли дракхоны точно ориентироваться в пространстве. С изумлением осматривал он достижения их неолитической цивилизации в области обработки камня, стекла и керамики. Они даже производили некоторые синтетические смолы, изобрели телескоп, вид астролябии, а также навигационные таблицы, основанные на движении солнца, звезд и двух маленьких лун этой планеты. Однако изобретение компаса и хронометра не состоялось, так как для этих приборов требовалось железо, а его на планете не было. Вейс машинально подумал о том, что с дракхонами было бы выгодно торговать. Жители Тирлана буквально бросались на простые инструменты и оружие из металла, платя баснословные суммы в мехах, драгоценных камнях и фармакологически полезных соках растений — именно тем, что вызвало интерес к Диомеду со стороны Политехнической Лиги. Дракхоны нуждались в более сложных механизмах — от часов и логарифмических линеек до двигателей высокого давления — и были в состоянии платить соответственно более высокие цены.

Вейс вдруг осознал, где находится: на лодке «Герунис», представляющей собой ставку Главного Командования Флота дракхонов, а это милое существо, которое сидит на палубе и болтает с ним — это же стражник его тюрьмы! Сколько времени прошло после катастрофы — пятнадцать диомеданских дней? Согласно земному отсчету времени — более недели! Земляне уже съели значительную часть захваченной с собой пищи... Все это время Эрик старательно учил язык дракхонов с помощью своего товарища по заключению, ланнаха Толка. К счастью, Лига уже давно разработала систему усвоения как можно большей суммы знаний за короткое время. Тренированный мозг с первого раза запоминал любую информацию. Толк тоже применял подобную систему. Может быть, он никогда в жизни не видел металла, но в вопросах языкознания был специалистом.

— Ну так вот,— сказал Вейс все еще не слишком уверенно из-за пробелов в своем убогом словарном запасе, которого, однако, ему в принципе хватало,— знаешь ли ты, что этот шар, этот мир вращается вокруг солнца?

— Многие наши философы верят в это,— сказал Дельп,— но сам я практик и мне всегда было безразлично, как там есть на самом деле.

— Движение вашей планеты необычно. Собственно, со многих точек зрения, это игра природы. Ваше солнце более

холодное и красное, чем наше. Поэтому на вашей планете холоднее, чем у нас. Ваше солнце обладает массой немногим меньшей, чем масса нашего солнца, и находится от планеты примерно на таком же расстоянии. Поэтому год на Диомеде — так мы называем вашу планету — ненамного длиннее земного, кажется, он составляет семьсот восемьдесят два диомеданских дня, верно? Диаметр вашей планеты в два раза больше, чем Земли, но здесь отсутствуют тяжелые металлы, находящиеся в изобилии на других планетах. Поэтому гравитация... О, дьявол! Снова неизвестный термин... Поэтому мой вес здесь только на одну десятую больше, чем на Земле.

— Ничего не понимаю,— сказал Дельп.

— А, неважно,— хмуро ответил Эрик Вейс.

Диомед не давал покоя планетографам. Его нельзя было отнести ни к одному из основных типов планет: он не был относительно маленьким шариком твердой материи, как Земля или Марс, он не был также газовым гигантом со сколлапсированным ядром, как Юпитер или 61С Лебедя. Он был средним телом, масса которого составляла 4.75 массы Земли, но абсолютная плотность была гораздо ниже. Это было вызвано почти полным отсутствием всех элементов, более тяжелых, чем кальций.

В планетной системе, к которой принадлежал Диомед, была еще одна похожая на него планета, остальные были более или менее нормальными газовыми гигантами, вращающимися вокруг центрального светила, карлика типа Г8, принципиально не отличающегося от других звезд такой величины и температуры. Доказывали, что какое-то неправдоподобное космическое отклонение или же особенное магнитное поле, словно случайно созданный масс-спектрограф космического масштаба, привели к тому, что в этой части первичной газовой тучи не оказалось никаких тяжелых элементов. Почему же внутри Диомеда не произошел молекулярный коллапс? Сам напор массы должен был вызвать дегенерацию материи. Наиболее вероятный ответ на этот вопрос предполагал, что минералы, образующие массу планеты, были не типичными, поскольку возникли при отсутствии таких элементов, как хром, марганец, железо и никель. Их кристаллическая структура явно была более стабильной, чем, к примеру, структура оливина, самого важного из земных веществ, созданных при конденсации в результате давления...

— Оставим в покое эту тяжесть,— сказал Дельп.— Так что же необычного в движении Иктанис? — Так звучало местное название планеты, которое соответствовало земному понятию «Океания».

Вейсу нужно было время для размышления — технические детали еще выходили за пределы его небольшого словарного запаса. Дело было в том, что наклон оси Диомеда составлял почти девяносто градусов, так что оба полюса планеты находились в плоскости эклиптики. Этот факт в сочетании со светом холодного солнца, бедным ультрафиолетовым излучением, имел решающее влияние на формы жизни.

На полюсах почти полгода царила ночь, и ее влияние на процессы эволюции не мог ослабить день, продолжавшийся остальные полгода. В полярной зоне обитали некоторые виды животных, впадавшие в спячку на всю долгую ночь, но они не представляли интереса для людей. Даже на широте в 45 градусов длинная ночь продолжалась три месяца, а зима была более суровой, чем где-либо на Земле. Диомеданцы, наделенные разумом, обитали на территории, ограниченной 45 градусами северной и южной широт. Ближе к полюсам находиться они не могли. Ежегодные перелеты в более теплые районы и обратно отнимали слишком много времени и энергии, и обитатели планеты находились в состоянии постоянной борьбы за существование на уровне палеолита.

Здесь, на тридцатом градусе северной широты, Абсолютная Зима продолжалась одну шестую часть года и немного больше двух земных месяцев, а полет к экватору, где размножались туземцы, занимал несколько недель. По этой причине ланнахи были в значительной степени более цивилизованными. Дракхоны же прибывали сюда из местностей, расположенных еще южнее.

Но без металлов достичь можно было немногого. Конечно, магния, бериллия и алюминия на планете было достаточно, но что пользы в них без развитой технологии электролиза, для которой нужны были медь и серебро?

Дельп склонил голову.

— Ты говоришь, что на твоей земле день всегда равен ночи?

— Ну, не всегда. Но с вашей точки зрения, это почти так.

— Значит, поэтому у вас нет крыльев. Путеводная Звезда не дала вам их, потому что они вам не нужны.

— Может быть и так,— вынужден был согласиться Вейс. Впрочем, они нам и не пригодились бы. Земной воздух слишком разрежен, чтобы существо твоих или моих размеров могло летать при помощи собственных сил.

— Как это понять — разрежен? Воздух — это... воздух!

— Это неважно. Ты должен поверить мне на слово.

Как можно пояснить понятие гравитационного потенциала представителю цивилизации, в которой математика находится на эвклидовом уровне? Можно было бы сказать так: «Слушай, если ты поднимешься на шесть тысяч триста километров над Землей, ее притяжение упадет до одной четвертой первоначального. Но чтобы уменьшить притяжение Диомеда до такой же величины, нужно подняться уже на тринадцать тысяч километров. Отсюда также следует, что Диомед может удержать вокруг себя значительно больше воздуха. К этому еще прибавляется более слабое излучение солнца, а также относительно меньшее ультрафиолетовое излучение. Но все же основное значение имеет гравитационная постоянная.

Здесь такой плотный воздух, что если бы пропорции содержания в нем кислорода и азота были такими же, как на Земле, то это вызвало бы у меня отравление. К счастью, диомедан-

ская атмосфера содержит семьдесят процентов неона. Кислород и азот находятся в меньшинстве — их молекулярное давление немногим больше, чем на Земле. Похоже обстоит дело и с водяными парами и двуокисью углерода».

Но Эрик Вейс не стал пускаться в пространные объяснения.

— Поговорим о землянах,— сказал он только.— Понимаешь ли ты, что звезды — это тоже солнца, такие же, как и твое, но неизмеримо более далекие? А также то, что Земля вращается вокруг именно такой звезды?

— Да, это я могу понять. Я слышал похожие рассуждения философов и могу поверить твоим словам.

— Понимаешь ли ты, какие мы могущественные, если можем преодолевать межзвездные пространства? Понимаешь ли ты, как мы можем вознаградить тебя и твоих друзей за помощь при доставке нас на базу и как наши друзья смогут вас покарать, если вы заточите нас здесь?

На короткое мгновение Дельп распростер крылья, шерсть на его хребте встала дыбом, а глаза пожелтели от гнева — ведь он был сыном гордого народа!

Потом он снова сгорбился. Несмотря на барьер, разделяющий обе расы, Эрик понял его душевный разлад.

— Ты сам сказал, землянин, что вы летели над океаном с запада и на протяжении тысяч обдиенан не было видно ни одного островка! Это подтверждают наши наблюдения. Нет никакой возможности помочь вам. Мы не можем летать так далеко и при этом нести вас. Мы не можем даже принести весть о вас вашим друзьям, так как по дороге нам негде остановиться на отдых!

— Понимаю...— Вейс медленно кивнул головой, размышляя.— И нам не удастся доплыть до базы даже на самой быстрой лодке, так как раньше кончится наша пища...

— К сожалению, это так. Даже если бы ветер всю вашу дорогу был попутным, лодка значительно медленнее, чем крылья. Преодоление такого расстояния заняло бы у вас минимум полгода, если не больше.

— Но должен же быть какой-то способ!

— Может быть... Но помни, что мы ведем тяжелую войну. Мы не можем посвятить вам ни слишком больших усилий, ни дать слишком много воинов. Я думаю, что Адмирал не станет помогать вам.

На юге находился Ланнах, остров, размерами своими приближающийся к земной Британии. Начиная от Ланнаха, архипелаг Хольменах изгибался на расстояние в несколько сотен километров на север, к районам, еще скованным зимой. Острова представляли собой естественную границу, окружая море Ахан и предохраняя его от мощных холодных течений океана.

Здесь стоял Флот драккхонов.

Николас ван Рийн стоял на главной палубе «Герунис»,

всматриваясь в видневшуюся на востоке главную группировку Флота.

Куртка и брюки, неумело сшитые из твердого полотна парусным мастером, раздражали кожу, привыкшую к более дорогим тканям. Ему уже надоело меню из мясных и фруктовых консервов — но если бы и этого не стало, он попросту бы голодал. У него вызывало ярость сознание того, что он сидит тут, как узник, с желанием которого никто не хочет считаться. Такой же неприятной была мысль о том, сколько денег теряет его фирма из-за отсутствия его личного присмотра.

— Йа! — загудел он.— Если бы они действительно хотели посвятить себя проблеме, как доставить нас на базу, они, без сомнения, нашли бы решение!

Сандра бросила на него усталый взгляд.

— А ланнахи, очевидно, будут сидеть все это время тихо, пока дракхоны бросят все силы на то, чтобы доставить нас домой, не так ли? — иронически скривила она губы.— Победа в этой войне пока еще не пришла ни на ту, ни на эту сторону. Дракхоны еще могут ее запросто проиграть.

— Черт возьми! — потряс Ван Рийн в воздухе своим кулаком.— Эти дураки ссорятся из-за жалкого клочка земли, а тем временем Галактическая компания Специй и Спиртных напитков теряет миллионы кредитов в день!

— Но тем не менее, эта война — дело жизни или смерти каждой из сторон,— опять уколола толстяка девушка.

— И для нас тоже! — взревел он.— Разве не так? — Он порылся в карманах в поисках трубки, потом вспомнил, что она лежит сейчас на дне океана, и застонал.— Ну, пусть я только узнаю, кто подбросил мне эту бомбу в планетолет...— Ему не пришло в голову посочувствовать девушке, что она вместе с ним попала в затруднительное положение. А может быть, все эти хлопоты именно из-за нее?..— Разумеется, мы здесь должны уладить несколько дел,— произнес он уже спокойнее.— Нужно закончить за них эту войну, чтобы они могли заняться более важными делами, среди которых первое место занимает вопрос, как доставить нас домой!

Сандра нахмурила брови.

— Это значит что — помочь дракхонам? Я в этом как-то не заинтересована. Это они захватчики. Хотя, если принять во внимание, что их жены и дети голодают...— Она вздохнула.— Это трудно распутать. Хорошо, пусть будет так...

— О, нет! — Ван Рийн погладил бороду.— Мы будем помогать не дракхонам, а совсем наоборот — ланнахам!

— Что?! — девушка отпустила фальшборт и с изумлением уставилась на ван Рийна.— Но...

— Видишь ли,— начал объяснять ван Рийн,— я кое-что понимаю в политике. Знание политики необходимо честному торговцу, который ищет случая немного заработать, иначе какой-нибудь двинутый политикан сразу же придерется и обложит дело податью на какую-нибудь школу или дом престарелых. Политика на этой планете немногим отличается от того, что мы видим у себя дома. Вся сила этого флота опирается

на группу влиятельных аристократов, и тот, кто находится на троне, все еще имеет достаточно сил воздействовать на события в этой части мира. Однако, нельзя забывать, что он стар, да, да, адмирал стар: а у его сына, наследника трона, есть что сказать, причем даже больше, чем нужно. Я прислушиваюсь к сплетням — туземцы забывают, что мы слышим значительно лучше, чем они, в этой атмосфере, похожей на гороховый суп. И я знаю, что этот Теонакс твердый орешек.

— Итак, допустим, мы поможем дракхонам победить Стадо,— продолжал он через мгновение,— и что же? Они и так выигрывают войну. Стадо сейчас ведет борьбу только небольшими отрядами в диких районах Ланнаха. Они еще сильны, но у дракхонского флота есть преимущество, и чтобы победить, дракхонам достаточно будет какое-то время поддерживать существующее положение вещей. В конце концов, что мы, которым бог не дал крыльев, можем предпринять против партизанской борьбы ланнахов? Ну, скажем, я покажу Теонаксу, как пользоваться бластером, так я еще должен буду найти ему цель, против который он сможет его применить!

— Да...— Сандра кивнула.— Насколько я тебя поняла, дело обстоит следующим образом. Потом, когда нас доставят домой, нам будет нечего предложить дракхонам, кроме торгового договора, так?

— Вот именно. А зачем они должны спешить встретиться с Лигой? Они справедливо осторожны при встрече с неизвестным, таким как, например, пришельцы с Земли. Они должны закрепиться после нового завоевания, прежде чем начнут принимать визиты могущественных гостей, так ведь? Как я и говорил, я слышал сплетни и знаю, как складываются их планы относительно нас. Может быть, Теонакс даст нам умереть с голоду или еще раньше перережет горло. Может быть, он выбросит наши вещи за борт и позже скажет кому-то из спасателей, что и в глаза нас не видел. А может быть, он скажет представителю Лиги, что да, мол, мы вытащили из воды каких-то людей, мы, дескать, хотели для них только добра, но нам не удалось доставить их вовремя домой.

— Ну, а были бы они в состоянии это сделать? А ты, дорогой ван Рийн, что бы ты сделал на месте диомеданцев, чтобы доставить нас домой?

— Фи, это уже технические детали. А я не из умников, которые должны их разрешать! Я просто понимаю их. Это не мое дело — делать невозможные вещи, а вот проследить, чтобы это сделали другие — да. Только как я это могу организовать, если являюсь пленником короля, который не стремится ко встрече с людьми, а?

— А ланнахи нуждаются в помощи и отдадут тебе в руки свою судьбу, так? — Сандра почти весело засмеялась.— Прекрасно, мой дорогой! Один только вопрос — как мы доберемся до этих ланнахов?

Она обвела вокруг себя рукой. Вид был не очень-то ободряющим.

«Герунис» был типичным плотом дракхонов: большой, построенный из легких, но твердых пород дерева, связанный пеньковыми веревками. Плоты этой конструкции имели достаточно эластичности, чтобы противостоять морским волнам. Стены, построенные из вертикально поставленных балок, прикрепленных к поперечным колодкам, создавали обширный трюм, а также поддерживали главную палубу, состоящую из тщательно подобранных досок. На двух противоположных концах плота поднимались корма и бак; на их плоских крышах находилась артиллерия плота; на корме помещался также большой румпель. Между баком и кормой находились помещения трюма, кают и мастерских. Плот был примерно шестидесяти метров в длину и пятнадцати в ширину. Он сужался к носу, что придавало ему более обтекаемый вид. На фок-мачте и грот-мачте были растянуты три больших квадратных паруса, а перед самой кормой была размещена латинская бизань. При попутном ветре, принимая во внимание его силу на этой планете, этот на первый взгляд неуклюжий корабль мог достигать скорости в несколько узлов, а во время штиля его можно было приводить в движение при помощи весел.

На плоту находилась сотня диомеданцев, а также их жены и дети. В их числе было десять супружеских пар аристократов, которые имели право на личные каюты, находящиеся на корме. Остальные двадцать супружеских пар обитали в одной общей каюте на главной палубе. Это были семьи офицеров и унтер-офицеров. Простые неженатые матросы обитали в казарме на форкастеле.

Неподалеку плыли остальные плоты эскадры. Это были плоты разных типов — некоторые жилые, как «Герунис», другие — трехпалубные, предназначенные для перевозки грузов. Третьи несли на себе длинные постройки, в которых перерабатывали рыбу и водоросли. Иногда несколько плотов соединяли вместе, чтобы создать временный остров. Лодки с противовесами были либо пришвартованы к плотам, либо патрулировали море вокруг эскадры. Сверху доносился шум крыльев воздушных разведчиков, высматривающих врага. Это были профессиональные солдаты, составляющие ядро боевой силы дракхонов.

Налево и направо от этой эскадры, насколько можно было охватить взглядом, море было черно от кораблей Флота. Большинство из них сейчас занималось ловлей рыбы. Это был физически тяжелый труд, заключающийся в выбирании на борт вручную длинных сетей. Впрочем, вся жизнь дракхонов опиралась на тяжелый труд. Однако, водные поля давали все же недостаточный урожай.

— Они вынуждены вкалывать, как черти,— заметил ван Рийн. Он хлопнул ладонью по фальшборту.— Эта древесина очень твердая, даже если брать еще молодое дерево, а они обрабатывают его орудиями из стекла и камня! Иногда я даже начинаю подумывать, а не использовать ли мне нескольких дракхонов для определенных видов работы, но как только я

подумаю, что кто-то может вложить в их головы глупости о правах работников...

Сандра со злостью топнула ногой. Она не жаловалась на опасность смерти, холод и неудобства. Она презирала монотонность уроков языка, которые проводил Толк при посредничестве Эрика, но ведь всему есть предел!

— Или ты будешь говорить по делу, или я уйду! Я спрашивала тебя, толстяк, как мы сможем отсюда выбраться?

— Но я же тебе уже говорил об этом. Нас спасут ланнахи! — засмеялся ван Рийн.— Или, если быть точным, они выкрадут нас. Да, так будет лучше.

Сандра остолбенела.

— Не понимаю, откуда они узнают, что мы находимся здесь?

— А Толк, по-твоему, на что?

— Но ведь Толка охраняют даже больше, чем нас!

— Это так. Однако...— ван Рийн потер руки.— Я составил с ним малюсенький планчик. У этого парня есть голова на плечах, я бы даже сказал, что она такая же неглупая, как и моя.

Глаза девушки блеснули.

— Может быть, ты соизволишь рассказать мне, как тебе удалось сговориться с Толком на виду у врага, коль скоро ты не знаешь даже языка дракхонов?

— О, я вполне прилично говорю на этом языке,— сладенько произнес ван Рийн.— Разве ты не слышала, как я упоминал о подслушивании сплетен на корабле? Ты думаешь, что если я создаю себе такие трудности и часами просиживаю с Толком на уроках языка, то это только потому, что я старый дурень, которого трудно чему-либо научить? Это только видимость! Большую часть времени мы проводим, изучая его язык — язык ланнахов. Его здесь никто не знает. Так что если кто и слышит какие-то странные слова, то думает, что это Толк говорит на моем языке. Они наверняка думают, что этот полиглот решил взяться и за земной язык. Ха! Вообрази себе, я вчера рассказал Толку один пикантный анекдот и, пожалуй, успешно, так как он был очень шокирован. Это еще раз доказывает, что у доброго старого ван Рийна не жир между ушами! Об остальной его анатомии не будем говорить.

Сандра некоторое время стояла в молчании, пытаясь представить себе, как это возможно учить два внеземных языка одновременно, причем один из них — тайком.

— Я не знаю, что ему в этой шутке не понравилось,— продолжал ван Рийн.— Это был очень хороший анекдот. Слушай, значит, один торговец добрался до планеты, колонизированной людьми и...

— Я догадываюсь, что его смутило,— поспешно прервала его Сандра,— почему Толк не посчитал эту шутку смешной Эрик позавчера объяснял мне, что у ланнахов не бывает постоянного полового влечения. Их период размножения на-

ступает раз в год, в тропической зоне. По их мнению,— она покраснела,— наш постоянный интерес к этим делам не является нормальным, а о приличиях и говорить нечего.

Ван Рийн кивнул.

— Это я тоже знаю. Но ведь Толк видел жизнь на флоте, а здесь есть супружеские пары и дети рождаются круглый год, как у людей.

— Я заметила это,— медленно проговорила Сандра,— но почему так, никак не могу понять. Эрик Вейс говорил, что для диомеданцев генетически обусловлена цикличность в размножении. Но как дракхонам удается жить вопреки своим собственным железам, вот этого я никак не могу понять!

— Тем не менее, они живут иначе, чем ланнахи,— ван Рийн пожал мощными плечами.— Что можно сказать... Пусть какой-нибудь ученый напишет работу на эту тему, мы ему в этом поможем, а?

Неожиданно Сандра схватила его за плечо так сильно, что он даже заморгал от удивления. Ее глаза пылали зеленым светом.

— Но ты не сказал мне, что... что ты придумал? Как Толк скажет о нас ланнахам? Что мы должны сейчас делать?

— Не имею понятия,— весело ответил ван Рийн.— Я могу только импровизировать.

Он бросил взгляд на светло-красное небо. В нескольких километрах от них, обшитый деревом, словно истинный замок на воде, плыл флагманский корабль дракхонов. С корабля поднялась туча крыльев, направляясь к «Герунис». Где-то вдали был слышен слабый голос рога, сделанного из раковин.

— И все же я думаю, что мы должны поспешить с решением,— закончил свою мысль ван Рийн,— потому что его ревматическое королевское величество прибыло сюда собственной персоной, чтобы решить, что с нами делать.

Отряд дворцовой гвардии адмирала, состоящий из сотни профессиональных военных, с завораживающей взгляд точностью опустился на палубу и взял оружие «на караул». Полированный камень и пропитанная жиром шкура отражали мутный свет, словно волны моря; на палубе бушевала буря, вызванная хлопающими крыльями. Затрепетал пурпурный флаг, и члены экипажа «Герунис», толпящиеся среди снастей и на крыше форкастеля в позах, полных почтения, издали хриплый ритуальный крик.

Дельп хир Орикан приблизился со стороны кормы и склонился перед своим владыкой в поклоне. Его супруга, прекрасная Родонис са Аксоллон, а также двое их детей ступали за ним, склонившись к палубе и прикрывая крыльями глаза. Все четверо были перепоясаны пурпурными шарфами, а на плечах несли перевязи, вышитые драгоценными камнями, что составляло официальную придворную одежду. Трое людей стояли рядом с Дельпом. Ван Рийн не согласился ни на какие поклоны и приседания.

— Ни один член Политехнической Лиги не будет ползать

на коленях и локтях! У меня, во всяком случае, для этого неподходящая комплекция!

Толк из Ланнаха гордо сидел рядом с ван Рийном. Его крылья были связаны веревками, а на шею был одет ошейник, поводок которого находился в руках у одного из членов экипажа «Герунис». Толк, словно змея, впился мрачными глазами в адмирала.

Молодые воины, составлявшие несколько беспорядочную почетную гвардию Дельпа, своего капитана, вели себя сдержанно, и причиной этой холодности был не Сиранакс, а его сын, наследник трона. Старый адмирал опирался на его плечо. Стража, не выпускавшая из рук копья, трезубцы, топорики и духовые ружья с деревянными штыками, стояла с видом, выражающим полное почтение.

Вейс подумал, что крупный нос ван Рийна издалека чует любые признаки разногласий. Сам он только сейчас почувствовал напряжение, на которое явно рассчитывал его шеф.

Сиранакс откашлялся, замигал глазами и обратился к землянам:

— Кто из вас капитан? — спросил он. Его голос был все еще красивым, но потерял звучность и прерывался хрипами.

Эрик выступил вперед. Он сказал вслух то, что поспешно подсказал ему ван Рийн, не вдаваясь в объяснения.

— Вот этот мужчина, господин, наш командир. Он еще плохо знает ваш язык. У меня тоже есть трудности с языком, поэтому я прошу вас, чтобы вы разрешили этому узнику из страны ланнахов переводить некоторые наши слова.

Теонакс нахмурил брови и спросил:

— Откуда он будет знать, что вы хотите нам сказать?

— Он учит нас вашему языку,— ответил Вейс.— Ты же знаешь, господин, он знает много языков. Его врожденный дар и большой опыт разговоров с нами помогут, если у нас возникнут трудности.

— Это звучит разумно,— Сиранакс утвердительно кивнул седой головой.— Хорошо.

— Ну же! — Теонакс окинул Дельпа напряженным взглядом. Дельп ответил ему тем же.

— Черт побери, теперь я говорить,— ван Рийн выдвинулся вперед.— Мой добрый друг... э-э-э... гм-м... что это за слово? Мой адмирал, мы... того... мы болтать, как хорошие братья — хорошие братья, а хорошо болтать, Толк?

Эрик удивленно заморгал. Несмотря на то, что Сандра шепотом старалась втолковать ему что-то, когда их вели сюда на встречу с адмиралом, ему было трудно поверить, что ван Рийн сознательно и умышленно пользуется этим ломаным, со смешанными ударениями, языком. И зачем?

Сиранакс нетерпеливо зашевелился и предложил:

— Может быть, мы лучше будем разговаривать при посредничестве этого ланнаха?

— К черту! — завопил ван Рийн.— Его? Нет, нет, моя будет говорить сам! Ясно, просто, как ты, как там тебя звать! Мы говорить братья, да?

Сиранакс вздохнул, однако ему и в голову не пришло возразить ван Рийну. Аристократ, хоть и с другой планеты, тем не менее был аристократом в глазах представителя кастового общества и, как таковой, имел право говорить от своего имени.

— Я прибыл бы сюда раньше,— сказал адмирал,— но я так или иначе не смог бы с вами разговаривать, а, кроме того, были и другие дела. Отчаявшиеся ланнахи становятся более грозными в нападениях из засад. Нет ни дня без хотя бы небольшой стычки.

— Гм-м-м? — Ван Рийн начал вслух склонять на языке дракхонов слово «стычка» по степеням интенсивности.— Ксамагапан... сейчас... сейчас... ксамаган, ксамаган... а, вот так! Маленькая битва! Я не видеть никакая битва, старый адмирал, то есть почтенный адмирал.

Теонакс ощетинился:

— Следи за тем, что говоришь, землянин! — рявкнул он. Он уже побывал на корабле Дельпа, чтобы присмотреться к узникам, и их реквизированная собственность находилась у него. Люди уже не будили в нем страха, возможно, потому, что по мнению Эрика, Теонакс просто не мог допустить мысли о чьем-то превосходстве над собой.

— И ты тоже будь выдержаннее, сын,— буркнул Сиранакс.— Сюда ланнахи не долетают,— ответил он уже ван Рийну.— Но на суше наши позиции постоянно атакуются ими.

— Понимать вам,— поддакнул ван Рийн.

Сиранакс широко разлегся на палубе. Теонакс остался стоять, не позволяя себе расслабиться в присутствии Дельпа.

— Конечно, мне говорили о вас,— продолжал адмирал.— Интересно, очень интересно. Кажется, вы прилетели со звезд?

— Звезды, да! — Голова ван Рийна закивала в притворном возбуждении.— Мы со звезд. Далеко, далеко.

— Правда ли то, что существа, похожие на вас, основали базу на другой стороне океана?

Ван Рийн вступил в дискуссию с Толком. Переводчик повторил вопрос более простыми словами. Через несколько минут объяснений лицо ван Рийна прояснилось.

— Да, да, мы из-за океана. Далеко, далеко.

— А твои друзья не будут тебя искать?

— Они искать, йа, они искать множество дней. Майн Готт! Искать везде! Вы к нам относиться хорошо, потому что если они узнать, то...— ван Рийн прервал тираду с замешательством на лице и вступил в дальнейший разговор с Толком.

— Землянин, пожалуй, хочет извиниться за отсутствие такта,— сухо объяснил герольд.

— Эта бестактность от искренности,— заметил Сиранакс.—

Действительно, если его друзья найдут его еще живым, то многое будет зависеть от того, как мы к нему относились. Дело в том, найдут ли они его достаточно быстро? Как ты считаешь, землянин? — Этот последний вопрос он метнул, словно копье.

Ван Рийн отпрянул назад, поднимая руки, словно желая заслониться от удара.

— Помощи! — застонал он.— Вы нам помочь, старый адмирал, забрать нас домой... уважаемый адмирал... Мы добраться домой и заплатить вам много-много рыба!

— Правда выходит наружу,— шепнул Теонакс на ухо отцу.— Так, впрочем, я и подозревал: у него мало шансов, что его приятели найдут его, прежде чем он умрет от голода. Если бы это было возможно, то он не умолял бы нас о помощи. Он требовал бы всего, чего душа желает!

— По крайней мере, я бы поступил именно так,— кивнул адмирал.— Наш гость не слишком опытен в таких делах, а? Хорошо, теперь мы знаем, что из этих землян можно легко выжать правду.

— Итак,— презрительно произнес Теонакс, не беря на себя труд приглушить голос,— необходимо извлечь из них максимум пользы, прежде чем они погибнут.

У Сандры вырвался крик ужаса. Эрик схватил ее за руку и открыл рот, чтобы что-то сказать, когда до него донесся шепот ван Рийна:

— Сейчас же заткнись! Ни слова, ты, безмозглый идиот! — Затем он снова украсил свое лицо боязливой улыбкой и принял положение напряженного внимания.

— Это нечестно! — взорвался Дельп.— Во имя Путеводной Звезды, господин! Это наши гости, а не враги — мы не можем их просто использовать, а потом предоставить самим себе!

— А ты — что бы ты сделал? — Теонакс пожал плечами.

Его отец заморгал, что-то бормоча себе под нос, словно взвешивая аргументы обеих сторон. Между Теонаксом и Дельпом проскочила искра электрического разряда, передавшаяся стоящему в шеренгах экипажу «Герунис» и дворцовой гвардии, вызвав чуть заметное напряжение, минимальное вздрагивание мышц и движение оружия.

Ван Рийн сделал вид, что внезапно понял, о чем идет речь. Он отпрянул назад театральным движением, заслонил глаза руками, чтобы, наконец, упасть на колени перед Дельпом.

— Нет, нет! — закричал он.— Ты нас забрать домой! Ты нам помочь, мы помочь тебе! Ты помнить, как говорить ты нам помочь, а мы помочь тебе!

— Что все это значит? — Слова со звериным рыком вырвались из груди наследника престола. Он бросился вперед:

— Ты с ним договорился за нашей спиной? Да?

— Что ты имеешь в виду? — Зубы первого офицера клацнули в нескольких сантиметрах от носа Теонакса. Шпоры на его крыльях поднялись, словно острия ножей.

— Какую помощь должны были оказать тебе пришельцы?

— А как ты думаешь? — Дельп бросил вызов и напрягся в ожидании ответа.

Теонакс не сразу поднял перчатку.

— Может быть, у тебя появилось намерение избавиться от некоторых соперников во Флоте? — сладенько замурлыкал он.

В тишине, которая воцарилась на плоту, Эрик Вейс слышал участившееся дыхание матросов и прибывших солдат. Он слышал скрип дерева, из которого был построен плот, плеск волн и приглушенный шум ветра. Эрик уже различал среди этих звуков лязг обсидиановых кинжалов, наполовину вытащенных из ножен.

Когда непопулярный князь найдет повод, чтобы заточить подданного, которому доверяет простой народ, всегда найдутся такие, кто будет готов к битве в защиту несправедливо обиженного. Так было и на Диомеде.

Сиранакс прервал полную напряжения тишину.

— Произошло какое-то недоразумение,— громко сказал он.— Никто никого не собирается обвинять на основании болтовни этого создания без крыльев. К чему этот переполох? В конце концов, чем он может нам помочь?

— Это еще будет видно,— ответил Теонакс.— Цивилизация, представители которой могут перелететь океан в течение одного равноночного дня, должна иметь какие-нибудь полезные вещи.

С удовлетворением инквизитора, чей узник дрогнул, он обратился к ван Рийну.

— Может быть, мы как-нибудь поможем вам добраться домой,— бросил он.— Мы еще не знаем, как это сделать. Может быть, ваши вещи помогли бы доставить вас домой? Покажите нам, для чего они служат и как ими пользоваться.

— О, да! — закричал ван Рийн. Он хлопнул в ладоши и закивал головой.— О, да! Я показать тебе все, добрый господин!

Теонакс бросил короткий приказ. Один из солдат приблизился, неся большой сундук.

— Я позаботился об их вещах,— улыбнулся наследник престола.— Я не пытался трогать их, за исключением, правда, этой пары ножей из какого-то блестящего материала.— На мгновение его глаза заблестели искренним энтузиазмом.— Отец, ты никогда не видел таких ножей! Они не рубят и не рвут, а разрезают! Они могут рассечь хорошо высушенное дерево!

Он открыл сундук. Приближенные, забыв о своем ранге, оживленно сгрудились вокруг, словно дети у новой игрушки. Теонакс жестом отослал их в сторону.

— Дайте этому недотепе место для показа! — потребовал он.— Лучники! Стреляйте в него при первой же опасности!

Ван Рийн взял в руки бластер.

— Вы хотите прорываться? — прошипел Эрик.— Но это же невозможно! — Он постарался заслонить Сандру от оружия,

нацеленного на них со всех сторон.— Они продырявят нас стрелами прежде, чем...

— Знаю, знаю, малыш,— зарычал ван Рийн. Когда же эти молодые зазнайки поймут, что у шефа, даже если он уже стар и одинок, не одна труха в голове? — Отодвинься назад, мальчик, а когда все начнется, падай на палубу и как можно быстрее выкапывай в ней себе могилу!

— Что ты...

Ван Рийн повернулся к нему широкой спиной и на ломаном туземном языке начал объяснять с подобострастным запалом:

— Это быть... Как это называется?.. Вещь. Она делать огонь. Выжигать дыры...

— Выжигать дыры? — Теонакс удивленно вскрикнул.— Ты хочешь сказать, землянин, что это переносной огнемет? Такой маленький? — На мгновение в тоне его голоса послышалась тревога.

— Я говорил тебе,— вступил в разговор Дельп,— что мы больше выиграем, если будем хорошо относиться к ним. Клянусь Путеводной Звездой, я думаю, что мы могли бы даже доставить их домой, если бы действительно этого хотели.

— Прежде, чем командовать здесь, Дельп, ты мог бы подождать, пока я умру! — твердо произнес Сиранакс. Если это была шутка, то она произвела потрясающее впечатление. У моряков, стоящих ближе всех и оттого слышавших ее, от ужаса перехватило дыхание. Дворцовая стража схватилась за оружие. Родонис са Аксоллон прикрыла детей крыльями и глухо заворчала. Жены моряков, столпившиеся в форкастеле, издали вопль полуосознанного испуга.

Но Дельпа не так легко было смутить.

— Тихо! — рявкнул он на подчиненных.— Смирно! Сохранять спокойствие! Во имя всех дьяволов с Дождевой Горы, неужели эти существа помутили вам разум?

— Ты смотреть...— трещал ван Рийн.— Брать бластер... Это так называется, бластер... Нажимать здесь...

Из бластера вылетел поток ионов и ударил в грот-мачту.. Ван Рийн немедленно перевел бластер вбок, но в мачте осталось отверстие глубиной в несколько сантиметров. Бело-голубое пламя лизнуло палубу, зажгло бухту каната и срезало часть фальшборта, прежде чем ван Рийн снял палец со спуска.

С ревом трепещущих крыльев дракхоны сорвались в полет.

Только через несколько минут они вернулись на палубу. Прочие же любопытные, прилетевшие с других плотов, все еще испуганно носились в воздухе. Тем не менее, это были по-своему технически развитые существа и их реакция была скорее результатом возбуждения, чем тревоги.

— Покажи это! — Теонакс схватился за бластер.

— Ждать! Сейчас, сейчас, добрый господин, ждать.— Ван Рийн открыл зарядную камеру и несколькими быстрыми движениями, заслоняя оружие от глаз наблюдателей, разрядил его.— Прежде всего поставим на предохранитель. Вот так!

Теонакс долго вертел оружие в руках.

— Что это такое? — шептал он.— Что это такое — бластер?

Вспотевший от страха, ожидая осуществления сатанинского плана, задуманного ван Рийном, Эрик Вейс подумал, что дракхоны переоценивают силу этого оружия, что, впрочем, было понятно. Такое оружие было ценным только в борьбе на земле или на воде — к тому же старый пройдоха разрядил все бластеры, так что необученный диомеданец не имел бы от них никакой пользы...

— Я поставил на предохранитель,— забулькал ван Рийн.— Поставить на предохранитель раз, два, три, четыре, пять... четыре? пять? шесть? — Он начал рыться в куче одежды, одеял, подогревателей, плиток и другого снаряжения.— Где быть еще три бластер?

— Какие три? — вытаращил глаза Теонакс.

— Мы иметь шесть, ван Рийн тщательно просчитал на пальцах.— Да, шесть. Я дать их всех этот добрый Дельп.

— Что?! — Дельп с проклятием бросился на ван Рийна.— Это ложь! Было только три и все они здесь!

— Помогите! — Торговец спрятался за Теонаксом. Дельп с размаха ударился в сына адмирала. Оба дракхона упали на палубу в путанице крыльев и хвостов.

— Это бунт! — завопил Теонакс.

Эрик толкнул Сандру на палубу, прикрывая ее собственным телом. Воздух над ними почернел от стрел и пулек из духовых ружей.

Ван Рийн неловко повернулся, чтобы заняться моряком, стерегущим Толка, но тот уже бросился на помощь Дельпу. Торговцу оставалось только убрать сеть, связывающую герольда.

— Теперь,— свободно произнес он на языке дракхонов,— приведи своих солдат, чтобы они забрали нас отсюда. Быстрее, пока никто не заметил!

Толк кивнул, распростер крылья и исчез в небе, где битва разгоралась уже вовсю.

Ван Рийн склонился над Эриком и Сандрой.

— Туда! — Его запыхавшийся голос едва пробился через шум битвы. Удар, нанесенный хвостом моряка, сражающегося с двумя стражниками, вызвал у торговца поток проклятий.

— Ад и дьяволы! — рявкнул он, помогая Сандре подняться и подталкивая ее перед собой к относительно безопасному убежищу в форкастеле.

— Жаль, что Дельп должен проиграть,— сказал он, когда они оказались внутри, среди перепуганных женщин и детей, наблюдавших за битвой.— У него нет никаких шансов. Это приличный парень, я мог бы даже поторговаться с ним...

— Во имя всех святых! — закашлялся Вейс.— Вы вызвали гражданскую войну только для того, чтобы послать гонца к ланнахам?

— А что, был лучший способ? — спросил ван Рийн.

Когда генерал Крахна пал в сражении с захватчиками, Верховный Совет Стада выбрал ему в преемники некоего Трольвена.

В Совете заседали старейшины, но их избранник был относительно молод. Для ланнахов было правилом выбирать в предводители молодых военных. Генералу нужна сила, чтобы каждый год вести Стадо во время трудного и опасного перелета — и он редко доживал до преклонного возраста. Если у него возникали какие-нибудь претензии, свойственные молодости, Верховный Совет мог сразу же приструнить своего ставленника. Совет состоял из предводителей кланов, которые были уже слишком стары, чтобы руководить родовыми эскадрами, но еще не настолько, чтобы бросить их на произвол судьбы, когда приходит зимняя пора перелетов.

Мать Трольвена принадлежала к клану Треккан, известному роду, владеющему большими поместьями в стране ланнахов. Сама она была довольно богата, ведя мудрую торговлю среди соплеменников. Ни для кого не было секретом, что отцом Трольвена был Торнак из клана Вендру. Это не имело особенного значения, но Трольвену просто было приятно осознавать, что он похож на этого мужественного воина.

И вот Трольвена, офицера клана Треккан, за личные заслуги, проявленные им во время бурь и битв, переговоров и перелетов, Совет избрал предводителем всех кланов. Уже не один десяток дней он руководил кланом в этой заранее проигранной войне — но, может быть, именно благодаря ему ланнахов оттесняли ко взгорьям медленнее, чем это могло бы быть без него.

Теперь он летел во главе основных сил Стада на битву со всем Флотом.

Уже миновало весеннее Равноночие, и дни удлинялись большими скачками — каждое утро солнце вставало все дальше и дальше на севере, а теплеющий воздух заставлял таять снега. От Равноночия до Последнего Восхода Солнца было только сто тридцать дней — а потом, в течение непрерывного дня Полного Лета — только дождь или туман могли скрыть неожиданную атаку.

«А если мы не победим дракхонов до осени,— мрачно думал Трольвен,— то уже не будет смысла сопротивляться дальше. Дни Стада будут сочтены».

Он размеренно ударял крыльями в сохраняющем силы ритме прирожденного путешественника. Под ним простиралась белая таинственная туча, сквозь которую иногда проглядывало море, сверкая, словно полированное стекло. Над головой он видел фиолетово-голубое покрывало из ночи и звезд. Обе луны находились на этой стороне планеты — быстрый Флихтан, который за полтора дня пробегал от горизонта до горизонта, и значительно более медленная Нуа, четверти которой сменялись быстрее, чем бежала она сама.

Трольвен втягивал в легкие темный холод воздуха, ощущая напряжение мышц и волн, пробегающих по шерсти, но не чувствуя той особой радости, которую дает полет. Он слишком сосредоточился на предстоящей битве.

Генерал не должен выказывать нерешительности. Троль-

вен был молод, и герольд Толк, пожалуй, осознавал это как никогда.

— Откуда известно, что эти существа все еще находятся на том плоту, с которого ты улетел? — спросил Трольвен. Он выговаривал слова ритмично, равномерно дыша в полете. Они отчетливо звучали на фоне шума ветра.

— Конечно, уверенности в этом не может быть, предводитель,— сказал Толк.— Однако этот толстяк предвидел такую возможность. Он сказал, что постарается ежедневно на восходе солнца быть на палубе, только как это ему удастся...

— Может быть,— беспокоился Трольвен,— дракхоны заточили его, подозревая, что это он помог тебе освободиться?

— В такой кутерьме этого наверняка никто не заметил,— прокричал Толк.

— А, может быть, он вообще не сможет нам помочь? — Трольвен вздрогнул. Совет решительно возражал против этой экспедиции: мол, рискованно и потребует слишком много жертв. Возбужденные главы кланов громко выражали свое неудовольствие. Ему удалось переубедить их с большим трудом.

И если окажется, что он пожертвовал жизнями многих своих воинов ради чего-то несбыточного, без особых на то причин... Трольвен был настроен так же патриотично, как и любой другой молодой ланнах, на чей народ жестоко напали, но он должен был позаботиться и о своем будущем. В прошлом случалось, что предводителей, покрывших себя позором, навсегда изгоняли из Стада, как обыкновенных воров или убийц.

Он продолжал лететь вперед.

Уже некоторое время он замечал холодный слабый свет. Находящиеся выше тучи начали покрываться красным отсветом, а наполовину скрытое море разгорелось световыми вспышками. Было важно добраться до Флота именно в этот момент, когда света уже достаточно для атаки, но не для того, чтобы враг мог заметить их раньше времени.

Один из молодых свистунов, чей возраст выдавало небольшое тело и непропорционально большие крылья, вынырнул из клубов тумана. Резкие звуки, вылетавшие из его рта, были слышны далеко и четко. Толк, обучавший разведчиков и руководивший ими, кивнул головой в знак того, что все понял.

— Мы хорошо все рассчитали, господин,— обратился он к генералу.— Плоты Флота находятся в нескольких буасках отсюда.

— Я понял...— Голос Трольвена дрожал от напряжения.— Сейчас...

Он прервал речь. Все больше молодых разведчиков подлетало снизу. Их свист сливался в симфонию полезной информации. Трольвен услышал короткий рапорт Толка, стиснул челюсть и махнул рукой знаменосцу. Затем, словно камень, ринулся вниз.

Когда Трольвен прорвался сквозь тучи, он увидел далеко внизу Флот, раскинувшийся на огромной акватории — от

островов, называемых Щенятами, к берегам суши на востоке. Палуба за палубой, колышущиеся в пурпурно-серой тишине мачты, словно зубы, оскаленные к небу, свет зари, отражающийся от водяного дворца адмирала и краснеющий на его флаге. Когда дракхоны услышали крики стражи и схватились за оружие, на плотах и лодках поднялась буря криков.

Трольвен сложил крылья и сжался в полете. За ним, в форме клина, состоящего из эскадр отдельных кланов, рассекли воздух три тысячи ланнахов. Даже пикируя вниз, Трольвен искал, где этот дважды проклятый иноземец, это чудовище с Земли... Там! Он увидел три уродливые фигурки, подпрыгивающие и размахивающие руками на надстройке плота.

Чтобы притормозить, пришлось расправить крылья.

— Туда! — крикнул он, указывая направление.

Знаменосец приостановил свой полет и развернул красный флажок предводителя. Эскадры перестроились в боевые порядки, разделились и поочередно ринулись к плоту.

Дракхоны перестраивались с поразительной быстротой и дисциплиной.

— Во имя всех дьяволов! — застонал Трольвен от удивления.— Если бы мы могли действовать одной эскадрой... Если бы это был обычный налет, а не битва...

— Одна эскадра не смогла бы вытащить пленников живыми, предводитель,— возразил Толк.— Только не из самой середины неприятельской группировки. Нужно было создать впечатление... что им дорого обойдется, если они бросятся за нами в погоню. О, извини, предводитель, что я это тебе говорю!

— Ничего,— попытался успокоиться Трольвен.— Они и так хорошо знают, зачем мы сюда прилетели. Посмотри, как они роятся у того плота!

Отряд ланнахов уже пробился через ослабленную линию обороны дракхонов и достиг поверхности воды. Одно подразделение атаковало плот — цель их нападения. Оно высадилось кругом вокруг людей и начало наступать от середины, чтобы занять все судно. Остальные находились в воздухе, чтобы отбивать контратаки противника.

На палубе разыгрывалось обычное неуклюжее сухопутное сражение. Обе стороны были одинаково вооружены — военная техника явно распространялась быстрее, чем другие технические новинки. Деревянные мечи с остриями, усаженными обломками кремня; копья с остриями, закаленными в огне, палки, кинжалы, топоры — все это ударяло в маленькие сплетенные из веток щиты и нагрудники из кожи. Хвосты ударяли, когти разрывали тела противников, крылья толкали и рассекали плоть шиповидными наростами на концах, зубы смыкались на глотках, кулаки старались найти самое уязвимое место. Когда кто-то напирал слишком сильно, его противник искал спасение во взлете. Никто не пытался сомкнуть ряды — каждый сражался за себя. Трольвен не слишком интересовался этой фазой битвы. Разместив на плоту превосходящие силы, он знал, что сможет в конце концов его занять. Однако, как

долго он сможет его удерживать, зависело от эскадры, находящейся в воздухе и отбивающейся от атакующих дракхонов.

Трольвен подумал, как сильно эта воздушная битва напоминает танец — сложный, красивый и в то же время такой страшный. Да, координация действий тысячи или более воинов в полете требовала высочайшего искусства.

Главной силой нападавших были лучники. Каждый из них держал в когтях ног лук длиной с самого лучника, натягивал его руками и пускал стрелу, из колчана на животе доставал зубами новую и накладывал ее на тетиву, прежде чем та успокаивалась от предыдущего выстрела. Такой отряд, обученный с детских лет, мог поставить заслон из стрел, преодолеть который никто не мог бы живым. Однако, когда в колчанах заканчивалась свистящая смерть, а это происходило довольно скоро, они должны были отступать к носильщикам за новыми стрелами. Это была самая опасная фаза боя, и вся остальная армия служила для того, чтобы обеспечить им в это время прикрытие.

Одни бросали боло, другие — тяжелые бумеранги с заостренными краями, третьи — утяжеленные сети, запутавшись в которых, враг падал в смертельном полете.

Духовые ружья были новым изобретением, высмотренным у других племен, обитающих в тропических районах. Здесь у дракхонов было некоторое преимущество — их духовые ружья имели рычажные самозарядные механизмы и были снабжены штыками из дерева, обожженного на огне. Нельзя было также отрицать, что боевые единицы Флота были с лучшей выучкой, чем у ланнахов.

С другой стороны, дракхоны все еще управляли боем с помощью посыльных, которые передавали командирам подразделений приказы, написанные Главнокомандующим. Значительно более подвижные отряды свистунов устно передавали распоряжения от одного командира к другому, связывая Стадо в один огромный, отлаженный в бою организм.

Битва переносилась то вверх, то вниз, когда тучи разорвались, показав высоко стоящее в небе солнце, окрасившее волны моря в красный цвет. Трольвен отдавал приказы: Хунлу — укрепить верхнее правое крыло, Торху — обозначить атаку на плот адмирала, Стигену — перейти в наступление на противоположном фланге...

«Но Флот есть Флот,— невесело думал Трольвен,— и этим все сказано». У него было больше вооружения и боеприпасов, чем могли взять с собой его воздушные войска, которые и так находились в меньшинстве... Если битва не закончится быстро...

Плот с землянами уже был полностью занят ланнахами, но лодки дракхонов уже окружали его, чтобы отбить. Одна из них брызнула огнем — страшным, непобедимым огнем масла — изобретением Флота. Катапульты метали сосуды с этим же маслом, которые взрывались пятнами огня при ударе.

Именно это оружие в свое время уничтожило лодки, находящиеся во владении Стада, и помогло дракконам захватить прибрежные ланнахские города. При виде этого Трольвен выругался с солдатской резкостью.

Но земляне уже находились вне плота — каждого из них несли три носильщика в специально сотканной сетке. И, поскольку носильщики менялись часто, то представлялась реальная возможность донести этот живой груз до горной твердыни Стада. Сундуки с пищей, поспешно вытащенные из трюма, были более легкими — каждый из них мог нести один носильщик. Свистун возвестил об успехе операции.

— Отлет! — Трольвен отдал приказ, отлично сознавая, что он будет тут же передан всем эскадрам.— Хунлу и Стигену сомкнуть ряды вокруг носильщиков! Дварн — в авангард с половиной отряда! Хмуру — с другой половиной прикрывать наше отступление!

День был уже в разгаре, когда Трольвену удалось оторваться от погони. В самых худших своих предположениях он ожидал, что весь Флот устремится за ним в погоню. Битва в полете в течение всего пути домой могла бы завершиться полным разгромом его армии. Но как только стало ясно, что ланнахи удирают, враги прекратили боевые действия и вернулись на плоты.

— Ты все верно предвидел,— тяжело дыша, произнес Трольвен.— И как это тебе удалось, Толк?

— Видишь ли, предводитель,— герольд начал с обычным для себя спокойствием,— их силы были бы чрезмерно растянуты, плоты оставлены практически без охраны. Они могли даже подозревать, что в нашу задачу входило заманить их как можно дальше в море и устроить какую-то западню. Очевидно, они решили, что земляне не стоят такого труда и риска, и мне кажется, что в таком мнении немалая заслуга самих землян...

— Будем надеяться, что это мнение ошибочное. Однако, независимо от того, как распорядятся боги... Ты правильно предсказал исход этой битвы. Может быть, тебе стать предводителем?

— О нет, только не я. Это тот толстый землянин все придумал — вплоть до мельчайших деталей.

Трольвен засмеялся.

— Значит, тогда, может быть, он должен стать предводителем?

— Кто знает...— в глубоком раздумье произнес Толк.— Может быть, он им и станет.

Северное побережье Ланнаха широкими долинами спускалось к морю Ахан; здесь, в лесах, полных дичи, на травянистых равнинах выросли деревеньки, в которых обычно жили кланы Стада. Там, где залив Сагна врезался в сушу, таких поселений в свое время выросло очень много. Они-то и дали начало городам ланнахов — Ульвену, Манненаху — городам мастеров по обработке кремня, и Ио — городу плотников.

Однако теперь этих городов уже не было. Все, что могло гореть — сгорело, остальное было разрушено. Лодки дракхонов лежали на пляже залива. Отряды захватчиков патрулировали побережье и периодически прочесывали леса, заготавливая мясо рогачей, просыпающихся сейчас от зимнего сна на склонах Дуна. Лодки ланнахов были затоплены, дома сожжены. Они были отрезаны от своих охотничьих и рыболовных угодий, и оставался единственный выход для Стада — уйти в горы.

На вулканических склонах горы Оборх, покрытых лавой, и в холодных ущельях Туманных Гор ютилось несколько небольших деревенек ланнахов, в которых обычно жили самые бедные кланы. Женщины, старики и дети еще могли там разместиться: можно было разбить палатки и занять все свободные пещеры. Используя до последнего ресурсы этой убогой местности, часто голодая, Стадо со своей основной силой — мужчинами продержаться долго не смогло бы.

Сердцем страны ланнахов было северное побережье, доступ к которому сейчас преграждали дракхоны. Без этого побережья Стадо было всего-навсего голодающим племенем дикарей. И это сейчас, а что ожидается осенью, когда Пора Рождений сделает их совершенно беспомощными?

— Нехорошо это все,— сказал Трольвен, явно преуменьшая серьезность ситуации.

Он направился вверх, по узкой тропинке, ведущей к поселению Сальменброк, которое притулилось на рваном краю взгорья. Немного ниже темная вулканическая скала, все еще покрытая заплатами снега, головокружительно вздымалась к кратеру, скрытому от взора клубами дыма. Почва под ногами заколебалась, и ван Рийн услышал бурчание в недрах планеты.

Слабое изостатическое равновесие, вполне понятное в этих условиях, вызванных низкой плотностью материи, геологическая история, наполненная слишком быстрыми изменениями, землетрясениями, взрывами, наводнениями и появлением новых земель, поднимающихся со дна моря в течение какой-то тысячи лет — отсюда этот катастрофически неуравновешенный климат, несмотря на обилие воды. Ван Рийн плотнее запахнул вонючую меховую куртку, полученную от ланнахов, подул на озябшие ладони и поднял глаза к нему в поисках хотя бы проблеска солнечного света. О, дьявол!

Это было не место для человека его возраста и комплекции! Ему бы сейчас сидеть дома, в своем удобном глубоком кресле, с хорошей сигарой и спиртным в бокале, и наблюдать за пылающими за окном красками садов Джакарты. Горько было оставаться навеки в этой кошмарной стране, сознавая вдобавок, что наверняка каждый день его фирма терпит убытки из-за отсутствия должного присмотра! Эта мысль перенесла его из страны мечтаний в реальный мир.

— Давай-ка я все-таки приведу все сказанное в порядок,— предложил он. Даже без притворства язык ланнахов бы

ему ближе, чем речь дракхонов. Здесь, в силу простого совпадения, грамматика и произношение не особенно отличались от его родного языка.

— Значит так... Вы вернулись из теплых краев и уже застали здесь врага?

Трольвен откинул назад голову в жесте, выражающем боль и горечь.

— Да. До этого времени мы только догадывались о их существовании, поскольку их страна находится на юго-востоке, далеко от нас. Мы знаем, что они вынуждены были покинуть свои поселения в результате того, что трех-рыба, являющаяся основой их питания, изменила свои места обитания и перебралась из вод дракхонов в море Ахан. Но кто бы мог подумать, что они попытаются захватить нашу страну?

Длинные волосы ван Рийна, прямые и грязные, уже давно не напоминали завитые локоны. Торговец понимающе кивнул, всколыхнув ими воздух вокруг лица.

— Подобное было у нас в средние века, когда сельдь изменила своим привычкам по каким-то ей одной понятным причинам. И что же ты думаешь? У нас даже были «селедочные войны»! Правительства трепетали перед гневом народа, требовавшим бороться за новые зоны рыболовства. А что оставалось делать беднягам? Ведь они, так же, как и вы, жили морским промыслом!

— Рыба никогда не имела для нас большого значения,— отмахнулся Трольвен.— Да, некоторые кланы в районе залива Сагна имели... теперь уже только имели, небольшие лодки-долбленки, на которых выходили в море и ловили немного пищи с помощью крючка и лески. Никакого каторжного труда, как у дракхонов, с забрасыванием сети, даже если это дает большое количество рыбы. Для нашего народа рыба не являлась основной пищей. Конечно, мы были довольны, когда несколько лет тому назад трех в большом количестве появился в море Ахан. Трех — большая и вкусная рыба, к тому же жир и кости находят широкое применение у наших мастеров. Однако, еще раз говорю, появление этой рыбы не привело к такой радости, которую мы испытали бы, удвойся, к примеру, стадо рогачей за ночь.

Он судорожно сжал пальцы на рукоятке топорика; все же он был совсем еще молод.

— Теперь я вижу, что боги послали нам эту рыбу за какие-то наши грехи, поскольку Флот устремился за трехом.

Ван Рийн остановился на тропинке, сопя так громко, что заглушал даже отдаленное ворчание вулкана.

— А ну-ка, подожди! — прокашлялся он.— Если рыба не имеет для вас такого большого значения, почему вы просто не предоставите Флоту владеть водами Ахана?

В принципе это был риторический вопрос, но сейчас он явился стимулом для дальнейшего словоизлияния ланнаха. Трольвен позволил себе несколько вспыльчивых проклятий, прежде чем ответить.

— Они атаковали нас сразу же, когда мы весной вернулись домой. К тому времени они уже захватили наше побережье! А если бы они даже не сделали этого, то кто впустит к себе дикую орду чужаков, у которых даже обычаи варварские и отвратительные! Вы разрешили бы поселиться таким с вами по соседству? Сколько бы времени продержался любой договор с ними?

Ван Рийн снова кивнул. Допустим, какая-то раса из космоса, управляемая тираном и имеющая отвратительные привычки, попросит разрешения поселиться на Луне, поскольку она им нужна, а землянам, собственно, ни к чему...

Себе лично он мог позволить снисходительность. Во многом дракхоны были ближе к людям, чем ланнахи. Их культура, не опирающаяся на одиночек, была естественным результатом развития экономики: имея в распоряжении орудия эпохи неолита, владелец плота, на котором размещалось много семей, сильно тратился, когда его строил. Недовольные единицы просто не имели шанса на самостоятельную жизнь и целиком зависели от милости государства. В средние века на Земле власть концентрировалась в руках рыцарей-аристократов и жрецов-интеллектуалов. У дракхонов два этих класса слились в один.

С другой стороны, ланнахи были более типичными представителями жителей Диомеда и занимались, главным образом, охотой. Среди них было очень мало квалифицированных ремесленников, поскольку каждый мог жить, применяя инструменты и оружие, сделанные самостоятельно. Низкий калорийный коэффициент поверхности, характерный для охотничьего хозяйства, привел к тому, что ланнахи селились далеко друг от друга, а каждая группа была самостоятельной и почти независимой от остальных. Свои силы они напрягали изредка, например, догоняя дичь, но им не нужно было трудиться в поте лица изо дня в день, падая от усталости, словно обычным гребцам или морякам на Флоте — так что у этого народа не было экономического обоснования для возникновения классов рабов и господ.

По этой причине основной организационной структурой обитателей Ланнаха был небольшой клан, связанный родством по женской линии. Эти полуформальные родовые группы, почти не обладающие какой-либо системой жесткой власти, свободно объединялись в Великое Стадо. А причиной существования Стада, кроме ведения мелких дел между кланами в собственной стране, было обеспечение безопасности диомедан-цев из Ланнаха, когда они улетали на юг на зимовку или возвращались домой, зачастую заставая там пришельцев, объявивших им войну.

— Интересно...— продолжал размышлять ван Рийн, частично вслух на своем родном языке.— Среди наших народов, а также среди народов других планет цивилизованными стали только те, кто занимался сельским хозяйством. Что же мы имеем на вашей планете? Здесь вообще нет сельского

хозяйства. Вы охотитесь, собираете ягоды, зерна дикорастущих злаков, ловите рыбу — и несмотря на это, некоторые из вас знают письменность и пишут книги; я увидел у вас кое-какие машины, вы строите дома, у вас есть ткацкие станки. Может быть, ежегодные контакты с другими народами в тропиках являются для вас стимулом развития?

— Что ты там говоришь? — переспросил ничего не понявший Трольвен.

— Ничего. Я только задумался, почему, раз жизнь здесь у вас такая легкая и у вас еще остается время на то, чтобы развивать вашу цивилизацию, вы не размножились настолько, чтобы съесть все свои стада рогачей и вырубить все леса? Мы на Земле именно так понимаем хорошо развитую цивилизацию.

— Мы быстро не размножаемся,— ответил Трольвен.— Примерно триста лет тому назад, когда нас было слишком много, часть Стада отделилась от нас и перебралась в какое-то другое место; а в общем, естественный прирост в нашем обществе невелик. Многие гибнут во время перелетов, бурь, болезней, нападений дикарей, хищников, временами от голода и холода...— Он пожал плечами.

— Ага! Естественный отбор, который сам по себе неплох, если это тебя природа выбрала для того, чтобы выжить. Иначе — это трагедия.— Ван Рийн погладил себя по бородке.— Итак, у нас уже есть определенное мнение, откуда взялся на этой планете разум. Или замерзай, или улетай в теплые края. А если улетаешь — будь внимателен к тому, что с тобой может случиться в пути, так? Хотя на Земле ведь тоже существуют перелетные птицы, а разум у них что-то не развился...

Он снова стал, сопя, подниматься по тропинке.

— А теперь поговорим о делах текущих. Я понимаю, что Флот разогнал вас на все четыре стороны и спихнул сюда, где единственная плоская местность — это та, что нарисована на карте. А вы хотите обратно, в свои дома на равнине. Ну и, конечно, хотите избавиться от Флота.

— Мы отважно защищались,— с трудом произнес Трольвен.— Мы все еще можем показать им — и сделаем это, клянусь духом моей бабушки! Были серьезные причины, из-за которых мы потерпели столь тяжелое поражение. Мы прибыли сюда усталыми и голодными, после десятков дней полета; после весеннего путешествия домой любой из нас ослабевает. Наши крепости были уже заняты. Огнеметы дракхонов уничтожили наши лодки и сделали невозможной борьбу с ними на море, где сосредоточены их главные силы.

Он обнажил зубы в хищном оскале.

— Мы должны победить их, и немедленно! Если это не удастся, то с нами будет покончено. И они знают об этом!

— Я еще не совсем хорошо это понимаю,— признался ван Рийн.— Вся эта спешка из-за того, что ваши малыши рождаются одновременно, да?

— Да.— Трольвен добрался до вершины и у стен Сальменброка ожидал своего запыхавшегося гостя.

Как и каждое поселение ланнахов, Сальменброк был укреплен от врагов — разумных или же обыкновенных животных. Здесь не было крепостных стен, так как они были бы бессмысленны на этой планете, где все высшие формы жизни природа одарила крыльями. Типичный дом ланнахов своей формой напоминал старинные земные каменные дома. На первом этаже дверей не было и только узкие щели служили окнами. Внутрь входили через верхний этаж или люк в крыше. Фортификация дворика заключалась в том, что отдельные дома соединялись крытыми мостами и подземными переходами.

Здесь, в горах, выше границы лесов, дома были построены из камня, связанного белковым раствором, а не из деревянных бревен, которые чаще встречались у низинных кланов. Однако это не самое значительное из ланнахских поселений было весьма солидно. Оно было так удобно расположено на местности, что невольно возникала мысль, насколько богаче должны были быть равнинные поселения этого народа. Ван Рийн искренне восхищался такими предметами, как деревянные часы, сделанные по типу китайских головоломок, деревянный токарный станок с резцом, изготовленным из обработанного с большим трудом алмаза, а также деревянная пила с заменяемыми зубьями из вулканического стекла. Ветряная мельница, построенная в Сальменброке, служила для того, чтобы молоть орехи и собранные зерна, а также приводила в движение различные небольшие механизмы, среди которых находился примитивный насос, наполняющий водой большой резервуар, вырубленный в скальном навесе над поселением. Когда ветра не было, из резервуара выпускали воду, которая приводила мельницу в движение. Он увидел даже небольшое подобие железной дороги, состоящее из движимых при помощи парусов плетеных тележек, катящихся по рельсам из специально обработанного твердого дерева. Тележки свозили кремень и обсидиан из местных каменоломен, дерево из лесов, сушеную рыбу, из равнин, а также ремесленные изделия со всего острова. Ван Рийн был на седьмом небе от восторга.

— Ага! — опять воскликнул он.— Торговля! Да вас можно назвать капиталистами! Черт возьми, я думаю, мы с вами можем неплохо торговать!

Трольвен пожал плечами.

— Здесь почти всегда дует сильный ветер. Его силу мы используем для поднятия тяжестей. Но изготовление этих машин заняло у нас очень много времени — мы не похожи на дракхонов, которые падают от изнурения после тяжелой работы.

Жители Сальменброка, как постоянные, так и временные, сбежались к ван Рийну, что-то бормоча, подпрыгивая, трепеща крыльями; дети путались у него под ногами, а матери звали их назад.

— Во имя ста тысяч пурпурных дьяволов! — завопил ван Рийн.— Я что, кандидат в президенты и, может быть, еще должен целовать детей избирателей, а?

— Идем туда,— сказал Трольвен,— к Святыне Мужей.

куда женщинам и детям входить воспрещается, у них есть своя собственная святыня.

Он первым направился по другой тропинке, совершив сложный культовый реверанс перед небольшим божком, размещенным рядом с ней. Судя по примитивному виду, фигурка была сделана много веков тому назад. Как оказалось, Стадо исповедовало довольно бессвязную пантеистическую религию, которую в настоящее время уже не воспринимали всерьез. Однако Стадо придерживалось ритуалов и традиций так строго, словно это был полк гвардии английской королевы... на который, впрочем, оно было похоже со многих точек зрения...

Ван Рийн поспешил за ним, временами оглядываясь на туземцев. Местные женщины несколько отличались от женщин дракхонов. Они были немного ниже и стройнее мужчин, у них были более широкие крылья, но без сформировавшегося шипа.

Трольвен заметил любопытный взгляд ван Рийна и вздохнул:

— Как видишь, половина наших зрелых женщин ожидает очередного ребенка.

— Гм... йа, это проблема. Впрочем, хорошо ли я понял тебя? Все ваши младенцы рождаются примерно в осеннее Равноночие...

— Да, буквально в течение нескольких дней. Исключений так мало, что о них можно и не упоминать.

— Получается, что почти сразу после этого вы должны улетать на юг... Но ведь маленький ребенок еще не умеет летать?

— Конечно, всю дорогу он держится за тело матери; новорожденный младенец обладает сильными руками, которыми он и придерживается. У матери новорожденного, как правило, нет ребенка с прошлого года, поскольку, если она воспитывает ребенка, то в течение года не беременеет. А когда ребенку уже два года, он достаточно силен, чтобы преодолеть огромные расстояния перелета, он должен только через определенные промежутки времени отдыхать у кого-нибудь на спине. Тем не менее, в этой возрастной группе мы теряем самое большое количество детей; трехлетние и более старшие нуждаются только в охране и руководстве, поскольку их крылья вполне справляются с перелетом.

— Но ведь матери ребенка труднее всех в полете?

— Ей помогают все подрастающие члены клана или же старшие женщины, у которых миновал период плодовитости, но которые еще не настолько стары, чтобы не выдерживать путешествия. А мужчины, конечно, занимаются охотой, разведкой, охраной и так далее.

— Понятно... Итак, вы летите на юг. Мне говорили, что там легко жить, много плодов, орехов, рыбы в реках и морях. Так зачем вам возвращаться назад, сюда?

— Здесь наш дом,— ответил Трольвен.— И кроме того,— добавил он через мгновение,— тропические острова были бы не в состоянии обеспечить проживание ордам пришельцев, которые собираются на них только на время зимовки. Когда

мы улетаем из тропиков, там уже нечего есть.

— Понимаю. Значит, пребывание на юге одновременно является для вас периодом спаривания?

— Да. Нас так охватывает желание... ну, ты ведь понимаешь, что я имею в виду.

— Конечно,— вежливо согласился ван Рийн.

— Во время пребывания на юге мы позволяем себе расслабиться. Устраиваем карнавалы... ну, там разные шалости и озорства... Однако, не забываем и об общении с другими племенами.— Трольвен вздохнул.— А сразу же после летнего Солнцестояния мы возвращаемся сюда. Мы прибываем незадолго перед Равноночием, когда большие животные, на которых мы охотимся, уже проснулись и немного набрали в весе. Вот и вся наша жизнь, землянин.

— Веселая жизнь, но не для меня: я слишком стар и толст для этого,— ван Рийн жалобно шмыгнул носом.— Упаси тебя боже, Трольвен, постареть. Человек становится таким одиноким в старости. Но у вас такого, пожалуй, не бывает. Старики гибнут у вас во время перелетов и не доживают до дряхлого возраста бессилия, когда не остается ничего, кроме воспоминаний, как мне...

— Если так пойдет и дальше, то и речи не может быть о том, что я доживу до преклонного возраста,— печально произнес Трольвен.

— Ваши дети рождаются все сразу, осенью...— задумался ван Рийн.— Теперь я вижу, что осень у вас — это пора, посвященная прежде всего акушерству. А если для новорожденных не будет пищи, укрытия и других удобств, они в большинстве своем погибнут...

— Родятся новые,— ответил Трольвен бесстрастно.— Но женщины, которые их рожают, нам необходимы. Молодая мать должна соответствующе отдыхать и питаться, иначе она никогда не долетит до юга. Посмотри, сколько среди наших женщин таких, кто скоро станет матерью. Это проблема существования Стада как целого народа! Эти паршивые дракхоны плодятся целый год... как какие-то рыбы... Нет! Мы обязаны выжить во что бы то ни стало!

— Конечно,— сказал ван Рийн.— Мы должны немедленно что-то придумать, потому что иначе я сам не доживу до...

— Я пожертвовал жизнями многих моих воинов,— перебил его Трольвен,— в надежде, что вы что-нибудь придумаете!

— Итак,— кивнул ван Рийн.— Самое важное — отнести известие моим людям на базу. Они сюда быстро прилетят, и тогда я скажу им, чтобы они навели порядок со всем этим чертовым Флотом.

Трольвен улыбнулся. Даже принимая во внимание отличающуюся от человеческой форму рта, было видно, это не дружеская и не веселая улыбка.

— Не так быстро, землянин! Я не могу пожертвовать ни людьми, ни временем, ни усилиями на такое безумное мероприятие, как перелет через океан! Во всяком случае, пока

дракхоны держат нас за горло, это невозможно. И еще, прости, но откуда у меня возьмется уверенность в том, что когда ты отсюда выберешься, то не раздумаешь нам помочь?

Он отвел взгляд от ван Рийна на украшенные ворота пещеры, в которой находилась Святыня Мужей. Из нее поднималось облако пара от гейзера, шипящего внутри.

— Я сам мог бы рискнуть,— неожиданно добавил он тихо.— Но мои возможности ограничены; Совет может не утвердить любой мой план в отношении вас. Члены Совета не поверят трем чудовищам без крыльев. Дело в том, что мы так мало знаем о вас. Единственное преимущество над вами — это возможность использовать вашу потребность поскорее добраться домой... Совет не разрешит оказать вам помощь, пока идет война.

Ван Рийн развел руками.

— Говоря между нами, мой мальчик, на их месте я и сам поступил бы подобным образом. Ну что ж, у меня есть еще время. Пока что спешить некуда...

Темнота уже отступала. Скоро должны были прийти белые ночи, во время которых солнце пряталось у самого горизонта, а небо приобретало цвет весенних цветов. Уже сейчас после захода солнца обе луны были полными. Когда Родонис вышла из каюты, быстрый Скуанакс выбрался на горизонт и помчался среди звезд к Медленной и терпеливой Ликарис. Обе луны — Та, Которая Ждет и Тот, Который Догоняет, перебросили между собой колышущийся двойной мост на широкой воде.

Родонис происходила из старого дворянского рода, и ее научили насмехаться над верой почитателей лун. Эта вера была хороша для простых моряков, которые иначе вернулись бы к старым кровавым жертвоприношениям Ахкану из глубин. Но образованный человек должен чтить только одно божество — Путеводную Звезду. Тем не менее, Родонис упала на палубу, накрыла голову крыльями и прошептала о своих заботах светлой матери Ликарис:

— Я обещаю тебе песню, песню только для тебя, ее сложат лучшие барды Флота и будут петь во время твоего последующего обручения с Тем, Кто Догоняет. Астрологи говорят, что это обручение произойдет не раньше, чем через год, и времени будет достаточно, чтобы сложить для тебя достойную песню, о Ликарис, которая будет жить так долго, пока плавает Флот. Только молю тебя, сохрани мне моего Дельпа!

Она не умоляла воителя Скуанакса, Верховное божество язычников, об этом даже нельзя было подумать, как и о молитве мужчины к Матери Ликарис. Однако в мыслях она обращалась к Ликарис и просила ее напомнить воителю, что Дельп отважный мореход, который никогда не забывал о достойной жертве.

Луны посветлели. На западе собрались тучи в форме горной цепи; вдали маячил рваный контур лопающихся льдов. Море здесь выглядело странно, ничем не напоминая милого сердцу вида Южных Вод, откуда голод вывел Флот. Родонис заду-

малась, допустят ли когда-нибудь боги, чтобы дракхоны остались здесь. Плеск волн, треск балок, писк тросов, натянутых между мачтами, свист вихря в вантах, хлопание парусного вооружения, далекая жалобная песня флейты и более близкие звуки, доносящиеся из форкастеля ее собственного плота: храп, детский плач, вздохи удовольствия, издаваемые какой-то парой... все эти звуки давали утешение в этой холодной пустоте, называемой морем Ахан.

Родонис подумала о своих малышах, о двух маленьких детях, сжавшихся в кроватках, богато обитых тканями, и это прибавило ей сил. Она распростерла крылья и поднялась в воздух.

Сверху весь Флот выглядел, как скопление теней, тут и там пронизанных огнями — там, где какой-то экипаж работал поздно ночью. Большинство моряков уже давно спало, отдыхая после трудов: вытягивания сети, обслуживания плота, чистки, соления и маринования улова, сворачивания и разворачивания тяжелых парусов на плотах, сбора ариса и других сладких водорослей, рубки деревьев и обработки их каменными топорами. Простой член экипажа, будь то мужчина или женщина, мало что имел от жизни, кроме тяжелой работы. Их отдых заключался в незатейливых развлечениях: танцы, борьба, безустанная копуляция, непристойные песенки, выкрикиваемые во всю глотку над бочонком пива, которое варили из морского зерна.

На мгновение, когда мысли об этом мелькали у нее в голове, Родонис почувствовала гордость за свою команду. Для аристократа простой моряк был не более чем домашним животным, плохо воспитанным, неграмотным, некультурным, которое нужно было держать в повиновении бичом и палкой для его же блага. Пролетая над Флотом, который лежал внизу, словно огромный спящий зверь, Родонис, однако, сознавала все его могущество. Владыки Флота были истинными хозяевами моря, а гордая слава дракхонов держалась на крепких спинах обыкновенных моряков.

Может быть, это чувство появилось оттого, что предки ее мужа еще не так давно покинули помещение форкастеля? Она не раз видела, как Дельп помогает команде, работая плечом к плечу с ними как во время шторма, так и во время лова рыбы. Родонис сама привыкла к тому, что вращение жерновов или сидение за прялкой не унижает ее достоинства.

Если труд приятен Путеводной Звезде, как утверждают святые книги, то почему же тогда состоятельные дракхоны относятся к нему с отвращением? Не в этом ли причина проклятия, тяготеющего над старыми аристократическими кланами? Члены этих родов вымирали век за веком, а приходившие им на смену новые фамилии с течением времени перенимали их привычки. А ведь у простых моряков, как известно, бывает больше всего детей, у квалифицированных ремесленников и профессиональных солдат — меньше, и меньше всего — у потомственных офицеров.

Сам адмирал Сиранакс за всю свою жизнь зачал только одного сына и двух дочерей. У нее, Родонис, было уже двое маленьких после каких-то четырех лет замужества.

Разве это не доказательство, что Путеводная Звезда благоприятствует людям трудолюбивым, привыкшим содержать себя и свою семью трудом своих рук?!

Но нет... Женщины ланнахов рожали детей каждый второй год, как заводные, хотя многие из малышей гибли во время перелетов. А ланнахи не работали. То, что они делали всю свою жизнь, никак нельзя было назвать работой: они охотились, пасли полудикие стада, ловили рыбу на какие-то примитивные крючки. Сил у них было достаточно, но они никогда не придерживались постоянного занятия, как моряки драккхонов... И, кроме этого, их обычаи были по простому отвратительными, животными! Две декады в году, во время экваториального летнего Солнцестояния — неукротимая похоть и только! Всю остальную жизнь отец ребенка был для тебя только одним из самцов — если ты вообще знала, кто является отцом, ты, распутница! А дома — никакой скромности в отношениях полов, даже обычаи женщин и мужчин почти не отличались, да и зачем, раз уж нет желания. Бр-р-р...

Но тем не менее, эти отвратительные ланнахи живут и дальше, так что, может быть, Путеводной Звезде это безразлично? Невозможно — эта мысль пронизала ее холодом, когда она летела, несомая ночным ветром под посеревшим диском Скуанакса. Несомненно, Путеводная Звезда предназначила Флот для исполнения ее желания — уничтожить этих чудовищ, ланнахов, и отнять у них земли, которые они попросту поганят!

Взмахи ее крыльев набирали силу. Флагманский корабль был уже близко. Его башенки виднелись, словно горные вершины на фоне темного неба. На судне горело много ламп как на палубе, так и в помещениях, окна которых были закрыты ставнями. Тут и там болтались группки воинов. Флаг Сиранакса все еще развевался на мачте, значит, старый адмирал еще не умер, но число дежуривших у постели умирающего увеличивалось с каждой минутой.

«Они ждут, как пожиратели падали»,— подумала Родонис и содрогнулась. Один из часовых приказал ей замедлить полет и подлетел ближе. Свет луны отражался от полированного острия его копья.

— Стой! Кто ты?

Родонис была готова к тому, что ее задержит стража, но на мгновение язык отказался ей повиноваться. Она была только женщиной, перед которой маячила грозная фигура воина.

Порыв ветра потряс высохшие останки, свисающие с реи — это были крылья, отрубленные некогда у какого-то преступника, который торчал теперь прикованный к веслу или дробил камни в каменоломне, если еще был жив. Родонис вообразила себе спину Дельпа с кровавыми культями от отрубленных крыльев, и ее гнев нашел выход в крике:

— Как ты смеешь говорить таким тоном с дочерью рода Аксоллон?!

Воин не знал ее лично — она была все-таки одной из многочисленных обитательниц Флота; однако он узнал шарф офицерской касты. Кроме этого, было видно, что стройное тело Родонис никогда не сгибалось под бременем тяжелой работы.

— Упади лицом вниз, мерзавец! — кричала Родонис.— Закрой глаза, когда обращаешься ко мне!

— Я... госпожа...— начал заикаться стражник.— Я не...— Она понеслась прямо на него. У часового не оставалось другого выбора, как убраться с дороги. Вслед ему неслись ее слова, разящие, словно удары бича:

— Конечно, если твой боцман получит для тебя мое разрешение, чтобы ты мог обратиться ко мне...

К стражнику приблизились другие воины, так же бессильно кружащиеся в воздухе. Когда Родонис приземлилась, офицер, стоящий на палубе, взял дело в свои руки.

— Госпожа,— сказал он с надлежащим почтением,— вам не следовало улетать со своего плота без сопровождения, тем более сюда, на этот траурный корабль...

— Так было нужно,— ответила Родонис.— У меня к капитану Теонаксу есть дело, не терпящее промедления.

— Капитан у ложа своего почтенного отца, госпожа. И я не осмелился бы...

— Тогда пусть твои крылья повиснут на рее, когда он узнает, что Родонис са Аксоллон могла предотвратить новый бунт, а ты его не предупредил!

Она направилась к фальшборту и перегнулась через поручни, словно выливая свой гнев в волны моря. У офицера перехватило дыхание в груди, словно он получил удар хвостом в желудок.

— Госпожа! Соизвольте подождать здесь немного...— взмолился он.— Стража! Эй, стража! Не спускайте глаз с этой дамы и следите, чтобы она ни в чем не нуждалась! — И он поспешно улетел.

Родонис ждала. Теперь должно было произойти настоящее испытание.

Пока все шло гладко. Флот был возбужден; ни один офицер не отказал бы ее требованию, коль скоро она упомянула о новой попытке бунта.

Первый бунт был страшен. Даже не бунт — фактически восстание против самого Оракула Путеводной Звезды! Это было чем-то неслыханным за последние сотни лет — да еще во время войны! Все пытались отрицать, что вообще случилось что-то серьезное. Недоразумение, достойное сожаления... Народ Дельпа, введенный в заблуждение, героически сражался, движимый лояльностью по отношению к капитану... Нельзя ожидать, что простые моряки понимают тот современный принцип, что Флот и его адмирал стоят выше, чем каждый из отдельно взятых плотов.

Родонис с досадой вспоминала разговор с Сиранаксом,

произошедший пару дней тому назад, хотя слезы того дня уже высохли.

— Мне очень жаль, госпожа,— говорил тогда адмирал.— Поверь, я очень сожалею. Да, твоего мужа обманули, и он прав больше, чем Теонакс. Я сам знаю, что это было всего лишь случайное столкновение, искра, воспламенившая старые раздоры, за которые, главным образом, следует винить только моего сына.

— Так пусть твой сын и понесет наказание! — крикнула она тогда.

Седая голова неумолимо качнулась вперед и назад.

— Нет. Теонакс, может быть, не самый благородный среди обитателей этого мира, но он мой сын и наследник трона. Мне недолго осталось жить, а военное время — не самое подходящее для того, чтобы устраивать борьбу за наследство. Для блага Флота Теонакс должен наследовать трон после меня без всякого сопротивления с чьей-либо стороны, и для этого у него не должно быть запятнанного прошлого.

— Почему же, однако, ты не можешь простить и Дельпа?

— Во имя Путеводной Звезды, если бы я только мог это сделать! На подобное невозможно. Всем остальным можно простить вину — и она будет прощена. Однако должен быть кто-то один, на кого падет обвинение, и это умерит боль наших ран. Дельп должен быть обвинен в подготовке бунта и наказан за это. Наказан, чтобы все остальные участники могли сказать: «Мы сражались в братоубийственной войне, но это была его вина, так что теперь с его наказанием мы можем снова верить друг другу...»

Старый адмирал вздохнул; негромкое шипение донеслось из его раздувшихся легких.

— Пусть Путеводная Звезда поможет тебе и сделает так, что не я исполню ее волю. О, как много бы я дал, чтобы к этому времени я был бы уже... Поверь, госпожа, что к тебе я очень хорошо отношусь. И если бы мы снова могли жить в дружбе...

— Можем...— прошептала она.— Если ты освободишь Дельпа.

Завоеватель Майона хмуро посмотрел на нее.

— Нет! — ответил он.— И хватит об этом говорить!

Она вышла из его каюты.

И потянулись дни, во время которых она пережила кошмарный фарс суда над своим мужем и еще один кошмар — ожидание исполнения приговора. Налет ланнахов был словно кратковременное пробуждение от горячечного сна.

Адмирал Сиранакс лежал на ложе смерти. Если бы не его внезапная болезнь, Дельп уже был бы искалеченным невольником, но в этой ситуации напряжения и неуверенности выполнение столь противоречивого приговора было отложено.

«Когда Теонакс станет Великим Адмиралом,— думала Родонис той частью своего разума, которая еще могла холодно рассуждать,— то промедления уже не будет. Разве что...»

— Госпожа, извольте пройти туда,— ее размышления прервал голос офицера.

Офицеры, которые вели ее по палубе к большому мрачному строению из деревянных колод, относились к ней с почтением. Дворцовые слуги, бегающие вверх и вниз по коридорам без окон, смотрели на нее словно с ужасом. Каким-то образом самые тайные вещи становились известными обитателям форкастеля, которые могли их вынюхать.

Внутри здания было темно, душно и тихо. Очень тихо. Море никогда не бывает спокойным. Только сейчас Родонис осознала, что никогда раньше она за всю свою жизнь не была изолирована от шума волн, скрипа дерева и канатов. Мышцы ее крыльев напряглись: она хотела с криком подняться в воздух. Но, преодолев это желание, она двинулась дальше.

Перед ней открыли какую-то дверь, в которую она вошла. Дверь закрылась, Родонис увидела маленькую комнатку, богато выложенную мехами и коврами, освещенную многими лампами. Воздух был таким тяжелым, что у нее закружилась голова. Теонакс лежал на кровати, играя одним из земных ножей. Больше в каюте никого не было.

— Садись,— предложил он.

Она присела на хвосте, смотря на Теонакса так, словно они были равными.

— Что ты хочешь мне сказать? — глухим голосом поинтересовался он.

— Твой отец, адмирал, еще жив? — ответила она вопросом.

— Боюсь, что ему недолго осталось жить,— сказал он.— Акхан сожрет его еще до полудня.— Его рассеянный взгляд переместился на гобелен.— Как длинна эта ночь!

Родонис ждала.

— Итак? — сказал Теонакс и змеиным движением откинул голову назад. В его голосе звучал холод.— Ты упоминала что-то о новом бунте?

Родонис присела не сгибаясь. Ее гребень встопорщился.

— Да,— холодно произнесла она.— Команда моего мужа не забыла его.

— Может быть,— бросил Теонакс.— Но они достаточно лояльны по отношению к адмиралу. Это им успешно вбили в голову.

— Конечно, они лояльны по отношению к адмиралу Сиранаксу,— ответила она.— Этого у них не отнять. Ты сам знаешь так же хорошо, как и я, что то, что произошло, не было бунтом, а только столкновением, вызванным теми, кто против тебя. Сиранакса всегда уважали и даже любили. Истинный бунт будет направлен против того, кто его убил.

Теонакс вскочил.

— Что... что ты имеешь в виду? — крикнул он.— Кто мог поднять руку на него?

— Ты! — сквозь зубы процедила Родонис.— Ты отравил своего отца.

Она ничего уже не боялась. Хотя и знала, что Теонакс, известный своим буйным характером, может запросто убить ее за эти слова.

И он почти сделал это. Но все же отпрянул, когда его нож прикоснулся к ее горлу. Его челюсти снова были плотно сжаты, он прыгнул на кровать и стоял там на четырех ногах — с выгнутым хребтом, напряженным хвостом и поднятыми крыльями.

— Говори дальше,— прошипел он.— Произноси свою ложь. Я хорошо знаю, как ты ненавидишь всю мою семью из-за своего никчемного мужа. Весь Флот это знает. Ты думаешь, что твоим словам поверят без доказательства?

— Я всегда уважала твоего отца,— произнесла Родонис, потрясенная: ведь смерть была так близко.— Да, он приговорил Дельпа. Он поступил несправедливо, но сделал это для блага всего Флота, а я... я сама из офицерского рода. Вспомни, как через день после налета ланнахов я пригласила его на пир, в знак того, что дракхоны должны сплотить свои ряды.

— Ну и что из этого? — насмешливо произнес Теонакс.— Красивый жест и ничего более. Я помню, как гости жаловались, что блюда были слишком остро приправлены. А этот подарок, который ты ему сделала, этот блестящий кружок, принадлежащий землянам! Разве не трогательно? Только ты не имела права это дарить! Вся их собственность принадлежит адмиралу!

— Этот толстый землянин сам мне его дал,— ответила Родонис. Она специально переводила разговоры на менее важные темы, желая успокоить себя и Теонакса.— Он сказал, что вытащил этот кружок из своего багажа. Он говорил, что это монета и что она является предметом торговли на его родной планете... и что он дает мне это на память о себе. Это было сразу же после столкновения, перед тем, как его и его спутников перевели с «Герунис» на другой плот.

— Подарок нищего! — засмеялся Теонакс.— Кружок был совершенно вытертый и бесформенный.— Его мышцы снова напряглись.— Ну давай, обвиняй меня дальше, если осмелишься!

— Я не так глупа,— покачала головой Родонис.— Я отправила письма друзьям и попросила их ознакомиться с их содержанием, если не вернусь отсюда. Взвесь факты. Ты гордый, и большинство думает о тебе очень плохо. Смерть твоего отца сделает тебя адмиралом. Фактически властелином Флота. Как же долго и нетерпеливо ты должен был ждать этого! Твой отец умирает, пораженный болезнью, неизвестной нашим медикам. Ее симптомы даже не напоминают отравление каким-либо из известных ядов — так бурно уничтожает его эта болезнь. И еще: многим известно, что нападавшие не смогли унести всю пищу землян, оставив три маленьких пакета. Земляне часто и в присутствии всех предостерегали нас, что их пищу есть нельзя. А все вещи землян находились у тебя!

Теонакс тяжело вздохнул.

— Это ложь! — заскулил он.— Я ничего не знаю... я никогда... Кто поверит, что я или кто-нибудь другой мог бы сделать нечто подобное... Отравить своего отца!

— Если речь идет о тебе, то поверят! — твердо произнесла Родонис.

— Клянусь Путеводной Звездой, я не...

— Путеводная Звезда не принесет счастья Флоту, руководимому отцеубийцей. Одного этого хватит, чтобы вызвать бунт, Теонакс!

Тяжело дыша, он пронзил ее яростным взглядом и прошипел:

— Чего ты хочешь?

Родонис посмотрела на него таким холодным взглядом, с каким его глаза еще не встречались.

— Я сожгу эти письма,— сказала она,— и навсегда сохраню молчание. Я буду отрицать это вместе с тобой, если подобная мысль еще кому-нибудь придет в голову. Однако Дельпа нужно немедленно и полностью простить.

Теонакс съежился и заворчал:

— Я мог бы бороться с тобой, Родонис. Я мог бы заточить тебя в тюрьму за государственную измену и убить всякого, кто осмелился бы...

— Вполне может быть,— кивнула Родонис.— Но стоит ли? Ты этими действиями наверняка вызвал бы раскол во Флоте и бросил бы его на произвол ланнахов. А я прошу тебя только вернуть мне мужа.

— И только поэтому ты грозишь уничтожением Флота?

— Да! — ответила она и через мгновение добавила: — Тебе этого не понять... Вы, мужчины, основываете новые государства, объявляете войны, слагаете песни, создаете науку. Вы воображаете, что вы практичны и сильны. Однако это женщины постоянно приближаются к тени смерти, чтобы дать новую жизнь. Это мы — сильный пол! Мы должны им быть, иначе...

Теонакс отпрянул. По его телу пробежала дрожь.

— Да,— прошептал он, перебивая ее.— Да, черт тебя возьми, ты получишь его. Я отдам приказ сейчас же, немедленно! Забирай своего мерзавца долой с глаз моих еще до рассвета! Но знай одно: я не убивал своего отца! — Он с гулом замахал крыльями так, что поднялся под потолок и бился о него, крича, словно был заточен в клетке: — Я не убивал его! Не убивал его!..

Родонис молча ждала.

Затем она взяла письменный приказ и вышла из каюты, направляясь к палубе, где были разрезаны узы, стягивающие Дельпа хир Орикана. Он упал в ее объятия и зарыдал:

— Я сохранил свои крылья... Сохранил свои крылья...

Родонис са Аксоллон гладила его по груди, что-то ему шептала, говорила, что теперь все уже будет хорошо, что они уже возвращаются домой, и через мгновение сама заплакала, потому что безмерно любила его.

В ее памяти билось вызывающее дрожь воспоминание о

том, как ван Рийн давал ей эту монету, одновременно предостерегая ее от... как это он тогда сказал?.. Отравление тяжелыми металлами!

— Для вас железо, медь и цинк — это чужие вещества. Я сам не химик, но когда нужно, я этих ученых понимаю. Поэтому могу посоветовать тебе только одно: ни ты, ни твои дети пускай ни в коем случае не пробуют эту монету на зуб!

И она вспомнила еще, как ночью сидела у камня и опиливала монету, приготавливая из стружек приправу для блюда, предназначенного неумолимому адмиралу...

Потом она задумалась над тем, что толстый землянин по странному стечению обстоятельств обладал неожиданно хорошим знанием ее языка. Теперь ей пришла в голову именно эта мысль, и от этого в теле возникла дрожь. А может быть, земляне специально оставили здесь эти три пакета, пищи, в надежде, что они вызовут какие-то осложнения? Неужели они так точно все предвидели?

В двери появилась Гунтра из рода Энклана, и Эрик Вейс поднял на нее усталые глаза. Позади него кипела работа у водяного колеса, на которое падали тени от мерцающего огня факелов.

— Да? — спросил он, тяжело вздыхая.

Гунтра показала ему широкий щит длиной в метра два — легкую, но солидную конструкцию из прутьев, сплетенных на деревянной раме. Она много дней присматривала за сотней женщин и детей, которые собирали, расщепляли и сушили прутья, выгибали дерево, плели и складывали всю конструкцию. Она была так измучена, словно только что перенесла перелет из тропической зоны. Однако в ее голосе звучала гордость:

— Это уже четырехтысячный, Советник.— Эрик Вейс никогда не носил такого титула, но ланнахи просто не могли представить себе, чтобы у кого-то не было определенного положения в организации Стада. Ввиду авторитета, которым пользовались эти бескрылые существа, их, естественно, называли Советниками.

— Хорошо,— Эрик взвесил щит на огрубевшей ладони.— Хорошая работа.— Он кивнул.— Четыре тысячи — это больше, чем нужно; наше задание выполнено, Гунтра!

— Благодарю,— она с интересом посмотрела на перестроенную мельницу. Трудно было поверить, что еще не так давно она служила для помола зерна.

К ним подошел Ангрек из клана Треккан, держа в руках кусок дерева.

— Советник,— начал он,— я...— Тут он прервал речь. Его взгляд упал на Гунтру, которая только вступила в средний возраст и ее всегда считали красивой.

Их глаза встретились, потом затуманились. Ангрек распростер крылья и сделал шаг по направлению к ней.

С коротким вскриком, почти рыданием, Гунтра отвернулась и убежала. Ангрек посмотрел ей вслед, швырнул дерево на землю и выругался.

— Что случилось, черт возьми? — спросил Вейс.

Ангрек ударил кулаком по открытой ладони.

— Духи...— пробормотал он.— Это наверняка духи... беспокойные духи всех грешников, которые когда-либо ходили по свету. Сначала они посетили дракхонов, а теперь пришли преследовать нас!

Две фигуры замаячили в двери, открытой настежь в эту короткую ясную ночь раннего лета. Вошли Николас ван Рийн и герольд Толк.

— Как дела, мой мальчик? — загудел ван Рийн. В зубах он вертел маринованную луковицу: похудение, которое коснулось Эрика и даже Сандры, на нем даже не сказалось.

«Ну да,— горько подумал Вейс,— старый толстяк даже руки не приложил к работе. Единственное, чем он занимался, так это лазил по окрестностям, разговаривал с предводителями ланнахов и жаловался, что работа не продвигается вперед достаточно быстро...»

— Потихоньку, сэр.— Молодой человек прикусил язык, не отваживаясь произнести слова, которые вертелись у него в голове: «Ты, толстая пиявка, ты намереваешься добраться домой с помощью моего труда и мыслей, а потом отделаться от меня должностью посредника на другой периферийной планете?»

— Так их нужно ускорить,— сказал ван Рийн.— Мы не можем ждать так долго, ни ты, ни я.

Толк внимательно присмотрелся к Ангреку. Ремесленник все еще дрожал и шептал заклятия.

— Что случилось? — спросил герольд.

— Это дьявольское влияние дракхонов,— Ангрек прикрыл рукой глаза.— Герольд,— выдавил он из себя,— недавно здесь была Гунтра из Энклана и какое-то время... мы желали друг друга...

У Толка было серьезное выражение лица, но он заговорил без укора в голосе:

— Это уже случалось со многими. Ты должен это преодолеть.

— Но что это, герольд? Болезнь? Предначертание судьбы? Что я такого сделал?

— Эти неестественные порывы уже встречались,— сказал Толк.— Время от времени они проявляются у большинства из нас. Просто об этом не говорят. Их нужно подавлять, а еще лучше через какое-то время вообще забыть об этом. Забыть о том, что нечто подобное имело место.— Он грозно нахмурился.— В последнее время такие рефлексы возникают все чаще, и никто не знает, почему. Возвращайся к работе и избегай женщин.

Ангрек тяжело вздохнул, поднял кусок дерева и прикоснулся к плечу Эрика:

— Я хотел посоветоваться. У этого дерева, пожалуй, неподходящая форма для моей цели...

Толк осмотрелся. Он только что вернулся из далекого путе-

шествия, во время которого он облетел страну, оповещая рассеянные кланы.

— Здесь многое сделано,— сказал он.

— Да,— милостиво согласился ван Рийн.— Он талантливый конструктор, этот мой молодой друг. Но, в конце концов, торговец на новой планете должен быть, черт побери, мастером на все руки.

— Я не слишком хорошо понимаю детали его планов.

— Моих планов,— поправил обиженно ван Рийн.— Это я ему говорю, чтобы он сделал оружие. Он только исполняет мои приказания.

— Все? — сухо спросил Толк. Он осмотрел скелет сложного устройства.— Что это?

— Самозаряжающийся метатель снарядов, другими словами, пулемет. Посмотри вот сюда: этот балансир вращает зубчатое колесо. Снаряды подаются лентой к колесу, вот так, и быстро выбрасываются,— прежде чем ты успеешь моргнуть глазом, уже два, три полетят. Колесо смонтировано на вращающейся подставке, чтобы его можно было направить в любую сторону. Эта старая идея, кажется, какой-то Миллер или де Камп уже давно построил его, этот... пулемет. И должен вам заметить, что в битве он очень эффективен!

— Прекрасно! — похватил Толк.— А это что такое?

— Это баллиста. Она напоминает катапульты драккхонов, но гораздо лучше, чем они. Она метает достаточно большие камни, чтобы разбивать ими стены или топить лодки. А здесь... Йа,— ван Рийн поднял с земли щит, который принесла Гунтра.— Может быть, это не выглядит захватывающе, но по мне оно важнее, чем все другие машины. Воины должны носить это на спине.

— М... м... да, я вижу, где крепятся ремни... это служит для защиты от снарядов, падающих сверху, да? Но наш воин не взлетит, имея это на спине.

— В этом-то и дело! — рявкнул ван Рийн.— В этом все и дело, доннерветтер! Именно это и есть проблема жителей Диомеда. Майн готт! Как можно вести настоящую войну, имея только воздушные силы? Здесь, в Сальменброке, я потратил много дней, вбивая в тупые лбы офицеров, что именно пехота занимает позиции и обороняет их, пе-хо-та! Теперь офицеры должны вбить это в головы солдатам и обучить их... О, черт, у нас нет времени! За оставшиеся несколько десятков дней я должен сделать нечто, на что в общем-то уходят годы!

Толк кивнул почти машинально.

Даже Трольвену понадобилось время и аргументы, прежде чем он понял идею боевых сил, главная часть которых вынуждена целенаправленно действовать исключительно на земле. Замысел был слишком чуждым. Но герольд принял его без слов.

— Я понимаю ход твоих мыслей,— сказал он.— Те, кто занимает крепости, владеют всем Ланнахом! Укрепленные

города господствуют над сельскими районами, откуда поступает пища. Но, чтобы завладеть городами, мы должны захватить их.

— Ты рассуждаешь мудро,— похвалил его ван Рийн.— История Земли знает много примеров, что одно превосходство в воздухе не дает победы!

— Остается еще огневое оружие дракхонов,— заметил Толк.— Что ты намерен ему противопоставить? Вся моя миссия в течение последних дней в основном заключалась в том, чтобы уговаривать кланы присоединиться к нам. Я передал им твои слова, что будет защита от огня, что у нас будут собственные огнеметы и огненные бомбы. Я надеюсь, что я говорил правду!

Он осмотрелся вокруг. Старая мельница, превращенная в примитивную фабрику, была так заполнена рабочими, что, кроме них, трудно было что-то увидеть. Недалеко от них на простом токарном станке, несколько усовершенствованном Эриком, точили древки копий и рукоятки топориков. Другая машина, шлифовальная, до сих пор не была ему известна. Она производила острия топориков и другого колющего оружия. Они были, конечно, не так тщательно сделаны, как вручную, но зато в значительно больших количествах. Механический молот дробил осколки кремня и обсидиана в режущие острия; дисковая пила резала дерево, другая машина сворачивала канаты быстрее, чем это мог заметить глаз. Все машины приводились в движение трансмиссионными ремнями и при помощи больших мельничных колес. Все это вместе взятое выглядело сложным и запутанным, но производило военное снаряжение быстрее, чем ланнахи могли его употребить. Готовым снаряжением наполнялись целые лари.

— Это воистину волшебство,— заметил Толк,— и оттого немного пугает.

— Я ввел здесь новый стиль жизни,— откровенно произнес ван Рийн.— Здесь не идет речь об одной или другой машине, которые и так неотвратимо повлияют на вашу историю. Речь идет об основной идее, которую я ввел, а именно — о производстве массовой продукции!

— Но огонь...

— Вейс уже начал делать для нас огневое оружие. Серу нашли неподалеку от горы Оборх. Есть также неплохие источники нефти. Дистилляция — это еще одно умение, которым обладают дракхоны, а вы нет! Теперь мы сделаем себе собственные зажигалки...

Ван Рийн нахмурил брови:

— Но одно, к сожалению, верно,— продолжал он.— У нас не было времени научить ваших воинов, как они должны применять это снаряжение. Вскоре я буду голодать; вскоре ваши женщины будут беременны и нужно будет накапливать пищу...— Он театрально вздохнул.— Однако, прежде чем вы действительно начнете страдать, я уже давно буду мертв.

— О, нет,— мрачно сказал Толк.— Это правда, у нас еще есть почти полгода до Поры Рождений. Но уже теперь мы

слабы от голода, холода и отчаяния. Уже теперь мы не выполняем многие наши обряды...

— К дьяволу ваши обряды! — вскричал ван Рийн.— Прежде всего нужно отобрать назад Ульвен, потому что именно он расположен над склонами Дуна, где, как известно, живут все рогачи. Если мы возьмем Ульвен, то будет достаточно еды, а кроме всего прочего, у нас будет форт, который легко оборонять. Но Трольвен и Совет упорствуют и настаивают, чтобы мы ударили на Манненах, оставляя в тылу Ульвен, находящийся в руках врага. Нельзя забывать, что, двигаясь к заливу Сагна, мы рискуем многим... И все ради того, чтобы совершить возле Манненаха какой-то там паршивый обряд!..

Ты не поймешь этого,— мягко сказал Толк.— Мы слишком отличаемся друг от друга. Даже я, в чьих обязанностях находится общение с другими народами, не могу понять твою позицию. Наша жизнь основывается на годовом цикле. Дело в том, что мы все еще серьезно воспринимаем наших богов...— Он посмотрел вверх на скрытую в тени крышу, где ветер свистел и крутил работающие колеса мельницы.— Нет, я не верю, что духи предков вылетают ночью. Однако я верю, что если я поприветствую Полное Лето во время большого обряда в Манненахе так, как это делали мои предки со времен существования Стада, то тем самым я внесу вклад в поддержание нашего единства, в сплочение нашего сообщества...

— Фи! — Ван Рийн протянул грязную руку, чтобы почесать всклокоченную бороду, обрамлявшую его лицо. Здесь он не мог ни бриться, ни мыться — даже после анестезирующих уколов человеческая кожа не принимала диомеданское мыло.— Я тебе скажу, откуда весь этот ритуал. Во-первых, вы невольники времен года, даже больше, чем какой-нибудь фермер на Земле. А во-вторых, вы вынуждены летать так далеко и оставлять свои дома пустыми так надолго, что этот обряд — ваша самая ценная собственность. Это нечто такое, что не весит много и что можно забрать с собой...

— Может быть, ты и прав,— согласился Толк.— Однако факт остается фактом. Если существует какой-то шанс на то, чтобы поприветствовать Полное Лето на Валунах Манненаха, то мы пойдем на этот риск. Дополнительные потери в людях по той причине, что это не самая лучшая стратегия, мы понесем с радостью.

— Если вообще не потеряете шансов на победу в этой проклятой войне,— фыркнул ван Рийн.— Ад и дьяволы! Мой личный капеллан на Земле не заботится так о правилах этикета. Посмотри — этот юноша только что был близок к самоубийству, потому что его возбудил вид девицы в неподходящее время!

— Это не в счет,— скованно произнес Толк и вышел из мастерской. Через мгновение ван Рийн поспешил за ним

Вейс закончил давать объяснения Ангреку, проверил остальные работы, обругал носильщиков, которые поставили сосуды с летучими фракциями нефти у печи, и вышел. Его ноги отяжелели. Для одного человека было слишком много работы:

организация, проектирование, надзор, преодоление трудностей. Ван Рийну казалось, что это так просто — перенести охотников из каменного века в эру машин за несколько недель. Пусть бы он сам попробовал, может быть, потерял бы тогда хоть немного жира!

Ночи были уже такими короткими, что Эрик Вейс не обращал внимания на часы. Он работал до тех пор, пока не падал с ног, засыпая на короткое время, и снова возвращался к работе.

Иногда он думал: а отдыхал ли он вообще когда-либо, был ли он когда-нибудь чист, накормлен, утешал ли его кто-нибудь в одиночестве?

Рассвет заалел над северными взгорьями, где ряд вулканов гневной чернотой закрывал лик бледного солнца. Обе луны заходили; каждая из них висела над горизонтом, как медный круг диаметром раза в два больше, чем диаметр земной Луны. Склоны горы Оборх дрожали, плюясь валунами в бледное небо.. Каменная стена Сальменброка ежилась под резкими ударами ветра.

Эрик добрался до лестницы, сделанной специально для него, чтобы он мог взбираться на чердак, где жил. Сандра вышла из-за ближайшей башенки. Она остановилась, приложив ладони к губам. В грохоте ветра не было слышно, что она говорила. Эрик подошел поближе. Под ногами, на которых были неуклюжие сапоги из кожи рогачей, заскрипел гравий.

— Слушаю тебя, госпожа,— произнес он.

— Ох... ничего такого, Эрик Вейс.— Его взгляд встретился с ее зелеными глазами, непреклонными и гордыми; однако он увидел, что ее лицо покрылось румянцем.— Я хотела только пожелать тебе... доброго утра.

— Я тоже желаю тебе того же, госпожа.— Он потер уставшие глаза.— Я давно не видел тебя. Как ты себя чувствуешь?

— Я беспокоюсь,— ответила она.— Мне так одиноко. Может быть, мы немного поговорим?

Они оставили позади строения, идя по запущенной тропинке, карабкающейся вверх среди низких острых кустов, покрытых пурпурными цветами. Высоко над ними кружили стражники, но сейчас это были малозаметные точки на фоне неба. Эрик Вейс почувствовал, как его сердце забилось чаще.

— Что ты делаешь, госпожа? — поинтересовался он.

— Ничего особенного. Что я могу делать? — Она посмотрела на свои ладони.— Я пытаюсь, но мне не хватает навыков, которые есть у тебя или у ван Рийна.

— Что? — Вейс пожал плечами. Несомненно, у старого козла было достаточно поводов, чтобы бахвалиться собственными заслугами, когда он бесцельно болтался по Сальменброку.— Достаточно...— он подбирал подходящие слова,— достаточно того, госпожа, что ты здесь, рядом со мной.

— Но, Эрик,— засмеялась она с искренним удовольствием, слегка развеселившаяся и вовсе не обиженная.— Я не думала, что на словах ты такой рыцарь...

— До сих пор не было случая, госпожа,— буркнул он, слишком уставший и измученный, чтобы обращать внимание на слова.

— Не было? — Она искоса посмотрела на него. Ветер ворвался в ее тесно сплетенные косы и развил их в маленькие серебристые ленты. Она еще не выглядела страдающей от голода, но височные кости на ее лице обозначались немного четче, на щеке виднелась темная полоса, а одежду составляли мешковатые лохмотья, сшитые портными, которые никогда раньше не видели человеческих фигур. Но лишившись своего королевского вида, она казалась теперь Эрику даже красивее, чем раньше, может быть, потому, что теперь стала ближе к нему? Или, может быть, потому, что ее нищета искренне свидетельствовала о ее человеческой сущности?

— Нет,— процедил он сквозь стиснутые зубы.

— Не понимаю,— пожала плечами девушка.

— Прости, госпожа. Я просто думал вслух. Плохая привычка. Это иногда случается на таких отдаленных планетах. Видишь одних и тех же людей так часто, что они перестают быть желанными; начинаешь избегать их — и кроме этого, конечно, людей всегда не хватает, так что многие работы приходится делать самостоятельно, часто в течение многих недель. Зачем я это все говорю? Господи, как же я устал!

Они остановились на краю взгорья. У их ног лежала скала, круто опускавшаяся вниз на сотни метров к пенящейся реке. С другой стороны ущелья поднимались снежные склоны гор, окрашиваемые солнцем в кровавый цвет. Ветер протискивался в верхнюю часть ущелья, ударяя в лица землян.

— Я понимаю тебя.— Сандра серьезно посмотрела на Эрика.— Ты всю жизнь вынужден был тяжело работать. У тебя не хватало времени на удовольствия, на обучение хорошим манерам, культуре... правда?

— Времени не было ни на что, госпожа,— ответил он.— Я родился в трущобах, в километре от старого порта на Тритоне. Только самые бедные живут так близко от космодрома, где жизни нет от постоянного движения машин, вони и шума, словно от землетрясения... Хотя к этому можно привыкнуть, и это врастает в тебя, в твои кости. Половина моих друзей детства уже мертва или сидит в тюрьме, а вторая половина хватается за любую временную работу, не требующую квалификации, тяжелую и грязную, которой никто другой не хочет заниматься. Но не надо мне сочувствовать. Мне повезло. В возрасте двенадцати лет я стал практикантом у оптового торговца мехами. Через два года я установил несколько контактов, которые позволили мне найти такое же тяжелое и грязное занятие, только на космическом корабле охотников за пушными животными, летящем на Рианон. В свободные минуты я учился, и благодаря этому мне удавалось находить все лучшую работу. И так далее, и так далее. Пока меня не поставили во главе здешнего пункта по заготовке, мелкого предприятия, которое со временем, может быть, начнет окупаться, но большого значения так ни-

когда и не получит. Однако это все же был какой-то очередной шанс. И вот я здесь, на вершине этой горы, подо мной лежит Диомед... И что теперь?

Он резко потряс головой, удивляясь, что иссяк запас его слов. Это немного напоминало алкогольное опьянение. Хотя, может быть, нечто большее... Не то, чтобы он искал сочувствия, но в глубине души он хотел знать, понимает ли она его?

— Ты обязательно вернешься домой,— тихо сказала она.— Такие, как ты, выходят целыми из всех затруднительных положений.

— Хочется в это верить!

— То, что ты сделал, это уже героический поступок.— Она посмотрела в сторону на тучи, проплывающие рядом с вершиной Оборх.— Я думаю, что никто не сможет тебя удержать. Пожалуй, только ты сам.

— Я? — Его замешательство росло, и он уже хотел сменить тему. Эрик погладил заросший щетиной подбородок.

— Ну да. А кто другой? Ты так быстро достиг столь многого. Может, следует остановиться? Ты не задавал себе вопрос: как долго стоит продвигаться в этой жизни?

— Не знаю. Я думаю, что так далеко, как только можно.

— Зачем? Стоит ли становиться большим человеком? Не будет ли достаточно оставаться просто-напросто свободным? С твоим талантом и опытом ты достаточно заработаешь на любой из колонизированных планет, где условия жизни для людей получше, чем здесь. Например, на Гермесе. Не кроется ли в этом стремлении к богатству и власти лишь желание насытить того маленького мальчика, который когда-то плакал перед сном от голода в трущобах Тритона? Однако, ты никогда не сможешь утешить того мальчугана, приятель. Он уже давно умер, его уже нет!

— Ну... не знаю... Я думаю, что когда-нибудь заведу семью... Я хотел бы дать своей семье нечто большее, чем средства на жизнь. Я хотел бы оставить моим детям и внукам достаточное состояние, чтобы обеспечить им будущее, чтобы они могли противостоять любым трудностям, если будет нужно.

— Значит, так. Я думаю, что...— Прежде, чем она отвернулась, Эрик увидел, что кровь прихлынула к ее лицу,— что давние, энергичные князья Гермеса были похожи на тебя. Было бы хорошо, если бы они снова взошли на трон... — Неожиданно она быстрым шагом пошла по тропинке.— Довольно. Лучше всего будет, если мы вернемся, правда?

Эрик пошел за ней, едва осознавая, что ступает по земле.

Ланнахи были готовы к битве. По зову свистунов Толка они собрались в Сальменброке, и небо потемнело от их крыльев. Трольвен проложил себе дорогу к ван Рийну через клубок тел

— Воистину боги неблагосклонны к нам,— горько сказал он.— В это время года почти всегда дуют сильные южные ветры.— Он указал рукой на безветренное небо.— Знаешь ли ты какие-то чары, призывающие ветер?

Торговец, несколько раздраженный, посмотрел вверх. Он сидел за столом перед домиком из тростника и глины, выстроен-

ным для него за поселением, поскольку не желал ни карабкаться в дом по лестнице, ни спать во влажной пещере. Он проводил время, играя в кости с капитаном Стигеном на камни, напоминающие бериллы, которые являлись местным эквивалентом денег. Число цивилизаций, населяющих галактику, которые независимо друг от друга изобрели тот или иной вид игры в кости, не поддается определению.

— Ха! — бросил он.— Без ветра под хвост вы уже не полетите? Ага, семерка! Нет, черт возьми, я забыл, что семерка здесь не является счастливым числом. Попробуем еще раз.— Три кубика затарахтели у него в руке и упали на стол.— Гм-м-м, снова семь.— Ван Рийн сгреб кон.— Удваиваем?

— Пусть тебя похитят пожиратели духов! — Стиген сорвался с места.— По-моему, ты слишком часто выигрываешь!

Ван Рийн сам вскочил на ноги, как атакующий носорог.

— Черт побери, а ну-ка, возьми эти слова назад, приятель, или...

— Я не сказал ничего оскорбительного,— холодно ответил Стиген.

— Спокойно! — рявкнул Трольвен.— Это что, пьянка? Землянин, все боевые формирования ланнахов собрались здесь на этих взгорьях. Мы не сможем кормить их слишком долго. А с другой стороны, мы не сможем выступить, потому что новое оружие погружено на парусные тележки. Что же делать?

Ван Рийн яростно посмотрел на Стигена:

— Я говорю, что меня оскорбили. А когда меня оскорбляют, я не могу давать разумные советы!

— Я уверен, что капитан извинится за неумышленную обиду, нанесенную тебе, землянин,— сказал Трольвен, бросая на капитана разгневанный взгляд.

— Конечно.— Стинген с трудом выдавил из себя это слово.

— Хорошо.— Ван Рийн погладил себя по бороде.— Итак, чтобы доказать, что ты не сомневаешься в моей порядочности, брось кости еще раз. Удваиваешь?

Стиген схватил кости и бросил их на стол.

— Ага, у тебя шестерка,— сказал ван Рийн.— Что ж, это нелегко побить. Я боюсь, что уже проиграл. Нелегко быть бедным, уставшим, голодным стариком, брошенным далеко от дома и его сиамских кошек; они одни любят его ради него самого, а не из-за денег... Трам-та-та-там... Восемь! Два, три и еще раз три! Ну и ну!

— Нам нужен транспорт,— проговорил Трольвен, усиленно стараясь овладеть собой.— Новое оружие слишком тяжело для носильщиков. Они должны ехать по рельсам. Как мы довезем их без ветра до залива Сагна?

— Это просто,— сказал ван Рийн, считая выигрыш.— Прежде, чем поднимется попутный ветер, привяжите канаты к тележкам, и эти ваши молодые балбесы их потянут.

Стиген взорвался:

— Свободный член клана должен тянуть тележку, как... дракхон? — Он овладел собой и уже гораздо спокойнее произнес: — Нет, это невозможно.

— Иногда,— отрезал ван Рийн,— и то, что невозможно, должно стать возможным! – Он сгреб драгоценные камни, бросил их в мешочек и направился к колодцу.— Черт возьми, есть какая-то дисциплина в этом Стаде?

— Да... я думаю, да... — Растерянный взгляд Трольвена обратился на кричащую волну крылатых существ, которая поглотила селение.— Однако, такая работа, продолжающаяся длительное время, всегда была... прежде, чем пришли дракхоны... ее всегда считали в определенном смысле вырождением... не то, чтобы она была запрещена, но она не делалась без крайней необходимости. Физический труд в общественном месте.... Нет!

Ван Рийн завертел воротом колодца.

— Почему же нет? Дракхоны много болтают об уважении к труду. Им он нужен, у них надо много и тяжело работать, если хочешь жить. А для вас? Почему ланнахи не могут работать?

— Нет! — твердо произнес Стиген.— Это не для нас! Иначе мы станем животными!

Ван Рийн поставил ведро на колодезный сруб и вытащил из него бутылку земного пива.

— Ах, какое холодное и приятное... гм... похоже, слишком холодное... Пусть ад поглотит все места, где нет холодильников с терморегуляторами! — Он открыл бутылку о сруб и попробовал.— Может быть... Я много путешествовал и убедился, что везде образ действий и мораль обитателей отдельных планет зависят от вполне реальной причины. Может быть, раса даже забыла, откуда берет начало тот или иной закон, но если бы закон не имел смысла, он долго не просуществовал бы. Отсюда следует, что вы не любите длительной тяжелой работы, конечно, за исключением труда перелетов, потому что по каким-то причинам она вам не подходит. И в то же время тяжелый труд не вредит дракхонам. Парадокс!

— Пусть злые силы похитят твои рассуждения,— рявкнул Трольвен.— Это была твоя идея, чтобы сделать все эти новомодные устройства вместо того, чтобы сражаться, как сражались наши предки. Так скажи теперь, как спустить тележки в долину, не мобилизуя для этого армию?

— Ах, дело в этом! — Ван Рийн пожал плечами.— У вас есть какие-нибудь соревнования, спорт или что-то в этом роде?

— Конечно!

— Значит, нужно объяснить, что эти тележки нужно спустить вниз, и так как мы не должны отправляться сразу...

— Должны! Мы будем голодать, если не отправимся немедленно!

— Мой юный друг,— терпеливо сказал ван Рийн.— Я вижу, что ты очень слаб в политике. Вы, ланнахи, не можете лгать, наверное, потому, что никогда не заключаете браков. Так что ты скажи воинам следующее, слушай внимательно: «Мы могли бы сидеть и ждать южного ветра, но я знаю, что вы рветесь в битву с врагом, так что я объявляю соревнование. Каждый клан должен свезти вниз столько тележек, сколько

сможет, а мы измерим скорость и лучшим дадим награду!»

— Пусть меня похитят злые духи... — удивленно произнес Стиген.

Трольвен охотно кивнул.

— Традиции кланов позволяют нечто такое...

— Видишь ли,— объяснил ван Рийн,— на Земле мы называем это семантической проблемой. Я стар и у меня одышка, так что я могу равнодушно смотреть все эти бейсболы, футболы и гонки в мешках и знаю, что спорт — это просто вид тяжелого труда, которым ты не обязан заниматься.

Он громко икнул, открыл еще одну бутылку пива, а из сумки вытащил кусок салями. Запасы пищи таяли катастрофически быстрыми темпами. Когда вся экспедиция находилась на полпути вниз по склону Туманных Гор, наконец, появился долгожданный попутный ветер. Воины, запряженные в тележки, облегченно вздохнули и остановились, ожидая Измеряющих время, которые должны были при помощи песочных часов определить победителя.

— Вряд ли все они дали провести себя с этими соревнованиями,— заметила Сандра.

— Конечно,— ответил Вейс.— Однако те, кто был достаточно разумен, чтобы разгадать план старого Ника, понял, что это необходимо, и держал язык за зубами.

Он сжался под резким порывом ветра, который дул с горных склонов в направлении далекой затуманенной зелени холмов и долин, и присмотрелся к работе механиков. Поезд ланнахов состоял примерно из тридцати легких тележек, связанных тросом; в начале и середине поезда находились «локомотивы». Это были прочные тележки, которые несли по две мачты с квадратными парусами. Дерево, твердое, как металл, смазываемые деревянные втулки для колес и крепкий ветер обеспечивали неуклонное продвижение колонны. Достигаемая при этом скорость не была ошеломляющей, и часто нужно было ждать попутного ветра, однако ланнахи не привыкли работать с часами в руках.

— Госпожа, еще не поздно вернуться,— сказал Эрик.— Я организую эскорт.

— Нет.— Она притронулась к луку, сделанному специально для нее. Это была не игрушка: он весил десять фунтов и напоминал тот лук, с которым она охотилась в лесах Гермеса. Сандра гордо подняла голову, а ее светло-серебристые волосы поймали красный свет солнца и отразились в темном зеркале скал и льда.— Мы останемся вместе, и если нужно, вместе умрем! Не подобает владыке оставаться дома, когда другие сражаются!

Ван Рийн откашлялся и буркнул:

— Беда с этой аристократией! Для них главное — продемонстрировать благородство и отвагу, а не разум. Зато я охотно остался бы дома, если бы не нужно было показать, что я доверяю собственным планам.

— А в самом деле вы не доверяете? — скептически поинтересовался Эрик.

— Не болтай глупостей,— фыркнул ван Рийн.— Конечно, нет.— Он проковылял к специально сделанной для него штабной тележке. Там, по крайней мере, были стены, крыша и кровать. Ветер свистел в каменном ущелье, и ван Рийн сопротивлялся ему изо всех сил. Над головами парили, пикируя вниз, эскадры ланнахов.

У Вейса, как и у Сандры, была собственная тележка, но княгиня попросила Эрика, чтобы он ехал вместе с ней.

— Прости меня за эту театральность, Эрик, но мы можем погибнуть, а очень досадно умирать в одиночестве, когда рядом нет человека, который может взять тебя за руку.— Она несколько принужденно засмеялась.— И тут, по крайней мере, мы можем поговорить.

— Боюсь,.. — он откашлялся, так как горло у него сжало,— боюсь, госпожа, что я не могу так гладко произносить речи, как Николас ван Рийн.

— Ох,— улыбнулась Сандра.— Я как раз хочу именно разговаривать, а не слушать чьи-то монологи.

Однако, когда тележки двинулись, она замолчала. Молчал и Эрик.

Без часов им трудно было оценить, сколько времени заняло путешествие. В стране ланнахов лето было уже почти в самом разгаре: через каждые двенадцать с половиной часов солнце касалось горизонта на севере, но настоящей ночи не было.

Эрик Вейс смотрел, как мимо них пробегают окрестности, ел, спал, разговаривал с Сандрой или молодым Ангреком, который помогал им, а тем временем окружающая их горная страна все больше переходила в волнистые долины и леса, состоящие из низких деревьев с перьевидными листьями; море же становилось все ближе.

Иногда перегрев оси или встречный ветер приостанавливали движение вперед. В ряды ланнахов вкрадывалось беспокойство; они привыкли к быстрым перелетам с гор к побережью, продолжавшимся от силы один день, а не к кружению над поездом, ползущим, как медленный червяк. Разведчики дракхонов, конечно, высмотрели их с воздуха, и в залив Сагна вошел конвой плотов с сильным подкреплением. Дозоры устраивали стычки с флангами колонны. И несмотря на это, поезда должны были продвигаться вперед.

В общей сложности, за время между выездом из Сальменброка и прибытием в Манненах Диомед восемь раз обернулся вокруг собственной оси.

Портовый город Манненах лежал на берегу залива Сагна, вдали от открытого моря, и был окружен поросшими лесом взгорьями. Это был мрачный и хмурый комплекс каменных башен, тесно сплетенных цепью туннелей и крытых мостов, с дюжиной больших ветряных мельниц. Манненах располагался на небольшой косе, которую дракхоны расширили. Вдали, на фоне бушующих коричневых волн темнели колышущиеся силуэты нескольких десятков плотов.

Когда поезд остановился, Эрик Вейс выпрыгнул из тележки

Сандры. Стрелять было еще не во что: было видно только несколько остроконечных крыш, торчащих из-за травянистого края находящегося перед ними взгорья. Несмотря на свист ветра, Эрик слышал шум от крыльев дракхонов, взлетающих над городом, кружащихся в воздухе, словно обретший телесную оболочку смерч. Однако в воздухе было густо от ланнахов, и враг еще не решался на немедленную атаку.

Сердце учащенно билось, словно хотело вырваться из груди, а во рту все пересохло так, что Эрик не мог подать голос. Словно сквозь туман он заметил, что Сандра спала рядом с ним. Диомеданская охрана под предводительством Ангрека окружила их остроконечным частоколом копий.

Девушка проснулась и улыбнулась.

— Ну что ж, уже легче,— сказала она.— Конец вынужденному сидению без дела. Теперь мы сделаем все, что сможем, правда?

— Неправда! — прохрипел ван Рийн, ковыляя по направлению к ним. Так же, как Эрик и Сандра, он надел шлем и плохо лежащую на нем кирасу из многих слоев твердой кожи, одетую на дурно пахнущую одежду из местных тканей. Для уверенности торговец одел два панциря, один поверх другого; на левом плече у него был щит, а другой, словно защитный экран, над ним держали два молодых воина. За поясом у Ван Рийна торчал топорик и множество каменных ножей.

— Если мне удастся, то я ничего не буду делать, черт побери! Вы можете вступать в сражение, а я останусь так далеко в тылу, как только позволят добрые святые.

Эрик обрел дар речи.

— Я часто думал,— язвительно заметил он,— что, может быть, между цивилизованными существами было бы меньше войн, если бы их генералы выходили бы на поле боя, согласно древним обычаям.

— Фи! Ерунда! Войн было бы столько же, только у генералов было бы больше отваги и меньше ума. По моему мнению, трусы — самые лучшие стратеги, это можно легко доказать! Я остаюсь в тележке.

Ван Рийн ушел, бормоча что-то себе под нос.

Вновь созданные подразделения полевой артиллерии Трольвена поспешно выгружали свои неуклюжие орудия с тележек и монтировали их, в то время как эскадры и воздушные патрули сталкивались вверху. Вейс выругался: наконец-то было что-то для него! — и поспешил к ближайшему центру замешательства.

— Эй, вы там! Назад! Что вы делаете? Эй, ты, войди в тележку и отвяжи главную раму... нет, не то... Вот идиот!

Через некоторое время он почти забыл о битве, которая разгорелась вокруг него.

Гарнизон Манненаха и подкрепления, подошедшие с моря, начали с осторожного прощупывания, применяя только несколько эскадр одновременно; эти эскадры выдвигались к летящим подразделениям ланнахов, чтобы затем отступить к городу. Здесь дракхоны были в значительном меньшинстве;

Трольвен правильно рассчитал, что ни один адмирал не решился бы оставить главные силы Флота без достаточно мощного прикрытия, пока ланнахи были еще достаточно грозны. Кроме этого, моряки удивились и немного испугались при виде странных войсковых соединений атакующих.

По крайней мере, половина ланнахов маршировала в шеренгах на земле, прикрытая крышеподобными щитами, которые даже не позволяли им летать! Никто о подобном даже не слышал!

В течение часа обе армии вошли в более тесный боевой контакт. Имея преимущество в воздухе, дракхоны все время пробивали воздушное прикрытие Трольвена. Но тут же строй воздушных сил восстанавливался, координируемый летучими отрядами свистунов. Атаки на пехоту ланнахов не приносили пользы: эти неуклюжие щиты из прутьев задерживали метательные снаряды с заостренными концами, отбивали камни, и налеты с воздуха не причиняли атакующим почти никакого вреда.

Стрелы уже падали густо, когда Эрик, наконец, расставил по местам всю боевую технику. Он кивнул головой свистуну, который немедленно взлетел, чтобы передать известие Трольвену. С командного пункта, где находился Трольвен, вылетела туча посланников. На земле развернулись знамена, ветер понес военные кличи, одним словом, это был сигнал к наступлению.

В окружении охраны Ангрека Эрик хорошо осознавал, что он находится в передней линии наступления. Сандра с полуоткрытым ртом стояла рядом с ним. На обоих флангах растягивались ощетинившиеся копьями шеренги воинов. Казалось, они еще долго не достигнут гребня взгорья.

Один за другим офицеры дракхонов начали понимать, в чем дело. Тут и там раздавались крики изумления.

Невозмутимые подразделения пехоты ланнахов, которые нельзя было победить с воздуха, не встречая сопротивления на земле, медленно переливались через край холма, направляясь к стенам Маннеиаха, и тянули за собой осадные машины. Когда воины добрались до места, они принялись за дело.

В воздухе бушевал ураган крыльев и оружия. Дракхоны ныряли, рубили и кололи пехоту Трольвена и сами, в свою очередь, оказывались атакованными сверху, когда летучие отряды ланнахов, рассеянные на мгновения, снова возвращались в боевой порядок. Одновременно — трах, трах, трах — тараны ударяли в стены, а пешие отряды обходили город, направляясь к порту.

— Так! Дай ему еще! — Вейс осознал, что это он сам кричит.

Что-то пролетело через хаос в воздухе. Прошитое стрелами тело ланнаха рухнуло на землю. За ним поспешило другое, живое тело воина-дракхона, с треском рассекающее крыльями воздух. Он летел быстро и низко; один из воинов Ангрека замахнулся на него мечом, промахнулся и упал с головой, разбитой топориком моряка.

Не отдавая себе отчета в том, что произошло, Эрик уви-

дел драккона перед собой. Он резко замахнулся на него каменным топориком, но удар крылом повалил его на землю. Он опять вскочил на ноги, плюясь кровью, но в этот момент моряк снова оказался над ним в пикирующем полете. Ладони Эрика были пусты... Неожиданно дракхон крикнул, схватился за горло, в котором торчала стрела, упал, скорчился и замер.

Сандра наложила на тетиву новую стрелу и сказала:

— Я же говорила, что могу пригодиться.

— Я... — Эрик Вейс обернулся и посмотрел на нее.

— Иди,— сказала она,— помоги им прорваться. Я буду тебя прикрывать.

Она была бледнее, чем обычно, но в ее глазах горел зеленый огонь.

Эрик снова принял под свое командование саперов. Уже было видно, что атака таранами не привела к успеху: через каменные стены, связанные раствором, они могли пробиваться до следующей весны. Эрик отозвал всех с осадных машин и послал на помощь копающим. Имея в распоряжении много деревянных лопат, или даже голыми руками, они стремились прорыть подкоп в город.

Где-то вдалеке раздался такой сильный шум, что он заглушил другие звуки битвы. Вейс прыгнул на раму тарана и поверх голов осмотрелся вокруг.

Группа дракхонов приняла бой на земле. Они не были обучены такой тактике, но и ланнахи сами делали лишь первые шаги в ее освоении. В яростной атаке дракхоны теснили своих противников назад. Трольвен видел, что в передней линии наступления появилась серьезная брешь.

— Где же, черт возьми, машинное оружие?

Но вот на маленькой подпрыгивающей тележке подвезли орудие. Двое ланнахов начали разгонять колесо, а третий подавал снаряды. Поток смерти понесся на дракхонов. Их наступление захлебнулось, и дракхоны начали спасаться бегством в воздух. Эрик схватил Сандру в объятия и пустился с ней в пляс по полю.

Настоящий ад бушевал на крышах города. Отряд Эрика наконец-то докопался до подземного перехода, открывая себе дорогу в город. Оттесняя врага перед собой на верхние этажи и крышу, ланнахи моментально заняли одну башню.

— Ангрек! — Вейс тяжело дышал.— Помоги мне туда добраться! — Кто-то опустил канат, по которому Эрик, а за ним и Сандра забрались наверх. Стоя на коньке крыши, он смотрел поверх каменных парапетов и вращающихся ветряных мельниц в сторону залива. Силы Трольвена заняли пирс безо всяких хлопот. Однако они не могли продвинуться дальше. Их сдерживал непрерывный поток огня, зажигательных бомб и снарядов с катапульт, находящихся на плотах, стоявших на якоре. Подобное оружие ланнахов имело значительно меньший радиус действия.

Сандра отвернулась от ветра, который выдавливал слезы из ее глаз, и показала на что-то.

— Эрик, узнаешь ли ты вон тот флаг на самом большом судне?

— Гм-м-м... дай-ка я хорошо присмотрюсь... Не личный ли это флаг нашего старого знакомого Дельпа?

Конечно. Видимо, он избежал наказания за замешательство, которое мы вызвали. Честно говоря, я предпочла бы сражаться с кем-нибудь другим. Это было бы лучше для нас...

— Может быть,— согласился Вейс.— Но сейчас не до рассуждений. Мы уже одной ногой в городе. Теперь мы должны разбить ворота и вытеснить врага метр за метром. Ты останешься здесь!

— Не останусь!

Вейс пальцем подозвал Ангрека и бросил:

— Вышли отряд, чтобы он провел госпожу к тележкам!

— Нет! — крикнула Сандра.

— Слишком поздно,— улыбнулся Эрик.— Я обговорил это еще до того, как мы выступили из Сальменброка.

Она бросила ему проклятье, но потом неожиданно ласково обратилась к нему:

— Возвращайся целым и невредимым, дорогой,— прошептала она едва слышно сквозь свист ветра и военные крики.

Эрик повел солдат внутрь башни.

После он уже не мог вспомнить подробности боя. Это была тяжелая и кровавая битва, которую вели топором и ножом, зубами и когтями, крыльями и хвостом, в узких туннелях и больших залах. Эрик получал удары и отвечал на них; один раз он на несколько секунд потерял сознание, в другой раз провел победное наступление на просторный зал собраний. У него не было клыков, крыльев или хвоста, но свои удары он редко вынужден был повторять, так как был сильнее любого диомеданца.

Ланнахи заняли Манненах потому, что имели больше времени для изучения тактики битвы со стесненными крыльями. Такая борьба была настолько чужда инстинкту диомеданцев, как для людей борьба со связанными руками, с применением только зубов. Не готовые к этому дракхоны, как крысы, удирали по туннелям в поисках открытого неба.

Через много часов, шатаясь от усталости, Эрик Вейс вскарабкался на плоскую крышу дома на другой стороне улицы. Там сидел Толк, ожидая его.

— Я думаю, что весь город в наших руках,— сказал Вейс.

— Но это еще не победа! — Толк указал на залив.— Посмотри вон туда!

Вейс схватился за парапет, чтобы встать.

Уже не было ни пирса, ни бараков на последней платформе — все окутывал густой черный дым. А плоты и лодки дракхонов собрались на отмелях, создавая нечто вроде моста. По их палубам моряки перетаскивали на берег части катапульт и огнеметов.

— У них хороший командир,— заметил Толк.— Он очень быстро понял, в чем дело; должен сказать, что у наших ме-

тодов ведения боевых действий есть свои слабости.

— Что Дельп намеревается делать? — прошептал Эрик.

— Подожди немного и сам все увидишь! — усмехнулся герольд.— Мы уже ничего не сможем сделать, чтобы воспрепятствовать ему!

Дракхоны все еще имели преимущество в воздухе. Посматривая на низкое и мрачное небо, заполненное дождевыми тучами, проплывающими над бурным морем цвета бронзы, Эрик Вейс увидел, как дракхоны подлетают, чтобы окружить воздушную охрану ланнахов.

— Видишь,— сказал Толк.— Это правда, что их воздушные силы ничего не могут сделать нашей пехоте, но Дельп понял, что это относится и к противной стороне.

Трольвен был слишком хорошим командиром, чтобы дать захватить себя врасплох. Его летающие солдаты отступали, сражаясь за каждый метр, и через короткое время в воздухе летали только серые перья.

На земле, под прикрытием снарядов, которые метали с плотов по навесной траектории, моряки монтировали подвижную артиллерию. У них ее было больше, чем у ланнахов, и они были лучшими стрелками. Несколько атак пехоты захлебнулось в кровавом беспорядке.

— Разумеется, у них нет нашего автоматического оружия,— сказал Толк.— Но и у нас его нет в таком количестве, чтобы это могло оказать решающее влияние на ход битвы.

Вейс повернулся в сторону Ангрека, который приблизился к ним, и крикнул:

— Не стой здесь! Сойди вниз, собери наших, возьми катапульты! Может быть, нам удастся что-то сделать!

— Теоретически, да,— Толк кивнул худой головой.— Я понимаю, что солдаты, сражаясь на земле, могли бы передвигаться от укрытия к укрытию, подкрасться к катапультам и огнеметам и топорами выбить их расчеты. Но практически это невозможно осуществить!

— Так что бы ты сделал? — застонал Эрик.

— Сначала подумаем, что произойдет наверняка,— начал Толк.— Мы скорее всего потеряем наши поезда, если их еще не захватили. Я думаю, они будут сожжены. Таким образом, наше снабжение прекратится. Наши силы разделены. Наши воздушные силы рассеяны. Наземные остались здесь. Трольвен не сможет пробиться к нам, потому что он находится в меньшинстве. Мы здесь, в Манненахе, количественно значительно превышаем наших противников. Но с их артиллерией мы не можем мериться силой. Для того же, чтобы продолжать сражаться, мы должны отбросить наши большие щиты и другие новомодные устройства и вернуться к обычной битве в воздухе. Но пехота плохо вооружена для традиционной борьбы. У нас, например, слишком мало лучников. Дельпу будет достаточно только спрятать войско на плотах, под прикрытием огневого оружия, и несмотря на все наше преимущество, мы не сможем до них добраться. Тем временем он держит нас здесь

под огнем, отрезанных от пищи и жилья. Дополнительное вооружение, которое произвела наша мельница, бесполезно лежит в Сальменброке. А вскоре, несомненно, подойдут сильные подкрепления Флота.

— К черту все это! — крикнул Вейс.— Мы взяли город, не так ли? Мы можем в нем защищаться до тех пор, пока дракхоны не рассыплются от старости.

— А что мы будем есть все это время? — спросил Толк.— Ты хороший инженер, землянин, но слабый воин. Неопровержимым фактом является, что Дельпу удалось разделить наши силы и тем самым он уже победил. Я предлагаю отступить сейчас, пока мы еще можем это сделать.

Неожиданно его спокойствие исчезло, он съежился, закрыл глаза крыльями, и изумленный Вейс заметил у герольда первые признаки старости. На палубах продолжались танцы победы, и радостное пение звучало по всему заливу Сагна, отражаясь от окружающих его взгорий. Вверху, внизу, спереди и сзади ноги и крылья сплетались в танце так, что доски трещали. Высоко на мачте игрок добывал высокие звуки из пищалки; внизу большой бубен надсмотрщика, служащий для поддержания темпа работы весел, на этот раз выбивал ритм танца. В кругу фигур, стоящих со сложенными крыльями, мокрой от пота шерстью и блестящими глазами, кружился моряк с женщиной, и сотни глоток гудели песню:

«...Плыть, плыть, плыть, по морю Пива!
Полюби меня, родная,
И мы вместе поплывем
На моем плоту...»

Дельп вышел из каюты на корму и посмотрел на экипаж.

— Через шестьдесят декад состав Флота значительно увеличится,— засмеялся он.

Родонис крепко держала его за руку.

— Я бы хотела бы... — начала она.

— Да?

— Иногда... да нет, ничего...

Танцующая пара вспорхнула вверх, и ее место на палубе тут же заняла следующая. Доски затрещали под очередной бочкой пива, выставленной в знак победы.

— Иногда я хотела бы быть такой, как они,— наконец закончила Родонис.

— И жить в форкастеле? — сухо поинтересовался Дельп.

— Ну нет, конечно же, нет...

— За отдельную каюту, слуг, красивую одежду и свободное время нужно платить соответствующую цену,— сказал Дельп. Его глаза поблекли.— Как раз сейчас я буду платить очередной взнос.

Он коснулся хвостом стены, распростер крылья и ударил ими, поднимаясь в воздух. Дюжина вооруженных воинов поспешила за ним. Взгляд Родонис тоже.

Плоты дракхонов тесно сбились под потрескавшимися стенами Манненаха; следы битвы еще не были убраны, потому

что моряки спешили отпраздновать тяжело завоеванную победу Только профессиональные солдаты остались на страже, поскольку никого нельзя было преждевременно предупреждать о возможности нападения. На форкастеле хвалились, что моряк Флота, пьяный, с женщиной на коленях победит трех солдат любой другой расы, будь они даже трезвыми.

Летя над спокойными водами под высоким безоблачным небом, Дельп раздумывал над значением такого хвастовства для морального облика Флота и сопоставлял его с суровой действительностью... Ланнахи сражались, как дьяволы. Дракхоны еще победили в этот раз...

Внизу оказалась группа лодок. На одной мачте, украшенной гирляндами, развевался флаг адмирала. Теонакс прибыл сам, вместо того, чтобы вызвать Дельпа к себе. Это могло означать, что он хочет забыть старые распри. Родонис не хотела говорить мужу, что произошло между ней и Теонаксом, и Дельп не заставлял ее делать это; однако было очевидно, что она чем-то вынудила наследника трона вынести оправдательный приговор. Более правдоподобным казалось, что новый адмирал прибыл для того, чтобы присмотреть за этим ненадежным капитаном, который превратил в большую победу не выполненное задание удержать гарнизон в городе. Иногда случалось, что командир, пользующийся таким уважением, поднимал флаг бунта и пытался стать адмиралом.

Дельп, который не питал уважения к Теонаксу, но чтил его должность, чувствовал себя обиженным таким подозрением.

Он приземлился, как ему было указано, на противовесе лодки и ждал, когда на палубе зазвучит рев приветствия. Ожидание длилось дольше, чем нужно.

Подавляя гнев, Дельп перелетел на палубу лодки и упал лицом вниз.

Встань, сказал Теонакс безразличным тоном. Мои поздравления по случаю победы. Ты хотел со мной поговорить? — Он едва сдерживал показную зевоту.— Можешь сейчас...

Дельп посмотрел на сгрудившихся вокруг офицеров, солдат и моряков.

— Если адмирал позволит, я хотел бы поговорить с ним отдельно, только в присутствии самых приближенных офицеров,— сказал он.

— Ах, так? Ты считаешь, что то, что ты хочешь сказать, настолько важно? — Теонакс толкнул молодого офицера, стоящего рядом, и многозначительно подмигнул.

Дельп распростер крылья, затем вспомнил, где находится, и медленно кивнул. Он держал голову так прямо, что у него заболела шея.

— Да, господин, я так считаю,— выдавил он из себя.

— Хорошо... — Теонакс неспешно направился в сторону каюты.

Она была достаточно обширна, чтобы вместить четверых человек, но внутрь вошли только они вдвоем, а также молодой

фаворит, который улегся на полу и со скучающим видом закрыл глаза.

— Адмирал не хочет, чтобы присутствовали советники? спросил Дельп.

Теонакс улыбнулся.

— А ты сам, капитан, разве не имеешь намерения давать мне советы?

Дельп мысленно посчитал до двадцати, разжал стиснутые челюсти и заговорил:

— Как адмирал пожелает. Я думал о нашей новой стратегии, и эта битва меня немного испугала...

— Я не знал, что тебя может что-то испугать.

— Адмирал, я... Впрочем, неважно! Прими во внимание, господин, что враг был очень близок к тому, чтобы победить нас. Они заняли город. Мы перехватили их оружие, которое является таким же хорошим, как и наше, или даже лучшим, в том числе несколько устройств, о которых я никогда не слышал... Оружия было на удивление много, принимая во внимание то, как мало у них было времени, чтобы сделать все это. Кроме того, эта их проклятая тактика сражения на земле... Не как временное действие, например, при захвате плота, но главная тактика боевых действий! Единственная причина, из-за которой они проиграли, это недостаточная координация между силами на земле и в воздухе, а также неподготовленность к возможному изменению обстановки. Они не были готовы моментально отбросить щиты и перейти к сражению в воздухе организованными эскадрами. Но если мы дадим им шанс, они исправят эту ошибку...

Теонакс провел когтями по шерсти на плече и хмыкнул.

Не люблю пораженчества,— сказал он.

— Адмирал! Я стараюсь избежать недооценки противника. Ясно, что свои новые идеи они почерпнули от землян. Но что они еще могут получить от них?

— Гм-м-м... Да... — Теонакс поднял голову. На мгновение в его глазах появилось выражение неуверенности.— И что ты предлагаешь?

— Сейчас они рассеяны,— начал Дельп с растущим энтузиазмом.— Я уверен, что неудача повлияла на них деморализующе. И к тому же они потеряли все свое тяжелое оборудование. Если мы сейчас не дадим им опомниться, то война может закончиться. Прежде всего мы должны нанести решающее поражение всей их армии. Тогда они будут вынуждены уступить и отдать нам эту страну, иначе они полностью вымрут, как насекомые, когда придет их время рождений.

— Да... — Теонакс с удовлетворением улыбнулся.— Как насекомые. Как грязные, паршивые насекомые. Мы не позволим им улететь, капитан.

— Они заслуживают того, чтобы мы им дали шанс,— запротестовал Дельп.

— Это дело высокой политики, капитан, и это буду решать я.

— Прости, господин,— произнес Дельп.— Адмирал,— добавил он через мгновение,— не отдашь ли ты часть наших войск под мое командование с приказом атаковать ланнахов?

— Ты же не знаешь, где они сейчас находятся!

— Они могут быть где угодно в горах, господин. У нас есть пленные, которых можно заставить указать нам путь и снабдить нужными сведениями. Разведка утверждает, что ставка ланнахов находится в месте, известном под названием Сальменброк. Хотя... они могли исчезнуть куда угодно... даже провалиться сквозь землю.— Дельп вздрогнул. Его мир состоял из отдельных островов и плоского горизонта на море: склоны гор наполняли его ужасом.— Местность дает множество укрытий. Думаю, наша атака не будет легкой...

— Как ты предлагаешь ее провести? — ворчливо спросил Теонакс. Он не любил, когда во время торжеств, во время победы и обильного пира ему напоминали, что впереди еще много жертв, которые должны были быть понесены в этой войне.

— Нужно вынудить их выступить в открытой битве, господин. Я хотел бы взять наши главные силы, а также несколько местных проводников, которых я заставлю оказать нам помощь, и отправиться от города к городу туда, наверх, сравнивая с землей все, что нам попадется, сжигая леса и убивая животных. Не дать им возможности охотиться с загонщиками, не дать им возможности добывать пищу для женщин и детей. Рано или поздно они вынуждены будут выступить против нас. И тогда я добьюсь победы над ними!

— Понимаю,— кивнул Теонакс.— А если они победят тебя? — тут же добавил он с усмешкой.

— Это невозможно!

— В священных письменах написано: Путеводная Звезда светит не только одному избранному народу!

— Адмирал знает, что война всегда несет в себе какой-то риск. Но я убежден, что мой план гораздо безопаснее, чем ждать здесь, внизу, пока земляне выдумают какую-то новую чертовщину.

Палец Теонакса ткнул в Дельпа.

— Не беспокойся! Ты забыл, что у них скоро кончится еда? Мы можем не принимать их во внимание.

— Я думаю...

— Молчать! — визгливо крикнул Теонакс.— Не забывай, что твои огромные экспедиционные силы оставят Флот без соответствующей защиты. А без Флота, без плотов мы пропали.

— Ах, господин! Не опасайся атаки... — начал с оживлением Дельп.

— Что? Опасаться? — напыжился Теонакс.— Капитан, ты забываешь, что сомнение в компетентности адмирала — государственная измена!

— Я не имел в виду...

— Я не буду делать из этого выводов,— спокойно произнес Теонакс.— Однако, или ты полностью покоришься, моля о пощаде, или вон отсюда!

Дельп поднялся. Его губы приоткрылись, показав клыки: расовый инстинкт, берущий начало у диких предков, призывал его разорвать глотку противнику. Теонакс сжался, готовый позвать на помощь.

Очень медленно Дельп овладел собой. Через мгновение он направился было уже к выходу, но тут остановился, сжав кулаки, и пленка на его крыльях явственно набухла от прилива крови.

— Ну же,— улыбнулся Теонакс

Словно испорченный механизм, Дельп упал на живот.

— Я унижаюсь,— пробормотал он.— Я съедаю твои отходы, господин. Я заявляю, что мои отцы были невольниками твоих. Как рыба в сети, ловя воздух, я умоляю тебя о прощении.

Теонакс упивался каждым словом. Дополнительное удовольствие приносило ему сознание того, что Дельп так ловко дал поймать себя в ловушку между своей гордостью и желанием служить Флоту.

— Очень хорошо, капитан,— сказал адмирал, когда церемония завершилась.— Благодари меня за то, что я не потребовал твоего унижения в присутствии всех. Теперь я хочу слышать, что ты хочешь сказать. Мне кажется, что ты говорил что-то об обеспечении прикрытия плотов.

— Да, господин. Я говорил, что плоты могут не опасаться врага.

— В самом деле? Они действительно находятся в открытом море, но не так далеко, чтобы до них нельзя было долететь в течение нескольких часов. Что удержит армию Стада от того, чтобы собраться в горах, о чем ты не будешь знать, и атаковать плоты, прежде чем ты сумеешь прийти к нам на помощь?

— Как бы я желал этого, господин.— К Дельпу немного вернулся энтузиазм.— К сожалению, их командиры не так глупы. Никогда в истории морских войн воздушные силы не были в состоянии победить Флот без поддержки с воды. Самое большее, что они могут сделать, это с огромными потерями занять один или два плота.... на определенное время... как во время того налета, когда они унесли землян. Другие суда подойдут и отгонят их. Видишь ли, господин, те, кто находятся в воздухе, не могут пользоваться военными машинами: катапультами, огнеметами и так далее, которые сами по себе способны уничтожить морские силы. И одновременно экипажи плотов могут стоять под прикрытием и стрелять вверх, поражая нападающих, сколько душе будет угодно.

— Ну что ж, верно,— кивнул Теонакс.— Все это так очевидно, что повторение этого было бы для меня потерей времени. Однако я понимаю, что по твоему мнению, небольшой группы стражников будет достаточно, чтобы сдержать любую атаку ланнахов.

— Если нам повезет, мы свяжем врага битвой на море, пока не прилечу я с главными силами. Но, как я уже сказал, господин, они наверняка достаточно разумны, чтобы воздержаться от таких действий...

— Ты строишь слишком смелые предположения, капитан,—

буркнув, перебил Дельпа Теонакс.— Ты не только предполагаешь, что я отпущу тебя в горы, но даже думаешь, что вручу тебе командование главными силами?

Дельп склонил голову и опустил крылья.

— Прости, господин,— пробормотал он.

— Я думаю, что будет лучше всего, если ты останешься в Манненахе вместе со своей флотилией.

— Как адмирал пожелает. И все же, господин, не хочешь ли ты все-таки обсудить мой план?

— Пусть тебя сожрет Акхан! — рявкнул Теонакс.— Ты хорошо знаешь, что мне не за что тебя любить, но твой план хорош и ты сам лучше всего претворишь его в жизнь. Я назначаю тебя командующим эспедиционными силами.

Дельп имел такой вид, будто только что был поражен молнией.

— А теперь убирайся! — приказал Теонакс.— Официальное совещание мы проведем позже.

— Я благодарю моего господина...

— Убирайся, я сказал!

Когда Дельп вышел, Теонакс обратился к своему фавориту.

— Не беспокойся,— усмехнулся он.— Я знаю, о чем ты думаешь. Этот солдат выиграет свою кампанию и станет еще популярнее, а значит, со временем ему в голову может прийти мысль о посягательстве на трон адмирала, так?

— Я только задумываюсь, как мой господин собирается избежать этого,— прошептал дворянин.

— Что может быть проще,— засмеялся Теонакс.— Я знаю такие характеры. Пока продолжается война, с его стороны можно не ожидать никаких предосудительных поступков. Так что пускай пока повоюет. Он победит этих ланнахов, в этом нет сомнений, уж очень ему этого хочется. Потом он отправится в погоню за оставшимися в живых, чтобы довершить дело. И во время этой погони какая-нибудь шальная стрела окажется очень кстати. Такие вещи, к сожалению, случаются. Да!

Густая атмосфера Диомеда поднимала частицы пыли — центры конденсации воды в более высокие и холодные струи. Поэтому на планете было больше туч и разного рода осадков, чем на Земле. Когда небо было чистым, звезд все равно было видно меньше, а в облачные ночи кругом стоял непроницаемый мрак.

Туман через каменистые долины и высокое солнце Полного Лета перешел в холодный сумрак. Толпы ланнахов, расположившихся вокруг Сальменброка, роптали от голода и отсутствия надежды. Само солнце отвернулось от них!

Не горел ни один костер, так как все топливо в округе было уже сожжено. Все срединные земли были уже лишены зверья, несозревших посевов, даже червей и насекомых не было, так как и они исчезли в желудках полчищ воинов.

Теперь, в этой страшной темноте, истекающей влажностью, существовал только ветер и быстрые воды, бегущие среди ледников... а также гора Оборх, извергающая клубы дыма из глубин земли.

Трольвен и Толк оставили позади отчаявшихся предводителей кланов и пошли вверх по узкой тропинке, закрытой туманом, к мельнице, в которой работали земляне.

Только здесь, как казалось, жизнь продолжалась — огонь пылал, вода из резервуара текла по желобам, заставляя вращаться колеса, брошенные ветром; в мерцающем свете лампадок было видно только движение — тарахтение токарных станков и удары молотов. Сверхчеловеческими усилиями Николас ван Рийн подавил горькие протесты людей Ангрека, и фабрика работала дальше.

— Зачем? — подумал Трольвен. Мысли его были серыми, как тот туман, который клубился вокруг.

Ван Рийн лично поприветствовал их у двери, скрестив на груди мощные руки.

— Как дела, друзья? — спросил он.— Здесь все идет нормально, вскоре артиллерия будет готова.

— На что она нам? — автоматически спросил Трольвен, но тут же поправился: — Конечно, у нас тогда будет возможность сделать Сальменброк неприступным, что означает, что мы сможем здесь окопаться и защищаться от врага, пока не умрем от голода.

— Не говори мне о голоде,— ван Рийн засунул руку в сумку, выудил оттуда кусок сухого сыра и с грустью осмотрел его.— Подумать только, что совсем недавно это был сочный и вкусный швейцарский сыр. Теперь я не дал бы его и крысам.— Тем не менее, он впихнул кусок себе в рот и, скривившись, начал жевать.— Мои проблемы с наполнением желудка более серьезны, чем ваши. Во-первых, высокая температура кипения воды приводит к тому, что кухня на этой планете отвратительна. Повара не имеют понятия о регулировании температуры. Во-вторых, ваши носильщики несли меня весь этот путь от Манненаха только для того, чтобы я сейчас мог умереть с голода, да?

— Нет,— покачал головой Толк.— Он и его друзья приложили все старания, Предводитель Стада,— обратился он к Трольвену.

— Прости меня,— вожак кивнул толстому землянину.— Видишь ли, только что пришло известие, что дракхоны уничтожили Эйсельдрас.

— Этот покинутый город?

— Священный город! Они осмелились поджечь лес вокруг него! — Трольвен напрягся.— Так дальше продолжаться не может! — продолжал он.— Через какое-то время эта страна будет так опустошена, что даже если мы и победим, она не прокормит нас. А это означает...

— Я думаю, что вы еще можете пожертвовать парочкой лесов,— махнул рукой ван Рийн.— Это не слишком перенаселенные края.

— Послушай-ка,— жестко произнес Трольвен.— До сих пор я спокойно переносил твое поведение. Я согласен, что ты в принципе прав: выступив всей нашей мощью в решительной битве с врагом, мы рискуем потерпеть окончательное пора-

жение. Но бездеятельно сидеть здесь, предпринимая всего несколько партизанских вылазок против выдвинутых вперед постов врага в то время, когда он уничтожает весь наш народ! Это верная дорога к гибели!

— Нужно было время,— покачал головой ван Рийн.- Время для того, чтобы восполнить то, что мы потеряли в Маннеиахе и на то, чтобы создать новое вооружение.

— Зачем? То, что вы наизобретали, нельзя переносить иначе, как с использованием большого каравана. И, что самое плохое, этот сукин сын Дельп, будто бы зная это, уничтожил дорогу!

— Тут ты не прав, Троль,— усмехнулся ван Рийн.— Мой молодой друг Эрик немного переделал это вооружение. Сейчас оно разбирается, и его можно будет транспортировать при помощи женщин и детей, которые будут нести всего по одной или по две части...

— Я знаю об этом,— прервал его вождь.— Ты уже объяснял это раньше. Но я продолжаю повторять: против кого мы его употребим? Если мы поставим его в каком-то определенном месте, драхонам будет достаточно избегать этого места. А мы не можем долго оставаться в каком-то районе, так как толпы наших солдат объедят его до голой земли.— Трольвен набрал в грудь воздуха: — Я прибыл сюда не для того, чтобы препираться с тобой, земляник. Я прибыл с посланием Верховного Совета Ланнаха, в котором сказано, что пища в Сальменброке на исходе, так же, как и терпение войска. Мы должны, нет, мы обязаны дать сражение!

— Конечно, надо дать сражение,— невозмутимо кивнул толстяк.— А пока что я хотел бы поговорить с этими вашими надутыми членами Совета.

Он просунул голову в помещение:

— Эрик, мальчик мой, будет лучше всего, если ты немедленно начнешь упаковывать то, что у нас уже есть. Скоро это нужно будет переносить.

— Я понял! — донесся до стоящих снаружи ответ.

— Вот и хорошо. Ты здесь работай, а я немного займусь политикой, чтобы все это хорошо пошло.— Ван Рийн потер волосатые руки, усмехнулся и отправился с Толком и Трольвеном, шаркая ногами, очевидно для того, чтобы показать свою страшную усталость.

Эрик вышел и смотрел Ван Рийну вслед даже тогда, когда тот исчез в стене тумана.

— Да... — наконец прошептал он.— Так всегда. Мы делаем, а он болтает. Да здравствует равенство!

— Что ты имеешь в виду? — Сандра отошла от стола, возле которого работала, и подошла к нему.

— То, что говорю. Я вот думаю, почему я еще не сказал ему это прямо в лицо. Я не боюсь этого жирного паразита и не нуждаюсь в его дерьмовом жалованье!

Эрик махнул рукой на мельницу и на трудолюбивое окружение ланнахов, царящее вокруг него.

— Он говорит — сделай это, сделай то, а сам идет на прогулку. Когда я думаю о том, как он обжирается едой, которая нужна тебе, госпожа, для того, чтобы выжить

— Разве ты не понимаешь? — Сандра пристально посмотрела на юношу.— Нет, я думаю, что ты слишком занят все это время, чтобы спокойно все обсудить. А до этого тебе поручали мелкие задания и ты не познал искусства управления, разве не так?

— Что ты имеешь в виду? — повторил он за ней, как эхо, и посмотрел на Сандру потускневшим взором, затянутым туманом усталости.

— Может быть, ты поймешь это позже. Сейчас мы должны спешить. Вскоре мы выйдем из города, и все должно быть готово для пути.

На этот раз она нашла себе занятие на те десять или пятнадцать земных дней, которые прошли со времени битвы за Манненах. Ван Рийн требовал, чтобы все дополнительное снаряжение, которое не взяли на битву из-за нехватки места, было приспособлено к воздушной перевозке. Это требовало определенных изменений, таким образом, чтобы большие элементы из дерева можно было разделить на меньшие и потом складывать их, когда нужно. Вейс этого достиг. Однако в месте назначения возник бы хаос, если бы не было возможности идентификации каждой части. Сандра разработала систему обозначений и теперь наносила их кисточкой.

Ни у нее, ни у Эрика Вейса не было времени на длительный сон. Они даже не были в состоянии вдуматься глубже в то, на что пригодятся их труд.

— Старый Ник говорил что-то о нападении на сам Флот...— буркнул Эрик.— Он что, в своем уме? Неужели мы должны садиться на воду и там монтировать катапульты?

— Может быть,— пожала плечами Сандра. Ее голос был равнодушен.— Меня это уже не так беспокоит. Вскоре все должно решиться, так как у нас осталось пищи только на четыре земных недели или даже немного меньше.

— Мы можем прожить, по крайней мере, два месяца, вообще не принимая пищи,— сказал Эрик.

— Но мы ослабеем...— Сандра опустила взгляд.— Эрик...

— Да? — он отошел от дисковой пилы с обсидиановыми зубьями, приводимой в движение ветряком, и склонился над Сандрой. Слабый свет плошки отражался в каплях росы, собравшихся в ее волосах и сверкающих теперь, словно драгоценные камни.

— Вскоре мой вклад в работу уже не будет иметь значения... Работа будет тяжелой, требующей сил и умения, которых у меня нет... Разве что сражение, в котором я была бы еще одной лучницей, и то не слишком умелой.— Ее руки побелели, так сильно она сжала пальцы.— Так что, когда придет пора, я уже не буду есть. Ты и Николас можете поделить мою пищу между собой.

— Не глупи! — не выдержал Эрик.

Она выпрямилась и отвернулась, сверкнув по его лицу гневным взглядом. Ее бледные щеки покраснели.

— Это ты не будь глупцом, Эрик Вейс! — произнесла она.— Если я смогу обеспечить тебе и ему дополнительную неделю работы полными силами, чтобы голод не мутил вам мысли, тогда я, быть может, спасу и себя. А если нет, то я потеряю только одну или две недели, не имеющие никакого значения. А сейчас возвращайся к машине!

Он мгновение смотрел на нее и сердце стучало в его груди. Потом кивнул и вернулся к работе.

Ван Рийн, непрерывно ругаясь, продвигался по тропинке вниз, к открытому месту, покрытому острой травой, где на краю скалы собрался Совет.

Старейшины ланнахов сидели, словно группа сфинксов на фоне серого неба, и ожидали землянина. Трольвен стоял во главе двойной шеренги ланнахов. Толк же остался рядом с землянином.

— Мы собрались здесь во имя Наимудрейшего,— церемониально произнес вождь.— Пусть солнце и луны осветят наш разум. Пусть духи наших праматерей дадут нам свои советы. Да не покрою я позором тех, кто жил до меня, и тех, кто придет после меня.— Он несколько расслабился.— Итак, мои офицеры, было решено, что мы не можем здесь больше оставаться. Я привел сюда землянина, чтобы он посоветовал нам. Желаете ли вы объяснить ему, как обстоят дела?

Один из ланнахов, исхудавший старик с гневными глазами, напряг крылья.

— Во-первых, Предводитель Стада, почему он вообще здесь находится? — со злостью фыркнул он.

— По приглашению Предводителя,— объяснил Толк.

— Герольд, не лови меня на слове! Ты знаешь, что я имел в виду. Экспедиция на Манненах была предпринята по его предложению. Она принесла нам самое страшное поражение в истории. С этого времени он требует, чтобы наши главные силы оставались тут в бездеятельности, в то время как враг опустошает беззащитный край. Я не вижу причины, чтобы мы должны были выслушивать его советы!

В глазах Трольвена мелькнуло беспокойство.

— Есть ли еще какие-то возражения? — спросил он тихо.

Ропот возбуждения пронесся вдоль шеренг.

— Да... да... Пусть ответит, если сможет...

Ван Рийн побагровел и начал надуваться, словно жаба.

— Землянин, ты стоишь перед лицом Совета,— сказал Трольвен.— Что ты ответишь?

Он сел в ожидании, как и другие.

И тут ван Рийн взорвался.

— Ад и дьяволы! Во имя всех жалких грешников, поджаривающихся в аду! Как долго я должен выносить ваши издевательства, тупые неблагодарные личности? О ты, который там, наверху, сколькими еще бюрократами и умничающими офицериками ты населил эту Вселенную?..

Он погрозил небу кулаком и продолжал рычать дальше.

— Во имя Сатаны и Адского огня! Это просто невыносимо! Если вы намереваетесь совершить коллективное самоубийство, то зачем бедный старый Ван Рийн должен постоянно вас от этого удерживать? Или вы перестанете меня оскорблять, или я вам всем заткну глотки!..

Он двинулся к ним, словно шагающая гора, рыча от переполнявшего его гнева. Ближайшие члены Совета поспешно отодвинулись.

— Землянин... офицер... господин... прошу тебя! нерешительно проговорил Толк

Когда ван Рийн решил, что произвел достаточное впечатление, тон его излияний несколько смягчился.

— Ладно, черт с вами. Я вам дам кое-какие полезные советы... Хотя я и прежде давал вам отличные советы, а вы все портите и еще сваливаете вину на меня. Но я бедный и терпеливый старик, не такой, каким я был в молодости, нет, я выношу это с христианской покорностью и продолжаю давать вам добрые советы. И я предупреждал вас, продолжал он,— да, да, предупреждал, не атакуйте сначала Манненах. Я предупреждал — говорю это еще раз! Я говорил, что там плоты подойдут под самые стены, а плоты составляют мощь Флота. Так вот, упал я на свои бедные коленки, вымаливая милость и умоляя вас, чтобы сначала занимать главные города на высотах. Но нет, вы не хотели меня слушать. И, несмотря на это, мы и так заняли Манненах, но победа наша пропала зря. Ах, если бы у меня были такие ангельские крылья, я сам бы повел вас! Я возвещал бы сейчас о победе пением на мачте адмиральского плота, клянусь митрой святого Николая. И поэтому с этих пор вы будете слушать мои советы; нет, черт возьми, мои приказы! Никаких возражений с вашей стороны, или я умываю руки и сам доберусь домой. С этого момента, если вы хотите остаться в живых, то когда старый ван Рийн крикнет «джамп»*, вы должны прыгать! Понятно?

Он остановился. Он слышал свое астматическое дыхание, а также ропот неудовольствия, доносившийся из лагеря, плеск воды о скалы чужого мира... и ничего больше.

Слово взял Трольвен.

— Если,— начал он тихим голосом,— мы решим, что землянин дал ответ на вызов, мы можем перейти к делу.

Никто не отозвался.

— Хочет ли землянин вновь взять слово? — спросил Толк. Он один сохранил хладнокровие, с критическим удовлетворением наблюдая прекрасное актерское мастерство толстяка-землянина.

— Да! — вскричал ван Рийн.— Я сам знаю, что мы можем, а что не можем! Так вот знайте, что мы в самом деле не можем остаться здесь! И тогда вы справедливо можете спросить,

---

* «Джамп» — команда в воздушно-десантных войсках армии США. По этой команде солдаты должны как можно выше подпрыгнуть.

почему же тогда я за то, чтобы держать здесь войско, как на привязи, позволяя этому негодяю Делыну делать все, что заблагорассудится! — Ван Рийн начал отсчитывать на пальцах: — Во-первых, непосредственная атака была бы ему на руку; вероятнее всего, он победил бы нас, поскольку его войска более многочисленны и не так изнурены голодом, к тому же сам ход кампании значительно поднял их моральный дух. Во-вторых, он не подойдет к Сальменброку, пока мы здесь находимся, потому что здесь мы могли бы его побить. Оставаясь на месте, войско дало мне возможность закончить перевооружение. У нас появилась артиллерия. В-третьих, я надеюсь, что из-за этой проволочки, во время которой работала мельница, я получил шанс на победу.

— Что?! — вырвался крик из глоток членов Совета, забывших о церемониале.

— Ага! — Ван Рийн прикоснулся указательным пальцем к своему импозантному носу и подмигнул.— Я говорю вам — увидим! Может быть, сейчас вы думаете, что я дряхлый старик, которому следует угасать в постели со стаканом горячего грога и сигарой в руке? Так вот знайте — я торговец из Политехнической Лиги, а это вам не что попало! Поняли? Вот и хорошо. Я предлагаю всем уйти отсюда и направиться на север.

Поднялся ужасный переполох. Ван Рийн терпеливо ждал, пока все утихнет.

— Спокойствие! — крикнул Трольвен.— Тихо! — Он ударил хвостом о землю.— Смирно, офицеры! Землянин, мы уже говорили о том, чтобы навсегда покинуть Ланнах, впрочем, мы говорим об этом все чаще, по мере того, как дух в народе падает. Мы все еще могли бы добраться до болот Килну и пробыть там какое-то время, чтобы спасти большинство наших женщин и детей в Пору Рождения. Но это означает, что мы должны бросить наши города, поля и леса, все, что у нас осталось, все, что наши предки добыли тяжелым изнурительным трудом на протяжении сотен лет. Это означает также, что нам грозит чудовищное одичание, жизнь в темных джунглях, эпидемии, жалкое существование... Я скорее желал бы погибнуть в битве, чем выбрать такую жизнь! — Он набрал воздух в легкие.— Но Килну, по крайней мере, находится на юге. На север от Ахана — лед!

— Совершенно верно,— подтвердил ван Рийн.

— Так что, мы должны умереть от голода и холода на ледниках Даврнаха? Ближе, чем там, мы не можем приземлиться, потому что разведчики Флота заметят нас в любом месте Хольменаха. Пожалуй, мы должны вступить в нашу последнюю битву на архипелаге!

— Нет! — загремел опять ван Рийн.— Нужно пробраться в этот Даврнах! Мы возьмем второй завтрак... то есть пищу где-то дней на десять, топливо и оружие.

— Зачем? Ты предлагаешь, чтобы мы атаковали Флот с севера? Это будет атака оттуда, откуда противник не ожидает, согласен. Но должен сказать, что это будет безнадежная атака!

— Неожиданность необходима для моего плана,— произнес ван Рийн.— Но солдатам ничего говорить нельзя! Представьте, если хотя бы одного из них схватят в какой-то стычке. Они же смогут заставить его сказать все, что он знает. Мне жаль, что я изложил свой план даже вам!

— Довольно! — крикнул Тролльвен.— Ты еще не рассказал нам суть своего плана! Хотя все равно из него ничего не выйдет. Может быть, технически такое и выполнимо, но политически — невозможно.

— Снова политика! — застонал ван Рийн.— В чем дело на этот раз?

— В людях! Воины, женщины, дети и все остальные — весь народ должен отправиться в Даврнах; им нужно сказать, зачем мы туда летим. А ведь весь этот план, как ты сам говоришь, ни на что не будет годен, если хотя бы один человек попадется в руки врага и под пыткой скажет все, что знает.

— Но он и не должен ничего знать,— пожал плечами толстяк.— Единственное, что можно довести до их сведения, так это то, что они должны набрать немного пищи и дров, чтобы взять с собой. И еще — надо будет сказать, что потом мы перенесем все это в какое-то другое место, а вот в какое, не скажем.

— Мы не дракхоны! — гневно произнес Тролльвен.— Мы свободный народ. Я не имею права принимать столь важные решения, не вынося их на голосование всего народа.

— Гм... Может быть, ты мог бы с ними поговорить? — Ван Рийн дернул себя за усы.— Произнеси им речь. Уговори их, чтобы они отказались от своего права на осведомленность и принятие решения. Уговори их, чтобы они пошли за тобой, не задавая вопросов.

— Нет! — покачал головой Толк... — Я специалист в искусстве уговоров и знаю границы этого искусства. Сейчас мы уже имеем дело не со Стадом, а скорее с толпой — замерзшей, голодной, без тени надежды, без веры в руководство, готовой отдать все, только чтобы ринуться в бой и победить или умереть. Им не хватит силы духа, чтобы пойти за кем бы то ни было в поход за неизвестным.

— Дух можно закалить,— сказал ван Рийн.— И это я попробую.

— Ты?!

— Я не так плох в речах, когда нужно. Я обращусь к ним!

— Они... они... — Толк смотрел на землянина с изумлением. Потом он засмеялся, но в этом смехе зазвучала ирония.

— Пусть будет так,— решил Предводитель Стада.— Мы послушаем, какие слова найдет землянин, слова, которые будут лучше, чем наши.

А часом позже он сидел на краю обрыва, видя перед собой народ Ланнаха, и слушал бас ван Рийна, который прорывался сквозь туман, словно раскаты грома.

— Итак, я говорю: взвесьте то, что вы имеете и что у вас могут отобрать:

«...О! Этот трон королей,
Царственный остров,
Величие Земли,
Второй Эдем, частица рая,
Твердыня,
Которую природа сама себе
Воздвигла заслоном от зла
И военных набегов,
О ты, народ счастливый...»*

— Ничего не понимаю,— шепнул Толк.

— Успокойся! — ответил Трольвен.— Дай послушать.— В глазах вождя появились слезы, он весь дрожал.

«...Блаженный сад, жемчужина,
О ты, Ланнах...»

Солдаты захлопали крыльями, и из недр их грудных клеток вырвался мощный гортанный вопль.

Ван Рийн продолжал свою речь соответствующе переработанными фрагментами погребальной речи Перикла и речи Линкольна в Геттисберге. Когда он закончил, то, если бы захотел, мог бы стать верховным вождем ланнахов.

Остров, называемый Даврнахом, находился далеко за пределами архипелага, в нескольких сотнях километров севернее Ланнаха. Несмотря на скорость полета Стада, прерываемого только короткими привалами на скалистых островках, дорога к месту назначения заняла несколько земных дней и представляла собой кошмар для людей, которых несли в транспортных сетках. Позже Эрик вспоминал путешествие словно сквозь туман.

Когда он оказался на берегу острова, являвшегося целью их перелета, то едва держался на ногах, и первым чувством, которое он испытал, было чувство огромного облегчения.

Лето и здесь было в разгаре, но несмотря на это, север был севером — воздух был наполнен небольшим морозцем, и Эрик начал понимать, почему Толк говорил, что никто никогда не пытался поселиться здесь. Острова Хольменах изменяли направление холодного течения океана к северу, к морю Ледовых гор, и эти холодные воды омывали Даврнах.

И вот Стадо, крыло за крылом опускаясь с неба, достигло цели своего путешествия: омываемых тяжелыми и темными приливами черных песков, взбирающихся вверх через вечные льды к пылающей глотке вулкана.

Тонкие и прямые деревья попадались тут и там в нижней части склона, между островками зарослей; морские птицы ныряли за чем-то съестным в холодные воды океана; солнце, скрытое за тучами, отбрасывало на землю отблески цвета засохшей крови.

Сандра дрожала. Вейс с ужасом заметил, как она похудела. А теперь, когда они уже добрались сюда, в последней фазе уси-

* Николас Ван Рийн начал свою речь фрагментом «Ричарда III», адаптировав его соответствующим образом.

лия, а может быть, и жизни, это ее решение ничего не есть..

Эрик увидел, что она еще теснее завернулась в вонючую куртку из ткани, сделанной ланнахами. Ветер подхватил ее волосы и разметал в воздухе на фоне вулканических скал. Вокруг нее около десяти тысяч ланнахов сидели на земле, ходили, крутились и хлопали крыльями; хрип и свист нечеловеческой речи, грохот бьющих по воздуху перепончатых крыльев заглушали пустой стон ветра. Когда Сандра протерла глаза трогательным жестом маленького ребенка, Эрик Вейс отметил про себя, что ее некогда красивые руки были растерты до крови в тех местах, где прикасались к сетке; он заметил также, что Сандра чуть ли не валилась от усталости.

Эрик почувствовал, что его сердце забилось сильнее, и непроизвольно направился к ней. Но первым около девушки оказался Николас ван Рийн, жирный и грязный, издавая крики утешения.

— Ничего, ничего, моя девочка, мы-таки добрались сюда и скоро, очень скоро я заберу вас домой, в ванну с горячей водой! Клянусь святым Дизмой, я сделаю это!

Принцесса Сандра Тамарин, наследница трона Великого Княжества планеты Гермес, слабо улыбнулась ему и прошептала:

— Я хотела бы только немного отдохнуть..

— Да, да, дорогая. Сейчас будет сделано! — Он засунул два пальца в рот и издал оглушительный свист, который привлек внимание Трольвена.

— Эй, ты там! Найди госпоже пещеру или нечто подобное, и помоги ей расположиться там на отдых!

— Я? — Трольвен едва сдержал гнев.— У меня на шее целое Стадо!

— Ты что, не слышал, что я сказал, бестолковщина? — Ван Рийн захромал в сторону Эрика, который, остолбенев от изумления, застыл на месте.— Теперь ты! Приготовься к работе! Собери команду — столько, сколько нужно для начала!

— Я... — Вейс попытался собраться с мыслями.— Послушайте, со времени последнего отдыха прошло не знаю сколько часов и...

Ван Рийн взорвался оглушительным воплем:

— А сколько недель прошло с того времени, когда у меня во рту была сигара или хотя бы маленький глоток джина? О других ты не беспокоишься, да? — Толстяк обратил к нему свой крючковатый нос и затряс поднятыми руками: — Неужели я один должен все делать? О ты, Там Наверху, зачем ты заполонил Галактику лентяями и бездельниками?! Это невыносимо!

— Ну... — Эрик увидел, как Трольвен отводит Сандру в место, где она могла бы поспать, забыв хотя бы на несколько часов о холоде, боли и одиночестве. Он сжал пальцы в кулаки.— Хорошо! А вы — что будете делать именно вы?

— Я должен заняться организацией, малыш. Сначала Трольвен выделит группу, которая займется рубкой деревьев и сооружением мачт, рей и весел. Тем временем полотно, которое мы взяли с собой, нужно как-то превратить в паруса... остается еще такелаж, постройка помещений для приема пищи и

сна... Фи! Это только детали. Я не буду заниматься этим! Для деталей я нанимаю таких людей, как ты!

— Конечно, зачем заниматься какими-то деталями, есть же вещи и поважнее,— попытался сострить Эрик.

Маленькие серые глазки ван Рийна некоторое время вни мательно буравили Эрика.

— Значит так... — наконец пробурчал торговец.— Ты тоже начинаешь отчаиваться? Ты, может быть, думаешь, что раз я стар, слаб и не так вынослив, как тогда, когда я был молод, то только извлекаю выгоду из твоей работы, да? Сейчас слишком мало времени на то, чтобы добавить немного смазки в твои мозги. Может быть, ты сам научишься жить!

Он щелкнул пальцами.

— Марш за работу! Потом будем разговаривать!

Эрик ушел, проклиная себя за то, что не двинул этого старого кабана в живот. Но на это еще придет время! А сейчас, к сожалению, ван Рийну удалось попасть в такое положение, в котором он был авторитетом для ланнахов. И это он! А не Эрик, который в основном делал всю работу!

Но идея все же толстяка. От этого не уйдешь. Да, это ван Рийн высказал мнение, что такой остров, как Даврнах, полный айсбергов у берегов и ледников на поверхности, представлял неисчерпаемый источник строительного материала. При помощи каменных долот можно было в течение нескольких часов обтесать ледовое судно, такое же большое, как любой плот дракхонов. Для того, чтобы выровнять поверхность, можно воспользоваться самой примитивной горелкой, состоящей из масляной лампадки с меховой гармошкой для подачи воздуха. В отверстиях, сделанных во льду, можно поместить простую мачту и рулевой рычаг; используя замерзающую воду, как вяжущий материал, можно надежно установить их на плоту. Если бы за такую работу взялось большинство Стада — мужчины, женщины, старики, молодые — то за неделю можно было бы создать флотилию такую же большую, как весь Флот дракхонов.

Конечно, только инженер спроектирует всю эту технологию. Какой глубины должно быть отверстие для закрепления мачты? Каким образом произвести прямое резание в блоке льда неправильной формы и длиной в несколько сотен метров? Как выгладить низ, чтобы уменьшить трение? Строительный материал легко таял, и его можно было укрепить, разливая по законченному корпусу несколько ведер смеси опилок и морской воды, которая, замерзая, создаст нечто вроде брони. Но в какой пропорции смешать опилки и воду?

Не было времени проводить необходимые эксперименты. Каким-то образом, с божьей помощью и по счастливой случайности, имея против себя все стихии, Эрик Вейс должен был получить ожидаемые результаты.

А ван Рийн? Что внес в дело этот толстяк? Только общую идею, небрежно оброненную; словно Вейс был джинном Аладдина, который мог исполнять все желания. Это были наверняка проблески интуиции, развитого воображения, это

нельзя было отрицать. Но воображение немного стоит в этом мире...

Каждый может сказать: «Нам нужно новое оружие, которое можно сделать из таких-то и таких ранее не применяемых материалов...» Однако все останется только в сфере бесплодного воображения, пока не найдется кто-то, кто сможет сообразить, как сделать то, что было задумано.

Закабалив таким образом своего инженера, ван Рийн промаршировал дальше, одну часть Стада вежливостью, другую — силой заставляя работать. А когда уже все были запряжены в тяжелый труд, он вытянулся на одеяле и заснул!..

Эрик Вейс стоял на палубе корабля «Рийнстаффель» и наблюдал, как из-за горизонта появляется неприятельский флот.

Он медленно опустил руку в сумку, пришитую к поясу. Его пальцы сжались на кусочке черствого хлеба и ломтике засушенной колбасы. Это была последняя порция земной пищи, которая оставалась у него; уже много дней он уменьшал себе рацион питания, чтобы вступить в бой, имея что-нибудь приятное в желудке. Но сейчас он совсем не хотел есть.

Лед холодил ноги неожиданно слабо. Теплый воздух моря Ахан прогонял холод, идущий ото льда. Эрик не удивлялся тому, что в течение недели, когда они плыли на юг, лед растаял лишь незначительно — он знал тепловые свойства воды.

Сзади, за его спиной, наполненные ветром, громко хлопали примитивные квадратные паруса, привязанные к реям, которые были укреплены на перегруженных одночастных мачтах. Корабли изо льда были массивны, но в то же время более обтекаемой формы, чем корабли дракхонов. Ван Рийн использовал свои невероятные ораторские способности, чтобы заставить сопротивляющихся ланнахов работать под водой для того, чтобы выгладить нижнюю часть. Теперь же, при попутном диомеданском ветре Военный Флот ланнахов плыл, покачиваясь на волнах Ахана со скоростью в добрых пять узлов.

Однако самый трудный момент наступил не тогда, когда все надрывали жилы, чтобы закончить постройку. Он пришел позже, когда они были почти готовы отправиться в путь. В этот момент ветер изменил свое направление. Тысячи ланнахов жались от отчаяния под холодным дождем, ища рыбу и гнезда птиц, чтобы накормить детей, плачущих от голода. Члены Совета и предводители клана доказывали, что невозможно вести войну с судьбой, что нет иного выхода, как поддаться и искать убежище в болотах Килну. Каким-то образом, угрожая, стеная, умоляя, обещая, а несколько раз и подкупая при помощи того, что он выиграл в кости, ван Рийн сумел удержать их на Даврнахе.

Но теперь все было позади.

Торговец вышел из маленькой каюты, построенной из камня, прошелся по палубе, посыпанной песком, рядом со стоявшими на ней военными машинами и кучами метательных снарядов, пока не добрался до носа, где стоял Вейс.

— Лучше съешь все сейчас,— сказал толстяк, словно читая мысли Эрика.— Потом будет уже поздно.

Я не голоден. покачал головой Вейс

Ах, нет? Ван Рийн вырвал еду из его рук.— Зато я, черт побери, голоден! И стал запихивать в рот хлеб и кол басу

На нем снова был двойной панцирь, но на этот раз торговец остановился только на одном виде оружия — мощном каменном топоре с рукояткой метровой длины. У Эрика Вейса на боку висел гораздо меньший топорик, зато в руке он держал щит. Вокруг землян кишели вооруженные ланнахи.

— Они, конечно, уже готовятся к встрече с нами,— кивнул, разговаривая с полным ртом, ван Рийн.

Эрик остановился взглядом на узких лодках противника, плывущих по направлению к ним на веслах против ветра.

— А ты что, ожидал красную дорожку в знак приветствия? — захохотал торговец, заметив, куда смотрит Вейс.— Я могу поспорить, что они увидели нас с воздуха уже много часов назад. Теперь они поспешно шлют гонцов в армию, находящуюся внутри Ланнаха,— ван Рийн поднял вверх последний кусочек колбасы, с благоговением поцеловал его и съел.

Вейс посмотрел назад. Их судно было флагманским. Так было решено, когда выяснилось, что оно самое быстрое. Оно занимало положение в вершине огромного клина. За ним плыло несколько десятков серо-белых неуклюжих корабликов со рваными парусами. Их было, конечно, меньше и вооружены они были хуже, чем плоты дракхонов; им оставалось только надеяться, что превосходство врага не будет слишком подавляющим. Значительно более низкий свободный борт имел для расы крылатых небольшое значение; куда более важным был тот факт, что ланнахи не были настолько опытными моряками, чтобы...

Однако, по крайней мере, они были отважными воинами. Как тигры с крыльями, подумал Вейс. Во время путешествия на юг они отдохнули, отъелись дарами моря, и воля к победе снова заполнила их сердца Хотя флот ланнахов численно усту пал противнику, воинов на его палубах было, пожалуй, больше, даже если к дракхонам присоединятся солдаты армии Дельпа.

К тому же ланнахи могли позволить себе пойти на риск. Их женщины и дети остались на Даврнахе, остались вместе с Сандрой, бледной и сейчас уже почти немощной... Ланнахи не взяли с собой имущества, о котором должны были бы беспокоиться. Весь их багаж составляли оружие и ненависть.

Герольд Толк выплыл из тучи прямо над головами землян. Он затормозил распростертыми крыльями и приземлился, наклонив шею, словно лебедь, чтобы присмотреться к землянам.

— Все ли идет хорошо здесь, внизу? — спросил он.

— Насколько это возможно,— ответил ван Рийн.— Мы пока еще движемся по направлению к этому вшивому флоту?

— Да. До него осталось несколько буасков. Скоро вы увидите их основные силы. Они пытаются с помощью ветра и весел уйти с нашего пути, но если ветер удержится, то им это не удастся...

— Армии Дельпа не видно?

— Еше нет. Я думаю, что этот новый адмирал, о котором мы наслышаны от пленных, уже выслал посланцев в горы.

Но горы велики. Пройдет немало времени, прежде чем они нас найдут,— тут Толк фыркнул с профессиональным презрением. Я бы, например, поддерживал постоянный контакт при помощи двухсторонней связи свистунов.

— Несмотря на все,— прервал его ван Рийн, их нужно скоро ждать, а это означает, что с их прилетом для нас нач нется сущий ад!

— Ты уверен в том, что мы можем..

— Ни в чем я не уверен! А сейчас возвращайся к Трольвену и продолжай вести наблюдение!

Толк кивнул и снова поднялся в воздух.

Темная, пурпурного цвета вода белыми гребнями пены вздымалась к небу, где тучи играли, словно какие-то диковинные животные, окрашиваемые солнцем в немыслимо розовые тона. В нескольких километрах от Вейса был четко виден маленький островок; через подзорную трубу Эрик мог видеть кучки желтоватых цветов под деревьями. Над его головой ныряла и снова взмывала в воздух пара молодых свистунов. Нелегко было осознавать, что плывущие так близко узкие лодки, вырезанные изо льда, несли на себе огонь и острые камни.

— Ну,— проворчал ван Рийн,— вот и начинается наш бал. Добрый святой Дисмас, возьми меня под свою защиту!

— Пожалуй, святой Георгий был бы сейчас больше к месту, как вы считаете? — попробовал пошутить Вейс.

— Тебе, может, кажется, что это так. Но я слишком стар и труслив для того, чтобы призывать Михаила, Георгия, Олафа или каких других более могущественных святых. Я лучше себя чувствую в обществе не столь энергичных особ: например, святого Дисмаса, столь полезного для странствующих.

Но нельзя забывать, что он покровитель разбойников, промышляющих на дорогах, с горечью ответил Эрик. Разве не так?

Сейчас он почувствовал себя препаршиво. В горле першило, язык колом торчал в глотке. В ногах была слабость. В принципе он не ощущал страха, но тем не менее, колени его подгибались.

— Йа-а-а! — загудел ван Рийн.— Хороший выстрел, мой мальчик. Я не ошибся в тебе!

Передняя баллиста на «Рийнстаффеле» со свистом и шумом точно уложила полутонный камень как раз посередине ближайшей лодки неприятеля. Та немедленно переломилась, словно спичка; команду повыбрасывало в воздух, и на нее ринулся отряд летучих солдат Трольвена. Настал момент убийственной неразберихи, и через мгновение дракхоны перестали существовать.

Ван Рийн схватил изумленного командира баллисты в объятия и закружился с ним по палубе, распевая во всю глотку:

«Ты мой солнечный свет,
Мой единственный солнечный свет,
Только ты приносишь радость...»

Приблизилась другая лодка дракхонов. Вейс заметил, как расчет огнемета склонился над своим орудием, и это заставило

его тут же упасть под низкий ледяной борт, окружающий палубу. Струя огня достигла борта, отразилась от него и разлилась по морю. Она ничего не смогла сделать замерзшей воде. Даже растопить ее она не могла так, чтобы это имело какое-то значение для лодки. Из защищенного места посередине судна сотня ланнахов выслала вверх дождь стрел, которые по дуге пронеслись по небу и упали на лодку врага.

Вейс выглянул из-за борта. Заряжающий огнемет был мертв; воина, державшего ствол, сковала стрела, которая пробила ему крыло... Рулевого не было видно, очевидно, убитый или раненый, он упал в море. Лодка стала неуправляемой, боло на мачте описывало свои смертоносные круги и экипаж дракхонов сжался на дне, не желая попадаться на его пути.

— Полный вперед! — рявкнул Эрик.— Таранить!

Корабль ланнахов раздавил лодку своей тяжестью.

Лодки дракхонов, словно стая волков вокруг стада буйволов, кружили вокруг ледяных судов ланнахов, используя свою скорость и более высокую маневренность. Некоторые прорывались сквозь строй ланнахов, чтобы атаковать с тыла; другие отходили еще дальше, за края клина. Потери несли обе стороны: стрелы, снаряды катапульт, камни, метаемые вручную — все это доставляло неприятности ланнахам. Сосуды с пылающим маслом, перебрасываемые через воду, взрывались на ледяных палубах, тут и там огонь охватывал паруса и мачты. Но крылатые существа с удивительной легкостью могли погасить огонь, разъедающий такелаж. За все время битвы только один корабль ланнахов полностью потерял мачту, и экипаж попросту его бросил, перебравшись на другие суда. Кроме мачт, ничто не могло загореться, за исключением тел солдат, которые, однако, являются самым дешевым военным материалом...

Несколько лодок собралось у одного корабля, пытаясь взять его на абордаж. Однако их экипажи находились в значительном меньшинстве и дорого заплатили за эту попытку. Тем временем силы Трольвена полностью контролировали воздушное пространство, наступали, метали снаряды, наносили удары.

Лодки дракхонов какое-то время все же сдерживали наступательный порыв ланнахов. Но время шло, и вскоре все они были протаранены, подожжены, разбиты, оттеснены в сторону непотопляемым врагом.

Только потому, что он был первым и своей мощью сразу же прорвался сквозь фронт врага, «Рийнстаффель» натолкнулся на небольшое сопротивление, впрочем, быстро подавленное с помощью баллисты, катапульт, сосудов с горящей жидкостью и стрел. За ними горело и дымилось само море; перед ними же находились большие плоты дракхонов — основная военная мощь врага. Когда паруса плотов оказались в поле зрения ланнахов, команда Эрика затянула победную песнь Стада.

— Несколько рановато, мне кажется,— Эрик старался перекричать шум.

— Ну их,— тихо произнес ван Рийн,— пусть теперь потешатся. Многие из них вскоре погибнут и пойдут кормить рыбок, не так ли?

— Пожалуй... — начал Эрик, но поспешно сменил тему, словно испугался всего того, что сделал.— Мне нравится эта песенка, а вам? Она немного напоминает мне старые американские народные песни, например, «Джон Харди».

— Народные песни хороши, но если кто-то их любит, то в глубине души он деревенщина,— фыркнул ван Рийн.— Что касается меня, то я предпочитаю Моцарта.

Он смотрел на воду, и в его голосе зазвучала особая тоска.

— Я всегда надеялся, что однажды, еще до того, как умру, мне удастся понять Баха, старого Иоганна Себастьяна, который разговаривал с Господом Богом языком звуков и математики. Однако моей старой глупой голове не хватает ума.

Со стороны Флота послышались крики. Медленно и тяжело, молотя воду тонкими, словно паучьи ножки, веслами, плоты формировали боевые порядки, оставив попытки принять бой в более выгодной для них позиции. Ван Рийн гневно махнул свистуну:

— Быстро! Лети вверх и скажи этому балбесу Трольвену, чтобы он не морочил себе голову охраной нас от лодок. Пусть он атакует плоты. Пусть он займется ими! Нельзя позволить посланцам неприятеля свободно перелетать от одного капитана к другому, чтобы они смогли организоваться!

Когда свистун улетел, торговец потрепал свою козлиную бородку, уже почти полностью потерявшуюся в густой, жесткой от грязи щетине.

— Ко всем чертям! — рявкнул он.— Как долго еще я один буду думать за всех! Добрый святой Николай, хранитель мой, пришли мне с неба штабного офицера, у которого между ушами находилась бы хоть крупица мозгов, а не взболтанная овсянка, и я поставлю тебе собор на Марсе! Слышишь меня?!

— Трольвен находится в самом центре битвы там, наверху,— запротестовал Эрик.— Он не может думать обо всем!

— Может быть, и нет,— ворчливо согласился торговец.— Может быть, он единственный в Галактике, кто не совершает ошибок.

Когда Трольвен последовал его советам, то словно шторм обрушился на находившуюся поблизости группировку плотов. В пурпурном хаосе переплелись сражающиеся дьяволы с крыльями летучих мышей. Эрик Вейс отметил, что в этой смертоносной путанице подход его корабля должен остаться почти незамеченным.

— Они не могут сомкнуть строй! — крикнул он, ударяя кулаком по борту.— Богом клянусь, не могут!

На палубу приземлился свистун, харкая кровью, в его боку зияла страшная рана.

— Там... Герольд Толк говорит... пустое место... вбит клин во Флот... — Худое тело посланца изогнулось и бессильно опало на палубу. Вейс склонился и подхватил молодого ланнаха на руки. Он услышал бульканье в легких, пробитых сломанными ребрами.

— Мама, мама... — тяжело стонал свистун.— Он ударил меня топором... Мамочка... не дай мне так страдать!

Через мгновение он был уже мертв.

Ван Рийн проклятиями, которые он метал в команду, вызвал изменение курса, не больше, чем на несколько градусов, так как его плот на большее и не был способен; но когда плоты противника были совсем уже близко, с ледяной палубы отчетливо было видно, что в линии драккхонов зияет широкая брешь. Атака Трольвена до сих пор не позволяла ей захлопнуться. Красная от крови вода, устланная оброненными копьями и луками, словно кровавая стрела указывала направление к плавающему дворцу адмирала.

— В середину! — орал ван Рийн.— Лупите их! Съешьте их на завтрак!

Над бортом с шумом пролетел снаряд, выпущенный из катапульты. Ван Рийн засмеялся, но уже следующий разорвал у него рукав и сыпанул осколками льда в том месте, куда упал. Три струи жидкого огня через мгновение сосредоточились на «Рийнстаффеле». Огненные пальцы поползли по палубе, настигнув одного из ланнахов, который с криком упал, и тело его тут же обуглилось в местах соприкосновения с огнем. Огонь добрался до парусов. На этот раз не было сигнала лить на них воду, и мачта, такелаж и полотно, пропитанное маслом, запылало, как гигантский факел.

Ван Рийн отвернулся от рулевого, которого осыпал страшными проклятиями, и направился поперек палубы. Но уже через несколько шагов он поскользнулся на том месте, где палуба частично растаяла от огня, и поехал на своей широкой заднице, посылая проклятия на весь Космос. Через мгновение он все же встал и дохромал до правой ванты, где принялся рубить канат каменным топором.

— Сюда! — закричал он.— Быстрее помогите мне, моллюски! У вас что, ваш мозг оброс шерстью? Быстро, пока мы не проплыли мимо!

Эрик Вейс, который руководил обслуживанием баллисты, забрасывающей снарядами ближайший плот противника, не очень ясно понимал намерения ван Рийна. Другие поняли это лучше, подбежали с топорами и набросились на ванту. Сам торговец подхватил из кучи одну из масляных бомб, зажег ее и бросил у подножия пылающей мачты.

Отверстие, в котором была закреплена мачта, подтаяло, а когда были перерублены правые ванты, огромный факел, который до того времени держался на них, упал на левую сторону. Он ударил в находящийся там плот. Огонь тут же разгорелся на плоту противника, отгоняя драккхонов, которые яростно пытались спихнуть упавшую мачту со своего судна. Через мгновение загорелся такелаж, затлели доски палубы. Прежде, чем «Рийнстаффель» отплыл дальше, весь вражеский плот превратился в остров безумствующего огня.

Ледяной корабль ланнахов почти потерял управление, но инерция и случайные течения вели его в глубину порядков уже находящегося в панике Флота. Следующие суда ланнахов уже входили в брешь, столь героически расширенную ван Рийном. Между плывущими ледяными монстрами бушевали ог-

неметы,— но, как известно, дерево горит лучше, нежели лед, так что дракконы в своем усердии больше поражали своих же собственных солдат на других плотах, чем ланнахов.

Сквозь завесу дыма, среди стрел и снарядов, продолжавших лететь сверху, по палубе, устланной убитыми и ранеными, Эрик Вейс направился к ближайшему огнемету. Его расчет готовился поджечь очередной плот, как только течение поднесет их к нему.

— Нет! — закричал Эрик.

— Что? — капитан повернул к нему свое грязное от сажи и крови лицо, его гребень от усталости упал на бок.— Но, господин, они же сейчас зальют нас огнем!

— Мы выдержим это,— прокричал Вейс.— Борта защитят нас. Я не хочу сжигать — я хочу захватить его!

Диомеданец тихо свистнул. Затем он распростер крылья, и его глаза заблестели. Он спросил:

— Могу ли я быть первым из атакующих?

Рядом прошел ван Рийн, таща за собой топор. Он не мог слышать, о чем говорил Эрик и капитан, но голос его загудел в ответ:

— Йа! Я как раз хотел распорядиться об этом, мальчик. Нам пригодится судно, способное к маневру!

Приказ передали дальше по палубе, которая заполнилась фигурами вооруженных ланнахов, сжавшихся в ожидании сигнала к атаке. Корабль, который был не чем иным, как обработанной льдиной, нес их все ближе к более высокому и мощному плоту. Огонь, камни и стрелы падали на ланнахов, которые стоически переносили удары противника. Эрик послал свистуна вверх, к Трольвену, с просьбой о помощи, и вскоре воздушный отряд стрелами успокоил артиллерию драккхонов.

Трольвен продолжал владеть подавляющим преимуществом. Он был в состоянии поднимать в воздух все новых воинов, спихивая драккхонов на палубы, где они ожидали атаки с воздуха. До сих пор, подумал Вейс, скупые на ласку боги Диомеда благоволили к землянам. Но такое не могло продолжаться вечно. Эрик двинулся вперед за первой волной ланнахов, которая упала на плот с воздуха, чтобы захватить плацдарм. Он подпрыгнул вверх с поверхности льдины, когда та ударилась о дерево плота, схватился за какую-то балку и вскарабкался на плот. Когда ноги его коснулись палубы, оказалось, что он стоит в шеренге атакующих воинов. Глаза разъедал дым, ползущий со всех сторон, и от этого трудно было различить стоящих перед ним в шеренге защищающихся драккхонов.

Возня и крики, доносящиеся сверху, с воздуха, усилились. Он почувствовал на своем плече прикосновение чьей-то руки и, обернувшись, увидел перед собой поросячьи глаза ван Рийна

— Уфф! Что за дьявольский подъем! Жаль, что я не остался. Итак, мой мальчик, мы остались живы. Толк как раз прислал сообщение, что экспедиционные силы драккхонов показались на горизонте и что есть мочи в крыльях чешут в нашем направлении.

Эрик на мгновение почувствовал слабость. Неужели все

кончится обломком кремня в его черепе, когда армия Дельпа победит ланнахов?

Неожиданно он вспомнил, как стоял на холодном черном побережье Даврнаха незадолго до отплытия и разговаривал с Сандрой... Может быть, в последний раз...

— Мне будет легче, когда нас победят,— сказал он тогда.— Для меня все окончится быстро. Но ты...

Она на это ответила ему гордым взглядом и спросила:

— Почему ты думаешь, что вы будете побеждены?

...Эрик поднял оружие. Воины, собравшиеся вокруг него, взъерошили перья и с шипением выкрикнули свой боевой клич.

Большинство из них составляли пехотинцы, воевавшие за Манненах; впрочем, на каждом судне находились многие, кого научили основам тактики битвы на Даврнахе. Во время всего путешествия на юг в поисках флота ван Рийн и военачальники ланнахов шлифовали их искусство. «Вам нельзя присоединяться к нашим бойцам в воздухе»,— говорили Толк и Трольвен. А ван Рийн басил еще о каких-то Вооруженных Силах. «Вы должны оставаться на палубе и будете участвовать в захвате плотов. Весь наш план зависит от того, сколько плотов нам удастся перехватить или уничтожить. Помните, что те, кто будет наверху, прикроют вас». Диомеданский разум неохотно воспринимал эту стратегию. Эрик Вейс не был уверен в том, что она удержится в их головах хотя бы на час, и не оставят ли ланнахи его и толстяка ван Рийна отрезанными на вражеской палубе, ринувшись в бессмысленное воздушное сражение. Но другого выхода не было, и приходилось сейчас доверять тому, что было сделано за время обучения.

Эрик побежал наверх. Нечеловеческий крик, вырвавшийся из груди атакующих, рвал барабанные перепонки в его ушах.

Перед ним захлопали крылья — это ломались шеренги ведомых инстинктом драккхонов, непривычных к битве на суше. В течение веков любой диомеданец, находящийся в здравом уме, атакуя, старался оказаться над противником. Вейс бросился по направлению к позиции, которую драккхоны занимали перед тем, как подняться в воздух.

Поднимаясь со своего стула, моряки пикировали на этого странного нелетающего противника. Кто-то из ланнахов забылся, взвился в воздух, и его немедленно ударили трое нападавших. Беспомощное тело ланнаха, словно марионетка, упало в воды океана. Драккхоны продолжали пикировать вниз.

Но внизу их встречал частокол копий, который, словно лес, внезапно вырос над палубой. Многие из воинов бывшей пехоты ланнахов сохранили во время бегства из-под Манненаха свои плетеные щиты, и теперь вновь приняли черепахоподобный вид. Остальные отражали воздушную атаку — а тем временем лучники готовились к решительным действиям.

Эрик Вейс услышал, как раздался зловещий свист, а мгновением позже пятьдесят драккхонов начали падать в воду.

В следующий миг перед ним вырос один из драккхонов, замахиваясь острым, как нож, трезубцем. Вейс прикрылся от удара щитом, который задрожал на его левом плече, пара-

лизовав мышцы. Пинок, нанесенный ногой в тяжелом сапоге, попал в твердый живот дракхона и на некоторое время перебил ему дыхание. Эрик тут же поднял топорик и ударил, услышав при этом тупой звук. Диомеданец отскочил в сторону, хватаясь за сломанное крыло.

Эрик направился дальше. Дракхоны, ошеломленные тактикой абордажной группы, толкались в воздухе вне досягаемости стрел. Женщины дракхонов враждебно ворчали в двери форкастеля, расправив крылья, чтобы прикрыть детей. Но никто не обращал на них внимания — речь шла о том, чтобы захватить артиллерию плота.

Кто-то из находящихся в воздухе дракхонов угадал намерения атакующих. Его ястребиный крик и бросок вниз закончился гибелью от стрел ланнахов, но уже через мгновение целая туча дракхонов оторвалась от висящей в воздухе массы нападающих и ринулась на носовую палубу, занимая позиции перед главной батареей баллист и огнеметов.

— Ага!— тут же загудел ван Рийн.— Наконец-то они захотели немного размяться. Ну что ж, займемся этим! Доставим ребятам такое удовольствие!

И он слоновой трусцой ринулся вперед, выписывая над головой вензеля огромной дубиной. Камень, выпущенный из пращи, отскочил от его живота, другой зацепил щеку; стрелы из духовых ружей испещрили панцирь. Два крылатых ланнаха-телохранителя подсадили его вверх, так как голая стена носовой надстройки была без всякой лестницы. Через мгновение ван Рийн уже находился среди защитников плота.

— Йа, майнтехдвай,— завыл он, разбивая голову ближайшему дракхону.— Бог посылает неверным ночь! — следующий боевой клич торговца раздался тогда, когда он голыми руками схватил трезубец врага, который пытался поразить его им.— Фрам, фрам, Квистмен, Крозмен, Кепигмен! — завывал он, выбивая ритм битвы на ребрах трех воинов, которые попались ему под руку.— Йа, йа, йа,— затрубил он, оборачиваясь, чтобы заняться крылатым существом, вцепившимся ему в спину. Результат немедленно сказался на шее нападавшего.

Вейс и ланнахи поспешили за ван Рийном. Наступил перерыв в боевых криках. Слышался только стук ударов боевого оружия, шум толчков, хруст ломающихся костей от выпадов, наносимых крыльями и хвостами. Оборона дракхонов развалилась. Ван Рийн бросился к огнемету и принялся орудовать мехами.

— Направьте горловину! — продышал он с трудом.— Выметем их отсюда огнем, болваны!

Один из ланнахов, обрадовавшись, схватил керамическую горловину орудия, нажал деревянный рычаг зажигания и направил струю огня вверх.

На нижней палубе уже раздался грохот баллисты, пение катапульт и свист очередных огнеметов. Группа ланнахов с ледяного корабля смонтировала один из деревянных пулеметов и начала забрасывать остатки защитников плота градом снарядов.

Из носового помещения выбежала женщина и крикнула:

— Они убивают наших мужей! Мы должны помочь...

Ван Рийн спрыгнул с трехметровой высоты крыши носовой надстройки. В том месте, где он приземлился, доски прогнулись и застонали. Тяжело дыша и размахивая руками, он преградил путь обезумевшему существу и рявкнул на своем родном языке:

— Возвращайся! Немедленно убирайся обратно! Брысь отсюда! Вон! Оставляешь детей без опеки? Что? Ты не знаешь? Да, я пожираю зараз с десяток маленьких дракхончиков! На завтрак с зеленым лучком!

Мгновенно женщина вскрикнула и отступила в носовое помещение. У Эрика от изумления пропал дар речи. Он весь истекал потом... Может быть, опасность и не была такой серьезной... теоретически толпа женщин могла быть перебита на глазах их детей... но кто бы совершил нечто подобное? Наверняка не Эрик Вейс! Лучше уступить и по-рыцарски принять удар копьем.

Неожиданно он понял, что Флот захвачен.

Воздух был все еще настолько насыщен дымом, что Эрик плохо видел, что происходит в других местах. Тут и там возникали на мгновение какие-то образы: брошенный плот, пылающий таким огнем, что его невозможно было уже погасить; ледяной корабль, побитый, без мачты, без экипажа...

Другой корабль ланнахов, на борту которого сгрудилась очередная абордажная группа, штандарт одного из кланов ланнахов, победно развевающийся на чужой мачте...

Вейс не имел возможности оценить это морское сражение в целом — на скольких ледяных кораблях полностью уничтожены экипажи, сколько покинуто воинами, сколько вывели из строя контратаки дракхонов, а сколько еще дрейфовало вдалеке от врага. Сразу было известно, подумал он — ван Рийн говорил об этом открыто Трольвену и Толку — что меньший, хуже обеспеченный, почти необученный флот ланнахов не имеет никаких шансов нанести сокрушающий удар Флоту. Исход этого сражения не решит обмен ударами камней из баллист или огня из огнеметов.

Эрик посмотрел вверх. Над мачтами и такелажем, куда не доставал дым, небо было удивительно чистое. Боевые отряды, кружащие то тут, то там, были так высоко, что снизу походили на стаю ласточек.

Только сейчас, спустя несколько минут, его неопытный глаз смог охватить всю картину боя.

Имея превосходство в силах над плотами дракхонов, армия Трольвена оказалась в меньшинстве, когда подошли силы Дельпа. С другой стороны, солдаты Дельпа летели много часов подряд к месту битвы, и сейчас им было трудно сражаться с отдохнувшими ланнахами. Понимая это, каждый из противников хотел использовать свое небольшое преимущество: Дельп решил прибегнуть к массированной атаке, а Трольвен предоставил решать исход сражения небольшим группам, каждое

мгновение набрасывающимся на врага, кусавшим его, словно волки, нападающие на большого оленя, и тут же отскакивающим назад.

Ланнахи отступили, как только Дельп отдал приказ послать отряды на помощь плотам. Перегруппировав свои силы, Тролвен ударил в один их таких отрядов.

Бой, вспыхнувший под солнцем Полного Лета, не поддавался описанию. Вейс погрузился в созерцание жуткого танца крылатой и неумолимой смерти. Голос ван Рийна вернул его, хотя и не без труда, к жалкой, бескрылой человеческой сущности.

— Проснись! Может быть, тебе привиделось, что ты скалишь клыки и машешь крыльями? Ад и дьявольщина! Проснись! Возьмись за артиллерию, а я пойду отдам приказ рулевому. Ну! — Он гневно повернулся всем своим телом и с шумом и резвостью, напоминающими старинный локомотив, направился на корму.

Все попытки захватить плоты были отражены, и воины Дельпа отступили. Ланнахи без лишних слов взялись за весла и направили захваченные плоты вперед.

Плот, на котором находился Вейс, тоже двинулся вперед. Но уже через несколько минут в просвете отогнанного ветром дыма перед ними возник корпус другого плота. Тотчас же с обоих бортов посыпался град стрел, а оба экипажа столкнулись в воздушном бою на полпути между плотами.

Вейс находился на своем месте, на носовой палубе, управляя огнем боевых машин, метавших камни, стрелы, бомбы; языки огня выбрасывались на несколько метров, бомбы после удара разбрасывали вокруг искры и обугленное дерево.

Он организовал группу воинов с ведрами для тушения пожаров от бомб, падавших с неприятельского судна.

Двухтонная глыба упала на одну из его новых катапульт, унося в ничто обслуживающих ее ланнахов. Те, что остались в живых, в ужасе завопили и начали в панике разбегаться, но Вейс быстро привел их в чувство и приказал занять места у других боевых машин. Он видел, как рвались паруса, повисали сломанные реи, кучи трупов вырастали на обоих плотах после каждого залпа. И все время где-то в отдаленном уголке его сознания таилась мысль, почему хоть где-нибудь во Вселенной разумная жизнь не прекратит, наконец, уничтожение самой себя.

Ван Рийн не располагал таким экипажем, как какой-то доисторический адмирал Нельсон, чтобы выиграть сражение только за счет артиллерии. Он не хотел брать на абордаж очередной плот, его маленький и неопытный отряд едва ли сумел бы захватить судно дракхонов, не говоря уже о том, чтобы управлять им. Однако он упрямо правил вперед, приказывая рулевому держать курс на сближение, сам тем временем прохаживаясь по палубам, поддерживая обессиленных ланнахов, сидящих на тяжелых веслах. А плот шел вперед сквозь огненную бурю, камень и живые тела, пока не оказался почти у борта вражеского плота.

Тотчас же заревели трубы дракхонов, весла ударили по воде и неприятельский плот резко отпрянул в сторону, покидая свое место в строю Флота, чтобы избежать столкновения.

Ван Рийн позволил им бежать. Взобравшись на главную палубу и воздев руки к небу, он заорал:

— Ага, испугались? Сучьи дети, испугались!

— Не понимаю, советник,— с уважением изрек Эрик.— У нас малочисленный и менее опытный экипаж. Они должны были остаться на курсе и атаковать нас. Они ведь могли запросто уничтожить нас, если бы мы не захотели покинуть плот.

— А! — махнул рукой ван Рийн.— Видишь ли, мой юный и невинный приятель, у них на борту женщины и дети, а также много ценных инструментов и другого добра. У них вся жизнь связана с плотами. Они просто не могли отважиться рискнуть их целостностью; нам было бы легче поджечь, а может быть, даже и захватить его. Йа! Ад скорее покроется льдом, нежели кто-то разумом превзойдет ван Рийна

В небе сражение подходило к концу. Дельпу удалось собрать армию в один кулак и вывести в целости на передовую позицию. Здесь дракхоны бросились в бой для защиты своих плотов. Теперь каждая абордажная группа ланнахов, захватившая плот, внезапно оказывалась в меньшинстве и не имела другого выхода, как ретироваться с захваченного судна, бросая его, даже если это был их собственный ледяной корабль, и присоединяясь к Трольвену в небе.

Ланнахи были стойкими бойцами, но сейчас, казалось, не подтверждалась классическая формулировка, утверждающая, что армия, состоящая исключительно из воздушных сил, не опасна для хорошо защищенной единицы флота. Установив окончательно, кто владеет каждым из плотов, Дельп перегруппировал свои силы и значительную их часть повел вверх, чтобы связать боем усиленные эскадры Трольвена. Если бы им удалось разбить в небе ланнахов, располагая оставшимися у дракхонов плотами вместе с полным преимуществом в воздухе, можно было бы легко отвоевать утраченные плавсредства. Однако Трольвен не сдался так легко. И в то время, как внизу разворачивалась морская битва, в небесах с новой силой завязались воздушные поединки. Но пока что не было видимого превосходства какой-либо стороны.

Так выглядела в общем картина в донесении Толка, которое он доставил час спустя. С моря рассмотреть можно было только, что обе воздушные армии разделились. Летающие воины кружили и пикировали ошеломляюще высоко над головами стоящих на плотах, как два больших скопления точек на фоне рыжеватых облаков. С обеих сторон доносились угрозы, проклятия и оскорбления, однако перестрелка не возобновлялась.

— Что это? — крикнул Эрик.— Что там происходит?

— Временное перемирие,— изрек ван Рийн. Он поковырял пальцем в зубах, сплюнул и похлопал себя по животу.— Очевидно, ничего не получилось у них, и Толк послал к Дельпу

акого-то свистуна со словами: «поболтаем». Как видишь, Дельп огласился.

— Но... но ведь нельзя... Нельзя договариваться с врагом... дракконами... Это же чудовища!

Леденящий кровь в жилах рев ненависти пробежал по ядам уставших ланнахов на плоту.

— Нельзя разговаривать с такими зверями! — доказывал рик.— Их можно только убивать — третьего не дано! Или ы их, или они нас!

Ван Рийн покосился на него и пробурчал:

— Что это нашло на тебя, парень? Ты говоришь как заправ-кий ланнах.

Эрик покраснел и ничего не ответил.

Ван Рийн продолжал:

— Думаю, что сейчас самое время сказать, что это пере-ирие было целью всего нашего сражения. Как ты думаешь, арень, а?

— Сомневаюсь, что мы когда-нибудь отважимся признать то,— пожал плечами Вейс.

— Нет, мой мальчик. Это не так. Думаю, что мы будем ынуждены пойти на это и даже сегодня. Нам остается только адежда на то, что, скажем, они не нафаршируют нас красным ерцем живьем. В конце концов Трольвен и Совет договорятся. Но эти, здесь на плотах — крепкие орешки.— Ван Рийн пожал лечами.— Да, настает время переговоров. До сих пор все ло гладко. Но вот момент, который ломает человеческие арактеры. Йа! Сможешь ли ты пережить эти мгновения?

Около одной десятой всех плотов выбрались из кучи и сгруп-ировались в нескольких километрах от места сражения.

К ним присоединились те ледяные корабли, которые были ще исправны. Их палубы были полны ожидавшими в напря-кении воинами. Это были корабли, захваченные драккона-ми.

Другие плоты либо уже догорали, либо были повреждены радом каменных снарядов настолько, что уже и не были похожи а корабли, либо полностью были разрушены к тому времени олнами моря Ахан. Воины покинули их. Между остовами ораблей плавало много лодок, разбитых, сломанных пополам, ничтоженных огнем, а иногда и абсолютно целых, но с мерт-ым экипажем.

Адмирал собрал офицеров Флота. В ходе Военного Совета ыяснилось, что почти половина экипажа и кораблей уничтоже-а ланнахами. Множество плотов было повреждено так, что казалось практически бесполезно. Если бы Флоту удалось ыставить хотя бы половину своих обычных сил, это было ы для него большим счастьем.

Тем не менее, Флот располагал почти в три раза большим ислом кораблей, чем ланнахи. Количество мужчин на обеих торонах было более или менее одинаково, но, имея больше ест в трюмах, драккоиы имели значительно большее число енщин. Кроме того, корабли-плоты драккоиов были более адежны, чем ледяные корабли ланнахов, у них были лучшие кипажи, чем на захваченных плотах.

Короче говоря, дракхоны имели преимущество.

Помогая ван Рийну перейти на захваченную лодку, Толк зловеще ухмыльнулся.

— На твоем месте, землянин, я не снимал бы доспехов,— сказал он.— Когда перемирие закончится, их снова придется одеть.

— Ах...— Торговец потянулся, надул живот и рухнул на сиденье.— Ну, а если перемирие не будет нарушено? Тогда получится, что я должен буду носить этот проклятый корсет зря...

— Я заметил,— вставил Вейс,— что ни вы, ни Трольвен не носите оружия.

Вождь ланнахов нервно погладил свою цвета красного дерева шерсть.

— Это для подчеркивания гордости Стада,— буркнул он.— Эти скоты не имеют права думать, что мы их боимся.

Лодка мгновенно отошла от плота, влекомая силой весел, приводимых в движение мускулами команды, и быстро понеслась по темно-оранжевым водам. Над ними кружились, пикируя, остатки примирившихся с дракхонами ланнахов, демонстрируя фигуры высшего пилотажа с тем, чтобы покрасоваться перед своими вождями. Их было около сотни, и только сейчас Вейс оценил, как это мало.

— Не думаю, что они пойдут на какие-нибудь длительные переговоры,— сказал Трольвен.— До сих пор это никому не удавалось. Они все понимают несколько иначе.

— Воины Флота — это такие же существа, как и вы! — загремел ван Рийн.— Вам нужно было бы иметь больше братских чувств. Надеюсь, сегодня вы поняли, что им вполне можно дать по башке! И без всяких каких-то там расовых предрассудков!

— Такие, как мы? — возмутился Трольвен. Его глаза заблестели желтым огнем.— Слушай, землянин...

— Погоди, погоди,— остановил его ван Рийн.— Я как-то не подумал, что у них нет периода размножения. Да, в этом есть принципиальное различие. Ну и ладно. Я должен подумать над этим. Сядь и заткнись!

Ветер играл волнами и лениво натягивал такелаж. Сквозь тянущиеся за ветром вереницы облаков солнце слало длинные, медленные лучи, которые танцевали огненными пятнами по морю. Воздух был холодным, влажным и пах солью. «Нелепо умирать в такой час,— подумал Эрик Вейс.— Однако еще труднее оставить Сандру, которая все больше слабеет под ледяными ветрами Даврнаха. Молись за меня, любимая, пока ждешь встречи со мной. Молись за мою душу...»

— Оставим личные чувства,— сказал Толк,— Но что-то, однако, есть в словах вождя. Дело в том, как мы чужды дракхонам, так и они чужды нам. А чем мы чужды? Своими мыслями, своим образом мыслей? Я не собираюсь прикидываться, что понимаю все твои намерения, землянин. Да, я считаю тебя другом ланнахов, но у нас так мало общего, признайся. Я доверяю тебе только потому, что хорошо понимаю главный

мотив твоих поступков — желание сохранить свою жизнь. Даже если я не вполне понимаю ход твоих мыслей, то могу допустить, что поведение это вызвано добрыми замыслами. В свою очередь,— продолжал он,— дракхоны для меня тайна. Как им можно доверять? Допустим, что будет достигнута мирная договоренность. Откуда мне знать, что они будут придерживаться ее? Может быть, у них нет вообще такого понятия, как «честь»? Точно так же, как они не имеют никакого понятия о сексе! Либо, даже если они захотят поддержать договор, то можно ли быть уверенным, что слова договора будут иметь для них такое же значение, как и для нас? Как герольд, знаток языков, я встретил много непонимания между разноязычными племенами. А о чем говорить, когда два племени имеют вообще разные инстинкты? Сомневаюсь также,— продолжал он,— можем ли мы даже доверять самим себе? Сможем ли мы придерживаться данных нами же обязательств? Хотя, если разобраться, мы не питаем ненависти ни к кому, даже к врагу, с которым воюем. Но ненавидим мошенничество, издевательства, вранье. Мы не сможем жить с сознанием того, что помирились с существами, которых даже боги презрели!

Он вздохнул и печально уставился перед собой, разглядывая приближающиеся плоты.

Вейс пожал плечами.

— Когда тебе пришло в голову, что они мыслят не так, как вы?

— При чем это,— изрек Толк.— Разве здесь есть какие-то сомнения? Это еще одно бревно на пути развития торговли между нами.

«Лично я,— подумал Эрик,— удовлетворился бы и временным соглашением. Пускай только хоть на время согласятся рассмотреть разницу мнений и взглядов, на время, необходимое, чтобы известие достигло базы. А потом пусть хоть режут друг друга, мне не будет до этого никакого дела».

Он посмотрел вокруг себя, на крылатые фигуры, задумался над смыслом мира и войны, хаоса и триумфа — и над минутным единением этих существ в общем смехе и пении. Он подумал о практичном Трольвене, о мудром Толке, подумал о деловом и гордом Дельпе и его жене Родонис, которая была даже большей дамой, чем многие знакомые ему земные женщины. А эти маленькие, заросшие перьями дети, купающиеся в пыли и так любящие взбираться на колени...

«Нет, я не прав,— подумал он.— Необходимость окончательного завершения этой войны имеет для меня огромное значение»

Лодка проскочила между высокими бортами плотов. Сверху на них смотрели дракхоны, смотрели молча и, как показалось Эрику, без всякого интереса. То там, то здесь кто-то из них плевал в воду Стояла глубокая тишина.

Перед ними замаячил корпус флагмана. На мачтах были подняты вымпела, и отряд гвардии в ярких мундирах образовывал кольцо вокруг главной палубы.

Адмирал Теонакс ожидал перед входом в деревянный дворец, развалившись на мехах и подушках. Сбоку стоял капитан Дельп в порванном и обгоревшем боевом снаряжении.

На плоту царила тишина. Когда лодка остановилась и причалила к корме, Трольвен, Толк и воины охраны ланнахов почти сразу же перелетели на палубу. А через пару минут, вскарабкавшись и тяжело дыша, и земляне вступили на плот дракхонов.

Ван Рийн оглянулся вокруг:

— Что за гостеприимство! — заверещал он на языке дракхонов.— Даже трапа не бросили вниз! Я вынужден преждевременно впихивать свои старые уставшие кости в гроб, и все из-за вас! Это же немыслимо — влезть в такое корыто! О, господи! Какое бремя я взвалил на себя, тяжелое и неблагодарное! Иногда я думаю, а не плюнуть ли на все и уйти на покой? Но что станет тогда с Галактикой? Будете жалеть, но будет уже поздно...

Теонакс иронически посмотрел на него:

— Среди множества гостей Флота ты не отличаешься хорошими манерами, землянин. У меня большой долг перед тобой. И я не забуду заплатить его.

Ван Рийн двинулся по доскам палубы к Дельпу, протягивая руки.

— Значит, наша разведка была правильной: это твоя работа? — загудел он.— Хотя я мог бы и сам догадаться. Никто во всем Флоте, за исключением тебя, не имеет и грамма мозга в голове. Я, Николас ван Рийн, выказываю тебе всяческое уважение.

Теонакс замер, а его советники послушно приняли позу возмущения таким поведением землянина.

Дельп мгновение колебался. Потом взял руку ван Рийна в свою и вполне по-земному пожал ее.

— Путеводная Звезда свидетель, как я рад вновь видеть твое толстое и хитрое лицо,— сказал он.— Ты знаешь, чего стоил мне твой поступок... И если бы не моя жена...

— В интересах дела не должно быть свидетелей,— весело заметил ван Рийн.— Ах, да, добрая госпожа Родонис. Как она чувствует себя? Как дети? Помнят ли они дядюшку Ника и его сказки, которые я им рассказывал на ночь?.. Ну, например, о...

— Если можно перебить тебя, землянин,— произнес Теонакс с изысканной вежливостью,— давай перейдем, с твоего позволения, к делу. Кто будет переводить? Ах, да! Я помню тебя, герольд.

Он недоверчиво посмотрел на ланнаха.

— Смотри же, сообщи своему господину, что согласие на эти переговоры выразил мой Главнокомандующий Дельп хир Орикан. Он не спрашивал моего позволения на эту встречу и не выслал вестника, чтобы испросить его. Если бы я узнал об этом вовремя, ни за что не согласился бы на это. Я прикажу обстругать доски в том месте, где по ним ступали эти разбойники. Но поскольку Флот связан словом чести, послам ничего не

грозит. Кстати, в вашем языке есть понятие «честь»? Я выслушаю, что ваш вождь готов сообщить нам.

Толк кивнул и перевел сказанное на язык ланнахов. Трольвен напрягся, и в его глазах вспыхнули молнии.

Стражники ланнахов гневно заворчали, схватив рукоятки оружия.

Дельп неловко переступал с ноги на ногу, а некоторые капитаны Теонакса сконфуженно отвернулись.

— Скажи ему,— изрек сурово Трольвен,— что мы позволим Флоту покинуть море Ахан, если это будет сделано тотчас же. Конечно, потребуются заложники.

Толк перевел.

Теонакс оскалил зубы и засмеялся.

— Сидят, понимаешь ли, там, на жалкой кучке плотов и еще осмеливаются командовать!

Его фавориты захихикали. Капитаны же Флота, его советники, сохранили достоинство.

Дельп выступил вперед и произнес:

— Адмирал знает, что я вдоволь испил чашу этой войны. Этими руками, крыльями и хвостом убил многих воинов врага. Этими зубами выпускал кровь неприятелю. Тем не менее я говорю сейчас: давайте хотя бы выслушаем их.

— Что? — глаза Теонакса округлились от удивления.— Я надеюсь, что это только шутка!

Ван Рийн сделал шаг вперед.

— У меня нет времени на препирательства! — загудел он.— Послушай меня, а я изложу это самыми простыми словами, и даже ребенок поймет, что я хотел сказать, и сможет объяснить тебе это. Посмотри туда! — Он махнул рукой в море.— Там плоты. Может быть, их не так много, но думаю, что достаточно. Или вы с ними договоритесь, или будете воевать дальше. Если будет заключен мир, то через некоторое время и вы будете иметь столько же плотов. Вот так! Вбей это в свою башку и подумай!

Вейс кивнул головой. Хорошо. Очень хорошо. Тот плот драккхонов — почему он ускользнул от его корабля с экипажем, набранным из одних сухопутных крыс? Драккхоны могли метать стрелы на более далекое расстояние, либо сражаться в одиночку в воздухе. Однако они не хотели рисковать, пуская противника на палубу, ведь эти сумасшедшие дьяволы, ланнахи, могли запросто поджечь плот. А плот был домом, крепостью и местом жительства — обитание на плоту было единственным образом жизни, известным культуре драккхонов. Если большинство плотов будет уничтожено, исчезнет возможность рыболовства — основного источника продуктов питания. Это же так просто!

— Мы утопим вас! — заверещал Теонакс. Он вскочил со своего места, захлопал крыльями, его гребень скривился, а хвост стал прямым, как стальной прут.— Утопим весь ваш помет!

— Может быть, и так,— кивнул ван Рийн.— Но разве этого нам нужно опасаться? Если мы сейчас сдадимся, то и так все погибнем. Но если мы отправимся в ад, а ваших заберем

с собой как можно больше, чтобы чистить там наши сапоги и подавать холодные напитки, то это будет только к лучшему, не так ли, адмирал?

Выступил Дельп, и в глазах его светилась тоска.

— Мы приплыли в Ахан не из желания убивать. Нас сюда привел голод. Вы не позволили нам ловить рыбу, ту, которая вам не нужна. Правда, мы заняли также немного ваших земель, но нам ведь нужен доступ к воде. В этом мы не можем уступить!

Ван Рийн пожал плечами.

— Есть и другие моря. Мы можем позволить вам пару раз забросить сеть, но потом вы должны уйти.

Отозвался один из капитанов Флота:

— Господин уловил суть дела,— медленно сказал он.— Это, может быть, путь к решению... В конце концов, море Ахан имеет не столь большое значение, а для ланнахов оно не существует вообще. Конечно, мы вынуждены будем заселить побережье и занять некоторые острова, которые будут источником дерева, камня и так далее. И, конечно же, нам понадобится порт в заливе Сагна для спасательных и ремонтных работ. Эти требования касаются обороны и самообеспечения, а не проблемы выживания, как, например, доступ к воде. Поэтому, может...

— Нет! — крикнул Теонакс. Точнее сказать, завыл. Все замолкли, как громом пораженные. Адмирал минуту тяжело дышал, а потом обратился к Толку:

— Скажи своему.. вождю,— он выдавливал из себя каждое слово,— что как высшая власть я отказываю вам. Мы сумеем уничтожить ваши силы при самых небольших наших потерях. Я не вижу повода, чтобы уступать вам. Мы можем позволить вам занять вершины Ланнаха. Это наибольшая уступка, на которую вы можете рассчитывать.

— Невозможно! — взорвался герольд. И тотчас же быстро перевел слова Трольвену, который напряг хребет и даже клацнул зубами от гнева.

— Горы нас не удовлетворяют,— объяснил Толк немного спокойнее.— Мы объели их до голой земли, и это ни для кого не тайна. Мы должны иметь низины. И наверняка не отдадим вам ни пяди земли, с которой позднее вы смогли бы атаковать нас.

— Если вам кажется, что вы можете победить нас, не неся при этом катастрофических потерь, то можете попробовать! — крикнул Эрик Вейс.

— Уверен, что сможем! — взорвался Теонакс.— Мы сделаем это!

— Мой господин!..— Дельп заколебался и на мгновение прикрыл глаза.— Адмирал,— произнес он через мгновение абсолютно нейтральным голосом.— Эта последняя битва наверняка означала бы конец нашего народа. То небольшое количество плотов, которое уцелело бы, стало бы добычей первой же банды пиратов с островов, которые встретятся нам, без сомнения, сразу же после битвы. Дурные вести разносятся быстро.

— Но уход в океан тоже наверняка погубит нас,— Теонакс немного успокоился.— Разве что мы сможем переправить рыбу и сладкие водоросли из моря Ахан на широкую воду.

— Это правда, мой господин,— произнес Дельп.

Он повернулся и посмотрел Трольвену в глаза. Оба смотрели друг на друга спокойно, и во взгляде каждого читалось уважение к сопернику.

— Герольд! — произнес наконец Дельп.— Скажи так своему вождю: мы не покинем море Ахан. Мы не можем сделать это. Если вы будете продолжать настаивать на этом, мы вынуждены будем сражаться в надежде, что нам удастся уничтожить вас, не понеся особенно больших потерь. У нас нет выбора. Но мы могли бы,— продолжал он,— отказаться от намерения захватить как Ланнах, так и Хольменах. Можете парить на суше. Мы будем обменивать нашу рыбу, соль, дары моря, изделия ремесел на ваш камень, мясо, дерево, сукно и масло.

— А может быть,— вмешался ван Рийн,— случаем, придет вам в голову и такая мысль: если дракхоны не будут иметь постоянной суши, а ланнахи судов, то им будет немного сложней воевать между собой, не так ли? После нескольких лет такой торговли и взаимного обогащения настанет момент, когда они начнут зависеть друг от друга и вот тогда-то война будет уже немыслима. И если вы сейчас быстро обо всем договоритесь, то вскоре у вас появятся дополнительные хлопоты, пока не прилетит Николас ван Рийн с Земли с товарищами и все утрясет. У меня, скажу вам, цены такие низкие, что их можно счи тать подарком от святого Николая!

— Заткнись! — взревел Теонакс.

Он схватил за крыло командира стражи и показал на Дельпа.

— Арестовать этого преступника!

— Мой господин!..— Дельп отошел назад.

Стража заколебалась.

Воины Дельпа окружили своего капитана, принимая боевую стойку. Среди солдат, столпившихся на нижней палубе, пробежал шумок.

— Путеводная Звезда свидетель,— произнес Дельп,— что я только предложил это... мой адмирал имеет, конечно, последнее слово...

— И это слово — «нет»! — вскричал Теонакс, снова жестом приказывая страже взять под арест Дельпа.- Как адмирал и как Глава дракхонов я не согласен. Не может быть никаких договоров между Флотом и этими... этими никчемными грязными... животными! — Он опьянел от душившей его ярости. Над головой он поднял свои руки и растопырил пальцы, словно когти.

В шеренгах дракхонов усилился шум. Капитаны все еще оставались возлежать, сохраняя спокойствие, только в глазах их появилась угроза.

Ланнахи, которые не понимали слов, но почувствовали тон ответа, сгрудились в группку и сильнее сжали оружие.

Толк быстро перевел ответ приглушенным голосом. Когда он закончил, Трольвен вздохнул:

— К сожалению, должен признать,— начал он,— если хорошо взвесить слова этого сукиного сына, то он прав. Разве можно в самом деле думать, что две расы, две такие чужие расы, как наши, могут жить в мире друг возле друга? Искушение сорвать договоренность чересчур сильно. Они могут опустошить наши земли в то время, когда мы путешествуем на юг. Они могут вновь занять наши города... а мы, в свою очередь, можем когда-нибудь вернуться на север с союзниками, нанятыми среди пиратов... среди всякого сброда только за то, что пообещаем им добычу, отнятую у дракхонов. Пройдет лет пять и мы так или иначе вновь будем хватать друг друга за горло. Поэтому лучше закончить сейчас. Пусть боги решат, кто прав, а кто не заслуживает права на жизнь.

И он, с учетом ситуации, напряг мускулы, чтобы броситься в бой, если бы в этот момент Теонакс решил нарушить перемирие.

Ван Рийн поднял руки и заговорил. Его голос загудел, как колокол размером, по крайней мере, с плот адмирала. И стрелы, уже вложенные в тетивы, вернулись назад, в колчаны.

— Остановитесь! Подождите, черт вас побери, одну минуту! Я еще не все сказал вам, дураки!

Он кивнул в сторону Дельпа.

— У тебя в голове есть кое-что, парень. Может быть, среди вас есть еще кто-нибудь, у кого в голове имеются мозги, а не остатки заплесневелого чая, который продает конкурирующая со мной фирма? А если это так, то я должен сказать вам нечто важное. Я говорю на языке дракхонов, а ты, переводчик, побыстрее переводи, если желаешь остаться в живых. Этого еще на вашей планете никто никогда не слыхал. Я говорю вам, дракхоны и ланнахи — вы не чужие друг другу! Вы принадлежите к одной и той же расе, одинаковы и абсолютно равны по своей тупости!

У Эрика перехватило дыхание.

— Что? — прошептал он на английском языке.— Но цикл их воспроизводства...

— Убейте этого толстого червяка! — крикнул Теонакс.

Ван Рийн нетерпеливо отмахнулся от него и заорал с новой силой:

— Заткнись, идиот! Сейчас говорю я! Пусть оба народа сядут и выслушают то, что скажет им Николас ван Рийн. Эволюция разума на Диомеде остается еще в сфере предположений: не было времени до сих пор копаться в земле в поисках каких-то там окаменелостей. Однако, на основании биологических законов развития, а также известных общих принципов развития разумных существ, можно дедуктивным способом проследить путь развития вашей цивилизации в течение прошедших тысячелетий.

Районы, лежащие вблизи экватора, не знали длинных дней и ночей, которые так характерны для других географических

широт; во время Равноночия солнце бежит по небу шесть часов и заходит на остальные шесть часов. Во время зимнего Солнцестояния наступает сумрак, а солнце находится либо едва над горизонтом, либо вообще не появляется. На Диомеде это создало идеальные условия для развития жизни. Среди разновидностей существ, живших в прошедших эпохах, нашлось одно: хищник, обитавший на деревьях. Как земная белка летяга, это существо отрастило себе перепонки, на которых перелетало с дерева на дерево.

Однако планета, имея небольшую плотность ядра, не обладала постоянной формой. Континенты поднимались из моря и погружались в воды океана в течение всего каких-то сотен или, может быть, тысяч лет. Воздушные и океанские течения соответственно меняли свои направления. Здесь надо отметить, что в связи с сильным наклоном оси планеты и наличием большой массы свободной океанской воды диомеданские течения переносят больше тепла или холода, чем земные течения.

Вследствие этого в какой-то момент времени, когда — сейчас это не существенно, на равнинах произошли резкие климатические изменения. Леса исчезли, оставшиеся кое-где рощицы были разделены обширными сухими степями. И псевдолетуны вынуждены были отрастить себе настоящие крылья, чтобы перелетать из одного леса в другой. Приспособившись к изменившимся условиям, они начали охотиться на новых травоядных существ, которые появились в степях. Чтобы справиться с копытными, они стали крупнее и сильнее. Однако вместе с этим потребовалось и больше пищи для столь крупного тела, и поэтому они стали селиться везде, где можно было добыть много еды: на побережьях, в горах, на болотах, на равнинах. Благодаря своей подвижности они все же сохраняли однородность расы, не разделяясь на несколько видов. Тем самым, отдельный индивид мог выжить в разных средах обитания в течение всей своей жизни, а это, в свою очередь, способствовало тому, чтобы не дать угаснуть искре разума.

На этом этапе, по какой-то непонятной причине, раса, вернее часть ее, та часть, которая должна была занять главенствующее место, не родилась. Скорее всего, из-за геологических изменений континент, на котором она жила, был разломан и образовался ряд небольших островов, которые были не в состоянии прокормить большое количество этих существ. А может быть, это не были геологические катаклизмы, а к примеру, длительная засуха, кто знает... Как бы то ни было, началась миграция расы от экватора на север и юг. Там были лучшие земли, лучшие условия для охоты, но там был холод, который стал убивать их. И при наступлении очередной зимы они вынуждены были откатываться в тропики, чтобы выждать, пока на родине не наступит весна. Это не было инстинктивным действием, как у земных перелетных птиц. Существа были уже настолько разумны, что уже не руководствовались исключительно инстинктом; были и приобретенные навыки. Изобретенные орудия труда еще больше способствовали развитию разума.

Однако ценой разума является значительное увеличение длительности детства по отношению ко всей продолжительности жизни. Гены не могут передавать знания, и каждое новое поколение должно усваивать их заново, а для этого нужно время. Из-за этого ни один вид не станет разумным, пока он сам, либо среда, в которой он обитает, не создаст условий, способствующих тому, чтобы родители могли сохранить и обучить молодых в этот удлиненный период младенчества и неосознанного детства. Любовь матери в этом случае недостаточна; мать и так занята тем, что следит за детьми, которые из-за своего чрезмерного любопытства могут причинить себе вред. Кроме того, она занята поисками пищи и ведением, пусть это и звучит смешно, домашнего хозяйства. Здесь должен помогать отец, иначе что ж еще должно удерживать отца в семье, когда исчезает сексуальное влечение?

Инстинкт? Например, у некоторых птиц оба родителя воспитывают птенцов. Однако для разумных существ инстинкт не может быть единственным мотивом поведения. Отец должен иметь соответствующий эгоистический повод для того, чтобы остаться в семье, поскольку имеет уже столько сознания, что способен на этот самый эгоизм.

В случае с человеком дело было совсем просто: постоянное половое влечение. Отсюда возникла семья, а затем и возможность продления времени детства.

В случае диомеданцев это была миграция. Каждое племя каждый год пускалось в длинную и опасную дорогу. Лучше всего было путешествовать вместе, организованно. В конце такого путешествия к тропикам стаи распадались, существа занимались продлением рода, но это не могло продолжаться длительное время, так как небольшие лесистые острова не могли обеспечить пришельцев достаточным количеством пищи.

Это примитивное ежегодное группирование, не вызванное слепым инстинктом, а представляющее плод сознательного решения, привело к возникновению многочисленных постоянных связей. Группы враждующие стали группами сотрудничающими. Только теперь суровые условия длительных перелетов привели к тому, что тела самцов и самок видоизменились. Одно было приспособлено к сражению, другое — к ношению тяжестей. А отсюда же и выгода к поддерживанию партнерства обоих полов в течение всего года.

Семьи на Диомеде чаще всего представляли собой целые кланы, происходящие от одной матери. В условиях долговременной беременности, продолжительного детства, постоянных изменений геологических и погодных условий, борьбы за сексуальных партнеров каждую зимовку в тропиках с чужими группами, семейные кланы имели все условия для того, чтобы не дать угаснуть в себе искре разума.

В соответствии с этим сформировался язык, возникли новые инструменты, семьи стали поддерживать огонь и образовалось то бесформенное и неуловимое нечто, которое называется культурой. Хотя диомеданец не имел никакого врожденного инстинкта поведения, он старался поступать так, как требовала сама

жизнь. Так было легче всего. Здесь можно провести параллель с родом человеческим, которому вовсе не приказывает инстинкт удовлетворять сексуальное влечение только через супружество, хотя почти все земные народы поступают именно так. У землян возник своего рода инстинкт разума — семья. А у диомеданцев — инстинкт полета на юг для размножения. Но это не означает, что так обязательно должно быть!

Если где-то возникает временной цикл размножения, то он всегда регулируется каким-то простым, доступным механизмом. Например, для множества видов земных птиц период сексуальной активности вызывается увеличением продолжительности весеннего дня. Тепло и солнечный свет включают гормональные процессы, которые активизируют спящие половые органы. На Диомеде такое было невозможно, слишком большая разница в световом цикле в зависимости от географической широты. Однако, когда первобытный диомеданец начал мигрировать и из-за этого мог размножаться только в определенную пору года, поскольку дети должны были выжить, процесс эволюции вынудил его к упорядочению размножения.

Охотник по своей сути, иногда употребляющий растительную пищу — орехи, фрукты и дикорастущее зерно — диомеданец работал урывками. Миграция требовала усилий, напряжения на длительный период времени; по крайней мере, сотни или тысячи поколений пережило формирование необходимых мускулов крыльев, не говоря уже о времени, необходимом для дальнейшего приспособления.

Такие усилия стимулировали некоторые железы, которые, включая гормональную систему, окончательно пробуждали половые органы. Исключение составляли кормящие матери, у которых молочные железы выделяли вещество, ослабляющее половое влечение. Во время перелета концентрация полового влечения нарастала, поскольку не было ни сил, ни времени, которые можно было бы посвятить на его растрачивание.

Уже в тропиках отдохнувшии и оживший диомеданец наверстывал все, чего был лишен в течение года. Наверстывал так тщательно, что обратная дорога не оказывала существенного влияния на обессиленные органы.

Временами, я не берусь сказать более определенно, он мог осуществить тягу к существу противоположного пола также на родине. Подавлялось это чувство так же сурово, как человек подавляет тягу к кровосмешению, и тому была причина: ребенок, рожденный до перелета, был обречен на смерть так же, как и его мать. Не то, чтобы средний диомеданец понимал такое сознательно — он просто одобрял запрет, из которого возникла религия и даже этическая система.

Тем не менее, несомненно, слабое продолжающееся весь год половое влечение было вначале подсознательной причиной для образования кланов и племен. Когда путешествующий диомеданец наталкивался на племя, которое не соблюдало его страшное табу, он чувствовал физический страх.

Племя дракхонов является одним из многих племен, которые не испытывали необходимости миграции. Они начали искать

источники питания в море, а не только на суше. Через много веков они усовершенствовали свои лодки в корабли с парусами и стали жить на них.

Это произошло скорее с целью обеспечения безопасности, чем для поисков пищи. Это давало приют, где можно было постоянно жить. Давало возможность строительства и применения сложных инструментов, сбора и накопления знаний, давало возможность вести дискуссии о разных проблемах; короче говоря, давало свободу, которой не обладала ни одна из путешествующих рас, разве что в весьма ограниченной степени. Но если говорить о негативной стороне такого образа жизни, это был тяжкий труд под гнетом сформировавшегося класса аристократии.

Отсутствие необходимости тяжелых перелетов у этих народов привело к тому, что табу на половое влечение стало постепенно ослабевать. Теплые каюты и запасы еды, которой обеспечивало море, еще более усилили этот эффект. В конечном итоге возникла такая ситуация, когда племена перестали зависеть от времени года. Тем самым моряки сформировали систему супружества и воспитания детей, похожую на человеческую; не чуждо им было даже понятие «романтической любви».

Моряки стали считать представителей путешествующих рас бесстыдными, а те отвечали им тем же. Мало того, прошло время, и уже ни одна из культур не была в состоянии представить себе, что та, другая, принадлежит к той же расе, что и она.

Ну так как можно доверять представителям совершенно чужой расы? Это о причинах вашей глупой разницы в убеждениях по поводу возникновения этой бессмысленной войны,— заключил ван Рийн.— Но сейчас мы оставим это и перейдем к тому, чтобы трезво и мирно обсудить создавшееся положение.

Конечно, его гипотеза грешила неточностями. Он намеренно ограничился простейшими, многократно повторяющимися формулировками, рисуя одно, по его мнению, трезвое объяснение хорошо известных различий в вопросах размножения. Ван Рийн потер руки и захохотал, нарушая напряженную тишину.

— Ну как? Вот подкинул я вам изюминку, а? Думаю, что никто другой не смог бы сделать такого! Конечно, еще долгое время вы будете считать, что те, другие, в этих делах ведут себя неестественно. Будете сами о себе друг другу рассказывать сальные анекдоты... Кстати, я знаю несколько таких, которые можно было бы легко перевести на ваши языки. Но вы всегда будете помнить, что принадлежите к одной расе. Мог бы каждый из вас быть примерным гражданином другого народа? На это пока что трудно ответить. Может быть, когда-нибудь, когда пройдет достаточно времени, вы сможете сблизить свои обычаи. Почему бы вам немного не поэкспериментировать? Нет, нет, я вижу, что эта мысль пришлась вам не по вкусу, значит, я больше ничего не скажу.

Он скрестил руки на груди и стал ждать; крупный, заросший, ободранный, покрытый заскорузлой, многонедельной грязью человек.

На скрипящих досках палубы, под красным солнцем и дуновением слабого бриза десятки крылатых воинов и капитанов дрожали перед лицом невообразимых вещей, которые они только что услышали. В конце концов первым подал голос Дельп. Он заговорил медленно, глубоким голосом, словно боясь нарушить эту нависшую тишину.

— Да. Похоже, то, что ты сказал, землянин, имеет смысл. Я могу поверить в это...

После минутного молчания он склонил голову в направлении неподвижного как скала Теонакса.

— Мой господин,— сказал он,— это меняет дело. Считаю, что мы могли бы договориться... Они получат всю землю, а мы будем владеть морем Ахан. Сейчас, когда мы узнали, что они не дьяволы, не звери... Обычные гарантии, договоренность, обмен послами обеспечат продолжительность и надежность договора.

Толк заговорил шепотом на ухо Трольвену. Командир ланнахов кивнул головой.

— Да, я считаю так же,— сказал он.

— Удастся ли нам убедить Совет и кланы, господин? — спросил Толк.

— Герольд, если мы принесем выгодный договор, Совет объявит нас богами!

Толк перевел взгляд на Теонакса, который возлежал без движения посреди дворца. Поседевшая шкура съежилась на гребне герольда.

— Сначала мы должны целыми вернуться в Совет, командир,— прошептал он.

Теонакс поднялся.

Его крылья затрепетали в воздухе, издавая треск, словно ломались кости под ударами топора. На его морде появилась гримаса, зубы оскалились и сверкнули хищным блеском.

— Достаточно! — рявкнул он.— Мы должны закончить этот фарс!

Трольвену и эскорту ланнахов не потребовалось перевода. Схватив рукоятки оружия, они мгновенно образовали защитный круг. Их челюсти инстинктивно захлопнулись, словно куснули воздух.

— Мой господин! — Дельп вскочил на ноги.

— Успокойся! — заскрежетал Теонакс.— Ты уже сказал достаточно.— Он посмотрел по сторонам.— Капитаны Флота, слушайте все, как Дельп хир Орикан предлагает заключить договор с существами более хитрыми, чем дикие хоры! Запомните это!

— Но, господин...— Один из старших офицеров поднялся с места, поднимая руки вверх в знак протеста.— Адмирал, мой господин, здесь же сейчас доказали, что они не звери... только другая...

— Допуская даже, что землянин сказал правду, что вообще вряд ли возможно, ну и что с того? — Теонакс насмешливо посмотрел на ван Рийна.— Тем хуже! Известно, что дикие хоры не могут справиться со своими инстинктами, тогда как эти

ланнахи ведут себя неприлично по своей собственной воле. И вы позволите им жить? Могли бы... могли бы торговать с ними... жить в их городах... Может быть, вы уже готовы отдавать своих дочерей им на поругание?

Капитаны посмотрели друг на друга. Это было словно немой стон. Только Дельп решился заговорить вновь:

— Прошу покорно, чтобы адмирал вспомнил об отсутствии выбора. Если мы будем воевать с ними до конца, то он может стать и нашим концом.

— Вздор! — взревел Теонакс.— Ты просто боишься их, или они тебя подкупили!

Толк все шепотом переводил Трольвену. Эрик Вейс с горечью слушал, что Командующий отвечал герольду.

— Если он придерживается такого решения, то, естественно, о договоре не может быть и речи,— говорил Трольвен.— Если бы мы даже договорились, он потом пожертвует своими послами, а о нашей судьбе даже не удосужится вспомнить. Когда он соберется с силой, то сразу же вновь возобновит войну... Да, это скорее всего. Улетим, пока он первым не прервал перемирие!

Да, это так, подумал Эрик. Мир на этом закончится. Он погибнет под градом камней, а Сандра умрет в стане охотников. Во всяком случае, мы сделаем попытку... Он напрягся. Возможно, адмирал не позволит им вернуться...

Дельп огляделся, заглядывая то в одно, то в другое лицо.

— Капитаны Флота! — закричал он.— Прошу вас подумать! Умоляю вас, объясните адмиралу, что...

— Если кто-либо промолвит хотя бы одно предательское слово, он потеряет крылья! — крикнул Теонакс.— Может быть, кто-то желает моей отставки?

Это было смелое заявление, подумал Эрик Вейс. Поставить все на карту. Конечно же, этому лису удастся это. В этом кастовом обществе никто не может поставить под сомнение его абсолютную власть, даже отважный Дельп. Капитаны могут колебаться, но никогда не нарушат традиции.

Тишина стояла поразительная.

Нарушил ее Николас ван Рийн сочными земными словами. Все вздрогнули. Теонакс присел на задних конечностях, на минуту напомнив кота с крыльями летучей мыши.

— Что? — взорвался он.

— Ты что, глухой? — вежливо поинтересовался ван Рийн.— Не знал, что ты туг на ухо. Повторяю...— И он повторил всю тираду, дополнив ее несколькими новыми словами.

— Что это означает?

— Это земные выражения,— ухмыльнулся ван Рийн.— Не знаю, смогу ли я точно перевести на ваш язык... Это означает, что ты...

Эрик Вейс не думал, что толстяк так хорошо знает язык дракхонов. Это были самые изощренные ругательства, какие он когда-либо слышал.

У капитанов перехватило дыхание. Некоторые инстинктивно схватились за оружие. Стража дракхонов на верхней палубе натянула луки.

— Убейте его! — закричал Теонакс, тыча пальцем в ван Рийна.

— Нет! — Бас купца взорвался в ушах, и этот звук парализовал дракхонов...— Я парламентер! Пусть хоть волос упадет с наших голов, и Путеводная Звезда утопит вас в кипящих водах ада!

Это удержало дракхонов. Теонакс не повторил приказа. Стражники отпрянули и замерли на местах, а офицеры были напряжены и не могли произнести ни слова.

— Хочу вам еще что-то сказать! — продолжал ван Рийн чуть ли не в два раза громче, чем пароходная сирена.— Я говорю всему Флоту, а вы уже сами спросите себя, чего добивается этот жалкий кусок дерьма. Он толкает вас на войну, в который могут проиграть только обе стороны. Я говорю вам, он хочет рисковать вашими жизнями, жизнями ваших жен и детей, даже существованием всего Флота! Вы спросите, зачем? И я отвечу! Потому что боится! Знает, что после нескольких лет торговли с моей фирмой, после моих низких цен, все начнет изменяться! Вы начнете сами думать! Сделаете глоток свободы! И постепенно власть ускользнет из его лап. А он является слишком большой свиньей, чтобы жить самостоятельно! Нет, он должен иметь охрану и рабов из всех вас, которыми может править, чтобы доказать самому себе, что не выскочил у мамки из-под хвоста, а является настоящим правителем. Он лучше пошлет Флот на верную гибель и сам погибнет, чем согласится на этот договор и потеряет все!

— Убирайся с моего плота! — брызгая слюной, зашипел Теонакс, весь трясясь.— Я никогда не подпишу этот договор!

— Хорошо, я уйду,— кивнул ван Рийн. Он подошел к адмиралу. Палуба загудела от его шагов.— Я уйду, а ты будешь воевать дальше, если хочешь этого. Однако я сначала задам тебе один вопрос.— Он остановился напротив его адмиральского величества и нацелился волосатым пальцем в царственный нос:

— Почему столько шума из-за каких-то странных обычаев ланнахов? Может быть, ты тайно сам занимаешься такими штуками, а?

Сказав это, он повернулся к Теонаксу спиной...

Вейс не заметил того, что произошло потом, так как на мгновение стражники и капитаны Флота перекрыли ему обзор. Он услышал только какой-то писк и рев ван Рийна. И тут же перед взором Эрика развернулся ураган крыльев.

Что-то произошло! Он бросился в массу стиснутых тел. Его ударили хвостом по ребрам. Едва почувствовав этот удар, он влепил кому-то кулаком в лицо, но сделал это лишь затем, чтобы убрать противника с дороги и увидеть...

Николас ван Рийн стоял с руками, поднятыми кверху, окруженный несколькими десятками острых копий.

— Адмирал укусил меня! — орал по-дракхонски толстяк.— Я здесь посол, а эта свинья меня укусила! Где написано в правилах международных отношений, чтобы глава государства кусал заграничных послов, а? Разве земной президент кусает дипломатов? Это варварство! Понимаете, вар-вар-ство!

Теонакс отодвинулся назад, сплевывая и вытирая кровь.

— Убирайся! — приказал он приглушенным тоном.— Уходи сейчас же, землянин!

Ван Рийн склонил голову:

— Идемте, друзья. Найдем себе такое место, где существуют более цивилизованные обычаи.

— Извините, сэр... Куда он вас?..— Эрик подошел ближе.

— Неважно, куда,— раздраженно бросил ван Рийн.

Трольвен и Толк присоединились к ним. За ними двинулся эскорт ланнахов. Они прошли размеренным шагом по палубе, стараясь не выдавать своей радости при виде замешательства, охватившего дракхонов от столь некрасивого поступка их предводителя.

— Вы должны были предусмотреть это,— прошептал Вейс. У него уже не было никаких сил, ни эмоций, за исключением чувства гнева из-за невероятной глупости шефа.— Это раса хищников. Разве вы никогда не видели, как они щелкают челюстями, когда злятся? Это движение... нужно было предугадать его!

— Ты прав, мальчик,— пожал плечами толстяк.— Но нет худа без добра. Посмотри на наших ланнахов, они прямо светятся от радости за такой ляпсус дракхончиков. И посмотри на его подданных, они не находят себе места от горя.

— Но они могли запросто убить вас разве не так?

Ван Рийн не счел нужным ответить. Дельп догнал их возле фальшборта. Его гребень жалко свисал набок.

— Мне жаль, что все так получилось,— сказал он.— Мы могли бы жить в дружбе...

— Может быть, еще не все потеряно,— развел руками ван Рийн.

— Что ты имеешь в виду, землянин? — Усталые глаза Дельпа смотрели на толстяка без тени надежды.

— Так это можешь скоро узнать! — Ван Рийн положил руку на плечо дракхона.— Ты отличный парень, Дельп. Мы могли бы найти тебе занятие, например, ты мог бы стать моим торговым агентом на этой планете. Конечно, за соответствующее вознаграждение. Во всяком случае, знай, что ты единственный, кого любят и уважают. Если что-то случится с этим адмиралишкой, и они ударятся в панику, человеком, который сможет привести их в чувство, будешь ты и только ты! Если они не дураки, то именно к тебе они должны будут обратиться за помощью. И если ты в такую минуту будешь действовать быстро, то сам станешь адмиралом. А вот тогда-то мы еще раз сможем все обговорить по-настоящему, разве не так?

Отвернувшись от Дельпа, который остался стоять как вкопанный, он с обезьяньей ловкостью вскочил в корыто подъемника и приказал дракхонам быстро опускать их.

Оказавшись в лодке, он заорал:

— А сейчас, ребятки, гребите, как сумасшедшие!

Они были уже почти возле своего флота, когда Эрик заметил тучи крыльев, взметнувшихся с королевского плота. От волнения он сглотнул.

— Атака... Они уже начали? — Он проклинал себя за то, что голос его срывался в такой момент.

— Эх, парень, жаль, что меня там сейчас нет! — Ван Рийн выпятил грудь, стоя на корме лодки, и кивнул головой.— Думаю, что это не война. Это просто-напросто суматоха. Сейчас Дельп должен захватить власть в свои руки, и они успокоятся как миленькие.

Но Дельп...

Ван Рийн пожал плечами.

— Если диомеданский белок является для нас ядом,— сказал он,— то наш для них тоже не сахар. А наш покойный ныне Теонакс укусил меня, между прочим, до крови. Это еще раз доказывает, что дурной характер доставляет его владельцу массу хлопот. Лучше действовать по моему примеру: если меня кто-то бьет, я подставляю другую щеку.

Торговая база Политехнической Лиги не имела хорошего медперсонала; всего-то, что автодиагност, пара робохирургов и роботерапевтов, бедный выбор лекарств, да еще ксенобиолог базы, в обязанности которого вменялось заниматься лечением. Так или иначе, шестидневный пост не грозит летальным исходом, если перед его началом человек был сильным и здоровым, а для перелета ему служили руки, ноги, крылья и хвосты двух народов, населяющих планету. При помощи биопрепаратов восстановление сил проходило успешно, а диета, начавшаяся с глюкозы внутривенно, через пару дней закончилась увесистыми бифштексами с кровью. На шестой диомеданский день Эрик Вейс уже немного поправился, но еще неуверенно расхаживал по комнате.

— Закурим? — предложил молодой человек по имени Бенегал.

Когда экспедиция вернулась, его не было на станции, поскольку он посещал поселение аборигенов, с которыми торговали земляне. Только сейчас он обо всем узнал и с уважением предложил сигарету. Эрик остановился, и халат обернулся вокруг его ног. Он постоял немного, а потом усмехнулся:

— Кажется, за все то время, пока у нас не было табака, я утратил привычку курить. Встает вопрос, а стоит ли ее возобновлять?

— Но, извините, сэр, разве не...

— Хотя нет! Дай мне сигарету! — Эрик сел на край кровати и осторожно затянулся.— Наверняка я еще восстановлю все свои привычки и приобрету парочку новых!

— Вы хотели рассказать мне о том, как было сообщено на станцию о случившемся, напомнил Вейсу Бенегал.

— Ах, да. Это было очень просто. Я придумал это за десять минут. Нужно было послать достаточно многочисленную группу диомеданцев с известием на бумаге, а также одного толкового переводчика, Толка, чтобы он мог расспросить о дороге к базе по ту сторону океана. Необходимо было также спроектировать большой плот, состоящий из легких дощечек, которые можно было бы привязать к хвосту. Каждый диомеданец мог нести один элемент, и когда нужно было, легко соединяли

их в плот. Они отдыхали на нем, ловили рыбу, ели и так далее. В этой группе было также несколько специалистов из Флота, которые занимались сборкой плота и управлением. В это время года дождь идет часто, так что можно было собирать дождевую воду в емкости и пить ее. Проблемы с водой у них не было, впрочем, так же, как и с едой. Я был уверен, что с этой стороны все будет в порядке. Дракхоны ведь уходят в море на очень долгий срок, и никогда у них не бывает проблем с водой. Правда, они уходят на своих огромных плотах, но тем не менее, они приучены добывать воду в условиях длительного плавания. Не забывайте, Бенегал, что это — планета дождей. Кроме того, я настаивал на том, чтобы в группе было несколько женщин из расы ланнахов по причинам, которые тебе уже известны. Означало это то, что члены группы посланцев из обоих народов должны избавиться от вековых предрассудков. В перспективе, этот факт должен изменить всю их жизнь гораздо больше, чем все впечатления, какие могли произвести на них земляне при помощи таких штучек, как доставка их обратно за один день. С этого момента, хотят они этого или не хотят — те, кто отправился в путешествие, станут зачинателями нового в обеих культурах. Они станут почвой под зерна диомеданского интернационализма. Но это пусть утешает Лигу, а не меня.

Вейс пожал плечами.

— После отлета посланников,— продолжал он,— мы могли только ждать. Мы лежали и ждали. После первых дней уже не было так плохо. Аппетит со временем пропадает

Он погасил сигарету и передернулся от отвращения к никотину. После долгого воздержания от курения у него закружилась голова.

— Когда я увижу остальных? — спросил он.— Я уже выздоровел и мне скучно. Хочу пообщаться с друзьями, черт возьми!

— Собственно, сэр...— начал Бенегал,— кажется, что сэр ван Рийн говорил что-то...

В это время в коридоре загрохотал голос:

— Ад и дьяволы! Бездельники! Кто будет работать?..

— ...О том, что он собирается навестить вас,— закончил Бенегал, съежившись от испуга при голосе шефа

— Тогда беги отсюда, парень,— усмехнулся Эрик.— Ты слишком молод, чтобы слышать то, что будет здесь сказано. Мы, братья по крови, которые обманули смерть, присягнули в дружбе и так далее, и тому подобное, вот-вот должны вновь встретиться.

Юноша скрылся через другую дверь, а Эрик встал с постели. Ван Рийн ввалился в помещение через главный вход. Его фигура Юпитера немного округлилась, он опирался на палку с золотым набалдашником. Волосы у него были вновь завиты в элегантные черные локоны, усы и бородка подстрижены в стрелку, кружевная рубашка и камзол были усеяны крошками табака, а ноги, напоминающие волосатые пни, торчали из гигантских сапог. Пальцы обеих рук были унизаны перстнями с бриллиантами, а на его шее висела серебряная цепочка размером с хорошую якорную цепь.

Он махнул рукой, в которой держал вонючую сигару вместе с четырехслойным бутербродом, и зарычал:

— Ага, ты уже на ногах! Отлично, мой мальчик! Выздороветь можно лишь тогда, когда перестанешь хлебать этот помойный супчик! Знает ли этот сумасшедший ветеринар, сколько стоит мне каждый час, проведенный здесь? Какой куш попадет мне в руки, если я доберусь до дома, прежде чем эти шакалы-конкуренты узнают, что Николас ван Рийн несмотря ни на что жив и здоров! Только что я втолковывал инженеру станции, в его высохший гриб, который он носит вместо головы, что если мой корабль не будет готов к старту завтра в полдень, то я привяжу его снаружи к обшивке корабля и прикажу взлетать. Ты сам тоже возвращаешься с нами на Землю, нет?

Эрик Вейс ответил не сразу.

За спиной ван Рийна в комнате возникла Сандра. Она ехала в инвалидном кресле, такая бледная и худая, что у него заныло сердце. Ее волосы разметались на подушке, как легкое холодное облачко, и казалось, дотронься до нее — и ощутишь холод. Только глаза у нее были живые, огромные, как бесконечная зеленая глубина земных морей. Она улыбнулась ему

— Мисс...— прошептал он.

А,— махнул рукой ван Рийн.— Она тоже летит.— Он выбрал спелое яблоко из вазы, стоящей возле кровати Эрика, и смачно откусил.— Продолжим нашу прерванную прогулку; может быть, на борту не будет столько забав и развлечений, но также...— он повернулся и глянул на девушку одним глазом.

— Оставим это на потом, когда вернемся на Землю,— улыбнулась Сандра.

— Но у вас может не хватить сил на такое путешествие.. испугался Вейс. Он сел на кровать — ноги не держали его.

— Хватит,— сказала она тихо.— Я должна только соблюдать предписанную диету и много отдыхать.

А вот это самое худшее, что мы можем сделать,— буркнул ван Рийн, доедая яблоко и выбирая апельсин.

Наступила неловкая пауза. Ван Рийн стал есть апельсин, бросая корки на пол.

— Даже с большого несчастья,— наконец подал он голос,— добрый господь бог может дать нам хорошую прибыль, если только на то будет его воля. Я не могу лично знать всех людей, работающих на меня, но многообещающие парни, такие, как ты, только зря теряют время на маловажных участках, похожих на эту планету. Я заберу тебя на Землю и найду хорошую работу в соответствии с твоими способностями.

«Коль скоро она забыла то холодное утро под горой Оборх,— подумал Эрик Вейс,— я сам могу вспомнить другие, менее приятные вещи и громко говорить о них. Час настал»

Он был все еще немного слаб и слегка дрожал, однако перехватил взгляд ван Рийна и гневно произнес:

Это, конечно же, для вас, сэр, простейший способ, чтобы восстановить чувство собственного достоинства. Подкупить меня теплым местечком, чтобы я забыл, как Сандра сидела с кисточкой в тесной каморке и падала от усталости, как отдала

вам последнюю еду... и как я напрягал все силы для того, чтобы освободить нас, пленных, в том краю... Не прерывайте меня, сэр! Знаю, что вы тоже принимали в этом участие! Вы сражались во время морской битвы, но у вас не было выбора, негде было спрятаться. И вы нашли выход, чтобы избавиться от невыгодного партнера. У вас талант к таким вещам. Вот вы и сделали несколько результативных предложений. Но к чему все это привело? — продолжал он.— В сумме это не больше, чем приказания для меня, типа «сделай это», «построй то». И я вынужден был делать все это, имея помощниками нелюдей и инструменты каменного века. Я должен был сам все проектировать! А теперь что я слышу: «Заберу тебя на Землю!» Вся ваша роль, ваше руководство сводилось к прогулкам, к игре в кости, разговорам, тайной политике, обжираловке в то время, когда Сандра лежала без еды на Даврнахе! А все заслуги вы приписали себе! И сейчас я должен лететь на Землю, засесть в том грязном хлеву, который вы называете Бюро, и провести остаток своих дней, обивая баклуши и держа язык за зубами, когда вы будете похваляться приключениями на Диомеде! Что, не так? Возьмите себе свою должность и...

Эрик почувствовал на себе взгляд Сандры, полный сочувствия, и резко замолчал.

— Я ухожу из Компании! — наконец пробормотал он.

Во время всей этой речи ван Рийн, наконец, прикончил апельсин и вернулся к бутерброду. Затем громко икнул, облизал пальцы и затянулся сигарой.

— Если ты считаешь, что я раздаю теплые местечки,— загудел он неожиданно вежливо,— то ты великий оптимист. Я раздаю хорошие должности только потому, что считаю, что от толкового специалиста будет больше пользы, чем от какой-то бараньей головы, даже если эта голова сидит на Земле. Я буду платить тебе столько, сколько ты заслужишь своими трудами. И даю слово, что работы у тебя будет навалом.

У Эрика захватило дух.

— Вольному воля, можешь оскорблять меня, если хочешь,— продолжал ван Рийн.— Я знаю тебя, парень, и поэтому не обижаюсь. Ты это делаешь не из-за того, чтобы сделать пакость старику. Поэтому-то я не обижаюсь. Сейчас же я хотел бы покинуть вас, милые мои. Я еще не выяснил, кто же подложил бомбу на корабль. А вот когда я узнаю кто, вот тогда-то и займусь им. Вот будет потеха! Нет, постойте! Сначала я схожу и попрошу своего повара, чтобы он сделал мне небольшой бутербродик, так, с полбатончика. Похоже, черт побери, если я не скажу им, они здесь меня уморят с голода!

Он помахал волосатой рукой и удалился, как небольшое землетрясение.

Сандра подкатила на кресле ближе и положила руку ни руку Эрика. Ее прикосновение было холодным, мягким, как падающий октябрьский листок, но огнем обожгло его кожу.

Словно сквозь туман он слышал ее голос.

— Я ждала такой реакции от тебя, Эрик. Да, многие из них

имеют талант только на то, чтобы мешать другим. Конечно. на дне моря Ахан.

— Но...

— Жаль, что он вынуждал тебя выполнять вещи, которые требовали от тебя, а не от него, применения своего умения. Да, конечно же, вынуждал! Командиру нет необходимости делать все самому. Ему нужно только приказывать... убеждать, применять силу, понукать... и все для того, чтобы заставить других делать то, что нужно сделать, неважно, возможно это или нет. Ты говоришь, что его работа сводилась только к болтовне, шуткам и созданию внешнего эффекта, чтобы произвести впечатление на провинциалов-туземцев. Ну, конечно же, это так! Ведь кто-то же должен был это делать! Мы были бы для них чудовищами, чужаками и неумехами, если бы не его разговоры. Смогли бы мы сами без него начать жалкими глупцами, а закончить почти королями? Ты говоришь, что он подкупал при помощи вещей, которые выиграл в фальшивые кости, врал, обманывал, интриговал как тайно, так и открыто. Это правда, я не говорю, что это хорошо. Но и не говорю также, что он находил в таких действиях удовольствие. Можешь ли ты, однако, предложить хотя бы один другой способ, который сохранил бы нам жизнь? Либо хотя бы принести мир этим бедным измученным народам?

— Но...— Он отвел глаза и посмотрел в окно, на голый пейзаж за ним. Мелькнула мысль, что может быть, было бы хорошо отдохнуть немного на менее суровой природе Земли.— Как знать,— сказал он в конце концов неохотно, цедя каждое слово.— Думаю... однако, что слишком быстро осудил его. Но мы тоже сделали немало, сама знаешь. Без нас он никогда бы...

— А я считаю,— прервала она его,— что без нас он нашел бы другой способ, как добраться до дома. А вот мы без него — вряд ли!

Он резко отпрянул назад. Ее лицо горело красным огнем, гораздо более ярким, чем мог вызвать солнечный блеск, проникающий снаружи.

«Она в конце концов женщина,— подумал Эрик с усталостью, которая внезапно охватила его.— Женщины отличаются от нас, мужчин, еще и тем, что их жизнь принадлежит будущим поколениям. А ее — в особенности, поскольку существование целой планеты может зависеть от ее ребенка, а она аристократка в высшем понимании этого слова. Отец будущего Великого Князя Гермеса может быть старым, толстым и неопрятным, толстокожим и лишенным всякой романтики; может увидеть в ней лишь эпизод в жизни. Это не имеет для нее значения, если она как женщина и аристократка видит в нем только отца своего ребенка».

— Я...— Сандра смешалась, словно ее поймали с поличным. В ее взгляде светилась невысказанная мольба.— Думаю, что мне лучше сейчас уйти и дать тебе отдохнуть.— А после минутного молчания добавила:— Он не так силен, как утверждает. И я ему еще потребуюсь.

— Нет, принцесса,— сказал Эрик с неожиданной нежностью.— Это не ты ему, это он тебе нужен. Прощай, дорогая!

САТАНИНСКИЕ ИГРЫ

Официально Волшебная Страна считалась новым кварталом Лунограда. Во всяком случае, именно такие сведения хранились в памяти компьютеров административного центра. Однако у местных жителей было на этот счет собственное мнение. Они полагали, что это совершенно другой, прекрасный, волшебный мир, где можно обрести и радость и печаль. Но власти больше доверяли компьютерам, ни на мгновение не прекращавшим свою работу под землей в старом городе.

Дэвид Фолкейн остановился у столба, что отмечал границу между этими двумя мирами.

— Что ж, милая,— сказал он,— здесь мы, пожалуй, и расстанемся.

Девушка, к которой были обращены его слова, прижала к губам ладонь.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она сдавленным голосом.

Фолкейн даже немного растерялся. Он не ожидал подобной реакции от этой девушки, которая представилась ему как Вероника. Горечь, прозвучавшая в ее голосе, никак не вязалась с густыми черными волосами, в которых звездочками сверкали искусственные бриллианты, с ее точеной фигуркой, едва прикрытой несколькими разноцветными лоскутами.

— О нет, не навсегда; по крайней мере, я на это надеюсь,— улыбнулся он.— Просто мне пора приниматься за работу. Давай встретимся в вечернюю вахту.

Девушка благодарно улыбнулась:

— Ты меня так напугал! Я даже не знала, что и думать: мы с тобой мирно гуляли, и вдруг ни с того, ни с сего ты предлагаешь расстаться.

— Я вовсе не собираюсь от тебя убегать. Мы ведь знакомы, кажется, всего три стандартных дня. Ну да, мы встретились на вечеринке у Териолта.

Вероника покраснела и отвела глаза:

— Я просто подумала, что тебе, наверно, мало одной меня... ты ведь столько времени не видел женщин,— сказала она едва слышно.— Понимаешь, тебе вряд ли кто откажет. Ты герой космоса, настоящий космопроходец. Мы, местные девушки, знаем самые свежие сплетни и одеваемся по последней моде, но никто из нас не бывал за Юпитером. И вряд ли кто из наших парней может похвастаться этим. В сравнении с тобой они — ничто. Поэтому я была так рада, что ты обратил на меня внимание. Подруги мне отчаянно завидовали, а я

беспрестанно боялась, что все вот-вот кончится так же внезапно, как и началось.

Фолкейн самодовольно улыбнулся. Да, мало кто в его лета смог получить удостоверение космического торговца. Да, только ему одному выпала честь стать доверенным лицом одного из некоронованных королей космоса — Николаса ван Рийна. Да, не раз в его руках находились судьбы целых планет. И внешность у него что надо: чуть вздернутый нос, широкие скулы, твердая линия подбородка, голубые глаза на смуглом от загара лице, курчавые светлые волосы, опаленные огнем далеких солнц. При росте сто девяносто он сложен как атлет. И одежда: пускай он прибыл с самой границы освоенной человечеством Вселенной, но на нем сшитая лучшим портным Луны жемчужно-серая туника и отделанные золотом кюлоты. Эй, приятель, одернул он себя. В нем жила обретенная во вселенских далях настороженность дикого зверя. Не забывай: эта девица с тобой не просто так. К тому же причина, по которой ты не сказал ей сразу, что твой отпуск скоро закончится, по-прежнему остается в силе.

— Весьма польщен твоими словами,— сказал он,— а особенно тем, что ты составила мне компанию.— Он ухмыльнулся.— Продолжим наши развлечения. Сначала пообедаем, потом, быть может, сходим на балет. В последнем я, правда, не уверен, но вот пообедаем мы непременно. Проведя столько времени за пределами Солнечной системы в исследованиях диких планет, я горю желанием исследовать здешние дикие рестораны, да еще,— он поклонился,— со столь восхитительным гидом.

Вероника ответила в том же тоне:

— Маленькая дикарка готова услужить знаменитому капитану Политехнической Лиги!

— Я найду тебя, как только вырвусь,— через тысячу восемьсот часов.

— Да уж, пожалуйста,— она взяла его под руку.— А нам обязательно расставаться? Я могу взять выходной, и мы вместе пойдем, куда тебе нужно.

Так, зверек показывает зубки. Ладно, не будем подавать вида.

— Извини, но это невозможно. Секрет.

— Что? — она недоуменно подняла брови.— Ты все еще играешь в эти игрушки? — В голосе ее слышалась откровенная насмешка.— Мне говорили, что ты занимаешь высокий пост в Галактической компании Специй и Спиртных напитков, что компания эта — одна из основных в Лиге, что Лига не признает законов планет и Содружества. Чего же ты боишься?

Если она пытается заставить меня проболтаться,— подумал Фолкейн,— то стоит проделать то же самое с ней.

— Лига не является унитарной,— сказал он наставительно,— это ассоциация галактических торговцев. Если она и могущественнее любого из правительств, так только потому, что размах ее деятельности неизмеримо больше. И правительством ее тоже назвать нельзя. Она лишь организует взаимо-

выгодное сотрудничество и посредничает в конфликтах. Не то что там убивают агентов конкурирующих компаний, но всяких махинаций хватает.

— Ну и что?

Переигрываешь, девочка, подумал Фолкейн. Вовсе ты не так сильно обижена, как стараешься показать. Он пожал плечами:

— Скажу без лишней скромности: за мной могут охотиться. Как же, правая рука Старого Ника! Всего лишь намек на мои дальнейшие планы может обернуться для любого из конкурентов миллионными прибылями. Поэтому мне приходится опасаться, скажем так, сборщиков коммерческой информации.

Вероника отступила на шаг. Руки ее сжались в кулаки:

— Ты хочешь сказать, что я шпионка?! — воскликнула она.

Откровенно говоря — да, подумал Фолкейн. Радости ему это признание не доставило. Он несколько секунд молча глядел на девушку, стараясь обрести внутренний покой. Вероника была очень привлекательна, прямо-таки вызывающе красива.

Конечно, Волшебная Страна была не первой из станций, построенных на лунной поверхности. Но при ее проектировании был использован весь накопленный ранее опыт. Основная идея была простой. На космических кораблях, чтобы предотвратить излучение частиц, применялись электромагнитные экраны. Кроме того, на этих кораблях использовались искусственно создаваемые положительные и отрицательные силовые поля — для движения, для поддержания внутри корпуса постоянной силы тяжести при любых ускорениях, для уничтожения корабля противника, наконец. А что, если использовать эти системы для создания на поверхности Луны гигантского воздушного пузыря? На практике задача оказалась неимоверно сложной. Пришлось столкнуться с проблемами утечки воздуха, поддержания определенной температуры, контроля за озоновым слоем. Но в конце концов все трудности были преодолены, и Солнечная система получила шикарный курорт. В одном из уголков этого курорта раскинулся парк, где находились сейчас Фолкейн и Вероника: травяные лужайки, увитые зеленью беседки, фонтаны с повисшими над ними дугами радуг. При лунной силе тяжести деревья достигали фантастической высоты и изгибались самым причудливым образом, как и струи фонтанов, а походка людей была почти танцующей. Над парком вздымались башни и колоннады самых разных цветов и оттенков, соединенные друг с другом бегущими улицами. Над головами порхали птицы. Теплый воздух был насыщен ароматами духов, смехом, обрывками мелодий и настойчивым бормотанием двигателей, обеспечивающих жизнеспособность станции. Но за пределами купола раскинулась голая лунная поверхность. Часы внутри были установлены по Гринвичу, тысячи маленьких солнц, свисавших с бронзовых стержней, создавали иллюзию утра. Но на самом деле на пла-

нете была ночь. Грозная и величественная тьма окружала купол. На черном небе едва можно было различить звезды. На юге маячила туманно-голубая Земля. Пристально вглядевшись, на ее неосвещенной стороне можно было заметить мегаполисы, казавшиеся на таком расстоянии крошечными искорками. А у края купола, на Авеню Сфинксов, виднелось покрытое пеплом дно кратера, где находилась станция. Вдалеке проступал зловещий силуэт Плутона.

Мысли Фолкейна вернулись к стоявшей перед ним девушке.

— Извини,— попросил он,— я вовсе не имел в виду ничего такого.

Естественно, имел, подумал он. Да, я шляюсь по окрестностям галактик, но это отнюдь не значит, что я доверяю кому попало. Совсем наоборот. Когда через несколько часов после посадки на планету ко мне в друзья набивается столь привлекательная и утонченная женщина... и всячески меня обхаживает, ничего не рассказывая о себе, и потом небольшая проверочка по методу Чи Лан показывает, что женщина эта, мягко говоря, не совсем искренна... Что же тогда я должен предположить?

— Надеюсь, что ничего,— отрезала Вероника.

— Я принес присягу мастеру ван Рийну,— сказал Фолкейн.— А его приказ — держать язык за зубами. Ему не хочется, чтобы конкуренты его обставили.— Он сжал в ладонях руки девушки.— Да и тебе так будет спокойнее, милая,— добавил он мягко.

Девушка перестала сердиться. На глазах ее появились слезы (как вовремя, подумал Фолкейн).

— Я просто хотела... разделить с тобой не только развлечения, Дэвид,— прошептала она.— А ты говоришь, что я шпионка или в лучшем случае,— она судорожно сглотнула,— болтушка. Больно, понимаешь?

— Ничего я такого не говорил. Да и чем меньше знаешь, тем спокойнее жить. А мне бы очень не хотелось, чтобы ты из-за меня попала в беду.

— Но ты же только что сказал, что агентов не убивают...

— Конечно, нет. Убийства, похищения, промывка мозгов — все это не для членов Лиги. Ни они, ни их наемники этим не занимаются. Существует много других способов добиться желаемого. И самый простой из них — подкуп.

Точно так, подумал Фолкейн. Интересно, сколько ей заплатили и сколько обещали потом за достоверную информацию обо мне?

— Есть способы и посложнее, но, скажем так, погрязнее. На них смотрят косо, но это вовсе не означает, что ими не пользуются. Например, подглядывание — разве есть такой человек, которому нечего было бы скрывать от других? Существуют сотни способов давления на человека, впрямую и исподволь, аккуратно и грубо. Новичков, так тех частенько шантажируют. Кто-нибудь начинает оказывать тебе внимание, ты

идешь ему навстречу, и глядишь — вот и на крючке, и этот кто-нибудь уже натягивает леску.

Скорей всего именно так ты и намерена поступить со мной, добавил он мысленно. А может, сделать вид, что я тебе верю? Ты ведь бес, которого я не знаю. Ты отгонишь от меня незнакомых бесов и доставишь мне массу удовольствия. Какой кошмар: бессовестный деревенщина соблазнил наивную городскую девушку! Однако, как мне кажется, в утешителях у тебя недостатка не будет. А когда буду улетать, то подарю тебе на прощанье браслет из огненного камня с какой-нибудь проникновенной надписью или что-то там в том же духе...

Девушка вырвалась. Тон ее снова стал суровым:

— Я вовсе не требовала, чтобы ты нарушил присягу,— сказала она.— Только ведь я не игрушка!

Так-так. Наш голосок снова заледенел. Заиндевел, если быть точным Что ж, пререкаться можно до бесконечности Пожалуй, пора уходить, приятель. Фолкейн весь подобрался и щелкнул каблуками.

Прошу прощения, сударыня, что так долго надоедал своим присутствием. Впредь такое не повторится. Честь имею.— Он поклонился и пошел прочь.

Он уж было подумал, что его затея провалилась, как вдруг девушка тоненько вскрикнула и бросилась за ним. Она припала к нему и, захлебываясь слезами, принялась объяснять, что не поняла его, что больше не будет так себя вести, если только он... Быть может, подумал Фолкейн, в чем-то она и искренна. Да, годы учения для него, наследника баронского титула в Великом Герцогстве Германском, не прошли даром. Пускай он младший сын, пускай он рано покинул дом, разочаровавшись во всех занятиях, что приличествуют аристократу пускай он с тех самых пор не бывал на родной планете, но когда следует проявить характер, Фолкейн знал превосходно. А еще он знал, что нужно заниматься делом, хотя с удовольствием отдохнул бы подольше. Поэтому Дэвид избавился от Вероники, как только закончилась сцена примирения, и отправился своей дорогой. Сначала он заглянул в большой пункт проката спортивного инвентаря на другой стороне парка, рассудив, что среди множества предлагаемых предметов ему легко будет оторваться от «хвоста», если таковой имеется. Фолкейн отметил, что вакуумные костюмы и вездеходы куда менее неуклюжи, чем он предполагал. Но вылазка в лунные горы, когда стоит только позвать в микрофон и через пару минут появятся спасательные флиттеры, отнюдь не то же самое, что путешествие по совершенно незнакомой планете, когда можно загнуться только от одной мысли, что ты — единственное человеческое существо на расстоянии в несколько световых лет В таких случаях больше пользы от этих вот разборных лодок с яркими парусами. Интересно, насколько они тут популярны? Лешачье озеро очень маленькое; да и для того, чтобы управлять таким суденышком в условиях слабого притяжения, нужно, как он не раз мог убедиться,

немалое искусство. Выйдя через заднюю дверь, Фолкейн увидел беседку колодца межуровневого сообщения и вошел в нее. В этих колодцах свободное падение замедлялось с помощью специальных устройств, создававших своего рода невесомость. Вместе с ним по колодцу опускались еще несколько человек, на вид — обычные горожане. Наверно, я излишне подозрителен, подумал он. В конце концов какая разница, узнают ли конкуренты о моем визите в «Сириндипити инкорпорейтед» или нет? Ведь мы же находимся не в логове каких-нибудь там варваров-нелюдей, а на спутнике нашей матушки-Земли. В самом центре Содружества! Чего опасаться торговым агентам? Они играют в свои игры ради денег, и проигравший теряет только кредитки, но никак не жизнь. Так что, расслабься, Дэвид, и отдыхай. Но привычка была сильнее, и к тому же он вспомнил, при каких обстоятельствах он слышал этот совет. Он вышел из колодца на восьмом подуровне и очутился на перекрестке туннелей. По широким мостовым сплошным потоком двигались грузоходы и машины-роботы, по тротуарам спешили куда-то пешеходы в рабочих комбинезонах. Стены туннелей были выкрашены в серый цвет; их покрывала неизбежная тонкая пленка копоти. По обеим сторонам в них имелись двери, которые вели на заводы, склады, в гаражи или офисы. Рокотали моторы; пахло человеческим потом, какими-то химикатами, озоном. Из обнесенных ограждениями решеток то и дело вырывались дуги электрических разрядов. Пол под ногами подрагивал: уровнем ниже располагались гигантские двигатели, от которых зависела жизнь колонии. Да, Волшебная Страна была всего лишь прелестной маской. А здесь, в промышленной части старого Лунограда, располагался, если можно так сказать, желудок станции. Туннель Гагарина, как и многие другие, заканчивался на площади Титова. Фолкейн много слышал об этой площади и ожидал увидеть нечто грандиозное, но сквозной колодец с прозрачным куполом, сквозь который мерцали Земля и звезды, не произвел на него особого впечатления. Не будем слишком строги, сказал он себе, это ведь одна из первых площадей Лунограда. На балконах, расположенных на каждом уровне по окружности колодца, было полно народа. Фолкейну пришлось пробираться через толпу. По большей части это были местные жители: рабочие, бизнесмены, наставники, техники, домохозяйки. О том, что они живут здесь очень давно, свидетельствовали их походка и манеры. Но попадались и чужаки: торговцы, астролетчики, студенты, туристы — причем не только с Земли, но и с других планет. Фолкейн заметил, что склады наиболее известных компаний, таких, например, как «Самоцветы Иварсена», прямо-таки бросаются в глаза, тогда как хранилища менее знаменитых фирм почти незаметны. Из дверей «Марсианской харчевни» донесся шум. А не завернуть ли мне туда, подумал Фолкейн. Об эле, который варили в этом заведении, слагали легенды даже на Бетельгейзе. Нет, не теперь... «Дело зовет визгливым голосом», как любит повторять ван

Рийн. Фолкейн двинулся дальше. Наконец он подошел к массивной бронзовой двери, украшенной сложным барельефом. В нескольких сантиметрах перед ней — этот эффект достигался помощью стереопроекции — горели буквы «Сириндипити Инк.». Выглядело это довольно убого. Так могла зазывать клиентов какая-нибудь фирма лет этак двести назад. И тем не менее: «Сириндипити Инк.» за последние пятнадцать лет стала одной из самых преуспевающих компаний Лиги. Что ж, подумал Фолкейн, таковы законы свободного рынка: если в чем-то ощущается нехватка и если ты можешь заполнить лакуну, то разбогатеть можно в два счета. Старый Ник, когда создавал свои летучие торговые команды, явно ориентировался на смоделированные компьютерами «Сириндипити» ситуации. Есть в этом своя ирония. Мы с Эдзелом и Чи Лан должны отбирать среди сообщений от наших автоматических зондов неизвестных планет самые интересные и передавать их по спецсвязи ван Рийну. Если он сочтет эту информацию заслуживающей внимания, то, прежде чем другие члены Лиги узнают о существовании подобных планет, на них уже побывают наши развлекательные партии. Казалось бы, нам все карты в руки. Но вот я, профессионал, иду на поклон к «Сириндипити» как какой-нибудь желторотый бизнесмен с Земли. Фолкейн пожал плечами. В последний раз они опоздали с возвращением в Солнечную систему. Задержись они еще немного, и вместо отпуска получили бы приказ отправляться куда-нибудь к черту на кулички. Им повезло, что ван Рийн был в хорошем расположении духа: он не очень шумел и даже согласился выплатить гонорар. Дверь открылась. Фолкейн очутился в маленькой комнатке, стены которой были завешаны дорогими тканями. Он увидел перед собой еще несколько дверей. Из вокаляра раздался приятный женский голос:

— Добрый день, сэр. Номер четыре, пожалуйста.

За указанной дверью оказался узкий коридорчик, в конце его — еще одна дверь, а за нею — офис. В отличие от многих других помещений Лунограда здесь, как заметил Фолкейн, не пытались компенсировать отсутствие окон каким-нибудь пейзажем на экране. Несмотря на толстый темно-голубой ковер на полу, лазурные стены, перламутровый потолок, удобную мебель и аромат цветов, комната казалась холодной. В дальнем конце за большим столом сидела женщина.

— Добро пожаловать,— сказала она.

— Спасибо,— вежливо улыбаясь, отозвался Фолкейн.— У меня такое чувство, будто я очутился в крепости.

— В чем-то вы правы, сэр.— Голос ее можно было бы, пожалуй, назвать приятным, не будь он таким бесцветным. По-английски женщина говорила с гортанным акцентом; при всем даже тренированный слух не помог Фолкейну определить, откуда она родом. Улыбка как будто была приклеена к ее лицу.— Защита прав личности является одной из основных забот нашей фирмы. Те, кто обращаются к нам, чаще всего

не хотят, чтобы об этом стало известно. Руководители фирмы — и я в том числе — лично принимают клиентов. Мы очень редко прибегаем к помощи персонала.

Ну да, подумал Фолкейн, потому вы и дерете втридорога даже за предварительную консультацию.

Женщина, не вставая, протянула ему руку.

— Я Тея Белдэниэл.— Рукопожатие было небрежным с обеих сторон.— Садитесь, пожалуйста, мастер Кубичек.

Фолкейн опустился в кресло. Ручка кресла выдвинулась: в ней оказался ларчик с первоклассными сигарами. Он взял одну.

— Спасибо. Раз уж я здесь, то, пожалуй, можно забыть про этот псевдоним. Наверное, многие клиенты так поступают?

— Да нет. До тех пор, пока они не остаются один на один с машинами, в этом нет надобности. Естественно, многих мы узнаем, поскольку к нам обращаются известные люди.— Тея Белдэниэл помолчала; пауза эта показалась Фолкейну хорошо прорепетированной.— Известные, я хочу сказать, в ближайших галактиках. Вы понимаете, как бы знамениты они ни были у себя на родине, никакое живое существо не может запомнить их всех,— ведь наша цивилизация распространилась на много сотен световых лет. Вот вы, сэр, наверняка с колонизированной планеты. Глядя на вас, можно сказать, что на вашей планете сословное общество и что вы из благородной семьи. Содружество не признает подобных различий, поэтому ваш мир вряд ли входит в него. А такие планеты можно пересчитать по пальцам. И на них обычно полно проблем.

Поскольку Фолкейна уже давно интересовала эта фирма, он попытался завязать откровенный разговор:

— Правильно, сударыня. Хотя я тут скорее по торговым, а не по политическим делам. Я работаю на базирующуюся на Земле компанию Специй и Спиртных напитков. Мое настоящее имя Дэвид Фолкейн, а родом я с Гермеса.

— Все знают Николаса ван Рийна,— кивнула она в ответ.— Я неоднократно встречалась с ним.

Надо признать откровенно, со мной так носятся только из-за того, что я человек ван Рийна, подумал Фолкейн. Сколько я уже получил за эти дни приглашений от промышленных королей, их жен, дочерей и приспешников! Как будто с цепи сорвались: так им хочется увидеть храброго космического рейнджера и его товарищей! Но нужны-то им не просто храбрые космические рейнджеры, а храбрые космические рейнджеры Старого Ника. Но вот сестры Белдэниэл и их компаньоны Ким Юн Кун, Анастасия Геррера, муж и жена Латимеры — другое дело. Основатели и владельцы «Сириндипити Инк.», компьютеры которой хранят в своей памяти всю информацию об известной Вселенной, как будто ничего о нас не слышали. Сидят себе в своих конторах-крепостях, куда нет доступа посторонним... Интересно, эта мадам способна рассердиться? Тею Белдэниэл нельзя было назвать дурнушкой. Она была довольно привлекательна: высокая, гибкая, хорошего сложе-

ния — этого не мог скрыть и белый свободного покроя костюм. Коротко постриженные волосы подчеркивали правильную форму головы; черты лица можно было бы назвать классическими, только, пожалуй, даже в глазах Афины было больше тепла. Возраст ее было определить затруднительно. По крайней мере, за сорок. Однако она следила за собой и явно прибегала к лучшим косметическим средствам. Поэтому и лет через десять в каштановых волосах ее будет все та же одна- единственная седая прядка, светлая чистая кожа станет лишь чуть суше да в уголках глаз появятся морщинки. Фолкейн решил, что самое привлекательное в ней — это глаза, большие, широко расставленные, лучисто-зеленые.

Он закурил и выпустил кольцо дыма.

— Мне кажется, нам есть о чем поговорить,— сказал он.— Вы ведь покупаете информацию за наличные, не так ли? Или обмениваете ее на другую?

— Да, и чем больше, тем лучше. Но должна вас предупредить: цену мы назначаем сами, а порой даже отказываемся выплачивать оговоренные суммы, пусть информация и была передана нам. Ценность информации зависит от ее уникальности. Быть может, в наших банках данных уже имеются аналогичные сведения, которые мы не можем разглашать, поскольку тут существует опасность выдачи доверенных нам тайн. Поэтому, мастер Фолкейн, если вы хотите продать информацию, вам придется положиться на репутацию нашей фирмы.

— Ну что ж. Я посетил много планет, видел много народов и культур...

— Информацию подобного рода, так сказать, легендарную, мы принимаем, но платим за нее не очень дорого. Более всего мы заинтересованы в достоверных документальных фактах. Причем совершенно не обязательно они должны касаться новых открытий во Вселенной. В центре цивилизации тоже ведь происходит много любопытных вещей.

— А не могли бы вы ответить мне на такой вопрос. Я работаю на мастера ван Рийна и пользуюсь его доверием. Положим, я предложу вам такие подробности о его торговых операциях, которые он сам предпочел бы скрыть. Вы их приобретете?

— Возможно. Но мы не сможем открыть этих подробностей другим. Наше положение в Лиге целиком зависит от доверия наших клиентов. Это, кстати, одна из причин, почему у нас такой маленький штат. Мы держим минимальное количество экспертов и техников; причем заметьте: все они не люди. Остальным занимаются машины. Кроме того, нам в какой-то мере выгодно, чтобы считали, что мы сторонимся общества. Если мастер ван Рийн знает, что мы не встречались за обеденным столом с мастером Харлеманом из Венецианской чайно-кофейной компании, то у него будет меньше оснований подозревать нас в сотрудничестве с последним.

— Последним из Венецианской? — невинно переспросил Фолкейн.

Тея Белдэниэл выпрямилась, сложив руки на коленях.

— Вполне возможно, мастер, что вы слишком долго не бывали на цивилизованных мирах и потому не совсем точно представляете себе принципы, на которых зиждится деятельность «Сириндипити»,— сказала она.— Я постараюсь объяснить их вам, упростив до предела. Проблема поиска информации была разрешена давным-давно с помощью электронных запоминающих устройств, а также систем считывания, кодирования и копирования. Но проблема использования информации стоит очень остро. Дело в том, что границы освоенной Вселенной раздвигаются гораздо быстрее, чем того хотелось бы людям и их товарищам по космическим перелетам. Вообразите себя ученым или человеком искусства. У вас есть идея, которую вы сами считаете новой. Но до каких пределов эту вашу идею дублируют мысли биллионов других существ, живущих на тысячах известных планет? Чем можете вы подтвердить, что идея ваша в самом деле нова? Да, конечно, можно обшарить библиотеки и информационные центры и получить по интересующему вас вопросу куда больше сведений, чем требуется обычно. Гораздо больше! Но мало того, что никакой жизни не хватит на изучение всей этой информации,— вы даже не сможете отобрать из нее то, что вам действительно нужно. А в еще худшем положении находится компания, планирующая торговую экспедицию. С какими конкурентами она может столкнуться в космосе? Кто может свести на нет все их усилия? Каких противников они не приняли в расчет лишь из-за того, что не имели представления об их существовании?

— Я уже слышал эти вопросы,— сказал Фолкейн сухо. Он был скорее озадачен, нежели обижен прочитанной ему лекцией. Неужели эта женщина настолько лишена простого здравого смысла, что считает своей обязанностью излагать клиенту все эти сведения, словно он какой-нибудь дикарь из каменного века?

— Естественно,— тон ее оставался прежним.— И ответ вроде бы тоже напрашивается сам собой. Компьютеры могут не только считывать, но и анализировать информацию. Они определяют возможные связи и проверяют их, причем делают это очень быстро и могут выполнять сразу несколько процессов. Можно сказать даже, что они способны давать советы. Но это теория, а что касается практики, то здесь дело обстоит гораздо сложнее. Во-первых, нужен совершенно иной уровень развития кибернетики. Потом... Члены Лиги ревностно оберегают свои тяжким потом добытые секреты. Чего ради, спрашивается, выдавать их конкуренту? Или общественному информационному центру, где их сможет узнать все тот же конкурент? Или кому-то еще, кто не соперничает с вами, но запросто может заключить сделку с вашим конкурентом — или решит изменить сферу своих интересов и станет вашим противником? Будете вы использовать информацию или нет, сначала вам нужно потратить определенную сумму на ее приобретение. А если вы

решитесь с ней расстаться, то тоже сделаете это за деньги — если, конечно, не стремитесь обанкротиться. Переговоры же по продаже коммерческих тайн всегда идут медленно и трудно. «Сириндипити» разрешила эту проблему! Да, разрешила — с помощью новейшего оборудования и оригинальных идей!

Фолкейн откинулся на спинку кресла. Он был сбит с толку, растерян, едва ли не испуган. Его предупреждали, что фирмой руководят довольно странные люди, но подобного он не ожидал. Эта женщина выложила ему, человеку, который оплатил только предварительную консультацию, то есть первому встречному, такие сведения... Во имя всего святого, почему? Быть может, у них так принято, подумал он. Как еще можно объяснить поведение его собеседницы? Женщина говорила вроде бы спокойно, но напряжение в разговоре нарастало:

— Чем больше объем информации, тем больше вероятность обнаружить данные, в которых нуждается тот или иной клиент. Поэтому создание мощного информцентра послужило бы только ко всеобщей выгоде — при том условии, что ни один из пользователей не будет иметь перед другими преимуществ в обслуживании. Именно такие услуги наша фирма и предлагает. Естественно, часть информации к нам поступает из обычных источников. Ведь библиотеки и информационные центры имеются на многих планетах. Но мы еще и покупаем информацию у отдельных лиц, если находим, что она того заслуживает. А взамен продаем этим лицам ту информацию, которая интересует их. Следует отметить, что мы строго соблюдаем правило анонимности наших клиентов. Мы, основатели центра, не знаем и не стремимся узнать, какие вопросы вы задали, какие ответы получили, что вы сообщили машинам, как они оценили ваши сведения, к каким дополнительным выводам пришли.— Всю эту тираду она произнесла единым духом.— Все эти сведения остаются в машинах. Мы вмешиваемся в эту процедуру только по просьбе клиентов. Обычно же круг наших занятий составляют статистические подсчеты: мы выводим средние показатели и все такое прочее. Наша фирма приобретала известность по мере того, как у клиентов росло доверие к нам. Бесчисленные тайные расследования подтвердили, что мы никому не отдаем предпочтения, ничего не выбалтываем, что нас невозможно подкупить. С каждым днем мы приобретали все новых клиентов и все новый опыт.

Она подалась вперед и взглянула на Фолкейна в упор:

— Например, представьте себе такую ситуацию: вы хотели бы продать нам некую информацию относительно вашей компании. В память машин могут быть введены и голословные утверждения, поскольку и они тоже являются информацией. Но им, скорей всего, не будет веры. Обычные меры против промышленного шпионажа позволят отделить правду от лжи. Но если эти меры окажутся неэффективными — тогда мы купим ваши сведения. Перекрестные проверки очень скоро выявят недостоверность информации, и машины запомнят этот факт. Если директор вашей фирмы является единствен-

ным владельцем упомянутой информации, то эти сведения не будут выдаваться до тех пор, пока их не сообщит нам кто-либо еще. Однако логические цепи машин будут учитывать эти факты при подготовке рекомендаций — кстати, ни для кого в частности. Например, компьютер может посоветовать конкурентам вашей фирмы действовать вовсе не так, как они предполагали. И сделает он это потому, что знает о ложности сообщенных вами сведений. Но он только посоветует, не открывая причины своих действий.— Она перевела дыхание.

Фолкейн воспользовался наступившей паузой:

— Если я вас правильно понял, то в интересах клиента не пытаться обмануть машину. Значит, чем больше вашим компьютерам расскажешь, тем лучший совет от них получишь. Ага, вот где собака зарыта!

— Это лишь одна из причин нашего преуспеяния,— сказала Тея Белдэниэл.— Вообще-то, ситуации вроде той, что мы с вами себе представили, возникают редко. Почему бы мастеру ван Рийну и не продать нам информацию о том, что один из его разведывательных кораблей натолкнулся на планету, аборигены которой являются искусными скульпторами? Насколько я знаю, он не такой уж большой любитель искусств. Вот. А в обмен он может купить у нас по весьма сходной цене информацию о том, что корабль, экипаж которого дышит водородом, обнаружил планету с кислородной атмосферой, на которой изготавливают совершенно необычное вино.

— Мне понятно только одно,— заметил Фолкейн.— Если я правильно все усвоил, то, чтобы узнать нечто важное, ему пришлось бы сюда прийти самому. Верно?

— В данном конкретном случае нет,— отозвалась она.— Его цели были ясны. Но вообще мы, естественно, охраняем наши фонды. Вот взять, например, вас...— она сделала паузу, потом сказала резко: — Вы, насколько я могу судить, собирались усесться перед машиной и сказать: «Меня зовут Дэвид Фолкейн. Что у вас есть интересного для меня?» Что ж, вы вполне можете рассчитывать, что подобная информация в банке данных найдется. Но неужели вы не понимаете, сэр, что именно ради вас мы не можем такого допустить? Чем вы докажете, что вы — это вы?»

Фолкейн было полез в карман, но женщина жестом остановила его.

— Не мне,— сказала она.— Мне вовсе ни к чему знать, тот ли вы человек, за которого себя выдаете. Машина проверит ваши отпечатки пальцев, сличит оригинал с хранящимся в памяти портретом,— словом, выполнит все обычные процедуры, если ваши данные есть в карточке Содружества. Если же их там нет, компьютер осуществит идентификацию каким-либо другим способом.— Она встала.— Пойдемте, я провожу вас в машинный зал. Вы увидите наши компьютеры в действии.

Шагая следом за ней, Фолкейн никак не мог решить, похожа ли ее походка на походку фригидной женщины. Но это ерунда. Ему в голову пришла куда более интересная мысль. Он

как будто понял, почему она себя так вела, почему так подробно объясняла, хотя, могла бы и сообразить, что ему большей частью это все известно. Ему уже приходилось сталкиваться с этой болезнью, название которой — фанатизм.

Фолкейн сидел в кресле. В комнате никого больше не было, и все же он не мог сказать, что оставался совсем один, ибо гигантский квазимозг уже обращался к нему. Хотя за свою жизнь Фолкейн перевидал немало роботов, а с одним из них, по имени Тупица, даже подружился, но сейчас ему было как-то не по себе. Он попытался разобраться почему. Он сидит в обычном саморегулирующемся кресле за обычным столом, уставленным обычными приборами. Голые серые стены, белые флуоропанели на потолке, кондиционированный воздух, тихое бормотание машин — все как обычно. Прямо перед ним — основная панель управления и большой, пока пустой экран. В чем же дело? Быть может, подумал он, причина — в царящей здесь атмосфере таинственности. Да, детективы Лиги определили, что владельцы «Сириндипити» на самом деле не отдают предпочтения ни одному из клиентов, будь это фирма, отдельный человек или даже нечеловек. Но вот откуда они взялись, оставалось до сих пор тайной за семью печатями. А их чопорность (Тея Белдэниэл была в этом смысле типичной их представительницей) и нелюдимость лишь подливали масла в огонь. Тайну их раскрыть, пожалуй, невозможно. И дело не только в том, что они ее ревностно оберегают — сегодня каждый норовит забраться поглубже в свою раковину. Просто задача эта невыполнима. Вселенная слишком велика. Тот маленький кусочек всего лишь одной ветви одной-единственной галактики, который мы кое-как исследовали и освоили... и он-то слишком велик для нас. Стремясь к зовущим нас тысячам солнц, мы не замечаем буквально миллионы других. Даже на то, чтобы просто посетить все миры и начать хоть немного понимать психологию их обитателей, уйдут века. А ведь за границами наших знаний лежит почти вся Вселенная. Эти люди явились в Солнечную систему на корабле, нагруженном тяжелыми металлами. Продав эти металлы за хорошую цену, они организовали свою фирму. Хотя многие детали к машинам они заказывали на Земле, базовая логика и блоки памяти были явно неземного происхождения. Как-то Николас ван Рийн, заинтригованный всем этим, дал взятку чиновнику таможенной службы Содружества. Тот человек сообщил ему буквально следующее: «Понимаете, сэр, могу вам только сказать, что ввозимый ими товар не представляет опасности. Иными словами, они не собираются заразить нас какой-нибудь болезнью или взорвать планету. Так что закон свободной торговли на их стороне. «Сириндипити Инк.» получает вычислительные машины, так? На вид это самые обычные компьютеры, только вот изготовлены они не людьми. Это подтвердит вам любой таможенник с опытом. Вы говорили, что больше никому не удалось добиться от своих компьютеров

одобных результатов. Что это означает? А то, что эти люди бнаружили планету, обитатели которой доки в таких вот вещах. Наверняка они договорились между собой. А что «Сириндипии» никого об этом не известила, то разве вы сами, сэр, е поступили бы точно так же?» Краем уха Фолкейн услышал, то машина что-то ему сказала.

— Простите? — переспросил он.— И тут же подумал: каого черта я извиняюсь перед этим ящиком? Взяв с полки ад панелью управления свою сигару, он нервно затянулся.

— Дэвид Фолкейн с Гермеса, представитель Галактиеской компании Специй и Спиртных напитков, ваша личность дентифицирована,— сообщила машина. Голос был у нее не овный и низкий, как у большинства созданных человеком оботов, а высокий, какой-то свистящий; че ловеческий слух трудом мог к нему приноровиться.— Ваше имя связано с пределенными событиями, сообщения о которых хранятся банке данных. В первую очередь, это события, происходившие на Бете Центавра, Икрананке и на Мерсейе. (Разрази еня гром, откуда им известно про Икрананку?) С этими собыиями коррелируют и другие. Вы должны понимать, что обасть поиска практически безгранична. Поэтому необходимо ыбрать один какой-то факт и проверить его связи с ограниченым числом других фактов. Если эти связи окажутся неродуктивными, то проверке будут подвергнуты другие связи , если понадобится, другие точки отсчета,— так будет проолжаться до получения удовлетворительного результата. Или пока у меня не выйдут все деньги, подумал Фолкейн.) ; какими данными вы хотели бы ознакомиться?

— Ну... я хотел бы...— Фолкейн лихорадочно соображал.— Іапример, какие новые рынки на планетах других звездных истем?

— Поскольку секретной информации здесь не содержится, а ваш вопрос мог бы ответить любой обычный информационый центр.

— Подожди-ка! Вот, пожалуй, задачка как раз для тебя. 'очки отсчета «я» и «деньги». Установи существующие между ими связи.

Бормотание усилилось или просто тишина стала глубже? Фолкейн откинулся на спинку кресла и попытался расслабиться. 'де-то там, за этими серыми стенами, мчались сквозь вакуум лектроны и кванты, заряженные и незаряженные частицы, аблудившиеся молекулы врезались в магнитные, электриеские, гравитационные, радиационные поля,— машина рабоала. Потом она словно задремала. Продолжает ли она лести свою паутину связей, подумал Фолкейн, когда клиенты ходят? Наверняка — да. Может статься, что эта машина доскоально изучила наш уголок Вселенной. Но все равно: фактов лишком много и связей между ними видимо-невидимо. Полезые сведения погребены под кучей лишней информации. В онце концов, любое серьезное открытие есть не что иное, ак обнаружение связи между, казалось бы, абсолютно раз-

нородными вещами. Между уровнем в ванне, например, и весом золота; между пессимизмом священника из маленького городка и органической эволюцией; между Всепобеждающим червем, что гложет свой собственный хвост, и молекулой бензола... Живые существа из живого космоса, приходившие подобно Фолкейну в пещеру, где обитает этот квазимозг,— они лишь заставляли его работать по-настоящему, открывали ему значимость вроде бы совершенно бесполезных знаний.

— Дэвид Фолкейн с Гермеса! — позвала машина.

— Да? — Он выпрямился; мышцы его напряглись.

— Связь установлена. Помните ли вы, что несколько лет назад доказали наличие у звезды Бета Центавра планетной системы?

Реакция Фолкейна разительно не соответствовала бесстрастному голосу компьютера:

— Помню ли я? Да ведь именно тогда на меня обратили внимание! Считалось, что у голубых гигантов не может быть планет. А я их нашел!

— Эти данные мне известны,— машина вовсе не собиралась восторгаться его прозорливостью.— Позднее ваша гипотеза была проверена. Когда звезда находилась еще в стадии образования и представляла собой ядро с огромным облаком вокруг, рядом с ней случайно оказались несколько бродячих планет. Войдя в контакт с облаком, они потеряли скорость и были захвачены притяжением звезды. Планеты без звезд — обычное явление. Их число раз в тысячу или больше превышает число звезд. Считается, что они, разнящиеся по размерам от астероида до сверхгиганта, занимают в космосе места на три порядка больше, чем ядерные излучающие свет образования, называемые звездами. Однако расстояния в пространстве таковы, что вероятность прохождения такой планеты рядом с какой-нибудь звездой чрезвычайно мала. Даже и в центре Вселенной таких планет найдено не так уж много. Поэтому обнаруженную вами систему можно считать уникальной. Ваше открытие вызвало определенный интерес, и вскоре Община Мудрости из государства Котгар, что на планете Лемминкяйнен, снарядила экспедицию. Названия, естественно, даются в переводе на английский. Вот копия подробного отчета,— из паза на лоток выкатилась бобина с микрофильмом. Фолкейн машинально сунул ее в карман.

— Я о них слышал,— сказал он.— Они не люди, но поддерживают с нами контакт. Кроме того, я следил за их экспедицией, поскольку был, так сказать, лично заинтересован. Они осмотрели все не посещавшиеся ранее гиганты на расстоянии в сотню световых лет. И ничего не нашли, как и ожидалось,— поэтому экспедиций больше не было.

— В то время вы держали на Земле экзамен на звание мастера,— заметила машина.— Иначе вас могли бы не коснуться даже и слухи. Но хотя вычислительные устройства Земли не имеют себе равных в освоенном космосе, они так перегружены данными, что кажущиеся малосущественными подробности

им просто не сообщают. Среди этих отсеянных фактов имелся и тот, который вам небезынтересен. «Сириндинити» несколько лет спустя удалось получить подробный отчет об этой экспедиции — совершенно случайно. Капитан того корабля передал нам эти сведения в обмен на уменьшение платы за консультацию. Вернее, он передал нам отчеты о нескольких совершенных им перелетах. Среди них был и этот. На него не обращалось внимания до тех пор, пока ваш запрос не потребовал детального изучения фактов.

Дыхание Фолкейна участилось. Он вцепился в ручки кресла.

— Перед просмотром копии прослушайте устное сообщение,— сказала машина.— Неподалеку от звезды Бета Южного Креста была обнаружена бродячая планета. Она двигалась по уменьшающейся гиперболе и должна была вскоре войти в поле притяжения звезды.

Экран потемнел. На нем зажглись звезды. Одна из них, голубая, сверкала особенно ярко. Она становилась все больше и больше: звездолет, с которого велись съемки, сближался с ней.

— Бета Креста расположена к югу от Солнца на расстоянии примерно в двести четыре световых года,— сухой, свистящий голос лишил картину величия.— Это звезда типа В 1, она примерно в шесть раз тяжелее, вчетверо больше, в восемьсот пятьдесят раз ярче Солнца. Это совсем молодая звезда: общий возраст ее не превышает ста миллионов стандартных лет.

Изображение изменилось. На фоне звезды возникла светящаяся точка. Фолкейн знал, как это делается. Если вести наблюдение по двум или трем ортогональным осям, записывающие фотоувеличители обнаружат сравнительно близко расположенные к звезде объекты, вроде планет, по их перемещению и произведут их триангуляцию.

— Был обнаружен всего лишь один объект, достаточно удаленный от звезды,— продолжал пояснения компьютер.— Поскольку этот объект был единственным, обнаруженным экспедицией, решено было детально его исследовать.

В центре экрана возник шар, из-за которого по мере движения корабля постепенно появлялись звезды. Одна половина его была темной, другая — голубовато-белой. Кое-где можно было различить пики гор, но все остальное скрывала белесая дымка.

Криосфера, с содроганием подумал Фолкейн. Этот лишенный солнца мир образовался из маленькой частицы в какомнибудь примордиальном облаке. В течение многих миллионов лет к ней постепенно приставали камни, метеориты, межзвездная пыль, пока, наконец, не возникла планета. Это слияние высвободило энергию; материя претерпевала аллотропию под воздействием гравитации и радиоактивности. Новорожденный сфероид сотрясали землетрясения, вулканы выбрасывали газ, водяной пар, углекислый газ, метан, аммиак, цианид, водород, сульфит... Происходили те же процессы, которые в свое время привели к созданию атмосферы и гидросферы Земли.

Но планета не имела звезды, лучи которой осветили бы, согрели бы ее, активизировали химические процессы, в результате которых могла бы возникнуть жизнь. Вместо этого на ней царил мрак и лютый холод. Температура, возросшая было после образования планеты, опустилась почти до абсолютного нуля. Океаны замерзли. Газы один за другим выпали твердыми осадками на эти огромные ледники,— началась вьюга Фимбулла, продолжавшаяся, быть может, века. Одетая в лед — лед, который, возможно, старше самой Земли,— бесплодная, пустая, безымянная, планета дрейфовала сквозь время к его концу. До тех пор, пока...

— По массе и размерам эта планета немного превышает Землю, по плотности немного ей уступает,— сообщил квазимозг, ни на миг не прекращавший «думать».— Подробности можно найти в отчете; приведенные там данные подтвердились. Планета довольно старая. Нестабильных элементов осталось крайне мало, если не считать тех, у которых очень долгий период полураспада.

На поверхность планеты высадилась разведывательная группа. Картинка снова изменилась. Навстречу Фолкейну устремилась холодная поверхность планеты. Бета Креста сверкала так ярко, что глазам было больно. Однако звезда оставалась всего лишь далекой сверкающей точкой: пускай она неистово полыхала, но Солнце гораздо сильнее освещало Землю, чем Бета Креста — захваченную ею планету. Однако света ее было вполне достаточно, чтобы рассмотреть замерзшую атмосферу и застывшие океаны. Даже предостаточно — Фолкейну пришлось прищуриться. Если не считать следов посадки космобота, то поверхность планеты была совершенно ровной. Лишь на горизонте возвышался горный кряж, темные скалы которого были покрыты льдом. Бот отбрасывал на искрящийся лед голубую тень. Черное небо было усеяно звездами. Лемминкяйненниты двигались вокруг бота, собирая образцы. Движения их были менее грациозными, чем обычно — мешали толстые подошвы скафандров. Эти подошвы уменьшали теплоотдачу организма, что было крайне важно при таком холоде. Фолкейн мог себе представить, какая там тишина. Вряд ли ее особенно потревожили переговоры разведчиков с кораблем или треск помех.

— Они не обнаружили ничего, что могло бы по их меркам считаться ценным,— продолжил компьютер.— На планете несомненно были минералы, но они находились глубоко подо льдом. При приближении планеты к Бете Креста затвердевшие материалы начнут таять, испаряться, выступать из-подо льда. Но пока планета окажется достаточно близко от звезды, пройдет не один год.

Машинально Фолкейн кивнул. Целая планета с замерзшей атмосферой и океанами! Нужен прямо-таки Дантов ад энергии, чтобы хоть немного растопить этот ледяной панцирь.

— Хотя прохождение планеты через периастрий будет сопровождаться мощными геологическими трансформациями,

снований ожидать изменения хода событий нет. Его можно редсказать на основе известных свойств материи. Криосфера ревратится в атмосферу и гидросферу. Несмотря на возможные природные катастрофы, наблюдать которые представители сновной культуры на Лемминкяйнене небольшие охотники, то будет, скорее всего, лишь временное воскресение, и выгоды но не принесет. Через некоторое время процесс потечет вспять, риосфера возникнет снова — то есть не произойдет ничего ущественного. Поэтому в отчете экспедиции об этой планете поминалось лишь вскользь, да и то потому, что без этого кспедиция выглядела бы полностью провалившейся. Данные ней занесли в память машин и забыли про них. В отчете, аправленном на Землю, вообще ничего не сообщалось о аком, казалось бы, пустяке.

Фолкейн ударил кулаком по столу. Внутри у него все кипело. ти лемминкяйненниты абсолютно не понимают людей, подумал он. Люди не оставили бы без присмотра начинающую аять ледяную планету! Вдруг в голову ему пришла совершенно фантастическая идея. А если этот шарик взять да перестить в подходящую температуру? Ядовитая атмосфера, олые скалы... Ну да это можно изменить. Зато есть возможность создать собственное королевство... Нет. Во-первых, уда дешевле найти ненаселенную планету с уже зародившейся жизнью. А во-вторых, от скуки физической реальности икуда не деться. Люди могут изменить мир или уничтожить го, но они не в силах переместить его хотя бы на сантиетр с установленной орбиты. Для этого нужна воистину космическая энергия. Так что на подходящую орбиту вокруг Беты Креста эту планету вывести не удастся. Она должна продолжить свой бесконечный путь. Сразу она не замерзнет, ибо олубой гигант обрушит на нее неизмеримое количество епла, с которым радиации предстоит бороться очень долго. Но вот сумерки наступят через несколько лет, мрак — через есколько десятилетий, холод и роковой конец — через века. На экране в последний раз мелькнул безымянный сфероид: вездолет уходил от него. Экран погас. Фолкейн сидел, подавленный величием увиденного. Вдруг он услышал собственный олос, дерзкий и испуганный одновременно:

— Ты предлагаешь мне заняться организацией экскурсий ля желающих наблюдать, как эта штука будет таять? Да, ело будет знатное. Только вот где бы мне раздобыть лицензию?

Машина сказала:

— Планета требует дальнейшего изучения. Например, ыло бы полезно узнать, станет ли вся криосфера жидкой ли нет. Можно было бы произвести и более точное вычисление рбиты. Как бы то ни было, планета может представлять ог-омный интерес для промышленников. Лемминкяйненнитам, ультура которых развивается не динамически, это не пришло голову. Однако здесь только что было сделано следующее ключение: поскольку остро ощущается нехватка в тяжелых

изотопах, а их производство строго ограничено из-за потери тепла и опасных для жизни побочных продуктов, то данная планета является подходящим местом для размещения предприятий по их изготовлению.

Фолкейна словно обухом по голове ударило. В сильнейшем волнении он вскочил. В такое возбуждение его привели отнюдь не деньги, которые сулило подобное предприятие. Их, конечно, приятно иметь, но Фолкейн знал множество куда более простых способов добывания кредиток. Нет, на ноги его поднял, если так можно выразиться, инстинкт охотника. Он словно превратился в дикаря из плейстоцена, выслеживающего мамонта.

— О, небо! — воскликнул он.— Ну конечно же!

— Из-за открывающихся коммерческих перспектив на данном этапе желательно сохранить все дело в тайне,— сказал равнодушный к мирским благам голос.— Рекомендуется также заплатить фирме сумму, необходимую для временного придания информации статуса секретной. Этот вопрос вы можете обсудить сегодня же с сударыней Белдэниэл, а потом переговорить с мастером ван Рийном.— Машина сделала паузу в биллион наносекунд; какие новые данные обнаружила она в своей памяти? — По известным причинам вам рекомендуется до отлета с Луны никому не открывать услышанного. Кроме того, поскольку вы все равно находитесь в помещении фирмы, предлагаю продолжить разговор дальше. Быть может, нам удастся обнаружить неизвестные релевантные факты.

Выйдя часа через два из машинного зала, Фолкейн остановился у стола Теи Белдэниэл.

— Уф! — сказал он, довольный и усталый.

Женщина поглядела на него с улыбкой:

— Кажется, вы не теряли времени даром.

— Действительно. Послушайте, мне надо кое о чем с вами поговорить.

— Садитесь, пожалуйста,— взгляд ее был спокойным и чистым.— Пока вы находились в зале, капитан Фолкейн, я узнала у компьютера, какие у него имеются данные на вас. О, это только те сведения, что публиковались в официальных отчетах; и сделала я это, разумеется, лишь для того, чтобы не ударить перед вами в грязь лицом. Ваш послужной список великолепен!

Это да, мысленно согласился Фолкейн.

— Благодарю вас,— сказал он.

— Как видите, здесь занимается вычислениями не только техника.— Вот это да: оказывается, она не лишена чувства юмора! — Мне подумалось, что мы с вами вполне могли бы сотрудничать, и это пошло бы на пользу и вам и нам. Я надеюсь, об этом мы тоже поговорим.

Отель «Вселенная» в Луноградe славился на всю Галактику.

«Нет такого кислорододышащего существа, которому мы не смогли бы обеспечить в нашем отеле нормальные условия жизни. Мы снабдим вас всем необходимым для заботы о здоровье; мы позаботимся о вашей безопасности и сделаем все, чтобы остались довольны нами. Если вы заранее уведомите нас, то за умеренную дополнительную плату мы приложим все усилия, чтобы добыть то, чего у нас нет, но что вам нужно. А если нам не удастся удовлетворить ваших запросов, мы выплатим вам в порядке компенсации сумму в один миллион кредиток Галактического Содружества»,— так зазывали клиентов рекламные объявления отеля.

Попыток получить указанную сумму было немало. Особенно изощрялись звездолетчики, которые приводили с собой в отель самых диковинных инопланетян. Пару раз суммы, потраченные на исполнение желаний клиентов, превысили миллион кредиток. (В одном случае потребовались специальные исследования диетических продуктов, получаемых с помощью молекулярного синтеза; в другом — пришлось доставить с родной планеты клиента симбиотический организм). Но дело того стоило: туристы, особенно земляне, платили громадные деньги за номер в отеле и за возможность чувствовать себя этакими космополитами. У Чи Лан не было особых запросов. Она принадлежала к торговому кочевью — это словосочетание было более точным переводом с ее языка, чем, скажем, племя,— которое поддерживало постоянный контакт с людьми с тех самых пор, как их обнаружила первая экспедиция на планете А2 с кислородной атмосферой в системе Эридана. Эта планета называлась Цинтия. В скором времени цинтиане буквально заполонили Солнечную Систему — они прибывали в качестве туристов, торговцев, представителей, специалистов, студентов. Некоторые из них стали профессиональными космическими бродягами. У Чи имелся даже стандартизированный скафандр.

— Нет, я не довольна,— резко ответила она Фолкейну; тот позвонил узнать, все ли у нее в порядке.— Но если уж они не в состоянии запомнить название моей планеты, чего еще от них можно ждать?

— Да,— согласился Фолкейн,— вы называете ее «Поднебесным домом», но на соседнем континенте...

— В том-то все и дело! Эти клонги даже не удосужились посмотреть, что за планета Тах-чих-чин-пи! У нас на соседнем континенте зверски холодно, а они меня суиули как раз в такой номер!

— Ну так позвони и пожалуйся,— посоветовал Фолкейн.— У тебя это неплохо получается.

Чи фыркнула, но потом последовала его совету.

Землянин, скорее всего, не заметил бы никакой разницы. В самом деле, что изменилось? Тяжесть — та же, 0,8 стандартной; тот же оранжево-красный свет ламп, интенсивность которого менялась в течение пятидесяти пяти часов, составляющих цинтианские сутки; тот же теплый влажный воздух и острый

запах мускуса, те же огромные горшки с цветами на полу, увитое лианами дерево, сложное переплетение брусьев под потолком — на них Чи занималась и по ним перемещалась с места на место. (Общее мнение, что цинтиане живут на деревьях наподобие обезьян, было ошибочным. Они всего лишь адаптировались к бескрайним лесным массивам своей планеты и предпочитали перескакивать с ветки на ветку, а не передвигаться по земле). Землянин обратил бы внимание на создававшую иллюзию окна картину: переходившие в саванну джунгли и изящное здание караван-сарая на заднем плане. Его взор привлекли бы разбросанные по полу книги и полузаконченная глиняная скульптура, с которой возилась Чи в ожидании звонка Фолкейна. Цинтианка отвернулась от видеофона, с которого только что исчезло изображение человека, и опустилась на четвереньки, выгнув спину дугой. Тай Ту, тоже предмет ее забав, попытался нарушить напряженную тишину:

— Я полагаю, это один из ваших партнеров? — Он говорил по-испански, поскольку английского не знал.

— Да,— подтвердила Чи.— Но полагать ты можешь и в другом месте.

— Прошу прощения?

— Иди отсюда,— пояснила Чи.— Мне надо подумать.

Тай Ту вытаращил глаза.

Наш гипотетический землянин назвал бы ее милашкой или даже, пожалуй, красавицей и не был бы в этом одинок. Для Тай Ту она была желанной, чарующей и довольно грозной. Когда Чи выпрямилась, роста в ней было около девяноста сантиметров; пушистый, загнутый кверху хвост был лишь наполовину короче. Ее тело покрывал роскошный белый мех. Ходила она на двух длинных ногах с пятью цепкими пальцами. На руках, мускулистых и чуть менее длинных, тоже было пять пальцев с розовыми ноготками. Круглая голова со стоящими торчком ушами; коротенькое рыльце, приплюснутый нос, красиво очерченный рот, кошачьи усы, громадные изумрудно-зеленые глазищи... Кожа ладоней, ступней, ушей и вокруг глаз была голубовато-серой. Покрытая шерстью, теплокровная, живородящая, она тем не менее не принадлежала к млекопитающим. В ее племени дети с самого рождения ели мясо и сосали кровь. Тай Ту был пониже ростом и менее агрессивен, поскольку от самцов на Цинтии никогда не требовалось таскать на своих загривках детенышей и сражаться за них. Он был весьма польщен, когда Чи Лан обратила на него внимание,— хотя он был достопочтенным профессором, читал лекции в Университете Ломоносова, а она работала в ксенологической службе компании Николаса ван Рийна,— однако чувства собственного достоинства не потерял.

— Я не могу позволить вам так со мной обращаться! — выпалил он.

Чи выпустила когти, белые и очень острые, и махнула хвостом в направлении двери:

— Брысь! — приказала она.— И чтоб духу твоего здесь не было!

Тай Ту горестно вздохнул, собрал свои манатки и направился в номер, который занимал официально.

Чи немного посидела, хмурясь все сильнее. Наконец она набрала номер на панели видеофона. Безрезультатно.

— Черт возьми, я же знаю, что ты у себя! — разгневанно воскликнула она. Экран оставался пустым. Она вскочила.— Чтоб ты провалился, буддист полоумный! — После доброй сотни безответных вызовов она выключила видеофон и выскользнула из номера через воздушный шлюз. В коридорах отеля была земная атмосфера, но Чи приноровилась к ней без труда. Летучие отряды составлялись с таким расчетом, чтобы биологические параметры их членов во многом совпадали. Эскалаторы, по мнению Чи, двигались слишком медленно, и она побежала. По дороге она налетела на его превосходительство посланника Эпопойской империи. Он негодующе закаркал. Чи на бегу бросила через плечо такое словцо, что у его превосходительства отвис клюв; если верить часам, то посланник не мог подняться на ноги целых три минуты. Тем временем Чи достигла двери номера Эдзела. Она нажала кнопку звонка. Безрезультатно. Он, должно быть, странствует в каком-нибудь другом измерении. Чи принялась набирать на световом табло аварийные сигналы: «СОС», «Помогите!», «Авария двигателей», «Столкновение», «Кораблекрушение», «Бунт», «Радиация», «Голод», «Чума», «Война», «Взрыв Сверхновой». Это помогло. Эдзел активизировал клапаны, и Чи вошла в шлюз. От быстрой смены давления стало больно ушам.

— Сколько экспрессии! — раздался могучий бас Эдзела.— Боюсь, тебе гораздо дальше до просветления, чем я думал.

Чи посмотрела в лицо Эдзелу, потом огляделась. Сила тяжести — два с половиной g, ослепительно яркое сияние искусственного солнца F-типа; плотная, душная, предгрозовая атмосфера, в которой даже шепот казался слишком громким,— от всего этого она почувствовала себя маленькой и беспомощной. Чи забилась под стол. Суровую обстановку комнаты не смягчали ни изображение бескрайних ветреных степей планеты, которая на языке людей называется Один, ни мандала, которую Эдзел подвесил к потолку, ни прикрепленный к стене свиток с текстом из Махаяны.

— Надеюсь, ты отвлекла меня от занятий по действительно важному делу,— сказал Эдзел самым суровым тоном, на какой только был способен.

Чи немного помолчала, прежде чем ответить.

— Не знаю,— произнесла она.— Мне известно лишь, что это касается нас.

Она поглядела на Эдзела, пытаясь определить, как он отреагирует на ее слова. Наверняка он понял, что ее беспокойство лишено серьезных оснований. Но Чи не призналась бы в этом ни за что на свете.

Вместе с могучим хвостом тело кентавра имело в длину четыре с половиной метра и весило больше тонны. Широченная грудь, длинная шея, четырехпалые руки, раздвоенные

копыта. Голова его напоминала крокодилью: широкие ноздри, устрашающий оскал зубов. Внешний слуховой аппарат представлял собой костяной гребень, который бежал вдоль спины от макушки до кончика хвоста. Череп был достаточно вместительным для мозга приличных размеров; взгляд больших карих глаз из-под мощных надбровных дуг выражал тоску. Горло и брюхо Эдзела защищали костяные пластины, а все остальное тело покрывала чешуя, темно-зеленая у гребня и постепенно переходящая в золотистую книзу. Эдзел был авторитетом в области планетологии или считался таковым до тех пор, пока не оставил академию ради низменных выгод в торговой компании. Биологически он был несколько ближе к людям, чем Чи. Теплокровный, всеядный, он принадлежал к числу существ, чьи живородящие самки выкармливают детенышей грудью.

— Мне звонил Дэйв,— сказала Чи. Немного освоившись, она добавила с усмешкой: — Наконец-то он хоть на несколько часов отвязался от этой шлюхи, с которой проводил все последнее время!

— И отправился в «Сириндипити», как и должен был? Отлично, отлично. Надеюсь, он узнал там что-нибудь интересное,— в отличие от Чи Эдзел говорил на латыни, универсальном языке Лиги, поскольку его мясистые губы требовали постоянной практики в чужом языке.

— Да, он прямо-таки скачет от восторга,— сказала цинтианка.— Но подробностей он не сообщил.

— Я его понимаю,— в голосе Эдзела послышалось неодобрение.— В этом городе, по-моему, каждый десятый чей-нибудь шпион.

— А еще он не может прийти к нам и поговорить, равно как и мы к нему,— продолжала Чи.— Компьютер предостерег его не делать этого, но почему, не объяснил.

Одинит потер челюсть.

— Это любопытно. Разве номера не оборудованы противоподслушивающими устройствами?

— Наверное, оборудованы. Денег-то мы заплатили кучу. Быть может, машина узнала о какой-нибудь новинке в этой области? Ты ведь знаешь, какая у «Сириндипити» разведка. Дэйв хочет, чтобы мы связались с конторой, затребовали денег и оплатили защиту информации, которую он сегодня узнал. Он сказал, что расскажет нам обо всем, когда окажемся на Земле.

— А почему не раньше? Если он не может немедленно улететь с Луны, то что нам помешает захватить его с собой? Пока Тупица в порядке, с этим никакой загвоздки не будет.

— Дослушай меня, славный крокобык! Я соображаю не хуже твоего и, естественно, предложила ему твой вариант. Но он отказался, заявил, что только не сейчас. Кто-то из владельцев «СИ» предложил ему погостить немного в этом их замке.

— Странно. Я слышал, они избегают гостей.

— Гостей, да. Дэйв сказал, что с ним хотят поговорить о деле. Якобы ему намекнули на что-то очень выгодное, но что конкретно, не говорят. Он считает, что шанс упускать нельзя.

Причем все в какой-то спешке. Он вырвался буквально на пять минут — сменить рубашку да надраить зубы.

— Он решил, что дела мастера ван Рийна подождут? — спросил Эдзел.

— Как будто. Дэйв считает, что если он увильнет, то другой возможности у него уже не будет. Он говорит, надо ловить момент, пока в печатных платах, которые у этих людей вместо душ, что-то замкнуло. Говорит, что в любом случае хоть увидит, как они живут.

— Да,— Эдзел согласно кивнул.— Да, Дэйв поступает совершенно правильно. Нельзя пренебрегать приглашением такой могущественной и таинственной организации. Чего ты примчалась ко мне? Нам с тобой просто придется провести здесь еще несколько дней.

Чи ощетинилась.

— Тебя не прошибешь. Да пойми ты, компьютер выдал Дэйву шикарную идею. Денег там будет хоть завались. Я поняла это по его виду. А если эти фирмачи хотят заполучить его, чтобы зацапать себе все доходы?

— Ну, малышка,— укоризненно усмехнулся Эдзел.— «Сириндипити» не вмешивается в дела своих клиентов и не раскрывает их секретов. Как правило, владельцы ее даже не знают, что это за секреты. С другими фирмами они не связаны. Это подтверждают не только результаты всяких расследований, но и многолетний опыт. Нарушь они хотя бы раз свои хваленые правила, выкажи кому-нибудь особое расположение или недоверие,— от их клиентуры в два счета не осталось бы и следа. Никакой другой член Галактической Политехнической Лиги, никакая другая компания не пользуется таким доверием.

— Все когда-нибудь случается в первый раз, сынок.

— Ну, подумай сама, если ты еще на это способна,— тон Эдзела стал необычно резким.— Давай, ради интереса, предположим, что «Сириндипити» в самом деле подслушала разговор Дэйва с компьютером и решила нарушить собственное правило: никогда не вмешиваться в личные дела. Она все равно никуда не денется от правил ковенанта Лиги. Этот ковенант возник ведь не просто так. Согласно ему запрещены заключение в тюрьму, убийство, пытки, применение наркотиков, промывка мозгов, всякое прямое воздействие на психобиологическую целостность личности. Наказания за нарушение этих правил чудовищно суровы. Поэтому, как гласит земная поговорка, игра не стоит свеч. То есть шпионить, искушать и принуждать можно до определенных пределов. Шантажом или взяткой Дэйва не возьмешь. Если он заподозрит «хвост», то уйдет от него и ни о чем важном не проболтается. А если ему кинут как наживу самку, то он ее с удовольствием проглотит, но крючка не тронет. Разве он уже не...

В этот момент — как часто в жизни и случается — раздался сигнал видеофона. Эдзел нажал на кнопку «Прием». На экране появилось лицо той самой последней подружки Фолкейна. Эдзел и Чи узнали ее: им уже доводилось видеть ее, правда,

мельком, и к тому же они вовсе не считали, будто все люди на одно лицо.

— Добрый вечер, сударыня,— поздоровался Эдзел.— Чем могу служить?

Девушка выглядела обеспокоенной, голос ее дрожал:

— Простите, что беспокою вас. Мне нужно найти Дэ... капитана Фолкейна. Он не пришел. Вы не знаете?...

— Мне очень жаль, но к нам он не заходил.

— Он обещал меня найти... встретиться со мной в вечернюю вахту... и не пришел, и,— Вероника судорожно сглотнула,— я не знаю, как быть.

— У него весьма срочное дело. Он не имел времени сообщить вам об этом,— галантно солгал Эдзел.— Он просил меня передать самые искренние сожаления.

Девушка жалко улыбнулась:

— Это дело блондинка или брюнетка?

— Ни то, ни другое. Уверяю вас, сударыня, это связано с его работой. Быть может, он будет отсутствовать несколько стандартных дней. Когда он вернется, я скажу, чтобы он позвонил вам.

— Я была бы вам очень признательна, сэр,— она нервно сцепила пальцы.— Благодарю вас.

Эдзел выключил экран.

— Ничего не хочу сказать насчет этой девицы,— заметил он,— но, по-моему, Дэвид проявляет порой удивительное бессердечие.

— Ха! — отозвалась Чи.— Она просто боится, что он исчезнет, ничего ей не выболтав.

— Сомневаюсь. Вполне возможно, что и это тоже, до некоторой степени. Но, насколько я разбираюсь в людях, она кажется мне действительно встревоженной. Похоже, она привязалась к нему.— Эдзел сочувственно хмыкнул.— Насколько все-таки удобнее, когда время спаривания наступает лишь раз в году — как у меня.

Звонок немного остудил пыл Чи. К тому же ей не терпелось убраться из этой бани, которую Эдзел именовал домом.

— Девица как раз во вкусе Дэвида,—сказала она.— Неудивительно, что он так медлил с работой. Пока мы будем на Луне, он вряд ли захочет надолго с ней расстаться. Пожалуй, нам нечего за него беспокоиться.

— Вот уж верно,— согласился Эдзел.

На флиттере до замка в Лунных Альпах можно было долететь из Лунограда за считанные минуты. Но даже альпинисты не забирались в такую даль. К тому же приближаться к замку было запрещено. Его охраняли вооруженные люди и роботы. Такое случалось сплошь да рядом, поскольку цивилизация превыше всего ставила права на собственность и на уединенность. Собранные с дюжины планет рабочие возвели этот замок, а потом разлетелись кто куда. Любопытство и воз-

мущение местных жителей породили кучу самых невероятных слухов. С орбиты были сделаны несколько снимков, их опубликовали, и вскоре уже чуть ли не половине Содружества стали знакомы эти высокие черные башни, крутые стены и космопорт в Лунных горах. Однако со временем любопытство улеглось. Повелители Лиги выстроили себе куда большие поместья, до блеска которых этим анахоретам было далеко. Скрытность в деловом мире считалась едва ли не первой из добродетелей. Поэтому вот уже несколько лет как замок в Лунных Альпах перестал возбуждать интерес. Если газетчики пронюхают, что меня сюда привезли, подумал Фолкейн, вернее, затащили чуть ли не насильно, он кисло усмехнулся, мне будет о чем им рассказать, и мне их жаль. Он стоял у окна, из которого открывался замечательный вид. Скалы круто уходили вниз в черноту пропасти. По другую сторону долины горные пики взмывали к самым созвездиям; то же самое можно было сказать о вершинах окружавшего плато, на котором высился замок, кряжа. На юге ослепительно яркая и почти полная, низко над горизонтом стояла Земля. Но даже ее свет ничего не мог поделать с глубокими тенями вокруг. Однако на Луне подобное можно было наблюдать где угодно, вдобавок при этом можно было как следует повеселиться, поесть и поговорить. А этот обед, за который его усадили вскоре после прибытия, был таким же скучным, как и во многих других важных домах. Разговор состоял из банальностей и часто прерывался паузами. Фолкейн, как только счел удобным, извинился перед четырьмя собеседниками и ушел. Им этого явно не хотелось, но он придумал благовидный предлог, а их на это не хватило. Сигару ему предложили только в офисе. Наверно, подумал он, это входит в установленный порядок. Ему очень хотелось курить, и он полез за трубкой и кисетом. К нему подошел Ким Юн Кун, небольшого роста мужчина с невыразительным лицом, одетый в белый костюм (униформа у них такая, что ли, подумал Фолкейн).

— Напрасно вы не сказали, что хотите курить, капитан Фолкейн. Мы не стали бы возражать, хотя никто из нас не привержен этой... хм... забаве.

Мне было бы неловко,— отозвался Фолкейн.— Я убежден, что нельзя курить там, где ешь. А поскольку мне было невтерпеж, то... Потерпите меня, ладно?

— Конечно,— Ким Юн Кун говорил с акцентом.— Вы наш гость. Жаль только, что мастеру Латимеру и сударыне Белдэниэл не удалось встретиться с вами.

Странно, в который уже раз подумал Фолкейн. Хью Латимер оставил здесь свою жену и улетел вместе с сестрой Теи. Мысленно он пожал плечами. Это, в конце концов, их личное дело. Если верить слухам, то Латимер так же лишен эмоций, как и Ким; правда, он неплохо водит звездолет. Жена же его, как и Анастасия Геррера и, вне сомнения, сестра Теи, преуспела в стремлении стать старой девой. Тее до них всех еще далеко. Фолкейн с содроганием вспомнил свой разговор с ними за столом. Скорей бы вернуться в город,— подумал он,— и повеселиться как следует.

— Эта комната вам не подходит,— сказал Ким с чопорной улыбкой.— Видите, как она бедно обставлена? Мы строили этот замок с расчетом, что появятся новые партнеры, быть может, даже и дети. Но пока... Мне кажется, мы с вами могли бы продолжить разговор в более уютном месте. Остальные же ждут нас там. Если хотите, вам подадут кофе или бренди. Позвольте мне проводить вас.

— Благодарю,— сказал Фолкейн. Эта явно заранее приготовленная речь не уменьшила его надежд на скорое бегство из этой обители скуки.— Разговор пойдет о делах?

— Отчего же? — Ким так удивился, что не сразу нашел слова для ответа.— Мы не планировали его так рано. Не в наших привычках заводить деловой разговор... ну, не познакомившись с гостем. Мы надеемся, что вы пробудете у нас несколько дней. Например, мы смогли бы сводить вас на прогулку по окрестностям: здесь есть на что посмотреть. И нам хочется послушать рассказы о ваших приключениях в далеком космосе.

— Вы очень любезны,— ответил Фолкейн,— но боюсь, у меня нет времени.

— Разве вы не сказали сами младшей сударыне Белдэниэл?...

— Я ошибся. Я переговорил со своими партнерами, и они сообщили мне, что мой босс начинает горячиться. Почему вам не открыть свои карты? Я тогда смогу решить, как долго он позволит мне задержаться.

— Видите ли, для серьезного разговора необходимы материалы, которые мы не храним здесь,— сквозь маску безразличия на лице Ким Юн Куна проступило нетерпение, даже какая-то нервозность.— Но пойдемте: о ваших обстоятельствах должны узнать остальные.

Фолкейна озарило: ему почему-то очень надо, чтобы я ушел из этой комнаты!

— Вы предлагаете обсудить начало переговоров? — уклонился он от прямого ответа.— Удивительно. Я же не прошу у вас документы. Разве вы не можете объяснить на пальцах, чего хотите?

— Идите за мной,— голос Кима задрожал.— У нас возникли проблемы с безопасностью, с сохранением тайны. С ними необходимо немедленно разобраться.

Фолкейн откровенно забавлялся. Характер у него был вовсе не злой, но тем, кто пытался унизить его, галактического торговца, сына военного аристократа, он сполна платил той же монетой. С высокомерным видом он произнес:

— Если вы не доверяете мне, сэр, приглашать меня сюда было с вашей стороны ошибкой. Я не хочу, чтобы вы тратили свое драгоценное время на заведомо бесполезные переговоры.

— Ну что вы! — Ким взял Фолкейна под руку.— Пойдемте, ну пожалуйста, я вам все сейчас объясню.

Фолкейн уперся. Он был сильнее Кима; мышцы его, закаленные долгими тренировками на карликовых планетах, где они иначе атрофировались бы, превосходно чувствовали себя в

этом замке, где сила тяжести практически равнялась земной.

— Немного погодя, мастер,— сказал он.— Позвольте мне тут еще побыть немного. Мне нужно помолиться.

Ким отпустил его руку и отступил на шаг. Черные глаза его стали совсем узкими.

— В вашем досье ничего не сказано о том, что вы исповедуете какую-то религию,— проговорил он медленно.

— В досье? — Фолкейн прикинулся изумленным.

— В том наборе ваших данных, который имеется в компьютере,— ничего, кроме общедоступной информации,— торопливо пояснил Ким.— Лишь для того, чтобы не ударить перед вами в грязь лицом.

— Понятно. Что ж, вы правы. Но вот какая закавыка: один из членов моего экипажа, буддист, принял эту религию несколько лет назад, когда учился на Земле; он и меня заинтересовал. Понимаете,— Фолкейн воодушевился,— это прямотаки семантическая проблема: является ли буддизм в своем идеальном, так сказать, виде религией в обычном смысле этого слова? Если смотреть по отношению к богам и другим гипотетически населяющим реальность анимистическим существам, то буддисты — агностики. Их понятие кармы вовсе не подразумевает под собой того перевоплощения, о котором столько говорят. А нирвана не есть уничтожение, это состояние, которого можо достичь в этой жизни, оно...

Он не докончил фразу. В лучах Земли сверкнул изящный силуэт звездолета. Корабль уходил в небо под прямым углом, постепенно уменьшаясь в размерах, и наконец исчез в холодном сиянии Млечного Пути.

— Так,— пробормотал Фолкейн.— Так-так...— Он поглядел на Кима.— Полагаю, на этом звездолете Латимер и Белдэниэл?

— Обычная прогулка,— ответил Ким; руки его были сжаты в кулаки.

— Говоря откровенно, сэр, что-то я в этом сомневаюсь,— Фолкейн вспомнил про свою трубку и принялся набивать ее.— Уж гиперпространственный звездолет от обычного как-нибудь отличу. Подобные корабли используются вовсе не для прогулок. Слишком дорогая прогулка получается. По той же причине и для межзвездных перелетов чаще всего используются обычные карриеры. Владельцы большой компании вряд ли отправятся в путь ради ничего, так что бесспорно — у них весьма срочное дело.— И этот факт ты хотел от меня скрыть, добавил он мысленно, напрягая мышцы. Почему? Гнев захлестнул его. Он продолжил со смешком: — Вам вовсе не стоило меня опасаться. Ваши секреты меня не интересуют.

Ким улыбнулся.

— Да, у них очень важное дело, но к нашему с вами разговору это никак не относится,— сказал он.

Ой ли, подумал Фолкейн. А чего же ты мне не сказал этого сразу, до того, как я тебя припер? Кажется, я знаю почему. Вы тут так оторвались от людей, что совсем забыли, как они себя ведут. Ты просто усомнился, что сможешь убедить

меня, будто это дело меня совершенно не касается... в чем я глубоко сомневаюсь! Ким снова отважился на улыбку.

— Прошу меня простить, капитан Фолкейн. Мы вовсе не хотим задевать ваших религиозных чувств. Пожалуйста, оставайтесь здесь, сколько вам будет угодно. Вас никто не потревожит. Если вы устанете от одиночества, вот интерком: позовите, кто-нибудь из нас придет и отведет вас в другую комнату,— он поклонился.— Удачных вам размышлений.

Так, подумал Фолкейн, глядя Киму в спину, раз уже ничего не поправить, он обратил мое оружие против меня. Теперь ему нужно, чтобы я оставался в этой комнате. Но что тут вообще происходит? Он разжег трубку и принялся ходить туда-сюда по комнате, изредка поглядывая в окно, время от времени усаживаясь и вскакивая снова. Что это? Простое недоверие к чужаку или что-то здесь в самом деле не так? Мысль о том, что сведения, сообщаемые компьютерами клиентам, не остаются тайной для владельцев «Сириндипити», уже приходила ему в голову. Поскольку еще никому не было разрешено проверять машины, эти люди могли запросто установить в них подслушивающие или еще какие-нибудь устройства. Они могли запрограммировать машины так, что те стали покорными игрушками в их руках. Когда высшие чины Лиги начали серьезно пользоваться услугами этой фирмы, могли ли они представить, к чему это приведет? Какого шпиона за собой они сами создали! Какого диверсанта! Однако от фактов никуда не деться. Ни один владелец еще не смог доказать, что «Сириндипити» сотрудничает с кем-либо из его конкурентов или влезает в дела других фирм. Казалось даже, что «Сириндипити» не интересуют ни основные инвестиции, ни новые изобретения. Возможно ли, чтобы они решили изменить свою политику? Эта моя планета сведет с ума любого святошу... все равно концы с концами не сходятся. Шестеро таких равнодушных людей не могут в одночасье превратиться из брокеров в пиратов. Не могут! Фолкейн поглядел на часы. Прошло тридцать минут — для молитвы вполне достаточно. (Все равно они этому наверняка не поверили.) Он подошел к интеркому, увидел, что тот настроен на станцию 14, перевел выключатель в рабочее положение и сказал:

— Я освободился.

Почти тут же дверь распахнулась, и на пороге появилась Тея Белдэниэл.

— Быстро, однако! — воскликнул он.

— Я просто проходила мимо и услышала ваши слова.

«Скорее всего, ты просто поджидала меня».

Она тоже подошла к окну и остановилась. В этом платье с длинными рукавами и глухим воротом она двигалась более грациозно, улыбка ее была значительно теплее, чем прежде. Чопорность, естественно, осталась: очутившись на расстоянии вытянутой руки от Фолкейна, женщина резко остановилась. Но он почувствовал, что его влечет к ней. Быть может, она приманка, или просто симпатичный зверек?

Он выбил трубку.

— Надеюсь, я никого не обидел.

— Ну что вы! Я вас вполне понимаю. Замечательный вид, правда? — Она тронула какой-то переключатель. Лампы в комнате потускнели, отчетливо стал виден колдовской лунный пейзаж.

Больше на меня не давят, цинично отметил Фолкейн. Совсем наоборот. Чем дольше я не смогу связаться со Старым Ником, тем счастливее они будут. Ну что ж, я не возражаю. Вдруг начались интересные дела, а я очень любопытен.

— Какая красота,— прошептала она.

Фолкейн посмотрел на нее, озаренную светом Земли. В ее глазах мерцали звезды. Она глядела в небо каким-то голодным взглядом. Захваченный внезапным состраданием, удивившим его самого, он выпалил:

— Вы чувствуете в космосе себя, как дома?

— Не знаю,— взор ее по-прежнему был устремлен в небо.— Здесь — нет. Я понимаю, вам с нами скучно. Но мы просто робеем, не зная людей... боясь их. Мы живем одиноко, общаемся только с данными — с абстрактными символами, потому что ни на что больше не годимся.

Почему она откровенничает со мной, подумал Фолкейн. За столом, правда, подавали вино. Не иначе, вычитали в книжке о правилах хорошего тона, что так полагается. Быть может, это действует алкоголь?

— Я бы сказал, что для новичков, не знакомых с человеческой цивилизацией, вы начали совсем неплохо,— заметил он.— Я прав? Вы ведь чужие?

— Да,— она вздохнула.— Естественно, вы догадались. Сначала мы отказывались вести об этом разговоры, ибо не могли предугадать ответной реакции. А потом, когда мы уже немного здесь освоились, у нас не было причин говорить об этом: нас никто не спрашивал. К тому же мы никогда не стремились к известности в обществе, и когда нас оставили в покое, были только рады. Мы и сейчас к этому не стремимся.— Она искоса посмотрела на него. В колдовском свете звезд из решительной деловой женщины она превратилась в молоденькую девушку, просившую его о снисхождении.— Вы не расскажете... газетчикам... об этом?

— Честное слово,— ответил он, не кривя душой.

— Наша история очень простая,— сказала она.— Звездолет одной из колонизованных планет вылетел на поиски метрополии. Насколько я поняла, на его борту были несогласные с политикой правительства. Какая-то бессмыслица! Чего ради разумным существам ссориться... Ну да ладно. Несколько семей продали все свое имущество и в складчину купили и снарядили большой звездолет с самыми современными компьютерами. И улетели на нем.

— Прямо вот так, в неизвестность? — спросил Фолкейн недоверчиво.— Не выслав вперед разведчиков?

— Планет, на которых могут жить люди, много. Они были уверены, что что-нибудь да найдут, и считали, что врагам их

вовсе незачем знать, куда они полетят.

— Но... я хочу сказать, они же должны были представлять себе, каким опасным может оказаться новый мир! Его биохимия, климат, бактерии — да мало ли что еще! От доброй половины всего этого запросто можно умереть, если не быть начеку...

— Я же сказала, что это был большой, полностью снаряженный звездолет,— возразила она довольно резко. Потом, уже мягче, продолжала: — Они были готовы дожидаться на орбите, пока приборы исследовали планету. Но вышло иначе. Во время полета в одном из секторов пространства отказала радиационная экранировка. И надо же такому случиться — корабль тут же попал в мощный поток радиации. Не пострадала только детская комната — ее экраны были на автономном питании. Можно было бы найти спасение в госпитале, но ни один из пассажиров не смог до него добраться, ибо автопилот был тоже поврежден, и экипажу самому пришлось вести корабль. Они продержались ровно столько, сколько нужно было, чтобы возобновить работу экранов и задать программу роботам. Потом их не стало. Роботы присматривали за нами, детьми, и воспитывали нас. Тех, кто выжил, стали учить — вбивали в наши головы в основном техническую информацию. Мы против этого не возражали. На звездолете было так скучно, что мы с восторгом воспринимали все новое. Это служило хоть каким-то развлечением. Когда нас нашли, среди нас были и двенадцати-, и семнадцатилетние. Двигатели звездолета продолжали работу на малой мощности. Мы надеялись, что в конце концов хоть кто-нибудь нас да обнаружит. Этими кем-нибудь оказались не люди. Они сделали для нас все, что могли, вот разве только немножко опоздали — наша психика уже стала отличной от психики нормальных человеческих детей. На планете наших спасителей мы провели несколько лет.

— Не спрашивайте, где она находится,— прибавила Тея быстро.— Этим существам не раз доводилось сталкиваться с представителями Лиги, но их вожди не хотят, чтобы ваш дикарский капитализм разрушил устои их древней цивилизации. Они не суют нос в чужие дела и избегают привлекать внимание к себе. Однако физические условия на их планете нам не подходили. Кроме того, в нас росло желание воссоединиться со своим народом. Наши хозяева, осмотрев звездолет, на котором мы прилетели, сумели существенно продвинуться вперед в некоторых областях техники. В обмен на это — у них очень строгие правила морали — они помогли нам подготовить корабль к старту, нагрузили его металлами, которые мы потом продали. Позднее по нашей просьбе они прислали нам некоторые свои вычислительные машины. Они были весьма довольны, что их друзья пользуются авторитетом среди членов Лиги, поскольку в будущем контакта между нашими двумя цивилизациями вряд ли удастся избежать. Вот так и возникла «Сириндипити»,— закончила Тея Белдэниэл.

Она робко улыбнулась. В голосе ее порой слышалась та

самая фанатичность, которую Фолкейн уже заметил. Но ведь она рассказывает сейчас не о работе компьютера. Она же поведала историю своей жизни! В отдельных местах рассказа ему послышались фальшивые нотки. По крайней мере, чтобы проверить, нужно побольше обо всем этом узнать. Что-то она явно не договаривала. Но что? И как это может помочь ему?

— Здорово,— он никак не мог собраться с мыслями.

— Не надо меня жалеть,— сказала она с восхитившей Фолкейна твердостью.— Наше положение могло быть куда хуже. Я подумала, однако, что... может быть,— глаза опущены, голос дрожит от смущения,— вы... вы ведь так много видели, совершили столько подвигов... если бы вы могли нас понять...

— Я постараюсь,— сказал Фолкейн мягко.

— Правда? Нет, в самом деле? Может... вы останетесь на немного... и мы с вами поговорим, вот так, как сейчас, и я... и вы научите меня хоть немного быть человеком...

— Вы пригласили меня для этого? Боюсь, что я...

— Нет-нет. Я понимаю... сначала работа. Думаю... поскольку у нас есть кое-какие знания... мы могли бы обменяться с вами идеями. Ведь в этом нет ничего страшного, правда? А между делом... мы с вами... — она стояла вполоборота к нему. Ее пальцы дотронулись до его руки.

В какой-то миг Фолкейн готов был ответить «да». Редкий человек не воображает себя Пигмалионом. Быть может, внешняя холодность всего лишь маска? Планета может подождать. Планета! Он словно прозрел. Они хотят задержать меня здесь. Вот что им нужно. Конкретных предложений у них нет, они надеются удержать меня с помощью разговоров. Перебьются!

Тея Белдэниэл отступила.

— Что случилось? — спросила она тихо.— Вы рассердились?

— Что? — Фолкейн собрался с мыслями, рассмеялся, взял трубку с подоконника и достал кисет. Ему надо было чем-то занять руки.— Нет. Конечно, нет, сударыня. Если только на обстоятельства. Понимаете, я хотел бы остаться, но у меня нет выбора. Я должен вернуться завтра, к утренней вахте хоть костьми лечь, но вернуться.

— Вы же сказали, что у вас есть в запасе несколько дней.

— Я уже объснил мастеру Киму: это было до того, как я узнал, что старый ван Рийн уже рвет и мечет.

— А вам не все равно, на кого работать? «Сириндипити» может вам предложить хорошее место.

— Я принес присягу ван Рийну,— отрубил Фолкейн.— Так что прошу прощения. Буду рад провести с вами и с вашими друзьями ночную вахту, но утром я улечу.— Он пожал плечами.— А почему такая спешка? Я ведь могу прилететь сюда в другой раз, когда буду посвободней.

Она поникла.

— Вас нельзя переубедить?

— Боюсь, что нет.

— Что ж... пойдемте, я отведу вас в гостиную,— она включила интерком и произнесла в него несколько слов, которых Фолкейн не разобрал. Они вышли в высокий, с каменным полом коридор. Женщина шла опустив голову, ноги ее подгибались. Ким встретил их на полпути. Он выступил вдруг из-за угла, сжимая в руке сканнер.

— Поднимите руки, капитан,— сказал он равнодушно.— Придется вам у нас задержаться.

До Дельфинбурга можно добраться из Джакарты через Макасарский пролив и Сулавеси. Именно в этом омываемом водами Тихого океана городе и высадил Николаса ван Рийна аэрокар. Не то чтобы ван Рийн владел этим городом, вовсе нет; ему принадлежали один дом, один док для большого кеча и семьдесят три процента промышленных предприятий. Но пилот и штурман по его просьбе согласились изменить курс; машина пролетела почти совсем рядом с Марианскими островами, что было серьезным отклонением от маршрута.

— Неплохое местечко для бедных тружеников, а? — ухмыльнулся ван Рийн, потирая волосатые руки.— Быть может, они захотят поразвлечься и придут приветствовать своего почтенного старого дядюшку на старте регаты на Кубок Микронезии, двадцать четвертого этого месяца. Я приму в ней участие, если мы окажемся там не позднее полудня двадцать второго. Лучше даже пораньше. Отдохните от меня.

Пилот быстро прикинул.

— Да, сэр,— доложил он,— мы сможем прибыть туда двадцать первого.— Он прибавил скорость на три узла.— Насчет отдыха, это хорошая мысль, сэр. Как раз прочистим катализаторные баки и кое-что еще.

— Хорошо-хорошо. Ты доставил радость бедному одинокому старичку, которому так хочется отдохнуть, прийти в себя. А еще он не возражал бы против джина с тоником, для успокоения желудка. Он, бедняга, совсем извелся,— ван Рийн похлопал себя по животу.

Всю следующую неделю он провел в тренировках экипажа и вымуштровал людей так, что любо-дорого было смотреть. Они не особенно и противились этому. Сами понимаете: белые паруса, бескрайняя голубизна моря, клочья пены, яркое солнце, прибой, соль на губах, свежий ветер в лицо. Единственно, что он принялся всячески их поносить, когда они отказались бражничать с ним ночи напролет. Наконец он оставил их в покое не только потому, что хотел, что регата была уже на носу, но и из-за того, что деловые операции, совершавшиеся за двести световых лет от него, требовали к себе пристального внимания. Ван Рийн стонал, ругался, проклинал все на свете, но работы не убавлялось.

— Черт! Чтоб ее перевернуло, эту проклятую работу! Чтоб у нее прыщ на лбу выскочил! Мне уже давно пора на заслуженный отдых, рассказывать сказки подрастающему поколе-

ию, а я все верчусь как белка в колесе! Набрал себе заместителей, ничего не скажешь — кого ни возьми, у всех опилки вместо мозгов!

— Вы можете продать свою компанию за такую кучу денег, что вам ее и за десять жизней не потратить,— отозвался его старший секретарь, член воинской касты с весьма суровым ставом, напрочь потому лишенный страха.— А вообще, переганьте вы причитать — давно бы уже переделали все дела!

— Чтоб я продал свою компанию, которую сам, своими руками создавал, чтоб я ее променял на какие-то паршивые миллионы? А потом что? Сиди тише воды, ниже травы, и молвить ичего не моги про всех этих жуликов-конкурентов, подчиненных, готовых тебя продать при первой же возможности, про се эти гильдии, братства, про всех этих пиявок,— ван Рийн абрал воздуха и словно выплюнул,— бюрократов? Нет уж! ак я ни устал, как мне ни тяжело, буду сражаться до последего патрона! Вот так!

Офис ван Рийна располагался в солярии одного из принадежавших ему зданий. Из окна, возле которого стоял загроожденный телефонами, компьютерами, ретриверами, рекордеами и всякой другой оргтехникой стол, открывался прекрасый вид на город, возведенный на покачивающихся на океанских олнах понтонах. На первый взгляд казалось, что Дельфинбург ще дремлет. Лишь изредка вскипала вдруг вода у клапанов доывавшей минералы установки да мелькала порой под волнами погоне за косяком рыб тень субмарины. Легкий ветерок разосил пряный запах водорослей, которые на особой фабрике перабатывали в приправы. Основная же работа шла за закрыми дверями зданий, закамуфлированных под магазины, шкоы, оздоровительные центры. Океан в этот день был неспооен; нескольких смельчаков, рискнувших отправиться на проулку на спортивных лодках, изрядно потрепало. Однако на гроадных понтонах качка почти не ощущалась. Ван Рийн опутился в кресло. Из всей одежды на нем был только саронг: если ж страдать, так со всеми удобствами.

— Начали! — рявкнул он.

Машины загудели, подбирая факты, производя вычисления, ценивая, суммируя, предлагая. На экране главного видеофона оявился потрепанного вида человек, только что избежавший ойны на расстоянии в десять парсеков. Послышались звуки осьмой симфонии Моцарта; почти нагая девушка принесла пиво, ругая зажгла для хозяина трихинополийскую сигару, третья оставила на стол поднос со свежими датскими сэндвичами — а случай, если босс проголодается. Эта третья девушка случайно одошла слишком близко к ван Рийну, и он рывком привлек е к себе. Она хихикнула и запустила пальцы в его длинные, о плеч, жирные черные волосы.

— Хватит ерунду пороть! — бросил ван Рийн человеку на кране.— Какой-то королевский недоумок сжег наши планта-ии? Натравить на него его врагов — и вся недолга. А мирый договор с ним потом заключить такой, чтобы и нам перепало. Ясно? — Человек возразил. Ван Рийн выпучил глаза и

подергал себя за бородку. Усы его грозно встопорщились.— Что значит «с ним никто не может справиться»? А чем ты тогда занимался там все эти годы? Ладно-ладно, разрешаю использовать наемников с другой планеты. Скажем, с Диомеда. Обратись к верховному адмиралу Дельпу хир Орикану, это эскадра дракхонов. Он должен меня помнить. Быть может, у него найдутся беспокойные юнцы, которые рвутся в бой. Но учти, через полгода все должно быть тип-топ, а иначе отправишься у меня гальюны чистить! Оболтус! — Он махнул рукой, и помощник тут же переключил изображение. Тем временем ван Рийн одним глотком выпил пиво, фыркнул, отер с усов пену и жестом приказал принести еще. На экране появилось непонятное существо. Оно что-то просвистело. Ответ ван Рийна состоял из аналогичных свистков и трелей. Закончив разговор, он наморщил покатый лоб и пробурчал:

— Терпеть не могу всяких таких тварей, но этот парень, надо отдать ему должное, кое-что соображает. Пожалуй, он у себя там разберется, и можно назначить его начальником сектора, а?

— Я, к сожалению, ничего не понял из вашего разговора, — сказал старший секретарь.— Сколько языков вы знаете, сэр?

— Двадцать три плохо. Десять-пятнадцать прилично. Лучше всех — английский,— ван Рийн отмахнулся от девушки, которая забавлялась с его шевелюрой. Он так хлопнул ее по заду, что бедняжка взвизгнула.— Ну-ну, цыпленочек, извини. Иди купи себе то платье, с которым ты ко мне все пристаешь, с блестками. Может, нынче вечерком мы пойдем с тобой проветриться. А вообще это обираловка: за паршивый кусок материи такие деньги! — Девушка снова взвизгнула, теперь уже от радости, и выскочила из комнаты, пока он не передумал. Ван Рийн окинул грозным взглядом остальных.— Все, на сегодня хватит! Дай вам волю, вы бедного глупого старика совсем нищим сделаете! Ладно, кто там следующий?

Секретарь перегнулся через стол к видеофону.— Порядок изменился, сэр,— сообщил он.— Второй вызов, вторая степень срочности.

— Угу. Угу-угу,— ван Рийн почесал шерсть на груди, отставил кружку с пивом, взял сэндвич и проглотил его.— Интересно, кто у нас там такой? — Он поперхнулся, закашлялся и запил сэндвич пивом. Несколько секунд он молча курил, задумчиво поглядывая на видеофон. Потом сказал: «Давайте».

По экрану побежали полосы. Это было обычное дело при связи с движущимся звездолетом: закодированный луч с его передатчика прорывался сквозь атмосферу и находил ту единственную станцию, где его могли декодировать и превратить в изображение. Взору ван Рийна предстал отсек управления его разведывательного корабля «Бедолага». У экрана передатчика стояла Чи Лан, за ее спиной маячил Эдзел.

— Какие проблемы? — приветствовал их ван Рийн.

Пауза, вызванная расстоянием, которое требовалось преодолеть электромагнитным лучам, была короткой, но ощутимой.

— Да есть кое-какие,— ответил Эдзел. Голос его едва был слышен сквозь треск помех.— А сделать мы ничего не можем. Эти ящики у вас на столе никак не соглашались дать нам прямую связь до сегодняшнего дня.

— Говорить буду я,— перебила Чи.— А ты еще целый час будешь нести околесицу. Сэр, помните, при отлете с Земли мы сообщили вам, что направляемся в Луноград и собираемся заглянуть в «Сириндипити»? — Она рассказала о визите Фолкейна на фирму и о приглашении, которое он получил.— Это было две недели назад. Он не вернулся. Был только один звонок, через три стандартных дня. Причем как нарочно, он позвонил в то время, когда мы спали. Пленка у нас сохранилась. Он просит нас не волноваться; мол, это самое выгодное дело, о котором он только мечтал, и поэтому он пока не может вырваться. Нам ждать его не надо, он долетит до Земли рейсовым лайнером.— Шерсть на мордочке Чи стояла дыбом.— Но это не его манера. Мы обратились в детективное агентство, передали им несколько пленок с его изображением, они провели соматический и вокалический анализ. Звонил сам Фолкейн, но манера не его.

— Пленку,— приказал ван Рийн.— Подожди пока рассказывать,— не отрываясь он смотрел на появившегося на экране светловолосого юношу: тот произнес несколько фраз и исчез.— Клянусь небом, ты права, Чи Лан! Он наверняка бы ухмыльнулся и попросил бы тебя передать привет трем-четырем своим подружкам.

— Нас тут донимала одна,— отозвалась цинтианка.— Шпионка, конечно: она следила за ним и увидела, что орешек ей не по зубам. Когда она звонила в последний раз, сама во всем призналась, прорыдала, что ей очень стыдно и что она никогда, никогда, никогда... — ну и так далее.

— Покажи-ка мне ее.— На экране появилось заплаканное лицо Вероники.— Ба, какая симпатичная шлюшка! Пожалуй, я бы с ней побеседовал наедине. Кому-то это надо сделать. Заодно и узнаем, на кого она старалась.— Ван Рийн оборвал смех.— Что было дальше?

— Мы встревожились,— сказала Чи.— В конце концов даже вон тот святой ящик у меня за спиной решил, что дело зашло слишком далеко. Мы отправились в контору «СИ» и заявили, что если не услышим более удовлетворительного объяснения из уст самого Дэвида, то разнесем к чертям все их компьютеры. Они было заблеяли про ковенант, про гражданскую полицию, но мы их приперли, и они пообещали, что Дэвид нам позвонит.— Она угрюмо добавила: — Вот запись разговора.

Беседа продолжалась долго. Чи выходила из себя, Эдзел призывал к разуму, но Фолкейн твердо стоял на своем.

— Простите меня, друзья мои. Вы даже не представляете, как мне тяжело. Но разве мы знаем, куда ударит молния? Тея — моя невеста, и этим все сказано. Быть может, обвенчавшись, мы отправимся побродить по космосу. Работать я буду на «СИ», заниматься с их машинами. Понимаете, то, что задер-

жало меня здесь, настолько грандиозно, это настолько изменит будущее... Нет, больше я сказать не могу. Пока не могу. Представьте себе только контакт с далеко обогнавшей нас расой. С теми, о которых люди издревле мечтали,— с Древними, с Мудрыми. Совсем другая степень эволюции... Да! — с некоторым раздражением продолжал он.— Естественно, «СИ» будет платить мне больше тех жалких крох, которые я получал в Специях и Спиртных напитках. Быть может, вдвое. И все из-за того, что факт, который мне сообщил компьютер, раскрыл перед нами новые горизонты. Хотя привлекли меня не столько деньги, сколько то, о чем я уже сказал... Прощайте. Удачливых полетов!

Воцарилось молчание, которое нарушал лишь рокот прибоя да шепот звезд. Наконец ван Рийн встряхнулся по-собачьи и проговорил:

— После этого вы улетели с Луны и принялись добиваться связи со мной.

— А что еще нам было делать? — пробурчал Эдзел.— Дэвид вполне мог находиться под психоконтролем. Нам с Чи так и показалось. Но у нас не было доказательств. Даже у меня возникли кое-какие сомнения, а что уж говорить про тех, кто не был знаком с Дэвидом. Дело очень серьезное. Речь идет уже не о репутации «Сириндипити», речь идет о ковенанте! Члены Лиги не похищают и не пичкают наркотиками агентов друг друга. По крайней мере не делали этого до сих пор.

— Мы обратились в лунную полицию,— вмешалась Чи. Она указала хвостом на одинита.— Эта вот буддийская кастрюля настояла. Над нами посмеялись. Буквально! Действовать от имени Лиги — сначала ударить, а потом свериться с законом — мы не могли. Мы даже не члены совета, как вы, сэр.

— Положим, я поставлю этот вопрос,— произнес ван Рийн медленно.— После месяца болтовни состоится голосование, и все будут против. Они не поверят, что «Сириндипити» способна на такое даже ради исключительных прибылей.

— По-моему, у нас нет даже этого месяца,— сказала Чи.— Давайте прикинем. Значит, Дэйву промыли мозги. Они сделали это для того, чтобы он не сообщил вам о том, что узнал от этой их проклятой машины. Они наверняка выкачивали из него все эти сведения. Но он остается уликой против них. Любой врач сможет его вылечить. Поэтому, как только им представится возможность — или как только это будет необходимо,— они избавятся от него. Быть может, отправят его в космос вместе с этой невестой. Может, убьют, а тело сожгут дезинтегратором. Мне кажется, мы с Эдзелом действовали единственно правильным образом. Однако наши действия могут подстегнуть «СИ», и тогда капитан Фолкейн, считай, пропал.

Ван Рийн молча курил. Это продолжалось около минуты. Потом он сказал:

— У вас же не корабль, а летающий танк. Могли бы попытаться освободить его.

— Могли бы,— ответил Эдзел.— Но мы не знали сил про-

тивника. И потом это было бы пиратским налетом.

— Да, если только Фолкейн не пленник. А в этом случае мы бы потом такую подняли бучу! Небесам бы стало жарко. А вас бы все носили на руках.

— А если он остался там добровольно?

— Вы превратились бы в козлов отпущения.

— Напав, мы подвергли бы опасности его жизнь,— сказал Эдзел.— А если он не в плену, то, вызволяя его, мы убили бы ни в чем не повинных людей. Если дело касается моего товарища, то мне наплевать на закон. Но как бы мы ни были привязаны к Дэйву, он ведь человек, представитель другой культуры. Мы не можем твердо сказать, в каком он был состоянии, когда звонил нам. Да, поведение его было необычным. Но, быть может, это как-то связано с эмоцией, которую называют любовью? И с чувством вины, что он нарушил контракт? Вы человек, сэр, а мы нет. Мы обращаемся к вам.

— Чтобы я, такой старый, бедный, несчастный, влез в это осиное гнездо?! — воскликнул ван Рийн.

Эдзел поглядел на него в упор:

— Да, сэр. Если вы разрешите нам напасть на них, то ставите на карту свою репутацию и все, чем владеете, ради одного человека, которому наша помощь, быть может, и не нужна. Мы понимаем это.

Ван Рийн яростно запыхтел сигарой. Она обожгла ему пальцы, и он отбросил ее в сторону.

— Ладно,— проворчал он,— хороший хозяин бережет своих людей, да? Итак, мы планируем рейд! — он допил оставшееся в кружке пиво и швырнул посуду на пол.— Великое небо! — взревел он.— Хотел бы я сейчас быть с вами!

Эдзел остановился у воздушного шлюза.

— Ты поосторожней, ладно? — сказал он.

— Сам поосторожней.— Чи фыркнула.— За тобой ведь некому будет присматривать. Смотри у меня, болтун-переросток! — Она моргнула.— Что-то в глаз попало. Ну, пошли. Вали отсюда!

Эдзел опустил лицевой щиток шлема. Облаченный в скафандр, он еле-еле поместился в шлюз. Лишь выбравшись наружу, он сумел закрепить на спине ранец с инструментом, среди которого была и маленькая автоматическая пушка. «Бедолага» медленно удалялся от него. Корабль шел низко, едва не задевая зазубренные горные пики. Из-за пестрой окраски его трудно было разглядеть на фоне сверкающих звезд и глубоких теней внизу. Потом звездолет круто пошел вверх и исчез. Эдзел терпеливо ждал: наконец сквозь треск помех в наушниках раздался голос цинтианки:

— Эй, как слышимость?

— Шикарно,— отозвался он. В шлеме загудело эхо. Защитное снаряжение весило весьма ощутимо. Температура внутри скафандра начала подниматься, и у Эдзела засвербило под чешуйками. От скафандра пахло машинами, и этот запах уже начал смешиваться с испарением его собственного тела.

— Хорошо. Значит, связь у нас с тобой есть. Я километрах в ста пятидесяти над тобой. Никакой радар меня пока что не обнаружил, может, и не обнаружит. Все в порядке, сэр?

— Да,— голос ван Рийна, усиленный арендованным в Луноградe мазером, казался менее далеким.— Я поговорил со здешним шефом полиции: он до поры до времени не будет вмешиваться. Мои ребята устроят тут парочку дебошей — чтобы отвлечь внимание. У меня есть судья, готовый наложить запрет на их деятельность, как только я ему прикажу. Правда, чином вот он не вышел, хоть денег я на него ухлопал, как на белужью икру; поэтому он не очень надежен. А если допустить в это дело лунную полицию — беды не оберешься. Эд Гарвер душу черту продаст, лишь бы отправить нас за решетку. Так что поторопитесь, ребятки,— когда целуешь гадюку, ворон считать некогда. А я отправлюсь на свой корабль и поставлю перед алтарем свечки за вас святому Дисмасу, святому Николасу, а особенно — святому Георгию, чтоб его черти взяли!

Эдзел не удержался:

— Когда я изучал культуру Земли, то несколько раз встречал это имя. Но разве сама церковь, еще в двенадцатом веке, не признала его мифическим персонажем?

— Ба.— Беспечно отозвался ван Рийн.— У них не было настоящей веры. Мне нужен воинственный святой. Разве Господь не в силах изменить прошлое и создать его заново ради меня?

Разговор закончился, а потом уже не было времени больше думать ни о чем, кроме скорости.

Эдзел гораздо быстрее бы и с меньшим трудом добрался до места на гравикаре. Но пешехода детекторам обнаружить куда сложнее. Поэтому Эдзел карабкался по горным склонам, перебирался через острые гребни, спускался в расщелины, огибал стены кратеров и трещины. Сердце его гулко стучало, легкие работали на пределе. Хорошую службу ему сослужило то, что передняя часть его тела перевешивала заднюю,— в условиях малой гравитации это был просто подарок судьбы. Порой он перепрыгивал через препятствия; тогда при приземлении все тело его сотрясалось от удара. Он старался по возможности не выходить из тени, ибо охлаждающая система скафандра уже не справлялась со все возрастающей температурой, которая подскакивала еще выше, как только Эдзел оказывался на освещенном месте. Светофильтры не могли полностью защитить глаза от ослепительного блеска Солнца. Ни один гуманоид не смог бы повторить сделанный им путь; да и кому это вообще под силу, разве что детям звезды, которая ярче Солнца, планеты, которая больше Земли. Дважды ему приходилось падать навзничь, когда над ним пролетал патрульный бот. В течение часа он передвигался бросками из тени в тень, избегая сторожевых постов — их антенны и орудийные стволы чернели на фоне неба. Ему удалось добраться до цели незамеченным. Перед ним уходила вверх дорога, а в конце

ее маячил замок; над крепостными стенами возвышались черные, колдовские на вид башни. Эдзел выбрался на дорогу и пошел по ней уже не скрываясь. Тишина была такой, что он почти успокоился. Потом его окликнули на стандартном диапазоне:

— Кто идет? Стой!

— Гость,— ответил Эдзел, не замедляя своей рыси.— Мне нужно поговорить об очень важном деле, покорно прошу меня принять.

— Кто вы? Как попали сюда? — голос был женский, хриплый от волнения; по-английски она говорила с акцентом.— Остановитесь, я вам говорю! Это частное владение! Посторонним вход запрещен!

— Покорно прошу меня простить, но мне в самом деле крайне необходимо, чтобы меня приняли.

— Возвращайтесь. У начала дороги вы найдете сторожку. Можете заглянуть туда, а уж оттуда сообщите мне все, что хотите сказать.

— Благодарю за любезность,— Эдзел по-прежнему не сбавлял хода,— сударыня... э... Белдэниэл. Правильно? Если не ошибаюсь, ваши партнеры еще в конторе?

— Я сказала возвращайтесь! — взвизгнула она.— Или я открою огонь! Я имею право. Я вас предупредила.

— Вообще-то мне нужен капитан Фолкейн,— сообщил Эдзел. Он был уже совсем рядом с главными воротами, внешний шлюз которых выступал из каменной стены.— Если вы будете так любезны, что сообщите ему обо мне, то, вива восе, наша дискуссия продолжится на открытом, так сказать, воздухе. Разрешите представиться. Я один из членов его экипажа. Сами понимаете, мне просто необходимо видеть его. Однако я не хотел бы вторгаться в ваш дом.

— Вы не из его экипажа! У него нет больше экипажа! Он уволился. Он же сам вам сказал об этом. Он не желает видеть вас!

— С глубочайшим сожалением вынужден сообщить, что уполномочен требовать свидания с ним.

— Но... его здесь нет. Я передам, чтобы он позвонил вам.

— Поскольку вы явно придерживаетесь ошибочного мнения о его местонахождении, сударыня, быть может, вы позволите мне осмотреть ваш замок?

— Нет! Предупреждаю в последний раз! Немедленно остановитесь или вы будете убиты!

Эдзел повиновался, но остановился, если можно так выразиться, только скафандр. Пальцы левой руки Эдзела, в которой он держал пульт управления автоматической пушкой, забегали по клавишам. На этом пульте имелся маленький телеэкран, с помощью которого пушку наводили на цель. Правой же рукой он вытащил из кобуры бластер.

— Сударыня,— сказал он,— насилие может привести к печальным последствиям. Неужели вы этого не понимаете? Я прошу вас...

— Возвратитесь! — похоже, она была на грани истерики.—

Даю вам десять секунд на то, чтобы повернуться и пойти обратно! Раз... два...

— Этого я и опасался,— вздохнул Эдзел и прыгнул — прыгнул вперед. Из пушки его трижды вырвалось пламя, повалил дым, в главные ворота замка ударила шрапнель. Все это произошло на удивление быстро,— только задрожала под ногами земля. Два тепловых луча с охранявших вход угловых башенок скрестились на том месте, где он только что стоял. Его пушечка рявкнула. Одна из башенок с грохотом обрушилась. Клубы пыли скрыли Эдзела. К тому времени, когда пыль осела, он уже успел укрыться под стеной. Внутренний шлюз представлял собой искореженную металлическую конструкцию.

— Иду внутрь,— сообщил Эдзел Чи Лан и выстрелил. Это препятствие оказалось более легким. Воздух вырвался наружу белым облачком замерзшей влаги и растворился, как туман под жарким солнцем. Эдзел очутился в гостевом зале, где все было перевернуто вверх дном. Он разглядел на стенах несколько картин; у стены возвышалась некая тяжеловесная скульптура. Ничего подобного ни картинам, ни этой статуе ему еще не доводилось видеть, но он едва уделил им внимание. Где искать Дэвида? Он осмотрелся, удивительно похожий на огромную собаку, только стальную. Из зала вели два коридора. Он заглянул прежде в один: ничего, совершенно пусто. Потом пошел в другой. Тут комнаты были обставлены мебелью, хотя нельзя сказать, чтобы ее было в избытке. Хм, строители явно рассчитывали, что со временем народу в замке поприбавится. Но откуда он возьмется? И кто это будет? Далеко Эдзелу пройти не удалось. Путь ему преградила герметическая дверца: она автоматически закрылась, как только упало давление. Скорей всего, за нею его поджидают охранники. Сама Белдэниэл наверняка сидит на видеофоне, рассказывает своим партнерам в Луноградe о вторжении. Если ван Рийну повезет, то он сможет ненадолго удержать полицию от принятия мер. Это ведь их обязанность — бороться с нарушителями права частной собственности. А он, Эдзел, именно такой нарушитель и есть. Если даже он расскажет полицейским все как на духу, они ничего не смогут сделать без ордера на обыск на руках. А пока они этот ордер получат, банда сириндипистов запросто уничтожит все доказательства пребывания Фолкейна в их замке. А если он не поторопится, это может сделать и сама Белдэниэл. Одинит вернулся в зал и снял со спины ранец. Надо придумать что-нибудь. По счастью, внутри замка стены не такие прочные, как у внешних укреплений. Надо только постараться пройти незамеченным. Эдзел расстелил на полу пластиковый пузырь, встал на него и прикрепил его края к стене. Потом включил факел-резак. Скоро в стене появилось отверстие; он подождал, пока воздух из комнаты перейдет в пузырь, и докончил операцию. Потом вынул из стены квадратную плиту, которую вырезал, и протиснулся в образовавшуюся дыру, заткнув ее за собой все тем же пузырем. Комната, где он очутился, была обставлена почти с пуританской строгостью. Эдзел

мимоходом заглянул в стенной шкаф — так, женские тряпки. Внимание его привлекли книжные полки. Названия некоторых книг были написаны символами, значения которых он не понимал. Книги же на английском языке представляли собой справочники по человеческой культуре, издаваемые для туристов-негуманоидов. А это что? Бодхисатва?! Ничего не скажешь, странные существа обитают в этом замке! Он поднял лицевой щиток, снял наушники и осторожно выглянул в коридор. Из-за угла, за которым, очевидно, находилась та самая герметическая дверца, послышались приглушенные голоса. Значит, слуги еще не закрыли свои шлемы. Представители едва затронутых цивилизацией планет, они отлично умели обращаться с самым современным оружием — даже те из них, кто не был профессиональным охранником. Эдзел крадучись направился в другую сторону. Одна комната, другая — везде пусто. К чертям собачьим! Дэвид явно где-то рядом, но где?.. Стоп! Его обостренный слух уловил впереди какие-то звуки. Эдзел прыжком заскочил в будуар и включил расположенный на внешней стороне скафандра сканнер. Мимо прошла высокая, решительная на вид женщина в комбинезоне. Лицо ее было бледным и вытянутым; она учащенно дышала. По описанию ван Рийна Эдзел узнал ее: Тея Белдэниэл. Он двинулся за ней. Обернись она — ее взору представился бы крадущийся на цыпочках дракон длиной в четыре с половиной метра. Женщина распахнула одну из дверей. Эдзел осторожно выглянул из-за косяка. Фолкейн спал, сидя в кресле, Женщина подскочила к нему и схватила за плечо.

— Проснись! — воскликнула она.— Ну проснись же!

— Чего? А-а. Чего ты? — Фолкейн пошевелился, не открывая глаз. Голос его был сонным.

— Вставай, милый. Нам надо уходить отсюда.

— Умм... — Фолкейн кое-как поднялся на ноги.

— Идем, говорю! — она дернула его за руку. Он поплелся за ней как лунатик.— Вот в этот коридор, он нас выведет на космодром. Мы с тобой немножко полетаем, милый.

Эдзел понял, что они с Чи не ошиблись. Промывка мозгов во всей ее неприглядности. Заключается она в том, что жертву погружают в бессознательное состояние, в котором он повинуется любому приказу. Для этого нужно всего лишь обработать мозг жертвы лучом энцефалодуктора и подвергнуть воздействию дозвуковой несущей волны ее на среднее ухо. Помраченное сознание не в силах сопротивляться этим импульсам. Такой человек выполнит любой приказ; если им искусно управлять, он выглядит совершенно нормальным, но по сути своей будет марионеткой. А если его не трогать после обработки, то он на этом же самом месте и останется. Со временем можно будет полностью изменить его личность.

Эдзел ступил на порог комнаты.

— Нет, это уж и в самом деле слишком! — взревел он.

Тея Белдэниэл отскочила. От вопля ее задрожали стены.

Фолкейн стоял сгорбившись. В коридоре раздались ответные крики. Перестарался, подумал Эдзел, пожалуй, уже ничего не исправишь. Сейчас прибегут охранники, а с ними со всеми мне не совладать. Надо сматывать удочки, пока есть возможность. Но как же приказ ван Рийна? Эдзел вспомнил слова хозяина: «Снимешь нашего молодого человека на пленку, возьмешь у него на анализ кровь и слюну. Это прежде всего. Пока этого не сделаешь, никакой самодеятельности!» Одинит подумал, что в подобной ситуации заниматься такими вещами просто нелепо.

Но редко когда приказы ван Рийна бывали столь категоричными. Эдзел решил подчиниться.

— Извините, пожалуйста,— он отодвинул хвостом все еще вопившую женщину в сторону и аккуратно прижал ее к стене. Поставив на стол камеру, он направил ее на Фолкейна и включил запись, а сам тем временем подступил со шприцем и заборником в руке к тому, кто когда-то был его товарищем (и снова им будет, черт побери, или достойно погибнет!). Успокоенный этой мыслью, Эдзел проделал всю операцию за несколько секунд. Затем сунул пробирки с анализом в мешочек, подобрал камеру и взял Фолкейна на руки. У двери он столкнулся с дюжиной охранников. Ему пришлось прикрывать человека собственным телом, поэтому он не смог стрелять, но пробился сквозь них, мимоходом зацепив двоих хвостом. Вокруг него бушевал огненный шквал; о скафандр ударялись пули. Некоторые из них проникли внутрь — не причинив, впрочем, особого вреда; шкура у Эдзела была крепкая, а скафандр он себе выбрал самозатягивающийся. Одинит галопом промчался по коридору и выскочил в проход, который вел наверх. Но погоня была близко. Против гранат или мини-пушек ему долго не устоять. Фолкейна-то уж точно разорвет на куски. Нет, прочь отсюда, и как можно скорее! Вверх, вверх, вверх... Наконец Эдзел очутился в пустынной и гулкой комнате наверху. За окнами была Луна, дикая и неприветливая. Как видно, в замке еще не все потеряли голову. Кто-то догадался связаться с патрулями: их боты уже появились на горизонте. Издалека орудия на них казались крошечными, но Эдзелу как-то не хотелось проверять на себе их действие. Он положил Фолкейна у стены. Затем осторожно проделал в окне дырку и просунул сквозь нее антенну своего передатчика. Связь с Чи он потерял уже давно, поэтому ему пришлось расширить диапазон поиска и добавить мощность.

— Прием, прием. Эдзел вызывает корабль. Чи, ты там?

— Нет,— в голосе ее слышались и насмешка, и сдерживаемые рыдания.— Нет, я на Марсе. Вступила в Вязальное общество милых старушек — любительниц казней. Что ты натворил на этот раз, горе мое луковое?

Эдзел, сверившись с фотографиями замка снаружи (в свое время их много было опубликовано) и припомнив наставления ван Рийна, уже определил, где они находятся.

— Мы с Дэвидом на верху Башни Храпящей Красави-

цы. Ему действительно промыли мозги. По моим подсчетам, нас атакуют снизу, из коридора, через пять минут. А если они решат пожертвовать этой частью своей крепости, то их флиттеры разнесут башню и нас вместе с ней минуты через три. Ты не могла бы забрать нас пораньше?

— Я уже на полпути к вам, идиот! Держи связь!

— Помни наш уговор, Эдзел,— вмешался ван Рийн.— Чи забирает Фолкейна, а ты остаешься.

— Уговор был, если будет возможно,— вспыхнула Чи.— Так что заткнись!

— Я вот тебе заткнусь,— произнес ван Рийн негромко.— Узнаешь, где раки зимуют.

Эдзел убрал антенну и заделал дырку в окне герметичной прокладкой. Немного воздуха все-таки вышло. Он наклонился над Фолкейном.

— Я захватил для тебя скафандр,— сказал он.— Ты сможешь в него влезть?

Затуманенные глаза Фолкейна бессмысленно уставились на него. Эдзел вздохнул. Из коридора послышались яростные вопли. Пушкой ему воспользоваться не удастся: помещение слишком мало, а Фолкейн совершенно беззащитен. Враг напирает, и патрули эти — вьются как осы. В этот миг с неба коршуном слетел «Бедолага». Конструкция звездолета позволяла в случае надобности превратить его в боевой корабль. Чи Лан не собиралась миндальничать. На мгновение Солнце как будто померкло. Расплавленные патрульные боты рухнули на горы. Звездолет, удерживаемый гравиполем, замер рядом со сторожевой башенкой у ворот. Чи не стала пробиваться внутрь замка, опасаясь подвергнуть тех, кто внутри, действию жесткой радиации. Вместо этого она просто раздвинула стены башни гравилучом. Моментально весь воздух испарился. Эдзел рывком опустил лицевой щиток. Он выстрелил из бластера в коридор, чтобы попугать слуг, и подхватил Фолкейна на руки. Тот по-прежнему был без скафандра и уже потерял сознание. Из ноздрей его сочилась кровь. Но мгновенный переход к вакууму не очень опасен: ловцам жемчуга достается куда сильнее. Да и нет такой жидкости, что закипала бы сразу. Эдзел понес Фолкейна к раскрытому воздушному шлюзу. Луч подхватил тело человека и увлек в корпус корабля. Клапан за спиной Эдзела защелкнулся. Одинит прыгнул. Луч подхватил его и притянул к звездолету. «Бедолага» постепенно набирал высоту. Горы и замок становились все меньше. Эдзел, который никак не мог прийти в себя, понял вдруг, что слышит в наушниках разговор ван Рийна с Чи Лан.

— Высадишь его там, где я тебе сказал. Моя яхта подберет его через пять минут, и мы вместе доберемся до Луноградa. А ты, ты полетишь, куда скажет Фолкейн. Думаю, он в состоянии сообщить хотя бы направление.

— Эй, подождите! — запротестовала цинтианка.— У нас с вами об этом и речи не было.

— У нас что, было время гадать на кофейной гуще? От-

куда я знал, получится у Эдзела или нет? Конечно, я надеялся, что получится, но наверняка-то не знал. Так что вот, давай действуй.

— Слушай, ты, жирный пират, мой товарищ лежит без сознания! Если ты хоть на долю секунды подумал, что он может отправиться куда-нибудь еще, кроме госпиталя, я предлагаю тебе постучаться своей идиотской — да-да, идиотской! — башкой о что-нибудь твердое, и...

— Эй, мой мохнатый друг, полегче на поворотах! Из того, что ты мне рассказала, следует, что ты вполне сможешь поставить его на ноги по дороге. Мы ведь снабдили тебя всеми инструментами и инструкцией, как сделать промытые мозги снова немытыми. А стоило это столько, что у тебя вся шерсть повыпадала бы, назови я сумму. Теперь слушай. Дело серьезное. «Сириндипити» играет ва-банк. Нам придется делать то же самое.

— Я люблю деньги не меньше твоего,— отозвалась Чи неожиданно тихо.— Но ведь есть и другие ценности.

— Ага-ага.— У Эдзела закружилась голова. Он закрыл глаза и представил себе сидящего у передатчика ван Рийна: трубка в одной руке, подбородок покачивается вверх-вниз, когда он говорит:

— За ними-то как раз «Сириндипити» и охотится. Дело тут не в деньгах. Подумай хорошенько, Чи Лан. Знаешь, что я вывел из фактов? Что Дэви Фолкейна в самом деле нашпиговали наркотиками. А почему я об этом догадался, знаешь? Причин тут несколько... Ну, не мог он вот так, с бухты барахты, порвать со мной... Но главное не это, главное вот что: чтобы бросить такую телку, как Вероника, ради Северного Полюса вроде Теи Белдэниэл, человек должен быть просто сумасшедшим. А особенно Фолкейн — пусть даже Вероника была для него очередной интрижкой. Это не по-человечески, понимаешь? Так что было ясно, что его чем-то накачали. Но что из этого следует? А вот что: «Сириндипити» пошла на нарушение ковенанта Галактической Политехнической Лиги. Понятно, они отважились на такое дело не просто так — должно быть, оно того стоит. Понимаешь, стоит даже конца «Сириндипити» как фирмы — уж от этого-то им никуда не деться! А отсюда что следует, моя маленькая задира? Да всего лишь то, что речь идет уже не о деньгах! Потому что, когда нужны деньги, играют по правилам: нет смысла действовать наперекор, если хочешь стать классным игроком. Однако есть и другие игры — в войну, во власть, далеко не такие приятные, как первая. Лиге известно наверняка, что промышленным шпионажем «Сириндипити» не занимается. Тогда что здесь? А если предположить, что существует некто, совсем посторонний, совсем чуждый нашей цивилизации — некто неизвестный и, может быть, вполне может быть, враждебный нам? Как тебе?

Эдзел с шумом втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

— Времени на болтовню у нас нет,— продолжал ван Рийн.— Связной корабль их вылетел две недели назад. По крайней мере так говорится в отчете Службы контроля полетов: вылетел

две недели назад, экипаж — два человека из владельцев фирмы. Быть может, вам еще удастся их догнать. Во всяком случае вы с Фолкейном пока единственные в Солнечной системе, кто может это сделать. Но задержись вы тут всего лишь на какой-то там паршивый часочек, и полиция вцепится в вас мертвой хваткой и задержит вас как свидетелей. Так что летите, пока можете. На досуге займись нашим другом. Узнай у него все, что можешь, и сообщи мне, сама или через робокурьера, а хочешь, почтовым голубем. Да, мы рискуем, но, может быть, оно того стоит. Быть может, это сохранит нам жизнь или свободу. Поняла?

— Да,— отозвалась Чи тихо после долгой паузы. Звездолет оставил позади горы и шел на снижение. Впереди, освещенное лучами низко стоящего над горизонтом Солнца, виднелось Море Холода.— Но ведь у нас экипаж. Я имею в виду Эдзела...

— Он лететь не может,— ответил ван Рийн.— Мы ведь сами только что нарушили и ковенант, и законы планеты. Ты должна лететь с Фолкейном, потому что он, а не Эдзел, специалист по инопланетным культурам. В «Сириндипити» умные люди; здесь, на Луне, они будут сражаться отчаянно. Мне нужны доказательства того, что они сделали. Конечно, хорошо бы оставить и Фолкейна, но как-нибудь обойдемся. Эдзел был в замке. И вид у него что надо, внушительный.

— Ну что ж,— печально произнесла Чи,— раз так... Я этого не ожидала.

— Разве жить,— заявил ван Рийн,— не значит удивляться снова и снова?

Корабль сел. Чи выключила гравилуч, и Эдзел упал на застывший лавовый поток.

— Прощай,— сказала Чи.

Он был слишком расстроен, чтобы произнести в ответ нечто членораздельное. Корабль взмыл в небо. Эдзел следил за ним, пока он не затерялся среди звезд. Вскоре появилась яхта ван Рийна; все дальнейшее Эдзел воспринимал как сквозь сон. Его взяли на борт, сняли скафандр. Ван Рийн тут же ухватился за добытые им в замке материалы. Потом они приземлились в космопорте Лунограда. Эдзел едва слышал яростные крики своего хозяина, он хотел только спать, спать, спать... И только тут его арестовали и отвезли в тюрьму.

Из динамика раздался голос:

— Сэр, основной объект наблюдения только что позвонил в контору Мендеса. Он требует немедленной встречи с вами.

— Я именно этого и ждал,— удовлетворенно заметил Эдвард Гарвер.— Причем я угадал даже время! — Он потер подбородок.— Соедините меня с ним.

Эд Гарвер не вышел ростом, однако строгая серая туника придавала ему внушительность. Волосы у него были редкие, лицо напоминало собачью морду. Различные технические устройства не просто окружали его, как любого другого чиновника,—

нет, они словно охраняли его. Стены комнаты увешаны были фотографиями, на которых Гарвер обменивался рукопожатиями с несколькими сменившими друг друга премьер-министрами Галактического Содружества, президентами Лунной Федерации и другими высокопоставленными лицами. На рабочем же столе не было никаких лишних предметов, никаких безделушек (жениться Гарвер так и не собрался). Получивший приказ Гарвера компьютер преобразовал его в сигнал и передал дальше, на трансмиттер, расположенный на гребне Коперника, в тени которого укрылся Луноград. Оттуда луч мазера достиг искусственного спутника Луны, отразился от него и, мгновенно преодолев громадное расстояние, дотянулся до приемника, находящегося у подножия Платона. Преобразованный снова, он поступил в другой компьютер, и на этом его скитания завершились. Вся операция заняла лишь несколько миллисекунд: деловые люди, у которых была на счету каждая минута, не собирались ждать дольше. На экране видеофона Гарвера появилось мужское лицо, широкое, с усами и козлиной бородкой. Узкие блестящие глаза, мясистый нос, прическа, которая была в моде лет так сорок назад.

— Великое небо! — воскликнул Николас ван Рийн.— Мне нужен Фернандо Мендес, шеф полиции Лунограда. А ты откуда там взялся? Что, скучновато стало в столице?

— Я по-прежнему в ней нахожусь,— отозвался Гарвер.— Вас соединили со мной по моему приказу.

Ван Рийн побагровел.

— Так это по твоему идиотскому распоряжению арестовали моего человека Эдзела?

— Ваше чудовище Эдзела,— поправил его Гарвер.

— Что ты знаешь о чудовищах, ты?! — рявкнул ван Рийн.— Да если хочешь знать, тебе до Эдзела как клопу до медведя, хоть ты и человек, черт бы тебя побрал!

Директор Федерального центра контроля за безопасностью и соблюдением законов подавил гнев.

— Следите за своим языком,— сказал он.— Вы сейчас не в том положении.

— Положение у нас нормальное. Мы ведь только оборонялись. И потом, какое до этого дело тебе? Что, местная полиция сама не разберется? — ван Рийн попытался изобразить обиду.— Возвращаемся, понимаешь, садимся, собираемся с Эдзелом идти к Мендесу жаловаться — и вдруг, на тебе! Его хватают и уводят из космопорта под конвоем! Хотел бы я знать, по чьему приказу?

— По моему,— ответил Гарвер.— Мне не хватило немногих фактов, чтобы задержать и вас, мастер. Но я надеюсь, это дело поправимое. Я прибуду в Луноград и лично этим займусь. Считайте, что вы предупреждены. Если вы покинете Луну, я буду рассматривать это как прямое доказательство вашей вины. Скорей всего, мне не удастся вытащить вас с Земли или куда еще вы там удерете, но я наложу арест на все здешнее имущество вашей компании Специй и Спиртных напитков, вплоть до последнего литра водки! И пока ваш Эдзел

сидит у нас, никуда вы, ван Рийн, не денетесь! Да и сообщникам его не поздоровится, если только они осмелятся вернуться.— Гарвер подался вперед.— Я долго ждал,— продолжал он,— несколько лет. Я следил, как вы и ваши дружки-плутократы из Лиги плюете на закон — интригуете, даете взятки, принуждаете, подкупаете, обделываете свои делишки, создаете по собственному усмотрению экономику, сражаетесь между собой, словом, ведете себя как бароны империи. Хотя она и не существует на бумаге, но подчинила себе весь мир, возвращает нас к самому дикому феодализму и капитализму! Та свобода, о которой вы столько шумели, право на которую по вашему настоянию занесено в Конституцию,— это ведь всего лишь лицензия! Лицензия на грех, лицензия на порок! А ваша Лига имеет с этого бешеные деньги! Ваши аферы за пределами Содружества я вряд ли смогу раскрыть. Вы слишком хорошо заметали за собой следы — везде, кроме Луны. Отсюда ниточка и потянется. Если мне удастся справиться с Лигой здесь, я умру счастливым, зная, что заложил основы для возникновения более достойного общества. А вы, ван Рийн,— вы начало начал. Наконец-то вы зашли слишком далеко. На этот раз вы попались! — Гарвер, тяжело дыша, откинулся на спинку кресла.

Торговец ни разу не попытался возразить. Время от времени он открывал свою табакерку, брал из нее понюшку табаку, чихал. Потом принялся мять кружевное жабо. Когда Гарвер кончил, он вкрадчиво — с мягкостью цунами, встреченной посреди океана,— произнес:

— Ну что ж, расскажи-ка мне, что ж я такого натворил. В Писании сказано, что грешнику свойственно ошибаться. Может, мы с тобой обнаружим, в чем же я ошибся.

Гарвер уже успокоился.

— Идет,— сказал он.— Так и быть, доставлю себе удовольствие — лично сообщу вам, что против вас имеется. Начав вести наблюдение за деятельностью Лиги, я сразу же распорядился, чтобы меня немедленно извещали о любых необычных ситуациях. Примерно с неделю назад этот ваш Эдзел в паре с кем-то там еще — ах, да, Чи Лан с Цинтии — обратился в полицию и потребовал произвести обыск у владельцев информационной брокерской фирмы «Сириндипити». Эти двое заявили, что их капитана Дэвида Фолкейна держат в заключении в альпийском замке, который является резиденцией владельцев «СИ», и что его подвергли промывке мозгов. Естественно, им отказали. Да, эти люди из «СИ» в самом деле ведут себя довольно таинственно. Но ведь вы же сами, вы, капиталисты, фетишизировали право частной собственности! Кроме того, эта фирма, единственная из членов Лиги, никогда не нарушала закона. Она всего лишь тихо-мирно собирала себе данные и раздавала советы. Меня это обращение в полицию насторожило. Зная, что представляют собой ваши головорезы, я понял, что можно ожидать чего угодно. Я предупредил владельцев «СИ» и сказал им, чтобы они связались со мной, как только что-нибудь заподозрят. Я предложил им охрану, но

они заявили, что справятся сами.— Гарвер снова начал раздражаться.— Вот еще одно из зол, которое принесла с собой ваша Лига! Если в законе — в законе! — сказано, что человек может хранить у себя дома оружие и применять его, когда сочтет нужным!.. Вы называете это самозащитой! — Он вздохнул.— Должен признать, что «СИ» никогда этим не злоупотребляла.

— А про Фолкейна они тебе рассказывали? — поинтересовался ван Рийн.

— Да. Вообще-то, я сам разговаривал с ним по видеофону. Он сказал, что хочет жениться на сударыне Белдэниэл и работать в ее фирме. Да, конечно, его могли накачать наркотиками. Но я же не знаю, как он обычно себя ведет. Да мне это и ни к чему. Мне представляется гораздо более правдоподобной следующая версия: вы хотели скоренько вытащить его оттуда, чтобы он не успел посвятить своих новых друзей в ваши мерзкие секреты!

Ван Рийн молча слушал, только лицо его сделалось пунцовым.

— Итак,— Гарвер сцепил пальцы и ухмыльнулся.— Сегодня, часа три назад, со мной из конторы «СИ» связался мастер Ким. Ему позвонила сударыня Белдэниэл. Он сообщил мне, что у ворот замка появился одинит в космическом скафандре — я сразу понял, что это Эдзел,— и потребовал свидания с Фолкейном. Когда ему было в этом отказано, он ворвался внутрь и начал там бесчинствовать. Я приказал шефу Мендесу отправить туда полицейский отряд особого назначения. Он ответил мне, что в городе вспыхнуло восстание — по крайней мере, на улицах идет драка, и что начали ее ваши люди, ван Рийн, на вашем складе. Только не убеждайте меня, что это случайное совпадение!

— Но так оно и есть,— сказал ван Рийн.— Спросите у моих ребят: это такие паршивцы! Я их накажу.

— А когда они выйдут из тюрьмы, вы их вознаградите солидными премиями.

— Надо же будет их как-то утешить. Сердце-то у меня не камень. Ну ладно, директор. Что дальше?

Теперь уже побагровел Гарвер.

— Затем я потратил целый час на какой-то совершенно нелепый судебный запрет. Тоже ваши штучки? Ничего, разберемся и с этим. После этого я смог направить к замку часть своих людей. Но они прибыли туда слишком поздно. Эдзел уже захватил Фолкейна. Закон уже был нарушен.— Он снова овладел собой, по крайней мере внешне.— Вам нужны факты других нарушений,— продолжал он.— Пожалуйста. К башне, в которой находился Эдзел, приблизились на своих ботах патрульные «СИ». И тут с неба свалился звездолет. Да, звездолет, хорошо вооруженный, явно поддерживавший связь с этим вашим драконом. Он уничтожил боты, разрушил башню, а потом улетел. Фолкейн исчез вместе с ним. Отсюда я делаю вывод, что на корабле была Чи Лан. А сам звездолет — тот самый,

который они обычно используют и который улетел из космопорта Лунограда в неизвестном направлении несколько стандартных дней тому назад. Согласитесь, это очевидно. Но Эдзелу удрать не удалось. Наверно, он радировал вам, чтобы вы его подобрали, и вы это сделали и привезли его обратно в город. Отсюда следует, что вы тоже замешаны в этом деле, ван Рийн. Я знаю, сколько адвокатов у вас на содержании, а потому хочу собрать еще немного улик против вас. Я их добуду и я вас арестую!

— Интересно, за что? — равнодушно поинтересовался собеседник Гарвера.

— За многое. Полагаю, владельцам «Сириндипити», сударыне Белдэниэл и слугам из замка найдется, что сказать. За шантаж. За нанесение увечий. За вторжение в частное владение, устройство беспорядков, киднаппинг, убийство...

— Эй, жеребчик, не торопись! Эдзел сказал мне, что, пожалуй, задел мельком парочку охранников. Но он буддист и потому смотрел, чтобы никого не убить. Эта башенка, которую он сшиб, когда входил, она ведь стандартная, с дистанционным управлением.

— Про патрульные боты не скажешь. Тепловые лучи уничтожили их штук шесть. Да, конечно, пилоты, как и слуги замка, не гуманоиды и не являются жителями города. Но они же живые существа! Их смерть в данной ситуации будет считаться насильственной. Кроме того, вам можно также предъявить обвинение в тайном сговоре и...

— Хватит,— прервал его ван Рийн.— По-моему, ты не особенно нас любишь. Когда тебя ждать?

— Я прилечу, как только наведу порядок здесь. Через несколько часов.— Гарвер натянуто улыбнулся.— Может, вы мне сейчас признаетесь? У нас будет меньше забот, а вы облегчите себе участь.

— Нет. Мне не в чем признаваться. Это какая-то ужасная ошибка. Ты совершенно не разобрался в ситуации. Эдзел кроток как ребенок — правда, я знал нескольких детишек, с которыми лучше было не связываться. А что до меня, то я старый бедный одинокий толстяк, которому всего-то и нужно накопить немножко деньжонок, чтобы не кончить жизнь под забором.

— Заткнись! — не выдержал Гарвер и потянулся к выключателю.

— Подождите! — воскликнул ван Рийн.— Ну и каша заварилась! Придется мне ее расхлебывать, потому как я добрый христианин, который изо всех сил старается возлюбить ближнего своего, который не даст тебе сесть в лужу и не допустит, чтобы над тобой смеялись, хотя ты того и заслуживаешь. Я поговорю с Эдзелом, свяжусь до твоего прибытия с «Сириндипити». Может, нам тут удастся разобраться с дровами, которые ты наломал.

Гарвер скривился.

— Я вас предупредил,— сказал он.— Если только я узнаю, что вы угрожали, шантажировали, давали взятки...

— Обзываешься,— укоризненно произнес ван Рийн,— оскорбляешь... Ну что ж, я твою похабщину слушать не собираюсь. Счастливо оставаться, дурья твоя башка.

Луна была одним из узловых центров системы межпланетного сообщения. Поэтому тюрьмы в ее городах строились с таким расчетом, чтобы за решетку можно было посадить кого угодно. Эдзел вынужден был признать, что освещение, температура, влажность, давление и сила тяжести в его камере значительно больше подходят ему, чем земные условия, хотя он вполне сносно чувствовал себя и на Земле. Вот только пища подкачала: ему подсунули какое-то вязкое пойло, которое, как говорилось в некой книжонке, было любимым лакомством одинитов. Еще сильнее Эдзел страдал от невозможности вытянуть хвост, не говоря уже о том, чтобы позаниматься. Кто может его выручить? Представители его народа редко покидали свою планету, поскольку были большей частью простыми охотниками. Так что надежды встретить сородича, который бы ему помог, почти, пожалуй, и нет. Когда Эдзела привели в тюрьму под конвоем полицейских, всю дорогу почтительно на него поглядывавших, начальник тюрьмы разинул рот.

— Аллах всемогущий! Ну, и куда нам прикажете поместить эту тушу, среднее между кентавром и крокодилом? Все большие камеры уже заняты: черт бы побрал эту конференцию фантастов!

Отсюда понятно, почему Эдзел так ласково обошелся с сержантом, который, несколько часов спустя, сообщил ему по видеофону:

— Тут... э, ваш полномочный представитель. Хочет с вами встретиться. Вы как?

— Конечно. Давно пора! К вам у меня претензий нет, офицер,— поторопился добавить заключенный.— Ваши парни обращались со мной весьма корректно. Если я правильно понял, для вас ваша служба все равно, что для меня — колесо Кармы.

Сержант поторопился отключиться. На экране появилось лицо ван Рийна. Сначала изображение было слишком ярким, но постепенно все вошло в норму. Эдзел изумился.

— Но... но я ждал адвоката,— выдавил он.

— Некогда,— отмахнулся босс.— Дело такое, что чем тише едешь, тем тебе же хуже. Твоя задача — держать язык за зубами! Ни полсловечка! Я запрещаю тебе даже утверждать, что ты невиновен. Молчи, и все. Пока у них нет права тебя допрашивать. Если им приспичит узнать, что на улице, день или ночь, пусть сами сбегают и посмотрят!

— Но что я буду делать в этой конуре? — взмолился Эдзел.

— Сидеть. Бездельничать. Качать из меня деньги. А я тем временем буду обивать пороги, пока мои бедные старые ноги не сотру до колен. Только представь,— воскликнул ван Рийн патетически,— я уже целый час никак не могу промочить горло! И похоже на то, что останусь без ленча. А сегодня на ленч

должны быть лимфбордские устрицы, фаршированные тихоокеанские крабы а-ля...

Эдзел не выдержал. Стены камеры задрожали, когда он пошевелился.

— Но мне здесь не место! — возопил он.— Мои показания...

— Тихо! — гаркнул ван Рийн так, что Эдзел сразу затих.— А ну заткнись! Хватит! — Потом заговорил обычным тоном: — Мне сказали, что этот канал не прослушивается, но черт его знает — от Гарвера можно ожидать чего угодно. Надо попридержать наши козыри, понимаешь? А в последний момент мы их выбросим — как Гэбриэл. Козыри. Гэбриэл. Понял? Ха!

— Ха,— медленно произнес Эдзел,— ха.

— Чудак, ты же можешь без помех медитировать, закалять, так сказать, свой аскетизм! Я тебе просто завидую. Я бы даже хотел оказаться на твоем месте. Ну ладно, сиди. Я отправляюсь в «Сириндипити». До скорого.— Ван Рийн исчез.

Эдзел долго лежал не шевелясь. Но у меня же были доказательства, думал он, ошеломленный всем случившимся. Те пленки, те анализы, которые я взял у Дэвида в замке... как мне и было приказано... доказательства того, что ему в самом деле промыли мозги. Я передал все материалы Старому Нику, когда он попросил. Это было перед посадкой. Я так думал, что он найдет им лучшее применение. Ведь они оправдывают все мои действия. Люди ведь испытывают панический ужас, даже когда просто слышат о насилии над личностью. А тут у меня в руках были прямые доказательства! Но он — мой хозяин, которому я доверял,— даже не обмолвился о них! Когда Чи Лан и выздоровевший Фолкейн возвратятся, от них потребуют свидетельских показаний. Но без физических доказательств, которые добыл он, Эдзел, их словам вполне могут не поверить, пускай даже они будут утверждать то же самое и под воздействием какого-нибудь гипноза. В общем, ситуация, — хуже некуда. Как не верти, а от того факта, что в схватке были убиты несколько разумных существ, никуда не деться. (Откровенно говоря, Эдзел особых угрызений совести не испытывал, хотя в сравнении с каким-нибудь там жителем одного из беспокойных приграничных районов мог считаться чуть ли не невинным младенцем. Это ведь была пусть маленькая, но война, то есть способ разрешения конфликта, который иногда считался приемлемым. Нападение на вооруженных до зубов охранников, защищавших похитителей твоего товарища, выглядело бы тогда сущей ерундой в сравнении с освобождением его из плена. Но вся беда заключалась в том, что по законам Содружества войны между частными лицами или фирмами не допускались.) Правда, возможность, что власти посмотрят на это нападение сквозь пальцы, пока не исключена,— но только если им предъявят доказательства промывки мозгов. И если Чи Лан с Фолкейном вернутся и расскажут, как все было. А не вернуться они могут очень запросто. Ведь эти неизвестные, для которых старалась «Сириндипити», вполне

могут убить их. Почему ван Рийн не позволил мне улететь вместе с ними? Почему, почему, почему?... Раз уж он остался один, его могли бы и отпустить на поруки. Тогда стало бы ясно, что его нападение на замок, пусть и незаконное, не было беспричинным. Тогда «Сириндипити» рухнула бы — ибо клиенты наверняка перестали бы доверять этой фирме. А вместо этого ван Рийн скрывает доказательства и отправляется торговаться с похитителями Фолкейна!

В крошечной камере Эдзелу было не по себе. На звездолете места немногим больше, но зато там знаешь, что тебя окружают звезды. А здесь — стены, за ними другие, за другими третьи, и так до бесконечности. О вы, буйные пираты Зарлаха! О, гулкий топот копыт, свежий ветер, горы в призрачно-голубой дымке! О, костры на вечерней заре! Древние песни, древние танцы, родство душ, что сильнее кровного родства! Дом — это свобода. Корабли, дальние странствия, новые планеты, веселый смех. Свобода — это дом. Неужели ван Рийн продаст меня? Неужели я позволю ему сделать это?

Пыхтя как древний паровоз, Николас ван Рийн ворвался в помещение, где располагалась дирекция «Сириндипити». Ему уже приходилось иметь дело с этой фирмой. Но тут он не бывал никогда и не слышал, чтобы сюда был разрешен доступ кому-либо еще, кроме владельцев «СИ». Если не считать размеров помещения, то все здесь было точно так же, как и в консультационных офисах фирмы. То же холодное сочетание тех же дорогих отделочных материалов, тот же яркий свет, исходящий от флуоропанелей. Правда, здесь имелся большой круглый стол, вокруг которого могли усесться несколько человек: на нем громоздились различные переговорные и вычислительные устройства. Жарковато у них тут, пожалуй, подумал ван Рийн. Владельцы «Си» — те из них, кто остался на Луне,— выстроились по ту сторону стола. Прямо напротив ван Рийна с безучастным видом стоял Ким Юн Кун. Его мнимое равнодушие, равно как и напускное безразличие Анастасии Герреры и Евы Латимер, не могли обмануть торговца. Тея Белдэниэл, несмотря на темные круги вокруг глаз, заострившиеся черты лица и дрожащие руки, все-таки не очень напоминала женщину, в замок которой всего лишь несколько часов назад ворвался дракон. Ван Рийн остановился. Внимание его привлекли двое притулившихся к стене существ: двуногие, четверорукие, хвостатые, покрытые серым мехом, одетые в одинаковые кольчуги и вооруженные современными бластерами. Желтые глаза, сверкавшие из-под напоминавших рога костяных выростов, придавали их грубым лицам злобное выражение.

— Зачем вы притащили сюда этих головорезов с Горзуна? — поинтересовался он. Полы плаща его распахнулись, когда он широко развел руки, а потом положил их на свои лилового цвета кюлоты в обтяжку.— Оружия у меня при себе нет. Я пришел к вам один, невинный, как голубь мира. Разве таких голубей опасаются?

— Полковник Мелкарш командует патрулями, охраняющими наш замок снаружи,— ответил Ким.— Капитану Уругу подчиняется охрана внутри замка и, следовательно, все слуги. Они представляют здесь своих подчиненных, с которыми так жестоко обошлись ваши агенты.

Ван Рийн кивнул. Да, так можно хранить тайны: нанимать к себе на службу варваров-негуманоидов. Они будут заниматься только своим делом и больше никуда не лезть. Будут держаться друг друга, не вступая в контакты с чужими и не выбалтывая им никаких секретов, а по окончании контракта отправятся домой и исчезнут, канут в безвестность на своих редко посещаемых планетах. Но, принимая таких существ на службу, приходится учитывать их обычаи. Ситуруши с Горзуна — прекрасные воины, чересчур, быть может, жестокие; офицеры и солдаты их армии связаны обетом верности друг другу.

— Ладно,— сказал торговец,— может, оно и лучше. Ну что ж, значит; присутствуют все, кого это дело касается.— Он сел, достал сигару и откусил ее кончик.

— Вам, кажется, не предлагали курить,— холодно заметила Анастасия Геррера.

— Ну и что? Я же знаю, что вы просто не успели.— Ван Рийн закурил, откинулся на спинку кресла, скрестил ноги и выпустил изо рта голубое облако дыма.— Я рад, что вы согласились встретиться со мной в непринужденной, так сказать, обстановке. Я бы, конечно, мог заглянуть к вам домой, если бы вы меня пригласили. Но, по-моему, здесь лучше, а? Там полно полицейских, которые только и делают, что с умным видом болтаются под ногами. А это помещение — единственное, пожалуй, в Луноградe, где мы можем быть уверенными, что нас не подслушивают.

Мелкарш глухо заворчал. Наверно, он немножко понимал английский. Ким сказал:

— Мы согласились принять вас, мастер ван Рийн, но не испытывать свое терпение. Если мы о чем-либо и договоримся, то только на наших условиях. И еще: даже если вы окажете нам полное содействие, мы не можем гарантировать, что действия ваших агентов останутся безнаказанными.

Брови посетителя, словно черные гусеницы, поползли вверх по покатому лбу.

— Я не ослышался? — он приставил руку к уху.— Быть может, несмотря на кучу денег, что я плачу врачам, быть может, я оглох от старости? Надеюсь, вы еще не сошли с ума? Надеюсь, вы понимаете, что я затеял всю эту трепотню вовсе не ради себя, а ради вас? Что я не хочу прихлопнуть вас? Ну да ладно, не будем ходить вокруг да около.— Он достал из внутреннего кармана жилета плотный конверт и бросил его на стол.— Полюбуйтесь. Это, разумеется, копия. Оригиналы я оставил в другом месте; если я через пару часов не вернусь, то они будут отправлены в полицию. А вот биологические анализы. Доказать, что они взяты у Фолкейна, будет весьма просто, поскольку в медкарте на Земле имеется хромосомный набор. Радиоизотоп-

ный тест подтвердит, что анализы были взяты лишь несколько часов назад.

Партнеры молча принялись разглядывать фотографии, тишина в комнате стала как будто еще напряженнее. Мелкарш зарычал было и сделал шаг вперед, но Уругу остановил его. Взгляды их не обещали гостю ничего хорошего.

— Вы промыли Фолкейну мозги,— сказал ван Рийн. Он погрозил пальцем.— Ой, как нехорошо. Неважно, может, мы в чем-то и виноваты, но уж вас полиция после того, как получит все это, проверит от и до. Неважно, что станется потом с вами лично, но с «Сириндипити» будет покончено. Достаточно лишь подозрения, что вы действовали вовсе не так, как представлялось — и вы лишитесь и денег, и клиентов.

Лица владельцев «СИ» оставались непроницаемыми. Но Тея Белдэниэл еще не совсем овладела собой: во взгляде ее промелькнуло страдание.

— Мы не...— выдавила она со всхлипом, потом поправилась: — Да. Но я... мы... не хотели, чтобы он пострадал. У нас просто не было выбора.

Ким жестом заставил ее замолчать.

— У вас как будто есть причина, по которой вы не хотели бы передавать этот материал следствию,— медленно произнес он, подчеркивая каждое слово.

— Ага-ага,— отозвался ван Рийн.— Мой паренек вроде бы пострадал не очень сильно. К тому же, «Сириндипити» сослужила хорошую службу Галактической Лиге. Так что я на вас не очень сержусь и постараюсь помочь, чем смогу. Конечно, только легким испугом вы не отделаетесь. Это невозможно. Однако ведь вы сами впутали в это дело полицию, а отнюдь не я.

— Я не признаю за собой никакой вины,— заявил Ким поспешно.— Наше дело не имеет ничего общего с вашими грязными деньгами.— Глаза его метали молнии.

— Как же, как же. Ваши боссы — они где-то в космосе и совсем не похожи на нас. Именно поэтому мы не можем позволить вам продолжать работу, ибо вы — шпионы, а может, и саботажники. Но я люблю ближнего своего и потому хочу помочь вам избежать пагубных последствий вашей же собственной глупости. Начнем с того, что отзовем собак закона. Как только их большие вонючие зубы оторвутся от нашего куска...

— Вы считаете, их можно еще... отозвать? — прошептала Тея Белдэниэл.

— Пожалуй, да, если вы мне в этом поможете. В конце концов, эти ваши охранники в замке — Эдзел ведь всего лишь сломал пару-тройку костей да наставил синяков. Это все можно уладить, так сказать, полюбовно, безо всякой полицейской шушеры,— ван Рийн с задумчивым видом выпустил изо рта кольцо дыма.— Платите вы. Теперь насчет этих патрульных ботов, которые якобы расплавились. Кто может подтвердить, что их уничтожил звездолет? Если мы...

Мелкарш стряхнул с плеча руку товарища и, потрясая

в воздухе всеми четырьмя кулаками, завопил на искаженном почти до неузнаваемости латинском — общем языке Лиги:

Чтоб тебя сожрал самый мерзкий демон! Почему мои солдаты должны оставаться неотмщенными?

О, ты сможешь передать их родичам виру,— обнадежил его ван Рийн.— Глядишь, и тебе что-нибудь перепадет. Ты ведь не против, а?

— По-твоему, все на свете продается? — возразил Мелкарш.— Может, и все, но только не честь! Знай, я сам видел этот звездолет, как он сжег боты; я просто не успел вмешаться. Но я заметил, что это был один из твоих кораблей, и я так и скажу на суде!

— Ну-ну,— улыбнулся ван Рийн.— Тебя же никто не просит лжесвидетельствовать. Ты просто промолчишь; другими словами, не будешь кричать на всю округу, что что-то видел, и спрашивать тебя тоже никто не будет. А если еще учесть, что твои хозяева собираются скоро отправить тебя домой — на первом же корабле, который туда полетит, быть может, это будет один из моих звездолетов — и выплатить тебе всю причитающуюся по контракту сумму плюс премию, то вообще... — Он добродушно кивнул Уругу.— Разумеется, друг мой, то же самое относится и к тебе. Ну разве не шикарные у вас хозяева?

— Если ты надеешься, что я приму твою вшивую взятку,— рявкнул Мелкарш,— то ты просчитался! Чего ради мне соглашаться на это, когда я могу отомстить за своих солдат, сказав только...

— Да ну? — удивился ван Рийн.— Ты уверен, что сможешь меня свалить? Это не так-то просто, я довольно крепко стою на ногах. Ты просто погубишь этим своих хозяев, которым, вспомни, ты клялся верно служить. Кроме того, учти, что тебя и твоих, так сказать, людей, можно привлечь за похищение и другие нехорошие дела. Интересно, как ты поможешь своим или сбережешь честь, сидя в федеральной тюрьме? А? Гораздо лучше будет для тебя, если ты привезешь виру семьям погибших и расскажешь о том, что они пали в бою, как и подобает настоящим воинам.

Мелкарш открыл рот, но не смог найти слов для ответа. Тея Белдэниэл встала из-за стола, подошла к нему, погладила по шкуре и сказала:

— Он прав, понимаешь, мой добрый старый друг, он прав. Он демон, но он прав.

Горзунец отрывисто кивнул и отступил к стене.

— Отлично, просто здорово! — сказал ван Рийн. Он потер руки.— Я так рад, что нашел здесь здравый смысл и сговорчивость. У меня есть кое-какие планы, как нам быть дальше. — Он огляделся.— Только вот мне страшно хочется пить. Может, пошлете за парой бутылочек пивка?

Прилетев в Луноград, Эдвард Гарвер сразу направился в полицейское управление.

— Приведите арестованного одинита в камеру для допро-

сов,— распорядился он. Потом кивнул на трех сопровождающих его сурового вида мужчин.— Мои помощники; мы хотим допросить его сами. Станет у нас крутиться, как рыба на сковородке,— в рамках закона, конечно. В конце концов, закон что дышло, а арестованный слишком, понимаете ли, велик, чтоб уместиться в обычные рамки.

Эдзел никак не мог понять, что происходит. Воздух был сильно разреженным, насыщенным влагой и таким холодным, что чешуйки его стали покрываться изморозью; сила тяжести вдвое превышала ту, что была на его родной планете. Он почти ослеп от усилившейся яркости далекого красного карликового солнца и не мог разглядеть Гарвера с помощниками за витриловой панелью, где сохранялись земные условия. Время шло, но никто, похоже, не собирался кормить его или поить. Лишь вопросы — непрерывно, один за другим и таким визгливым голосом, что скоро уши Эдзела, привыкшие к более низким частотам, заболели. На вопросы он не реагировал.

— Отвечать! — завопил Гарвер примерно через полчаса.— Ты что, хочешь, помимо всего прочего, обвинения в неуважении к следствию?

— Откровенно говоря, да,— изумил их ответ Эдзела.— Поскольку я всего лишь пользуюсь своим правом на молчание, то подобное обвинение просто-напросто подтвердит всю абсурдность вашей возни.

Гарвер нажал на кнопку. Эдзел дернулся.

— Что-нибудь не так? — спросил у него один из полицейских, которому была выделена роль этакого добрячка.

— Через пол бьет током.

— Что ты говоришь! Наверно, дефект проводки. А может, тебе померещилось? По-моему, ты здорово устал. Давай признавайся, и все пойдем передохнем.

— Вы глубоко ошибаетесь,— отозвался Эдзел.— Мой хозяин тоже не сахар, но по сравнению с вами он просто лапочка. Я отказываюсь сотрудничать с вами на любых условиях. По счастью, космические скитания закалили мой организм. Поэтому, с вашего разрешения, я буду рассматривать эту ситуацию как возможность возвыситься над неудобствами, претерпеваемыми физическим телом.— Он принял позу лотоса; это, надо сказать, было зрелище.— Прошу прощения, что медитирую в вашем присутствии.

— Где ты был в ту вечернюю вахту, когда...

— Ом мани падме хам.

Полисмен отключил переговорное устройство.

— По-моему, овчинка выделки не стоит, шеф,— сказал он.

— Но он же живое существо! — возразил Гарвер.— Здоровый как бык, правда, но ведь не камень. Будем продолжать, посменно, пока не добьемся желаемого.

Тут раздался звуковой сигнал, и на экране видеофона появилось лицо начальника полиции Лунограда Мендеса.

— Прошу прощения, что отвлекаю вас, сэр,— извинился он,— но нам тут позвонили из «СИ».— Мендес вздохнул.—

Они... они отказываются от своей жалобы.

— Что? — Гарвер так и подскочил.— Нет! Этого не может быть! Я же сам!.. — Он смолк. Лицо его посерело.— Давайте,— холодно приказал он.

С экрана на него уставился Ким Юн Кун. Гарверу показалось, что он чуть менее сдержан, чем обычно. За его спиной маячил ван Рийн. Гарвер подавил инстинктивное желание швырнуть в экран чем-нибудь тяжелым.

— Ну? — спросил он.— Что это еще за выкрутасы?

— Я и мои коллеги имели разговор с этим вот джентльменом,— сказал Ким. Он говорил так, словно каждое слово в отдельности было грязным ругательством; он их как будто выплевывал.— Мы выяснили, что имело место досадное непонимание нами друг друга. Это следует немедленно исправить.

— Что, и воскресить из мертвых? — фыркнул Гарвер.— Пускай он предлагает вам какие угодно взятки, но у меня есть доказательства, что совершено преступление. Предупреждаю вас, сэр: если вы что-либо утаите от следствия, это может обернуться для вас неприятностями в будущем.

— Но преступления не было,— возразил Ким.— Все произошло по чистой случайности.

Гарвер поглядел на ван Рийна: торговец попыхивал сигарой и улыбался.

— Позвольте мне начать сначала,— сказал Ким.— Мы с партнерами хотим, если можно так выразиться, удалиться от дел. Поскольку «Сириндипити» фирма в своем роде уникальная, купить ее захотят многие и за большие деньги. Переговоры по этому поводу — дело весьма тонкое, особенно если вы примете во внимание тот факт, что преуспеяние нашей компании зависело от полного к ней доверия со стороны клиентов. Стоило возникнуть лишь малейшему подозрению в нечестной игре, и славное имя нашей фирмы было бы запятнано навсегда. Все знают, что мы чужаки, что мы сторонимся общества и потому не всегда можем правильно определять последствия тех или иных своих шагов. Мастер ван Рийн благородно,— Ким еле выговорил это слово,— предложил нам свою помощь. Но наш договор следовало держать в тайне, чтобы конкуренты мастера ван Рийна не решили, будто «Сириндипити» перешла в его собственность.

— Вы... вы,— взвизгнул Гарвер, как будто продолжая изводить Эдзела,— продаетесь? Кому?

— Вот с этим у нас возникли трудности, директор,— сказал Ким.— Фирма должна быть продана не просто тому, кто в состоянии заплатить, но тому, кто сможет вести дело дальше, не вызывая к себе подозрений со стороны клиентов. Быть может, это будет консорциум негуманоидов. Во всяком случае, мастер ван Рийн уполномочен нами действовать как посредник.

— Конечно, за приличные комиссионные? — простонал Гарвер.

— За бешеные,— в тон ему отозвался Ким. Потом продолжил: — Капитан Фолкейн прибыл в качестве его предста-

вителя, чтобы обсудить с нами некоторые детали. Для сохранения всего дела в тайне было решено сбить с толку всех, даже товарищей капитана по экипажу. Именно так и возникли слухи о его помолвке с сударыней Белдэниэл. Теперь я понимаю, что эта мысль была никудышной. Упомянутые товарищи капитана, возбужденные этими слухами, решились на крайние меры. Как вы знаете, Эдзел проник в замок силой. Но серьезного ущерба он зданию не причинил; а когда капитан Фолкейн объяснил ему ситуацию, он тут же принес нам свои извинения, которые мы с радостью приняли. Вопрос об ущербе мы договорились решить между собой. Так как капитан Фолкейн выполнил свою миссию, то вместе с Чи Лан он отправился на поиски покупателя для нашей фирмы. В его отлете нет ничего незаконного, поскольку ни один закон не был нарушен. А мастер ван Рийн был так добр, что любезно согласился взять Эдзела на борт своего личного корабля.

— Закон не нарушен? А как насчет законов об убийстве? — воскликнул Гарвер. Он сделал такое движение пальцами, как будто хотел кого-то задушить.— Я засажу их... вы... за это... вы же сами...

— Понимаете, директор,— сказал Ким,— я согласен, что ситуация неприятная; искушение подать иск было слишком велико, чтобы мы могли сразу его подавить. Под «мы» я имею в виду тех из нас, кто тогда отсутствовал. Но потом, когда мы выслушали сударыню Белдэниэл и проверили планы замка, наша позиция изменилась. Вы знаете, что замок охраняется как людьми, так и автоматическими системами. Вторжение Эдзела так возбудило роботов в одной из башенок, что они уничтожили патрульные боты. Чи Лан, которая управляла звездолетом, раздвинула стены башни в доблестной попытке спасти наших слуг, но опоздала. В общем, все это — трагическая случайность. Если кого-то здесь и можно обвинить, то этот кто-то — подрядчик, установивший недоброкачественных роботов. К сожалению, этот подрядчик негуманоид и живет так далеко, что не подпадает под юрисдикцию Содружества.

Гарвер выпрямился.

— Так что, пожалуйста, немедленно освободите Эдзела,— закончил Ким.— Мастер ван Рийн сказал, что, быть может, он не станет поднимать большого шума по поводу несправедливого ареста, если только вы лично извинитесь перед ним в присутствии корреспондента Общественной службы информации.

— Вы заключили соглашение с ван Рийном? — прошептал Гарвер.

— Да,— сказал Ким с видом рыбы, насаженной на вилку.

Гарвер собрал остатки своего мужества.

— Ну что ж,— произнес он, еле двигая губами,— пусть будет так.

Из-за плеча Кима выглянул ван Рийн.

— Хорек! — сказал он и отключился.

Космическая яхта взяла курс на Землю. В каждом иллю-

минаторе сверкали звезды. Ван Рийн расположился в кресле, держа в руке кружку с пивом.

— Клянусь небом,— начал он,— стоит отпраздновать твое освобождение, пока есть возможность. На Земле нам с тобой придется носиться высунув язык.

Эдзел отпил из такой же кружки, в которой, правда, было чистое виски. Все-таки неплохо быть большим. Но радовался он не от всей души.

— Вы позволите этим типам из «Сириндипити» так легко отделаться? — спросил он.— Они же злые.

— Возможно. Но они не осмелились бросить нам вызов, а это в корне меняет дело,— отозвался ван Рийн.— Посмотрим. Ты зря думаешь, что они легко отделаются. Они еще попляшут, и это так же точно, как то, что пиво, которое пью я, не то же самое, что виски, которое лакаешь ты. Смотри: они потеряли клиентов, потеряли свой шпионский центр, для которого, собственно, все и задумывалось. Поскольку я занимаюсь продажей, то мне от их потерь кое-что перепадет.

— Но у вас, я вижу, есть и другая цель, кроме денег! — воскликнул Эдзел.

— Ага-ага, точно. Понимаешь, я не знал, что случится после того, как ты освободишь нашего приятеля Дэви. Приходилось играть втемную. «Сириндипити», как тебе известно, попыталась натравить на нас закон. В этом были свои опасности и свои прелести. Мне пришлось работать на четыре фронта.— Ван Рийн принялся загибать пальцы.— Первое: мне надо было вызволять тебя и других. Это прежде всего, месть могла и подождать. Второе: надо было сделать так, чтобы правительство осталось в стороне — по крайней мере пока. Потом, быть может, мы его и позовем. Дело заключается в следующем. А: правительство — это штука слишком громоздкая и неуклюжая для решения задачек со столь многими неизвестными, как наша. Б: если члены Содружества узнают, что у них неизвестно где есть могущественный враг, они запаникуют, а это очень плохо и для политики и для бизнеса. В: чем дольше мы стараемся одни, тем больше у нас шансов ухватить кусок пожирней от пирога, который плавает в космосе.

Ван Рийн сделал паузу, чтобы перевести дух. Эдзел поглядел на звезды, такие прекрасные, но все же не прекраснее жизни. А что жизнь в сравнении даже с самым малым из тех временных промежутков, которыми исчисляется существование этих солнц?

— А другие ваши цели? Каковы они? — спросил он глухо.

— Третье. Разве не ясно, что «Сириндипити» сама по себе — мысль очень неплохая? Уничтожать ее не стоило, нужно было только передать эту фирму в честные руки. Руки, щупальца, плавники, лапы — все, что хочешь. Эрго: всякий шум вокруг «СИ» нам нежелателен. Вот почему, кстати, я отправился к ним в контору. Я вовсе не хотел окончательно прикрыть эту лавочку. И четвертое.— Голос его сделался непривычно серьезным.— Кто такие эти иксы? Что им нужно? Почему они прячутся? Быть может, нам удастся сторговаться с ними. Ни одно

здравомыслящее существо не стремится к войне. Нам надо больше узнать о них, только тогда мы сможем решить, как быть. А «Сириндипити» — единственная наша путеводная ниточка.

Эдзел кивнул.

— Понимаю. Вам что-нибудь удалось узнать?

— Нет. Ничегошеньки. Они как воды в рот набрали. Мне показалось, они скорее умерли бы, чем сказали бы хоть слово. Я предложил им возвращаться домой и переговорить со своими хозяевами. Если дело и не выгорит, они хоть убедят своих компаньонов, тех, что улетели раньше, что на Луне им ничего не грозит. Ну вот, они улетят, а за ними последует мой звездолет, причем он всю дорогу будет держаться в пределах обнаружения. Может, они завлекут его в ловушку, а может, и нет. Я им сказал, что это бессмысленно: ведь ни мы, ни они не уверены, что сможем перехитрить один другого. И потом, даже заклятые враги могут найти какой-никакой, а общий язык. Ну, представьте себе, что ты собрался кого-то убить; почему бы сначала не потолковать с намеченной, так сказать, жертвой? В худшем случае, ты лишь потеряешь пару минут, в лучшем — поймешь, что тебе нет причины его убивать.

Ван Рийн осушил кружку.

— Ааххх! Вот,— продолжил он,— мы заключили с ними сделку. Они улетают, и их никто не будет преследовать, что подтвердят их же собственные детекторы. Но один из них останется здесь и займется передачей владения. Это будет Тея Белдэниэл. Она не особенно возражала. Мне кажется, она почеловечней своих приятелей. Потом же она поведет один из наших кораблей к оговоренному месту встречи, я предложил им где-нибудь на нейтральной территории. Быть может, их хозяева согласятся на встречу. Мне, по крайней мере, хочется их повидать, особенно после этой затеи с «Сириндипити». Представляешь, сколько они о нас узнали? Ну?

Эдзел вскинул голову.— Прошу прощения! — воскликнул он.— Вы хотите сказать, что лично вы и... и я...

— А кто же еще? — сказал ван Рийн.— Потому-то в основном я тебя и оставил. Мне нужно, чтобы рядом был кто-нибудь, кому я могу доверять. Путешествие будет не из приятных, могу тебя заверить. Знаешь, как говорили в древней Норвегии? Брата лишиться — с жизнью проститься.— Он стукнул кулаком по столу и рявкнул:

— Юнги! Где, черт возьми, пиво?!

За десять с лишним лет, которые минули с тех пор, как лемминкяйненниты обнаружили планету-бродягу, она успела уйти далеко. Разглядывая в носовой экран Бету Креста, Фолкейн присвистнул.

— Приблизиться-то мы хоть сможем? — спросил он.

Сидя в пилотском кресле в окружении разноцветных огоньков контрольных приборов, он смотрел на звезду — вернее, на ее увеличенное изображение. Бета Креста сверкала так ослепительно, что, несмотря на светофильтры и на расстояние

в несколько астрономических единиц, глазам было больно. Весь экран занимал лазоревый шар, покрытый разводами, как шкура леопарда. Окруженный золотисто-алым блистающим ореолом, намного превышавшим в диаметре размеры самого шара. Звезда как будто освещала космос; во всяком случае вечной ночи пространства пришлось отступить довольно далеко. Фолкейн вцепился в ручки кресла; сердце его отчаянно колотилось. Ища спасение от холодящего грудь первобытного ужаса, он поглядел на безделушки, которыми они, члены экипажа, украсили пилотский отсек «Бедолаги». Вон висит некая хитроумная конструкция, изготовление которых на родной планете Чи Лан считается искусством; вон девичья фотография, которую он сам повесил на стену; вон, на полке, карликовое деревце, за которым ухаживал Эдзел... Эдзел, дружище, нам так сейчас нужна твоя сила! Услышать бы просто твой голос, и на душе сразу стало бы легче. Ну как назло: до тебя сейчас две сотни световых лет! Кончай ныть, сказал себе Фолкейн. Нервишки шалят, приятель. Одно дело, когда Чи полдороги выхаживала тебя, и совсем другое теперь; хотя, по правде сказать, до конца я еще не очухался. Но работа есть работа. Ты ведь видел звезды покрупнее и поярче этой. Фолкейн слукавил: ему довелось наблюдать всего, дай бог, одну-две подобных звезды. Эти голубые монстры отнюдь не рассыпаны в космосе на каждом шагу. И потом, даже самый маленький из них — зрелище весьма впечатляющее. Эти пятна в фотосфере, которые суть не что иное, как вихри, причем такие, что каждый из них способен поглотить планету размерами с Юпитер! Это причудливое переплетение составляющих протуберанцы волокон — протуберанцы, масса которых куда больше массы Земли, ионизированные, испаряющиеся, превращающиеся в раскаленную плазму, вгрызающиеся в пространство на миллионы километров, бесследно пропадающие и возвращающиеся обратно, порождающие гигантские магнитные поля! Эта флюорсцирующая, видимая за миллионы парсеков корона, газ которой постоянно бомбардирует частицы, оголенные атомы, жесткие и мягкие кванты излучения звезды, сияние которой есть непрерывная буря, в восемьсот пятьдесят раз яростнее солнечной, буря столь мощная, что закончится всего лишь через какой-нибудь миллион лет в пламени Сверхновой! Фолкейн еще раз бросил взгляд на экран и содрогнулся. Вдруг он понял, что бортовой компьютер что-то сказал.

— Прошу прощения? — переспросил он.

— В моей программе нет реакции обиды, поэтому извинения совершенно излишни,— внятно произнес невыразительный голос.— Однако мне поставлена задача обращаться с вами настолько осторожно, насколько позволяет моя организация, до тех пор, пока ваша нервная система не придет в порядок. Поэтому снисходительность к вашему поведению рекомендуется рассматривать как часть программы.

Фолкейн хмыкнул, потом расхохотался.

— Благодарю, Тупица,— сказал он.— Пожалуй, это мне

не помешает.— Потом добавил торопливо: — Только не говори, что ты определил необходимость и вычислил реакцию, переходи прямо к делу.

— Вы спросили, сможем ли мы приблизиться. Ответ зависит от того, что имелось в виду под «приблизиться». Анализ контекста показал, что вы хотели узнать следующее: достигнем ли мы указанной планеты, не подвергая корабль опасности? Ответ утвердительный.

Фолкейн повернулся к Чи Лан, развалившейся справа от него в своем кресле, похожем скорее на гамак.

— Я отчетливо помню, что приказал Тупице забыть эти идиотские утвердительные и отрицательные ответы, поскольку даже Черчилль довольствовался простыми «да» и «нет»,— вздохнул он.— Зачем вы отменили мой приказ?

— Это не я,— отозвалась цинтианка.— Мне все равно. Плевать я хотела на все эти нюансы, тем более на английские! — Она фыркнула.— Нет, кого уж винить, так Эдзела.

— Почему его?

— Ты должен помнить, что мы получили этот корабль совсем новым. Поэтому у компьютера словарь был, так сказать, специализированный, инженеристый, если хочешь. Правда, работая с нами, он кое-чего поднабрался.Но ты должен помнить и то, что на Луне мы заказали полную проверку всех систем корабля. Ну вот, ты, задрав хвост, умчался за своей Вероникой, а мы с Эдзелом остались заниматься делами. Естественно, этот доброглот решил, что инженеры оскорбятся, когда увидят, как мало мы пользовались их диалектом. Поэтому он приказал Тупице...

— Ладно,— прервал ее Фолкейн и приказал компьютеру: — Вернись к предыдущей структуре изложения и сообщи нам свои соображения.

— Проведенные исследования как будто подтверждают сведения о планете, которые были вам сообщены,— сказал компьютер. Фолкейн кивнул. Хотя он окончательно пришел в себя всего лишь несколько дней назад, Чи Лан удалось выудить у него подробную информацию еще на первом этапе полета.— Однако уровень помех еще достаточно высок, чтобы можно было утверждать наверняка. Тем не менее я вычислил орбиту с удовлетворительной точностью. Это в самом деле гипербола с малым смещением. В данный момент планета находится близко к периастрию, радиус-вектор имеет длину приблизительно в 1,75 астрономической единицы. Максимальное сближение со звездой, примерно на 0,93 астрономической единицы, произойдет в течение ближайших 27 с половиной дней, после чего планета снова уйдет в открытый космос, следуя своей гиперболической орбите. Наличия каких-либо других тел соответствующего размера не подтверждаю. То есть динамика ситуации проста, орбита почти симметрична.

Чи вставила сигарету в длиннющий мундштук из слоновой кости и прикурила. Уши ее чуть подрагивали, усы топорщились.

— Как вовремя! — буркнула она.— Нет, чтобы прилететь,

огда планета была более-менее далеко от этого огненного ара. Ну что вы, как можно! Это было бы слишком легко! огда богам пришлось бы поискать кого-нибудь другого, чтобы ывалить на него все эти небесные отбросы! Представляешь, ам придется лезть в самое пекло радиации!

— Вообще-то,— отозвался Фолкейн,— если бы планета е подошла так близко к звезде, что ее криосфера смогла тразить достаточное количество света, вряд ли ее обнаружили ы. Не забудь еще про эти вечные отставания галактической вязи. Нам просто повезло, что я услышал обо всем этом.

— Мог бы услышать и пораньше, в конце концов!

— Остается необходимость,— вмешался Тупица,— проведе ия нескольких незначительных по масштабам анализов, которые одтвердили бы возможность создания на поверхности планеты ромышленной базы. Точно не измерены величина и состав амороженных материалов. Не произведены с надлежащей ккуратностью вычисления их поведения при размерзании. адача оказалась весьма сложной, и в ней слишком много еизвестных параметров. Например, когда начнет формироваться азовая атмосфера, все другие летучие субстанции начнут онденсироваться на больших высотах, образуя облака, которые коро исчезнут, но которые за время своего существования оглотят столько радиации, что поверхность планеты практичеки останется холодной.

— Засохни! — бросила Чи Лан.

— Моей программой это не предусмотрено, и у меня нет ужды для этого...

— Тогда заткнись! — Чи повернулась к человеку.— Я пониаю, Дэйв, куда ты клонишь, и понимаю, что хочет сказать упица. Естественно, планета ускоряет свое движение. Я тут ама несколько вахт назад попыталась вычислить ее орбиту, ока ты дрых. Знаешь, что получилось? Что радиус-вектор зменился с трех до одной астрономической единицы за какиеибудь десять стандартных недель. Представляешь? За такое ремя иррадиация возросла в девять раз! Однако я остаюсь ри своем мнении: нам лучше было прилететь попозже, когда та штука уйдет от звезды и поостынет.

— Хотя в данный момент я не готов к деятельному мееорологическому анализу,— заявил Тупица,— но по моим асчетам максимальная нестабильность атмосферы возможна осле прохождения планеты через периастрий. Пока что больая часть излучаемой звездой энергии идет на растопление ьда, на испарение масс влаги и все такое прочее. Но ведь огда этот процесс завершится, излучение звезды останется на ом же уровне. Например, на расстоянии тридцать астрономических единиц уровень радиации на этой планете будет приерно равен земному и останется практически таковым в теение нескольких лет. Поэтому можно ожидать высоких температур и штормов такой силы, что ни один звездолет не осмелится овершить посадку. Однако мы при соблюдении надлежащей сторожности можем произвести анализы почвы.

Фолкейн усмехнулся. Он чувствовал себя сейчас значительно лучше. Пространству придется узнать, что мы не лыком шиты, подумал он и сказал:

— Будем надеяться, что нам повезет.

— Меня бы это вовсе не удивило,— брюзгливо отозвалась Чи.— Ну, Тупица, на когда у нас назначено рандеву?

— Если даже случится солнечная буря, то силовые экраны все равно справятся с корпускулярным излучением,— сказал компьютер.— Главная проблема — это излучение электромагнитное. Имеющиеся в наличии защитные материалы не смогут защитить нас от получения нежелательной дозы рентгеновских лучей во время проведения исследований. А волны длиннее обычного приведут к перегрузке нашего термостатического оборудования. Поэтому я предлагаю полет на гипердвигателях.

Фолкейн вынул из кармана серого комбинезона трубку.

— На таком расстоянии это самый дешевый способ самоубийства,— предостерег он. Случиться могло все что угодно: неудачный вход в поле тяготения звезды разорвет корабль на кусочки; соприкосновение с твердым телом или с облаком сравнительно плотного газа приведет к ядерному взрыву.

— Подобная возможность предусмотрена конструкцией корабля и моей собственной,— возразил Тупица.— Помимо того, что сам перелет займет меньше времени, мы избежим сколько-нибудь серьезных столкновений с находящимися в пространстве фотонами и материальными частицами.

— Неплохо,— согласилась Чи.— Меня как-то не особо согревает мысль, что эти паршивчики окажутся в моих внутренностях. Но что мы будем делать, когда достигнем планеты? Можно, конечно, сесть на теневой стороне, и тогда сама планета будет защищать нас от звезды. Но что мы при этом увидим на поверхности?

— Можно использовать существующие инструменты. Лучше всего с ними, разумеется, справился бы Эдзел, поскольку он планетолог. Но я не сомневаюсь, что с моей помощью и от вас двоих будет толк. Возможно, нам удастся впоследствии сделать пару вылазок на дневную сторону.

— Лады,— заключил Фолкейн.— Перекусим, поспим — и в путь-дорожку.

— Ты двадцать раз потом успеешь набить желудок,— сказала Чи.— Стартуем прямо сейчас.

— Чего? Зачем это?

— Ты что забыл, что у нас есть конкуренты? Та парочка, которая отправилась к своим хозяевам? Я не знаю, как быстро они туда доберутся и как скоро будет организована экспедиция, но мне кажется, они вряд ли станут выжидать или церемониться, если обнаружат нас.— Чи взмахнула хвостом и повела плечами.— Откуда мы знаем, справимся ли мы с ними в схватке? Я бы с удовольствием оставила бы это дело боевым крейсерам Лиги. Так что давай определимся, и вперед.

— Хм... Похоже, ты права. Слышал, Тупица? На всякий случай активируй все датчики ближнего действия. Черт его знает, на что мы можем натолкнуться.— Фолкейн набил трубку.—

меня нет особой уверенности, что ван Рийн доверит то дело боевым звездолетам,— сказал он, обращаясь к Чи Ian.— Ему же тогда придется поделиться прибылью, а он хочет абрать себе эту планету целиком.

— Будь спокоен, он выкачает из нее все, что можно,— тветила цинтианка.— Но тут деньги отошли для него на второй план. Он испугался. Он думает, что Содружество — если е вся наша Техническая цивилизация — находится в состоянии войны и даже не подозревает об этом. И если для наших рагов эта бродячая планета так важна, что они пожертвовали наблюдательным центром, которым пользовались пятнадать лет, значит, она не менее важна и для нас. Так что он озовет и Лигу и другие правительства с их флотами, если ешит, что это нужно. Я разговаривала с ним после того, как ы выудили тебя из замка.

Фолкейн не отреагировал на подколку, лишь крепко стиснул убы. Я должен был понять, в чем дело, когда узнал, как они бошлись со мной, подумал он. Именно узнал — ибо он, как ни тарался, не мог вспомнить всех подробностей своего пребывания замке. Самому ему все это казалось каким-то бредовым сном. ремя клубилось как дым, оживляя ту или иную ситуацию; н был пленником в другой вселенной, и вообще это был не он не с ним все это происходило. Он желал Тею Белдэниэл, как икакую другую женщину раньше; он почитал Древнюю Расу, ак никаких других богов; он по желанию мог опустошить вой мозг, превратить его в логическую машину, а потом верут в прежнее состояние. И в то же время у него было такое увство, что все это случилось вовсе не с ним, а с кем-то другим. го использовали, к нему проникли в мозг... Как отомстить за то внутреннее надругательство?

Фолкейн заставил себя отвлечься от этих мыслей.

— Если Старого Ника на самом деле собираются лишить его уска,— задумчиво произнес он,— то я им не завидую. Боюсь, ни оглохнут: старикан завопит так, что на Магеллановом блаке слышно будет! Ладно, попробуем, может, нам удастся пасти его бекон с яичницей, французские тосты, кофе... Что него еще было на столе, когда я последний раз завтракал ним? Ах да, кокосовый торт. Как у тебя там, Тупица?

— Звездолет для полета на гипердвигателях готов,— долокил компьютер.

Гудение двигателей усилилось. Изображение на экране омутнело — система приноравливалась к биллионам квантовых икропрыжков в секунду. Потом на кормовом экране возникло сеянное звездами небо. А на носовом — появился быстро увеливающийся в размерах диск Беты Южного Креста; он все рос рос, и показалось даже, что пламя звезды вот-вот проникнет корабль. Фолкейн сжался в пилотском кресле, Чи Лан выпутила когти. Потом это впечатление исчезло. Корабль вышел з гиперпространства. Осталось только развить достаточную инетическую скорость, причем сделать это нужно было быстро, тобы усилившееся излучение звезды не успело пробиться через

защитные экраны. Компьютер так искусно справился с этой задачей, что живые существа внутри корабля даже не почувствовали изменения гравитации. Все было сделано за несколько минут. Звездолет очутился на расстоянии двух градусов от поверхности планеты-бродяги, двигаясь так, чтобы гравитационная и центробежная силы постоянно находились в равновесии. Экипаж прильнул к экранам. На большом обзорном экране виден был огромный черный шар, отороченный белизной там, где в атмосфере преломлялись лучи звезды. За атмосферой искрилась корона звезды; мелькали сполохи зодиакального света. Ночь планеты была не совсем непроглядной. Над полюсами разноцветными знаменами вытянулись зори; атомы и ионы расщепленных лучами звезды молекул светились голубоватым светом, соединяясь в самые странные комбинации; молнии, пронзавшие плотную завесу облаков внизу, напоминали болотные огоньки; то здесь, то там взгляду открывались алые жерла вулканов. На экранах ближнего вида планета представлялась как будто рассеченной на куски. На одном экране виднелся новорожденный океан, на другом — маячила только что поднявшаяся горная цепь. Фолкейну показалось, что он слышит вой ветра, рев дождя и раскаты грома, что он ощущает, как ходит ходуном там, внизу, земля и в пылающее небо взлетают, увлекаемые вихрями, громадные валуны. Прошло много времени, прежде чем он смог оторваться от экрана. Но нужно было работать; от вахты к вахте у Фолкейна оставалось все меньше благоговейного восторга по мере того, как он все больше и больше узнавал о планете. А вместе с восторгом исчезала и слабость, от которой он после заключения в замке никак не мог избавиться. Жажда крови осталась,но он загнал ее глубоко в подсознание, чтобы она не мешала работе. То, что он наблюдал, было, пожалуй, уникальнейшим событием в галактике — быть может, даже во всей Вселенной — и полностью захватило его. Как правильно определили лемминкяйненниты, планета была очень древней. Она давно уже лишилась большей части своего естественного излучения, и холод пробрал ее до самого ядра. Однако, судя по магнетизму, какая-то часть коры осталась в расплавленном состоянии. Этот громадный объем тепла, скрытый под мантией, под корой, под замерзшими океанами, под одеялом застывшей атмосферы шириной в среднем где-то метров десять-двадцать, рассеивался очень медленно. Правда, температура на поверхности в течение веков едва-едва превышала абсолютный нуль. Теперь криосфера начала растворяться. Ледники превратились в бурные реки, которые вскоре закипели и стали штормовыми ветрами. Озера и моря, тая, перераспределяли огромные массы. Давление внутри планеты изменилось, изостатическое равновесие нарушилось: перемещение слоев, изменение аллотропической структуры высвободило катастрофическую плавящую скалы энергию. Планетотрясения корежили сушу и заставляли бурлить воды. Тысячами пробуждались вулканы. Из-под оставшейся еще ледяной корки взлетали в небо гейзеры. Метели, дождь, град — все это одновременно обрушивалось на планету изо дня в день, гонимые

ветрами такой силы, в сравнении с которыми ураган казался просто легким бризом. Зависнув в космосе, Фолкейн и Чи Лан наблюдали и исчисляли Рагнарок, великую битву конца света. Но все равно — все равно — что это была за добыча! Что за неистощимый клад!

— Раз на друзей не обижаются,— заметила Чи Лан,— то я вот что тебе хочу сказать: по-моему, ты чокнулся. На что тебе сдался этот кусок ада?

— Это тебе объяснит даже такой дурень, как я,— сказал Фолкейн.— Здесь будет промышленная база по переработке элементов.

— А поближе к дому это делать нельзя?

— Только в крайне ограниченных — с учетом потенциального рынка — масштабах.— Фолкейн налил себе виски и откинулся на спинку кресла, переваривая обед. Он чувствовал, что заслужил несколько часов отдыха. Завтра им предстояло высадиться на планету, ибо исследования с орбиты они завершили; и кто знает, как там повернутся дела.

— Как насчет картишек?

Цинтианка, сидевшая на столе, покачала головой.

— Нет уж, спасибо. Я еще не отошла от прошлого раза, когда мы играли вчетвером и Тупица загреб себе кучу денег, объявив большой блеф. А без Эдзела нам с ним вообще не справиться. Он сдерет с нас последнюю шкуру.— Она погладила свой пушистый мех.— Займись делом, ты. Я ксенолог. Меня никогда не интересовали ваши паршивые фабрики. Я хочу, чтобы мне толком объяснили, ради чего я должна рисковать своим хвостом.

Фолкейн вздохнул и отпил из своего стакана. Он мог бы побиться об заклад на что угодно, что Чи не хуже его понимает, в чем тут дело. Но для нее, выросшей в другой среде, воспитанной на иной культуре, этого недостаточно. Интересно, что он такого упустил и что заметила она.

— Во всех подробностях я тебе объяснить не смогу,— сказал он,— да это и не нужно. Здесь вполне хватит общего представления о ситуации. Понимаешь, нет такого элемента в периодической таблице, нет такого изотопа, который не нашел бы себе применения в современном производстве. А когда твои заводы расположены на сотнях планет, тебе уже наплевать, что материал, скажем, следует расходовать аккуратно, ибо его не так уж много. Общая потребность в этом возрастает как минимум до нескольких десятков тонн в год — а максимум — до мегатонн! В природе эти элементы в достаточном количестве не существуют. Даже на планетах, расположенных вблизи звезд, где вроде бы налицо все необходимые условия, процесс превращения сопровождается малым выходом ядер. Возьми для примера рений или скандий — эти металлы входят во многие сплавы и полупроводники. Ты не слышала об открытии месторождения на Маури? Это было лет двадцать назад. Одно из самых известных. Шуму было! И что в результате? За три года выбрали все, что можно, и разбежались. А цена на металл

подскочила снова. Потом есть еще нестабильные тяжелые элементы и короткоживущие изотопы легких. Они тоже настолько редки, что можно обшарить пол-Вселенной и ни шиша не найти. А если нашел, так нужно ведь еще добыть их, а потом доставить домой... короче говоря, цена все растет.

Фолкейн снова приложился к стакану. Он так давно не пил ничего крепкого, что от этого виски и коктейля перед обедом да еще и вина за столом у него развязался язык.

— Опять же, цены так высоки не только из-за редкости того или иного элемента,— продолжил он.— Некоторые проекты мы вынуждены отвергать потому, что у нас нет достаточного количества материалов для их осуществления. Например, мы гораздо успешнее могли бы исследовать пространство — со всеми вытекающими отсюда последствиями — если бы нам удалось получить соответствующее количество гафния для создания соответствующих полиэргических блоков; из этих блоков потом мы бы сделали соответствующие компьютеры, которые могли бы пилотировать гораздо больше звездолетов, чем мы имеем сейчас. Еще примеры нужны?

— Н-нет. Мне уже и самой кое-что пришло в голову,— сказала Чи.— Но ведь любой элемент можно изготовить по заказу. Так и делают. Я сама, своими собственными паршивыми глазами видела эти паршивые заводишки!

— Чем это ты занималась ночью,что у тебя глаза запаршивели? — поддел ее Фолкейн.— Да, ты права. Но изготовляются-то они в таких незначительных количествах, что еле-еле удовлетворяют спрос. А если построить большой завод, его радиоактивные отходы быстренько стерилизуют ту планету, на которой он находится. Не говоря уже о расходе энергии. Представь себе, какое количество тепла излучается при экзотермической реакции. Но ведь то же самое происходит и при эндотермической... правда, не напрямую, а через источник питания, с помощью которого возникает реакция. Не забудь, это все ядерные процессы. $E=mc^2$. Один грамм разницы между сырьевым материалом и конечным продуктом означает высвобождение тепла в объеме девять на десять в тринадцатой степени джоулей. Завод, который перерабатывает в день несколько тонн элементов... Влей в его охлаждающую систему хоть целую Амазонку, все равно вся влага испарится. Сколько лет Земля оставалась слишком горячей для жизни? Лет десять? А любой другой мир, на котором есть жизнь? Потому-то мы и не можем использовать для своих целей ни один из таких миров, неважно, есть на нем разумные существа или нет. Эти миры слишком большая драгоценность сами по себе — не говоря уж о галактическом законе, общественном мнении и правилах хорошего тона.

— Понятно,— протянула Чи.— Вот, значит, почему большая часть этих заводиков ютится на мелких планетках, где почти нет воздуха. Понятно.

— Им приходится устанавливать теплообменники, чтобы подогреть планетоид,— заметил Фолкейн.— А сие дорогое удо-

вольствие. Вдобавок, это налагает определенные ограничения на размеры такого завода и связывает руки предпринимателям.

— Мне все это в голову не приходило,— сказала Чи.— Но разве нельзя выбрать, так сказать, стерильный мир — какую-нибудь новую планету, где еще не зародилась жизнь, но где есть атмосфера и гидросфера, которые обеспечат необходимое тепло?

— Нет, потому что такие планеты кружат вокруг звезд и подходят к ним уж очень близко,— ответил Фолкейн.— Ведь иначе атмосфера бы замерзла, правильно? Если они движутся по большой орбите, то на них могут сохраниться в газообразном состоянии водород и гелий. Но с водородом одно мучение. Он заполняет пространства между молекулами любого защитного материала и так убыстряет ядерную реакцию, что только держись. Поэтому нужна планета вроде Земли или Цинтии, с достаточто плотной атмосферой, в которой нет водорода в свободном состоянии, и с большим количеством воды. Вот. Я уже сказал, когда атмосферу планеты припекает близко расположенная звезда, то перерабатывающий завод любого размера эту планету просто-напросто поджарит. Что толку в реке, если вода в ней превратилась в пар? О, в свое время предлагали вывести на орбиту вокруг такой планеты пыльное облако с альбедо, близким к ста. Но это облако улавливало бы и порождаемое самой планетой тепло. Расчеты эффективности показали, что эта затея никогда себя не окупит. А потом не забывай, что вокруг новообразованных тел плавает много всякого хлама. Если в твою планету врежется приличных размеров астероид, то всей промышленности придет каюк.

Фолкейн промочил горло.

— Естественно,— продолжил он,— когда были открыты планеты-бродяги, задумались над тем, а нельзя ли их использовать. Но на них было уж слишком холодно. При температурах, близких к абсолютному нулю, начинают твориться странные вещи. Прежде чем поставить на какой-нибудь бродяге завод, нужно было разработать совершенно новую технологию. Но даже в этом случае толку было бы чуть. Не забудь, ведь в качестве охладителей требуются вода в жидком состоянии и газообразная атмосфера. А всю криосферу растопить не удастся — по крайней мере в пределах исторического времени. В общем, какой завод ни построй, все равно расход энергии будет чересчур велик. Прикинь на досуге, сколько получится. По моим подсчетам, примерно столько, сколько Земля получила от Солнца за несколько веков.— Фолкейн задрал ноги на стол и поднял стакан.— И примерно столько же, сколько получит наша планетка на своем пути к Бете Креста и дальше,— закончил он, допил то, что оставалось в стакане, и налил себе еще.

— Не задирай нос,— бросила Чи.— Ты-то причем? Тоже мне, Всемогущий Творец! И где тебя только раскопали?

Фолкейн улыбнулся:

— Ты предпочла бы Эдзела? Или Тупицу? А может, Старого Ника? Нет, ты только вдумайся: сотворение мира ради получения прибыли! Ну ладно, теперь тебе должно быть ясно,

какие перед нами открываются перспективы, если только дела пойдут, как задумано, а это все более и более вероятно, Лет, наверно, через десять эта планетка успокоится. Света на ней будет не больше, чем на твоей Цинтии — или на Гермесе; холодные скалы поглотят излишки тепла; температура начнет падать, но достаточно медленно. Можно будет приниматься за строительство заводов по заранее заготовленным планам. Для поддержания баланса между производством тепла и его расходом существует очень простой способ: чем дальше бродяга будет уходить в космос, тем больше заводов станет на ней работать. Все операции будут автоматизированы. Раз уж атмосфера все равно ядовитая, то на радиоактивные отходы всем будет наплевать.

Постепенно установится равновесие. Поверхность планеты потеплеет; ее будут освещать не только звезды, но и фонари, радиомаяки, направляющие грузовые звездолеты. На всех углах будут стоять ядерные преобразователи. Представляешь, каждый день на-гора выдаются тонны еще недавно редких элементов, заводы работают вовсю... — Нарисованная им картина захватила Фолкейна; несмотря на весь свой опыт, он во многом еще оставался мальчишкой.— А причиной всему мы! — воскликнул он, стукнув кулаком по ладони.

— Надеюсь, нам хорошо за это заплатят,— сказала Чи.— Будет лучше, если нам хорошо заплатят.

— Заплатят, заплатят,— пробормотал Фолкейн.— Деньги, их будут кучи, горы. Если мы получим разрешение на строительство, денег будет невпроворот. Особенно, если Компании удастся доказать, что планета наша по праву первооткрывателей. Мы их всех обставим.

— Ты имеешь в виду конкурентов? — уточнила Чи.— Или тех, неизвестных врагов всей нашей цивилизации? Мне кажется, от последних вполне можно ждать какого-нибудь подвоха. Та промышленность, о которой ты тут разливался соловьем, она ведь запросто может быть использована для военных нужд. Разве не так?

Период обращения планеты вокруг своей оси составлял немногим более тридцати часов. Она была наклонена к плоскости своей гиперболической орбиты на одиннадцать градусов. «Бедолага» устремился к полярному кругу. День там значительно короче, чем в каком-либо другом месте планеты, да и вообще условия там как будто помягче.

Когда звездолет, облетев планету на высоте спутника, устремился вниз, Фолкейн даже вздрогнул. Он несколько раз мельком видел дневную сторону планеты, но основное внимание уделял тогда все-таки приборам. Да и Бета Креста была тогда не так близко. Бродяга двигалась со все возрастающей скоростью и скоро уже должна была обогнуть голубого гиганта. Сейчас планета находилась немногим дальше от звезды, чем Земля от Солнца.

Небо над бродягой стало ослепительно ярким; звезда, угловой диаметр которой был раза в четыре больше углового

диаметра планеты, стояла над горизонтом. Ниже клубились облака, то белые, то серые, пронзаемые молниями, то черные, там, где смешивался с ними дым вулканов. Сквозь них то и дело проглядывали каменистые равнины, их бичевали ужасные ветры, заливали дожди и наводнения, корежили планетотрясения; по горным склонам каскадами ниспадали растаявшие ледники. Испарения закрыли едва ли не половину континента, превратились под воздействием холодного воздуха в туман, а потом могучий торнадо рассек их массу пополам, и стая ветров понесла их обрывки в разные стороны. На поверхности свинцово-серого океана сталкивались айсберги, каждый размером с порядочный остров, и чудовищные волны мгновенно погребали под собой их обломки. Когда звездолет вошел в верхние слои атмосферы, корпус его затрясся от турбулентности воздуха. В носовой экран можно было рассмотреть впереди скопление грозовых туч.

Фолкейн пробормотал сквозь зубы:

— Я все ломал голову, как нам назвать эту планету. Теперь я знаю как...

Но продолжить он не успел — звездолет оказался в самом центре грозы. Внутренние силовые поля удерживали гравитацию на постоянном уровне, но не могли ни стабилизировать корабль, который швыряло как щепку, ни заглушить рвущийся в уши вой. Пилотирование корабля в таких условиях требовало полного внимания, и Тупица с головой ушел в это занятие. Фолкейн не отводил взгляда от приборов, пытаясь хоть как-то разобраться в бешеной пляске стрелок; вдруг до него сквозь раздирающий барабанные перепонки рев донесся голос компьютера:

— В тропических регионах планеты в утренние часы небо обычно бывает чистым. Но наблюдения показали, что затем это состояние сменяется штормовыми ветрами, скорость которых превышает пятьсот километров в час на данный момент и ежедневно возрастает. Я хотел бы заметить, что посадка на такой территории уже становится опасной и что в любой момент она может стать просто невозможной, даже для хорошо оснащенного звездолета. Условия в полярных областях практически подтверждают результаты предварительных наблюдений. В Антарктике идет сильный дождь, сопровождаемый частыми шквалами. В районе северного полюса сравнительно холодно: мощный атмосферный фронт, продвигаясь к югу, оставляет за собой довольно спокойную зону. Посадку предлагается совершить на широте чуть ниже полярного круга с отклонением в несколько минут от линии рассвета, на той части большого северного континента, которая как будто не подвержена наводнениям и которая, судя по тектоническим данным, скорее всего останется стабильной.

— Отлично,— заключила Чи Лан.— Молоток. Я только опасаюсь за твои логические цепи: как бы ты не перестарался. Поэтому к чертям обработку данных! Прикинь-ка лучше, как бы нам помягче сесть.

— Для правильной ориентации в данных условиях и для обеспечения безопасности экипажа постоянная обработка данных необходима,— отозвался Тупица.— Однако я уже перестал учитывать факторы, которые прямо не относятся к текущему моменту, например, такие, как спектр отражения световых лучей различными участками ледяного поля. Следует отметить...— продолжения Фолкейн не услышал: на какое-то время он просто оглох от особенно сильного раската грома.

Звездолет пробился сквозь снеговые тучи и очутился как будто в другом мире. Его окружала непроглядная ночь. Лучи сканнера выдали на экран изображение гористой местности. Управляемый компьютером корабль на долю секунды завис над поверхностью планеты — и сел. Фолкейн несколько раз глубоко вздохнул.

— Выключи поля,— приказал он и выбрался из кресла. Сила тяжести на планете отличалась от земной процентов на пять, а он был привычен и к куда большей разнице. Но тишина прямо-таки давила на него. Он постоял немного, стараясь расслабить сведенные напряжением мышцы, потом повернулся к экрану. Звездолет сел среди темных, неприветливых скал. На севере и на востоке видны были горные цепи. Восточный кряж начинался всего лишь километрах в четырех от корабля: его утесы были испещрены белыми пятнами ледников. Облака ушли далеко на юг, и в холодном небе ярко сверкали чужие, непривычные глазу созвездия. То и дело мелькали метеоры: как и другие большие и лишенные собственных планет звезды, Бета Креста была окружена всяким космическим мусором. Над скалами алела заря; на юго-востоке небо уже было полно предвкушением утра. Фолкейн проверил показания наружных датчиков. Атмосфера для дыхания непригодна — CO, CO_2, CH_4, NH_6, H_3S и прочие прелести. Имелось, правда, и чуть-чуть кислорода: более легкие атомы водорода, высвободившиеся под влиянием солнечной радиации, умчались в космос, а он остался. Но толку от него при минус 75 градусах Цельсия было немного. А почва — так та промерзла до всех минус 200 градусов. В тропиках было чуть теплее. Однако температура на всей планете изменится от смертельной до комнатной только через несколько лет — ускорить этот процесс бессилен и голубой гигант; да и то она будет сильно варьировать. Да, ну и погодка здесь будет!

— Выйду-ка я, пожалуй,— сказал он. Тишина была такой глубокой, что он невольно понизил голос почти до шепота.

— Лучше я,— Чи Лан тоже выглядела подавленной.

Фолкейн покачал головой.

— По-моему, мы уже решили этот вопрос. Я могу захватить с собой больше снаряжения и больше успею сделать. И потом, кому-то надо оставаться в корабле — мало ли что. Потерпи до следующего раза: мы с тобой возьмем грависани и осмотрим местные достопримечательности.

— Постарайся, чтобы этот следующий раз наступил поскорее, пока я не ошалела тут взаперти,— резко ответила она.

Ну, вот это уже больше похоже на наши обычные разговоры. На душе у Фолкейна потеплело. Он прошел в шлюз, где находились скафандр и инструменты. Чи помогла ему облачиться в доспехи. Один люк закрылся, другой открылся — и вот он уже стоит на пороге неизведанного мира. Мира очень-очень древнего, но переживающего сейчас свое второе рождение. Окрестные звезды вряд ли видели что-либо подобное. Фолкейн глубоко вдохнул отдающий химикалиями воздух из баллона и двинулся вперед. Движения его были немного неуклюжими, он то и дело спотыкался и проклинал толстые подошвы своих башмаков. Однако без них он, вероятнее всего, не смог бы сделать и шага. Можно было бы, конечно, попробовать передавать по шлангу в скафандр тепло от ядерного реактора «Бедолаги». Но стояла такая холодина, что, будь Фолкейн в обычных башмаках, его бы и это не спасло. Прежде чем он понял бы, что происходит, ноги его начисто бы отмерзли. Даже и в этих ботинках время пребывания его вне корабля было очень ограниченным. Света все прибавлялось — наступал день. Это Фолкейна не особенно смущало: скафандр позволял оставаться около получаса на обращенной к Бете Креста стороне планеты.

— Как дела? — голос Чи Лан был едва слышен в наушниках из-за треска помех.

— Как сажа бела,— отозвался Фолкейн, доставая из заплечного мешка счетчик Гейгера. Так, радиоактивность почвы слабая. Наверно, постарался солнечный ветер, пока у бродяги не было атмосферы (хотя и теперешний тонюсенький озоновый слой — не бог весть какая защита). Ну не беда, люди со своими приятелями быстренько это исправят. Фолкейн забил в почву стержень нейтронного анализатора и продолжил путь. Интересно, что это за камень? Он отбил кусок обнажившейся породы. Бета Креста поднялась над горизонтом. Самозатемняющийся лицевой щиток скафандра стал почти черным. По горам пошло гулять эхо грохота лопающихся ледников; над скалами поднялся пар. Фолкейн выбрал место для акустической пробы и принялся собирать треножник-анализатор.

— Не особенно возись,— встревоженно предупредила Чи.— Мне что-то не нравится радиационный фон.

— Мне тоже,— отозвался он.— Но ведь мы хотим знать, что там, под поверхностью, правда?

Дело продвигалось медленно. Светофильтры затрудняли настройку прибора, а убрать их он не мог, так как неминуемо бы ослеп. Он замысловато выругался, провел языком по губам и снова склонился над прибором. Когда анализатор наконец начал передавать на корабль данные. Фолкейн вдруг обнаружил, что его полчаса уже давно истекли. Он двинулся обратно. Звездолет выглядел необычно маленьким на фоне высоких горных пиков. Зной накатывался на Фолкейна волнами, словно Бета Креста задалась целью пробиться сквозь оболочку его скафандра. Пот лил с него градом; белье насквозь промокло

и от него неприятно пахло. А ноги между тем уже так замерзли, что заломило кончики пальцев. Фолкейн обхватил себя за плечи и, превозмогая тяжесть скафандра и амуниции, запрыгал к кораблю. Вдруг за спиной раздался грохот. Он круто обернулся: одна из скал треснула, и из вершины ее теперь бил белый фонтан. Мгновение — и его швырнула на колени взрывная волна. Он кое-как выпрямился и побежал. Ему вдогонку с ревом устремился поток — самый настоящий сель. Поток настиг Фолкейна на полпути к звездолету. Инстинктивно он бросился навзничь и успел сжаться в клубок за секунду до того, как сель захлестнул его. Он очутился в ревущем мраке; течение неудержимо влекло вперед, о скафандр то и дело ударялись камни и куски льда. Голова колотилась о стенки шлема. Удар следовал за ударом — постепенно Фолкейн начал терять сознание. Поток замедлил движение, потом остановился совсем. Фолкейн смутно осознавал происходящее, но все-таки определил, что погребен под селевой массой. Колени по-прежнему поджаты к животу, руки закрывают лицевой щиток. Боль пульсировала во всем теле; он попытался шевельнуться. Ничего не вышло. Его охватил ужас, он закричал, напрягся — бесполезно. Сель держал крепко — он так и остался лежать в этой позе еще не родившегося ребенка. Началось замерзание. Тепловое излучение — ерунда по сравнению с теплопроводностью, особенно когда есть такая масса, которая впитывает в себя каждую калорию. Фолкейн еще не до конца пришел в себя, а нагревательные спирали его скафандра уже израсходовали всю свою энергию. Шевельнуться он не мог. Он попытался вызвать было корабль, но передатчик как будто отказал. Мертвая тишина в наушниках, сплошная темнота вокруг и холод — прямо-таки зверский холод. Мелькнула мысль: я беспомощен. Что ни делай — ничто уже не спасет. Ужасное ощущение, однако. За ней другая: ну уж, по крайней мере, думать-то я могу. Могу думать, могу вспоминать — как свободный человек. А потом снова вернулись тишина, чернота и холод. Он крепко стиснул зубы, чтобы они не стучали, решив — будь что будет, но панике он не поддастся. Когда сознание лишь слабой искоркой теплилось в нем, ледяная масса вдруг ослабила свою хватку. Лед таял не только вокруг Фолкейна — он таял по всей долине. Сквозь завесу испарений пробилась и будто огнем ожгла глаза Бета Креста. А над долиной медленно кружил «Бедолага», полосуя снега тепловым лучом малой мощности. Когда сканнеры звездолета обнаружили Фолкейна, из корпуса корабля вырвался гравилуч. Человека втянуло внутрь через грузовой люк. Чи Лан встретила его отборными ругательствами.

Часа два спустя Фолкейн сидел на своей койке, держа на коленях тарелку с супом, и с невинным видом поглядывал на Чи Лан.

— Со мной уже все в порядке,— сказал он.— Вот только посплю ночную вахту и снова стану самим собой.

— Вот уж не надо,— фыркнула цинтианка.— Будь я настолько тупоголовой, чтобы отправиться на разведку без гравипояса, я бы, пожалуй, заменила себя на новую модель.

Фолкейн рассмеялся.

— Ты ведь мне этого не предлагала,— сказал он.— А если б я его надел, то меньше взял бы приборов. Что вообще произошло?

— Инг-нг-нг... насколько мы с Тупицей поняли, этот ледник — не замерзшая вода. По большей части это сухой лед, углекислый газ в чистом виде... ну, и другие газы, в гораздо меньшей пропорции. Температура постепенно возросла до точки сублимации или даже чуть превысила ее. Не забудь еще про тепло парообразования. С наступлением темноты район начал быстро замерзать. Мне кажется, кстати, что тепло этой ледяной массы поглощали еще и летучие соединения. В результате — нестабильное равновесие. Оно нарушилось как раз в тот момент, когда ты там шастал. Ни дать ни взять — рука судьбы! Часть ледяного поля разнесло взрывом, а другая — превратилась в сель. Если бы мы только догадались проверить спектры отражений и показания термоэлемента!..

— Что сейчас говорить,— прервал ее Фолкейн.— Между прочим, я себя виноватым не чувствую. В конце концов, у нас головы не резиновые. Никто не может помнить всего на свете. Нам ведь так суждено — учиться методом проб и ошибок.

— Причем желательно, чтобы в это время рядом стоял кто-нибудь, готовый бросить веревку.

— Угу. Может, мы с тобой и разведчики Космофлота, но в данных обстоятельствах таковыми не являемся,— Фолкейн хохотнул.— Кстати, имя для планеты я как будто придумал в самом деле подходящее. Сатана.

— Что это значит?

— В одной из наших земных религий это имя противника Бога, прародителя зла.

— Но ведь любому разумному существу должно быть ясно, что Бог сам... впрочем, это так, ерунда. Вообще-то я считала, что люди уже перебрали всех мифологических персонажей. Точно-точно, я помню, Сатана уже был.

— Да? Не припоминаю. Есть Люцифер, есть Ариман, есть Локи, есть... Черт с ними. Легендарный Сатана правил подземным миром огня и льда и развлекался тем, что придумывал муки для грешных душ. По-моему, подходит.

— Если он из тех богоборцев, с которыми я сталкивалась,— заметила Чи,— он сделает тебя богатым. Но потом почему-то всегда обнаруживается, что лучше было бы с ним не связываться.

Фолкейн пожал плечами:

— Поживем — увидим. Кстати, где мы сейчас?

— Летим над ночной стороной, фотографируем и берем анализы. Я не вижу причины болтаться здесь. Когда мы доложим о том, что выяснили, ван Рийн до потолка подскочит от радости. Мы ему скажем, что криосфера растворяется и

что лет через десяток здесь вполне можно начинать строиться. Надо смываться, Дэйв, тут с каждым часом становится все опаснее.

Как бы в подтверждение ее слов звездолет вдруг клюнул носом; обшивка корпуса задребезжала. Корабль угодил в шторм, продолжавшийся всего минуту или две. Однако, подумал Фолкейн, какой же силы должен быть этот шторм, чтобы накренить звездолет, движимый термоядерной энергией, защищенный силовыми экранами, направляемый датчиками и ведомый компьютером, который способен преодолевать громадные расстояния и противостоять практически любому противнику!

— Согласен,— сказал он.— Давай задержимся еще на сутки... соберем, какие сможем, данные и... рванем домой. Подробности пусть изучает кто-нибудь другой. Все равно придется посылать сюда боевую группу, чтобы отстоять наши права.

— Чем скорее Старый Ник узнает об этом, тем лучше,— Чи взмахнула хвостом.— У нас будет куча неприятностей, если здесь обнаружатся вражеские пикеты.

— Не переживай,- сказал Фолкейн.— Скорей всего, наши уважаемые противники живут очень уж далеко — даже разведчиков и то не прислали.

— А ты уверен, что пока мы летели сюда, они уже не обследовали планету? — спросила Чи медленно.

— Тогда бы мы с ними столкнулись. Перелет у нас занял недели две, работой мы занимались чуть больше. С делами мы справились быстро, потому что нас только двое и потому еще, что нас поджимает время. А противникам нашим спешить некуда — они ведь не знают, что мы сели им на хвост.— Фолкейн почесал подбородок, отметив, что не мешало бы воспользоваться кремом-эпилятором.— Разумеется, возле планеты могли крутиться их наблюдатели. Заметили наше приближение — и побежали домой, за папочкой. Не иначе он уже несется сюда, прихватив толстую палку.— Фолкейн нарочито громко спросил: — Ты ведь не обнаружил никаких звездолетов, а, Тупица?

— Нет,— отозвался компьютер.

— Хорошо,— Фолкейн откинулся на подушки. Корабль имел на борту приборы, способные регистрировать длящееся буквально доли секунд возбуждение пространства, окружающего работающий гипердвигатель, на расстоянии в световой год, что соответствовало теоретическому пределу для подобных устройств.— Я едва ли ожидал...

— Потому что мои детекторы выключены,— пояснил Тупица.

Фолкейн вздрогнул и резко выпрямился. Суп выплеснулся из тарелки прямо на Чи Лан, которая вскочила с отчаянным воплем.

— Что?! — воскликнул он.

— Сразу после выхода на орбиту мне было приказано

вести наблюдение за планетой,— напомнил ему Тупица.— Отсюда следовало, что компьютер может временно оставить без внимания приборы, направленные в космическое пространство.

— Ах ты, Иуда термоядерный,— простонал Фолкейн.— А я-то думал, что ты у нас действительно голова! Что сделали с тобой эти горе-ремонтники с Луны?

Чи по-собачьи встряхнулась; во все стороны полетели капли супа.

— Я-т'инчай-урх! — бросила она. Переводу эта фраза не подлежала.— Ну так включай эти чертовы детекторы!

Воцарившаяся тишина была просто невыносимой. Вещи в каюте Фолкейна — фотографии, книги, магнитофон, кассеты, проектор, полуоткрытый шкаф, битком набитый элегантными костюмами, несколько сувениров, оружие, стол, заваленный дожидающимися ответа письмами,— стали вдруг такими маленькими, хрупкими, милыми. Человек и цинтианка прижались друг к другу, даже не заметив этого; ее когтистая лапа легла ему на руку. Компьютер с расстановкой произнес:

— Обнаружены двадцать три отдаленных источника пульсации. Движутся по направлению от Циркуля.

Фолкейн напрягся. Мозг его лихорадочно заработал: в той стороне никто из тех, кого мы знаем, не живет. Наверно, они направляются сюда. Точно можно будет сказать, когда определим их курс. Или подождать? Но ведь сто процентов за то, что это враги! Словно за тридевять земель он услышал шепот Чи Лан:

— Двадцать... разрази их гром... три. Это оперативная группа! Если только... Что ты еще можешь сказать?

— Соотношение сигнала и уровня шума показывает, что они находятся на расстоянии в половину светового года отсюда,— голос компьютера оставался таким же бесстрастным, как и всегда.— Производная по времени свидетельствует, что они движутся на скорости, которая вряд ли является разумной при сближении с звездой типа Беты Креста, учитывая то, что последняя окружена необычайно плотным облаком из газов и твердых частиц. Соотношение амплитуд отдельных сигналов как будто подтверждает гипотезу об эскадре, во главе которой довольно большой звездолет, примерно равный по размерам боевому крейсеру Лиги; кроме того, в нее входят три легких крейсера или похожих на них корабля и девятнадцать маленьких, но более быстрых кораблей. Это, разумеется, предварительные выводы, основанные на предположении, что звездолеты действительно боевые и что они движутся в нашем направлении. Даже при таких допущениях вероятность ошибки настолько велика, что в настоящий момент более точную оценку произвести невозможно.

— Если мы их дождемся,— глухо проворчала Чи,— можно смело писать похоронки. Насколько я понимаю, если это флот наших врагов, то его командир вряд ли пригласит нас на чай.— Она отодвинулась от Фолкейна.— Ну, что будем делать?

Человек вздохнул. Он ощутил, как повлажневшие было ладони снова стали сухими, как вернулось к своему размеренному ритму сердце, как бежал из души страх.

— Мы не можем находиться ни на Сатане, ни рядом,— сказал он.— Они обнаружат нас с помощью нейтринных детекторов и, разумеется, уничтожат Остается только на обычных гравитационных двигателях выйти на более близкую к звезде орбиту и уповать на то, что ее излучение скроет нас до тех пор, пока гости не уберутся восвояси. Но это тоже не выход. Вряд ли они улетят раньше, чем мы получим смертельную дозу радиации... если они вообще улетят. Можно еще выйти на сильно удаленную от Беты орбиту Радиационный фон там небольшой, и наши двигатели можно будет засечь, но хочется думать, что никому не придет в голову направить детектор в нашу сторону. Нет, и это не годится. Мы просто застрянем тут, не имея возможности связаться с домом.

— Но ведь мы можем отправить сообщение в капсуле. Их у нас целых четыре,— подумала вслух Чи.— Нет, две; другие две мы разобрали, чтобы достать конденсаторы для первых — иначе они не достигнут Солнечной системы или любого другого места, из которого можно с нею связаться. Да, у нас есть две капсулы.

Фолкейн покачал головой.

— Слишком медленно. Их наверняка заметят

— Навряд ли. На них же не ядерные генераторы, в конце-то концов.

— Применяемые Космофлотом детекторы могут обнару жить летящую на гипердвигателе капсулу, притом на таком расстоянии, до которого нашим ящикам, Чи, еще пыхтеть и пыхтеть. И потом, что это вообще за штука? Простая трубка с обычным двигателем; в нее встроен робопилот, который едва способен выполнять программу, и передатчик, который при подлете к дому начинает верещать: «Вот он я, берите меня». Ее кто угодно догонит, разнесет в клочки или просто перехватит.

Цинтианка расслабилась. Свыкнувшись с фактом, она обрела способность рассуждать так же холодно, как Фолкейн.

— Ты что, предлагаешь, чтобы мы сами попытали счастья? — спросила она.— Эта мысль мне нравится. Но что, если хоть один из этих корабликов нас догонит?

— Это не так-то просто,— отозвался он.

— Боевые корабли летают быстрее. Они используют те самые силовые установки и генераторы, которые мы перевозим.

— Знаю. Да, исход сомнителен. Но слушай,— Фолкейн подался вперед, уперев руки в колени.— Неважно, у кого из нас окажутся длиннее ноги. В конце концов, какая разница, устраивать гонки на двести световых лет или на полгода? Мы рискуем немногим больше, если пойдем им навстречу Зато сможем что-нибудь узнать, что-то сделать или... ну, не знаю, что. Но главное не в этом. Если мы пойдем к ним навстречу на гиперах, как следует встряхнув космос, то отлет

маленькой капсулы останется незамеченным. К тому времени, когда кто-нибудь сможет разделить наши следы, она будет уже далеко... Так что, пускай с нами случается что угодно, но дома нашу информацию получат. Навредим врагу хотя бы этим!

Чи некоторое время молча разглядывала его. Потом пробормотала:

— Сдается, в тебе говорят эмоции. Но звучит убедительно.

— Тогда готовься,— заключил Фолкейн. Он вскочил и тут же пошатнулся: закружилась голова. Он оперся о переборку. Заболеть сейчас было бы непозволительной роскошью. Лечиться некогда. Пилюли будем глотать потом, если выживем. Из памяти все не шли последние слова Чи. Она, конечно, права. Во мне говорит злость. Я хочу отомстить за то, что они сделали со мной. Фолкейн судорожно сглотнул. А может, это страх?.. Боязнь, что они снова проделают со мной то же самое? Ничего, до этого я двадцать раз успею умереть. Но не один. Я и кое-кого из них захвачу с собой... к Сатане!

Призрачно мерцали мириады звезд; Бета Креста среди них была лишь чуть ярче остальных. Млечный Путь надвое рассекал черноту неба; холодным светом сверкали ближние галактики. Звездолет Лиги двигался навстречу неизвестным кораблям. Фолкейн расположился на капитанском мостике и под бормотание двигателей разглядывал противника на обзорном экране. Чи Лан находилась на корме, в центре управления огнем. Отдать компьютеру приказ и получить от него информацию можно было из любого отсека судна, так что разлучаться особой надобности не было. Они сделали это лишь на случай атаки, да и то — разделял их только набитый электроникой корпус звездолета. Однако одиночество угнетающе действовало на Фолкейна. Он надел под скафандр парадную форму вместо обычного комбинезона скорее для того, чтобы бросить вызов обстоятельствам, чем из дипломатических соображений. Щиток шлема он все еще не опускал. Оторвавшись от экрана, гермесец перевел взгляд на приборы. Его мозг не мог воспринять и проанализировать, подобно компьютеру, данные во всей их полноте. Но в обстановке в целом разобрался бы любой мало-мальски опытный пилот. «Бедолага» двигался по кривой, которая вскоре должна была вывести его на курс, перпендикулярный курсу одного из кораблей противника. Его наверняка обнаружили в тот самый момент, когда заработали гипера. Но вражеская эскадра продолжала свое движение, словно не замечая звездолет, притом таким плотным строем, который не одобрил бы ни один адмирал Галактического Космофлота. Походило на то, что свобода действий у чужаков — это привилегия командира соединения. Эскадра его единым целым мчалась вперед, не снижая скорости. Фолкейн облизал губы. По спине струился пот.

— Проклятье! — воскликнул он.— Им что, вовсе не интересно, кто мы такие?!

Похоже, дело обстояло именно так. Во всяком случае пока чужаки никак не реагировали на сигналы «Бедолаги». Быть может, они просто дадут звездолету Лиги пройти сквозь свой строй. А быть может, замышляют нападение, когда «Бедолага» окажется в пределах досягаемости,— нападение настолько быстрое, что у Фолкейна с Чи Лан не останется времени изменить фазу квантовых колебаний и сделать свой корабль «прозрачным» — когда любой снаряд, любой луч пронзает насквозь, не причиняя вреда.

— Может, они просто не распознали наш сигнал? — предположила Чи Лан.

Услышав в наушниках голос цинтианки, Фолкейн явственно представил ее себе. Маленькая, пушистая и — сулящая смерть: она настояла на том, что будет вручную управлять одним из орудий корабля.

— Им известно о нас достаточно, раз они сумели забросить к нам своих шпионов. Стандартные-то коды они знают наверняка,— отрезал Фолкейн.— Попробуй-ка еще разок, Тупица.

Изображение на экранах задрожало и расплылось: причиной этого было незначительное изменение гиперскорости, вызванное работой аутеркома, преобразовывавшего колебания, порождаемые двигателями, в точки и тире. Систему эту внедрили совсем недавно — Фолкейн .мог припомнить такие времена, когда, на заре своей карьеры, ему пришлось для передачи сообщения включать-выключать сам двигатель — и ее надо было еще доводить до ума. Текст был предельно прост: «Срочно! Подтвердите готовность к радиосвязи на стандартной частоте!»

— Не отвечают,— доложил компьютер через минуту.

— Ладно, хватит,— сказал Фолкейн.— Чи, может, ты мне скажешь, что все это значит?

— Где уж мне! Ведь объяснений здесь сколько угодно,— отозвалась цинтианка.— И в этом вся беда.

— Да уж, особенно, когда любая версия может оказаться ошибочной. Культр-близнецов не бывает, хотя, по-моему, всякая цивилизация, освоившая космические перелеты, должна бы... Бог с ним, оставим это. Что ж, они явно не собираются вступать с нами в переговоры. Посему предлагаю не лезть в возможную ловушку. Меняй курс, Тупица. Пойдем параллельно им.

Взревели двигатели. На экранах поплыли звезды. Поворот закончился, и корабли противника пропали из вида. Должно быть, они вот-вот минуют Стрельца, прикинул Фолкейн.

— Кое-что станет ясно, когда мы проанализируем их «хвосты»,— сказал он.— Для этого мы уже достаточно сблизились. Однако следовать за ними до самого Сатаны вряд ли разумно.

— Мне вообще эта затея не нравится,— отозвалась Чи.— На такой скорости они наверняка свернут себе шеи. А мне свою жалко.

Фолкейн, протянув руку, взял со стола трубку. Она уже успела погаснуть. Он снова разжег ее; привкус табака на губах был сладок как поцелуй.

— Мы в лучшем положении,— заметил он.— Худо-бедно, а окрестности нам уже знакомы. Мы даже нанесли на карту орбиты нескольких астероидов, помнишь?

— А откуда ты знаешь, что они не выслали вперед разведчиков? Неужели ты думаешь, что они так несутся наобум?

— Да. Кстати, вот еще что. Мне кажется, их звезда — или, быть может, крупная база в другой системе — находится неподалеку отсюда, с космической точки зрения, разумеется. Хотя область Беты Креста едва ли можно назвать исследованной, все же отдельные экспедиции здесь побывали — возьми хоть тех же лемминкяйненнитов.

— Я вот к чему клоню. Голову даю на отсечение, наши молчаливые друзья засекли нейтринный выброс ядерных двигателей, оставленный кораблями одной из этих экспедиций. Это, правда, возможно, на расстоянии до пятидесяти световых лет, но не дальше. Естественно, ты можешь возразить, сказать, что пятьдесят лет назад ядерных реакторов такого типа еще не было и в помине, а если б и были, то нейтринный выборс, случившийся около нашего бродяги, до сих пор странствовал бы в пространстве необнаруженным. Но ведь мимо Беты Креста кто только не летает! Короче говоря, все за то, что эти кораблики прибыли не издалека. Времени прошло-то всего ничего — сириндипитский звездолет, верно, едва-едва успел сообщить им про планету.

— И они тут же снарядили эскадру, не заботясь о разведке? Быть того не может! А эта эскадра: несется как угорелая и даже не пытается выяснить, кто такие мы!

Фолкейн заставил себя улыбнуться:

— Если уж цинтианка говорит, что события несутся вскачь, то, клянусь остатками моей святости, так оно и есть.

— Но ведь это те же существа... наверно, те же... что организовали «Сириндипити»! А это задумка с таким дальним прицелом, рассчитанная на столько лет, что я даже не знаю, с чем ее сравнить.

— В истории человечества подобное случалось, если у вас на Цинтии такого и не было. А ты не забывай, что в это дело замешаны люди — более или менее люди, скажем так.

Компьютер вмешался в разговор:

— Поступило сообщение.

По экрану побежали точки и тире. Фолкейн прочитал: «Приглашение к переговорам принимаем. Предлагаем встречу в десяти астрономических единицах отсюда, на расстоянии в пятьсот километров друг от друга».

Он не стал ничего говорить Чи — это сделает компьютер. Если Фолкейн и изумился, то на долю секунды. Время не ждет. На Тупицу посыпались приказы: послать подтверждение, лечь на нужный курс, не ослаблять бдительности, следить

и за кораблем, который будет выделен для ведения переговоров, и за эскадрой.

— Все корабли изменили курс,— перебил его компьютер.— Очевидно, будут вести переговоры эскадрой.

— Что? — Фолкейн едва не подавился трубкой.— Что за ерунда!

— Вовсе нет,— холодно ответила Чи Лан.— Если они все одновременно выстрелят в нас — нам крышка.

— Может, пронесет,— Фолкейн крепче сжал трубку в зубах.— Может, они и не замышляют зла. Ладно, все станет ясно через тридцать секунд.

Все звездолеты выключили свои квантовые генераторы и перескочили в релятивистское пространство. За этим последовало неизбежное торопливое вычисление необходимой тяги, чтобы достичь кинетической скорости. Фолкейн предоставил Тупице заниматься кораблем, поручил Чи Лан оборону, а сам сосредоточился на разглядывании чужаков. Видно было очень немного. Луч сканнера может обнаружить звездолет и выдать на экран его увеличенное изображение, но деталей на таком расстоянии не различить. А детали — это главное, благодаря законам природы существенной разницы между космическими кораблями быть не может. Фолкейн заметил, что девятнадцати эсминцам — или кораблям конвоя, или как там их еще можно назвать — придана обтекаемая форма. Очевидно, для спуска в атмосферу. Пожалуй, даже слишком обтекаемая, если учесть, что в длину они раза в три превосходят «Бедолагу», но вряд ли значительно шире его. Они походили на застывших угрей. Крейсеры очень напоминали акул из-за вытянутых в длину плавниковообразных конструкций, где скорее всего находились либо посты управления, либо лаборатории. Флагман имел форму огромного сфероида; корпус его покрывали какие-то башенки, краны, непонятные сооружения наподобие дотов. Назначение этих кораблей вполне можно было определить в военно-морских терминах, хотя они и не очень подходили под классификацию звездолетов, принадлежавших Лиге,— суда буквально щетинились всякого рода пушками, ракетными установками, лучевыми орудиями. Фолкейну никогда не доводилось видеть таких нафаршированных оружием кораблей. Если прикинуть, сколько места занимают машины и орудийные погреба... что же, экипажи у них из микробов что ли? Приборы сообщили, что противник использует силовые экраны, радары, термоядерные установки. Это было неудивительно. Изумляло другое — столь плотный строй. Если они опасаются нападения, почему бы не рассредоточиться? Ведь даже одна боеголовка с зарядом в пятьдесят мегатонн, взорвавшись посреди их кучи, уничтожит как минимум два или три корабля, а остальных с лихвой облучит. Быть может, радиация и не причинит вреда компьютерам и другим электронным приборам — все зависит от того, транзисторные у них схемы или нет,— но вот членам экипажей

достанется здорово: те, кто выживет, весь остаток жизни проведут в госпитале. А вдруг чужакам наплевать на рентгеновские лучи и на нейтроны? Но тогда их организмы должны состоять не из протоплазмы. Органическая молекула, сама по себе или подстегнутая каким-либо препаратом, способна выдерживать излучение только определенного уровня. Но, быть может, они изобрели какой-нибудь экран, способный отражать незаряженные частицы? Может, может, может..

— Ты установил связь с их компьютером или что там у них есть? — спросил Фолкейн.

— Нет,— ответил Тупица.— Они просто замедляют скорость, но если они намерены выйти на орбиту вокруг Сатаны, им все равно пришлось бы это сделать. Нам, очевидно, предлагается подстраиваться под них.

— Хамы,— бросила Чи.

— Когда так вооружен, недолго и охаметь,— Фолкейн опустился в кресло.— Что ж, угостим их тем же блюдом. Отключи мазеры. Пускай сами нас вызывают

Интересно, подумал он, какой у меня вид с этой трубкой, которая торчит из раскрытого шлема? А, какой бы ни был! Курить хочется, и все тут А вот если бы еще кружечку пивка. Но тут он снова вспомнил о вооруженном до зубов противнике, и во рту у него пересохло. Прежде чем энергетический залп можно будет обнаружить, он уже поразит твой корабль. Однако защита может и выдержать — ровно столько времени, сколько потребуется «Бедолаге» на включение гипердвигателей Здесь слишком много неизвестных мощность этого залпа, место, куда он ударит, и все такое прочее. Но если чужаки хотят нашей смерти, чего они уходят? Они ведь запросто могут нас догнать — если не большие корабли, то уж эсминцы наверняка. А от девятнадцати преследователей сразу нам не оторваться, как бы мы ни старались. Но если они хотят переговоров, почему сразу не ответили на наш вызов?

Словно угадав мысли Фолкейна, Чи Лан сказала:

— Похоже, отчасти я могу объяснить тебе их поведение, Дэйв. Предположи лишь, что они — очень импульсивная раса. Узнав о Сатане, они направили к ней группу захвата. Причем, не исключено, и в тайне от своих сородичей. Мы не знаем, какое у них там общество. Они не имеют представления, что маска «Сириндипити» сорвана, но и не тешат себя особыми иллюзиями на этот счет. В таких обстоятельствах разумные существа вели бы себя осторожно. Они направили бы вперед разведчиков, дождались бы их возвращения, и только потом уже двинулись бы сами. Эти же поступают совершенно иначе. Мчат, понимаешь, как оглашенные и, судя по всему, готовы схватиться с кем угодно. И вдруг они обнаруживают, что их поджидают, они обнаруживают нас. К ним навстречу непонятно с чего кидается какой-то маленький кораблишко. Нам с тобой наверняка пришло бы в голову, что поблизости, где-нибудь около Сатаны, есть и другие звездолеты,

побольше, чем этот. Мы, разумеется, тут же попробовали бы связаться с неизвестным суденышком. Но эти существа просто продолжают свой путь. Им все равно, одни ли мы и потому легко можем быть уничтожены, или не одни, и потому предстоит битва. Им все равно, они не думают ни об отступлении, ни о переговорах. Ни о нас, кстати сказать. В конце концов, мы направляемся прямо к ним. Мы подставляем себя под дула их пушек. А потом вдруг ложимся на параллельный курс! Они решают, что им лучше будет выслушать нас. Или, хотя бы, попытаться. Может, до них дошло, что мы способны попробовать удрать от них. Понимаешь, им придется для погони за нами выделять пару эсминцев,— вряд ли им хочется, чтобы на Земле стало известно о появлении тут какой-то неизвестной эскадры. А мне так кажется, у них есть свои причины сохранять этот строй целым. Короче говоря, еще одно импульсивное решение — а на последствия, как обычно, начхать!

— Сплошной бред,— возразил Фолкейн.

— Для тебя — может, а для меня нет. Вы, люди, в этом плане проигрываете цинтианам. Да, мы — мое племя — действуем обдуманно. Но на нашей планете есть и другие племена, у которых считается нормальным вести себя как берсерки.

— Но ведь они технологически отсталые, а, Чи? Ну посуди сама, разве можно таким образом править цивилизацией, знакомой с ядерной энергией? Ты постепенно утратишь власть, вот и все. Даже Старый Ник вынужден сдерживать себя и прибегать к услугам советников, администраторов, людей всех чинов и сословий. Кривая нормального распределения дает достаточно гарантий того, что осторожных куда больше, чем тех, кто готов...

Фолкейн замолк на полуслове. Замигали лампочки центрального ресивера.

— Они вызывают нас,— сказал он, чувствуя, как у него сводит мышцы живота.— Включить тебе дополнительный экран?

— Нет,— решительно ответила Чи Лан.— Я буду слушать, но про оружие забывать нельзя.

Лучи мазеров скрестились в пространстве. Фолкейн краем уха услышал слова компьютера:

— Передача идет с флагманского звездолета.

Он не отрываясь впился в экран.

Человек! Фолкейн едва не выронил трубку. Мужчина, худощавый, чуть тронутые сединой виски, в глубине глаз теплятся огоньки, тускло-коричневый комбинезон... Я должен был догадаться. Я должен был быть готов к этому. На заднем плане виднелась панель управления, подобных которой Фолкейну встречать еще не доводилось. На потолке ярко сияли белые лампы. Фолкейн сглотнул.

— Приветствую вас, Хью Латимер,— сказал он вежливо.

— Мы незнакомы,— бесстрастно, с легким акцентом ответил человек на экране.

— Это правда. Но кого еще я мог здесь встретить, кроме вас?

— Кто вы?

Фолкейн на секунду замялся. Имя его — козырная карта в этой рискованной игре. Вовсе ни к чему открывать его врагу.

— Себастьян Тумс,— сказал он.

Плагиат, конечно, но навряд ли Латимер докопается до источника. Он и сам-то набрел на эти книги совершенно случайно, роясь в библиотеке герцога Роберта,— набрел и обнаружил, что древние языки не такая уж скучная вещь.— Космический торговец, имею звание капитана Политехнической Лиги.— Подчеркнуть свое положение никогда не помешает.— Вы командуете этой эскадрой?

— Нет.

— Тогда я хотел бы поговорить с тем, кто этим занимается.

— Да, конечно,— отозвался Хью Латимер.— Ваше желание совпадает с его приказом.

— Ладно, соедините-ка меня с ним.

— Вы не поняли,— голос его собеседника оставался все таким же бесцветным, выражение смуглого, со впалыми щеками лица не изменилось.— Гэхуд ждет вас у себя.

Фолкейн так стиснул зубы, что хрустнула трубка. Он отшвырнул ее в сторону.

— Откуда вы свалились, из другой вселенной? Вы думаете, что я...— он подавил гнев.— Я бы предложил вашему командиру кой-куда отправиться, да боюсь, его анатомия помешает. Так что спросите у него просто: будет ли разумно с моей стороны положиться на вашу милость?

Что это? Неужели страх чуть исказил застывшие черты Латимера?

— Мне дали приказ. Если я попытаюсь его оспорить, меня накажут. Какая вам от этого польза? — Он заколебался.— Полагаю, у вас есть два выхода. Вы можете отказаться от приглашения. Тогда Гэхуд, скорее всего, прикажет вас расстрелять. А согласившись прийти, вы можете чего-то для себя добиться. Он заинтригован мыслью о встрече с... э... диким человеком. Я не знаю. Быть может, сначала нам надо договориться о гарантиях вашего возвращения. Если так, давайте поторопимся, а то он начнет раздражаться,— да, это страх и ничто иное,— и тогда может произойти все, что угодно.

Опасность сближения с врагом очевидна. Не успеешь опомниться, как в тебя влепят не то что тепловым лучом — нет, самой обычной ракетой. Правда, опасность эта взаимная. «Бедолага» выглядит комариком в сравнении с этой тушей, но ведь и комар может укусить. Так что Фолкейн не собирался сохранять между кораблями расстояние в пятьсот километров и пришел в смятение, когда Латимер заявил, что это невозможно.

— Не забывайте, я всю жизнь занимался тем, что старался узнать как можно больше о вашей цивилизации. Я знаю, на что способны звездолеты вроде вашего. Не считая ручного оружия и всяких там лазерных пистолетов, у вас на борту четыре тяжелых бластера и четыре торпеды с ядерными головками. Если мы позволим вам приблизиться, то поставим себя в невыгодное положение. Скажем, если возникнут разногласия, мы, вне всякого сомнения, уничтожим ваш звездолет, но победа может нам стоить нескольких кораблей.

— Но если мой звездолет останется там, откуда не сможет нанести эффективный удар, что помешает вам захватить меня в плен? — запротестовал Фолкейн.

— Ничего,— согласился Латимер,— разве что отсутствие причин для этого. По-моему, Гэхуд просто хочет допросить вас и, быть может, передать вам сообщение для ваших хозяев. Кстати, если вы будете медлить, он потеряет терпение и отдаст приказ уничтожить вас.

— Что ж, приду как только смогу,— отрубил Фолкейн.— Если я через час не вернусь на свой корабль, мой экипаж объяснит это предательством с вашей стороны и будет действовать соответственно. Боюсь, в этом случае вас ждет неприятный сюрприз.— Он выключил прибор и замер в кресле, вцепившись в ручки и стараясь унять дрожь.

Чи Лан подошла, свернулась клубочком у ног Фолкейна и взглянула ему в лицо.

— Ты не хочешь идти,— сказала она непривычно мягко.— Ты боишься, что тебя снова накачают наркотиками?

Фолкейн утвердительно мотнул головой.

— Ты не представляешь, что это за ощущение,— сказал он, проглотив комок в горле.

— Я могу пойти.

— Нет. Капитан-то я.— Он поднялся.— Помоги мне собраться.

— По крайней мере,— заметила Чи,— тебя хоть не захватят.

— Что? Почему это?

— Убить тебя, конечно, могут. Но этот тип боится, что ты умеешь читать мысли.

— Ох,— выдохнул Фолкейн.— Подожди, я, кажется, понял.— Он сцепил пальцы; глаза его сверкнули.— Почему я об этом не подумал раньше?

И с этими словами он покинул звездолет. На скафандре у него имелся импеллер, но это на всякий случай. До флагманского корабля противника он будет добираться на грависанях. Фолкейн опустил колпак; кокпит саней заполнен был воздухом, тоже на всякий случай. Если, скажем, треснет шлем или еще что-нибудь в таком духе. Полет проходил в призрачной тишине, и лишь ускорение, которое вдавливало Фолкейна в кресло, не давало ему потерять чувство реальности. Огоньки звезд расплылись и исчезли. Объяснение этому было самое прозаическое: зеленоватое сияние индикаторов на

панели управления сыграло шутку с его глазами. Но без звезд было скучно. Фолкейн немного крепче, чем нужно, стиснул ручки управления и принялся насвистывать мотивчик, чтобы не было так одиноко:

Раз пошел гулять лудильщик;
Вот по Стрэнду он идет...

Что ж, быть может, он свистит последний раз в своей жизни. Ну и ладно, чем плоха эта песенка? Торжественности хватает и без того. Приближавшаяся, все увеличивающаяся в размерах громада корабля и так уж настраивала мысли на достаточно траурный лад. Раздавшийся в наушниках голос Латимера помешал Фолкейну докончить эту малопристойную балладку:

— Настройтесь на луч на частоте 158,6 мегагерц; он приведет вас к воздушному шлюзу. Поставьте сани в отсеке и подождите меня.

— Как, вы не хотите затаранить меня к себе на борт? — хмыкнул Фолкейн.

— Не понял.

— И не поймете. Ладно, забудем. Все равно мне деваться некуда,— он поймал сигнал и включил автопилот. Сам же тем временем занялся фотографированием вражеского корабля. Он внимательно разглядывал громаду звездолета, пытаясь запомнить все, что можно. Но часть его мозга продолжала размышлять. Этот Латимер явно заработался. Он ведет себя как помощник Гэхуда, кем бы там этот Гэхуд ни был. А кроме того, он и связист, и боцман... и все, что угодно.

Ну что ж, если корабль достаточно автоматизирован, то большой экипаж ему не нужен. У нас сейчас как бы снова Ренессанс: человек — мастер на все руки, а специализируются за него компьютеры. Но ведь остались и такие работы, с которыми машины не справляются. У них нет мотиваций, у них нет предприимчивости — нет истинного разума, наконец! Все полностью роботизированные корабли, которые мы — цивилизованные существа, с которыми сталкивался человек,— строили, годились только для элементарной, если не сказать черновой, работы. А если ты отправляешься на разведку или в торговую экспедицию, или ведешь войну — в общем, попадаешь в непредсказуемые обстоятельства,— то число членов экипажа возрастает. Отчасти, разумеется, для того, чтобы снизить психологическое напряжение, а отчасти — чтобы выполнить задание, причем в любых условиях. Вот как, к слову, нам с Чи тяжело — от того, что нас только двое на корабле. Ладно, нас подстегивала опасность, но Гэхуда-то что подстегивало? Почему на связь выходит только Латимер? Направляемые лучом грависани миновали крейсер. Фолкейна снова поразило невероятное количество всяких пушек. Башенки в форме плавников оказались тоньше, чем он предполагал. Да, самое подходящее место для лабораторий, и, похоже, там внутри действительно полно приборов. Но интересно, какой такой зверь обслуживает их — ведь и в этих башенках,

и в самом корабле наверняка не повернуться? Фолкеин постепенно добрался до ответа и потому не был особенно удивлен. Он включил встроенный в шлем передатчик и настроился на луч мазера, тянувшийся к «Бедолаге».

— Ты слышишь меня, Чи Лан? — спросил он.

— Да. Что нового?

Фолкейн перешел на язык Эрио, который они все выучили за время совместного пребывания на Мерсейе — если Латимер и подслушивает, вряд ли что поймет — и кратко описал все, что увидел:

— Я абсолютно уверен, что все корабли, кроме флагманского,— роботы,— закончил он.— Это многое объясняет, в том числе строй. Гэхуду приходится не спускать с них глаз, чтобы они, чего доброго, не разбежались по дороге. Зато его не тревожит мысль о потерях в бою — это ведь просто машины, хотя, скорей всего, с радиационной защитой. Если у него и имеется хоть один звездолет с экипажем, так это его собственный. Конечно, даже при высокоразвитой экономике посылать такую эскадру — удовольствие не из дешевых. Но ведь роботам найти замену куда легче, чем сотням или тысячам профессионалов. Что все эти кораблики в сравнении с таким лакомым кусочком, как Сатана!

— И-ирх! Знаешь, Дэвид, звучит довольно правдоподобно. Особенно, если этот Гэхуд — какой-нибудь удельный князь со своей дружиной. Такие обычно ни с кем не советуются, никого не посвящают в свои планы... Что ж, одной надеждой больше. Мы с тобой намалевали черта, а он оказался не таким уж и страшным.

— Не думай, он достаточно страшен. Если через час я не выйду с тобой на связь или если ты сама заподозришь что-то неладное, не строй из себя верного слугу — сматывай удочки.

Чи запротестовала было, но Фолкейн ее перебил:

— Я все равно к тому времени буду мертв, так что ты ничем мне не поможешь, оставшись здесь. Дома должны обо всем узнать — по крайней мере, будет кому за меня отомстить.

Она помолчала.

— Понимаю.

— Шансов ускользнуть от погони немного. В гонке на скорость девятнадцать эсминцев так или иначе тебя догонят. Вот если бы тебе удалось перехитрить их... или хотя бы незаметно отправить другую капсулу... Ну ладно, я почти у цели. Кончаю связь. Удачных полетов, Чи.

Ее ответа он не разобрал. Чи произнесла фразу на древнем языке своего племени. Но несколько слов Фолкейн понял — среди них было «удача». Голос цинтианки чуть дрожал. До линкора — так он окрестил флагманский корабль врага — было уже рукой подать. Фолкейн выключил автопилот и взял управление на себя. Когда грависани вышли из тени одной из башенок, в глаза человеку брызнул ослепительный свет. Он исходил из похожего на грузовой люк отверстия в борту

звездолета - наверно, того самого шлюза, о котором говорил Латимер. Сани осторожно миновали широкий комингс. Притяжение корабля немного затруднило посадку. Выполнив необходимые процедуры, Фолкейн выскочил из кокпита. В отсеке никого не было; внутренняя герметическая дверца оставалась закрытой. Он торопливо отцепил висевший у пояса предмет и с решимостью отчаяния сжал его в руке. В ожидании Латимера он посмотрел на приборную доску саней. Фолкейн чувствовал, что сила тяжести на этом звездолете превышает стандартную земную, и шкала гравиметра подтвердила его ощущения: стрелка стояла на делении 1,07. Интенсивность освещения более чем на треть превосходила обычную. Спектральное распределение указывало на то, что эти существа, какими бы они там ни были, живут вблизи звезды F-типа. Но тогда почему такое освещение? Внутренняя дверца распахнулась, наружу вырвалось немного воздуха. Фолкейн отметил про себя, что шлюз — составной: за этим отсеком был еще один. В дверном проеме появилась облаченная в скафандр человеческая фигура. Сквозь стекло шлема виднелось суровое лицо Латимера. В руке он держал бластер обычного типа, приобретенный наверняка на Луне. Но за спиной человека маячил робот — весь из металла, длинные ноги, цилиндрическое тело со множеством рук, вместо пальцев — датчики или эффекторы.

— Хорошо же вы принимаете посла, нечего сказать,— бросил Фолкейн. Рук поднимать он не собирался.

Впрочем, Латимер этого и не потребовал.

— Мера предосторожности,— пояснил он безучастно.— При вас не должно быть оружия. Сначала поищем бомбы.

— Валяйте,— согласился Фолкейн.— Суденышко мое чисто, пистолет я, как было договорено, оставил в звездолете. Правда, у меня есть вот это.— Он поднял левую руку, показывая зажатый в кулаке предмет.

Латимер отскочил.

— Йагнат хамман! Что это?

— Граната. Не ядерная, всего лишь противопехотная. Начинена торденитом с коллоидным фосфором для приправы. Здесь на расстоянии в пару метров разнесет что угодно. Про кислородную атмосферу я уж не говорю. Я вытянул чеку и отсчитал целых пять секунд, прежде чем вставить шток на место. Теперь гранате не дает взорваться только мой палец. Да, кстати, осколков от нее куча.

— Но вы... вы... нет!

— Не паникуйте, приятель. Пружина не такая уж тугая — я спокойно удержу ее в течение часа. Мне вовсе не хочется взрываться. Но еще больше мне не хочется попасть в плен, быть застреленным... Продолжите сами. Если вы будете придерживаться дипломатической учтивости, никаких проблем не возникнет.

— Я должен сообщить об этом,— пискнул Латимер. Он наклонился над каким-то прибором — по всей видимости,

интеркомом. Робот, как ему было приказано, проверил сани и замер в ожидании.

— Он вас примет. Пойдемте,— сказал Латимер, делая шаг к двери. Он явно был рассержен. Робот пропустил вперед обоих людей и двинулся следом. Фолкейн чувствовал себя между ними как в мышеловке. Что толку в этой гранате? Если его сопровождающие только захотят, они без особых хлопот справятся с ним. Или не будут рисковать сейчас, а подстрелят его на обратном пути, когда он уже будет считать себя в безопасности.

Хватит об этом. Ты пришел сюда, дабы узнать все, что можно. Да, ты не герой, ты бы отдал черту душу, лишь бы оказаться где-нибудь далеко-далеко отсюда, со стаканом в руке и со шлюхой на коленях, и хвастать напропалую своими приключениями. Но ведь назревает война. Атаке могут подвергнуться целые планеты. Представляешь, какая-нибудь девчушка не старше твоей маленькой племянницы лежит под развалинами сметенного атомным взрывом дома — лицо обуглилось, глаза испарились — и зовет папу, который погиб вместе со звездолетом, и маму, которую взрыв застиг на улице. Быть может, дела не настолько плохи. Быть может. Как можно упускать возможность поговорить с противником? В конце концов, ты рискуешь лишь собственной шкурой. А шкура-то свербит. Тьфу ты, черт, и не почешешься! Фолкейн криво усмехнулся. Наружная дверца закрылась, давление внутри шлюза выровнялось, створки люка, ведущего в рабочие помещения звездолета, автоматически раздвинулись. Глазам человека предстал залитый ярким светом, отражавшимся от металлических стен, коридор. Тишину нарушали лишь рокот двигателей, приглушенное гудение вентиляции на форсированной тяге да гулкое эхо шагов. Дверей в стенах коридора не было, лишь всякие решетки, вентиляционные отверстия; кое-где попадались загадочного вида приборы. Впереди открылся перпендикулярный проход: по нему прошествовал еще один робот, совершенно не похожий на первого,— он очень напоминал ведро со щупальцами и усиками и явно был предназначен для обслуживания каких-то механизмов. На этом корабле, похоже, всем занимались машины — вернее, он сам по себе был одной огромной машиной. Если не считать Латимера, Фолкейну на борту не встретилось еще ни одной живой души, но что-то подсказывало ему, что на звездолете есть не только роботы. Воображению его вдруг представилась громадная туша, изготовившаяся к прыжку.

— Здесь можно дышать,— раздался в наушниках голос Латимера.— Воздух чуть более плотен, чем на Земле на уровне моря.

Имитируя движения своего проводника, Фолкейн свободной рукой открыл вентиль, чтобы давление внутри шлема постепенно сравнялось с наружным, потом поднял лицевой щиток и глубоко вдохнул. И тут же пожалел об этом. Воздух был горячим и сухим, как в пустыне; сильно пахло озоном. К этому запаху

примешивались и другие ароматы — пряностей, кожи, крови,— усиливавшиеся по мере того, как маленький отряд все ближе и ближе подходил к жилым отсекам корабля. Латимер как будто не замечал ни жары, ни ослепительного сияния ламп. Наверно, он уже с этим свыкся. Свыкся ли?

— Сколько народу у вас в экипаже? — спросил Фолкейн.

— Вопросы будет задавать Гэхуд,— Латимер глядел прямо перед собой, одна щека его чуть подергивалась.— Я вам искренне советую: отвечайте ему вежливо и полно. Вы и так уже провинились с этой своей гранатой. Но вам повезло: ему так хочется вас увидеть, что он лишь слегка рассердился на подобную дерзость. Будьте очень осторожны, а иначе он вас достанет и на том свете.

— Какая лапочка ваш босс, право слово,— Фолкейн попытался разглядеть выражение лица Латимера.— На вашем месте я давно бы ушел от него, хорошенько хлопнув дверью.

— Если вас пугают трудности служения своему миру, своему народу, то я не из таких,— презрительно хмыкнул Латимер. Внезапно выражение глаз его изменилось, голос понизился почти до шепота.— Тсс! Мы совсем рядом.

Фолкейн увидел впереди уходящую отвесно вверх шахту гравиколодца. Люди и робот поднялись по ней на добрых пятнадцать метров и очутились на другой палубе. Передняя? Сад? Грот? Фолкейн смятенно огляделся. Все помещение, большое как танцзал, заставлено было плантерами. В них росли самые разнообразные растения: от крошечных, сладко пахнущих цветов и высоких разлапистых папоротников до настоящих деревьев с пушистыми, заостренными или причудливо закрученными листьями. Основным цветом растений был темно-золотистый. В центре зала бил фонтан. Каменный бассейн его был очень дряхлым на вид, но сохранившиеся барельефы вызвали у Фолкейна чувство восхищения. Очарованию бассейна, его чужой, непривычной красоте разительно не соответствовали заляпанные большими пятнами краски переборки. Очевидно, вкус у владельца этого сада был весьма своеобразный. Следуя за Латимером, Фолкейн миновал арочный дверной проем в конце зала — и оказался в первом из, так сказать, дворцовых покоев. Каюта была обставлена — вернее даже заставлена — с варварской роскошью. Пол устилали шкуры, которые вполне могли принадлежать ангорским тиграм. Одну из стен покрывала грубой работы золотая плита, вторая в точности походила на раскрашенные переборки снаружи, на третьей висела чешуйчатая шкура, а четвертая стена представляла собой экран, на котором под рокот барабанов и завывание рогов метались в исступленном танце какие-то абстрактные тени. Над входом висел череп чем-то смахивающего на динозавра животного. Из стоявших тут и там курильниц поднимался к потолку горьковатый дымок. Две из них были настоящими произведениями искусства, древними и прекрасными, как и фонтан. Остальные мало чем отличались от железных болванок. Сесть можно было либо на подиум —

таковых в каюте было два, причем столь широких, что на каждом из них спокойно улеглось бы по три человека,— либо на разбросанные по полу подушки. На полках и в самых неожиданных местах полно было всякой всячины. Что там такое, Фолкейн даже не попытался разобраться. Одни предметы походили на музыкальные инструменты, другие — на игрушки, но чтобы узнать истинную их сущность, надо сперва познакомиться с хозяином. А вот и мы! Плотный экран из прозрачного материала, скорее всего из витрила, закрывал второй вход в помещение. Если оставаться за ним, не страшна никакая граната. А еще безопаснее вести разговор по телекому. Но так ронять себя в глазах пришельца Гэхуд не собирался. Он вышел и встал за экраном. Хотя Фолкейн перевидал достаточно инопланетян, ему пришлось стиснуть зубы, чтобы удержаться от крика. Перед ним стоял... Минотавр! Нет... не точная копия, разумеется... если уж на то пошло, из него такой же минотавр, как из Эдзела дракон. Но до чего похож! Это было двуногое существо, чем-то напоминавшее человека. Ноги — короче, а руки — значительно длиннее, чем у людей. На ногах по три пальца, все с подушечками, на руках — по четыре, похожих на обрубки с зеленоватыми ногтями на концах. Такой же оттенок имела кожа, поросшая золотистыми волосками — не настолько, правда, густыми, чтобы можно было назвать их мехом. Под кожей, вовсе не там, где у людей, перекатывались мускулы. Губы по-коровьи мягкие, но рудиментарные грудные соски отсутствуют, поэтому сказать наверняка, принадлежит ли он к разряду млекопитающих, невозможно. Одно было ясно, что это взрослый самец, по всей видимости теплокровный. Зубы — ровные, тронутые желтизной. Голова... Сравнивать между собой обитателей двух планет бессмысленно. Можно лишь описывать разницу между ними в пределах языковых возможностей. Скорее всего, эту массивную голову с широким рылом, мясистым подбородком, иссиня-черными широко расставленными глазами под низкими надбровными дугами, очень покатым лбом и длинными подвижными ушами можно было назвать бычьей. Но, разумеется, отличия преобладали над сходствами. У Гэхуда не было рогов; лицо его обрамляла роскошная грива, ниспадавшая сзади чуть ли не до пояса. Волосы были светлыми и полыми изнутри, а потому в свете ламп переливались всеми цветами радуги. Хотя Фолкейна с Латимером судьба ростом не обидела, Гэхуд возвышался над ними обоими. В нем было сантиметров двести тридцать. При таком росте, при неимоверной ширине плеч и грудной клетки, при столь развитой мускулатуре весу в нем было наверняка не меньше двухсот килограммов. На шее у него висело бриллиантовое ожерелье, пальцы унизаны были кольцами, на запястьях сверкали тяжелые золотые браслеты. Если не считать ремня, на котором с одного бока болтался кисет, а с другого — похожий на мачете нож, он был абсолютно голым. Дыхание Гэхуда напоминало гул вентилятора. От него исходил запах мускуса.

Когда он заговорил, оказалось, что голос у него — очень низкий и требовательный. Латимер поднес бластер к губам — что это, салют? — потом опустил и обернулся к Фолкейну.

Вы стоите перед Гэхудом из Нешкета,— последнее слово он выговорил с трудом.— Он будет вас допрашивать. Я уже сообщил ему, что вы назвались Себастьяном Тумсом. Вы с Земли?

Фолкейн собрался с духом. У этой твари за экраном устрашающий вид... Ну и черт с ней!

— Буду рад обменяться информацией,— ответил он.— Нешкет — это его планета? Или как?

Латимер даже переменился в лице.

— Ну что вы делаете! — пробормотал он.— Ради себя же самого, отвечайте, как вам было сказано.

Фолкейн обнажил в усмешке зубы.

— Бедный ты маменькин сыночек! — воскликнул он.— Дрожишь за свою шкуру, а? Мне-то особо терять нечего!

Врешь, приятель, мысленно оборвал он себя. Жизнь тебе терять вовсе не хочется. Ой как не хочется! А у Гэхуда, похоже, темперамент, как у атомной бомбы. Вот если бы мне удалось пройти по доске над пропастью... Некий бесенок внутри него прокомментировал: «Какой поток метафор! Юмор висельника, а, дружок?»

В конце концов,— сказал Фолкейн вслух, глядя в искаженное страхом лицо Латимера и на бластер в его руке,— рано или поздно вы столкнетесь с Лигой. В схватке или как еще — этого уж я не знаю. Ну так отчего же вы не хотите поговорить со мной? В бою ведь ответ один — торпеда в борт, а так, глядишь, что-нибудь да выясните.

Гэхуд что-то пробурчал. Латимер ответил. Лицо его было мокрым от пота. Хозяин положил руку на рукоять ножа, фыркнул и бросил короткую фразу. Латимер сказал:

— Вы не понимаете, Тумс. Дело в том, что вы забрались на принадлежащую Гэхуду территорию. Он выказал редкую сдержанность, не уничтожив ваш корабль на месте. Поверьте мне. Мало кто из его родичей обладает подобным терпением. Но и у него оно скоро лопнет.

Его территория, вот как? — подумал Фолкейн. Не настолько же он в самом деле глуп, чтобы полагать, будто Лига испугается одной его эскадры и забудет про Сатану? Вполне возможно, что по их законам он получает приоритет перед своими сородичами, оказавшись тут раньше них. Скорей же всего — это авангард. Отправили сюда первое, что подвернулось под руку. А эта женщина — как ее там, сестра Теи Белдэниэл,— отправилась за подмогой. Или она связалась с другим минотавром? Судя по поведению Латимера, Гэхуд его хозяин... Ну что ж, блефую, похоже, не я один. Гэхуд, наверно, горит желанием прихлопнуть меня как муху. Латимер из-за этого и паникует. Ему-то от моей гранаты никуда не деться. Однако пока Гэхуд сдерживается. Видно, хочет припугнуть меня и выудить побольше сведений.

Кстати, сказал Фолкейн,— раз уж вы переводчик, не вижу причины, почему бы вам самому не ответить на пару моих вопросов. Вам ведь впрямую это не запрещено?

— Н-н-нет Я..— Латимер судорожно вздохнул.— Я могу вам сказать... э... название, которое было упомянуто.. это. э... поместье.

Гэхуд что-то проревел.

— А теперь отвечайте мне! Вы прибыли с самой Земли?

— Да. Нас отправили исследовать планету-бродягу — Утверждение, будто «Бедолага» натолкнулся на Сатану случайно, прозвучало бы уж слишком неправдоподобно. Кроме того, непонятно было бы, при чем тут Лига, готовая отомстить.

Гэхуд, через Латимера:

— Как вы узнали о ее существовании?

Фолкейн, лукаво:

— Да, вы, небось, все локти себе искусали, когда обнаружили нас здесь? Вы ведь рассчитывали, что у вас полно времени. Хотели сделать планету неприступной, а? Учтите, друзья, во всей галактике нет ничего такого, к чему Лига не смогла бы приступить. Как называется ваша родная планета?

Гэхуд. «Ваш ответ уклончив. Откуда вы узнали? Сколько вас здесь? Каковы ваши дальнейшие планы?»

Фолкейн молчание. Латимер, сглотнув.

Э Не вижу в этом большой беды. Планета называется Датина, народ, живущий на ней, шенны. В буквах Общего Алфавита, Д-А Т-И Н-А и Ш Е-Н Н-Ы Единственное число шенн. Приблизительно слова эти означают «мир» и «народ»

Фолкейн: «Обычное дело».

Про себя он отметил, что шенны живут на своей планете. Быть может, у них есть несколько колоний, но вряд ли много. Живут и не высовываются. Иначе разведчики Лиги обнаружили бы их давным-давно. Из этого, естественно, не следует, что они перестают быть врагами — быть может, смертельными врагами человечества. Те сведения, которые для них добывала «СИ», не говоря уж о самом создании фирмы, подтверждают как раз обратное. Одна-единственная планета, как следует вооруженная и искусно ведомая, может взять верх надо всей Лигой, вместе взятой, ибо способна причинить значительный ущерб. Даже если ее, в конце концов, и одолеют, она наверняка успеет уничтожить целые миры с их обитателями. Если Гэхуд типичный их представитель, эти шенны запросто могут выкинуть что-нибудь этакое,— подумал Фолкейн.— Слишком, черт побери, много неизвестных да и противоречий хватает! Ну почему они примчались сюда на такой скорости? Где та пресловутая выдержка, где то долготерпение, с которым создавалась «Сириндипити»? Куда это все вдруг пропало? Чего ради, если уж на то пошло, они поставили на карту свою судьбу — и проиграли, между прочим,— похищая меня?

— Говорите! — взвизгнул Латимер.— Отвечайте на его вопросы!

— Что? А-а, вопросы,— не торопясь повторил Фолкейн.— Боюсь, что не смогу этого сделать. Мне известно лишь, что наши корабли получили приказ вылететь сюда, проверить ситуацию и доложить по возвращении. Нас предупредили, что кто-нибудь может попробовать перебежать нам дорогу. И все. Он почесал переносицу и моргнул.— Наше командование отнюдь не жаждет открыть вам, сколько мы о вас уже знаем... откуда и как к нам попала эта информация.

Латимер вздрогнул и, круто повернувшись, принялся что-то объяснять Гэхуду. Пожалуй, тот был ошеломлен не меньше своего прислужника. Вряд ли он станет утверждать, что Фолкейн врет. Или станет? Он может сделать все, что угодно. Фолкейн застыл в напряжении. Его выручили тренированные мышцы. Гэхуд отдал приказ. Робот тихонько скользнул к человеку. Тот краем глаза заметил его движение и метнулся в сторону. Опоздай он на долю секунды, и его левая рука оказалась бы в металлических тисках. Фолкейн вжался в угол.

— Бездари! — прокомментировал он.

Робот снова было направился к нему.

— Эй, Латимер, если эта штука сделает еще хоть шаг, я отпущу палец. Отзовите своего железного пса, или нам обоим крышка!

Латимер пробормотал команду — робот остановился. Тут вмешался Гэхуд: по его приказу машина начала отступать и пятилась до тех пор, пока не уперлась в стену. Минотавр топнул ногой, замахал руками, ноздри его широко раздулись — он гневался, укрывшись за экраном. Дуло бластера направлено было в грудь Фолкейну. Но рука Латимера дрожала, лицо его исказила гримаса страха. Пусть он посвятил свою жизнь Датине, пусть он готов пожертвовать собой, возникни такая необходимость,— поведение хозяина, так свободно рисковавшего этой жизнью, вряд ли было ему по душе.

— Кончайте, Тумс,— проблеял он.— Со всем кораблем вам не справиться.

— Пока у меня кое-что получается,— откликнулся Фолкейн. Ему пришлось сделать над собой громадное усилие, чтобы голос не дрожал.— И потом, вы же знаете, что я не один.

— Какой-то крошечный разведкатер... Хотя постойте, вы говорили про других! Кто они? Сколько их? Где они прячутся?

— Вы на самом деле думаете, что я вам все это выложу? Ладно, слушайте и переводите все в точности. Когда мы обнаружили вас, мой корабль отправили установить с вами контакт. Лига предпочитает торговать, а не воевать. Но если дело доходит до драки, мы не успокаиваемся, пока от противника не останется камня на камне. Вы достаточно прожили в Содружестве, Латимер, чтобы подтвердить правоту моих слов. Мне приказано передать вам следующее. Наши заправилы хотят встретиться с вами. Время и место выберите сами и потом сообщите в секретариат Лиги. Кроме

того, я должен вас предостеречь относительно Беты Креста. Мы здесь были первыми; территория эта — наша, и наш флот уничтожит всякого, кто осмелится посягнуть на наши права. Теперь я возвращаюсь на свой звездолет, а вам советую отправиться восвояси и хорошенько поразмышлять надо всем этим на досуге.

Латимер окончательно сник.

— Я не могу... не могу... перевести ему это слово в слово.

— Ну так не переводите,— Фолкейн пожал плечами. Гэхуд наклонил голову, топнул ногой и взревел.— Однако если вы спросите меня, то он как будто начинает проявлять нетерпение.

Запинаясь на каждом слове, Латимер заговорил с шенном. Наверняка смягчает мои выражения, подумал Фолкейн. Бедняга. На Луне-то он действовал смело, а здесь его так запугали, что он превратился в раба, во всех смыслах. И даже наркотиками накачивать не пришлось, не то что меня. Омерзительное зрелище. А где-то в уголке сознания притаился беззвучный вопль: выпустят они меня или убьют? Гэхуд взревел снова, да так громко, что ушам Фолкейна стало больно. По каюте пошло гулять эхо. Датинец ухватился за низ экрана. При установленной на корабле силе тяжести экран этот весил не меньше тонны, но Гэхуд приподнял его и что-то крикнул. Латимер, спотыкаясь, бросился к нему. Вот оно, понял Фолкейн. Он запустит под экран своего раба, снова закроет вход, а потом прикажет роботу схватить меня. Я его оскорбил и потому должен умереть. Ради этого можно пожертвовать и роботом, и обстановкой... Тело его отреагировало мгновенно. Он находился дальше от двери, чем Латимер, и ему еще надо было миновать робота. Но молодость, тренированные мышцы, привычка к работе в скафандре и жажда жизни сделали свое. У витрилового экрана он оказался одновременно с Латимером. Экран стоял теперь почти вертикально; между ним и палубой образовался проем шириной не меньше метра. Державший его зверюга не сразу сообразил, что к чему, и Фолкейн успел проскочить внутрь и тут же откатился в сторону. Гэхуд отпустил экран, который с грохотом встал на прежнее место, и ринулся на него.

— Нет, нет! — крикнул он.— Уберите его, Латимер! Иначе он станет третьим слоем в нашем с вами пироге!

Раб бросился на хозяина, пытаясь его остановить. Шенн отшвырнул его от себя и прижал к полу. Скафандр с лязгом ударился о металл палубы. Это как будто привело Гэхуда в чувство. Он замер. Немая сцена. Латимер в полуобморочном состоянии корчился под ногами датинца; из носа у него текла кровь. Минотавр в упор глядел на Фолкейна; грудь его высоко вздымалась, воздух со свистом вырывался из ноздрей. Гермесец стоял в нескольких шагах от него, посреди почти не отличавшейся от первой каюты. Светлые волосы его прилипли к мокрому от пота лбу. Он ухмыльнулся и помахал зажатой в руке гранатой.

— Так-то лучше,— сказал он.— Гораздо лучше. Стойте смирно, вы оба. Латимер, я возьму вашу пушку.

Раб попытался было дотянуться до бластера, который лежал неподалеку, но не смог. Гэхуд наступил на оружие ногой и заворчал.

Ну и держи его... на здоровье,— сказал Фолкейн. Да, кем-кем, а идиотом этого детину не назовешь. Завладей Фолкейн бластером — и граната ему больше ни к чему. Ну да ладно, все равно им деваться некуда.— Проводите-ка меня до саней. Если надумаете звать своих роботов или добрых молодцев, в общем кого угодно, предупреждаю сразу: взорву ко всем чертям!

Латимер кряхтя поднялся.

— Добрых молодцев? — озадаченно переспросил он. Потом до него дошло.— А, членов экипажа. Нет, мы не будем их звать.— Он перевел свои слова датинцу.

Фолкейн внешне оставался бесстрастным, но внутри у него все пело. Реакция Латимера подтверждала его подозрения, которые превратились почти в уверенность, когда никто не прибежал в каюту на шум и даже не запросил, в чем дело, по телекому. Гэхуд и Латимер были одни. Флагманский звездолет, подобно всем другим кораблям, был полностью автоматическим. Но это невозможно! Хотя, хотя... А если предположить, что на Датине — или в этом Гэхудовом поместье — ощущается острая нехватка, так сказать, в людях? Шенны вряд ли ожидали, что у Беты Креста окажется звездолет Лиги. У них ведь нет оснований думать, будто тайна «СИ» раскрыта. Разумеется, они должны были учитывать возможность встречи с противником, но сочли, видно, что с ним справятся и роботы. (Причем небезосновательно. «СИ» наверняка известила их, что если Техноцивилизация затевает сколь-нибудь серьезную экспедицию, то оповещает об этом все подвластные ей миры. Поэтому вероятность встречи с Космофлотом была в этом случае крайне мала). Скорее всего, Гэхуд решил не затруднять себя подбором команды — наверно, это показалось ему пустой тратой времени, а взял с собой всех своих роботов. Единственным живым его спутником был человек, который доставил ему весточку,— раб. Что же это за цивилизация такая — испытывающая недостаток в профессионалах, плюющая на научное изучение новой планеты и в то же время в области кибернетики оставившая Содружество далеко за спиной? Гэхуд бросил на пол витриловый экран. Раздался оглушительный грохот. Робот стоял как вкопанный. Фолкейн вслед за своими пленниками пересек переднюю, спустился по гравиколодцу и прошел по коридору до шлюза. Времени, чтобы составить план, у него по дороге было достаточно.

— Так,— сказал он,— я бы взял в заложники вас обоих, но боюсь, Гэхуд раздавит мое суденышко. Понятно, Латимер?

— Нет! — отшатнулся тот.

— Да. Мне нужна гарантия, что меня не подстрелят на обратном пути.

— Но неужели вы не понимаете? Мои... то, что я знаю... что вы можете узнать от меня... он не допустит этого!

— Я уже все прикинул. По-моему, он не так уж и рвется испепелить вас. Вы нужны ему — и не только как переводчик. Иначе он не взял бы вас с собой.

В Солнечной системе за тобой закрепилась слава искусного пилота, Хью Латимер. И ты — единственный член его экипажа (надеюсь, он не подозревает, что я об этом догадался). Без тебя ему придется туго, даже со всеми этими роботами. Домой-то он, разумеется, вернуться сможет, а вот осмелится ли он на что-нибудь еще, пока у него есть сомнения, наврал ли я ему насчет армады за моей спиной или нет? В конце концов, откуда мне знать: вдруг вы друзья?

— Так что, пока вы со мной, я в относительной безопасности. Верно? Прокатитесь до моего звездолета, а там я вас отпущу. Хозяин нащупает вас лучом радара и подберет. Передайте ему, что если по прошествии известного времени он не обнаружит вас барахтающимся в космосе, то может открывать огонь.

Латимер заколебался.

— Быстрее! — рявкнул Фолкейн.— Переводите, потом скажете мне его решение. Мой палец уже устал.

Откровенно говоря, он опасался, как бы враги его не учинили какую-нибудь каверзу.

— Хорошо,— угрюмо согласился Латимер.— Но бластер я возьму с собой.

— Тогда я не стану выбрасывать гранату. Вот и договорились. Пошли.

Латимер произнес команду. Люк начал медленно закрываться. Фолкейн бросил прощальный взгляд на Гэхуда. Минотавр с ревом бегал по коридору, стуча кулаками по переборкам.

Сани ожидали их. Фолкейн приказал Латимеру лезть внутрь, выразительно кивнув на гранату, потом забрался сам. Они кое-как разместились в кокпите. Управлять санями в такой тесноте можно было лишь одной рукой, поэтому старт у Фолкейна получился неуклюжим. Выбравшись из порта, он предоставил кораблик его собственной воле, а сам принялся вызывать «Бедолагу».

— Дэвид! — раздался в наушниках голос Чи Лан.— Ты свободен! Ян-тай-и-лирх-ю!

— Нам с тобой придется улепетывать во все лопатки.— сказал он по-английски, чтобы понял Латимер.— Дай мне направляющий луч. Будь готова втянуть меня на борт и запустить двигатели. Да, кстати, сначала мне надо будет высадить пассажира.

— Заложник, что ли? Тупица, хватит валять дурака. Слышал, что приказал капитан?

Через минуту Фолкейн передал управление автопилоту. Сани двигались ровно; гигантская тень линкора постепенно отдалялась. Гермесец поглядел на поникшего Латимера. Тот

сидел сгорбившись и поджав ноги, лицевой щиток его шлема посверкивал в тусклом мерцании звезд и огоньков на панели управления. Бластер уперся ему в живот

— Вряд ли Гэхуд начнет в нас палить,— сказал Фолкейн тихо.

— Сейчас — да,— устало отозвался Латимер.

— Ну-ну Как насчет расслабиться? Прогулка нам предстоит довольно нудная.

— А как же эта штуковина у вас в руке?

— Мне она не помешает Это такая же мера предосторожности, как и ваш бластер. Но мы можем открыть шлемы, угостить друг друга сигаретами...

— Не курю,— заявил Латимер.— Однако...— Вслед за Фолкейном он поднял лицевой щиток.— Да. Хорошо.. разжаться.— Он вздохнул.

— Зла я на вас не держу,— сказал Фолкейн не вполне искренно.— Мне просто хочется, чтобы дело не закончилось стычкой.

— Мне тоже. Я восхищен вашим мужеством. Вы вели себя в этой ситуации почти как шенн.

— Может, вы мне объясните в общих чертах, из-за чего весь переполох?

— Нет,— Латимер снова вздохнул, лучше уж я вообще замолчу Только вот как там они? Мои друзья из «Сириндипити»?

— Ну, дела у них обстоят

Латимер уселся поудобнее, и Фолкейн понял, что у него есть шанс. По правде сказать, он готов был ждать, сколько понадобится, готов был даже отказаться от своей задумки, если не представится подходящего момента. Сани уже настолько отдалились от линкора, что никакой сканнер не сможет определить, что происходит в их кокпите. Если не считать направляющего луча Тупицы и следящего Гэхуда, они предоставлены сами себе. Латимер притулился рядом с Фолкейном; голова его находилась примерно на уровне плеча гермесца. Бластер лежал на коленях.

— ...вот так,— закончил Фолкейн. А ну! Левый его кулак, утяжеленный зажатой в нем гранатой, ударил по пистолету — тот отлетел к стенке. Правая же рука его змеей проскользнула под открытый лицевой щиток шлема и сдавила горло Латимера. Латимер все-таки успел один раз выстрелить, пытаясь вырваться. Но потом затих. Тяжело дыша, Фолкейн чуть ослабил хватку.

— Обстоятельства,— пояснил он пространству.

Воздух с шипением вырывался через дырку в борту Но дырка эта уже начала затягиваться, а резервные кислородные баки привели давление внутри кокпита в норму Он засунул бластер себе за пояс и оглянулся. На эскадре шеннов все было спокойно. Да и трудно было предположить, что на таком расстоянии можно заметить короткую вспышку и тонкую завесу водяного тумана. Избавиться от гранаты было

потрудней. Фолкейн с помощью двигателей развернул сани перпендикулярно курсу, так, чтобы мини-шлюз был обращен не к линкору. Клапаны этого шлюза представляли собой набор сфинктерных диафрагм по обеим сторонам жесткого цилиндра. При подобной конструкции незначительная утечка воздуха была практически постоянной; да и при посадке и высадке терялось довольно большое количество газа. Но этот недостаток компенсировался высокой скоростью саней. Да и, в конце концов, они ведь были предназначены для коротких перебежек по космосу. Закрыв лицевой щиток, Фолкейн уперся ногами в стенку — голова и плечи оказались снаружи. Почти без размаха он швырнул гранату. Та взорвалась на сравнительно безопасном расстоянии. Пара-тройка осколков срикошетила по обшивке, но и только.

— Хорьки! — бросил он.

Левая рука болела. Он подвигал пальцами, пытаясь расслабить кисть, потом юркнул внутрь саней. Латимер начал приходить в себя. Волей-неволей — что за грубое обращение с человеком? — Фолкейну пришлось снова чуть его придушить. Так он выиграл несколько секунд, за время которых успел вывести сани на прежний курс, пока Гэхуд ничего не заметил и не исполнился подозрений. Он осторожно уселся напротив Латимера, вытащил из-за пояса бластер, открыл свой шлем и стал ждать. Пленник шевельнулся, огляделся, вздрогнул и подобрался словно для броска.

— Не стоит,— сказал Фолкейн,— или вы умрете. Встаньте. Проберитесь в заднюю часть саней и снимите скафандр.

— Что? Логра доадам! Ах ты, свинья!..

— Живее,— приказал Фолкейн.— Теперь слушайте: убивать вас я не намерен. Мораль и все прочее здесь ни при чем — из вас вышел отличный заложник. Но к Гэхуду вы не вернетесь. Ему придется обойтись без вашей помощи. Если вы попытаетесь помешать мне, я убью вас, как паршивую собаку. Раздевайтесь. Еще не совсем пришедший в себя Латимер повиновался. Фолкейн заставил его застегнуть скафандр.

— Мы выкинем его в подходящий момент, и ваш босс решит, что это вы,— пояснил он.— Пока он разберется, что к чему, вас уже тут не будет.

Ответом ему было рычание и гневный взгляд.

— То, что мне рассказывали о вас, людях, правда. Теперь я сам в этом убедился. Злобные, вероломные...

— Засохни, Латимер. Я с вами договоров не подписывал, присяг не приносил. Не так давно вы и сами не прочь были изменить правила переговоров. И гостеприимства в вашем замке на Луне я пока что не забыл.

Латимер отшатнулся.

— Фолкейн,— прошептал он.

— Так точно. Капитан Дэвид Фолкейн собственной персоной. С жалобой на отравление гидроцианидом и с кучей причин подозревать вашу шайку в темных делишках. Или вы станете утверждать, что отправились на прогулку? Ничего себе прогулка! Сиди тихо, пока я тебя не поджарил!

Последнее предложение он произнес таким голосом, что вконец запуганный Латимер застыл в своем углу, даже не пытаясь возражать. Фолкейн и сам изумился. Я ведь и в самом деле готов был выполнить свою угрозу. Что за черт? Я же хотел всего лишь припугнуть его, чтобы он не догадался о моих планах и в отчаянии не бросился на меня. Но эта ярость... О небо! Он вздрогнул. Время шло. Вражеские звездолеты становились все меньше, «Бедолага» приближался. Когда сани были почти рядом с кораблем, Фолкейн приказал Латимеру вытолкнуть через мини-шлюз пустой скафандр. Процедура эта была довольно трудоемкой, но Латимер не издал ни звука.

— Возьми нас на борт, Чи,— сказал Фолкейн.

Из корпуса звездолета вырвался гравилуч. Фолкейн отключил двигатель. В борту корабля открылся грузовой люк. Едва сани встали на свое место, защищенные теперь от перегрузок полем тяготения «Бедолаги», Чи перевела двигатели на полную мощность. Корпус звездолета мелко задрожал; послышался ровный гул. Цинтианка сбежала вниз, навстречу людям. Они только что выбрались из саней и стояли теперь, разглядывая один другого в холодном свете ламп. Чи направила на Латимера свой сканнер.

— Вот оно как,— пробормотала она.— Я так и предполагала, Дэвид. Куда мы запрем этого клонга?

— В лазарет,— ответил Фолкейн.— Чем скорее мы с ним разберемся, тем лучше. За нами могут устроить погоню, но если мы отправим домой другую нашу капсулу, да еще кое с чем внутри...

Он тут же раскаялся, что произнес это все по-английски. Латимер понял, что с ним хотят сделать, взвизгнул и кинулся грудью на бластер. Движения Фолкейна стеснены были скафандром, и он не успел уклониться от нападения. Мужчины покатились по палубе. Чи Лан угрем проскользнула между ними и оглушила Латимера выстрелом из сканнера. Тело того обмякло. Фолкейн поднялся, тяжело дыша; он дрожал.

— Надолго он отключился?

— На час-другой,— ответила цинтианка.— Но надо приготовить все заранее.— Она сделала паузу.— Я же не психотехник, чтобы так вот, раз — и все. И потом, у нас нет полного набора лекарств, которые в этом деле применяются, и электроэнцефалических индукторов тоже нет. Я не уверена, что смогу много из него выкачать.

— Не сомневаюсь, что ты с ним справишься,— сказал Фолкейн.— Ты же у нас теперь опытный врач. Кстати, с тех пор, как ты меня лечила, оставалось полно всяких медикаментов. Узнай у него хотя бы координаты Датины — это их планета.

— Оттащи его наверх. Потом, если только ты в состоянии, возьми на себя управление кораблем.

Фолкейн кивнул. Его начала одолевать усталость — реакция на пережитое напряжение. Тело Латимера показалось ему чудовищно тяжелым. На худом лице пленника застыла стра-

дальческая гримаса, словно в предчувствие того, что его ожидало.

— Дурошлеп,— пробормотал Фолкейн с сарказмом.

Кофе с саидвичем и пять минут под душем, во время которых он по интеркому повествовал о своих похождениях, придали ему сил. На мостике он появился в прекрасном расположении духа.

— Как дела, Тупица? — спросил он.

— Что касается нас, то мы на пределе скорости возвращаемся к бродячей планете,— отозвался компьютер. Гэхуд наверняка решит, что они на всех парах мчат под крылышко боевых кораблей.— Состояние систем звездолета удовлетворительное, хотя колебания линейного напряжения в цепи сорок семь свидетельствует о неисправности регулятора, который нужно будет заменить при первой же посадке в любом космопорту.

— Исправить,— поправил Фолкейн автоматически.

— Заменить,— повторил Тупица.— Пока в имеющихся в наличии данных будет утверждаться, что в терминах предписанного мне словаря мастер ван Рийн поддается описанию, нелогично, чтобы на мою работу влиял, пусть даже отчасти...

— Великий Вилли! Мы можем через час оказаться в облаке радиоактивного газа, а ты требуешь себе новый регулятор напряжения! Может, тебе еще его золотом покрыть?

— Эту возможность я не учитывал. Разумеется, покрыть можно только корпус. Это должно неплохо выглядеть при условии, конечно, что все другие аналогичные блоки будут сделаны подобным образом.

— Заткни мельницу,— сказал Фолкейн. Он крепко закусил черенок трубки.— Что противник?

— Гравилуч с эсминца захватил скафандр; в данный момент последний находится рядом с линкором...

— Который возьмет его на борт,— докончил Фолкейн уверенно. Пока идут дела так, как он и предполагал... пока. У Гэхуда еще какое-то время уйдет на то, чтобы во всех подробностях растолковать своим кораблям, что от них требуется. Да, у этих звездолетов высокая скорость и точность наведения на цель, но вот с принятием решений у них туговато. Как у любых других роботов, построенных любой другой цивилизацией. И вовсе не из-за отсутствия мистических жизненных сил. Дело тут, скорее всего, в физической организации живого существа. Помимо мозга, органов чувств и, если можно так выразиться, эффекторов, то бишь рук, щупалец и тому подобного — систем, которыми обладает любой робот, в организме живого существа имеются всякие разные железы, лимфатические узлы, сердце, наконец. Другими словами, организм этот есть ультрасложный комплекс инстинктов, развившихся за биллионы лет безжалостной эволюции. Живое существо мыслит не с исключительной полнотой, но способно к самым отвлеченным абстракциям, цели свои оно определяет само, а потому

может их бесконечно варьировать. Робот же выполняет только то, для чего он предназначен. Самообучающиеся машины вышли за эти пределы и даже где-то приблизились к настоящему интеллекту. Но все равно — они остаются в определенных рамках, и рамки эти значительно уже, чем у существ, создавших такие машины. Естественно, если поставленная перед роботом задача соответствует его назначению, он выполняет ее куда лучше, чем живое существо. Прикажи Гэхуд своим кораблям уничтожить «Бедолагу», и спор рас будут решать звездолеты, компьютеры и орудийные стволы. Ой ли? Фолкейн сидел размышляя, барабаня пальцами по подлокотнику кресла; едкий дым трубки окутывал мерцающие на экранах звезды. Голос Чи прервал его раздумья:

— Твой подопечный лежит на столе. Внутривенная инъекция ему сделана, мозг и блуждающий нерв на контроле, аппарат поддержания жизни готов. Я сделала все, что могла. Разбудить его электрошоком?

— Подожди немного. Для него это будет слишком тяжело. Нам ни к чему причинять ему вред, если без этого можно обойтись.

— Это почему еще?

Фолкейн выдохнул.

— Объясню как-нибудь в другой раз. Просто мне кажется, если мы будем обращаться с ним аккуратно, нам больше удастся узнать.

— Тогда уж лучше обратиться в хорошо оборудованную лабораторию.

— Это будет нарушением закона, причем столь серьезным, что вряд ли кто согласится на него пойти. Так что придется уж нам самим... Мы, правда, тоже нарушаем закон, но на это могут посмотреть сквозь пальцы, благо мы за тридевять земель от цивилизованных миров. Вот чего я не могу сказать, так это, даст ли Гэхуд нам несколько дней передышки, чтобы ты успела произвести полный анализ.

— Кстати, какое у тебя от него впечатление?

— В душу я к нему не заглядывал. Но даже будь я с ним хорошо знаком — а я знаю только, что он кидается на противника, как бык на красную тряпку,— даже тогда мне трудно было бы что-либо утверждать. С одной стороны, у нас на борту остался в качестве заложника его доверенный слуга. К тому же у него есть причины подозревать, что у Сатаны нас ожидают друзья. Так что он может плюнуть на потери, вернуться домой и сообщить обо всем своим родичам. С другой стороны, он может быть настолько смел, разгневан, напуган, что Латимер откроет нам нечто, жизненно важное для него, что нападет на нас.

— Предположим, он поступит именно так.

— Нам придется улепетывать во всю мочь. Хочешь жить — умей вертеться. Быть может, нам удастся сбить его со следа где-нибудь в облаке Прайора. А может, мы просто оставим за спиной его тяжелые корабли, и он сам отзовет эсминцы, когда... Что там? Докладывай!

На экранах замелькали огоньки. Тупица сообщил:

— Они преследуют нас.

— Точка рандеву? — потребовала Чи.

— Произвести полный и точный расчет, учитывая скорость, с которой мы движемся, пока не представляется возможным. Однако,— компьютер сделал паузу,— да, эсминцы следуют параллельным курсом, с чуть большим ускорением. При такой скорости они нагонят нас менее чем через одну астрономическую единицу.

— А палить начнут и того раньше,— заключила Чи.— Пойду-ка я к Латимеру.

— Давай,— согласился Фолкейн неохотно; он уже пожалел, что захватил пленника.

— Включи гипера,— посоветовала через некоторое время Чи по интеркому.

— Рано еще,— сказал Фолкейн.

— Чи-ин-пао?

— Мы пока в безопасности. Продолжай движение к Сатане, Тупица. Быть может, они захотят проверить мои слова.

— Ты так считаешь? — скептически осведомилась цинтианка.

— Нет,— признался Фолкейн.— Но что мы теряем?

Немногое, ответил он сам себе. Шансов выбраться из этой заварухи живым мало. Однако на данный момент я ничего не могу сделать.

Храбрость в нем воспитали, а вот стремление радоваться жизни было у Фолкейна врожденным. Теперь он проводил время, выделяя отдельные факты из окружавшей его действительности. Звезды ярко сияли в космической ночи. Корабль представлялся ему малым домом, заполненным рокотом двигателей, шумом вентиляторов, запахом химикалий, музыкой — если есть желание ее слушать, всякими разными безделушками, которые он набрал за годы скитаний. Привкус табака приятно пощипывал небо. При вдохе грудь его расширялась, воздух проходил через ноздри и оказывался в легких. Кресло просело под его телом; и даже сидя он продолжал поигрывать мускулами, продолжая этот бесконечный танец, в котором партнершей его была Вселенная. Рукава комбинезона, в который он переоделся, были чуточку шершавыми, и кожа на одной руке зачесалась. Сердце его билось быстрее, чем обычно, но привычно гулко, и это его радовало. Его охватывали воспоминания. Мать, отец, сестры, братья, придворные, старые, много на своем веку перевидавшие солдаты, крестьяне, большие залы родового замка на Гермесе. Охота в лесу, купанье в волнах прибоя, кони, лодки, авиетки, звездолеты. Роскошные застолья. Кусок черного хлеба с сыром, бутылка дешевого вина, ночь с симпатичной девчонкой... Неужели женщин и в самом деле было так много? Да. Как здорово! Однако в последнее время он все чаще и чаще мечтал встретить такую девушку, с которой можно было бы дружить, как вот с Чи или с Эдзелом. Но

разве мало ему этих друзей? Разве кочевая жизнь, от одной дикой планеты к другой, не спаяла их в одно целое? И что сулит эта, быть может, последняя в его жизни — Сатана? Пусть повезет тому, кто захватит бродягу — кем бы он ни был. Откуда им знать, что это такое? Они ведь никогда не были на ее поверхности. Откровенно говоря, Гэхуда вряд ли можно винить. Ему ведь тоже не терпится узнать, что это за планета. Тот факт, что мне это известно, что я на нее высаживался, лишь подстегивает его...

— Ну-ка, ну-ка! Не упустить бы эту мысль! Я ведь уже думал о чем-то подобном, но тогда Чи перебила меня...

Фолкейн забыл обо всем на свете. Вдруг из интеркома раздался встревоженный голос цинтианки:

— Эй, ты чего?

— А? — Человек вздрогнул.— Нет, ничего, нормально. Как дела?

— Латимер отвечает мне, но пока бессвязно. Его состояние хуже, чем я полагала.

— Психический шок,— не раздумывая поставил диагноз Фолкейн.— Его заставили предать хозяина — отчасти даже бога.

— Мне кажется, я смогу подержать его в таком состоянии достаточно долго, чтобы он ответил на пару вопросов. Что там враг, Тупица?

— Эсминцы сократили расстояние,— доложил компьютер.— Как скоро они откроют огонь, зависит от типа их орудий. Но по моим расчетам, это произойдет скоро.

— Попытайся вызвать по радио линкор,— приказал Фолкейн.— Может, они... он пойдет на переговоры. Тем временем подготовь все к переходу на гипера при первом же признаке атаки. Уходить будем к Сатане.

Чи, по всей видимости, не расслышала его последних слов или была слишком занята, чтобы отреагировать. Из интеркома доносились ее реплики, бессвязное бормотание Латимера, гудение медицинских аппаратов.

— Должен ли звездолет перейти на обычные двигатели, когда мы достигнем планеты? — поинтересовался Тупица.

— Да. А пока измени ускорение движения. Мне нужна почти нулевая кинетическая скорость относительно цели,— сказал Фолкейн.

— Но это означает замедление,— предостерег Тупица.— Мы сравнительно быстро окажемся в пределах досягаемости орудий противника.

— Ничего. Как ты считаешь, удастся тебе найти подходящее место для посадки?

— Не уверен. Когда мы улетали, метеорологическая активность и диастрофизм возрастали почти по экспоненте.

— Не горюй, уж одно-то местечко на целой планете отыскать можно. И потом, ведь в памяти твоей хранятся биллионы битов данных по Сатане — так что ты с ней, можно сказать, знаком. Просмотри-ка их и займись выбором мест

Я смогу дать тебе лишь общие указания, а решения ты будешь принимать сам. Ясно?

— Полагаю, что вы хотите знать, полностью ли усвоена предложенная вами программа. Полностью.

— Хорошо,— Фолкейн хлопнул ладонью по ближней консоли и улыбнулся; улыбка вышла почти радостной.— Вот выберемся из этой заварухи, и ты получишь свои золотые регуляторы. Если понадобится, я оплачу их из собственного жалованья.

Изменения силы тяжести внутри корабля не чувствовалось; прежними остались очертания созвездий на экранах дальнего вида; как и раньше, ослепительно сверкала Бета Креста. Но показания приборов говорили о том, что звездолет сбавляет скорость. На увеличительных экранах серебряные блестки — корабли Гэхуда превратились сперва в черточки, потом в игрушечные кораблики и наконец — в боевые звездолеты.

— Есть! — воскликнула Чи.

— Что? — спросил Фолкейн.

— Координаты. В стандартных единицах. Но он потерял сознание. Пожалуй, надо кончать допрос, а то он окочурится.

— Ладно. Да, пристегни его ремнями. Нам, быть может, придется нырнуть в атмосферу Сатаны. Компенсаторы могут и не справиться.

Чи помолчала. Потом задумчиво произнесла:

— Понятно. Ну что ж, неплохо.

Фолкейн принялся грызть черенок трубки. Нет, ждать — это хуже всего. Гэхуд наверняка определил изменение вектора, наверняка заметил эту попытку якобы рандеву, наверняка засек хотя бы один из коммуникационных лучей, тянувшихся на разных частотах к его флагманскому кораблю. Но ничего не изменилось: погоня продолжалась, а ответом Фолкейну был лишь сухой треск помех.

«Если б он только отозвался... если б только отреагировал... Великое небо, нам вовсе не хочется драться!»

На экранах сверкнула белая вспышка, на мгновение затмившая звезды. Зазвучали колокола тревоги.

— По нам был произведен энергетический залп,— сообщил Тупица.— Дисперсия на таком расстоянии достаточно велика, поэтому повреждения — минимальные. Принимаю меры для уклонения от атаки. Противник выпустил несколько ракет. Судя по их поведению, это самонаводящиеся торпеды.

Фолкейн забыл сомнения, страхи и гнев. Он был теперь только воином.

— Уходим на гиперах к Сатане,— сказал он ровным голосом.— На одной десятой мощности.

Небо на экранах задрожало, барабанным перепонкам стало больно от изменившегося ускорения; затем все пришло в норму, лишь пол под ногами дрожал чуть сильнее обычного. Быстрее света звездолет устремился к ослепительной Бете Креста.

— Так медленно? — спросила Чи Лан.

— Иначе нельзя,— отозвался Фолкейн.— Я хочу понаблюдать, что они предпримут.

Приборы сообщили, что эскадра противника затерялась где-то в миллионах километров позади.

— Они не перешли сразу на гипера,— подытожил Фолкейн.— Я так думаю, они сначала попытаются более-менее сравняться с нашей кинетической скоростью. Из чего следует, что при первой же возможности они атакуют нас снова.

— Ты думаешь, нам удастся отсидеться на Сатане?

— Не знаю. Я так предполагаю, они остановятся на некотором удалении от планеты,— Фолкейн отложил трубку.— Будь Гэхуд хоть трижды вспыльчивым, сомнительно, чтобы он очертя голову кинулся в неизвестность вместе со своими роботами. Нет, он подождет, пока не выяснит, как обстоят дела. А время работает на нас.

— Определены импульсы гипердвигателей,— доложил компьютер через несколько минут.

Фолкейн присвистнул.

— Скоренько они замедлились, однако! Ну, ладно, руки в ноги и вперед. Нам вовсе ни к чему, чтобы они догнали нас при подходе к Сатане.

Рокот двигателей превратился в перестук барабанов, в грохот, в рев. Пламя Беты Креста, казалось, готово было поглотить звездолет. Компьютер сообщил:

— Нас преследует вся эскадра за исключением одного, предположительно самого большого, корабля. Крейсеры отстали, но эсминцы приближаются. Тем не менее, мы достигнем цели на несколько минут раньше.

— Сколько тебе потребуется времени на сканирование планеты и вычисление курса?

Щелк. Щелк-щелк.

— Будет достаточно ста секунд.

— Уменьши скорость на столько, чтобы мы оказались у цели на, скажем, три минуты раньше первого из эсминцев. Спуск в атмосферу начать через сто секунд после перехода в нормальный режим. Скорость — максимально возможная.

Рев двигателей стал чуть тише.

— Ты сам-то пристегнулся, Дэвид? — спросила Чи.

— А?.. Нет, конечно,— Фолкейн только что это заметил.

— Ну так пристегнись! Ты считаешь, мне очень хочется отскребать потом палубу от этой овсяной каши, которую ты именуешь своими мозгами? Тоже мне младенец — всему его учить надо!

Фолкейн не сдержал улыбки.

— О себе не забудь, пушистик.

— Пушистик?! Ах ты!..— на него обрушился поток брани.

Фолкейн сел в пилотское кресло и застегнул ремни. Чи надо было отвлечь от мысли, что сейчас она хозяйка своей судьбы. Обитателям Цинтии с этим труднее свыкнуться, чем людям. Наконец они вышли к бродяге. Звездолет выскочил

из гиперпространства. Взревели двигатели, задрожал и застонал металл корпуса — это продолжалось лишь несколько секунд. Планета была сравнительно близко; по крайней мере, на экранах просматривалась большая часть освещенного полушария. Зрелище было впечатляющее: штормовые облака, молнии, обезумевшие ветры, вулканы, лавины, наводнения, гигантские волны, вздыбившиеся вдруг посреди океанов и распадающиеся на клочья пены; плотная стена дождя, града, обломков камней — один сплошной катаклизм под демоническим диском звезды. На миг Фолкейну показалось, что на всей планете нет места, куда мог бы сесть корабль, и он приготовился к смерти. Но звездолет Лиги продолжал движение. По похожей на траекторию кометы орбите он устремился к северному полюсу. Постепенно опускаясь, он вошел в верхние слои атмосферы, которым полагалось быть разреженными — но от соприкосновения с которыми корабль вздрогнул. Звездолет окружала тьма, пронзаемая лишь вспышками молний. Фолкейн бросил взгляд на кормовой экран. Показалось ли ему или в самом деле он заметил акульи формы кораблей Гэхуда? Клочья облаков затрудняли видимость. Раскаты грома, грохот, звон металла наполнили корабль, заполнили череп человека, проникли к нему в душу. Установленные внутри корпуса регуляторы поля не справлялись уже с нагрузкой. Палуба дрожала, раскачивалась, уходила из-под ног, круто вздымалась вверх. Что-то ударилось обо что-то и разбилось. Замигали лампочки. Фолкейн попытался разглядеть приборную доску. Так, источники ядерной энергии за кормой приближаются... ба, все девятнадцать! Гэхуд не хочет упускать добычу. Они были предназначены для ведения воздушных боев. Они получили приказ догнать и уничтожить земной звездолет. Они были роботами. Они не умели размышлять. У них не было данных, которые подсказали бы, насколько опасна эта планета. Они не имели приказа ожидать дальнейших распоряжений, если обстановка вдруг изменится. Кроме того, они засекли маневрирующий в атмосфере корабль, который был меньше их по размерам. И устремились за ним на полной скорости. Тупица определил приближающийся ураган и вычислил его силу и направление движения. Это был обычный ураган, со скоростью километров двести-триста в час, нечто вроде мертвой зоны в могучей буре, полосовавшей сейчас континент и гнавшей перед собой чуть ли не пол-океана. Никакой звездолет, имей он даже на борту самообучающийся компьютер со всеми необходимыми данными, не смог бы долго противостоять этой буре. А эсминцы столкнулись с ней грудь в грудь. Шторм подхватил их, как ноябрьский ветер в северных краях Земли подхватывает опавшие листья. С некоторыми из них он еще поиграл, то роняя их до края облаков, то подкидывая до верхней своей границы, и лишь потом отшвырнул. Другие корабли разнесло на кусочки камнями, которые увлек за собой шторм и они затерялись во вспененном воздухе. Третьи разбились о горные склоны. Те обломки, что не унесла с собой

буря, упали на грунт и через недели превратятся в грязь, пыль, песок. Словно и не бывало этих девятнадцати боевых кораблей.

Вверх! — гаркнул Фолкейн.— Определи положение крейсеров! Используй облачное прикрытие! Вряд ли они нас обнаружат за таким клубком разрядов.

Звездолет накренился так, что Фолкейну стало дурно. Медленно, сражаясь за каждый сантиметр, «Бедолага» начал подниматься. Случайно он натолкнулся на воздушное течение, которое повлекло его за собой над всеми бурями, но под обширным слоем конденсирующегося пара, турбулентные массы которого превращали небосвод в подобие ада, радаром звездолета вся эта плотная облачная масса была нипочем. Они засекли противника. Крейсеры не собирались совершать посадку на планету. Они оставались на орбите на случай возможного нападения из космоса. Все их датчики, все их приборы прощупывали пространство. Расположились они неосторожно близко друг к другу. Это ведь тоже были корабли-роботы, строители которых веровали больше в силу, чем в разум. Фолкейн выпустил три из четырех своих ядерных торпед. Две достигли цели, третья была перехвачена на полпути. Скрепя сердце он пожертвовал четвертой, последней. Судя по показаниям приборов, она угодила почти в «яблочко». Подбитый крейсер начал отступать. К нему присоединился линкор, зловещая туша которого маячила на полудюжине экранов. Оба звездолета перешли на гипердвигатели и исчезли в направлении Циркуля. Фолкейн заулюлюкал.

Постепенно он успокоился.

Выбираемся в космос, Тупица. Рассчитай орбиту сразу за атмосферой. Двигатели — на самую малую мощность. Ни к чему напоминать о себе Гэхуду. Вдруг ему взбредет в голову вернуться?

— Как по-твоему, что он предположил? — голос Чи был таким слабым, что Фолкейн едва расслышал вопрос.

— Не знаю. Все, что угодно. Он мог решить, что у нас имеется некое тайное оружие. Он мог решить, что мы нарочно заманили его эсминцы вниз на верную гибель, а торпедами его атаковали наши приятели. А может, ему открылась истина, но он решил, что раз его эскадра наголову разбита и что вот-вот тут может появиться флот Лиги, ему лучше смотать удочки.

Значит, мы его перехитрили, а? — в усталом голосе Чи послышалась нотка торжества.

Кто это «мы», котеночек?

Я ведь раздобыла для тебя эти координаты. Самые, разрази их гром, важные сведения из всех, что нам удалось получить.

— Верно,— согласился Фолкейн,— считай, что я попросил прощения. Как Латимер?

Мертв!

Что? — Фолкейн выпрямился.— Почему?

— Когда мы кувыркались, аппарат поддержания жизни вышел из строя. А в том состоянии, в котором находился его организм... В любом случае, сейчас предпринимать что-либо уже поздно: слишком много времени прошло.

Фолкейн представил себе равнодушный жест, которым Чи Лан сопроводила свои слова. Она, наверное, думает: «Жалко, конечно. Но главное-то мы у него успели узнать. И сами остались в живых».

Мысли его перескочили на другое: «Бедняга. Ну что ж, я отомстил. Отомстил за свое унижение. Но не скажу, чтобы я был от этого в восторге».

Было непривычно тихо. Звездолет вышел в открытый космос, и на экранах снова засверкали звезды. Фолкейн поймал себя на том, что не испытывает больше сожаления. Его переполняла радость победы. Ничего, они отдадут своему врагу последние почести, и тело его исчезнет в грозном пламени красавицы-звезды. А потом «Бедолага» направится к Земле.

«Нет,— мысль словно ожгла его.— Нет. Домой нам возвращаться еще слишком рано».

Ведь борьба за выживание только началась.

Природа хорошо продумала свои законы, и потому новые научные открытия редко отменяют их. В большинстве случаев они становятся приближениями или исключениями, или требуют точного описания. Поэтому — хотя расширив свои познания в физике, мы получили возможность делать то, что Эйнштейн считал невозможным, например, пересекать расстояние в один световой год менее чем за два часа,— выведенные им ограничения на одновременность не потеряли своего значения. Неважно, какой скорости мы можем достичь — все равно величина ее останется конечной. Именно это и пытался доказать Эдзел.

— Спрашивать, что делают наши друзья «сейчас», когда нас разделяет межзвездное пространство, не совсем корректно. Конечно, вот они вернутся, и мы сверим часы и обнаружим, что время на борту их корабля текло также. Но сравнивать любой временной интервал у нас с любым временным интервалом у них там — это значит брать с потолка.

— Ха! — хмыкнул Николас ван Рийн, взмахнув руками.— Ха! Возьми свой ответ хоть оттуда же, но объясни мне, в чем дело. Черт побери, они улетели четыре месяца назад! Но до этой — как там ее, Беты Креста? — всего-то две недели лету! Не иначе как на той планете ледники из пива да из бренди,— что еще могло бы задержать этих паршивцев!

— Понимаю вашу озабоченность,— сказал Эдзел спокойно.— По правде сказать, мне тоже немного не по себе, но передаточная капсула — это не звездолет типа «Бедолаги»: она движется куда медленнее. Отправь они одну такую капсулу сразу по прибытии на место, она вот-вот должна появиться в Солнечной системе. Однако по логике вещей вряд ли они поступили именно так. Дэвид наверняка уже оправился — по

крайней мере настолько, чтобы понять, что вы постараетесь выкачать из компьютера «СИ» всю ту информацию, которую некогда получил сам. Ради чего тогда тратить капсулу, лишь затем, чтобы известить нас о существовании бродяги? Нет, они с Чи Лан сперва соберут достаточно сведений, а потом уж все остальное. Если им повезет, они избегнут опасностей, связанных с отправлением письменного сообщения. Вероятно, они на пути домой... и скоро прибудут... если прибудут вообще...

Его огромное чешуйчатое тело оторвалось от палубы, на которой он лежал отдыхая. Согнувшись в три погибели, он встал; хвост его очутился в соседнем помещении. Звонко зацокали по металлу палубы копыта. Он сделал несколько кругов вокруг капитанского мостика, потом остановился и бросил взгляд на экраны, опоясывающие по периметру отсек. Звездолет двигался в открытый космос, постепенно наращивая скорость. Земля с Луной превратились уже в две точки — голубую и золотую; Солнце заметно уменьшилось в размерах. Впереди мерцали звезды южной половины небосвода. На носовом экране, нацеленном на созвездие Циркуля, возник какой-то загадочный предмет. Но взгляд Эдзела был устремлен в другую сторону: одинит разглядывал вторую по яркости звезду Южного Креста.

— Можно вернуться и подождать,— предложил он.— Быть может, сударыня Белдэниэл согласится взять назад свою угрозу отменить встречу. Быть может, угроза эта — одни лишь слова?

— Нет,— отозвался ван Рийн из глубины своего кресла.— Как будто нет. Как я выяснил, пока мы тут с ней толковали, она слов на ветер не бросает. Палец ей в рот не клади — мигом откусит. Так что нам лучше поверить ей, если она говорит, что ее боссы не особенно-то рвутся встретиться с нами и что она не может гарантировать их явку на место рандеву, и что если мы сделаем что-нибудь такое, что не понравится им или ей, и она отсоветует им вступать в переговоры, то они со всех ног бросятся обратно домой.

Он пыхнул трубкой, добавив еще один клуб дыма к той голубой завесе, которая уже окутывала мостик.

— Нам о них практически ничего не известно, тогда как они знают о нас очень много,— продолжил он.— Эрго: когда дело дойдет до встречи и до обмена мыслями, мы будем покупателями на рынке продавца и сможем только вежливо попросить их, чтобы они не заламывали слишком высокую цену,— закончил он мрачно.

— Если вы так волнуетесь за Дэвида с Чи,— сказал Эдзел,— можно ведь еще до того как мы перейдем на гипера, связаться по радио с базой и выслать им на подмогу еще парочку кораблей.

— Это ни к чему, пока мы не получим от них вопль о помощи или если долгое время не будет никаких вестей. Опыта им не занимать, так что любая планета должна быть им по

плечу. А если у них что и случилось, то спешить на помощь, боюсь, все равно уже слишком поздно.

— Я имел в виду подмогу на случай встречи с противником. Они ведь запросто могли столкнуться с боевыми звездолетами,— помните, те двое владельцев «Сириндипити», которые смылись несколько недель назад?

— Ну и сколько же кораблей ты предлагаешь выслать? Парочкой здесь не обойдешься,— ван Рийн покачал головой,— в сражении всегда побеждает кто-то один, дракоша. Боевых звездолетов у нас мало. Что хоть несколько из них вернутся назад — маловероятно. Нет, в открытом бою нам не справиться с этими неизвестными пока что злодеями, которым так хочется лишить нас тяжким потом добытых денег.

— Денег! — кончик хвоста Эдзела с сухим треском шлепнул о палубу. Его низкий голос был непривычно резок.— Да если б вы только известили Содружество, сил у нас было бы предостаточно,— ведь тогда мы могли бы обратиться за помощью к Космофлоту! Чем больше я думаю об этом вашем молчании, тем больше с ужасом убеждаюсь, что вы готовы подвергнуть опасности целые планеты, всю цивилизацию — биллионы биллионов разумных существ... лишь бы никто не нарушил вашу монополию!

— Ну-ну, лошадка,— ван Рийн поднял ладонь.— Не такой уж я злыдень. Если все наше общество провалится в тартарары, на чем же я буду делать деньги? А? Кроме того, у меня есть совесть. Забитая, правда, и протравленная табаком, но все-таки совесть. Волей-неволей мне все равно однажды придется держать ответ перед Господом,— он указал на вырезанную из песчаного корня маленькую статуэтку святого Дисмаса, которую обычно брал с собой в дорогу. Она стояла на полке; свечи в суматохе сборов взять забыли, но их с успехом заменяли несколько приткнувшихся у основания статуэтки и весело перемигивавшихся огоньками коммутационных панелей. Он перекрестился.

— Так что,— продолжал он,— мне приходится решать, для кого что будет лучше. Ты можешь быть убежден в чем угодно, но решать приходится мне. Мой бедный старый мозг, который так притомился,— он должен решить, что нам делать дальше. Даже если я решу, что отныне решения у нас принимаешь ты, все равно это будет мое решение и мне придется за него отвечать. А как мне кажется, ты не особенно стремишься принять на себя эту ответственность.

— Откровенно говоря, нет,— признался Эдзел.— Меня она пугает. Но вы впадаете в гордыню, принимая ее бремя только на свои плечи.

— А кто с этим справится лучше меня? Ты слишком наивен, слишком доверчив, чтобы тебе можно было поручить это дело. Другие в большинстве своем идиоты, паникеры, либо уперлись лбом в какую-нибудь там политическую теорию или скупы и жестоки... а что касается меня, так я попрошу вон того своего приятеля похлопотать за меня на небесах. Кстати ска-

зать, я и в этой жизни завел немало знакомств. У меня за пазухой целая куча народу, причем всем им я рассказал о нашем дельце — ровно столько, сколько счел нужным.

Ван Рийн откинулся на спинку кресла.

Эдзел,— сказал он,— дальше по коридору ты найдешь охладитель с пивом. Будь паинькой, принеси мне одну бутылку, и я тебе все изложу по порядку, раз уж ты не присутствовал при разговорах, которые я вел. Да и потом, надо ж как-то вознаградить тебя за долготерпение. Из моих слов ты поймешь, как мне пришлось вертеться...

Тот, кто не боится смерти и не помышляет о ней, может стать сильнее, чем он есть на самом деле, ибо тогда недостатка в предложениях сотрудничать у него не будет. Владельцы «Сириндипити» пали, но не на самое дно. Они потеряли многое, но кое-что у них осталось. Например, коммуникационная система, компьютеры и банки данных. Если б они решили уничтожить все это, а не продавать, то удержать их было бы трудно, скорее всего, невозможно. И речь бы в этом случае шла не просто о деньгах. От услуг фирмы зависело очень много ключевых производств, да и потенциальных клиентов у «СИ» было не меньше. Короче говоря, уничтожение фирмы обернулось бы экономическим крахом, из-за которого серьезно пострадали бы и Лига, и Содружество, и союзные им народы. Жизнь, разумеется, продолжалась бы, но произошел бы невиданный доселе спад производства, причем растянувшийся неизвестно на сколько лет. Естественно, в информосистеме не содержалось никаких сведений о ее хозяевах. Правда, кое-какие выводы можно было сделать, проанализировать логические цепи, но толку от этого было чуть. Однако внимательное изучение собранных данных дало бы некоторое представление о том минимуме знаний, которые имеют эти хозяева о Технической цивилизации. Поэтому партнеры потребовали за свои машины довольно внушительную сумму и особо оговорили следующее: их должны отпустить на все четыре стороны и не пытаться проследить, куда они направятся. Ван Рийн же, в свою очередь, потребовал себе компенсации за организацию их отлета. Он буквально рыл землю, пытаясь узнать хоть что-нибудь о шеннах — до одного из самоназваний этого народа ему удалось докопаться. Он заявил, что ищет встречи с ними. Перед тем, как Ким Юн Кун, Анастасия Геррера и Ева Латимер покинули Солнечную систему, он заручился их обещанием поторопить своих владык, чтобы те отправили делегацию. Места встречи партнеры не назвали. Это должна была сделать оставшаяся на Луне Тея Белдэниэл, да и то, если сочтет нужным. Кроме того, обе стороны стремились избежать огласки. Ни «Сириндипити», ни ван Рийну не хотелось, чтобы этим делом заинтересовалось какое-нибудь правительство... во всяком случае, пока. Иными словами, угрожая один другому обнародовать факты, противники держали друг друга за горло. Поскольку ван Рийн, случись подобное,

как будто потерял бы меньше, чем «СИ», козырь в его руках был старше козыря Теи. По крайней мере он настойчиво ее в этом убеждал и вроде бы преуспел. Она заплатила ему за молчание тем, что помогла получить от компьютеров всю информацию насчет Беты Креста и планеты-бродяги — все сведения, которые были в свое время сообщены Фолкейну. Казалось бы, после этого всякие отношения должны прекратиться, но случилось совсем наоборот. Отчасти это произошло из-за того, что нужно было юридически оформить продажу фирмы и отшить агентство новостей, стремившихся вызнать подоплеку событий. Отчасти же потому, что этого не хотелось ван Рийну. Ему нужно было выгадать время — чтобы дождаться сообщения от «Бедолаги», чтобы решить, кому и что шепнуть на ушко, чтобы сообразить, что следует предпринять для защиты от почти неведомой опасности. Время, чтобы начать приготовления, втихую, но не слишком... Тее же — или ее хозяевам — было выгодно, чтобы делегация Лиги вылетела к месту рандеву возможно раньше. В любом случае, Ким успеет предостеречь шеннов, а вот у ван Рийна будет меньше времени на плетение своих сетей. Она объяснила ему, что у шеннов нет особых причин вести с кем-то дела. Раз их шпионская система раскрыта, они могут начать искать встречи с хорошо информированным человеком, например, с ним, ван Рийном; могут, оценив изменившуюся ситуацию, вступить в переговоры по разделу сфер влияния. Но могут ничего этого не делать. Могущества им не занимать; поэтому чего ради идти на уступки дикарям-людям? Она предложила торговцу, чтобы он отправился к месту рандеву один, на корабле, который она выберет сама и обзорные экраны которого будут отключены. Он отказался. Потом внезапно она прервала переговоры, заявив, что в течение ближайшей недели они должны вылететь. Ван Рийн взвыл, но Тея твердо стояла на своем. Мол, так они с партнерами решили, когда определяли место встречи, которое подошло бы их владыкам. Если его все это не устраивает, то ему просто не укажут дорогу, вот и все. Ван Рийн начал угрожать. Он заявил, что у него найдутся другие способы встретиться с шеннами. Снова начались торги. У Теи были свои основания желать скорого отправления экспедиции. Она полагала, что так будет лучше для ее хозяев,— во всяком случае даст им дополнительные преимущества. Но была и другая причина, не столь возвышенная, но тем не менее важная: экспедиция эта доставит ее домой, а иначе она обречена кончить жизнь на чужбине. Она уступила в некоторых пунктах. Наконец, была достигнута следующая договоренность: Тея летит вместе с ван Рийном, которого сопровождает не кто иной, как Эдзел. (Ван Рийн выговорил его себе в товарищи, заявив, что Лига будет серьезно ослаблена его, ван Рийна, отсутствием, что дает шеннам перевес.) Время отлета назначает она. Однако путешествовать они будут вслепую. Как только корабль перейдет на гипердвигатели, она проинструктирует робопилота и даст ему координаты, причем ван Рийну

слушать все это не возбраняется, ибо все равно ..етят они не на родную планету шеннов. Но она не желает рисковать и потому отказывается лететь на звездолете, который он приготовил: там вполне может быть спрятан какой-нибудь коммуникационный эжектор, следящее устройство — да все что угодно. Ван Рийн высказал ей недоверие по тем же самым вопросам. Они сошлись на том, что совместно закажут только что построенный на негуманоидной верфи корабль с полной экипировкой. Вскоре они обнаружили именно такое судно, только что возвратившееся из испытательного полета и теперь предлагавшееся покупателям. Оформив все надлежащим образом, они сели на борт пассажирского лайнера, совершавшего рейсы внутри Солнечной системы, проверили друг у друга багаж и улетели, когда таможня дала добро на старт.

Это Эдзелу было известно. В закулисной деятельности ван Рийна он участия не принимал. Однако вовсе не удивился, узнав, что во все концы обслуживаемой компанией Специй и Спиртных напитков территории были направлены специальные курьеры — с распоряжением для самых надежных торговых агентов, управителей регионов, шефов «полиции» и для других более темных личностей. Но Эдзел не представлял себе, до какой степени возбуждены торговые принцы Лиги. Разумеется, всего им не сказали. Но сделано это было не столько для того, чтобы сохранить в тайне существование бродяги, сколько для того, чтобы непредусмотрительная алчность и назойливость не помешали проведению оборонительных мероприятий. Магнатов предостерегли, что где-то за гранью известного мира имеется могущественная и, быть может, враждебная цивилизация. Некоторым из них более подробно разъяснили роль «Сириндипити», и ото всех потребовали помощи. Этого оказалось достаточно для привлечения внимания правительств! Перемещения боевых эскадр Лиги не могли пройти незамеченными. Всякие запросы, естественно, более или менее вежливо отвергались. Но государственные армейские подразделения не могли оставаться безучастными к происходящему. Эскадры Лиги группировались поблизости от наиболее важных планет; это заставило армейских чинов увеличить в тех районах численность войск. Но на случай тотальной войны этого было мало. Поэтому торговые короли под покровом глубокой тайны повели переговоры с владыками светскими и духовными, которые по закону — по многим, часто совершенно различным между собой законодательствам разных народов и культур — стояли над ними. Однако на данный момент переговоры эти зашли в тупик: слишком много было неизвестных — ведь даже существование опасного врага оставалось пока что недоказанным, и потому на свет вытащили старые обиды и разногласия. Ван Рийн просто вынужден был нарушить закон — ибо от взывания к общественным идеалам и здравому смыслу не было прока. Так что дела шли крайне медленно. И вряд ли что-либо изменится — во всяком случае, пока не

ройдут времена воинствующих ангелов — борцов за справедливость против Лиги. Громадные расстояния, маломощные линии коммуникаций, разбросанные в пространстве и столь не похожие друг на друга планеты. Еще никто и никогда не пытался поднять все эти миры одновременно. Не только потому, что это было ненужно, нет — это представлялось невозможным.

— Я сделал, что смог,— сказал ван Рийн,— причем не зная, надо ли. Быть может, месяца через три-четыре — или года через три-четыре — камешек, который я бросил, и вызовет лавину. Быть может, всякий тогда будет готов отразить любой удар. А может, и нет. Сведения, которыми не смог воспользоваться, я оставил в надежном месте. Если я не вернусь, они будут опубликованы. И тогда — ха-ха! — тогда может случиться абсолютно все! В ту игру, которой сейчас заняты лишь некоторые, окажется втянутым множество игроков. А по правилу, которое было установлено столетия назад, чем больше игроков, тем меньше смысла в игре. Мы с тобой отправляемся прямо сейчас и постараемся сделать то, что окажется нам по силам. Если нам по силам окажется только крах — ну что ж, здешний муравейник-то мы разворошили в любом случае. Может, не очень сильно. Может, достаточно. Verolockt, чтоб ее черти взяли, эту ведьму Белдэниэл! Она-таки своего добилась.

Гипердвигатели мчали звездолет сквозь космическую ночь. От цели его отделяло около трех недель полета. Сначала Тея держалась настороженно, редко покидала свою каюту и мало говорила, ограничиваясь в основном приветствиями при случайных встречах, да просьбами за столом. Ван Рийн на нее не нажимал. Но сам он, за едой и после — за бутылкой вина или бренди, говорил почти непрерывно. Он пускался в воспоминания, рассказывал приходившие на ум забавные истории, — впрочем, надо признать, что иногда он заводил разговор и о серьезных вещах. Не оставался в стороне и Эдзел, частенько отпускавший замечания по поводу той или иной фразы своего босса. В общем, ван Рийн вел себя так, словно находился в приятельских отношениях не только с вежливым дракокентавром, но и с этой худощавой, нервной, неулыбчивой женщиной. Сперва она сразу после еды вставала из-за стола, но потом слушать россказни торговца вошло у нее едва ли не в привычку. Делать больше было нечего; за подрагивающим металлом корпуса на биллионы световых лет раскинулся безбрежный океан одиночества; а ван Рийн так и сыпал полуправдоподобными легендами о событиях, по большей части Тее неизвестных.

— К тому белому карлику мы приблизиться не могли, потому что радиация там была выше головы... да, кванты разбегались от него во все стороны, как блохи с тонущего пса... Но деваться нам было некуда — иначе нашей бедной компашке пришел бы конец. По-моему, я, так сказать, попался на крючок

судьбы. Но, клянусь небом! — мысль об этом крючке заставила меня предположить, что мы могли бы...

Чего Тея не знала, так это того, что перед каждым разговором Эдзел получал подробные инструкции: что говорить, о чем спрашивать, на что возражать и что подтверждать. Иными словами, ван Рийн раз за разом пробовал на Тее Белдэниэл свои домашние заготовки. В скором времени он мог уже сказать, какие темы интересуют ее и доставляют удовольствие, а какие вызывают скуку или раздражают. Вне всякого сомнения, она старалась запомнить все, что по ее мнению было бы полезным для шеннов. Но с другой стороны, она должна была понимать, что трудно говорить о пользе там, где нет возможности отделить вымысел от истины. Поэтому, как заметил ван Рийн, постепенно она забросила эти свои попытки и стала просто слушать его басни. Особенно много ценного для себя он выяснил, наблюдая за ее реакцией на манеру изложения. Ведь одно дело, когда вы рассказываете холодно, отстраненно, безразлично, и совсем другое — когда с шутками, с прибаутками или задумчиво, или ласково, или поэтически (таким образом ван Рийн стремился передать речь других); короче говоря, рассказывать можно по-всякому. Разумеется, он не перескакивал с одного тона на другой — нет, переход совершался медленно и плавно. Прошло не больше недели, а он уже выяснил все, что хотел. Теперь он знал, как действовать, и необходимость привлекать к разговорам Эдзела отпала. Тея довольно охотно отвечала ему. Они по-прежнему оставались врагами. Но ван Рийн превратился в противника, которого нельзя недооценивать — которого надо уважать. И все чаще и чаще стала она задумываться, не сумеет ли он найти общий язык с ее владыками.

— Конечно же, я хочу договориться,— сказал он ей добродушно.— Из-за чего нам воевать? В галактике ведь сотни две или три биллионов звезд. Места всем хватит, а? — Он махнул Эдзелу, и тот, как было договорено заранее, отправился за коньяком. Попробовав принесенный напиток, ван Рийн взревел: — О-о-ох! И ты хочешь предложить эту гадость нашей доброй приятельнице, у которой такое нежное горлышко? Прочь с глаз моих вместе с этой бутылкой! Принеси другую, да смотри выбирай! Ты что, очумел,— зачем ее выбрасывать? Да, братец, у тебя, наверно, и мозг зарос чешуей! Нет, мы доставим ее домой и предъявим виноторговцу — и,— ох, как он у нас попляшет! — На самом деле коньяк был великолепный, и ван Рийн собирался потом вдвоем с одинитом распить эту бутылку. Ему просто надо было произвести впечатление. Разве Юпитер не ярится по пустякам?

— С чего это ваши шенны нас боятся? — спросил он у нее в другой раз.

Тея вскинулась.

— Нет! Ничто не может их испугать! (Ну точно, Юпитер и ревностная его жрица. По крайней мере, на первый взгляд. Хотя отношения между ними вполне могут быть куда более

сложными, да и Юпитер, скорей всего, не бог, а дикарский идол.) — Они осторожны... скромны... мудры... и потому хотели сначала узнать людей.

— Так-так-так. Не сердитесь, ладно? Как я могу, говоря про них, выбирать правильные слова, если вы мне ничего не рассказываете?

— Я не могу,— она судорожно сглотнула и заломила руки.— Я не должна,— и бросилась в свою каюту.

Ван Рийн пошел за ней. Когда ему это было нужно, он мог передвигаться совсем неслышно. Массивная дверь ее каюты была заперта. Но ван Рийн вставил себе в ухо транзисторный усилитель звука, сделанный по образцу слуховых аппаратов, применявшихся до разработки регенерационных технологий. Некоторое время он стоял под дверью, вслушиваясь в рыдания Теи, не испытывая ни раскаяния, ни злорадства. Ну что ж, слезы — явное подтверждение ее смятения. Сломить ее окончательно за оставшиеся несколько дней пути вряд ли удастся, но кое-что, если не особенно давить, выяснить будет можно. При следующей встрече он постарался развеселить ее. А после ужина, за десертом предложил ей немного выпить. Эдзел тихонько вышел из отсека и отправился на мостик; там он с полчаса колдовал над главной панелью управления, регулируя силу освещения в салоне. В помещении воцарился романтический полумрак, но произошло это так постепенно, что Тея ничего и не заметила. Ван Рийн вытащил откуда-то проигрыватель, заявив, что без музыки еда не еда. "Вечерняя программа" состояла из специально отобранных мелодий вроде "Последней весны", "Воздуха Лондондерри", "Блюза вечерней звезды". Названий, однако, ван Рийн не упомянул. Бедняга, она настолько оторвалась от своего народа, что названия эти были бы для нее пустым звуком. Но мелодии — совсем другое дело. Физически он ее не желал. Хотя и признался себе, что теперь, когда напряжение первых дней пути спало, она стала довольно привлекательной, несмотря на этот свой белый балахон. Красивой он ее не назвал бы; к тому же он предпочитал гораздо более плотных женщин. Но интерес оживил правильные черты ее лица и зажег огоньки в действительно прекрасных зеленых глазах. Когда она заговаривала с ним, улыбаясь просто от того, что говорит со знакомым человеком, голос ее становился глубже. Любая подобная попытка всего лишь оттолкнула бы ее. Нет, он замыслил более изощренное обольщение.

— ...Они воспитали нас,— произнесла она мечтательно.— О, я знаю земной жаргон, знаю, что нас называли чокнутыми. Но по правде сказать, что есть норма, Николас? Да, мы отличаемся от других людей. Но ведь человеческая натура многообразна. По-моему, вы не можете назвать нас извращенцами — с тем же успехом мы могли бы сказать то же самое о вас, ибо вы выросли в другой культурной среде. Мы здоровы и счастливы.

Ван Рийн вопросительно приподнял бровь.

— Счастливы! — повторила она громче, выпрямившись.— Мы рады и горды служить нашим... нашим спасителям.

— Уж больно громко женщина клянется,— пробормотал он.

— Что?

— Это строка из одного древнего стихотворения. Вам оно вряд ли известно. Я просто хочу сказать, что мне очень интересно. Вы мне никогда не рассказывали о своем прошлом — ну, кораблекрушении и все такое прочее.

— Да, но мы говорили об этом с Дэви Фолкейном... когда он гостил у нас,— на ресницах ее вдруг заблестели слезы. Она закрыла глаза, помотала головой и единым духом осушила свой стаканчик. Ван Рийн налил ей еще.— Он был такой милый,— проговорила она.— Я вовсе не хотела причинить ему зла. Никто из нас этого не хотел. И не наша вина, что его... его... его отправили на верную смерть. Вы! Как мне хочется, чтобы ему повезло.

Ван Рийн сделал вид, что не заметил оговорки. Ведь из слов ее следовало, что Латимер и ее сестра отправились к шеннам не просто так и что те ничуть не промедлят с посылкой к Бете Креста своей экспедиции. Он проворчал:

— Раз уж вы так с ним подружились, неприятно, должно быть, было ему лгать?

— Не понимаю, о чем вы,— она изумленно взглянула на него.

— Вы, именно вы, обвели его вокруг пальца,— сказал ван Рийн, отнюдь не обвиняя.— Но стреляного воробья на мякине не проведешь. Я в эти ваши басни насчет радиации и того, как вас потом нашли, не верю. Если шенны хотели просто помочь вам вернуться домой, к чему тогда эти шпионские страсти? Кстати сказать, уж больно вы им послушны, уж больно верны. Да, вы были бы им признательны, но ни за что не стали бы шпионить за своими собратьями, которые не причинили вам никакого вреда — если только вы не попали в руки чужаков совсем младенцами. Вывод отсюда следующий: они залучили вас к себе совсем малявками. А?

— Ну знаете...

— Не горячитесь,— ван Рийн поднял свой стакан и поглядел сквозь него на свет.— Я человек простой и от всей души стремлюсь к пониманию, чтобы можно было уладить это дело, не прибегая к оружию. Мне не нужны никакие действительные тайны шеннов. Но, скажем, вот название их планеты...

— Датина...

— Ага. Ну так вот, сказав это слово, вы ведь ни себе, ни им плохо не сделали. Правильно? Если мы не будем все время ходить вокруг да около, нам станет легче общаться друг с другом. О'кей, вы попали к шеннам младенцами, и они воспитали вас, преследуя свои цели. Почему вы не хотите признать этого? Как вы воспитывались и где, любые, даже самые незначительные детальки позволят мне понять вас и ваших приятелей, Тея.

— Ничего серьезного я вам открыть не могу.

— Знаю. Какая звезда у Датины, вы мне точно не скажете. Ну, а образ жизни? У вас было счастливое детство?

— Да-да. Первое, что я помню... Истэйян, один из сыновей моего хозяина, взял меня с собой... ему нужен был кто-то, чтобы нести оружие. Там оружие есть даже у грудничков. Мы забрались в разрушенную часть огромного древнего здания... В высокой башне мы обнаружили машины, только чуть заржавевшие... Солнечный лучик проник внутрь через отверстие в крыше, и я засмеялась, когда он отразился от металла и по стенам запрыгали зайчики... А из окна видна была пустыня, как будто...— Глаза ее широко раскрылись. Она прижала к губам ладонь.— Я слишком много говорю. Пожалуй, пора идти спать.

— Не торопись, ты так прекрасна,— сказал ван Рийн.— Это строка из еще одного старинного стихотворения и оно означает: останьтесь, дорогая, и выпейте мадеры. Мы же ни о чем серьезном не говорим. Кстати, если не было никакого звездолета с колонизированной планеты, откуда вы взялись?

Краска сошла с ее лица.

— Доброй ночи! — бросила она и опрометью кинулась в свою каюту. Однако теперь ван Рийн мог бы приказать ей остаться, и она повиновалась бы, ибо подчиняться ее приучили с самых ранних лет. Но он не стал этого делать, поскольку продолжение расспросов привело бы лишь к истерике.

Очутившись вдвоем с Эдзелом в каюте одинита — вернее, это были две каюты, между которыми убрали переборку,— ван Рийн, допивая стаканчик на ночь, пробурчал:

— Кое-что я выяснил. Ну, насчет того народа, который нам угрожает. Правда, в основном про их психологию. Но эти сведения тоже пригодятся.— Он сделал такую гримасу, что усы его встопорщились.— Нас ожидают, мало сказать, неприятности. Это отвратительно. Ужасно.

— Что же вы узнали? — спросил одинит спокойно.

— Эти самые шенны с какой-то целью превратили людей, попавших к ним младенцами, в рабов — нет, в собак. Может, они и с другими существами так поступают, но уж с людьми точно.

— А откуда же они взяли детей?

— Доказательства у меня нет, но голова еще работает, и лучше, чем считает Белдэниэл со своими дружками. Смотри. Мы можем утверждать почти наверняка, что звезда, у которой должно состояться рандеву, расположена рядом с Датиной. Шенны, таким образом, получают преимущество в скорости связи, а мы с тобой остаемся одни, далеко от дома и от любезных друзей с пушками. Правильно?

Эдзел почесал затылок; звук был довольно неприятный.

— «Рядом» понятие относительное. В окружности с радиусом пятьдесят или даже сто световых лет так много звезд, что мы даже приблизительно не умеем определить, где планета нашего противника, как он уже навалится на нас.

— Ага-ага. Я просто хочу сказать, что где-то поблизости от места встречи должна быть территория, на которой шенны хозяйничают уже давно. О'кей? Вот что мне вспомнилось: лет этак пятьдесят назад была предпринята попытка основать где-то в том районе колонию. Это была очередная группка утопистов — их в те дни расплодилось немало. Они нашли себе планету у умирающей звезды G-типа и назвали ее, дай бог памяти,— ага, Леандрой. Они хотели избавиться ото всех, кто мешает им строить свой собственный рай. И это им удалось. Торговать к ним никто не летал: никакая выручка не окупит затрат на столь дальнее путешествие. У них был один звездолет, на котором они навещали Ифри и Ллинатоур — это случалось не чаще раза в году,— и закупали на деньги, которые прихватили с собой, необходимые товары. А потом случилось так, что звездолет долгое время не появлялся ни там, ни там. Кого-то это встревожило, и на Леандру отправили корабль. Планета оказалась покинутой. Единственная деревня на ней полностью выгорела — как и лес на многие километры вокруг, а звездолет пропал. Одно время многие ломали головы над этой загадкой. Я услышал обо всем, когда несколько лет спустя прилетел на Ифри. Естественно, на Земле и на других центральных планетах никто и пальцем не шевельнул.

— И никому не пришла мысль о пиратах? — спросил Эдзел.

— Не знаю. Но чего ради пиратам нападать на деревушку у черта на рогах? Кроме того, больше никаких нападений не было. А кто слышал о, так сказать, одноразовых пиратах? Если рассуждать логически, то после того, как пожар уничтожил поля, склады и все остальное, леандрийцы,— жить-то как-то надо,— отправились за помощью. Они все забились в свой звездолет и улетели, но в космосе у них случилась какая-то поломка, в результате которой они погибли. Теперь обо всем этом уже прочно забыли. Кому нужна какая-то Леандра, когда и под боком немало шикарных местечек? — ван Рийн бросил грозный взгляд на стакан, словно тот тоже был его врагом.— Но сегодня я сопоставил все факты. Скорее всего, это работа шеннов. Они сперва, наверно, высадились на планету и назвались друзьями, сказав, что лишь недавно начали осваивать пространство. Все изучили, прикинули, что делать. А потом захватили всех и устроили пожар, чтобы замести следы.

— Дальше, мне кажется, было вот что,— прибавил Эдзел мягко.— Они попытались было приручить взрослых пленников. Но у них ничего не вышло, и они убили этих людей — дети ведь не помнят своих родителей. Наверняка они уничтожили и многих детей — как неподходящий материал. Вполне возможно, что эти шестеро из «Сириндипити» — единственные, кто остался в живых. Поэтому сомнительно, чтобы у шеннов были другие рабы, кроме людей. Ведь таких планет, как Леандра — раз-два, и обчелся.

— В общем, дела хреновые,— заключил ван Рийн.— Расспрашивать Белдэниэл о ее родителях я не могу. Она, быть

может, что-то и подозревает, но не позволяет себе об этом думать. Прямо-таки зациклилась на верности шеннам. Кстати, по-моему, она принадлежит одному из них — ну, как собака.— Рука его сжала стакан с такой силой, что будь последний не из витрила, а, скажем, из стекла, ему бы несдобровать.— Они и нас хотят такими сделать, да? — прорычал торговец.— Ну нет уж, клянусь великим небом! — Он осушил стакан.— Что означает: если мне придется тащить их за собой... то в аду они окажутся раньше! — И воинственно трахнул стаканом об стол.

Планета, назначенная местом встречи, была указана в каталоге. Проверив свои стандартные блоки памяти, корабельный компьютер сообщил ван Рийну, что эта система однажды исследовалась, около ста лет назад. При поверхностном осмотре не было обнаружено ничего интересного, и потому экспедиций сюда больше не предпринималось. (В самом деле, ну что тут делать: семь планет, семь миров со своими лунами и тайнами, три из них обитаемы; жители последних только-только научились обтесывать камни и теперь глядят ночами в звездное небо, раскрыв от изумления рты.) Ведь планетных систем бессчетное множество.

— Я могла бы все это вам рассказать,— заметила Тея, появляясь на мостике.

— А? — ван Рийн грузно повернулся ей навстречу, сам похожий на небольшую планету.

Она робко улыбнулась. Попытка выказать дружеское расположение получилась неуклюжей — из-за отсутствия опыта.

— Мы выбрали эту планету наугад, но с таким расчетом, чтобы шеннам было удобно.

— Хм.— Ван Рийн дернул себя за бородку.— Это всего лишь предположение, но скажите, вас никогда не страшила возможность того, что я попытаюсь из вас выкачать местоположение Датины?

— Нет. Дело в том, что я этого не знаю. Об этом известно только мужчинам, Киму и Латимеру, да и то их подвергли психообработке, чтобы они случайно не выдали тайну.— Она поглядела на опоясывавшие отсек экраны.— Я могу лишь сказать вам, что некоторые из созвездий мне как будто знакомы. Но вы, верно, уже сами об этом догадались.— Голос ее прервался. Бессознательным жестом она воздела руки к сверкавшим на экранах звездам.— Они — шенны — отвезут меня домой. Быть может, это будет сам Моэт. Эйяр ветийя грэззан толья...

Тихая реплика ван Рийна сразу охладила ее восторг:

— А если они не прилетят? Вы ведь не исключаете такого поворота событий. Что тогда?

Она задохнулась от неожиданности, сжала кулаки и застыла на секунду — воплощенная скорбь; большего отчаяния ему видеть не доводилось. Затем обернулась к торговцу и быстрым движением вложила свои холодные ладони в его руки.

— Вы мне тогда поможете? — произнесла она умоляюще. Потом в глазах ее вспыхнуло пламя.— Нет, Моэт меня не оставит! — Она резко повернулась и торопливо вышла из отсека.

Ван Рийн хмыкнул, бросил взгляд на мертвенным светом сиявшую на переднем экране звезду и достал табакерку, чтобы успокоить нервы. Предчувствия его не обманули: у Теи в самом деле не было оснований для беспокойства. Приборы корабля определили наличие в пространстве эманации двигателей целой эскадры звездолетов, причем на таком расстоянии, что стало ясно — они прибыли сюда дня два-три назад. (Это означало, что база их находится в самом крайнем случае немногим далее ста световых лет отсюда — если только скорость кораблей шеннов не превосходила значительно скорость звездолетов Технической цивилизации, а это было маловероятно. Во-первых, если бы шенны не были относительными новичками в космосе, их уже давно так или иначе обнаружили бы. А во-вторых, частоты, на которых работали гипергенераторы, были заполнены до пределов, установленных квантовой теорией.) Едва звездолет ван Рийна оказался в радиусе обнаружения, эскадра противника пришла в движение. Часть кораблей, рассыпавшись веером, умчалась в пространство — наверно, выяснить, нет ли у него сопровождающих. Остальные двинулись ему навстречу. Замерцал кодовый сигнал, который шенны, должно быть, узнали от своих рабов-людей. Ван Рийн подчинился, вывел корабль из гиперпространства на орбиту вокруг звезды и стал ждать установления связи.

Они все втроем собрались на мостике перед главным внешним переговорным устройством. Тея дрожала, кровь то приливала к ее лицу, то отступала вновь; она не отрывала взгляда от приближавшихся звездолетов. Ван Рийн повернулся к ней спиной.

— Не знаю почему,— пробормотал он на одном из тех языков, который, как они с Эдзелом убедились, Тея не понимала,— но у меня такое чувство, что я не могу подобрать слова, чтобы определить, какие ощущения у меня вызывает ее вид.

— Смятение, нет? — предположил одинит.

— О, так, значит, вот что это такое, да?

— Мы с ней абсолютно непохожи — ни по глубинным инстинктам, ни по воспитанию,— продолжил Эдзел.— Тем не менее, я считаю, что недостойно нам в этом случае пялить на нее глаза.

Он принялся рассматривать ближайший звездолет шеннов. Продолговатый силуэт с острыми выступами, напоминавшими плавники, освещенный далеким оранжевым солнцем, частично загораживал собой Млечный Путь.

— Любопытная конструкция,— сказал Эдзел.— От такого корабля не очень-то много толку.

Ван Рийн перешел на английский:

— В самый раз для машин,— заметил он.— И потом, с

чего бы целой куче — сколько их там, пятнадцать? — больших, утыканных пушками кораблей, экипаж которых должен исчисляться сотнями, устремляться навстречу маленькому безобидному катерку? Вроде ни к чему, а? Да, если только они не роботы. Мне так кажется, в робототехнике они настоящие чудодеи, эти шенны. И компьютерная система «СИ» — тому подтверждение.

Он все рассчитал верно: обрадованная Тея разговорилась. Она начала хвалиться и петь осанну могучим и сложным автоматам, составлявшим костяк всей датинской цивилизации. Скорей всего, сказала она, на этой эскадре трое, от силы четверо живых хозяев. Больше и не нужно.

— Даже чтобы пообщаться с нами? — спросил ван Рийн.

— У них каждый говорит сам за себя,— ответила Тея.— Кстати, вы ведь тоже не полномочный посол. Но после разговора с вами они известят своих товарищей.— Она произнесла все это с отсутствующим видом, а потом перешла вдруг на гортанное воркование — очевидно, это был язык шеннов. Ее как прорвало — она никак не могла остановиться.

— Они известят своих товарищей,— повторил Эдзел медленно, снова на непонятном женщине языке.— Из этой фразы следует, что решения в обществе шеннов принимает сравнительно небольшая группа существ. Однако вывод о неограниченной олигархии был бы преждевременным. Олигархи в большинстве случаев предпочитают живые экипажи — вроде нас с вами и по тем же причинам. Каким бы совершенным ни был робот, он все равно останется машиной, придатком живого мозга. В противном же случае, стань роботы вдруг во всем эквивалентными биологическим организмам, зачем их строить?

— Ага, эти рассуждения я слышал,— отозвался ван Рийн.— Природа снабдила нас всем необходимым для порождения новых биологических организмов, и вся эта операция обходится гораздо дешевле и доставляет куда больше удовольствия, чем производство роботов. Но как насчет того компьютера, о котором в свое время столько говорили? Полностью мотивированного в своих действиях и все же намного превосходящего любое существо из плоти и крови?

— Его создание — пока возможно лишь теоретически. Откровенно говоря, мне в это не верится. Но даже если предположить, что такой робот существует,— он ведь будет править, а не служить. А шенны отнюдь не производят впечатления слуг при машинах. Иными словами, дело обстоит так: их роботы, быть может, лучше наших, но это всего лишь роботы. Только этих роботов у них, похоже, гораздо больше, чем у нас; но ведь от присущих этому классу машин ограничений никуда не деться. Они используют их направо и налево, стремясь как-то компенсировать эти самые ограничения. Но почему?

— Малочисленность населения? Это, кстати, объяснило бы, почему решения у них принимают немногие,— если ты прав в своем предположении.

— Ээх-х... Возможно. Хотя мне трудно представить, как малочисленное общество может построить — да даже и сконструировать — столь сложные производства, которые, судя по их кораблям, есть на Датине.

Так они переговаривались между собой, чтобы хоть как-то уменьшить напряжение, прекрасно понимая, насколько шатки все их построения. Когда бортовой компьютер сообщил:

— Получен сигнал,— они оба подскочили. Тея подавила крик.

— Давай, кто бы там ни был,— приказал ван Рийн, стирая с лица пот кружевной манжетой. Зажегся визи-экран. На нем появилось отдаленно похожее на человека существо. Но вздувшиеся мускулы, огромная бычья голова, сверкающая шевелюра, хриплый рев из раскрытой пасти — за всем этим чувствовалась такая мощь, что Эдзел, зашипев, невольно отступил на шаг.

— Моэт! — взвизгнула Тея. Она упала на колени, простирая руки к шенну. По лицу ее струились слезы.

В жизни почему-то все устроено так, что печали и радости приходят не поодиночке, а всегда гурьбой, так, что с ними трудновато бывает совладать. В промежутках же между их приходами время еле тянется, и жизнь становится до безобразия обыденной. Ван Рийн частенько беседовал на эту тему со святым Дисмасом, причем в резких тонах, но вразумительного ответа так и не добился. И теперешнее его состояние лишь подтверждало этот вывод. После того, как Тея заявила, что ее владыка Моэт призывает ее к себе на корабль — это был самый большой звездолет эскадры, по размерам напоминавший дредноут и прямо-таки обросший всякими пушками,— и вошла в присланный за ней флиттер, по корабельным часам прошло сорок семь часов двадцать одна минута, в течение которых ничего не случилось. Шенны не выходили на связь и не отвечали на вызовы. Ван Рийн стонал, бранился, ревел, бегал по кораблю, ел шесть раз в день, мошенничал в солитер, напропалую курил и пил, задавая работу очистителям воздуха и мусороуборщикам, и не успокаивался даже от симфоний Моцарта. Наконец он довел Эдзела до белого каления. Захватив с собой еду и книги, одинит заперся в своей каюте и вышел из нее только тогда, когда его компаньон прокричал из-за двери, что чертова ледышка с расплавленными мозгами готова переводить и что теперь он, Николас ван Рийн, будет, может быть, хоть как-то вознагражден за свое ангельское терпение. Однако, когда Эдзел примчался на мостик, торговец выговаривал Тее с поистине дядюшкиной нежностью:

— Просто удивительно, что все про нас забыли. Мы же прибыли сюда для встречи.

Тея изменилась. Одета она была теперь в свободное белое платье и бурнус; темные контактные линзы защищали ее глаза от яркого света в каюте на борту линкора. Она снова полностью овладела собой. Ответ ее был сухим, даже резковатым:

— Мои повелители шенны подробно расспросили меня, дабы приготовиться к разговору с вами. Как вы видите, на борту корабля нет больше никого из «Сириндипити».

На коленях ван Рийна — так, чтобы прибор не был заметен с экрана передатчика,— лежал скрибблер. Пальцы торговца, похожие на жирные волосатые сосиски, бесшумно двигались по его клавиатуре. Эдзел прочитал на разматывающейся ленте: «Глупо. Откуда им было знать, что с ней, их связником, все в порядке? Это лишь доказывает, что они сначала делают, а потом думают».

Тея продолжала:

— Кроме того, прежде чем я смогла говорить разумно, я должна была пройти через хаадеру. Я так долго была разлучена со своим владыкой Моэтом. Что такое хаадеру, вам не понять.— Она чуть покраснела, но дрогнул ли ее голос — это могла сказать только машина.— Считайте это церемонией, в которой он признает мою верность ему. Он требует времени. Кстати, у кораблей-разведчиков как раз была возможность определить, что за ними не следовал никакой злоумышленник.

Ван Рийн написал: «Не Юпитер. Минотавр. Голая сила самца».

— Не понимаю,— прошептал Эдзел ему в ухо.

«Вот что такое для нее этот зверюга шенн. Она всего лишь рабыня. Я видел много таких женщин в конторах — старые девы, фанатически преданные своему боссу. Неудивительно, что в шайке «СИ» четыре женщины и всего двое мужчин. Мужчины редко этим соблазняются, если только воля их не сломлена. Сомневаюсь, чтобы у них что-то было между собой. Супружество Латимеров — уловка для отвода глаз. Вся их сексуальная энергия направлена на служение шеннам. Естественно, они этого не осознают».

— Мои владыки выслушают вас,— сказала Тея Белдэниэл. На мгновение в ней проглянуло нечто человеческое. Она подалась вперед и быстро, тихим голосом прибавила: — Будьте осторожны, Николас. Я знаю вашу манеру и буду переводить не ваши слова, но то, что скрывается за ними. Осторожнее, прошу вас. Я не могу им лгать. И потом, они очень вспыльчивы, вы даже представить себе не можете. Я...— она сделала паузу,— я хочу, чтобы вы спокойно возвратились домой. Вы — единственный человек, который когда-либо был добр со мной.

«Ба,— написал он,— оказывается, я разыграл из себя Минотавра. Я видел, что ей хочется чего-нибудь этакого, но полагал, что изображаю Юпитера. Она бессознательно реагировала на свои побуждения. Надо было ее вернуть. С ней обошлись просто мерзко».

Тея махнула рукой. Изображение на экране сменилось. Появился большой зал, где на подушках восседали четыре шенна. Ван Рийн сморгнул и пробормотал сквозь зубы какое-то ругательство. В глазах у него зарябило от пестрой раскраски стен.

— Ну и безвкусица! Такого маразма и в аду не увидишь! — зал обставлен был с варварской роскошью; однако, в ходе разговора, поскольку угол зрения камеры на линкоре все время менялся, Эдзелу удалось разглядеть несколько древних на вид и красивых вещиц. Одна из лохматых тварей что-то проревела. Съежившаяся, смятенная, но не отрывавшая восхищенного взгляда от шенна по имени Моэт, Тея перевела:

— Вы явились на переговоры. По какому поводу?

— Да так, пустяки,— отозвался ван Рийн,— кой-какая мелочишка, которой мы можем по-дружески поделиться, а не затевать из-за нее раздоры. Быть может, у нас найдется чем торговать или чему научить друг друга. А вдруг вы открыли новый способ согрешить?

Тея начала было переводить, но ее перебили. Шенн произнес довольно длинную фразу, которую она передала следующим образом: «На что вы жалуетесь?»

По реакции ван Рийна и Эдзеля Тея поняла, что вот здесь как раз буквальный перевод ни к чему.

— Жалуемся? — взвыл одинит.— Да жалоб столько, что я не знаю, с какой и начать!

— Зато я знаю, черт побери! — вмешался ван Рийн. И пошло-поехало...

Разгорелся спор. Тея бледнела, краснела, ее бросало то в дрожь, то в холод. В чем состояла суть пререканий, в этом не разобрались бы и сами спорщики, ожесточенно пытавшиеся перекричать один другого и упрямо отказывавшиеся слушать. Наконец ван Рийну кое-как удалось определиться, что к чему.

Обвинение: «Сириндипити» была организована для шпионажа за Политехнической Лигой в частности и за Технической цивилизацией вообще.

Ответ: шенны предоставили Лиге оборудование, до которого сама она еще не скоро бы додумалась. Насильственная продажа «Сириндипити» является бандитским актом, и шенны требуют за это компенсации.

Обвинение: Дэвид Фолкейн был похищен агентами шеннов и подвергнут промывке мозгов.

Ответ: судьба одного примитивного индивида не заслуживает обсуждения.

Обвинение: шенны поработили одних людей и, предположительно, убили других.

Ответ: людям предоставлена была почетная возможность служения высшим существам, а иначе бы они прозябали до конца своей жизни среди дикарей. Спросите у них самих, если не верите нам.

Обвинение: шенны попытались утаить знания о новой планете от тех, кому они по праву принадлежат.

Ответ: эти знания принадлежат шеннам. Советуем браконьерам поостеречься.

Обвинение: несмотря на свою шпионскую систему, шенны как будто не оценили могущества миров Технической циви-

лизации и в особенности Лиги, которая не потерпит угроз в свой адрес.

Ответ: и шенны тоже.

В этот момент Тея, наконец, не выдержала и потеряла сознание. Шенн по имени Моэт встал со своего места, подошел к ней и нагнулся над ее телом. Потом искоса поглядел на экран. Ноздри его раздулись, волосы встали дыбом. Он пробурчал команду. Связь прекратилась. И очень вовремя.

Ван Рийн проснулся так быстро, что успел услышать свой последний храп. Он сел. В каюте было темно, приглушенно гудели вентиляторы. Воздух в помещении был чуть спертым — никто не потрудился отрегулировать хемосистему. Механический голос повторил:

— Получен сигнал вызова.

— Чтоб тебя! Слышу, слышу, дай только вытащить из постели мое бедное усталое тело.— Металлическая палуба холодила ступни. Посмотрев на фосфоресцирующий циферблат, он увидел, что поспать ему дали совсем мало — шесть часов. А переговоры завершились часов двадцать назад, если только можно назвать этим словом тот обмен любезностями. Кстати, ну и характерец у этих быков-переростков! Для того, чтобы строить роботы и звездолеты, цивилизация должна достичь определенного уровня технологического развития, а это невозможно без наличия нескольких качеств — дипломатичности, хотя бы в зачаточной форме, сдержанности, разумного эгоизма. Иначе свернешь себе шею прежде, чем чего-либо достигнешь... Быть может, связь не возобновляли так долго потому, что шенны обуздывали свой темперамент?.. Ван Рийн торопливо зашагал по коридору; полы халата колыхались в такт шагам. На мостике никого не было. Эдзел, слух которого в условиях земной атмосферы, установленных на корабле, был менее тонким, чем обычно, еще не проснулся. Замолчавший было компьютер ожил:

— Два часа назад в космосе был обнаружен звездолет, следовавший по направлению от Циркуля. Он не вышел еще на постоянную орбиту, но явно находится в контакте с уже наличествующими...

— Заткнись и давай связь,— бросил ван Рийн. Он поглядел на экран. Так, угреподобный эсминец, чуть дальше — крейсер, за ним — светящаяся точка, очевидно флагман шеннов. Новоприбывшего нигде не видно. Но торговец не сомневался, что вызов связан именно с ним. Зажегся визиэкран. Посреди залитого светом, заполненного бормотанием машин зала, откуда с ван Рийном разговаривали шенны, стояла Тея Белдэниэл. Торговцу еще не доводилось видеть ее в таком состоянии. Глаза налились кровью, рот исказила гримаса.

— Бегите! — и с голосом тоже что-то случилось.— Спасайтесь! Они разговаривают с Гэхудом, а приказать роботам, чтобы следили за вами, как будто забыли. Вы можете потихоньку уйти... тихо-тихо... оторветесь хоть немножко. Может,

вам удастся затеряться в космосе... Но они убьют вас, если вы останетесь!

Ван Рийн не пошевелился. Его волнение выдавал разве что чуть погрубевший голос.

— Пожалуйста, объясните подробнее.

— Гэхуд... он прилетел один... Хью Латимер мертв или... Я спала у двери в каюте моего повелителя Моэта. Вдруг заработал интерком. Теллам просил Моэта прийти на мостик, Моэта и всех остальных. Он сказал, что с Датины вернулся Гэхуд, тот самый Гэхуд, которого отправляли к гигантской звезде на поиски планеты-бродяги, и вернулся он один, без Латимера. Теллам сказал, что они должны встретиться, выслушать рассказ Гэхуда и решить...— Она нервно сцепила пальцы.— Больше я ничего не знаю, Николас. Моэт мне ничего не приказывал. Я не смогу предать его... их... никогда... но кому будет хуже, если вы останетесь живы? Я слышу их ярость, я ощущаю ее! Я знаю шеннов. Они прикажут своим роботам расстрелять вас. Бегите!

Ван Рийн как будто превратился в статую. Он не произнес ни слова до тех пор, пока Тея немного не овладела собой. Она дрожала, дыхание ее было прерывистым, но пелена безумия спала с глаз. Тогда он спросил:

— Почему вы так уверены, что они убьют нас с Эдзелом? О'кей, они взбешены и не желают дальше переливать из пустого в порожнее. Но не разумнее ли с их стороны было бы захватить нас в плен? Мы ведь кое-что знаем и вполне можем сойти за заложников.

— Вы не понимаете. Я знаю шеннов. Вас будут пытать, наверняка накачают наркотиками... И мне придется помогать им в этом. А потом, когда вы станете для них обузой...

— Они огреют меня по голове чем-нибудь тяжелым. Ага-ага, ясненько. Однако моя старая черепушка еще достаточно крепка.— Ван Рийн подался вперед, легонько опершись пальцами на спинку стула; он в упор глядел на женщину, словно удав на кролика.— Тея, если принять ваш совет, шансов на спасение у нас ничтожно мало. Я готов поспорить на что угодно, что эти эсминцы спокойно нас догонят. Но если мы отправимся на Датину, то, пожалуй, сможем продолжать беседу, когда ваши боссы чуть поостынут. Быть может, у нас еще получится сторговаться с ними. В конце концов, что они теряют, забирая нас с собой? Как вы считаете, удастся вам убедить их не убивать нас, а взять в плен?

— Я... ну, я...

— Спасибо, что предупредили, Тея. Я догадываюсь, чего вам это стоило. Мой вариант, кстати, ничем вам не грозит. А вот если шенны увидят, что мы смылись, и поставят это в вину вам, тогда... Почему бы вам не пойти к вашему Моэту? Скажите ему, что вот они мы, предложите ему направить на них свои пушки, объявить нас пленниками и отвести на Датину. Согласится он, по-вашему?

Тея судорожно кивнула — говорить она уже не могла.

— Ладно, тогда отправляйтесь,— он послал ей воздушный поцелуй, так громко причмокнув губами, что жест получился довольно комичным.

Экран погас. Ван Рийн отправился на поиски бутылки и Эдзела. Но сперва торговец на несколько минут присел перед святым Дисмасом. Если гнев у шеннов возобладает над благоразумием, несмотря на все просьбы и доводы этой женщины, их с Эдзелом уже ничто не спасет.

Перелет на пределе скорости от безымянной звезды к солнцу Датины занял чуть меньше недели. Плененному кораблю пришлось поднатужиться, чтобы не отстать от окружающих его боевых звездолетов. Но с этим он справился, и землянин с одинитом получили некоторое представление о возможностях кораблей шеннов. Ничего другого узнать им не удалось. Они по-прежнему оставались в неведении, что же такое рассказал своим собратьям Гэхуд, из-за чего вся эскадра ринулась домой. Шенны то и дело принимались допрашивать их по гиперкому. Вопросы были случайными и частенько повторялись, из чего пленники справедливо заключили, что допрашивают их все кто ни попадя и когда взбредет в голову. Разговоры эти заканчивались обычно похвальбой и угрозами. Ван Рийн на многие вопросы отвечал искренне, ибо Тея легко могла поймать его на лжи в том, что касалось населенности крупных миров и продуктивности работающих на них производств, целей и задач Политехнической Лиги, тех или иных народов и культур. Однако ей явно было неприятно поведение ее владык, и она пыталась придать их словам хотя бы подобие вежливости при переводе. Но ван Рийну не составляло труда вывести ее на чистую воду. Обычно разговор шел таким вот образом.

— Лорду Нимрану хочется побольше узнать о ранней истории Земли,— сказала Тея торговцу. Компьютеры обеих сторон преобразовывали точки-тире в электромагнитные волны.— Особенно его интересуют наследовавшие друг другу цивилизации.

— Вроде греков с минойцами, западного христианского мира с Римской империей или турок с Византией? — уточнил ван Рийн.— Везде все происходило по-разному. И было это давным-давно. Чего это он вдруг заинтересовался?

Он представил себе, как она покраснела.

— Это не ваше дело.

— О, я ничуть не против прочитать ему лекцию. Вот только налью себе еще пивка. Вести беседу всухую...— ван Рийн заглянул в охладитель, который Эдзел для него перетащил на мостик.— Иди ко мне, моя рыбка.

Эти последние его слова тоже были преобразованы компьютером в гиперимпульсы. ЭВМ на корабле шеннов переводить не могла, но в память ее был введен лексический минимум английского языка. Так, значит Тея наверняка скажет Нимрану, что он не ответил на вопрос. Интересно, что сделает

минотавр — схватится за пистолет? Когда женщина заговорила вновь, в глазах ее послышалась мольба, несмотря на произносивший их механический голос:

— Не злите его. Они становятся просто ужасными, когда рассердятся.

Ван Рийн открыл бутылку и налил пиво в стакан.

— Ага, конечно, конечно. Я только пытаюсь помочь. Однако скажите ему, что мне надо знать точнее, чего он от меня ожидает. И зачем. Мне так кажется, что культура шеннов не породила ученых, интересующихся чем-то просто из любопытства.

— Люди переоценивают любопытство. Это обезьянья привычка.

— Ну как же, ну как же. У каждого свои инстинкты; порой они совпадают с инстинктами другого народа, а порой — нет. Так вот, мне нужно знать основные инстинкты ваших... хм, владельцев, иначе как я могу ответить на их вопрос? Быть может, получится так, что мой ответ будет для них бессмыслицей. Хорошо, что вы мне сказали, что на Датине нет настоящей науки. Никто не проявляет интереса к тому, что не может быть употреблено с пользой, съедено, выпито (Ааахх!), продано,— ну и так далее. С вашего разрешения продолжать я не буду, чтобы не оскорблять в вас женщину.

— Вы упрощаете.

— Согласен. Разве можно в нескольких словах описать хотя бы одного индивидуума, не говоря уж о цивилизации? Конечно, упрощаю. Но, грубо говоря, неужели я не прав? Или вы будете утверждать, что в их обществе процветают абстрактные науки?

— Хорошо-хорошо, не буду.— Наступила пауза: скорее всего Тее снова пришлось успокаивать Нимрана.

Ван Рийн отер пену с усов и сказал:

— Отсюда я делаю вывод, что цивилизация у шеннов была лишь одна.

— Да-да. Подождите, я должна договорить с ним.

Через пару минут гиперком снова ожил:

— Если вы будете увиливать от ответа, последствия могут быть самые серьезные.

— Но, милочка, я же сказал вам, что не понял его вопроса. Он спросил меня не из научного любопытства, значит, он полагает, что история смены культур на Земле поможет ему разобраться в ситуации на Датине. Верно?

После секундного колебания:

— Да.

— Отлично, так давайте же установим, чего он хочет. Что его интересует? Как индусы выжили со своих земель прежних хозяев? Как образовались этносы-гибриды вроде арабов или нашей Техноцивилизации? Как одна культура влилась в другую, скажем, Рим в Византию? Что?

Ее ответ был исполнен отчаяния:

— Я сама ничего не знаю об истории Земли.

— Спросите его. Или лучше, давайте я спрошу через вас.

После нескольких подобных разговоров ван Рийн окончательно укрепился в своих подозрениях. Не сами шенны создали ту умопомрачительную кибернетическую структуру, которой они пользовались. Они переняли ее у неких своих предшественников вместе со многим другим. Однако еще больше погибло, ибо шенны были завоевателями, истребителями, дикарями, захватившими здание, воздвигнутое цивилизованными существами, и уничтожили последних (как такое могло случиться?) Значит, они куда более опасны, чем казалось раньше. И эту опасность не уменьшает даже их травоядность (в результате какой эволюции смогли возникнуть воинственные травоядные?) У них хватило мозгов, чтобы обратить внимание на рекомендацию компьютера «Сириндипити» относительно планеты у Беты Креста. Они поняли промышленную ценность бродяги. Но их больше заботило, чтобы об этом не догадались другие, чем использование планеты в собственных целях. Ведь они не были ни торговцами, ни сколько-нибудь серьезными промышленниками. Роботы обеспечивали их всем необходимым, строили оборудование и сами за ним присматривали. Поэтому шенны не стремились к коммерческим или культурным контактам с Техноцивилизацией. Даже наоборот — они считали, что сосуществование — невозможно. (Почему?) Операция с «Сириндипити» была для них типичной. Когда впервые они столкнулись с другими народами, путешествующими по галактике и колонизирующими планеты,— а произошло это на задворках сферы влияния Техноцивилизации,— они принялись изучать их. Методы их отличались один от другого в пространстве и во времени. Силой они действовали не всегда; когда нужно, шенн может быть ох каким хитрым. Поскольку никто не помнит точного числа планет, обитатели которых вышли в космос, шеннам вовсе ни к чему было признаваться, что они, так сказать, снаружи, и вопросы их не вызывали подозрения. Тем не менее всей желаемой информации таким вот образом они добыть не смогли. И нашелся гениальный самец, предложивший заслать на вражескую территорию шпионов, да таких, у которых отбоя не будет от предложений в сотрудничестве. Собратья согласились с его идеей. Однако ни у какого шенна не достало бы терпения возиться с этой лавочкой в Луноградe. И дело поручили компьютерам. Пусть так, но ведь базовые программы для машин и правила поведения для людей составили сами шенны. И здесь снова проявила себя их природа. Если назревает что-то важное, то действовать нужно смело и решительно! Многие другие существа сначала продумали бы все до мелочей. Но не шенны. Им было некогда. Они всегда предпочитали действие выжиданию. Главное — нанести удар, а потери будем считать потом. У шеннов была причина испытывать недоверие к бродящим по космосу существам иных рас. (А недоверие, естественно, породило в них ненависть.) Сами по себе они были малочисленны. Колонизация других планет продвигалась не очень-то

успешно. Четыре пятых взрослого населения их планеты годилось только в помощники — ибо полигеничных изобретательных самцов было в четыре раза меньше, чем тупоголовых, подобострастных самок. Политическая система их общества была чрезвычайно примитивной. Патриархи с замашками баронов управляли громадными поместьями, напоминавшими независимые королевства, и в случае необходимости совещались между собой или что-либо вместе предпринимали — но на строго добровольной основе. И это именовалось государством. Экономическая структура тоже была не лучше. (Как вообще такой народ мог выбраться из палеолита и уничтожить своих прешественников, заполонивших планету машинами и стремившихся к звездам?) Входящие в Лигу компании обдерут их до последней нитки. Волна поселений не обязательно погребет их под собой — было бы из-за чего стараться,— но наверняка поглотит все мало-мальски пригодные для жизни планеты вокруг Датины. Лучшее, на что могут рассчитывать шенны — что попадут в число бороздящих космос народов. А таких нынче наберется не одна сотня. Да и то, чтобы добиться хотя бы этого, им придется здорово поднапрячься. Разумеется, даже одна мысль о подобном развитии событий была для них непереносимой. Но каким бы нелепым их общество не казалось, с самими шеннами шутки были плохи. Они были такими же злобными, как бациллы в своем первом нашествии на Европу. Или даже больше — Европа ведь выжила.

Солнце Датины показалось Эдзелу знакомым — средних размеров звезда F-типа, в 5,4 раза ярче Солнца, скорее белая, чем золотистая. Но проверив показания имеющихся на борту приборов, он не поверил собственным глазам. Повторив исследования, получил те же самые результаты.

— Это не обычная звезда,— сказал он.

— Что, собирается стать новой? — с надеждой поинтересовался ван Рийн.

— К сожалению, нет,— Эдзел увеличил изображение, одновременно убавив яркость. На экране показался диск звезды. Обширная корона сверкала незамутненным перламутровым светом, но на фоне ее метались огненные протуберанцы и плотным сгустком пульсировали пятна.— Смотрите, какое излучение. А этот сложный рисунок? Все свидетельствует о наличии сильного, но непостоянного магнитного поля. Ого!..— На «поверхности» звезды ослепительным светом вспыхнула на мгновение точка размером с булавочную головку.— Ядерный взрыв в фотосфере! Представляете, какие нужны конвекционные течения и плазменные эффекты для того, чтобы он произошел! Спектроскопический анализ подтверждает факты, полученные при визуальном наблюдении, и измерение радиации тоже. Даже там, где мы сейчас находимся, солнечный ветер весьма ощутим. Судя по показаниям приборов, его строение в высокой степени подвержено изменениям.— Мясистые губы

Эдзела сложились во встревоженную усмешку.— Мне доводилось слышать о таких звездах, но я и не предполагал, что повезет собственными глазами увидеть одну из них.

— Я вижу, тебе весело,— пробурчал ван Рийн.— Рад за тебя. Когда меня в следующий раз пригласят на похороны, возьму тебя с собой: будешь петь «Хей-нонни-нонни» и приплясывать. Нам-то что от этого?

— У этой звезды не только большие размеры, но и необычный состав: она нашпигована металлами. Возможно, она образовалась где-нибудь по соседству с недавней сверхновой. Нормальная эволюция ее усложнена дополнительными процессами синтеза, некоторые из которых закончились расщеплением. Это влияет на внутреннюю стуктуру звезды, что в свою очередь определяет величину излучения. В общем, ее можно назвать нерегулярно переменной звездой. Конечно, это не совсем то, но и подобное случается крайне редко. Если я правильно понял, в данный момент мы наблюдаем послепиковое состояние, продолжающееся вот уже — занх-х-х — несколько тысячелетий.

— Но этот пик не уничтожил жизнь на Датине?

— По всей видимости,— нет. Светимость звезды до такой степени как будто не возрастала. Но, разумеется, раз планета попала в поток заряженных частиц, на ней должны были произойти существенные биологические сдвиги.

Ван Рийн что-то буркнул, поудобнее устроился в кресле и протянул руку за трубкой. Когда надо было крепко подумать, он курил именно ее.

Эскадра приблизилась к Датине. Компьютер плененного корабля, выполняя распоряжение экипажа, активировал все датчики и сообщил о бурной деятельности в окружающем пространстве: звездолеты строились, кружили по орбитам, прилетали и улетали. Но Эдзелу было не до этого: его внимание целиком захватила планета. Она была четвертой по счету от солнца. Период обращения вокруг звезды составлял 2,14 стандартных года на среднем расстоянии в две астрономические единицы. Масса ее приблизительно равнялась массе Марса: 0,433 земной. Экваториальный диаметр — всего 7950 километров. Несмотря на это и на втрое меньший по сравнению с Землей уровень получаемого тепла и света, Датина имела протяженную кислородно-азотную атмосферу. На больших высотах давление было крайне низким, но на уровне моря даже чуть превышало земное. Такой объем газа объяснялся в первую очередь планетным составом; распространенность тяжелых элементов обеспечивала чистый удельный вес в 9,4 и поверхностное ускорение в 1,075 см/сек^2. На заре своей юности этот мир, должно быть, подвергся сильной дегазации, ибо богатое металлами ядро, несомненно, растрачивало свою энергию в мощных вулканических извержениях. Ныне же эта энергия и непривычно малый период обращения планеты вокруг своей оси — он равнялся семнадцати с четвертью ча-

сам — порождали сильное магнитное поле, защищавшее атмосферу Датины от воздействия солнечной радиации. Задача облегчалась тем, что у планеты шеннов не было спутников. Отороченная чернотой пространства, Датина представляла собой удивительное зрелище. Гидросфера ее была куда беднее земной: кванты ультрафиолетового излучения звезды расщепили множество молекул воды. Однако континентальные массивы этой планеты были, если можно так выразиться, пологими, и потому вода покрывала примерно половину ее территории. Мелкие, лишенные приливов моря чуть колыхались под красно-желто-коричневым ковром каких-то водорослей. Поскольку угол наклона планеты к оси был незначительным, а краевой эффект сравнительно небольшим, полярные области мало чем отличались от экваториальных. Но вот нагорья существенно разнились с долинами, что было вовсе не удивительно, если принять во внимание скачки атмосферного давления. Почва низин, особенно в прибрежных районах, как будто была плодородной: при максимальном увеличении на обзорном экране видны стали темно-золотистые леса, луга и поля. В горах же не было ничего, кроме камня и льда. Но плодородные земли были оазисами среди огромных пустынь, где песчаные бури хлестали красные скалы. Пустыни эти возникли сравнительно недавно, с геологической, да и с исторической точек зрения, ибо тут и там виднелись башни, развалины древних городов, дороги и линии электропередач. Песок еще не успел похоронить все это под собой.

— Неужели солнце сожгло эти земли? — тихо, почти шепотом спросил ван Рийн.

— Нет,— отозвался Эдзел.— Причина здесь в другом.

— Почему это?

— Повышение температуры ведет к испарению влаги — следовательно, более интенсивно начинают образовываться облака, увеличивается альбедо. Кроме того, если одним зонам скачок пошел во вред, то другим он был бы только во благо. Другими словами, жизнь мигрировала бы к полюсам и в горы. Но вы же сами видите, что на высоких широтах и на больших высотах здесь положение ничуть не лучше. И потом, развитая, создавшая генераторы энергии, цивилизация, уж как-нибудь бы выдержала простую перемену климата — ведь перемена эта случилась не в одну ночь.

— Тогда что же, война?

— Следов применения ядерного оружия не видно. А химическое и бактериологическое, насколько мне известно, не способны выжечь такие проплешины на поверхности планеты. Мне кажется,— закончил Эдзел мрачно,— что причина катастрофы была куда серьезнее, а о последствиях мы даже не догадываемся.

Развить свою мысль он не успел, ибо корабль их получил приказ войти в атмосферу. Конвоируемый двумя эсминцами и тендером, на котором находились Моэт с Теей, звездолет опустился неподалеку от родового замка шенна. Едва корабли

совершили посадку, к ним устремилась толпа вооруженных существ.

Следующие три дня ван Рийн с Эдзелом уделили осмотру местных достопримечательностей. Их сопровождала Тея.

— Я упросила своего повелителя разрешить вам эти прогулки, пока он занят на Большом Совете,— сказала она.— Мы надеемся, что, лучше узнав наше общество, вы сообщите нам полезные сведения.— И добавила, не поднимая глаз: — Вы ведь не откажетесь, правда? Отказ означает смерть. А если вы хорошо ему послужите, мой повелитель хорошо с вами обойдется.

— Ладно, пойдемте поглядим, где нам предстоит провести остаток своих дней,— сказал ван Рийн.

С них не спускали глаз. Куда бы они ни пошли, за ними повсюду следовали несколько молодых шеннов — сыновья, племянники, вассалы Моэта, его дружина. Кроме того, над замком постоянно кружили вооруженные лазерными пушками автоматические шлюпки на воздушной подушке. Эдзел привлекал к себе всеобщее внимание. Самки таращились на него, когда он проходил мимо. Юнцы и не занятые работой слуги преследовали по пятам. Шенны, вопреки уверениям Теи, не лишены были любопытства. Вовсе нет, просто оно присутствовало у них далеко не в такой степени, как, скажем, у Гомо или Драконокентаурус сапиенс. Эти последние жадно стремились к познанию всего нового.

Вообще-то замком поместье Моэта можно было назвать только с большой натяжкой. Некогда это был ряд соединенных между собою зданий — огромный массив, километров пять-шесть длиной и метров пятьсот-шестьсот в высоту. Но несмотря на кажущуюся громоздкость, он не лишен был известного очарования: это буйство красок, эти радовавшие глаз хрустальные колонны, эти взметнувшиеся в небо башни, лепестковые шпили которых терялись среди облаков! Когда-то здесь жили и работали, сменяя друг друга поколение за поколением, миллионы существ; когда-то этот замок, полностью автоматизированный, питавшийся от источника ядерной энергии, связан был со всей планетой шоссе и линиями коммуникаций. Теперь же он был наполовину разрушен. Колонны попадали, в крышах сияли прорехи, машины покрылись слоем ржавчины, в башенках поселились твари, похожие на птиц, а по комнатам шныряли твари, похожие на крыс. Хотя роботы и следили за сохранившейся частью замка, но гулкая пустота коридоров, комнат, холлов и террас произвела на Эдзела с ван Рийном еще более тягостное впечатление. Тея отказалась рассказать, что здесь в свое время произошло.

— Вам что, запрещено об этом говорить? — спросил у нее Эдзел.

Она закусила губу.

— Нет,— отозвалась она печально,— нет. Я сама не хочу.— Потом прибавила: — Вы не поймете. У вас сложится неверное

представление. Быть может, потом, когда вы узнаете наших повелителей шеннов...

Из помещений в сохранившейся части замка использовалась примерно половина. Прошлое шеннов вроде бы не преследовало. Они как будто бы воспринимали эти грандиозные развалины как необходимую часть пейзажа. Поселившись однажды в замке, они тщательно обшарили руины, забрали оттуда все мало-мальски ценное и забыли про них. Несмотря на запустение, царившее во внутренних помещениях замка, за стенами его и на замковом дворе жизнь била ключом. Роботы роботами, но у вассалов и крепостных Моэта забот хватало. Они наблюдали за машинами, копались в огородах, охотились, столярничали, ваяли, рисовали, учились, маршировали на плацу. То и дело совершали посадку авиетки с пассажирами и грузами из других поместий. (Для перелетов внутри своей планетной системы шенны пользовались гравилетами; с недавно же основанными колониями сообщение поддерживалось при помощи гиперзвездолетов.) Даже повседневным своим занятиям население Даниты предавалось с поистине минотавровой одержимостью. Однако обитатели этой богатой металлами планеты влачили жалкое существование. Заносимые песком поля давали скудный урожай. Покрывавшие поверхность морей водоросли погибали и гнили, и ветер разносил этот смрад далеко окрест. Деревья вырастали маленькими, почти карликовыми, лишь на восточных холмах нет-нет да попадались поваленные стволы прежних гигантов. Доносившийся по ночам из этих лесов звук охотничьего рога напоминал вой последнего оставшегося в живых волка. Эдзел поразился, узнав, что шенны охотятся и даже держат скот на убой.

— Вы же говорили, что они травоядные! — воскликнул он.

— Так и есть,— ответила Тея.— Под воздействием лучей нашей звезды в растениях Датины образуются высококалорийные соединения. Поэтому питающиеся этими растениями существа более активны, следовательно, превосходят в умственном развитии тех, кто обитает в планетной системе звезды типа Солнца.

— Знаю,— сказал Эдзел.— Моя планета находится в системе звезды типа F5. Однако у нас на Одине вся дополнительная энергия у животных уходит в рост, а разумные существа всеядны. Насколько я понимаю, шенны едят не сырое мясо?

— Разумеется. Вы, наверно, лучше меня знаете, насколько размыта граница между «плотоядными» и «травоядными». Вот, скажем, я читала, что на Земле копытные четвероногие обычно после родов съедают собственную плаценту, тогда как собаки и кошки часто едят траву. А на Датине существуют особые условия. У нас есть несколько фруктовых соков, которые так воздействуют на энзимы, что вегетарианец с удовольствием начинает есть мясо. Все это делается очень просто. Открытие это было совершено в... очень давно, во времена

дикарей — предков нынешних шеннов. Или даже раньше

— А поскольку на планете, пострадавшей от экологической катастрофы, грешно отказываться от любой пищи, то... Понятно,— объяснение Теи удовлетворило Эдзела.

Но тут вмешался ван Рийн:

— Слушай, дракоша, но ведь шенны охотятся ради развлечения. Я в этом уверен. Вчера вечером я видел одного юнца: он привез с собой не туши, а только рога. И потом, хотя у него есть вполне приличное ружье, он охотился с луком. Нет, это забава.

Тея удивленно подняла брови:

— А почему бы и нет? — спросила она с вызовом.— Мне говорили, что охоту любят все, в том числе и люди.

— Ага-ага. Я же не говорю, что это плохо — разве что они начнут охотиться на меня. Но откуда взялся инстинкт, от которого у нас внутри все поет, когда мы убиваем загнанную жертву? Даже если у тебя в руках фоторужье... хотя очень немногим из тех, кто никогда не убьет оленя, довелось испытать сожаление, прихлопнув муху. Откуда он? — ван Рийн помахал пальцем.— Отвечаю. Наши с вами предки были охотниками. Африканский первобытный человек — это обезьяна-убийца. А те, у кого с самого рождения не было желания убивать, убивать, убивать,— те просто не выжили. Но ведь первые шенны ощипывали листики да травку! Быть может, их самцы дрались между собой в брачные периоды, но на других существ они не охотились. А теперешние шенны — только позови. Откуда это у них?

Тея переменила тему разговора. Сделать это было совсем не трудно, ибо вокруг оказалось столько непривычного, нового, неожиданного. Если употребить слово «цивилизация» в техническом смысле, то шеннов вполне можно было назвать цивилизованными существами. У них были машины, целая планетарная машинная культура, которой уже стало тесно на одной планете. Да, они унаследовали эту культуру от своих предшественников. Но не просто унаследовали, а восстановили, возродили — добавили кое-что свое. Но патриархам их этого было мало. Насколько было известно ван Рийну, сейчас повсюду на Датине велись бурные дебаты. Но что служило предметом этих споров, пока оставалось для него тайной. Торговец зябко поежился. Ночи в этой полупустыне были холодными. Как бы здорово было оказаться в теплой каюте звездолета! Этого послабления ему удалось добиться после первой же ночи, которую они с Эдзелом провели взаперти в одной из комнат замка. На следующее утро он превзошел сам себя. Он бранился, кашлял, чихал, рыдал, поминал всех и всяческих святых, кричал, что еще одна ночь при такой температуре, при таком свете, при такой запыленности, да еще эти тяжелые металлы, вездесущность которых не только заставляет их глотать пилюли, чтобы не отравиться, но от которой самый воздух превращается черт его знает во что, эти всякие шумы, эта вонь,— короче говоря, еще одна ночь в условиях этой

планеты, существование которой говорит в пользу манихейской ереси, ибо он, ван Рийн, не в силах представить себе, зачем всеблагому Творцу понадобилось создавать такой мир, и бедного несчастного старика спокойно можно будет хоронить, потому что он наверняка умрет, и некому будет его оплакать... В конце концов Тея встревожилась и взяла на себя ответственность изменить их местопребывание. Двое инженеров при помощи роботов сняли со звездолета Лиги силовые установки. Теперь пленникам не улететь, даже если они очень этого захотят. Поэтому они вполне могут спать на борту корабля, а для охраны их достаточно двоих-троих шеннов с бластерами. На третий день, поздно вечером, вернулся Моэт. Встречавшие его подданные подняли такой шум, что стоявшим поодаль ван Рийну с Эдзелом стало не по себе. Моэт обратился к своим вассалам с верхней шлюзовой палубы своего личного космофлиттера. Голос его напоминал раскаты грома. Ответом ему был восторженный рев. Молодые шенны вопили, приплясывали, водили хороводы, стучали кулаками по бортам флиттера, размахивали архаичными мечами и палили в воздух из самых суперсовременных ружей. Над самой высокой из сохранившихся башен замка развевалось ярко-красное знамя.

— Что он говорит? — спросил ван Рийн.

Тея стояла неподвижно, уставившись в пространство невидящим взором. Торговец схватил ее за руку.

— Переведите мне, что он говорит! — К ним двинулся было стражник, но на пути у него встал Эдзел. Ван Рийн гаркнул так, что голос его чуть не перекрыл рев Моэта: — Переведите мне, что он говорит! Я приказываю!

И она, находясь в шоковом состоянии, механически повиновалась. Вскоре после этого пленников загнали обратно в звездолет. Зашипели клапаны шлюзов. На экранах холодные звезды сверкали над серыми тенями датинской ночи; у стен ярко освещенного замка полыхали громадные костры. Из шумоуловителей доносилось завыванье ветра, рев горнов, грохот барабанов, клацанье мечей и вопли шеннов.

Ван Рийн сказал Эдзелу:

— В твоем распоряжении целый час. Займись, чем хочешь. Мне надо посидеть со святым Дисмасом. Хочу, понимаешь, исповедаться.— Потом, хмыкнув, прибавил: — Спорим на что угодно: от моей исповеди у него уши завянут!

— Я, пожалуй, займусь медитированием,— сказал Эдзел,— а через час приду к вам на мостик.

Именно там, на мостике, ван Рийн объяснил одиниту, почему он сдался в плен у безымянной звезды.

— Но ведь мы могли и улизнуть от них,— возразил Эдзел.— Разумеется, шансов было ничтожно мало. Но в худшем случае они догнали бы нас и уничтожили. Наша смерть была бы мгновенной, зато мы умерли бы на свободе, так сказать, геройски. Неужели вы предпочли участь раба на Датине?

— Послушай,— ответил ван Рийн необычайно серьезно,— необходимо, крайне необходимо, чтобы у нас дома узнали,

что это за личности и к чему они стремятся. По-моему, от них за версту разит войной. Они могут победить, а могут потерпеть поражение. Но даже одна-единственная внезапная атака на плотно населенную планету, да если еще с ядерным оружием — сколько жизней она унесет? Миллионы? Биллионы? А обожженные, ослепшие, калеки, мутанты... Я, конечно, греховодник, но не до такой же степени, чтобы не попытаться спасти своих сородичей!

— Конечно-конечно,— сказал Эдзел, непривычно взволнованный.— Но если бы мы сбежали, мы смогли бы дополнить те сообщения, которые вы отправили на Землю, еще раз предостеречь. Однако мы направились на Датину — и что? О да, здесь ценных сведений мы соберем гораздо больше. Но какая от этого польза? К находящемуся в рабочем состоянии звездолету нас наверняка не подпустят. А в военной разведке главное — не сбор сведений, а их доставка. Классический пример.

— Ты был бы прав,— отозвался ван Рийн,— когда бы не одно «но». Вполне возможно, что мы на этой планете не одни.

— Ярру! — только и сказал Эдзел. Он подобрал хвост, уселся прямо на пол и приготовился слушать.

— Вспомни-ка,— продолжил ван Рийн, попыхивая сигарой, в руке он сжимал стакан с джином,— тот самый Гэхуд был владельцем Хью Латимера. Об этом нам известно от Тен. Кроме того, мы знаем, что он потерял Латимера. А еще мы знаем, что от его новостей у всех тут шарики позаходили за ролики. Правильно? Это нам известно наверняка. Но ведь тогда становится ясным и все остальное. Судя по хронометражу, Датину от этой звезды отделяет неделя полета. Проведя прямую линию между ней и Солнцем, мы если и промахнемся, то ненамного. А до Беты Креста от Солнца две недели лету. Если немножко посчитать, прикинуть угол между Южным Крестом и Компасом — согласен, расчеты довольно приблизительные, но хронометраж подтверждает их,— то получается вот что. Латимер, прилетев на Датину, сообщил своему боссу Гэхуду о бродяге. Гэхуд рванул к Бете Креста посмотреть на планету своими глазами — мы ведь убедились, что шенны ведут себя, как быки в посудной лавке, а жизнь эта самая лавка и есть — и прихватил с собой Латимера. Предположим, перелет у них занял две с половиной недели. Значит, когда они прилетели, Дэви Фолкейн и Чи Лан еще находились там! Наших друзей всего двое, и в меньший срок они уложиться не могли. Вот. Потом Гэхуд прямиком возвращается на Датину, где узнает о назначенной встрече с нами. Поэтому он мчится вослед своим дружкам, догоняет их и что-то им сообщает. По времени все совпадает, как и по всему остальному.

— Да,— выдохнул Эдзел. Кончик хвоста его шевельнулся.— Гэхуд прилетел сильно взволнованный и без Латимера, которого он потерял.

— Вот именно — и где же еще, как не у Беты Креста! — воскликнул ван Рийн.— Если бы он погиб где-нибудь еще, никому бы не было до этого дела, исключая, быть может, Гэ-

худа. Так что, скорее всего, Гэхуд схватился с нашими друзьями. И получил по заслугам. Ведь если бы победил он, то вряд ли стал бы так верещать об этом... да и другие шенны вели бы себя поспокойнее. И вот еще что: никто бы и не чихнул, если б Латимер погиб в бою. Одним рабом меньше, а? Но если его захватили в плен — хо-хо! Тогда картина получается совсем другая. Из него ведь можно выкачать много интересного, и в частности — координаты Датины. Неудивительно, что Гэхуд примчался сюда как ошпаренный! Ему надо было предупредить шеннов об изменившейся ситуации, пока они, чего доброго, не договорились с нами. Ну как? — ван Рийн залпом выпил джин.

— Значит, «Бедолага» сейчас летит к Земле со всеми необходимыми сведениями,— кивнул Эдзел.— Вы рассчитываете, что нас освободят десантники Космофлота?

— Вот уж нет,— сказал ван Рийн.— Не забудь, мы ведь в руках у тех, кто запросто способен сорвать на нас с тобой горечь своего поражения. А потому, сказать наверное, надвигается ли война, пока невозможно. Мы с тобою хотим не допустить ее. Кстати сказать, я не уверен и в том, что «Бедолага» направляется домой. Было бы здорово, если бы шенны думали, как ты.

— Но куда еще он может лететь? — спросил Эдзел озадаченно.

— Ты не человек и потому не всегда можешь уследить за ходом человеческой мысли. Как, между прочим, и шенны. Разве ты забыл: Фолкейн мог отправить на Землю капсулу с добытыми данными. Он видел, как улепетывает Гэхуд. Он знал, что Гэхуд переполошит всю Датину. Что в скором времени об исследовании этой планеты можно будет только мечтать. А вот если скоренько отправиться прямиком туда, покуда они считают, что координаты их мира нам неизвестны и потому, очевидно, не очень-то заботятся об обороне,— вот тогда можно проскочить.

— Вы считаете, что они до сих пор здесь?

— Вполне возможно. За один день планету ведь не изучишь. Разумеется, Фолкейн должен был придумать, как им выбраться отсюда.— Ван Рийн поднял голову, выпрямился, развел плечи и выпятил живот.— Быть может, он захватит нас с собой. Быть может, нет. Но — великий Боже! — в любом случае он сможет доставить домой ту информацию, которую мы ему передадим. Я знаю, в моих рассуждениях много всяких «если». Расклад не в нашу пользу. Но нам не остается ничего другого, как рискнуть.

— Пожалуй, да,— медленно произнес Эдзел.

Когда они снова сошлись на мостике, праздник в замке уже заканчивался. Костры догорали, и холодные звезды проступили более отчетливо.

— Нам повезло, что они не сняли переговорные устройства,— сказал Эдзел.

Если их передачу засекут, смерти им не избежать. Но землянин с одинитом, считая себя обреченными, уже свыклись с этой мыслью, и потому о сантиментах не было и речи. Правда, когда ван Рийн уселся в кресло, дракон положил ему на плечо свою чешуйчатую лапу; человек легонько похлопал по ней.

— А с чего бы им это делать? — спросил ван Рийн.— Они ведь не подозревают, что Дэви и Чи могут быть неподалеку. Кроме того, я сказал Белдэниэл, что лучше пойму шеннов, когда послушаю их программы.— Он сплюнул.— Сплошной вой.

— На какой волне вы будете вызывать?

— На третьей стандартной технической. Я проверял: шенны ею почти не пользуются. А один из приемников «Бедолаги» должен быть настроен на нее.

— «Бедолага» нас услышит, если его не захватили, не уничтожили и если он достаточно близко. И если нашу передачу не перехватят.

— У нас нет выхода, приятель. Да и потом, радиооператор шеннов, которому случится запеленговать наш код, скорей всего, сочтет его обычным. Я ведь недаром выбрал эту частоту. Открой пиво и набей мою трубку, ладно? А я начну передавать.

Его пальцы проворно побежали по клазишам.

«Говорит Николас ван Рийн, торговец, член Политехнической Лиги...

О планете Датина и большей части ее населения мы узнали следующее...

А теперь основная часть моего сообщения.

Поняв, что местоположение их планеты, по всей видимости, больше не является тайной, шенны, в отличие от других разумных существ, не стали укреплять оборону, выискивая в то же время способы закончить дело миром. Их Большой Совет принял решение напасть на нас, пока слабо организованная Техноцивилизация не успела сплотиться в единое целое. Из того немногого, что мы смогли узнать, идея нападения не бред сумасшедшего. Корабли-роботы шеннов многочисленны и значительно превосходят по своей огневой мощи любое судно соответствующего класса. Разведка шеннов получила от «Сириндипити» много достоверных сведений о расах и обществах, входящих в Техноцивилизацию. Помимо всего прочего, им известно, что центром цивилизации является Содружество, которое давно уже не знало войн и не подозревает об угрозе нападения. Вражеский флот может проскользнуть на территорию Содружества незамеченным; когда же эти корабли обнаружат, будет уже поздно. Шенны планируют нанести несколько массированных ударов по основным планетам Содружества и по некоторым другим. Из хаоса, который возникнет в результате всего этого, Датина надеется извлечь все возможное и подчинить себе все миры Техноцивилизации. Преуспеют шенны в своих устремлениях или нет, но целым народам и культурам, несчетным биллионам разумных существ

угрожает опасность уничтожения. Врагу потребуется некоторое время, чтобы собраться с силами и разработать план атаки. Учитывая высокомерие предводителей шеннов и полуанархический характер их общества, можно предсказать, что сборы будут довольно долгими. С другой стороны, врожденная агрессивность может заставить их ринуться в атаку сломя голову. Лига в состоянии принять необходимые контрмеры и отразить удар, не прибегая к правительственной помощи, если только ее заранее предупредить. Это предупреждение следует передать как можно скорее. Я обращаюсь к Дэвиду Фолкейну и Чи Лан, а также к тем, кто случайно оказался поблизости: не медлите ни секунды. Немедленно отправляйтесь домой и поставьте в известность обо всем случившемся руководство Лиги».

Нагревшаяся за день пустыня с наступлением ночи быстро растеряла тепло. Призрачно-серые дюны проступали из темноты в свете далеких звезд; скалы отбрасывали на песок неясные тени. Цинтианка распушила свой мех, чтобы согреться. Вот уже несколько минут, как она, приземлившись, лежит за этим колючим кустом, не слыша ничего, кроме ветра, не видя ничего, кроме пыльной завесы, не ощущая ничего, кроме острого запаха мускуса. Она выжидала, и не столько из-за зверей, обитавших в развалинах. Нет, оружие — бластер, ручной пулемет, игломет и сканнер — надежно защищало Чи Лан от хищников; что касается ядовитых тварей, здесь она целиком полагалась на свои органы чувств и рефлексы. В основном она так осторожничала потому, что чаще всего в развалинах обитали датинцы. Хотя на вид это были наполовину одичавшие охотники и пастухи, они владели огнестрельным оружием. Хуже того, Тупица определил, что в их становищах имеются электронные трансиверы, доставленные, несомненно, купцами из «баронств». Исследовать же более крупные и цивилизованные поселения Чи с Фолкейном опасались, ибо пока слабо представляли себе, что такое шенны и их планета. «Бедолага» без труда смог совершить посадку. Повелители этого мира никак не предполагали, что их обнаружат, и потому не позаботились вывести на орбиту достаточное количество сторожевых звездолетов. По той же причине они пока не применяли мониторы контроля движения в атмосфере. Но стоит только какому-нибудь шейху столкнуться с чужаками, и ситуация изменится в одну секунду. Поэтому корабль Лиги перелетал с места на место лишь ночью, а днем затаивался в пустыне. Поэтому Фолкейн не отваживался на вылазки. Он был слишком большим и неуклюжим. А Чи Лан с помощью гравиимпеллера могла забираться довольно далеко. Развалины оказались пустыми. Цинтианка даже ожидала этого. Почва вокруг была так изъедена эрозией, что даже кочевники могли тут существовать, лишь перебиваясь с хлеба на воду. Чи заметила следы их пребывания: груды камней, кострища, мусор. Но все это покрывал слой пыли. Племя — вернее патриар-

хальный клан — ушло дальше по своему бродяжьему пути. Порядок. Фолкейн перегонит сюда звездолет и сможет спокойно тут работать. Здешнее поселение как будто побогаче того, которое он сейчас раскапывает. Все больше и больше они убеждались в том, что ключ к пониманию настоящего и будущего Датины лежит в ее недавнем прошлом, в падении могущественной цивилизации. В гибели целого народа. Выбравшись из-за укрытия, Чи осторожно приблизилась к руинам. Выступавшие из песка обломки колонн, стен, лестниц, проржавевшие каркасы машин напоминали могильные камни. Высокие стены были наполовину разрушены непогодой и ветрами, местами проломлены; черными дырами зияли в них окна, и настежь распахнуты были двери. Мало кто из первых датинцев остался в живых; вряд ли теперь возможно найти на этой планете хотя бы одну уцелевшую крепость. Нет, шенны покоряли их, грабили, разрушали — а защитников убивали. Что-то шевельнулось в тени. Чи, выгнув спину и подняв хвост, бросила руку к поясу с оружием. Но это оказалась всего лишь какая-то многоножка, которая поспешно ретировалась.

Главные ворота замка открывались в просторный зал, некогда, очевидно, он был изумительно хорош. Высоченные колонны, облицованные мрамором и малахитом, фонтаны, статуи... Но теперь — теперь это была мрачная пещера, по которой гуляло эхо. Пол покрыт был песком и мусором, словно становище кочевников, каменные украшения в большинстве своем разбиты, мозаичные панно едва проглядывали из-под толстого слоя сажи. Но когда Чи направила фонарь вверх, в луче света внезапно заиграли краски. Включив импеллер, она поднялась в воздух. Ютившиеся под потолком крылатые твари с тонким писком бросились врассыпную. Стены были расписаны до самого верха. Чи привела в восторг благородная простота рисунка. Краски были богатыми и в то же время сдержанными, фигуры — героическими и живыми. Она не знала, что здесь изображено, какие события, мифы, какие аллегории; понимала, что этого ей никогда не узнать, и почему-то от этой мысли на мгновение ей стало больно. Чтобы успокоиться, она принялась разглядывать рисунки, пытаясь ухватить сюжетную канву. До сих пор им ни разу не попадалось такой вот портретной галереи древних датинцев. Фолкейн раскопал их останки, заметил проломленные черепа и наконечники стрел между ребрами. Но сейчас, освещенные тонким лучом фонаря, они как будто ожили в беспредельной ночи. Увидев их лица, Чи Лан была потрясена. Они чем-то напоминали шеннов, но только и всего. Фолкейн попытался было по строению костей доказать, что Древние так же близки к шеннам, как монголоиды к негроидам на Земле, но не смог. И эти рисунки на своем бессловесном языке опровергали его. Разница между двумя народами была не просто типологической. Кроме Древних, на рисунках изображены были всякие растения и животные, некоторые из которых сохранились и по сей день. Потому Чи

Лан смогла составить примерное представление о предшественниках шеннов на Датине. Они были меньше ростом — на картинах не было ни единого существа выше ста восьмидесяти сантиметров, стройнее, волосатее, хотя гривы у самцов отсутствовали. Но этим сходство и заканчивалось. На той части стены, которую рассматривала Чи, изображены были, очевидно, представители всех автохтонных племен в национальных костюмах и с символами — так показалось цинтианке — своего края в руках. Вот коренастый крупноголовый самец с золотистым мехом; в одной руке у него серп, в другой — саженец. Маленькая смуглая самочка в расшитом платье — веки чуть набрякли — играет на арфе. А вот лысый старик в юбке наподобие шотландского килта с искаженной гримасой физиономией вознес свой посох над головой несущей спелые фрукты самки, словно обороняя ее от врагов. Лицо этой последней было совершенно круглым. У того, кто рисовал их, были искусная рука, верный тренированный глаз и любящее сердце. Но сегодня на Датине существует только одна раса. Это было до того необычно, до того неправдоподобно, что мысли Чи Лан и Фолкейна невольно снова и снова возвращались к этой проблеме. И опять двадцать пять! На картинах, где вроде бы нашлось место всем, не было и намека на шеннов.

— Табу? Неприязнь? Гонения? — Чи даже сплюнула.

Все указывало на то, что погибшая цивилизация была единой и рационалистической, так что о каких гонениях может идти речь? Отдельные рисунки изображали, по всей видимости, как развивалось древнее датинское общество. На одном из них обнаженный самец, размахивая суком, отгонял от своей самки большого хищного зверя. На следующих уже появились заостренные металлические приспособления: но это были инструменты, а не оружие. Датинцы работали, по одному или целыми группами, но не сражались. И насколько Чи поняла, дело здесь было вовсе не в любви художника к батальным сценам. Нет, на двух рисунках изображены были схватки между двумя датинцами. Скорее всего, они отражали исторические или легендарные события, правду о которых уже никогда не узнать. На первом, по всей видимости, более раннем рисунке, в руках одного из самцов был нож, в руках другого — топор дровосека. На втором противники были вооружены примитивными фитильными мушкетами, предназначенными, очевидно, для борьбы с дикими зверями... а на заднем плане виднелись паровые машины и линии электропередач. Кроме того, отдельные фрески, похоже, воссоздавали занятия датинцев. Некоторые из них были узнаваемы, вроде сельскохозяйственных работ или столярных. О смысле других можно было только догадываться. (Что это? Церемония? Научные исследования? — Мертвые уже не расскажут.) Но среди этих занятий не было ни охоты, ни пастушества — если не считать животных, которых явно разводили ради шерсти, ни рыболовства; никто не ставил капканов и не забивал скот на бойне. Все это, вместе взятое, могло означать лишь одно —

вегетарианство. На Датине разумом обладали травоядные существа. Это не то чтобы обычно, но случается довольно часто. Нельзя сказать, чтобы души вегетарианцев были чище душ плотоядных или всеядных существ. Нет, но вот грехи у них иные. Однако хотя они могут легализовать дуэли и терпимо относиться к преступлениям, совершаемым из-за любви, но вот к войне они не стремятся, и даже самая мысль об охоте вызывает у них отвращение. Как правило, они живут стаями; эти стаи — семьи, кланы, племена, народности, не в названии дело — легко объединяются в более крупные образования по мере развития средств передвижения и коммуникации. У шеннов же было все наоборот. Они убивали ради забавы, они поделили планету на поместья, они создавали оружие и строили боевые корабли, они угрожали соседней цивилизации, которая ничем их не оскорбила... «Короче,— подумала Чи Лан,— они ведут себя как люди. Если мы поймем, что породило их на свет, как они появились на этой некогда мирной планете, то, быть может, станет понятным, что нам с ними делать. Или, по крайней мере, что они намерены сделать с нами».

Подумать она не успела — неожиданно заработал коммуникатор. Это было устройство, которое передавало сигналы через кости черепа, так что их нельзя было подслушать. Тем не менее они с Фолкейном пользовались коммуникатором только в крайних случаях. Сигнал расшифровывался просто: «Возвращайся немедленно». Чи переключила импеллер на горизонтальную тягу и через дверь выскользнула наружу. Холодно сверкали звезды, вспыхивали и тут же гасли зарницы. Решив, что в этот час ей опасаться некого, цинтианка надвинула на лицо маску и перевела импеллер на полный ход. Ветер засвистел в ушах. Путь предстоял неблизкий — сотня километров над закоченевшей пустыней. «Бедолага» притаился на дне высохшего, поросшего кустарником каньона, так что его было незаметно с высоты. На краю каньона находилось то самое поселение, где Фолкейн усердно занимался раскопками. Очутившись в тени, Чи изменила частоту световых импульсов своего фонаря: он теперь работал в инфракрасном спектре. Затем нажатием кнопки активировала инфракрасные фильтры очков. Осторожность у Чи Лан, как и у любого другого плотоядного, была в крови. Она продралась сквозь заросли и зависла над шлюзом звездолета. Детекторы опознали ее, и Тупица открыл клапаны. Чи рванула внутрь.

— Дэвид! — крикнула она.— Во имя Цуши, что случилось?

— Много чего,— голос его никогда еще не был таким невыразительным. Или это штучки интеркома? — Я на мостике.

Она могла бы пролететь по коридору, но решила, что будет быстрее и лучше поработать мышцами. На четырех лапах, воздев хвост, она промчалась по кораблю и плюхнулась в свое кресло. Глаза ее сияли зеленым пламенем.

— Няор! — воскликнула она.

Фолкейн поглядел на нее. С тех пор, как она покинула

корабль, он не сомкнул глаз; на нем был все тот же пропыленный комбинезон. Кожа его задубела от работы, под ногтями была грязь. Выжженный солнцем вихор топорщился над виском.

— Я принял сообщение.

— Что? — она напряглась.— От кого?

— Лично от Старого Ника. Он на этой планете... вместе с Эдзелом.— Фолкейн повернулся лицом к главной панели управления, как будто там жил некий корабельный дух.— Прочитай текст сообщения еще раз,— приказал он.

Зазвучали суровые, гнетущие слова. На мостике воцарилась тишина. Наконец Чи шевельнулась.

— Что ты предлагаешь? — спросила она тихо.

— Подчиниться приказу, что же еще,— отозвался Фолкейн. Его голос был таким же бесцветным, как у компьютера.— Я боюсь, мы и так уже вернемся домой слишком поздно. Но сначала надо решить, как нам выбраться отсюда. По сведениям Тупицы, на орбиту выходят все новые и новые сторожевики. Очевидно, шенны наконец-то забеспокоились. Вопрос заключается в следующем. Что лучше: попытаться тихонько прокрасться, уповая на то, что нас не заметят, или рвануть вверх на полной мощности, надеясь на внезапность и на то, что удастся затеряться в пространстве?

— Последнее,— сказала Чи.— Наша спасательная операция наверняка вызовет переполох. Но если мы все прикинем так, чтобы проскочить между патрульными звездолетами...

— Чего? — Фолкейн выпрямился.— Кого это ты собираешься спасать?

— Эдзела,— ответила Чи. Усы ее подрагивали.— И ван Рийна, разумеется. Мы ведь не можем бросить Эдзела тут, ты же знаешь.

— Нет, не знаю! Слушай...

— Да, мы с ним, бывало, ругались,— перебила Чи,— но он мой товарищ, да и твой тоже.— Она наклонила голову и поглядела на гермесца.— Я всегда считала тебя порядочным человеком, Дэви.

— Да, но... но я такой и есть! — воскликнул Фолкейн.— Разве ты не слышала? Приказ — отправляться прямиком домой.

— Да при чем здесь это, в конце-то концов? Ты что, не хочешь освободить Эдзела?

— Конечно, хочу! Даже ценой собственной жизни. Но...

— Но позволишь ему умереть только потому, что этот пивной бочонок ван Рийн что-то там сказал.

Фолкейн судорожно вздохнул.

— Слушай, Чи,— сказал он.— Объясняю еще раз. Ван Рийн хочет, чтобы мы бросили и его. Он даже не сказал нам, где они находятся. Он использовал волну, которая огибает планету. То есть он может быть где угодно.

— Тупица,— обратилась Чи к компьютеру,— ты можешь определить, откуда велась передача?

— По структуре отражений от ионосферы, да, с высокой вероятностью,— отозвался компьютер.— Это большое поселение, сравнительно недалеко отсюда, мы его видели при входе в атмосферу.

Чи снова повернулась к Фолкейну.

— Понял? — спросила она.

— Я что-то понял, а вот ты ничего не поняла! — крикнул он.— Что судьба Эдзела и ван Рийна — и наша тоже — по сравнению с судьбой целых миров? Так уж получилось, что они не могут известить Лигу, а мы можем.

— Мы так и сделаем, только захватим с собой Эдзела.

— Но нас могут подбить, пленить или...— Фолкейн остановился. Потом заговорил вновь, уже спокойнее: — Я знаю тебя, Чи. Твои предки были хищными зверями, охотившимися в одиночку или малыми группками. Поэтому ты так себя и ведешь. Твоему миру ничего не говорит слово «нация». Идея жертвования собой ради общества для тебя пустой звук. Чувство долга у тебя не слабее моего, даже, может быть, сильнее, но оно обрывается на родичах и друзьях. Все так. Это я понимаю. Но пораскинь мозгами, постарайся понять меня. Как тебе еще объяснить? Одна жизнь не стоит биллиона жизней.

— Конечно,— согласилась Чи.— Но это не дает нам права забывать о друзьях.

— Послушай...

Фолкейн замолк на полуслове. На него в упор глядело дуло сканнера. Будь Чи человеком, он, пожалуй, попытался бы выбить пистолет из ее руки, а так он знал, что не успеет. Поэтому он сидел не шевелясь и слушал:

— Я предпочла бы не оглушать тебя. Без твоей помощи у меня может ничего не получиться. Однако я все равно попробую. Давай поговорим начистоту, Дэви. Согласись, нам по плечу справиться с этими деревенщинами. Иначе нам прямая дорога в приют для слабоумных.

— Чего ты хочешь от меня? — прошептал он.

— Пообещай, что поможешь мне вытащить Эдзела.

— И ты мне поверишь?

— Да, потому что иначе один из нас должен будет умереть.— Пистолет по-прежнему нацелен был в лоб Фолкейну, но цинтианка отвела глаза.— А я вовсе этого не хочу, Дэви.

Он целую минуту сидел неподвижно. Потом ударил кулаком по подлокотнику кресла и расхохотался:

— Идет, чертовка ты этакая! Шантажистка. Твоя взяла... и клянусь Иудой, я рад этому!

Кое-как засунув пистолет обратно в кобуру, Чи прыгнула к нему на колени. Он погладил ее по спине и почесал под подбородком. Она хвостом провела ему по щеке. И сказала:

— Нам понадобится и их помощь. Нужно, чтобы они очень подробно описали то место, где находятся. Я подозреваю, что поначалу они упрутся. Постарайся втолковать, что им не остается ничего другого, как только помочь нам. Если мы не

сможем вернуться домой все вместе, значит никто из нас не вернется.

И снова Чи Лан действовала на собственный страх и риск. На космодроме перед крепостью Моэта видны были заиндевевшие корпуса двух эсминцев, флиттера и звездолета, где держали пленников. Чи подобралась поближе. Так, охранников должно быть двое. Одного она разглядела: высокий, косматый, он беспокойно вертел головой, стоя на посту возле легкой пушки. Из ноздрей его вырывался белый пар; тихонько позвякивала металлическая амуниция. Чи принюхалась, вслушиваясь в шелест предрассветного ветра и изо всех сил напрягая глаза. Ничего. Либо ван Рийн с Эдзелом ошиблись, либо другой охранник покинул свой пост, не дождавшись смены, а может быть, он где-то поблизости, но так хорошо спрятался, что она его не замечает.

«Ну и черт с ним! Времени уже нет. Замок скоро проснется. Эй-ях, давай, Чи».

Преодолев в броске последние несколько метров по песку, она выбралась на бетонное покрытие космодрома. Лучше, конечно, было бы напасть сверху. Но какой-нибудь паршивый детектор вполне способен засечь ее импеллер. По той же причине, кстати, она не пыталась связаться по радио с находившимися внутри корабля товарищами. Ну ничего, это не беда. Охранник пока ни о чем не догадывался. Очутившись достаточно близко, Чи припала к земле, вытащила сканнер и выстрелила. Она предпочла бы убить шенна; но кто знает, вдруг он успеет вскрикнуть — тогда пиши пропало. Ультразвуковой разряд сразил охранника наповал. Он рухнул с грохотом на землю. Чи направила на звездолет луч фонаря, выключила, включила, снова выключила. Только бы они заметили! Как будто все в порядке. В борту корабля открылся шлюзовой люк, потом оттуда выдвинулись сходни. Появился Эдзел: его огромная туша казалась свинцово-серой в свете звезд. На спине одинита, там, где была удалена дорсальная пластина, сидел Николас ван Рийн. Чи рванулась навстречу им. Ее переполняла радость. Если в самом деле удастся ускользнуть... Вдруг из темноты у боевых звездолетов раздался рев. Сверкнул тепловой луч.

— Бегом... вон туда! — крикнула Чи, махнув фонарем в сторону невидимого отсюда «Бедолаги». Взмыв в воздух на антиграве, она включила коммуникатор: — Нас обнаружили, Дэви.— И ринулась вниз, чтобы отыскать стрелявшего.

— Моя помощь не требуется? — спросил Фолкейн.

— Подожди минутку. Может быть...— она не успела закончить. Тепловой луч прошел в считанных сантиметрах над головой. Она почувствовала запах озона; глазам на мгновение стало больно. Шенна подвело его естество: вместо того, чтобы выждать несколько секунд и выстрелить снова, он выскочил из своего укрытия. Заметив его, Чи по крутой дуге устремилась вниз. Она нажала на курок сканнера, и шенн

упал. Цинтианка снова взмыла вверх, едва не врезавшись в один из кораблей.

В замке загудели колокола тревоги. Тут и там засверкали огни. Из ворот вывалилась толпа шеннов, по большей части вооруженных. Должно быть, они и во сне не расстаются со своим треклятым оружием. Четверо из них на бегу надевали на себя ранцы летательных мини-аппаратов. Чи понеслась вслед Эдзелу. От таких преследователей ему не оторваться. Но если она прикроет его с воздуха...

— Что там у вас? — рявкнул Фолкейн.— Мне не пора?

— Нет пока. Потерпи еще,— Чи вынула из кобуры бластер. Все, хватит с нее этих сканнеров. Детские игрушки.

Четыре шенна, нагонявших одинита и человека, не замечали ее. Она поднялась чуть выше, прицелилась и дважды нажала на спуск. Один летун взорвался вместе со своим ранцем. У другого выстрел, похоже, повредил рулевое управление. Зато третий ринулся на нее. Это был достойный противник. Завязалась рукопашная. Тем временем четвертый шенн уже завис над головами беглецов. Эдзел остановился так резко, что ван Рийн перелетел через его голову и с воплем рухнул в заросли колючего кустарника. Одинит нагнулся, подобрал с земли камень и швырнул его в нападавшего. Клац! Импеллер отказал, и шенн был вынужден опуститься. Однако его легкие на ногу приятели были уже совсем близко. Они открыли огонь. Эдзел помчался им навстречу, раскачиваясь из стороны в сторону. Пули то и дело рикошетили о его чешую, но он не обращал на них внимания. Разумеется, он был смертен. Достаточно мощный или достаточно прицельный выстрел мог бы убить его. Но он оказался среди шеннов раньше. В ход пошло все: копыта, руки, клыки, хвост. Тот летун, которого сбил брошенный одинитом камень, не получил серьезных повреждений. Увидев свой валяющийся на земле пистолет, он бросился к нему, дабы завладеть оружием. Но на пути у него оказался ван Рийн.

— Нет уж, погоди, дружочек,— выдохнул торговец.— Я возьму эту штуку с собой; вдруг мне удастся ее запатентовать.— Высокий, широкоплечий, мускулистый минотавр кинулся на толстого старика. Но ван Рийн каким-то образом умудрился отскочить и как заправский каратист нанес удар ногой. Шенн завопил от боли.— Ага, не нравится! — хмыкнул ван Рийн.

Датинец чуть отступил. Противники уставились друг на друга, время от времени бросая взгляды на лежащий на песке между ними бластер. Шенн, нагнув голову, ринулся вперед. Руки он держал так, чтобы не пропустить еще одного удара, но в любой момент готов был пустить их в ход. А хватка у него была такая, что против нее не устоял бы ни один землянин. Ван Рийн сделал шаг навстречу. И в последний миг снова отскочил, извернулся и прыгнул на спину воинственному великану.

— Бог помогает правому! — гаркнул ван Рийн, засунув руку под тунику, вытащил оттуда святого Дисмаса и огрел противника статуэткой по голове. Шенн медленно опустился на землю.

— Хо-хо,— произнес ван Рийн, раздувая щеки.— Был бы я помоложе, я бы тебе показал.— Он сунул святого обратно, подобрал пистолет, разобрался, как тот действует, и огляделся в поисках подходящих целей. И не обнаружил, в кого стрелять. Чи Лан расправилась со своим противником. Эдзел вернулся. Шенны с криками бежали к замку.

— На это я и рассчитывал,— заметил ван Рийн.— Такая уж у них психология. Те, кто нападает сломя голову, обычно легко поддаются панике. В истории можно найти сколько угодно примеров.

Чи снизилась.

— Пошли скорее, пока они не опомнились,— сказала она.

— Ага, боюсь, не такие уж они тупые,— согласился ван Рийн.— Как только они вспомнят про своих роботов...

Ночь прорезал басовитый гул. Корпус одного из эсминцев задрожал.

— Уже вспомнили,— прокомментировала Чи. И произнесла в коммуникатор:

— Давайте, друзья.

«Бедолага» появился на горизонте через несколько секунд.

— Ложись! — крикнул Эдзел. Он укрыл товарищей собственным телом: его чешуйки достаточно надежно могли защитить от жара и радиации. Засверкали лучи. Поднимись хотя бы один из кораблей в воздух, Фолкейну с Тупицей пришлось бы туго. Звездолет Лиги израсходовал свой запас торпед в битве у Сатаны. Но он появился сейчас так внезапно, что первый эсминец успел произвести всего один выстрел, да и тот в «молоко». Тепловой луч поразил его, и он упал — прямо на другой корабль; тот покачнулся, и оба звездолета с оглушительным грохотом рухнули на бетон. Еще три залпа — и выведен из строя флиттер Моэта. «Бедолага» сел.

— Donder op!* — крикнул ван Рийн. Эдзел схватил его под мышку.— Wat dromme!** — запротестовал было он. Одинит хвостом подхватил Чи и ринулся к шлюзовому люку.

В этот момент корабль открыл огонь по замку. Эдзел зажмурился, споткнулся, уши у него заложило от грохота, от дыма стало трудно дышать. Сидевший на мостике звездолета Фолкейн воскликнул:

— Чего ради убивать тех, кто не нападает на нас?

— Выполняя ваше распоряжение, я уничтожаю установки, которые, судя по радиорезонансу, являются тяжелыми орудиями или ракетными батареями,— отозвался Тупица.

— Ты можешь меня соединить с кем-нибудь внутри? — спросил Фолкейн.

---

* Подожди *(нид.)*.

** Оставь *(нид.)*

— Я настроюсь на частоту, на которой обычно переговариваются датинцы... Да. Нас пытаются вызвать.

Экран замерцал. На нем появилось искаженное ужасом и радиопомехами лицо Теи Белдэниэл. Комнату, где она находилась, сотрясали разрывы корабельных снарядов. Фолкейн взглянул на другие экраны. Передней стены замка как не бывало. На ее месте клубилась пыль, сквозь которую то и дело прорывалось пламя. У него заболела голова; он сам уже наполовину оглох от этого грохота. Голос Теи был еле слышен:

— Дэви, Дэви, что ты наделал!

Он ухватился за ручки кресла и процедил сквозь стиснутые зубы:

— Я не хотел. Вы меня вынудили. Ну да ладно, слушайте. Теперь вам должно быть понятно, что такое война. И учтите — это всего лишь капелька войны настоящей. Мы скоро улетаем. Я надеюсь, что буду уже достаточно далеко отсюда, когда вы осознаете, что произошло. Но это даже к лучшему. Догнать нас вы уже не успеете. Но даже если и догоните, вам теперь известно, чего от нас можно ожидать.

— Дэви... мой повелитель Моэт... он мертв... я видела, луч сжег его на месте...— она не смогла закончить фразу.

— Вам будет лучше безо всяких повелителей,— отозвался Фолкейн.— Вы ведь человек, в конце-то концов! Но поговорите с другими. Скажите им, что Политехническая Лига не имеет претензий и не желает войны. Но если нам придется сражаться, с шеннами будет покончено раз и навсегда. О нет, мы не убьем их; это они способны были уничтожить древних датинцев всех до единого. Но если они попробуют нам сопротивляться, мы лишим их всех роботов и превратим в пастухов-кочевников. Так что пусть решают, и поскорее. Покажите им свой замок, объясните, что произошло, и посоветуйте впредь не мешаться под ногами у свободных людей.

Взгляд ее выражал муку. Жалость сдавила ему грудь. В иных обстоятельствах он сказал бы больше. Но Эдзел, Чи Лан и Николас ван Рийн находились на борту звездолета; крепость противника разрушена; враг понес небольшие — по крайней мере, он на это надеялся — потери, но получил хороший урок. Фолкейн отключил связь.

— Хватит нам тут барражировать,— сказал он.— Команда на взлет. Курс — Земля!

— В течение двадцати четырех часов в пространстве не обнаружено ни одного работающего гипердвигателя, кроме нашего собственного,— доложил Тупица.

Фолкейн облегченно вздохнул. Он поудобнее устроился в кресле и положил ноги на столик.

— Как будто все в порядке,— улыбнулся он.— Считай, мы уже дома.

Ибо кто способен обнаружить в бескрайних просторах космоса крошечный звездолет — песчинку среди мириадов звезд? Солнце Датины превратилось уже в одну из тысяч светящихся

точек, заполнявших собой все обзорные экраны. Бормотали двигатели; вентиляторы гнали в салон свежий воздух, напоенный ароматом цветущих лугов; табак на вкус был просто восхитителен,— короче говоря, можно было спокойно отдыхать. И черт возьми — они нуждались в отдыхе! Однако оставался еще один повод для беспокойства.

— Ты уверена, что вы не сильно облучились там, снаружи? — спросил Фолкейн.

— Я же сказала, что проверила каждого из нас вплоть до хромосом! — резко ответила Чи.— Как тебе известно, я ксенобиолог... Тебе ведь известно об этом, не так ли?.. А на борту звездолета есть все необходимое оборудование. Эдзел получил наибольшую дозу, потому что он прикрывал нас, но и то с имеющимися у нас лекарствами я с ним справлюсь в два счета.— Она села на скамейку, на которой до того лежала, свернувшись клубочком, и ткнула мундштуком в распростершегося на палубе одинита.— Разумеется, мне придется подзаняться тобой по дороге, когда я буду рисовать или лепить... Ах ты, слюнтяй этакий, ты что, не мог прикрыться листом свинца?

Эдзел хмыкнул:

— Так ведь весь свинец у тебя,— отозвался он.— Догадайся где.

Чи фыркнула. Ван Рийн хлопнул ладонью по столу, едва не опрокинув свой стакан с пивом:

— Тише! Я и не знал, что ты у нас остряк!

— Это называется остроумием? — пробурчала цинтианка.— Хотя, пожалуй, для него в самый раз.

— Да, ему не мешает подучиться,— согласился ван Рийн,— но ведь в любом деле главное — начать. Он у нас еще поиграет в салонных комедиях! Как насчет «Как важно быть серьезным», а, Эдзел? Ха!

Наперебой посыпались другие названия.

— Я бы предложил отметить это дело,— сказал Фолкейн,— но, к сожалению...

— Правильно,— откликнулся ван Рийн.— Сначала дело, потом забава. Только бы это «потом» не растянулось слишком надолго. Надо объединить нашу разрозненную информацию, пока она еще свежа у нас в памяти, а иначе глядишь — что-нибудь важное да упустим.

— То есть? — Фолкейн моргнул.— Что вы хотите сказать, сэр?

Ван Рийн подался вперед, ухватив в мясистую ладонь сразу все свои подбородки.

— Чтобы знать, как быть с шеннами, нам нужно уяснить себе, что они такое.

— Но не лучше ли оставить это специалистам? — спросил Эдзел.— Узнав об угрозе нападения и приняв необходимые меры, Лига найдет способы как следует изучить Датину. Чего мы будем соваться не в свое дело?

— Ага, ага-ага,— ван Рийн не скрывал раздражения.—

Времени-то у нас не так много! Откуда мы знаем, что еще выкинут эти шенны? А вдруг они попытаются напасть — несмотря на урок, который ты им преподал, Тупица.

— В моем программном обеспечении отсутствует функция обучения,— заметил компьютер.

Ван Рийн не обратил на него внимания.

— Конечно, это будет чистейшее самоубийство, и, быть может, они это понимают. В общем, гадать тут можно бесконечно и надо определиться. Даже ошибочное представление лучше, чем никакое, потому что тогда ксенологические команды смогут хоть на что-то ориентироваться. Поняв, что у этих шеннов за душой, мы сможем вести с ними уже не пустые разговоры, и, если повезет, добьемся мира.

— Конечно, не мне поправлять землянина, использующего земную идиому,— сказал Эдзел,— но, насколько я понял, вы хотите выяснить, каковы их основные стремления?

Ван Рийн побагровел.

— Ладно, пусть будет так. Тоже мне, педагог выискался! Итак, чего они хотят? Что их влечет? Нам о них кое-что известно, но этого кое-что, Чи Лан, не выразишь формулами. Мы имеем, так сказать, поэтическое прозрение. Шенны для нас уже не бесчувственные монстры, но существа, с которыми мы можем договориться. Специалисты Лиги займутся своим делом потом. Время попусту терять некогда. Быть может, мы спасем миллионы жизней, вернувшись на Землю с перед... предо... dood ook ondergong, этот английский!.. с предварительной программой исследований и даже действий!

Он залпом выпил пиво. Успокоив таким образом нервы, зажег трубку, откинулся на спинку кресла и проворчал:

— У нас есть информация и есть опыт. И потом, нам могут помочь аналогии. Вряд ли в такой огромной Вселенной найдется хоть одна ни на кого не похожая раса. Так что мы можем воспользоваться своими знаниями относительно других народов. Взять, к примеру, тебя, Чи Лан. Нам известно, что ты плотоядное существо — только маленькое; это означает, что при определенных обстоятельствах ты становишься агрессивной. Ты, Эдзел, крупное всеядное, настолько крупное, что твоим предкам и в голову не приходило, скажем, бравировать своей силой или задирать окружающих. Поэтому нрав у тебя мирный, но чертовски независимый, правда, в своем роде. Если кто-нибудь начнет указывать, как тебе жить, ты просто повернешься к нему спиной. А вот Чи убила бы его. И, наконец, мы, люди. Мы тоже всеядны, но наши предки-приматы охотились стаями и круглый год занимались плотской любовью. Именно это наследие делает человека разумным существом. Я согласен, это все слишком общо. Но если нам удастся подогнать все, что мы знаем о шеннах, под одно какое-нибудь довольно общее определение...

Как выяснилось дальше, всем им на ум пришла одна и та же мысль. В ходе разговора они обсуждали ее то с одной,

то с другой стороны. И решили наконец, что так оно и есть. Кстати сказать, позднейшие ксенологические исследования подтвердили их выводы. Даже планетам вроде Земли, обращающимся вокруг постоянных звезд, знакомы периоды всеобщей экстинкции. Условия существования внезапно — с геологической точки зрения, естественно,— изменяются, и организмы, обитавшие в этом мире миллионы лет, исчезают. Такая судьба постигла в конце мелового периода аммонитов и динозавров. А к концу плиоцена вымерли почти все крупные млекопитающие, названия которых, данные им позднее, заканчивались обычно на «терий». Почему — остается неясным до сих пор. Но от самого факта никуда не деться: жизнь полна опасностей и тревог. На Датине же положение было того хуже. Уровень солнечной радиации на ней ниже, чем на Земле. А вот во время пиков солнечной активности, повторявшихся через нерегулярные промежутки времени,— гораздо выше. Магнитное поле и атмосфера не служили для планеты надежной защитой. Помимо всего мутации, вызванные одним из таких скачков пиков, привели к появлению говорящих, думающих, способных изготавливать инструменты травоядных. А раз так, значит дело обошлось без жестокого естественного отбора, ибо история любой такой планеты — это перечень экологических катастроф. За последним пиком активности наступил довольно спокойный период, за время которого обитатели планеты достигли вершин познания, разработали свои технологии, научную методику, создали цивилизацию, мечтавшую о покорении пространства и, вполне возможно, предпринимавшую первые попытки в этом направлении. А затем солнце вспыхнуло снова. Таяли снега, поднимался уровень воды в океанах и скрывались под волнами побережья. Тропики постепенно превратились в саванны или пустыни. Все это можно было пережить. Скорее всего, именно ухудшившиеся климатические условия подтолкнули к созданию всепланетного союза и к выходу в космос. Но, как это всегда бывает, вмешалась непредвиденная случайность. Эта вспышка звезды ознаменовалась не столько увеличением тепла, света и электромагнитной энергии, сколько началом нескольких абсолютно новых процессов, возникших, когда звезда перешла в качественно иное состояние. Планета попала в мощный поток протонов, электронов, мезонов, квантов рентгеновских лучей. Магнитосфера светилась под воздействием синхротронной радиации, верхние слои атмосферы — под воздействием вторичной. Многие биологические организмы вымерли в течение года-двух. За ними последовали другие, существовавшие в симбиозе с первыми. Экологическая пирамида рассыпалась. Цивилизация, какой бы развитой она ни была, не есть автономное образование. Она не в состоянии сама себя обеспечить всем необходимым. Другими словами, цивилизация неотделима от природы. Но поля превратились в пустыни, деревья в садах сбросили листву, леса выгорели, морские водоросли сгнили. Появились новые болезни. Шаг за шагом население планеты уменьшалось, пред-

риятия закрывались из-за нехватки ресурсов и рабочих рук, ро науку забыли. Пределы возможного становились все уже уже. Короче говоря, датинцы не смогли приспособиться к зменившимся условиям. Те из них, кто выжил, постепенно ревратились в дикарей. А потом в их среде произошла му-ация. Травоядные не могут в мгновение ока стать плотоядными, даже если они употребляют в пищу не сырое, а приотовленное мясо. Зато они могут сбросить инстинкт, заставяющий их собираться в крупные стаи — слишком крупные, тобы истерзанная земля могла их прокормить. Они запросто огут начать охотиться на животных, без мяса которых уже е в состоянии выжить. Они с исступленностью фанатиков удут защищать свою территорию, но бросят ее, как только на покажется им непригодной, и захватят себе новый клоок земли. Они создадут оружие и государственные институты; у них возникнут мифы, религии, легенды... Они станут равоядными убийцами. Причем до них будет далеко обычным лотоядным, которые убивают, лишь когда хотят есть. И не олько им, но даже и всеядным, обладающим оружием с тех амых пор, когда у них появились первые проблески разума, потому привыкшим остужать самые горячие головы своих оплеменников. Конечно, подобное истолкование фактов является весьма и весьма приблизительным. Но, быть может, танет понятнее, о чем идет речь, если мы сравним мирного ьва и дикого медведя, который только и ищет, с кем бы ему одраться, или того же медведя и носорога или кафрского уйвола. Древнее население Датины было обречено. Они храбро ражались, но силы их были разобщены. Победив в бою, они едко преследовали врагов; а потерпев поражение, разбегаись врассыпную. Древняя цивилизация пришла в упадок; ее олитико-экономическая структура превратилась в некое пообие феодализма. А те, кто ее создал, были деморализованы о последней степени. Может, кому-то и удалось убежать в кос-ос, но обратно домой он так и не вернулся. Шенны посту-али просто: они нападали на замок, захватывали его и съеали тех датинцев, которые почему-либо не годились в рабы. Обосновавшись в замке, завоеватели заключали мир с окрестными поселениями, вожди которых истово убеждали себя, то чужаки удовлетворятся уже захваченным. Поначалу так но и было. Но потом молодые шенны, которым тесно было отцовских вотчинах, нарушили эту идиллию. Покорение одого народа другим вряд ли было результатом тщательно разаботанного плана. Скорее всего, шенны одержали верх над атинцами потому, что они были лучше приспособлены. Слуилось это не сразу, а в течение нескольких веков. В условиях, огда для поддержания жизни одного индивидуума требуется ерритория в несколько гектаров, агрессивность становится росто необходимой: ведь надо эти гектары захватить, а потом ще и отстоять. Разница между полами, необычная среди разумных существ, также, вне всякого сомнения, возникла в итоге акой-либо мутации. Поскольку шенны-самцы были воинами

и часто гибли во всяких схватках, для увеличения численности племени введена была полигамия. Основными занятиями самцов были охота и война. Присматривавшие за детенышами самки не могли принимать участия ни в том, ни в другом, и потому постепенно стали пассивными и туповатыми. (Вначале шеннов было раз-два и обчелся, и в течение долгого времени численность их племени оставалась практически неизменной. То есть когда произошел генетический сдвиг, он оказался очень мощным. Побочными его эффектами были появление у самцов гривы и другие, не столь безвредные, но все же сильно повлиявшие на организм изменения.) В конце концов древняя раса была стерта с лица планеты. Уровень радиации потихоньку уменьшился; возникли новые биологические организмы, да и некоторые из старых вернулись к жизни. Прошло много времени, прежде чем на Датине восстановилась плодородность почвы. Но машинная культура возродилась гораздо раньше. По книгам, по преданиям, по ржавым каркасам с помощью немногих рабов шенны принялись воссоздавать то, что сами же разрушили. Но тут их природа, верой и правдой служившая им на протяжении сотен лет, сыграла с ними злую шутку. О каком сообществе, без которого невозможно применение передовых технологий, могла идти речь, когда каждый самец жил в уединении со своим гаремом и готов был вызвать на смертный бой каждого, кто осмелится ступить на его территорию. Однако дело обстояло вовсе не так просто. Говорят, что нет двух таких людей, которые во всем походили бы друг на друга. То же самое можно сказать и о шеннах. Те из них, кому не улыбнулась в жизни удача, стремились найти приют при дворе богатого сородича. Так образовался удел: несколько полигиничных семей жили вместе, подчиняясь наделенному абсолютной властью патриарху. Этот удел, в котором соблюдалась строгая иерархия, был основной единицей нового датинского общества — как племя у людей, матрилинейный клан на Цинтии или вольный табун на Одине. На любой планете процесс слияния основных единиц в крупное образование идет со скрипом. В результате же чаще всего возникают патологические объединения, удерживаемые лишь силой и все равно в конце концов распадающиеся. Достаточно вспомнить империи и всемирные ассоциации на Земле. Иногда, правда, бывает и по-другому. Шенны были разумными существами. Поэтому они, как и многие другие народы, понимали необходимость сотрудничества. Пускай они эмоционально были неспособны принять идею единого всепланетного правительства,— взамен его они создали конфедерацию баронств. И тем более всякие раздоры были забыты, когда шенны открыли для себя дорогу к звездам!

— Ага,— кивнул Николас ван Рийн,— если они и в самом деле такие, мы с ними справимся.

— Загоним их обратно в каменный век и сядем им на шеи,— пробормотала Чи Лан.

Эдзел поднял голову.

— Ну и что за гадости ты говоришь? Разве можно допустить такое?

— Ну да, конечно, тебя послушать, так пусть они резвятся на свободе, да еще с ядерным оружием,— съязвила Чи.

— Ну-ну,— сказал ван Рийн.— Ну хватит. Вовсе ни к чему огульно хаять целый народ. Уверен, если найти к ним правильный подход, мы еще не раз потом помянем их добрым словом.— Он улыбнулся и потер руки.— Только вот чтобы их «расшевелить», понадобится куча денег.— Его улыбка стала шире и самодовольнее.— Ну что ж, друзья, на сегодня с делами как будто все. Наши бедные головы слишком устали. Пожалуй, надо им посочувствовать. Дэви, мой мальчик, будь так добр, принеси бутылочку «Джиневер» и пару ящиков пива.

Фолкейн собрался с духом.

— Я хотел подойти к вам раньше, сэр, да как-то не получилось,— сказал он.— Дело в том, что вы только что выпили последнюю кружку из наших припасов.

Ван Рийна, казалось, вот-вот хватит удар.

— Если вы помните, этот звездолет покидал Луну в большой спешке,— продолжил Фолкейн.— На борту у него лишь стандартные пищевые рационы. Разумеется, пиво тоже было... но откуда я мог знать, что вы присоединитесь к нам и...

Тут наконец ван Рийн обрел дар речи.

— Что-о-о-о? — возопил он так, что по салону пошло гулять эхо.— Да ты... целый месяц в космосе... и нечем промочить горло, кроме как... И даже пива нет?!

В следующие полчаса в салоне творилось нечто невообразимое.

Полгода спустя по земному календарю.

Чандра Махавани, помощник министра иностранных дел Земного Содружества, бросил взгляд на коричнево-золотистый шар, на орбиту вокруг которого вышел линкор, и сказал:

— Нет, это просто недопустимо! Какая-то кучка капиталистов поработила весь мир!

Адмирал Флота Политехнической Лиги Вайахо холодно взглянул на него.

— Как по-вашему, что шенны собирались сделать с нами? — Он был родом с Ферры, и саблевидные клыки весьма мешали ему говорить на любом из земных языков. Тем не менее в его словах явственно прозвучала насмешка.

— Вы даже не потрудились известить нас. Если бы не результаты расследования мастера Гарвера, которые вынудили меня прибыть сюда лично...

— Чего ради Лиге связываться с Содружеством или любым другим правительством? — Вайахо ткнул когтем в медленно кружившуюся на обзорных экранах Датину.— Мы здесь слишком далеко от них. Пусть скажут спасибо, что мы собственными силами устранили угрозу, никого в это дело не впутывая.

— Угрозу? — воскликнул Махавани.— Вы пригнали сюда целую армаду... безо всякой видимой причины... заставили этих бедных... э... шеннов отдать вам все, что они с таким трудом построили: космические корабли, головные заводы... растоптали их суверенитет... ввергли их в экономическое рабство... О чем вы вообще говорите? Знаете, как это называется, сэр? Это называется породить ненависть, которая в скором времени приведет к серьезным конфликтам! А правительство Содружества твердо придерживается политики умиротворения. Прошу не забывать, что в случае войны мы тоже окажемся в нее втянутыми.

— Никакой войны не будет,— отозвался Вайахо.— Это я вам гарантирую. И потом, я бы не стал на вашем месте говорить о рабстве. Да, разумеется, зугайа, мы лишили их возможности развязать войну, мы контролируем их промышленность, мы стараемся сделать так, чтобы их экономика полностью зависела от нашей. Но все это — ради одной-единственной цели: не дать поднять голову реваншизму. По правде сказать, я не думаю, что все это возможно. Шенны как будто не испытывают особых сожалений, подчиняясь — подчиняясь тому, кто оказался сильнее их.— Мимо них по коридору, держа в руках мнемоленту, прошла женщина. Вайахо приветствовал ее.

— Вы не могли бы задержаться на минутку? Познакомьтесь: сударыня Белдэниэл. Мастер Махавани с Земли. Сударыня Белдэниэл очень помогает нам в налаживании контактов с шеннами. Кстати, вы знаете, она с раннего детства воспитывалась у них? Сударыня, согласны ли вы, что шенны не видели от Лиги ничего, кроме добра?

Худощавая женщина средних лет насупила брови размышляя.

— Ничего не могу вам сказать, сэр,— откровенно ответила она.— Но с другой стороны, выбрав из двух зол меньшее и влившись в Техноцивилизацию, шенны, по-моему, поступили правильно. Иначе им оставалось только погибнуть.— Она фыркнула.— Всем ведь хочется жить, и они не исключение.

— Но как же с экономикой? — не сдавался Махавани.

— Естественно, мы хотим, чтобы наши усилия окупились,— сказал Вайахо.— Но мы не пираты. Мы вложили в их предприятия определенные средства и рассчитываем получить известные прибыли. Кроме того, вы должны помнить, что бизнес — это не игра в один карман. Мы улучшаем этот мир к выгоде его обитателей.

Махавани покраснел.

— Вы хотите сказать, сэр, что ваша треклятая Лига имеет наглость брать на себя функции правительства?

— Не совсем так,— промурлыкал Вайахо.— Никакому правительству не удалось бы добиться столь многого.— Он рывком поднял с сиденья свое длинное тело.— Прошу прощения, но нас с сударыней Белдэниэл ждут неотложные дела.

В саду на Земле Николас ван Рийн оторвался от экрана —

только что промелькнули последние кадры видеофильма, привезенного недавней экспедицией на Сатану. Он вкрадчиво улыбнулся глядевшим на него с других, меньших экранов человеческим и нечеловеческим лицам, принадлежавшим могущественнейшим промышленникам галактики.

— Ладно, друзья,— сказал он,— как вы видите, у меня есть все основания требовать себе монополии на разработку этих богатств. Но поскольку я всего лишь бедный старичок, которому только и нужно, что нежиться на солнышке да попивать вечерами сингапурский слинг, да поторговывать сахаром, пряностями и прочими вкусными вещами, меня эти сатанинские сокровища не прельщают. Я не собираюсь сам связываться с этой чудесной планетой, где деньги валяются прямо под ногами. Нет-нет, и не просите. Но я был бы рад продать вам особые права... естественно, договорившись сначала о дележе прибылей. Скажем, процентов тридцать-сорок... Заметьте, многого я себе не прошу. Вы как будто хотите возразить?

Выйдя на орбиту Луны, «Бедолага» начал набирать скорость. Фолкейн долго глядел в кормовой экран.

— Что за девушка! — пробормотал он.

— Кто, Вероника? — спросила Чи.

— Да. Такую поискать.— Фолкейн раскурил трубку.— И чего ради нас снова куда-то несет? Не понимаю.

— Хочешь, объясню,— предложила Чи.— Еще пару дней той жизни, которую ты там вел, и ты бы лопнул.— Она взмахнула хвостом.— А мне стало скучно. Так славно снова оказаться на воле!

— И очиститься,— добавил Эдзел.

— И правда,— согласился Фолкейн.— Я пошутил. Звучит довольно высокопарно, но ведь мы на самом деле принадлежим космосу.

Включив привод механических рук, смонтированных именно ради этого, Тупица швырнул на стол колоду карт и пригоршню покерных фишек.

— В таком случае, капитан,— сказал он,— следуя предложенной вами программе на ближайшие часы, рекомендую вам заняться делом. Ваша очередь сдавать.

ЗВЕЗДНЫЙ ТОРГОВЕЦ

«Великий век мира начинается вновь». Так было раньше, так будет и впредь. Циклы развития человека имеют свою периодичность. Они не более и не менее удивительны, чем годичные циклы планет. Именно потому, что сегодня мы странствуем среди звезд, нам ближе европейцы, открывшие Америку, или греки, колонизовавшие Средиземное море, чем наши предки несколько поколений назад. Мы тоже открыватели, пионеры, миссионеры, торговцы, создатели эпосов и саг, но мы же наследуем и их недостатки: жадность, грубость, равнодушие к будущему, нетерпимость, часто открытый бандитизм. Такова история развития общества в моменты его подъема. И однако в прошлом нет аналогичных периодов развития. Наша цивилизация, не классическая и не западная, распространялась до крайних пределов пространства, при этом она встречалась со множеством нечеловеческих рас, и, к лучшему или худшему, ее пути непредсказуемо изменились. Мы живем в мире, который не мог себе вообразить ни один рожденный на Земле человек. Он мог бы, например, увидеть аналогию между Политехнической Лигой и торговыми гильдиями средневековой Европы. Однако более внимательное рассмотрение покажет нечто совершенно новое, происходящее, несомненно, от понятий прошлого Земли, но измененной благодаря скрещиванию с другими расами. Мы не можем предсказать, чем это кончится. Мы не знаем, куда идем. Большинство из нас об этом и не заботится. Ибо для нас достаточно того, что мы в пути».

Ле Мателот.

Капитан Бохадур Торранс воспринял новость, как подобает Мастеру Ложи в Объединенном Братстве Космонавтов. Он выслушал ее, задав лишь несколько дополнительных вопросов, и в конце сказал спокойно:

— Хорошо, Ямамура. Пожалуйста, продолжайте следить за этим. Я подумаю, что можно сделать.

Но когда дежурный инженер покинул его каюту — новость была из числа тех, что не передают по интеркому,— он сделал большой глоток виски, сел и уставился на пустой экран. Он совершал далекие путешествия, много видел и был хорошо вознагражден. Однако, несмотря на свою быструю карьеру и

сложный жизненный путь, он был еще достаточно молод, чтобы почувствовать могильный холод, услышав свой смертный приговор.

На экране виднелось такое множество холодных и острых звезд, что только астроном мог бы распознать отдельные из них.

Торранс разглядывал Млечный Путь, пока не нашел Полярную звезду. Следовательно, Белгалла лежит на каком-то удалении в этом направлении. Он, конечно, не мог разглядеть солнце типа Ж на таком расстоянии: без мощных оптических инструментов, гораздо более мощных, чем были на борту «Гебы», это было невозможно. Но он чувствовал некоторое утешение от сознания того, что его взгляд был направлен в сторону ближайшей базы Лиги (дома, корабли, люди, уютно устроившиеся в зеленой долине Фейн) в этой почти неисследованной области нашего галактического рукава. Тем более, что он не надеялся приземлиться там вновь.

Корабль несся в четырехмерном пространстве со скоростью, намного превышающей скорость света, и тем не менее слишком медленной, чтобы спасти его. Что ж... обязанность капитана в первую очередь думать о других. Торранс вздохнул и встал. Он потратил некоторое время, осматривая свою внешность: моральное состояние всегда важно, тем более теперь. Обычному серому корабельному мундиру он предпочел полную форму: синий китель, белую фуражку и брюки с золотым шнуром. Как житель планеты Рамамунджан, на голове он носил тюрбан, заколотый пряжкой с эмблемой Политехнической Лиги: корабль и солнечный луч. По коридору он прошел к каюте-владельца. Держа поднос, оттуда выходил стюард. По знаку Торранса он оставил дверь открытой. Капитан вошел и поклонился, щелкнув каблуками:

— Прошу прощения за вторжение, сэр,— сказал он.— Можно поговорить с вами? Весьма срочно.

Развалившийся в кресле Николас ван Рийн поднял двухлитровую пивную кружку, только что принесенную ему. Пил он так смачно, что несколько его подбородков тряслись под густой эспаньолкой, а шум, производимый им, разносился по всей каюте от стола, заваленного бумагами, до драгоценного бразильского гобелена на противоположной стене. Что-то похожее на Моцарта лилось из магнитофона.

Совсем рядом с ним, на кушетке, свернулась Джерри Кофсед, светлоглазая, светловолосая, казавшаяся чуть ли не в три раза меньше этого гиганта. Примерный семьянин, хоть и давно не был дома, Торранс заставил себя смотреть только в сторону торговца.

— Ах! — ван Рийн со стуком опустил кружку на стол и вытер пену с усов.— Клянусь чумой и сифилисом, первая кружка в день хороша. Так же холодна и приятна, как... гм... черт побери, какое слово мне нужно? — он ударил себя по лбу волосатым кулаком.— С каждой неделей я все больше тупею.

Ах, Торранс, когда вы станете бедным, одиноким, толстым стариком и вся ваша сила оставит вас, вы оглянетесь назад и, вспомнив меня, пожалеете, что были так недобры ко мне. Но будет слишком поздно.— Он вздохнул и почесал волосатую грудь. В близкой к тропической температуре, которую он заставлял поддерживать у себя, он нуждался лишь в саронге — набедренной повязке вокруг своего могучего тела.— Ну, что за глупость заставляет вас отрывать меня от дела?

Тон его был добродушным. Он и на самом деле находился постоянно в хорошем настроении с тех пор, как они спаслись от Аддеркопов. (Да и кто бы не находился? Для простой космической яхты, даже оборудованной сверхмощными механизмами, уйти от трех крейсеров было не просто удачей, а чудом. Ван Рийн все еще держал четыре зажженные свечи перед статуэткой святого Дисмаса). Правда, он швырял посуду в стюарда, если тот, по его мнению, слишком поздно приносил выпивку, и ежедневно обругивал кого-нибудь на корабле, но все это было нормой. Джерри Кофсед подняла брови.

— Твое первое пиво, Рикки? — промурлыкала она.— На самом деле? Два часа назад...

— Да, но это было по полуночи. Если не по Гринвичу, то на какой-нибудь планете уже была полночь. Значит, начался новый день.— Ван Рийн взял со стола свою длинную трубку и принялся ее раскуривать.— Ладно. Садитесь, капитан Торранс, устраивайтесь поудобнее. Вы как будто начинены динамитом, парень. Все вам не хватает выдержки. Когда я был космонавтом, мы сами решали свои проблемы. А теперь, гром и молния, приходите вы и просите вытереть вам носы. Нужно иметь твердый характер.— Он похлопал себя по животу*.

— Итак, что же случилось?

— Я хотел бы поговорить с вами наедине, сэр.

Он видел, как побледнела Джерри. Она не была трусихой. Отдаленные планеты, даже такие, как Фрейя, не производили людей подобного сорта. Она согласилась участвовать в этом, как она знала, опасном путешествии: возможность совершить его с одним из торговых боссов компании Специй и Спиртных напитков, которая была самой могущественной из всех в Политехнической Лиге,— такая возможность слишком хороша, чтобы честолюбивая девушка отказалась от нее. Она отлично держалась во время стычки и последующего бегства, хотя смерть стояла совсем рядом. Но они все еще были слишком далеко от ее планеты, среди неизвестных звезд, и враги охотились за ними.

— Ступай в спальню,— сказал ей ван Рийн.

— Пожалуйста,— прошептала она,— я была бы счастлива услышать правду.

Маленькие черные глаза ван Рийна, посаженные близко к носу, загорелись.

---

* Игра слов. По-английски «иметь твердый характер» буквально означает «иметь множество кишок».

— Грязь и параша! — взревел он.— Что за чудовищная чепуха? Когда я велю прыгать, каждая лягушка должна прыгать.

Джерри в негодовании вскочила на ноги. Не вставая, ван Рийн шлепнул ее по соответствующему месту, что прозвучало, как пистолетный выстрел. Она открыла рот, подавилась негодующим криком и выскочила в соседнее помещение. Ван Рийн знаком подозвал стюарда.

— Потребуется еще пиво,— сказал он Торрансу.— Ну ладно, не стойте, делая безумные глаза! У меня нет времени на глупости, даже если вы мне заплатите. Я должен проверить ценники на перец и мускатный орех для Фрейи, прежде чем мы туда прибудем. Ад и дьяволы! Этот идиот мог получить на планете на десять процентов больше, не сокращая объема торговли. Черт бы его побрал! О добрые духи, услышьте меня и помогите бедному старику управиться с делами, когда у него в подчинении идиоты с овсянкой вместо мозгов!

Торранс с усилием сдержался.

— Сэр, я получил доклад Ямамуры. Вы же знаете, что во время стычки в нас попали: снаряд разорвался вблизи машинного отделения. Конвертор казался неповрежденным, однако после того, как брешь заделали, инженеры решили его проверить. Оказывается, перегорело больше половины цепей генератора инфразащиты. Мы можем сменить лишь только немногие из них. Если же мы будем продолжать двигаться на квазискорости, весь конвертор сгорит за пятьдесят часов.

— Ах та-а-а-к.— Ван Рийн сразу стал серьезным. Щелчок зажигалки, когда он принялся раскуривать свою трубку, показался необыкновенно громким.— А нельзя ли остановить конвертор для починки? В гиперпространстве мы будем слишком маленьким предметом, и никаким вонючим Аддеркопам нас не отыскать. Ну, как?

— Нет, сэр. Я уже сказал, что у нас нет запасных частей. Это яхта, а не военный корабль.

— Но мы должны продолжать движение в гиперпространстве. На какой скорости мы можем двигаться, чтобы войти в пределы слышимости Фрейи, прежде чем наша машина взорвется?

— Одна десятая полной скорости. Потребуется шесть месяцев.

— Нет, дружище капитан, это слишком долго. Так мы никогда не достигнем звезды Белгаллы. Аддеркопы разыщут нас.

— Я тоже так считаю. К тому же у нас на борту нет шестимесячных запасов.— Торранс взглянул на стол.— Мне кажется, мы можем достигнуть одной из ближайших звезд. Правда, мы вряд ли найдем там планету с индустриальной цивилизацией, которая поможет нам отремонтировать конвертор. Но, в конце концов, пригодная к обитанию планета там может быть...

— Нет! — Ван Рийн так затряс головой, что его черные жирные локоны свернулись на плечах.— Чтобы столько мужчин с одной женщиной провели всю жизнь на какой-то мусорной ска-

ле, где нет даже виноградной грозди!.. Предпочитаю получить снаряд Аддеркопов и погибнуть, как джентльмен, черт побери!

Появился стюард.

— Где вы дремали? Пива, и пусть Господь Бог проклянет вас! Я должен подумать, а как думать, если мой рот пересох, как пустыня в середине лета?

Торранс тщательно подбирал слова. Ван Рийну нужно напомнить, что в космосе хозяин он — капитан. Ему принадлежит решающее слово. И однако старому дьяволу нельзя противоречить: никто лучше его не может выпутываться из безвыходных положений.

— Я готов обсудить любое предложение, сэр, но не могу принять на себя ответственность, подвергая корабль риску вражеской атаки.

Ван Рийн встал и заходил по каюте, извергая непристойности и вулканические голубые облака дыма. Проходя мимо ниши со святым Дисмасом, он сбросил свечи. Казалось, что в нем заело какой-то спусковой механизм. Он повернулся к капитану и сказал:

— Да! Индустриальная цивилизация, да, может быть и так. Не одни паразиты Аддеркопы бродят в этом районе пространства. Мы ведь можем встретить и другой корабль, нет? Передайте Ямамуре, чтобы увеличили чувствительность нашего детектора так, чтобы он уловил колебания крыльев комара в моей конторе в Джакарте на Земле. Потом мы пойдем нужным курсом и будем вести поиски на уменьшенной скорости.

— А если мы найдем корабль? Он может оказаться вражеским? Вы знаете?

— Тогда мы его захватим.

— В любом случае, сэр, мы теряем время. Преследователи отыщут нас, пока мы будем следовать поисковой спиралью. Особенно, когда мы будем преследовать нечеловеческий экипаж, который никогда не слышал о людской расе.

— Этим мы займемся, если потребуется. У вас есть более обнадеживающий план?

— Ну... — Торранс замялся.

Вошел стюард со свежей кружкой пива. Ван Рийн выхлебал ее.

— Думаю, вы правы, сэр,— проговорил Торранс.— Я пойду и...

— Девственное! — проревел ван Рийн.

— Что? — подпрыгнул Торранс.

— Девственное! Это-то слово я и искал! Первое пиво дня приятно, как девственность, идиот!

Дверь каюты зазвенела. Торранс вздохнул. Он надеялся хоть немного соснуть. Он провел на палубе столько часов, что и не сосчитать. Но когда корабль блуждает во тьме в поисках другого корабля, который может оказаться здесь, а может и не оказаться, когда охотники бродят поблизости...

— Войдите.

Вошла Джерри Кофсед. Торранс глотнул воздух, вскочил на ноги и поклонился.

— Фриледи! Что... как... какой сюрприз... Я чем-нибудь могу быть вам полезен?

— Пожалуйста,— она взяла его за руку. Ее платье было мерцающим и невероятно коротким — ван Рийн иных не признавал, но взгляд ее сказал Торрансу, что все это ни при чем.— Я пришла к вам, Мастер Ложи, и если у вас есть чувство жалости, вы выслушаете меня.

Он указал ей на кресло, предложил сигарету и сам закурил. Дым, проникнув в легкие, немного успокоил его. Он сел напротив.

— Если я могу быть вам чем-нибудь полезен, фриледи Кофсед, я буду счастлив это сделать... Гм... фримен ван Рийн...

— Он спит. Но он ни в чем не может упрекнуть меня. Я не подписывала контракт или что-нибудь в этом роде.— Ее раздражение выразилось в сухой улыбке.— О, я согласна, мы все его подчиненные, как формально, так и по существу. Я не противоречу его желаниям. Просто он не захотел ответить на мой вопрос, а если я не узнаю правды, я начну визжать.

Торранс взвесил некоторые факторы. Объяснение наедине, с несколько большими подробностями, чем получил экипаж, для нее, возможно, действительно лучше.

— Как хотите, фриледи,— сказал он и объяснил, что случилось с конвертором.— Мы не можем сами исправить его,— сказал он.— Если мы продолжим движение на полной скорости, то конвертор расплавится еще до прибытия; тогда без энергии мы окажемся обреченными на верную смерть. Но если мы будем двигаться медленно, что сохранит конвертор, то до Белгаллы мы доберемся через полгода, а у нас нет достаточных запасов. К тому же Аддеркопы, несомненно, выследят нас через одну-две недели.

Джерри вздрогнула.

— Почему? Я не понимаю.— Она некоторое время смотрела на кончик своей сигареты, пока к ней не вернулось спокойствие, а вместе с ним и чувство юмора.— Капитан, я, лишенная наивности девушка с Фрейи. Я умею считаться с фактами. Но вы даже лучше меня знаете, что Фрейя — отдаленная планета на самом краю человеческой цивилизации. У нас нет никаких космических сообщений, кроме торговых кораблей Лиги, а они тоже никогда не остаются в порту надолго. Я в сущности ничего не знаю о законах ведения войны или политики. Никто не говорил мне, что наше путешествие больше, чем простая разведывательная экспедиция, да я никого и не спрашивала. Почему Аддеркопы так встревожены и пытаются нас поймать?

Торранс обдумывал общую картину, прежде чем сообщить ответ. Как космонавт Лиги он должен был сделать определенное усилие, чтобы понять, как мало значат для колонистов их враги. Слово Аддеркопы было фрейенским, это презритель-

ное название поставленных вне закона и изгнанных с планеты около ста лет назад. С тех пор, однако, фрейянцы никогда с ними не встречались в прямом контакте. Где-то в глубинах космоса, за Белгаллой, и осели беженцы на какой-то неизвестной планете. Через некоторое время число их увеличилось, возросло и количество военных кораблей. Но Фрейя по-прежнему была слишком сильна для них, они не осмеливались нападать на нее. К тому же у Фрейи не было межпланетных предприятий, и ей нечего было беспокоиться. Торранс решил нарисовать полную картину, даже если придется повторять общеизвестное.

— Что ж,— сказал он,— Аддеркопы неглупы. Кто-то информирует их обо всем происходящем, они знают, что Политехническая Лига стремится распространить свои операции на этот район. Это им не нравится, это означает конец их набегам на планеты, выжиманию дани в их грабительской торговле. Конечно, Лига не состоит из святых — мы боремся с ними потому, что пиратство приносит ущерб доходам наших компаний. Аддеркопы решили не объявлять нам настоящую войну, а нападать на передовые посты, чтобы мы отказались от своих планов. У них преимущество в знании своего сектора космоса. И мы уже были на грани того, чтобы поставить крест на этом участке Вселенной и попытаться где-нибудь в другом месте. Фримен ван Рийн захотел предпринять последнюю попытку. Противодействие его попытке было настолько велико, что он был вынужден сам возглавить экспедицию. Полагаю, что вы знаете, что он делал. Используя свое сверхъестественное искусство подкупа и обмана, он собрал даже незначительную информацию, которой располагали пленники Лиги, и сопоставил факты. Мы получили ключ к неприступному дотоле участку. Мы прилетели туда, уловили нейтринный поток и, следуя по нему, обнаружили колонизованную людьми планету. Как вы знаете, это несомненно планета Аддеркопов. Если мы доставим информацию, больше беспокойства от Аддеркопов не будет. Лига сможет послать туда несколько военных кораблей звездного класса и пригрозить бомбардировкой планеты. Они понимают это. Мы были обнаружены, несколько военных кораблей окружили нас, но нам удалось ускользнуть от них. Их корабли устарели, поэтому мы смогли оставить их позади. Но я уверен, что они продолжают нас искать. Весь их флот сейчас в поиске. Корабль постоянно создает вибрацию гиперпространства, которую можно обнаружить на расстоянии до одного светового года. Поэтому, если Аддеркопы обнаружат нашу волну и определят наше расположение,— это конец.

Она глубоко затянулась, но внешне осталась спокойной.

— Каковы ваши планы?

— Контрманевр. Вместо того, чтобы попытаться достичь Фрейи, мы предприняли спиральный поиск на средней скорости и увеличили чувствительность наших детекторов. И если мы обнаружим другой корабль, то используем последние возможности своей машины, чтобы догнать его. Если это будет чужой корабль — что ж, у нас есть световые пушки в орудий-

ных башнях, мы попытаемся захватить его или уничтожить. Но там может оказаться и нечеловеческий экипаж. Доклады ученых, сообщения обсерватории, сведения пленников говорят о наличии трех-четырех различных рас в этом районе, обладающих секретом гиперпространства. Аддеркопы сами о них не очень хорошо осведомлены. Космос чертовски велик.

— И если корабль окажется нечеловеческим?

— Будем действовать по обстановке.

— Понятно.— Она кивнула, посидела молча и улыбнулась ему.— Спасибо, капитан. Вы не представляете себе, как помогли мне.

Торранс сдержал глуповатую улыбку.

— Я счастлив, фриледи.

— Я отправлюсь с вами на Землю. Вы это знаете? Фримен ван Рийн обещал мне там хорошую работу.

«Он всегда обещает»,— подумал Торранс. Джерри придвинулась ближе.

— Я надеюсь, на пути к Земле мы познакомимся ближе, капитан. Или даже прямо сейчас...

В этот момент прозвучал сигнал тревоги.

«Геба» была яхтой, а не пиратским фрегатом. Однако, когда на ее борту находился ван Рийн, это различие исчезало. Она двигалась быстрее многих военных кораблей, на борту ее были детекторы повышенной чувствительности, а ее экипаж был хорошо знаком с тактикой погони. «Геба» была способна уловить гиперэмиссию другого корабля задолго до того, как ее собственная вибрация будет обнаружена. Оставаясь необнаруженной, она установила верный курс и, используя всю мощность своих двигателей, устремилась в погоню. Если чужой корабль сохранит свою квазискорость, то встреча состоится через три-четыре часа. Но корабль незнакомцев сделал попытку уйти. «Геба» соответственно изменила курс и продолжала догонять свою медлительную добычу.

— Они боятся нас,— сказал Торранс.— И движутся они не в сторону планеты Аддеркопов. Оба этих факта свидетельствуют, что они не Аддеркопы, но у них есть причины бояться незнакомцев.— Он угрюмо кивнул, так как ему во время предыдущих полетов приходилось видеть планеты, подвергшиеся налету Аддеркопов.

Видя, что преследователь сохраняет дистанцию, преследуемые вышли из гиперпространства. Их конвертор уменьшил подачу энергии до минимума, скорость упала ниже световой, и корабль превратился в крошечную точку в бесконечном пространстве. Этот маневр часто помогал: противник, тщетно потратив некоторое время в поисках, отправлялся дальше. «Геба» однако к этому была готова. Знания сверхсветового вектора с координатами пункта, где произошел выход из гиперпространства, дали ее компьютерам возможность точно определить координаты добычи. Яхта двинулась в этот участок и прочесала его, время от времени возвращаясь в обычное пространство, чтобы попытаться уловить нейтринное излучение, которое про-

приводит любой атомный двигатель. Правда, излучение атомного двигателя похоже на нейтринное излучение звезд, но благодаря статистическому анализу компьютеры обычно точно устанавливали его. Так и на этот раз местоположение корабля было установлено довольно быстро. Яхта двинулась туда... и вот вокруг нее вновь сверкающее небо, а на обзорных экранах корпус чужого корабля. Он в несколько раз превосходил «Гебу» в размерах и походил на цилиндр с тупо закругленным носом, массивными конусами двигателей, многочисленными нишами для вспомогательных шлюпок и единственной орудийной башней. Физические принципы требовали, чтобы конструкции всех межзвездных кораблей были примерно одинаковыми. Однако любой космонавт с первого взгляда определил бы, что этот корабль построен не технической цивилизацией. Сверкнул огонь. Даже не глядя на автоматическое затемнение экрана, Торранс мгновенно был ослеплен. Приборы показывали, что чужак дал по ним залп и их робомониторы перехватили выстрел. Он был слабым и медленным: это явно не военный корабль. Он так же проигрывал по сравнению с «Гебой», как сама яхта — с военным крейсером Аддеркопов.

— Прекрасно, теперь после этой их глупости мы можем приняться за дело,— сказал ван Рийн.— Вызовите их по интеркому и найдите общий язык. Быстрее! Объясните им, что мы не причиним им вреда, что мы лишь хотим попасть к Белгалле.— Он немного поколебался и добавил: — Мы можем хорошо заплатить.

— Есть препятствие, сэр,— заметил Торранс.— Наш корабль построен людьми, а из людей они встречали только Аддеркопов.

— Что ж, если потребуется, мы можем взять их на абордаж и заставить их отвезти нас! Торопитесь, ради Сатаны! Если мы будем медлить, как проклятые засони, то нас поймают.

Торранс хотел сказать, что они сейчас в безопасности. Аддеркопы были намного сзади быстрейшего из земных кораблей. Они не подозревали, что яхта вышла из гиперпространства, а когда поймут это, у них не будет ни малейшего представления о том, где искать их. Но потом Торранс сообразил, что все не так просто. Если переговоры с чужаком продлятся достаточно долго — например неделю,— корабли Аддеркопов прочешут этот район и будут караулить. Они не прекратят поиск в течение месяца, и к тому же у «Гебы» станет ощущаться недостаток продовольствия. И когда яхта будет вынуждена перейти в гиперпространство, ее обнаружат и с легкостью уничтожат этих причиняющих столько беспокойства торговцев. Единственный их шанс в том, чтобы добраться до Белгаллы как можно быстрее, используя внезапность, чтобы нейтрализовать уменьшающуюся скорость.

— Мы испробовали все частоты, сэр,— доложил Торранс.— До сих пор никакого ответа.— Он с беспокойством добавил:— Не понимаю. Они должны видеть, что́ мы их вызываем, и по-

нять, что мы хотим переговорить с ними. Почему они не отвечают? Ведь это им ничем не грозит.

— Может, они покинули корабль? — предположил офицер-связист.— Возможно, у них есть шлюпки, пригодные для передвижения в гиперпространстве.

— Нет,— Торранс покачал головой.— Мы бы это заметили... Продолжайте попытки, фримен Бетанкур. Если в течение часа мы не получим ответ, будем брать их на абордаж.

Экран приемопередатчика продолжал оставаться темным. Но в конце этой отсрочки, когда Торранс надевал космический скафандр, Ямамура доложил новые сведения. Нейтронное излучение из источника в корме чужака значительно усилилось. Там происходил некий процесс, требовавший не очень большого количества энергии. Торранс защелкнул свой шлем.

— Мы посмотрим сами, что это такое.

Он назначил отряд захвата — ван Рийн, громко ругаясь и протестуя, остался на борту — и повел его к главному шлюзу. Плавно, как обтекаемая акула (в конце концов, напомнил себе изумленный капитан, старый боров был космонавтом, награжденным голубой лентой), «Геба» двинулась к чужаку. Но тот исчез. Отдача заставила их яхту содрогнуться.

— Вельзевул и ботулизм! — заревел ван Рийн.— Он снова ушел в гипер. Ну, у него это не выйдет.

Конвертор скрипел, но давал нужную энергию, и вскоре яхта вновь нагнала чужака. Ван Рийн проделал это с таким блеском, что Торранс был вынужден признать, что такой маневр труден даже для опытного пилота. Яхта уклонилась от поражающего луча чужака и прикрепилась к его корпусу нерасторжимо прочными силовыми линиями. Затем ван Рийн выключил конвертор, который мог просто не выдержать напряжения... Однако огромный корпус чужака сохранил при этом сверхсветовую скорость и увлекал за собой «Гебу». Скрепленные корабли летели быстрее света к неизвестным созвездиям. Торранс выругался, сделал перекличку своих людей и вышел наружу. Ему никогда раньше не приходилось захватывать корабль, но он решил, что это не труднее, чем проникнуть в покинутый экипажем корабль. Выбрав место для абордажа, он первым делом приказал закрыть его защитным карманом, чтобы перекрыть утечку воздуха: нет необходимости уничтожать чужаков. Резаки его людей изрыгали пламя, синие искры срывались фонтанами и исполняли сложный танец в невесомости. Остальная часть отряда стояла наготове, держа бластеры и гранаты. Два корабля продолжали падать в бесконечность. Без компенсирующей электроники небо было искажено аберрацией и эффектом Доплера, людям казалось, что они умерли и несутся навстречу Судному дню. Торранс был вынужден заставить свой мозг заниматься практическими делами. Как они будут общаться со своими пленниками, когда окажутся на их корабле? Особенно, когда придется застрелить нескольких из них...

Внешняя оболочка была разрезана, и Торранс с интересом

изучал структуру внутренней поверхности. Ничего похожего он раньше не видел. Несомненно, эта раса овладела космосом совершенно независимо от человечества; хотя в целом корабли подчинялись одинаковым физическим законам, в деталях они существенно отличались. Что это за прочная, но вязкая субстанция, образующая внутреннюю оболочку чужака? И проходят ли в ней контуры и схемы? Больше им скрываться негде. Последняя преграда была преодолена, Торранс с трудом сглотнул и посветил внутрь. Темнота и пустота ожидали его. Но внутри он тут же взмыл вверх: искусственное тяготение было выключено. Экипаж прячется где-то, и... Торранс вернулся на яхту через час. Он нашел ван Рийна, сидевшего рядом с Джерри. Заговорившая было девушка внимательно посмотрела в лицо капитана и замолчала.

— Ну? — сварливо спросил торговец.

Торранс прочистил горло. Его голос казался незнакомым.

— Думаю, вам лучше взглянуть самому, сэр.

— Вы отыскали экипаж в его вонючем аду? На что они похожи? Что это за корабль?

Торранс решил сначала ответить на последний вопрос.

— Похоже, что этот корабль предназначен для перевозки животных с различных планет. Должен сказать, что такого проклятого набора животных я не видел даже в зоопарке Солнечной системы в Луноградe.

— На кой сифилис это мне? Где тот, что собирал этих животных, где его прикрытые фиговыми листочками друзья.

— Как вам сказать, сэр,— Торранс опять сглотнул.— Думаю, что они спрятались от нас — спрятались среди других животных.

Между главным шлюзом яхты и прорезью в корпусе чужака был проложен туннель. Через него накачали воздух и провели электричество, чтобы осветить захваченный корабль. Манипулируя гравитационными генераторами «Гебы», Ямамура установил на чужаке силу тяжести примерно в одну четвертую земной, но при этом ему не удалось сохранить горизонтальное положение: палубы чужака были наклонены под разными углами. Резкое уменьшение силы тяжести не повлияло на медвежью походку ван Рийна. Он стоял с салями в одной руке, с сырой луковицей в другой, осматривая добычу. Вероятно, здесь находилась рубка управления, хотя она была ближе к корме, чем к носу. Экраны действовали, глаза существа, меньшего, чем человек, нашли бы их удобными. Они показывали ту же картину созвездий, очевидно, работая на аналогичных оптических компенсаторах. Контрольная панель образовывала у передней стены полукруг, слишком большой, чтобы управлять им мог один человек. Но, по-видимому, конструктор рассчитывал на одного человека, так как в центре стояло одно кресло. Короткие металлические стержни торчали из пола. Они были видны с обоих сторон кресла, и отверстия для болтов показывали, что здесь могли бы также крепиться кресла. однако сами кресла отсутствовали.

— Я думаю, пилот сидит в этом кресле, когда они движутся автоматическом режиме.— Торранс заколебался.— Штурман и вязист... здесь и здесь? Не уверен. В любом случае они не спользовали помощника пилота, хотя крепления кресла в дальем конце свидетельствуют о том, что там находился резервный фицер, готовый вступить в действие.

Ван Рийн пожевал луковицу и потянул себя за бородку.

— Чертовски большая она, эта панель,— сказал он.— Ра кровожадных спрутов, а посмотрите, как сложно.

Он махнул салями в сторону панели. Консоль, покрытая чем о вроде флюоресцирующего пластика, имела очень мало кно ок или переключателей, но зато на ней было множество лоских квадратов, каждый не менее двадцати квадратных сантиметров. И некоторые из них были вдавлены. Очевидно, это ыло управление приборами. Осторожная попытка показала, что ужно очень большое усилие, чтобы вдавить такой квадрат. ксперимент кончился тогда, когда открылся один из грузовых юков и большая часть воздуха улетучилась из корабля, прежде ем Торранс, напрягая силы, поставил пластинку на место. Ie следовало неосторожно обращаться с приборами незнакомого орабля, особенно в космосе.

— Они должны быть сильными, как лошади, чтобы управяться с этими приборами,— заметил ван Рийн,— все свидетельтвует об этом.

— Не все, сэр,— возразил Торранс.— Экраны как будто редназначены для карликов около метра ростом.— Он указывал а полку с инструментами размером не больше пуговицы, на аждом была цифра (или буква или идеограмма, что ли? наки отдаленно напоминали старые китайские иероглифы).— еловек не мог бы пользоваться ими, во всяком случае без олжной тренировки и напряжения. Конечно, обладать глазами, риспособленными для мелкой работы, еще не значит быть карликом. А вот этот переключатель невозможно достать с пола, е обладая длинными руками.— Встав на цыпочки, он дотянул я до выключателя, расположенного как раз над гипотетическим креслом пилота.

Переключатель щелкнул. С кормы донесся рев. От внезапого толчка Торранс отлетел назад. В стремлении удержать я он ухватился за полку у задней стены. Тонкий металл олки согнулся, но выдержал.

— Каракатица и болваны! — взревел ван Рийн.

Упершись своими колонноподобными ногами в пол, он доянулся до выключателя и вернул его на прежнюю позицию. ев прекратился. Вернулась привычная сила тяжести. Торранс рошел к высокой двери, ограниченной широкой аркой, и крикнул коридор:

— Все в порядке! Не беспокойтесь! Мы овладели положением.

— Что это за проклятая чертовщина? — потребовал ответа ван Рийн.

Торранс с трудом овладел собой.

— Думаю, выключатель двигателя,— голос его дрожал.— Полное ускорение без всякой компенсации. Конечно, в гиперпространстве это не опасно. Вероятно, в целом ускорение было меньше одного g. В нормальном же пространстве это дало бы несколько g. Приспособление для внезапного быстрого хода и... и...

— И вы с мозгом из перекисшей подливки, с бананами вместо пальцев, дернули этот выключатель?

Торранс почувствовал, что краснеет.

— Откуда я мог знать, сэр? Я нажимал с силой менее полкилограмма. Двигатели не должны включаться так легко! Кто бы мог подумать, что выключатель так легко поддастся, особенно после тех усилий, которые мы прикладывали к этим плиткам.

Ван Рийн всмотрелся более внимательно.

— Я вижу здесь предохранительную защелку,— сказал он.— Может быть, они используют этот выключатель на планетах с большой гравитацией? — Он указал на отверстие в центре панели около сантиметра в диаметре и пятнадцати сантиметров глубиной. На дне находился маленький ключ.— Это может быть другим специальным защитным приспособлением, а? Более безопасным, чем этот переключатель. Потребуются щипцы с тонкими губками, чтобы достать его оттуда.— Он почесал свои напомаженные локоны.— Но здесь поблизости нигде не висят такие щипцы. Я не вижу ни крюка, ни скобы для них.

— И не ищите,— сказал Торранс.— Когда они очищали все помещения... Там, в машинном отделении, лишь груда обломков и расплавленный металл, обожженный пластик... Постельные принадлежности, мебель, все, что, по их мнению, могло дать нам ключ к разгадке их сущности, они оттащили туда и уничтожили. Использовали для сжигания и свой конвертор. В этом причина того нейтринного излучения, которое заметил Ямамура. Они должны были работать, как черти.

— Но они ведь не разрушили все необходимые инструменты и машины? Тогда им было бы проще взорвать весь корабль вместе с нами. Я потел, как свинья, от страха, что они это сделают. Для бедного старого грешника не лучший способ кончить свои дни — разлететься в радиоактивном взрыве за триста светолет от виноградников Земли.

— Н-нет. Как можно заключить по первому поверхностному осмотру, они не уничтожили жизненно важного. Конечно, мы не можем быть уверены. Группе Ямамуры потребуется неделя, чтобы установить в общих чертах, как функционирует их корабль, не говоря о мелких деталях управления. Но я согласен, что экипаж не собирался совершать самоубийство. Они поймали нас в ловушку, даже не зная об этом. Мы крепко привязаны к их кораблю и летим куда-то, вероятно по направлению к звезде, под прямым углом к нужному нам курсу.— Торранс направился к выходу.— Вероятно, нам надо получше разглядеть их зверинец,— продолжал он.— Ямамура собирался установить

кое-какое оборудование... оно поможет нам отличить их экипаж от животных.

Главный трюм занимал почти половину огромного корпуса корабля. Вверху коридор, внизу мостик шли вдоль длинного ряда помещений. Их было девяносто шесть, все они были одинаковыми. Каждое имело пять метров в ширину, в потолок были вмонтированы светящиеся пластины, пол покрыт упругим пластиком. В некоторых помещениях вдоль стен были установлены полки и параллельные прутья — очевидно, для животных, привыкших прыгать или лазить. В задней стене помещения находились хорошо укрытые механизмы. Ямамура не разрешил трогать их, но сказал, что они, по-видимому, служат для регулирования состава атмосферы, а также температуры, гравитации, санитарного состояния и других элементов «обстановки» каждой клетки. Передняя стена, выходящая в коридор и на верхний мостик, была прозрачной. В ней находились люки с воздушным шлюзом, прочно запертые простым, но надежным механизмом. Рукоятки и колесики механизма выходили как внутрь, так и наружу клеток. Лишь несколько помещений пустовали. Людям не было необходимости их освещать. Торранс и ван Рийн шли в затемненном коридоре мимо чудовищ. Свет дюжины различных солнц сквозь прозрачные стены помещений освещал их — красный, оранжевый, желтый, зеленоватый и резко-голубой.

Существо, похожее на гигантскую акулу, за исключением усов, развевающихся над головой, плавало в заполненном водой помещении среди водорослей. В следующем находилось множество маленьких крылатых рептилий, их чешуйки резко сверкали, они ползали, перелетали с места на место. На противоположной стороне четыре млекопитающих бродили в желтоватом тумане: прекрасные создания, похожие на медведя, но с тигриной шкурой, они передвигались на всех четырех лапах, но время от времени вставали на две: тогда можно было заметить в пасти клыки хищников, а между похожими на обрубки пальцами — убирающиеся когти. Дальше люди прошли мимо клеток с полдюжиной лоснящихся красноватых животных, похожих на шестилапых выдр, резвившихся в приготовленном для них бассейне. Очевидно, механизмы поддержки среды решили, что наступила пора кормления: хопер выбросил какую-то протеиновую массу в лоток, и звери принялись рвать ее клыками.

— Автоматическое кормление,— заметил Торранс.— Я думаю, пища синтезируется на месте, в соответствии с биохимией каждого вида. На членов экипажа также. Мы не нашли на корабле ничего, похожего на камбуз.

Ван Рийн содрогнулся.

— Ничего, кроме синтетики? Нет даже крошечного стакана джина перед обедом.— Он вздрогнул.— Ха, мы, вероятно, открыли новый хороший рынок. И пока они разберутся в ситуации, мы можем драть с них втридорога.

— Вначале их надо найти,— сказал Торранс.

Ямамура стоял в центре трюма, направляя на одно по-

мещение различные приборы и измерительные инструменты. Джерри стояла рядом, подавая ему приборы по его указанию, включая и выключая переносной аккумулятор.

Что тут происходит? — спросил ван Рийн.

Главный инженер повернул к нему напряженное лицо.

Я приказал членам группы подробнее изучить корабль, сэр, сказал он.— Я к ним присоединяюсь, как только фриледи Кофсед приобретет некоторую сноровку в обращении с этими инструментами. Она вполне способна выполнять эту однообразную работу, в то время как от остальных потребуются их специальные знания... — Он заговорил медленнее и печально улыбнулся.— Боюсь, что с нашими ограниченными ресурсами нам понадобится не меньше месяца для того, чтобы раскрыть их секреты.

— У нас нет месяца,— сказал ван Рийн.— Вы замеряете условия в каждой клетке?

— Да, сэр. Они помечены, конечно, но мы не можем прочесть эти надписи, поэтому и приходится выполнять эту работу. Я сопоставлю гравитацию, состав и давление атмосферы, температуру, спектр освещения и так далее. Это медленная работа, она требует многочисленных арифметических расчетов. К счастью, нам не нужно проверять каждое помещение, да и большинство из них.

— Нет,— сказал ван Рийн.— Очевидно, этот корабль не мог быть создан птицами или рыбами. В любом случае необходимо наличие у них чего-то вроде рук.

— Или щупальцев.— Ямамура кивнул в сторону ближайшего помещения. Оно было залито тускло-красным освещением. Видны были несколько существ, черного цвета, непрерывно движущихся. У них были квадратные тела на четырех лапах, из этих тел возвышались вторые, покрытые костным панцирем. Все это было похоже на кентавра. Под безлицыми головами было расположено шесть тонких липких рук, разделенных по три. Две руки оканчивались бескостными, но, вероятно, сильными пальцами.— Подозреваю, что это и есть наши застенчивые друзья,— сказал Ямамура.— Если это так, у нас будет достаточно времени... Они дышат водородом под большим давлением и с утроенной гравитацией, температура же внутри около 70 градусов ниже нуля.

— Они единственные, кто находится в таких условиях? — спросил Торранс.

Ямамура пристально посмотрел на него.

— Понимаю, что вы имеете в виду, капитан. Нет, не единственные, я обнаружил три помещения с аналогичными условиями. Но в них, несомненно, животные: змеи и тому подобные, они не могли построить корабль.

— Но ведь эти лошади-осьминоги не могут быть экипажем,— робко сказала Джерри.— Экипаж собирал животных с других планет, зачем им свои животные?

— Они могут тут быть,— сказал ван Рийн.— У нас на «Гебе» есть кот и несколько попугаев. Или можно предпо-

ложить, что существует несколько планет с водородной атмосферой и аналогичными условиями. Ведь существует Фрейя, Земля и другие планеты с кислородной атмосферой. Это ничего не доказывает.— Он повернулся к Ямамуре, как огромный вращающийся глобус.— Но послушайте, если экипаж выпустил наружу весь воздух перед вашим прибытием, почему бы не проверить их резервные танки? Если мы найдем там воздух, которым дышат эти засони...

— Я думал над этим,— сказал Ямамура.— И это было первым, что я приказал своим людям проверить. Они ничего не обнаружили. Да я и не надеялся, так как первое, что они обнаружили, была передвижная труба синтезатора. Я думаю, что синтезатор способен восстанавливать воздух, утраченный ими. Экипаж, вероятно, выпустил весь воздух перед нашим прибытием.

— Когда мы уйдем, если только уйдем, они откроют дверь своего помещения и воздух выйдет наружу. Синтезатор камеры включится и восстановит воздух в корабле,— он вздохнул.— А может, им вполне подходят земные условия?

— Да,— сказал Торранс.— Думаю, что надо осмотреть все и поискать еще разумных хозяев корабля.

Ван Рийн покатился за ним.

— Какого типа разум у этих безмозглых чужаков? — ворчал он.— Почему они в первую очередь затеяли этот дурацкий маскарад?

— Это не так уж глупо,— сухо заметил Торранс.— Мы летим вместе с их кораблем и не знаем, как остановить его. Они рассчитывают, что мы улетим и оставим их в покое или же попадем в их домашний район... В любое время, что весьма вероятно, какой-нибудь военный корабль, или как там у них, обнаружит нас и приблизится узнать, что происходит.— Он замолчал перед очередным помещением.— Я поражен...

Здесь находилось животное, похожее на слона, но с более тонким строением, что указывало на более низкую, чем на Земле, гравитацию. Кожа его была зеленого цвета и покрыта редкой чешуей. А вдоль спины шла редкая полоса волос. Глаза, которыми животное смотрело на них, были встревоженными и загадочными. У него был совсем слоновый хобот, оканчивающийся кольцом псевдопальцев, которые могли быть не менее сильными и чувствительными, чем человеческие.

— Может ли существовать однорукая раса разумных? — пробормотал Торранс.— Так же, как и двурукая. Отсутствие второй руки компенсируется огромной силой. Этот хобот мог бы согнуть железный прут.

Ван Рийн нахмурился и прошел с молчанием мимо помещения с пернатыми копытными. Он остановился перед следующей клеткой.

— Посмотри на этих,— сказал он.— Что-то похожее есть и на Земле. Как же они называются? Квинтелла? Нет, горилла, или шимпанзе?

Торранс ощутил комок в горле. В двух соседних клетках

находилось по четыре обнадеживающих животных. Они были двуногими с короткими ногами и длинными руками. Стоя достигали почти двух метров высоты, а размах рук был не менее трех метров. Одно из них вполне могло управиться в одиночку с контрольной панелью. Запястья, толщиной в бедро человека, заканчивались пропорциональными пальцами, из которых четыре противостояли пятому, большому. Трехпалые ноги были предназначены для ходьбы, как и ноги человека. Тело было покрыто коричневой шерстью. Головы их были сравнительно невелики, остроконечны, имели массивные носы и крошечные сверкающие глаза, глубоко посаженные под густыми бровями. Пока они бесцельно бродили взад и вперед, Торранс заметил, что они были разделены на самцов и самок. В углах каждого помещения находились светильники, покрытые светофильтрами. Свет их был знакомым, желтовато-белым светом звезды типа Солнца. Он заставил себя сказать:

— Я не уверен. Эти мощные челюсти требуют соответствующих мускулов, которые должны прочно прикрепляться к черепу. Это соответственно уменьшает вместимость черепа.

— Предположим, что у них мозги в животах,— сказал ван Рийн.

— Что ж, у некоторых людей так и есть,— пробормотал Торранс. Когда торговец подавился, он поспешно добавил: — Нет, в самом деле, сэр, в это трудно поверить. Нервные связи будут слишком длинными и так далее. У всех животных с центральной нервной системой, которых я знаю, мозг находится вблизи органов чувств, а они обычно расположены на голове. Конечно же, малый размер мозга не говорит, что они неразумны. Их мозг может функционировать по-другому.

— Уксус и перец! — закричал ван Рийн.— Может! Может! Может!

Они продолжали двигаться мимо странных созданий, и ван Рийн сказал:

— Мы немногого добьемся, изучая их атмосферу и освещение. Спрятавшись, экипаж может немного изменить нормальные для себя условия без всякого вреда при этом. И гравитация может быть тоже немного изменена на 20—30 процентов.

— Я надеюсь, что они дышат кислородом, хотя... эй! — Торранс остановился. Через мгновение он понял, что показалось ему странным в нескольких животных в оранжевом свете. Они были покрыты хитиновой броней, похожей на военный шлем квадратной формы. Четыре короткие ноги, оканчивающиеся ступнями с острыми когтями, поддерживали их массивные тела. Ресницы были похожи на кустарники щупалец. В них не было ничего особенного, как в любом неземном животном, кроме двух глаз, глядевших их-под шлемов: глаза были огромными и человеческими — или как глаза осьминога.

— Черепахи,— фыркнул ван Рийн,— или броненосцы.

— Не повредит, если Джер... мисс Кофсед проверит и их условия,— сказал Торранс.

— Не понимаю, как они едят. Я не вижу никакого рта. Эти щупальца похожи на капиллярные присоски. Готов поклясться, что они паразиты, или переросшие пиявки, или что-то похожее на моих конкурентов. Идемте дальше.

— Что мы будем делать после того, как установим предположительно экипаж корабля? — спросил Торранс.— Постараемся связаться с каждым по очереди?

— От этого будет мало пользы. Они спрятались, потому что не хотят разговаривать с нами. Пока мы не докажем, что мы не Аддеркопы... Но трудно сказать, как это можно сделать.

— Подождите! В конце концов, почему они спрятались, если уже вступили в контакт с Аддеркопами? Ведь им тогда не поможет ничего.

— Я думал, что уже объяснил вам это, черт побери! — сказал ван Рийн.— Для удобства давайте назовем эту неизвестную расу иксянами. Итак, иксяне уже некоторое время странствовали в космосе, но космос велик, и они никогда не встречались с людьми. Затем появилась нация Аддеркопов в этом секторе, где никогда не было людей. Иксяне услышали об этой ужасной нации, тоже вышедшей в космос. Они приземлились на примитивных планетах, где высаживались Аддеркопы, разговаривали с туземцами, может быть, установили автоматические камеры там, где ожидались набеги Аддеркопов: может быть, издалека следили за их лагерем или захватили их одиночный корабль. Так они усвоили, как выглядят люди, но больше не поняли ничего. Они не хотят, чтобы люди узнали о них; поэтому остерегаются всяких контактов. Может, они еще не готовы к войне, не знаю. Торранс, вы должны доказать экипажу свои честные намерения, чтобы они доставили нас на Фрейю и доложили своим вождям, что не все люди похожи на этих грязных Аддеркопов. В ином случае мы, однажды проснувшись, можем обнаружить, что наши планеты атакованы иксянами и, прежде чем этой войне придет конец, мы потеряем биллионы кредитов! — Он потряс кулаками в воздухе и взревел, как раненый бык: — Наш долг предупредить это!

— Наш первый долг — вернуться живыми домой,— коротко ответил Торранс.— У меня там жена и дети.

— Тогда перестаньте глуповато поглядывать на Джерри. Я первым приметил ее...

Поиски продолжались. Четыре существа длиной с человека, похожие на гусениц с толстыми лапами, ползали в зеленоватом свете. Тела их были темно-синими, с пятнами серебра. Торс походил на кентавроподобных животных, но был более приземистым и имел две конечности. На них не было больших пальцев, но шесть пальцев, расположенных полукругом, могли заменить человеческую руку. Рука не доказывает разумность: на Земле, кроме обезьян, у некоторых рептилий и амфибий были такие же руки или даже лучше, чем у людей. Однако круглые плосколицые головы этих существ, большие яркие глаза под перьевыми антеннами неизвестного назначения, маленькие челюсти и тонкие губы выглядели многообещающими.

— Обещающими что? — подумал Торранс.

Трое земных суток спустя он торопливо шел по центральному коридору, направляясь к машинному отделению корабля иксян. Коридор представлял собой полуцилиндр, выложенный тем же резиноподобным пластиком, что и клетки, так что шаги были неслышны, а сорвавшееся слово не отдавалось эхом. Но все же стены издавали какую-то глубокую вибрацию, почти подсознательное гудение машин гиперпространства, несших их корабль сквозь тьму к неизвестной звезде и выдающих их присутствие любому охотнику на расстоянии не далее светового года. Светильники, установленные людьми, были далеко, и он шел сквозь полутьму. В коридор выходили помещения без дверей. Некоторые были полны снаряжения, и хоть форма большинства инструментов была странной, а содержание контейнеров совсем не известно, они внушали уверенность, что корабль этот не «Летучий голландец», что он обитаем. Однако некоторые помещения были необитаемыми и явно нежилыми. Их обнаженность заставила Торранса вздрогнуть. Нигде не осталось личных вещей экипажа. Книги — и филио, и микро — сохранились, но знаки их были совершенно не понятны. Пустые места на полках свидетельствовали, что все иллюстрированные книги были уничтожены. Можно было заметить и следы на стенах: там раньше висели картины. В личных каютах, в большом помещении, которое, по-видимому, служило кают-компанией, в машинном помещении, в мастерской — повсюду только крепления свидетельствовали, что тут была мебель. В стенах кают были устроены длинные низкие ниши и маленькие уютные углубления, но когда все постельные принадлежности брошены в раскаленный добела котел, как можно догадаться, каковы они были, эти постели... для кого они предназначены?.. Одежда, украшения, обеденная и кухонная посуда — все было уничтожено. Одно помещение, вероятно, было туалетом, но все принадлежности были оттуда убраны.. Другое могло служить для научных занятий, в частности для изучения пойманных животных, но там все было так опустошено, что ни один человек ничего бы не понял.

«Клянусь господом, ими стоит восхищаться!» — подумал Торранс. Захваченный существами, которых они имели все основания считать отвратительными чудовищами, чужаки не избрали легкий путь — атомный взрыв, который бы уничтожил оба корабля... Вероятно, они так бы и поступили, если бы их корабль не был зверинцем... Увидев в этом надежду на спасение, они ухватились за нее с невероятной смелостью, которой вряд ли смог достичь кто-либо из людей. Теперь они сидели где-то на виду, ожидая, пока чудовища уйдут или же пока их военный корабль не освободит их... Они не знали, что их захватчики не Аддеркопы, не знали и того, что вскоре этот сектор будет заполнен кораблями Аддеркопов: бандиты редко осмеливались так близко приближаться к Белгалле. В пределах имеющейся у них информации чужаки действовали вполне логично. Но сколько нервов это стоило? «Я хотел бы

найти их и подружиться с ними»,— подумал Торранс. Иксяне могли стать отличными напарниками землян. Или жителей Рамамунджана, или Фрейи, или всей Политехнической Лиги. Он криво усмехнулся. «Держу пари, их вряд ли можно легко надуть, как надеется на это старый Ник. Они сами его надуют. Хотел бы я это увидеть! Мои причины более личного порядка,— подумал он с вернувшимся к нему унынием.— Если мы не разберемся с этими существами как можно быстрее, не будет ни нас, ни их. И именно с к о р о. Хорошо, если у нас есть еще три-четыре дня отсрочки».

Коридор оканчивался лестничной площадкой, с которой в обе стороны две двери вели направо и налево. Одна из дверей шла в машинное отделение, и Торранс это знал. За ней ядерный конвертор питал энергией все системы корабля; гравитационный и гиперпространственный принцип, по которому он действовал, был ему знаком, но большинство машин были загадками в металле и пластмассе. Он открыл вторую дверь в мастерскую. Большую часть оборудования, несмотря на разрушение, можно было идентифицировать: токарный станок, сверлильный, осциллограф и кристаллический тестер. Ямамура сидел за импровизированным верстаком и спаивал части электронной аппаратуры. Рядом с ним стояло несколько приборов. Лицо Ямамуры осунулось и руки дрожали. Он работал непрерывно, лишь стимуляторы не давали ему уснуть. Когда пришел Торранс, Ямамура разговаривал со связистом Бетанкуром. Весь экипаж «Гебы» под руководством Ямамуры пытался разгадать загадку иксян, изучая их корабль.

— Я обнаружил основное электрическое оборудование, сэр,— говорил связист.— Они не пользовались энергией конвертора непосредственно, как мы. Очевидно, их методы поглощения отличаются от наших. Они используют трансформаторы и получают переменный ток. Там же, где нужен постоянный ток, они пропускают переменный через ряд пластин, по виду похожих на окись меди. Они обнажены. Покрыты лишь защитным экраном, но поскольку через них проходит ток большого напряжения, они слишком горячи и взглянуть на них поближе нельзя. Все это мне кажется довольно примитивным.

— Или просто отличным от наших методов,— вздохнул Ямамура.— Мы используем конвертор на легких элементах. Его преимущество в том, что он дает ток непосредственно. Они могли использовать другой метод — на тяжелых элементах, требующих гораздо меньшей очистки. Я вспоминаю: на Земле когда-то пытались сделать это, но отказались — непрактично. Но может, иксяне лучшие инженеры, чем мы. Такая система конвертора имеет свои плюсы, не говоря о том, что нужно очищать горючее. Для корабля, странствующего среди неисследованных планет, это большое преимущество. Может, оно покрывает недостатки их системы. Мы просто не знаем.— Покачивая головой, он смотрел на провода в своих руках.— Мы чертовски мало знаем,— сказал он и добавил, увидев Торранса: — Ладно, продолжайте, фримен Бетанкур. И помните: торопись медленно.

— Из боязни повредить корабль? — спросил Торранс.

Ямамура кивнул.

— Иксяне должны были сообразить, что у такого маленького корабля, как наш, не хватит мощности, чтобы тащить в гиперпространстве их корабль,— сказал он.— Они поэтому могли решить, что мы не станем тащить их с собой. Они могли расставить в своих механизмах мины-ловушки. Мы должны быть предельно осторожны.

— Это держит экипаж в напряжении.

— Так даже лучше. Гм... что ж, сэр, я подготовил основную аппаратуру.— Так как Торранс ничего не сказал, он пояснил: — Я приспособил аппаратуру для исследования этих существ. Особенно тех, кто дышит водородом.

Торранс покачал головой.

— Начнем с тех, кто дышит кислородом. В сущности, они живут в условиях, настолько близких к нашим, что мы можем просто войти к ним в клетку. Я имею в виду гориллоидов. Так мы с Джерри их назвали. Это поросшие шерстью двухметровые двуногие с обезьяньими лицами.

Ямамура состроил обезьяньс лицо.

— Такие мощные звери. Проявили ли они хоть след разумности?

— Нет. Но разве мы ожидали, что иксяне сделают подобное? Мы с Джерри множество раз проходили мимо клеток со всевозможными животными, делая им знаки, рисовали картинки, делали все, что могли придумать, стараясь объяснить им, что мы не Аддеркопы, что нас самих преследуют Аддеркопы. Конечно, ничего не вышло. Все животные хоть как-то реагируют на наше присутствие, кроме гориллоидов... впрочем, это ничего не доказывает.

— Но каких животных вы еще имеете в виду? Я был занят все это время.

— Ну, мы их называем тигровыми обезьянами, потом кентавры со щупальцами, элефантоид, зверьки в шлемах и гусеницы. Эти последние ползают, я знаю. Тигровые обезьяны и зверьки в шлемах вряд ли подойдут, и элефантоид тоже. Только у гориллоидов подходящий размер и отлично устроенные руки, к тому же они дышат кислородом, поэтому мы можем начать с них. Следующие по вероятности, я думаю, гусеницы и кентавры со щупальцами. Но гусеницы, хотя они и дышат кислородом, привыкли к высокой гравитации, их атмосфера под давлением будет действовать на нас как наркотик. Кентавры со щупальцами дышат водородом. И в том, и другом случаях придется работать в скафандрах.

— Эти гориллоиды не очень-то добродушно выглядят.— Торранс взглянул на верстак.— Что вы, собственно, собираетесь делать? — спросил он.— Я был слишком занят своими делами, чтобы узнать ваш план в деталях.

— Я приспособил некоторые медицинские приборы,— сказал Ямамура.— Например, офтальмоскоп: на большинстве частей их механизмов есть знаки, кроме того используется свет, так что

иксяне должны иметь глаза, не худшие, чем наши. Затем, есть прибор, прослеживающий нервные пути. Он проецирует все данные на этот экран, так что мы сможем увидеть уменьшенное изображение всей нервной системы проверяемого. Сопоставляя эту картину с общей анатомией тела, мы сумеем определить симпатическую и парасимпатическую системы, или их эквиваленты... я надеюсь. А также мозг. А уровень развития мозга определяется уровнем развития всей нервной системы На мне это сработало. Сработает ли на другом существе, да еще не дышащем кислородом, не знаю. Попробуем.

— Да, мы можем только постараться,— устало подтвердил Торранс.

— Полагаю, Старый Ник ходит и думает,— сказал Ямамура.— Я давно его не видел.

— Он не хотел помогать мне и Джерри,— сказал Торранс.— Сказал, что наши попытки установить иксян будут тщетными, пока мы не докажем иксянам, что знаем, кто они, и то после того, добавил он, когда единственным приемлемым языком будет жестикуляция пистолетом.

— Вероятно, он прав.

— Он не прав! Логически — возможно, но не психологически... или морально. Он сидит в своей каюте с батареей бутылок и ящиком сигарет. Кок, помогавший вашим людям, был вызван на яхту — готовить ему гурманские обеды. Можно подумать, что его не беспокоит возможность в любую минуту взорваться!

Он вспомнил присягу, свое официальное положение, и... Сейчас, на краю гибели, это казалось бессмысленным. Но привычка оказалась сильнее. Он сглотнул и резко сказал:

— Мне очень жаль. Прошу забыть сказанное мной. Когда вы будете готовы, фримен Ямамура, мы испытаем гориллоидов.

Шестеро мужчин и Джерри стояли в коридоре с бластерами наготове. Торранс горячо надеялся, что им не придется стрелять. Он махнул рукой четверым, стоявшим в коридоре за его спиной.

— Порядок, парни!

Облизал губы, сердце его колотилось. Быть капитаном и Мастером Ложи приятно, но наступает момент, когда за привилегии приходится платить. Он повернул наружное колесо механизма люка. Загудел мотор, дверь отворилась, он прошел в клетку гориллоидов. Разница в давлении была незначительной, и он не ощущал беспокойства. Но попав в поле гравитации, лишь на одну десятую меньше земной, он ощутил удар: ведь все это время он находился в поле тяготения в четверть g. Он пошатнулся, чуть не упав, вдохнув теплый воздух, полный незнакомых запахов. Привалясь к стене, он смотрел на четверых двуногих. Их покрытые шерстью коричневые тела казались невероятно высокими, они вздымались ввысь, к грубым лицам и крупным чертам. Глаза, прикрытые густыми бровями, смотрели на него. Он нащупал рукой пистолет-парализатор. Он не хотел стрелять, вовсе нет. Нельзя было предсказать, как подействует на

чужую нервную систему ультразвук. А если это действительно были члены экипажа, худшее, что он мог сделать,— это причинить вред кому-нибудь из них. Но он чувствовал себя таким маленьким и хрупким. А рубчатая рукоятка пистолета внушала уверенность. Самец заревел — рев вырвался из глубины его груди — и двинулся вперед. Его заостренная голова приближалась, странные щели на шее приоткрывались и закрывались, как сосущие рты. Губы поднялись, обнажая белые зубы. Торранс отступил в угол.

— Я постараюсь отвести этого от остальных,— тихо сказал он.— Тогда берите его.

— Понятно,— сказал один из космонавтов, разматывая аркан. За ним остальные трое расправляли сеть, сплетенную по этому случаю.

Гориллоид остановился. Крикнула самка. Самец, казалось, получил от нее указания. Он жестом, удивительно похожим на человеческий, отослал остальных в сторону и направился к Торрансу. Капитан выхватил пистолет и трясущейся рукой навел его. Надежда на то, что ему удастся раскрыть маскарад, показалась ему смехотворной. Он отпрыгнул назад, к люку. Гориллоид последовал за ним с рычанием. Торранс двигался недостаточно быстро. Рука животного разорвала ему куртку и оставила кровавую царапину на груди. Он опустился на четвереньки, морщась от боли. В воздухе метнулся аркан. Пойманный за ноги гориллоид упал. Его падение сотрясло всю клетку.

— Берите его! Следите за руками! Так...

Торранс поднялся на ноги. За схваткой, в которой четверо мужчин старались связать ревущее и борющееся животное, он увидел остальных существ. Они столпились в противоположном углу, ревя басом. Помещение превратилось во внутренность барабана.

— Утащите его! — крикнул Торранс.— Пока не вмешались остальные.

Он вновь направил свой пистолет. Если они разумны, то должны понять, что это оружие. И все равно они могут напасть... Гориллоиду искусно связали руки, обмотали аркан вокруг могучего торса и закрепили скользящим узлом, а потом набросили сеть. Беспомощного в ее цепких ячейках, гориллоида потащили к выходу. Шаг за шагом подбирался второй самец. Торранс стоял неподвижно... Звериный вой и крики людей звучали вокруг него, в нем самом. Рана болела. Он с неестественной четкостью видел пасть, полную зубов, способных откусить ему голову, маленькие тупые глазки, красные от ярости, и руки такой же величины, как у человека, но покрытые шерстью.

— Все в порядке, капитан!

Гориллоид сделал выпад. Торранс кинулся в люк, гигант последовал за ним. Он вылетел в коридор и направил свой пистолет. Гориллоид остановился, задрожал, посмотрел вокруг с выражением, напоминающим замешательство, и отступил. Торранс закрыл люк. Потом с дрожью опустился на пол. Джерри склонилась над ним.

— Что с вами? О, вы ранены!

— Ничего страшного,— пробормотал он.— Дайте сигарету.

Она достала сигарету из кармашка и с удивительной живостью заговорила:

— Это всего лишь кровоподтек и глубокая царапина. Но лучше проверить тщательней и простерилизовать. Может попасть инфекция.

Он кивнул, но продолжал оставаться на месте, пока не докурил сигарету. Ниже по коридору люди Ямамуры привязывали гориллоида к металлической раме. Невредимый, но беспомощный, тот ревел и старался укусить инженера, приблизившегося к нему с оборудованием. Вернуть его в клетку будет не менее легко, чем извлечь оттуда. Торранс встал. Сквозь прозрачную стену он видел самку гориллоида, яростно разрывающую что-то на куски, и понял, что оставил в клетке свой тюрбан. Он вздохнул:

— Больше ничего нельзя сделать, пока Ямамура не вынесет свой приговор. Идемте, я хочу немного передохнуть.

— Вначале лазарет,— решительно сказала Джерри.

Она взяла его за руку, и они прошли входной зал, туннель и оказались в пониженном тяготении поля «Гебы», которое предпочитал ван Рийн. Они почти не разговаривали, пока Джерри помогла Торрансу снять куртку, смазала рану дезинфицирующим средством, которое жгло огнем, и перевязала ее. Потом она предложила ему выпить. Они пошли в кают-компанию. И к их удивлению и разочарованию Торранса, там был ван Рийн. Он сидел у столика, инкрустированного красным деревом, одетый в кружевную накидку и свой обычный саронг. В одной руке он держал бутылку, в другой сигару. Перед ним лежала папка с бумагами.

— А, это вы,— произнес он, взглянув на них.— Что случилось?

— Испытываем гориллоида.— Торранс упал в кресло. Так как стюард отправился на корабль чужаков в составе группы капитана, то Джерри пошла за напитками. Из соседнего помещения донесся ее вызывающий голос:

— Капитан Торранс чуть не погиб при этом. Может, вы в конце концов пойдете взглянуть, Ник?

— Что пользы глядеть, словно турист с глазами трески? — усмехнулся торговец.— Я не делаю тайны из того, что я уже слишком стар и жирен для охоты на этих обезьян. И у меня нет технических знаний, чтобы вертеть ручки приборов Ямамуры.— Он выпустил клуб дыма и благодушно добавил: — Это не моя работа. Я не специалист, у меня нет университетских дипломов, я учился в школе. Но я изучал науку, как заставлять людей работать на себя и как извлекать выгоду из их действий.

Торранс выдохнул, долго и медленно. Напряжение спало, и он почувствовал невероятную усталость.

— Что вы проверяете, сэр? — спросил он.

— Доклады специалистов о корабле иксян,— ответил ван Рийн.— Я приказал дать всем подробные отчеты обо всем, увиденном ими на корабле. Где-то в их отчетах может скры-

ваться ключ от этой загадки. И если гориллоиды не иксяне, то я не вижу иного способа исключить их из числа подозреваемых, кроме испытаний Ямамуры.

Торранс потер глаза.

— Они не очень вероятны,— сказал он.— Большинство найденных нами приборов управляются большими руками, но некоторые инструменты так малы, что... О, я понимаю, чужаки тоже были бы поражены разнообразием наших инструментов. Имеет ли смысл, что одна и та же раса использует и кузнечный молот, и гравировальную иглу?

Джерри вернулась с двумя порциями крепкого шотландского виски с содовой. Его взор следовал за ней. В обтягивающей блузке и короткой юбочке она была очень привлекательной. Она села ближе к нему, чем к ван Рийну, чьи глаза сузились. Однако торговец заговорил мягко.

— Я был бы рад, если бы вы перечислили мне всех возможных кандидатов в иксяне и сказали, почему вы так считаете. Я, конечно, тоже видел их, но мои мысли еще неясны, и, может быть, что-нибудь в ваших наблюдениях даст мне толчок.

Торранс кивнул.

— Что ж,— сказал он,— кентавры со щупальцами кажутся мне наиболее вероятными. Вы знаете, кого я имею в виду? Они живут в красном свете и при половинной гравитации. Неяркое солнце и низкая температура позволили их планете удержать водородную атмосферу: они дышат смесью водорода с азотом. Вы знаете, как они выглядят: тела носорога, торс с головой, прикрытой костяными пластинками, и щупальца с пальцами. Подобно гориллоидам, они достаточно велики, чтобы с легкостью пилотировать корабль. Все остальные дышат кислородом. Те, которых мы называем гусеницами,— длинные, многоногие существа сине-серебряного цвета, со специфическими руками и разумно выглядящим лицом, должно быть, с большой планеты. В их клетке утроенное тяготение, и это не может быть отвлекающим маневром. Не на такое долгое время. Если бы они привыкли к меньшему тяготению, их организм давно бы сдал. В их атмосфере кислород в смеси с азотом, а давление превышает земное в двенадцать раз. Температура высокая — около 50 градусов. Их планета по массе должна приближаться к Юпитеру, но находится так близко к звезде, что весь водород улетучился, и это делает их эволюцию весьма отличной от земной. Элефантоид живет на планете с гравитацией вдвое меньшей, чем земная. Он один в своей клетке, его хобот оканчивается пальцами. Он дышит воздухом, слишком разреженным для нас: это доказывает, что уровень гравитации в его клетке установлен правильно, это не обман.

Торранс сделал большой глоток.

— Остальные живут в условиях, близких к земным,— заключил он.— Поэтому я хотел бы того, чтобы иксяне оказались среди них. Но, к сожалению, за исключением гориллоидов, все они маловероятны. Зверюги в шлемах...

—Кто они? — спросил ван Рийн.

— О, вы должны помнить,— пояснила Джерри.— Восемь или девять существ, похожих на горбатых обезьян, немного больше вашей головы. Они ползают на когтистых лапах и помахивают нитеобразными щупальцами. С их помощью они всасывают пищу — жидкое вещество, которое синтезирует для них машина. У них нет ничего похожего на работоспособные руки — щупальцами можно делать только некоторые простейшие операции, но мы должны испытать их, так как глаза у них развиты лучше, чем это обычно бывает у паразитов.

— У паразитов не может развиваться интеллект,— сказал ван Рийн.— Надо установить, действительно ли они являются паразитами — в своем домашнем окружении,— и тогда их можно будет вычеркнуть. Кто еще?

— Тигровые обезьяны,— продолжил Торранс.— Это хищники, отдаленно напоминающие медведя. Большую часть времени они проводят на четвереньках, но иногда становятся на ноги, и у них есть руки. Неуклюжие, без больших пальцев, с рудиментами втягивающихся когтей, но зато все четыре конечности имеют ладони. Могут ли четыре руки — без больших пальцев — заменить две человеческие руки? Не знаю, я слишком устал, чтобы думать.

— И это все? — Ван Рийн поднес бутылку ко рту. Осушив ее, он откинулся, рыгнул и выпустил облако дыма через свой величественный нос.— Кого вы будете испытывать следующим, если гориллоиды не оправдают надежд?

— Я выбрала бы гусениц,— ответила Джерри,— несмотря на давление их атмосферы. Потом... о, кентавров со щупальцами. Потом, может быть...

— Глупый выбор! — Ван Рийн ударил кулаком о стол. Бутылка и стаканы подпрыгнули вверх.— Сколько времени понадобится, чтобы проверить всех? Часы? А сколько часов потребуется, чтобы приспособить аппаратуру для каждого испытания? Ямамура скоро упадет от истощения, а кем мы его сможем заменить? А Аддеркопы все ближе. У нас нет времени для этого метода! Если гориллоиды не окажутся иксянами, нас может выручить то... Мы должны изучить факты, имеющиеся в нашем распоряжении, и найти иксян.

— Давайте,— отозвался Торранс, осушая стакан.— А я пойду вздремну.

Ван Рийн покраснел.

— Правильно,— он фыркнул.— Будьте, как все остальные. Бездельничайте и играйте, танцуйте и пойте, развлекайтесь целыми днями, потому что здесь есть бедный старый Николас ван Рийн, он взвалит всю работу и беспокойство на себя. О дорогой святой Дисмас, почему ты не хочешь, чтобы кто-нибудь другой сделал в этом мире что-то полезное?

...Торранса разбудил Ямамура. Гориллоиды не были иксянами. Они были дальтониками и не могли управлять механизмами. Мозг их мал, по своей массе и сложности соответствует мозгу собаки. Торранс стоял в капитанской рубке и старался при-

выкнуть к мысли о своей обреченности. Космос никогда не казался ему таким прекрасным, как сейчас. Он не был хорошо знаком с местными созвездиями, но его тренированный глаз определил созвездия Персея, Возничего и Тельца, они находились в направлении Земли. Там же лежал Рамамунджан, где позолоченные города поднимались из тумана, чтобы поймать первый луч солнца, выходившего из-за Маунт Ганди. Можно было распознать и несколько отдаленных звезд: рубиновый Бетельгейзе и янтарная Спика — звезда пилотов, на которую он так часто смотрел в своих полетах. С другой стороны небо было покрыто мелкими морозными огнями звезд во тьме безоблачной и бесконечной. Млечный Путь опоясывал небо холодным серебром, зеленовато сверкали туманности, другие галактики развертывали свои спирали на краю видимости. Он меньше думал о планетах, на которые ступал, даже о своей собственной, чем об этой дали, ничем не ограниченной. Конец был близок. Взрыв будет таким быстрым, что не успеешь ничего почувствовать. Лучше уйти в чистоту этого взрыва, чем в подземные темницы Аддеркопов.

Он отбросил сигарету. Его рука ласково коснулась приборов управления. Он знал каждую кнопку и рукоятку так хорошо, как свои пальцы. Это был его корабль. Он совсем не походил на корабль чужаков, где огромная бессмысленная панель требовала в одно и то же время карлика и гиганта, где управление двигателя, если оно не закрыто особым ключом, включалось от легкого нажатия руки, где... Звук легких шагов заставил капитана обернуться. От неожиданности он весь напрягся. Когда же увидел, что это Джерри, он расслабился, но кровь продолжала биться в виски.

— Что же привело вас сюда? — спросил он, и голос его звучал мягче, чем он думал.

— О... то же, что и вас.— Она взглянула на экран. С того времени, как они захватили корабль чужаков, а может, он захватил их, красная звезда на носовом экране заметно выросла. Теперь она зловеще горела перед ними на расстоянии всего в один световой год. Джерри состроила гримасу и повернулась к ней спиной.— Ямамура переделывает аппаратуру,— промолвила девушка.— Наших знаний не хватает, чтобы помочь ему, а он уже шатается от усталости и бессонницы. Старый Ник в своей каюте курит и пьет. Он только что прикончил очередную бутылку и начал другую. Там так дымно, что я не могла выдержать. И он не говорит ни слова. Только иногда разговаривает с собой на каком-то малайском языке. Я этого не вынесу.

— Мы можем только ждать,— заметил Торранс.— Мы сделали все, что смогли. Теперь подождем испытания гусениц. Придется все это делать в скафандрах, в их собственной камере. Будем надеяться, что они не нападут на нас.— Он тяжело опустился на стул.

— К чему беспокоиться? — сказала Джерри.— Я знаю пояснение не хуже вас. Даже если гусеницы и есть иксяне, нам потребуется несколько дней, чтобы доказать это. Сомне-

ваюсь, осталось ли у нас для этого время. Если мы в течение двух дней не отправимся к Белгалле, нас обнаружат и уничтожат. Несомненно, если гусеницы окажутся тоже животными, у нас не останется времени для испытания третьего вида. К чему же тогда беспокоиться?

— Нам ничего не остается делать,— отозвался Торранс.

— Есть что делать! Не взвиваться так отвратительно и напрасно, как загнанные в угол крысы. Почему бы нам не признать, что мы обречены и провести оставшееся время... как подобает людям.

Удивленный, он перевел взгляд с экрана на нее.

— Что вы имеете в виду?

Руки ее взметнулись.

— Это зависит от того, что предпочитает каждый. Может быть, вам хочется привести в порядок свои мысли или что-нибудь подобное?

— А как насчет вас? — произнес он, чувствуя биение своего сердца.

— Я не мыслитель, — она печально отвернулась.— Боюсь, что я слишком легкомысленна. Я люблю радости жизни. Но я нигде не могу найти никого, кто бы наслаждался со мной вместе.

Он схватил ее за обнаженные плечи и повернул лицом к себе. Руки его ощутили бархат ее кожи.

— Вы уверены в этом? — грубо спросил он.

Она закрыла глаза и стояла, наклонив голову и полураскрыв губы. Он поцеловал ее, через секунду она ответила. В это мгновение на пороге появился Николас ван Рийн. Он стоял с трубкой в руке и с оружием на поясе и смотрел, пока трубка не выпала из его рук.

— Так! — заревел он.

— Ой! — взвизгнула Джерри.

Она освободилась. Волна гнева поднялась в Торрансе. Он сжал кулаки и шагнул к ван Рийну.

— Так! — повторил торговец. Переборки, казалось, дрожали от его голоса.— Проклятый уксус, я пришел вовремя. Хвост сатаны в мышеловке! Я просиживаю часы, напрягая свой мозг, чтобы спасти ваши бесполезные жизни, а вы, предательская смесь грязной змеи с сырым клещом, здесь заводите шашни с моей секретаршей, нанятой на мои кровные деньги! Химеры и дьяволы! На колени и просите прощения, или я раздавлю вас и превращу в собачий корм!

Торранс остановился в нескольких сантиметрах от ван Рийна. Он был чуть выше торговца, немного легче, но зато чуть ли не на тридцать лет моложе.

— Уходите! — сказал он резким голосом.

Ван Рийн побагровел. Он стоял неподвижно несколько секунд.

— Ладно, черт возьми,— наконец прошептал он.— Дьявол и смерть, он достаточно потрепал мне нервы.

Его левый кулак описал полукруг. Торранс уклонился,

еле удержавшись на ногах. Его левый кулак ударил торговца в живот, проделал короткий путь в жире, натолкнулся на тугой мускул и отскочил. Тогда ван Рийн пустил в ход правый кулак... Космос взорвался вокруг Торранса. Он взлетел в воздух, перевернулся, упал и остался лежать неподвижно. Когда к нему вернулось сознание, ван Рийн поддерживал его голову и протягивал бренди, который принесла испуганная Джерри.

— Ну вот, парень, успокойся. Маленький глоток бренди, а? Вот так получше. Ты потерял один зуб, вставь его на Фрейе. Можешь сделать это за счет компании. Это сделает тебя более счастливым, не так ли? А теперь, девочка Джерри, дай ему стимулирующую таблетку. Пошли к люку, парень. Вот так, встань на ноги. Тебе не следует пропускать эту забаву.

Одной рукой поддерживая Торранса, ван Рийн поставил его прямо. Капитан навалился на торговца, но скоро стимулирующая пилюля прогнала боль и головокружение. А потом сквозь разбитые губы он спросил:

— Что случилось? Что вы имеете в виду?

— Я знаю, кто такие иксяне. Я пришел за тобой, чтобы вместе вытащить их из клетки.— Ван Рийн подтолкнул Торранса большим пальцем и прошептал тихо, но грозно:— Не говори никому, иначе мне придется слишком часто драться, но я люблю пощекотать себе нервы, как сегодня. Когда будем дома, я думаю перевести тебя с яхты и поручить командовать торговым отрядом. Как тебе это нравится, а? Ну, идем, у нас много работы.

Торранс в замешательстве поплелся за ним. Когда они подошли к зоологическому трюму, ван Рийн подал знак космонавтам, стоявшим на страже, чтобы они не дали иксянам уйти. Они присоединились к торговцу, и их тяжелая поступь прошумела и замерла перед одним из люков.

— Эти? — удивился Торранс.— Но я... думал...

— Ты думал то, на что они и надеялись,— сказал ван Рийн.— Их схема была хорошо продумана. Она сработала бы где угодно, но только не у Николаса ван Рийна. Ну, а теперь зайдем и покажем им свое оружие. Надеюсь, этого будет достаточно. К тому же мы при помощи рисунков сумеем объяснить, как мы раскрыли их тайну. Тогда они отвезут нас к Белгалле, которую мы покажем им на астрономических картах, уже подготовленных капитаном Торрансом. Они будут выполнять все требования, как наши пленники. Но во время путешествия мы сможем установить общий язык и доказать им, что мы не Аддеркопы. Что мы хотим быть друзьями и торговать с ними. О'кей. Начинаем.

Он прошел через люк, схватил одного зверька в шлеме и вытащил его наружу. У Торранса не было времени ни на что, кроме своей работы. Вначале нужно было заделать пробоину в корабле чужаков после того, как продукты и оборудование были перенесены туда с «Гебы». Затем следовало направить яхту в противоположную сторону, через несколько часов ее конвертор взорвется, заставив Аддеркопов прекра-

тить на них охоту. Затем началось путешествие, и хотя иксяне вели корабль туда, куда было приказано, за ними все время нужно было следить, чтобы они не приняли самоубийственного решения. Каждую свободную минуту нужно было отдавать выработке общего языка. Торранс также должен был присматривать за своими людьми, успокаивать их страхи, следить по детектору, не появится ли вражеский корабль. Напряжение было постоянным. Иногда он засыпал. Поэтому у него не было времени подробно поговорить с ван Рийном. Он знал, что у торговца удачливая судьба, и решил ей довериться. Теперь Белгалла превратилась в небольшой желтый диск, затмевающий остальные звезды, к ним подошел патруль Лиги: им выделили эскорт, и они двигались на небольшой скорости к Фрейе. Командир патруля сообщил, что хочет побывать у них на борту. Торранс остановил его:

— Когда мы будем на орбите, фримен Агилин, я рад буду принять вас. Но теперь ваше присутствие внесет дезорганизацию... Вы поймете меня, я надеюсь.

Он выключил телескон чужаков, с которым научился обращаться.

— Пойду приведу себя в порядок. Не мылся с тех пор, как мы оставили яхту,— сказал он.— Продолжайте, фримен Лафар.— он поколебался.— И... гм... фримен Джунх-Варклахт.

Джунх что-то промычал. Он был слишком занят, чтобы разговаривать. Гориллоид сидел в кресле пилота, протягивая свои большие руки к приборам и направляя корабль по гиперболической орбите. Варклахт, зверек в шлеме, сидел у него на плече. У него не было голосовых связок, и он лишь помахал щупальцами, потом вытащил этими щупальцами ключ из отверстия. Остальные щупальца оставались погруженными в массивную шею гориллоида, получая питание от его кровеносной системы, посылая чувствительные импульсы в моторно-нервные команды искусного пилота корабля.

Вначале такое сочетание казалось Торрансу вампирическим. И хотя предки зверьков в шлемах действительно паразитировали на предках гориллоидов, сейчас это было не так. Они были симбионтами. Сами зверьки давали зоркие глаза и разум, а гориллоиды — силу и руки. Ни один из них не мог существовать без другого: в комбинации они составляли новый вид. Привыкнув к этой мысли, Торранс уже воспринимал зверька, взбирающегося на плечи гориллоида, примерно так же, как всадников на лошади в исторических картинах. А когда существа в костяных шлемах уяснили, что не все люди — их враги, они изменили к ним свое отношение. «Несомненно, они думают о тех новых любопытных породах животных, которые мы сможем продать для их зоопарка»,— подумал Торранс. Он шлепнул Варклахта по шлему, потрепал Джунха за шерсть и вышел из рубки. Обтирание губкой и свежая одежда сняли усталость. Он подумал, что лучше предупредить ван Рийна, и постучал в дверь его каюты.

— Войдите,— послышался бас. Торранс вошел в каюту,

синюю от дыма. Ван Рийн сидел перед пустой бутылкой бренди, одной рукой держал трубку, другой — Джерри, свернувшуюся у него на коленях.

— Садитесь, садитесь,— сердечно проревел он.— Где-то в углу есть еще недопитая бутылка.

— Я должен сообщить вам, сэр, что скоро на борту мы будем принимать капитана эскорта. Совсем скоро. Профессиональная вежливость. Он хочет взглянуть на икс... гм... на торгу-контанакх.

— Ладно, зови его на борт.— Ван Рийн нахмурился.— Только пусть захватит с собой бутылку и не остается слишком долго. Я хочу на Землю, я болен от космоса. Черт побери, я готов босиком бежать по мягкой земле Фрейи.

— Может, вы хотите переодеться? — намекнул Торранс.

— Ой! — взвизгнула Джерри и побежала к каюте, которую иногда посещала и где были ее вещи. Ван Рийн осмотрел свой саронг и скрестил волосатые ноги.

— Если этот капитан желает посмотреть на иксян, пусть смотрит на иксян. А мне так удобнее, и я так и останусь. Не хочу, чтобы он узнал, как я выяснил, кто такие иксяне. Это поможет мне в создании нового торгового синдиката. Понятно?

— Его глаза сузились и стали резкими. Торранс сглотнул.

— Да, сэр.

— Хорошо. Сиди, парень. Помоги мне привести мой корабль в порядок. У меня нет твоего образования. Я работаю с двенадцати лет и нуждаюсь в помощи, чтобы сделать свои слова такими элегантными, как и моя логика.

— Логика? — повторил Торранс удивленно. Он наклонил бутылку, главным образом потому, что дым стал есть ему глаза.— Я думал, вы угадали.

— Что? Ты меня так мало знаешь? Нет, и нет, черт побери! Николас ван Рийн никогда не гадает. Я знал.— Он дотянулся до бутылки, сделал величественный глоток и добавил: — Я понял это после того, как Ямамура установил, что гориллоиды не являются иксянами. Тогда я сел, напряг свой мозг и решил все рассмотреть в целом. Видишь ли, я шел путем исключения. Элефантоида я отбросил сразу. Он был только один. В крайнем случае один пилот сможет вести корабль в космосе, но не приземляться и не отлавливать диких животных, заботиться о них, и так далее. А к тому же, если что-то испортится, он будет беспомощным.

Торранс кивнул:

— Я думал об этом с точки зрения космонавта. На этом основании я тоже был склонен исключить элефантоида. Но должен признаться, я не подумал о том, что собирание зверей не под силу космонавту.

— К тому же он был слишком велик,— заметил ван Рийн.— Что же касается тигровых обезьян, то я, как и ты, никогда не принимал их всерьез. Может быть, их предки были меньшими по размеру и более приспособленными к прямохождению,

но потомки их вернулись к передвижению на четырех ногах. Разумное существо не может быть так специализировано. Маленький мозг, внешность хищника, кошачьи когти, этого достаточно. Гусеницы казались подходящими, но лишь пока я не вспомнил, как легко вы включили двигатель. Этот тумблер, не будучи закреплен особым ключом, действовал настолько легко, что включился бы от своего веса при утроенном тяготении... или, во всяком случае, всегда сохранялась опасность, что он включится. А вспомните полку, которую вы так легко погнули. На планете с утроенной гравитацией не может быть таких непрочных вещей. Оставались кентавры со щупальцами, — продолжал он.— Это было плохо для нас, ибо смесь водорода с кислородом взрывается. Я внимательно читал отчеты специалистов, надеясь, что обнаружу что-нибудь, что позволит исключить их, и, черт возьми, я нашел! Видите ли, у иксян были замедлители из окислов меди, выставленные на открытом воздухе. А окись меди и водород под действием не очень высокой температуры, возникающей при прохождении тока, разлагаются на воду и чистую медь. Пуф, и нет замедлителей. Следовательно, корабль построен не дышащими водородом существами.

Он улыбнулся.

— У тебя слишком высокое образование. Ты забыл школьный курс химии.

Торранс щелкнул пальцами и выругался про себя.

— Путем исключения мы пришли к этим зверькам в шлемах,— сказал ван Рийн.— Но не они были строителями корабля. Да, они могли держать некоторые инструменты, например, этот ключ, спрятанный на дне отверстия, но и только. И они были такими медлительными и маленькими. Как они могли выжить достаточно долго, чтобы построить космический корабль? К тому же у маленьких животных нет большого помещения для мозга. Ни одно бронированное животное, ни один паразит не имеют большого мозга. Но у них не бывает и хороших глаз. А между тем у этих существ в шлемах хорошие глаза, не хуже наших. Они похожи на человеческие глаза. Я вспомнил, что в их каютах есть большие и маленькие ложа. Может быть, койки для двух разновидностей спящих? И я подумал: не является ли череп человека чем-то вроде черепахи с ее броней? А сам человек, может быть, паразит, ведь он питается за счет других. Во всяком случае, я таких людей знаю. Возьмите, например, Джуана Харлемана из Венецианской компании чая и кофе. Но не меня. Так я узнал то, что требовалось доказать,— самодовольно закончил ван Рийн.

Охрипнув от такой длинной речи, он схватился за бутылку. Торранс посидел еще немного, но так как торговец не склонен был продолжать разговор, он встал и вышел. Джерри встретила его у входа. В платье с глубоким декольте и длинным разрезом, сверкающем, как лакированное, она была ошеломляюща. Торранс запнулся. Но ее взгляд скользнул мимо него, как будто его и не было.

— Шуба из морского котика,— пробормотал сонно ван Рийн.— Марсианские огненные жемчуга. Квартира в Звездном городе.

Она прижалась к нему и провела рукой по его волосам.

— Вам удобно, Ники, дорогой? — проворковала она.— Я могу для вас что-нибудь сделать?

Ван Рийн подмигнул Торрансу:

— Тебя ждут в рулевой рубке. Ты не так стар, толст и одинок, как я: у тебя есть семья.

— Гм... да,— ответил Торранс.— Вы правы.— Он закрыл за собой дверь и вернулся в рулевую рубку.

Стало трюизмом, что структура общества определяется его технологией. Не в абсолютном смысле — совершенно различные культуры могут использовать одинаковые инструменты, но инструменты определяют возможности: без космических кораблей не может быть межзвездной торговли. Раса, привязанная к одной планете, обладающая высокими познаниями в технике — торговой и военной, неизбежно склоняется к коллективизму под тем или другим именем. Свободное предпринимательство нуждается в обширных просторах. Автоматизация сделала производство дешевым, а стоимость энергии неожиданно упала с изобретением протоновых конверторов. Управление гравитацией и овладение гиперпространством открыло галактику для эксплуатации. Эта эксплуатация служила также предохранительным клапаном: гражданин, считавший, что правительство слишком угнетает его, мог эмигрировать куда угодно — это обстоятельство усиливало либеральные планеты, их влияние, в свою очередь, сказывалось на уменьшении угнетения в других мирах. Межзвездные расстояния огромны, а каждая звездная раса имела свое представление о культуре, поэтому всеобщего союза не было. Не было и войн — войны стали слишком разрушительными, и обе стороны не имели шансов уцелеть. Никаких братских отношений между нациями не устанавливалось, но в целом равновесие было стабильным. И по-прежнему была велика потребность в товарах. Колонии нуждались в домашней роскоши, а домашние планеты — в колониальных товарах. Было предложение и у старых миров. В таких условиях быстро развивался звездный капитализм. Он был ограничен интересами, был вынужден образовывать союзы и делить сферы влияния. Могучие компании объединялись, чтобы уничтожить конкурентов, повысить цены и вообще производить лучшие товары. Правительства были ограничены своей планетной системой, они не могли контролировать звездных торговцев и отказались от этого.

Эгоизм — могущественная сила. Правительства, официально провозгласившие альтруизм, были разделены, в этих условиях Политехническая Лига стала суперправительством, раскинувшимся от Канопуса до Полярной Звезды и включавшим в себя множество рас. Это общество горизонтальной структуры стирало

политические культурные границы и проводило свою политику, заключая собственные договоры, строя базы, вело малые войны и больше способствовало распространению всеобщей цивилизации и установлению окончательного мира, чем все дипломаты Галактики. Но оно имело свои трудности — ПРИБЫЛЬ.

Джойс Девиссон проснулась, как будто ее что-то ударило. Свист повторился, достаточно сильный, чтобы через каменную кладку, металл и изоляцию проникнуть в ее барабанные перепонки.

Она села в темноте, пытаясь сообразить, что происходит. В последний раз она слышала этот дикий вой в Чебенде, и означало это, что два отряда дерутся друг с другом. Но потом она была спасена, посажена на флиттер, окружена вооруженными людьми, а проводником служил седой Старейший. То, что она видела и слышала потом, доносили до нее телекамеры, наблюдавшие за сверкающими ледяными полями внизу. Разукрашенные тигровыми полосами воины, убивавшие и умиравшие, были лишь фигурками на экране. Ей было жаль их, но в то же время они были не вполне реальными: она больше никогда не увидит их, эти атомы, исчезавшие потому, что исчезал их мир.

Но теперь этот свист был рядом. Этого не может быть! Прозвучал взрыв. Она слышала, как мелкие осколки падали на крышу, ее кровать зашаталась. Внезапно свист усилился, громче стали и сопровождающие его удары барабана, звяканье металла и грохот разбиваемых предметов. Атакующие, по-видимому, взорвали дверь машинной секции и ворвались внутрь. Но где они могли взять порох? Где же, как не в городе Кусулонго?

Значит, Старейшие решили, что людей лучше истребить. Страх смерти волной охватил Джойс. Волна прошла, оставив обиду и боль, как будто Джойс была ребенком, которого ударили без причины. Почему они так поступили с ней, ведь она пришла помочь им?

Топот ног звучал рядом с той частью купола, где были созданы земные условия. Туземцы восстали и явились с оружием в руках.

Она слышала свирепые вопли. Затем дальше, в машинной секции, началась схватка. Звенели мечи, томагавки ударялись о кости, гневно заговорил пистолет, который она дала Уулобу. Но ее отряд долго не продержится. Другого клана поблизости не было, а сами Старейшие никогда не принимали участия в сражениях. Но в оазисе были сотни мужчин Шанга, а в миссии находились едва ли две дюжины верных т'келанов. Хотя дверь машинной секции была пробита, проникнуть внутрь миссии все же было нелегко: она была прочно укреплена в соответствии с местными условиями. Но как только стена будет разрушена...

Джойс вскочила на ноги. По пути к платяному шкафу она дотронулась до выключателя: вспыхнул свет. Узкая загромож-

денная комната, так хорошо знакомая ей, казалась чужой в белом свете. «Это потому, что я испугана,— сообразила она.— Я проснулась в ожившем ночном кошмаре». Нервы и мускулы действовали помимо ее воли. Она натянула теплое платье и тяжелый верхний костюм. Надевая перчатки, она подсоединила их провода к электрической обогревательной сети, встроенной в костюм. Теперь специальные сапоги, резервуар с восстановителем воздуха, аккумулятор, пистолет и патроны, на плечи ее лег шлем, но лицевая пластинка его оставалась пока поднятой. Проверка воздушных замков, обогревательной системы, все. Условия снаружи на т'Кела смертельны. Температура в эту летнюю ночь в средних широтах составляет около 60 градусов ниже нуля по Цельсию. Давление азотной составляющей атмосферы на легкие действует как наркотик, и аммиак сжигает их. В воздухе нет водяных паров, которые может ощутить человек: воздух иссушает легкие. Любого из этих отличий от земных условий достаточно для того, чтобы постепенно убить человека. Поддержанный кислородной составляющей воздуха человек продержится несколько минут, а потом потеряет сознание.

К тому же тут были Шанга, занятые убийством людей и их помощников, и у них был порох, которым можно взорвать стены. Джойс повернулась. Остальные! Интеркома не было: две дюжины людей в куполе не нуждались в нем. Она постучала в дверь соседней комнаты. Ничего не произошло.

— Откройте, вы, идиот! —заорала она, стараясь перекричать голоса снаружи.— Выходите, мы можем уйти только этим путем.

Через дверь ей ответил хриплый бас:

— Как я могу открыть? Вы же сами закрылись, черт побери!

«Конечно, конечно»,— сообразила она. Испуг и нарастающий шум схватки мешали ей думать. Она закрыла дверь со своей стороны. Раньше, во время ее пребывания в миссии, в этом не было нужды. Но потом приземлился Николас ван Рийн, поселился рядом с ней, и ей хватило дня, чтобы отбиться от его медвежьих авансов... Она отодвинула защелку. Вкатился торговец. Подобно большинству эсперансиан, Джойс была высокой, но ему она доставала до шеи. Плечи его заполняли дверь, а огромный живот оттопыривал костюм. Обвешенный жизненными приспособлениями, он выглядел еще чудовищнее, чем когда накануне направлялся к куполу в кружевах и оборках. Большой крючковатый нос торчал из открытого шлема, принюхиваясь к запаху крови в воздухе.

— Ха! — крикнул он. Жирные черные локоны, как всегда, были заботливо завиты, смазанные чем-то усы и бородка торчали в стороны наподобие рогов.— Что за чертовщина, ад бы ее побрал, суматоха? Я считал, что этим туземцам можно доверять.

— Это другие... —.подавилась Джойс.— Идемте, нужно присоединиться к остальным.

Ван Рийн резко кивнул, так что его несколько подбородков

задрожали, и позволил ей вести себя. Личные каюты людской секции миссии выходили в общий коридор, и из каждой каюты дверь открывалась в коридор и в две соседние. Каюта Джойс находилась в конце последнего ряда, на противоположном конце коридора было машинное отделение. Незамужняя, любящая уединение, она сама выбрала эту каюту. Кают-компания находилась на противоположном конце купола. Выйдя из своей каюты, Джойс увидела, что двери остальных распахнуты. Закрытыми оставались лишь незанятые помещения, построенные специально для таких гостей, как ван Рийн и члены его отряда. Итак, все уже в кают-компании. Джойс побежала. Тяжелые шаги ван Рийна за ней создавали нечто вроде землетрясения. Гравитация на т'Кела была примерно такой, как на Земле и Эсперансе. «Единственное совпадающее условие»,— с отчаянием подумала Джойс. На мгновение перед ней мелькнули картины родной планеты, образовавшейся вокруг звезды, называемой Мир: поля спелой пшеницы и отдаленные синие горы, красно-золотой флаг независимого мира, взвивающийся к облачному мирному небу, и гордая мечта, которая создала их общину. За ее спиной послышался грохот. Пол под ногами задрожал. Она упала. Грохот повторился: раздался еще один взрыв. Третий же был самым сильным. Последовало сотрясение от сокрушительного удара. Хватаясь за пол, она перевернулась. Голова в шлеме болталась из стороны в сторону. Вкус крови во рту смешался с привкусом дыма. Она взглянула вдоль коридора, пытаясь разогнать тьму, смыкающуюся перед глазами. Стена в конце коридора рядом с ее комнатой была расколота. В полутьме двигались какие-то фигуры.

— Они взорвали стену,— тупо сказала она.

— Закройте шлем! — взревел ван Рийн. Он уже опустил лицевую пластинку. Усилитель донес до нее его голос, но какое-то оцепенение мешало ей двигаться и охватило ее мозг.

— Они взорвали стену,— повторила она. Это казалось слишком невероятным, чтобы быть правдой.

В проломе появился туземец. Он мог выдержать земной воздух и температуру некоторое время, если задержит дыхание. А вот т'келанская атмосфера под действием высокого давления уже врывалась в щель за ним. Приземистая обнаженная фигура застыла в напряжении, как и странный лук, который туземец держал в руках. Большие, с длинным разрезом глаза сверкали в свете ярких земных светильников. Эсперансианский техник выбежал из-за изгиба коридора.

— Джойс! — воскликнул он.— Фримен ван Рийн! Где...

В этот момент загудел лук. Заостренная стрела прорвала его костюм. Через мгновение воздух был полон стрел, копий, летящих из темноты. Джойс и ван Рийн продолжали лежать. Техник повернулся и убежал. Поношенный личный бластер ван Рийна разом прыгнул ему в руку. Лежа, он выстрелил, и огненный луч прорезал щель. Тени за ней исчезли, но крики и звон продолжали доноситься оттуда. Запах аммиака ударил в ноздри Джойс.

— Сифилис и чума! — взревел ван Рийн.— Может, вам нравится дышать этой вонью?— Он встал на колени и тщательно закрыл лицевую пластинку ее шлема. Его маленькие, черные, глубоко посаженные глаза внимательно оглядели ее.— Ну, ну, подбодритесь. Вы хорошенькая девушка с такой ладной фигуркой, только не надо так коротко стричь волосы. Но не будем терять времени.

Он потянул ее за плечо, поставил на ноги и повернул в сторону кают-компании, в то же время прикрывая бластером направление к пробоине.

— Уф, уф,— бормотал он.— Это не дело для бедного толстого старика, которому уж лучше сидеть в своей уютной конторе на Земле с сигарой и стаканом джина. Тем более, что эти проклятые крикуны, которым он собирался помочь, хотят убить его. Да, они хотят выколоть ему глаза. Но служащие всех торговых баз так глупы, что приходится бедному Николасу ван Рийну отправляться за сотни световых лет от дома искать новых возможностей для торговли. Иначе конкуренты, как бешеные волки, на клочки разорвут его компанию Специй и Спиртных напитков и заставят его на старости лет заниматься проституцией... Ох, ох.

Джойс затрясла головой, когда он поставил ее на ноги. Сознание вернулось к ней, ноги больше не дрожали. Дверь кают-компании была перед ней. Она нажала кнопку, но дверь не открывалась.

— Закрыто,— отчаялась девушка.

Ван Рийн так заколотил в дверь, что та задрожала.

— Откройте,— ревел он.— Гром и кости! Что это за шутки?!

Из-за поворота коридора выскочил туземец. Ван Рийн повернулся, но Джойс вовремя убрала его бластер.

— Нет, это Уулобу.

Т'келанец, по-видимому, истратил все патроны, так как в его руке был зажат томагавк. Три других туземца бежали за ним с поднятыми мечами и топорами. Их юбки были украшены гербом с кругом и квадратом — это был герб клана Шанга. Бластер ван Рийна выплюнул пламя. Один из туземцев упал, остальные повернули, собираясь бежать. Уулобу крикнул и метнул свой томагавк. Обсидиановое лезвие ударило шанга, и тот упал, обливаясь кровью. Но Уулобу потянул за веревку, связывающую его запястье и топор, вернул себе оружие и вновь метнул его. Ван Рийн повернулся к двери.

— Вы, искусанные термитами трусы, впустите нас.

Пока он ругался, Джойс сообразила, что могло произойти. Она начала стучать по его спине кулаком так сильно, как он стучал по двери, пока он не остановился и не обернулся.

— Они не оставили бы нас,— сказала она ему.— Но они, должно быть, решили, что мы убиты. Когда Карлос видел нас там, в коридоре, мы лежали на полу, а вокруг было столько стрел и копий... Их нет в кают-компании. Они закрыли дверь, чтобы удержать туземцев, и другим путем направились к космическим кораблям.

— Ах, да, да, возможно! Но что нам тогда делать? Прожечь дыру в двери, чтобы следовать за ними?

Уулобу заговорил на гортанном наречии района Кусулонго.

— Все наши убиты, небесная женщина. Сражение кончилось. Шум, который мы слышали,— это Шанга грабят миссию. Если они найдут нас, то забросают стрелами. Два пистолета не остановят их, но я думаю, что мы можем выбраться между железом, которое движется, и обогнем купол.

— Что он бормочет? — спросил ван Рийн.

Джойс перевела.

— Думаю, он прав,— добавила она.— Наша единственная возможность — уйти через машинную секцию. И лучше поторопиться.

— Да. Пусть он идет вперед. Вы будете прикрывать отступление.

Они двинулись в обратном направлении. Иней побелил стены и сделал пол скользким, так как водяные пары сконденсировались на т'келанском морозе. Брешь в машинной станции зияла, как огромная темная пасть. Вдали Джойс слышала треск, звон и возбужденные крики. Работа многих лет разлеталась на куски. «Почему?» — с болью спрашивала она и не находила ответа. Уулобу, видевший во тьме лучше спутников, первым ступил в брешь и стал проходить среди темных контуров механизмов. Здесь стояли средства передвижения: четыре наземных машины и множество флиттеров. Вдобавок длинное помещение было занято специальным оборудованием, которое использовали эсперансиане для спасения планеты. Большая часть оборудования обломками лежала на полу. Перед ними был прямоугольник тусклого света — выход наружу. Джойс двинулась туда. Ногой она задела какой-то упавший инструмент. Тот зазвенел. Мгновенно картина изменилась. Показалась дюжина теней. Они проскользнули вовнутрь и растаяли во тьме, прежде чем ван Рийн начал стрелять. Уулобу взвесил томагавк и достал нож.

— Теперь нам придется пробиваться с боем,— без сожаления сказал он.

— В атаку! — Ван Рийн побежал вперед.

Но несколько туземцев сомкнулись вокруг него. Металл и полированный камень блестели в темноте. Бластер землянина сверкнул огнем. Один из туземцев крикнул. Другой схватил ван Рийна за руку и попытался вырвать оружие. Ван Рийн старался освободиться. Туземец продолжал висеть у него на руке, хотя тот бросал его взад и вперед. Уулобу присоединился к дерущимся, нанося удары с хищной радостью. Джойс не могла оставаться в стороне. Она вытащила собственный пистолет, стреляющий пулями. В дуло что-то стукнуло. Зубы и глаза туземца сверкали в полутьме. Пролетело короткое копье, чуть не угодив ей в грудь. Но даже и теперь ей было трудно нажать на курок. Звук выстрела отдался в ее черепе. Затем на какое-то мгновение всюду воцарилось толкающееся, царапающееся, стреляющее, падающее и кричащее безумие. Вновь и вновь

Джойс слышала голос Уулобу — военный клич клана Авонго. Голос ван Рийна звучал как труба:

— Святой Дисмас да поможет нам! Падайте, паршивые собаки!

И вдруг все кончилось. Огнестрельное оружие сделало свое дело. Джойс лежала на полу, тяжело дыша, и слышала, как убегает последний шанга. Где-то стонал раненый воин, пока Уулобу не перерезал ему глотку.

— Вставайте,— приказал ван Рийн.— Некогда отдыхать!

Уулобу помог ей встать. Он был слишком низок, чтобы можно было опереться на него, но тут протянул руку ван Рийн. Они вышли через проход в ночь. Никакого ограждения не было — только купол и т'Кела. Наверху сверкали незнакомые созвездия. Взошла большая луна. Она была почти полная и бросала тусклый медный свет на равнину. На запад и на юг простиралась ровная степь, покрытая редкими кустиками, похожими на земную полынь: низкими, жилистыми, с серебристыми листьями. Прямо на север возвышалась черной стеной гора Кусулонго, вырисовывающаяся на фоне Млечного Пути. Город, скрытый ее вершиной, выдавал себя только очертаниями башен, похожих на зубы. Несколькими километрами восточнее бежала священная река Мангивола. Джойс могла различить красивые отблески на поверхности жидкого аммиака. Деревья оазиса, где расположились лагерем шанга, образовывали темное пятно. Холмы, уходившие к северу от Кусулонго, блестели ледяными вершинами.

— Внимание, быстрее! — прорычал ван Рийн нетерпеливо.— Если остальные думают, что мы мертвы, то они могут улететь без нас.

Они быстро, изнемогая от усталости, обогнули купол. Два суживающих к концам цилиндра блестели в свете луны — это были большие грузовые корабли миссии, рядом с ними роскошная яхта, на которой прилетел с Земли ван Рийн с помощниками. Несколько мертвых шанга лежали поблизости. Ночной ветер шевелил их меха. Очевидно, убегавшим пришлось сражаться. Трапы были убраны и люки задраены. Когда они приблизились к кораблям, рев двигателей усилился.

— Эй! — заревел ван Рийн.— Вы, тупоумные твари, подождите меня!

Яхта взлетела первой, унесясь в небо, подобно молнии. Воздушная волна отбросила ван Рийна. Затем поднялись грузовые корабли. Ван Рийн упал, перевернувшись, и прокатился несколько метров. Он приземлился с грохотом и остался лежать неподвижно. Джойс заторопилась к нему.

— Что с вами? — с тревогой спросила она. Он был отвратительным старым неотесанным человеком; но ее охватил ужас перед перспективой остаться одной.

— О-о-о! — простонал он.— Святой Дисмас, я подарил тебе новый цветной витраж в домашней часовне. Теперь, я думаю, лучше было бы разбить его.

Джойс взглянула вверх. Космические корабли, сверкнув, как звезды, исчезли.

— Они не увидели нас,— шепнула она.

— А я и не понял,— фыркнул ван Рийн.

К ним присоединился Уулобу.

— Шанга слышали шум,— сказал он.— Они придут сюда посмотреть и найдут нас. Нам нужно бежать.

Ван Рийн не нуждался в переводе. Осторожно ощупав себя, словно боясь потерять что-нибудь, он встал и двинулся назад к куполу.

— Возьмем флиттер? Нет! — решил он.

— Наземные машины имеют гораздо больший запас,— отметила Джойс.— Нам нужно будет продержаться, пока кто-нибудь не вернется.

— И все время эти искусанные паразитами туземцы будут на нас охотиться,— пробормотал ван Рийн.— Прекрасная перспектива.

— Мы пойдем на запад и найдем мое племя,— предложил Уулобу.— Я не знаю, где сейчас Авонго, но другие кланы орды Рокулало должны находиться между Узкой Землей и Бесплодными Землями.

Они вошли в машинную секцию. Джойс споткнулась о чье-то тело и вздрогнула. Неужели она действительно кого-нибудь убила? Наземные машины были длинными и прямоугольными: всего было восемь колес, причем задние на гусеницах. Аккумуляторы заряжены, их энергии должно хватить на многие тысячи километров по горным дорогам. Внутри были возобновители воздуха и запасы продовольствия для двух человек на шесть месяцев, койки, кухня и туалет, карты и навигационное оборудование, приемопередатчик. Все было здесь, так и должно быть, если вы собираетесь путешествовать на планете такого типа. Ван Рийн протиснулся через незапертую дверь и уселся на сиденье водителя. Джойс села рядом с ним. Уулобу вошел тоже, но у него закрывались глаза и дрожали усы, только Старейшим на т'Кела нравилось ездить на таких машинах. Но это не составляло затруднений, вспомнила Джойс. В полевых экспедициях, когда устанавливались земные условия внутри, проводники и охранники ездили на крыше машины, разговаривая с членами экипажа по интеркому. Так было покрыто много километров, сделано много открытий, планировалось спасти этот мир... А теперь? Рука ван Рийна, толщиной с бедро, осторожно дотрагивалась до приборов управления.

— В моей компании я использовал специалистов,— сказал он.— Я не похож на этих проходимцев, прошедших весь мир. Но иногда нам приходится... гм, заимствовать кое-что у конкурентов, поэтому я знаю, как... а!

Машина ожила. Они выбрались за дверь, и ван Рийн привел в действие воздушную подушку, чтобы не пользоваться колесами. Но их уже обнаружили. Четыре шанга выскочили из другой двери купола. «Там их не менее сотни»,— подумала Джойс. Ван Рийн оскалил зубы.

— Вы любите веселые игры? — спросил он у девушки и нажал включатель фар.

Луч света поймал воина, ошеломив его. Тот стоял неподвижно, четко вырисовываясь на темном фоне. Это был типичный т'келанец этой местности: расы на этой планете варьировались в разных местах, но не более, чем на Земле. Приземистая фигура около полутора метров ростом, она была приспособлена удерживать как можно больше жидкости, как и все живое на этой сухой планете. Ноги и руки были почти такими же, как и у человека, только с четырьмя пальцами, оканчивающимися толстыми синими ногтями. Шерсть, покрывавшая все тело, была ярко-оранжевая, с полосами черного цвета, на груди белый треугольник. Голова была круглой, с заостренными ушами и желтыми кошачьими глазами, с двумя мясистыми щупальцами на лбу, единственной ноздрей, пересекавшей широкий нос, с безгубым ртом, полным острых белых зубов. Этот воин держал в руке меч — заостренный рог игоидианга с деревянной ручкой — и круглый щит, расписанный цветами орды Ягола, к которой и принадлежал род Шанга.

— Бип-бип,— ван Рийн направил машину вперед.

Воин едва успел отскочить в сторону, остальные попытались напасть. Джойс мельком успела заметить одного, с костяным свистком во рту. Ягола никогда не издавали военных приказов, но были склонны к музыке. Несколько копий ударило в борт. Через мгновение машина была уже далеко, несясь со скоростью ста километров в час и волоча за собой хвост пыли, как комета.

— Куда теперь? — Ван Рийн колебался.— К тому́ городу в горах? Вы говорили, что там живут местные шишки.

— Старейшие? Нет! — воскликнула Джойс.— В этом, видимо, виноваты они.

— Ха! Почему?

— Не знаю, не знаю. Они были так надежны. Но теперь... Они это организовали, кроме них, никто не мог. У нас никогда не было врагов ни в одном клане. Как только мы выяснили их биохимию, мы синтезировали им медикаменты и... и помогали им — Джойс вдруг обнаружила, что почти кричит. Она сжала руками шлем и постаралась взять себя в руки.

— Ну, ну, все в порядке.— Ван Рийн потрепал ее по плечу.— Вы храбрая девушка и хорошенькая. Успокойтесь и будьте веселой!

Т'Кела совершает оборот вокруг своей оси за 30 часов и пару минут. Угол наклона оси составляет несколько градусов. Когда машина остановилась в ста километрах от купола, была ночь, и беглецы решили разбить лагерь. Уулобу вытащил спальный мешок, внутри машины установили земные условия, земляне сняли костюмы и растянулись на койках. Даже храп ван Рийна не мог разбудить Джойс. Поднял ее рассвет. Красное солнце, встающее на востоке, было похоже на угасающий уголь. Его видимый диаметр составлял половину диаметра Солнца, видимого с Земли, или Мира с Эсперансы, свет его был тусклым, густые тени лежали в каждой щели и углублении, а горизонт терялся во тьме. Небо было безоблачным, но к югу виднелись плюмажи пыльных бурь. Вокруг расстила-

лась голая степь, лишенная даже редкой растительности, видны были лишь булыжники, а на севере — сверкающие поля. Прилетел на кожаных крыльях, покрытых перьями, хищник, питающийся падалью.

Девушка села. Все тело ее болело. Воспоминание о случившемся заставило ее ощутить пустоту в груди. Она хотела бы снова забраться под одеяло и спать. Спать до тех пор, пока не придет спасение... если оно когда-нибудь придет. Джойс заставила себя встать, умыться, надеть брюки и блузку. Освежившись, она почувствовала голод. Вернулась в главное помещение и начала готовить завтрак. Запах кофе разбудил ван Рийна.

— А-ах! — согревшись в теплом белье, он не хотел двигаться, но протянул руку и схватил чашку.— Хорошая девочка.— Он подозрительно принюхался.— Но без бренди? После всех забот мне нудно бренди.

— Здесь нет спиртного,— выпалила она.

— Что? — некоторое время торговец мог только смотреть на нее. Челюсть его обвисла, усы задрожали.— Нечего выпить? — он был вне себя.— Почему, почему, почему, это же сверхнаглость! Кто отвечает за это? Клянусь дьяволом, я позабочусь, чтобы его выкинули из Лиги с волчьим билетом!

— У нас есть кофе, чай, молоко и фруктовые джусы,— сказала Джойс.— Воду будем получать из льда снаружи. Химические фильтры удалят из него аммиак и примеси. И никто не смеет брать с собой в экспедицию алкогольные напитки, фримен ван Рийн.

— Смеет, если он цивилизован. Посмотрю-ка я запасы продовольствия.— Он принялся рыться в ближайшем багажном отделении.— Сухое мясо, сухие овощи, сухое... Смерть и разрушение! — завопил он.— Ни одной банки икры? Вы хотите погубить меня?

— Скажите спасибо за то, что вы до сих пор живы.

— Но не в таких условиях... Ага, кое у кого нашлись мозги, чтобы положить сюда сигареты.

Ван Рийн разорвал несколько сигарет и набил табаком трубку, которую извлек из-за пазухи. Он раскурил ее. Джойс вдохнула дым и вернулась на кухню, гремя посудой больше, чем было необходимо. Сидя у откидного стола возле широкого окна, ван Рийн проталкивал в глотку овсяную кашу и смотрел на невзрачный пейзаж снаружи.

— Уф, что за ужасное место. Похоже на ад с потушенными печами. Как давно вы здесь?

— Около года. Работала в качестве биотехника.— Она решила, что лучше угождать ему.— Конечно, эсперанская миссия работает здесь уже несколько лет.

— Да, я знаю. Хотя я не очень представляю эту работу. Я здесь всего несколько дней, как вы помните. А любая планета так велика и сложна, что понять ее за короткий срок невозможно. К тому же у меня было немало своей работы.

— Я очень удивилась, когда вы прилетели. Вы занимаетесь

специями и алкоголем — верно? Но здесь нет ничего, что понравилось бы человеку. Мы не можем усвоить протеины и некоторые другие биохимические компоненты — они для нас не опасны, но в них не хватает необходимых для нас веществ, например, некоторых аминокислот, и они отвратительны на вкус.

— Моя компания торгует и с нелюдьми,— объяснил ван Рийн.— Сравнительно недавно один наш работник раскопал доклад об экспедиции, обнаружившей эту планету пятнадцать лет назад. Эта Галактика так велика, что никто не может уследить за всем тем, что в ней происходит. Мы часто отстаем от событий. Так вот, в этом докладе упоминалось вино, которое производят туземцы.

— Да, к у н г у. Большинство кланов этого полушария делают его. Они выращивают ягоды и другое растение, дающее нить для волокна. Они вовсе не земледельцы. Раса хищников и кочевников, исключая Старейших. Но они засевают небольшое количество земли и спустя некоторое время возвращаются для сбора урожая.

— Ну, вот, как вы знаете, первые исследователи этой планеты были с Троры. Трора похожа на т'Кела, хотя и не так отвратительна. Троряне решили, что к у н г у — деликатес. Они даже захватили с собой семена, но обнаружили, что из-за экологических причин это растение не приживается нигде, кроме своей планеты. Ага, подумал Николас ван Рийн, есть шанс завязать неплохую торговлю с Тропой. Так как не нашлось подходящего человека на Земле, которому можно доверять, пришлось мне отправиться самому. О, как горько быть таким одиноким! — заговорил ван Рийн с пафосом. Его волосатая рука протянулась над столом и легла на руку Джойс.

— Возвращается Уулобу,— воскликнула она и, высвободившись, вскочила на ноги. Как раз вовремя, подумала она.

Т'келанец вприпрыжку бежал по равнине, убитое им небольшое животное свисало с плеча. Он был одет не так, как шанга: на нем было ожерелье из окаменевших раковин и свободная тканая юбка с гербом клана Авонго орды Рокулало. Кожаная сумка на поясе была полна жидкости.

— Он разыскал источник аммиака,— заговорила Джойс, так как ван Рийн встал из-за стола и собирался, обогнув его, подойти к ней.— Вы знаете, для этого они используют щупальца на лбу. Они чувствительны к минимальному количеству паров аммиака. Этот мир слишком сух. Огромное количество замерзшей воды, конечно. Везде на этой планете вы найдете лед. Часто он тянется на сотни квадратных километров. Понимаете, максимальная температура здесь — сорок градусов мороза. Но лед непригоден для местной жизни. Наоборот, именно лед убивает этот мир.

Ван Рийн хмыкнул и повернулся к окну. Уулобу добежал до машины и сообщил в интерком:

Небесная женщина, я обнаружил следы охотников, ведущие на запад, к Лубамбару. Это могут быть только Рокулало. Думаю, мы легко отыщем их. Я раздобыл мяса и утолил жажду.

Уулобу начал собирать хворост для костра.

— Что он сказал? — спросил ван Рийн. Она перевела.— Какая нам польза заключать союз с варварами? Нам нужно лишь дождаться освобождения.

— Если оно придет,— вздохнула Джойс.— Когда об этом станет известно на Эсперансе, сюда пришлют экспедицию, чтобы на месте выяснить причину происшествия. Но они же не знают, что мы живы, и могут не торопиться.

— Мои люди поторопятся,— заверил ее ван Рийн.— Я кое-что значу в Политехнической Лиге, черт побери! Как только на Земле получат известие, оттуда вылетит военный корабль с полным вооружением. Не более месяца.

— О, прекрасно,— Джойс успокоилась и снова села.

Ван Рийн продолжал размышлять:

— Конечно, они не могут обыскать всю планету. Они знают, что я в районе этого проклятого Кусулонго, и приземлятся здесь. Я думаю, что эти престарелые, или Старцы, или как вы их там называете, достаточно разбираются в космических делах, чтобы ввести экипаж в заблуждение какой-нибудь правдоподобной историей, если мы не сможем сами связаться с ними. Поэтому... мы должны остаться здесь, в пределах досягаемости радио. А это расстояние на планете красного карлика невелико, здесь особые характеристики ионосферы. Но мы не можем приближаться к врагам, иначе они начнут за нами охотиться. И они могут устраивать ловушки, бросать бомбы или что-нибудь... так или иначе, но они сумеют убить нас даже внутри машины. Следовательно, мы должны быть готовы к отражению нападения в соседстве Кусулонго. Вы правы, мы должны отправиться на поиски друзей ваших людей.

— Но вы не можете заставить их воевать с людьми их расы? — запротестовала Джойс.

Ван Рийн подкрутил усы.

— Это еще почему?

— Не знаю... мне кажется... если даже вам это удастся, то это будет безнравственно.

— Гм... — он некоторое время разглядывал ее.— Вы, эсперансиане, идеалисты, я слышал. Ваши предки высадились на планете, чтобы создать идеалистическую коммуну, и вы продолжаете их дело, несмотря на грубую реальность, да? Ваша миссия помощи этой планете не рассчитана на прибыль. Это ваше стремление приносить добро...

— Это наша межзвездная политика,— согласилась Джойс с чувством гордости за свою культуру.— Помогая другим расам, мы получаем взамен их доброе отношение и постепенно убеждаем их смотреть на мир по-нашему. Если у Эсперансы будет много друзей, мы станем сильны, неподвластны чужому влиянию и свободны от необходимости содержать армию.

— Из того, что я видел здесь, можно сделать вывод, что вряд ли вы найдете своих последователей на т'Кела.

— Да... вы правы... они настоящие хищники. Но и человек начинал как хищный примат, верно? И т'келанцы в этой мест-

ности развили однажды земледельческую культуру несколько тысячелетий назад. Выращивались злаки и корм для мясных животных. Город Кусулонго — остаток этой культуры. Ледяной век уничтожил все это, оставив дикость и варварство. Но если им создать нужные условия, я уверена, автохтоны восстановят ее. У них никогда не было наций в нашем смысле. Они не очень общественны. Но они могут установить у себя порядок при помощи заимствованной машинной технологии.

— Из того, что вы мне рассказали, ясно, что эти змеи, сидящие на четвереньках, пожалуй, не хотят этого.

Джойс промолчала, пытаясь представить себе, как змеи могут сидеть на четвереньках, потом кивнула:

— Вероятно. Но я не могу понять, почему. Старейшие всегда были нам так полезны.

— Наверное, у них есть причины. Что ж, попробуем все выяснить.

— Ну... может быть... но как...

Ван Рийн погладил ее по голове.

— Оставьте философию мне, девочка,— самоуверенно изрек он.— Вам нужно только готовить еду и оставаться хорошенькой.

Уулобу разжег костер и бросил в него глаза своей добычи. Его молитва мрачно звучала, проникая сквозь стены машины. Ван Рийн щелкнул языком.

— Не очень перспективное положение. Вы цивилизуете их, если сможете. Но я предпочел бы, чтобы их копья, брошенные в машину, не имели наконечников из закаленной стали.— Он вновь разжег трубку и сел рядом с Джойс.— Я хотел бы разобраться в ситуации. Объясните. Кое-что я слышал, но не вредно повторить.— Он потрепал ее по колену.— К тому же, пока вы будете говорить, я буду наслаждаться зрелищем ваших губок.

Джойс встала, чтобы принести другую чашку кофе, и села подальше. Она принудила себя успокоиться.

— Что ж, я начну с того, что это не совсем обычная планета. Не физически, я имею в виду, что здесь нет отклонений от звезды-карлика типа М, на расстоянии от звезды в половину астрономической единицы и с массой планеты, на 40 процентов превышающей земную.

— Так много? Вероятно, низкая плотность и мало металлов.

— Да. Звезда очень старая. Она имела очень мало тяжелых атомов, когда образовались планеты. Собственное тяготение т'Келы 4,4. Здесь есть, конечно, некоторое количество меди и железа... Я уверена, вы знаете, что на таких планетах и жизнь развивается медленнее. Их солнце излучает так мало ультрафиолета, даже в период его вспышек, что первичным органическим веществам не хватает энергии для быстрых соединений. Тем не менее жизнь неизбежно возникает в океанах жидкого аммиака.

— Да. И обычно развивается путем фотосинтеза, исполь-

ующего аммиак и двуокись углерода для образования уг-еводорода и азота, которым дышат здесь живые существа.— Ван Рийн постучал по своему крутому лбу.— Кое-что сохранилось в этой старой башке. Но почему эволюция развивается десь не так, как на Троре?

— Никто не может сказать с уверенностью. Возможно, какие-о катализаторы. В любом случае, даже при таких низких температурах, как здесь, вся вода не замерзает, какой-то процент охраняется в океанах, входя составной частью в молекулу идроксила аммония. Клетки растений на т'Кела и на Троре меют аналог хлорофилла, который выполняет такую же рабо-у: связывает газообразную двуокись углерода и разлагает оду на углерод и свободный водород. Животные совершают ротивоположный процесс, почти как на Земле. Но вода, ко-орую они высвобождают, не выдыхается. Она остается в их канях, удерживаемая специальными молекулами. Когда орга-изм погибает и разлагается, вода возвращается к растениям. Во всех остальных мирах такого типа вода действует, как азот-ые органические вещества на планетах нашего типа.

— Но свободный кислород, выделяемый растениями, раз-агает аммиак.

— Да, это очень медленный процесс, главным образом пото-у, что твердый аммиак плотнее жидкого. Он опускается на но озер и океанов, которые защищают его от кислорода воз-уха. Конечно, всегда есть постепенная конвекция. Путем ряда оследовательных реакций аммиак и кислород дают азот и оду. Вода замерзает. Моря сокращаются, воздух становится еднее кислородом, пустыни растут. Так могло быть и на Троре. Но там установилось равновесие. Возникли бактерии, закреп-яющие азот, они и прекратили высыхание много миллионов ет назад. Так мне когда-то объясняли. Троре повезло. Она есколько больше т'Келы. Плотнее атмосфера, поэтому сохра-яется больше тепла. Парниковый эффект на таких планетах ависит от двуокиси углерода и аммиака. Несколько тысяч лет азад т'Кела прошла критическую точку. Было потеряно такое оличество аммиака, что парниковый эффект сразу перестал дей-твовать. Когда температура упала, все больше и больше аммиа-а замерзало и опускалось на дно, где он хорошо защищен от аяния. Это сделало изменение климата катастрофически вне-апным, температура упала так низко, что теперь и двуокись глерода сжижается или даже замерзает, по крайней мере, холодное время года. В атмосфере по-прежнему содержится акое-то количество паров, но их очень мало. Парниковый ффект выражен очень слабо. Растительная жизнь сильно по-традала, вы можете себе это представить. Растения здесь е могут обходиться без своих строительных материалов для каней — двуокиси углерода и аммиака. Вслед за раститель-ой замирает и животная жизнь. Очень быстро пространства, авные земным континентам, превратились в пустыни. Я гово-ила вам, что была уничтожена туземная сельскохозяйствен-ая культура. Хуже всего (мы узнали об этом из геологических

исследований), что погибли бактерии, фиксирующие азот. Полностью. Они не выдержали зимних температур, так что нет больше силы, поддерживающей равновесие окисления аммиака. С каждым годом пустыни т'Келы растут, а год здесь составляет шестнадцатую часть земного. Эволюция очень старалась приспособить жизнь к изменениям, но они произошли очень быстро. Мы считаем, что все высшие существа, в том числе туземцы, обречены на гибель. Через десять тысяч лет здесь вообще не будет жизни.

Хотя она давно это знала, собственный рассказ потряс Джойс. Наконец Ван Рийн мягко поинтересовался:

— Но у вас была программа спасения?

— О... о, да! Мы начали. Были завершены все исследования, и мы были уже готовы вызвать инженеров. Принципиальное решение, конечно, заключается в том, чтобы восстановить все фиксирующие азот бактерии. В наших лабораториях выведен чрезвычайно продуктивный штамм. Но чтобы выжить, он нуждается в изменении экологии, и это требует значительного изменения в химии почвы. Мы хотели растопить лед и электризовать воду. Кислород должен был высвобождаться прямо в атмосферу. Некоторое его количество пойдет на горение местного углеводорода. Т'Кела богата нефтью. Горение высвободит двуокись углерода, что усилит парниковый эффект. К химической энергии добавилась бы энергия атомных станций, что мы собирались построить: они должны были осуществлять электролиз воды.

— Большая работа,— констатировал ван Рийн.

— Огромная. Самый большой замысел, какой когда-либо стоял перед Эсперансой. Но план был разработан, и снаряжение готово. Мы знали, что сумеем осуществить его.

— Если туземцы не попробуют провести те же эксперименты над инженерами, как над обеденным блюдом.

— Да,— Джойс низко склонила светлую голову.— Это делает наш план невыполнимым. Нам нужно согласие их всех. Они должны объединиться, работать с нами по всей планете. А город Кусулонго распространяет свое влияние на четверть планеты! Что нам делать? Я думала, они наши друзья...

— Может, нам удастся собрать воинов и кое-что разузнать,— предложил ван Рийн.

Хотя местность была неровной, машина быстро продвигалась вперед. Примерно час спустя Уулобу крикнул что-то, с машины через верхнее смотровое окно они увидели, что он высунулся из-за ветрозащитного козырька и что-то указывает. Посмотрев в ту сторону, они увидели облако пыли в северной части горизонта, более широкое и длинное, чем на юге.

— Перегоняют животных,— сказал Уулобу.— Правь туда, небесный народ.

Джойс перевела, и ван Рийн повернул машину.

— Мне казалось, что они только охотники,— заметил он.— Там стадо?

— Люди орды экологически находятся посредине между монгольскими пастухами древности и американскими охотниками

на бизонов,— объяснила она.— Они полностью не одомашнили изиру или бамбало. Правда, раньше, до ледникового периода, они одолели это, но теперь земля не может прокормить такое количество питающихся зеленью животных. Орды контролируют миграции животных, отбирают слабых особей и защищают их от хищников.

— Гм-м-м, а что такое эти орды?

— Это трудно объяснить. Ни один человек не может до конца понять их. Не потому, что т'келанская психология непостижима. Но она все же не человеческая, а наша миссия была так занята сбором планетографических сведений, что у нас не нашлось времени на более тщательное психологическое исследование. Слова «прайд», «клан» и «орда» — это лишь грубый перевод туземных терминов — и не очень точный, я в этом уверена. Точно так же, как т'Кела — это произвольное название для всей планеты. Слово т'Кела на языке Кусулонго означает «эта земля».

— О'кей, не нужно забивать мой старый бедный мозг ненужными и очевидными сведениями. Главное я понял. Но послушайте, фриледи Девиссон... можно мне называть вас Джойс? — Ван Рийн добавил льстиво: — Мы с вами в одной лодке, выплывем или утонем вместе, хотя тут для этого нет воды, поэтому давайте будем друзьями, а? — Он потянулся к ней.— Называйте меня Ники.

Она отодвинулась.

— Я не могу запретить вам называть меня так, как вам угодно, фримен ван Рийн,— это было сказано самым холодным тоном.

— Ох-ох! Такая молодая и такая неприветливая! Но бедному старику придется в одиночестве переживать свое горе.— Ван Рийн вздохнул.— Кстати, почему здесь нет ни одного ящика пива? Всего один ящик — хоть на час или два я мог бы залить пожар в своем желудке. Разве это так много, я спрашиваю вас?

— Здесь нет пива.— Она сжала губы. Они двигались вперед в молчании.

Вскоре они настигли стадо изиру — горбатых и острохвостых, похожих на земных коров. Джойс по своим предыдущим наблюдениям оценила их число в несколько тысяч. При такой редкой растительности на почве они должны ежедневно преодолевать много километров.

Группа туземцев издали заметила машину и поскакала к ним. Они ехали на басаи, которые выглядели как большие приземистые антилопы, с мордой тапира и единственным длинным рогом. Туземцы были одеты так же, как и Уулобу, но вместо ожерелья из раковин у них были медальоны из кожи. Ван Рийн остановил машину. Туземцы подъехали. Оружие они держали наготове, луки их были натянуты, короткие копья подняты. Уулобу спрыгнул сверху и приблизился к ним, вытянув вперед руки.

— Счастья в охоте, силы, здоровья и потомства,— традиционно приветствовал он их.— Я сын Толы Уулобу, Авонго,

Рокулало, теперь сопровождаю небесный народ.

— Вижу,— холодно ответил старший — седой воин. Младший воин улыбнулся и особым образом взмахнул луком. Уулобу схватился за томагавк. Старший сделал примирительный жест, и Уулобу слегка расслабился.

Ван Рийн внимательно следил за этой сценой.

— Что они говорят? — спросил он.— И что значат эти глупости с оружием?

— Лучник сделал оскорбительное предложение Уулобу,— с несчастным видом объяснила Джойс.— Он предложил убрать оружие, прежде чем церемония окончится. Это свидетельствует о том, что Уулобу считают не очень достойным уважения.

— Ах так. Очень грубые люди. Нигде нет гарантированного мира, кроме как в своей орде. Но почему они так пренебрежительно относятся к Уулобу? Разве он не достоин уважения за службу у вас?

— Боюсь, что нет. Я спрашивала его об этом однажды. Это единственный т'келанец, которого я могу спрашивать о таких вещах.

— Да? Как это получилось?

— Из всех туземцев, что были в миссии, он самый близкий к нам. Видите ли, мы спасли его от ужасной смерти. Мы как раз приготовили лекарство для местной разновидности столбняка, когда он заболел. Поэтому и чувствует благодарность к нам. В отношении туземцев к тем, кто нам служит, есть примесь неуважения. Все наши помощники по тем или иным причинам бедны. Засуха убила всю дичь на их территории, или же их изгнали со своей земли, или что-то подобное.— Джойс закусила губу.— Они... да, они поклялись верности... по своим традициям... вы знаете, как храбро они сражались за нас. Но это было делом их чести. Уулобу — единственный т'келанец, испытывающий к нам что-то вроде привязанности.

— Черт побери, но у вас всех головы макрели! Следовало прежде всего начать исследование психологии. Эта глупая планетография могла подождать. Протухшие, провонявшие макрельи головы... — Ван Рийн потребовал дальнейшего перевода.

— Старшего зовут Ньяронга, он глава их прайда,— продолжала Джойс — остальные, конечно же, его сыновья. Они принадлежат к клану Гангу, орда та же, что у Уулобу,— Авонго. Формальности завершены, и они нас приглашают в их лагерь. Они по-своему гостеприимны, на свой манер... и после того, как проявлены честные намерения.

Всадники отъехали. Уулобу вернулся.

— Они должны спешить,— сказал он по интеркому.— Солнце вспыхнет сегодня, а укрытие еще далеко. Нам лучше следовать за ними на некотором расстоянии, чтобы не напугать животных, небесная женщина.

Он взобрался на машину. Джойс перевела его слова ван Рийну, и тот двинул машину вперед.

— Вы должны много рассказать мне,— решил торговец.—

Но начнем с того, почему туземцы так пренебрежительно относятся к тем, кто работал на вашей миссии?

— Что ж... Уулобу говорил мне, что все, кто приходит к нам, лишены земли. Они не удержали охотничьих территорий своих предков. Это приводит к резкому падению их в глазах окружающих, к утрате респектабельности. Далее он признался, очень смущенно, что престиж наших помощников очень страдает из-за того, что мы не позволяем им участвовать в схватках. Поэтому распространяется слух, что они трусы.

— Воинственная культура, а?

— Н-нет. Здесь парадокс. У них нет войн и даже кровной мести в нашем смысле. Стычки захватывают мало участников, но происходят постоянно. Я полагаю, это зависит от их политической организации. Или нет? Мы наблюдали то же самое в отдаленных частях т'Келы, в племенах, организованных по другому принципу, чем орды.

— Объясняя это, не будете ли вы так добры приготовить мне маленький сэндвич?

Джойс подавила раздражение и направилась к кухонному столу.

— Как я уже говорила, мы не проводили тщательных ксенографических исследований, даже местных. Но мы знаем, что основная общественная единица по всей планете одна и та же. Эту первичную организацию мы называем прайдом. Состав правда определяется отношением полов. На одного мужчину приходится три женщины. Вместе живут старший мужчина, его жены и дети до зрелого возраста. Все мужчины, а также женщины, не имеющие детей, участвуют в охоте, хотя только мужчины сражаются с другими т'келанцами. Маленькие... гм... дети помогают в работе по лагерю. То же делает и вдова отца главы прайда, если она есть. В такой прайд входит около 20 туземцев. Это максимальное количество, могущее прокормиться на территории, которую можно обойти пешком. Эта планета слишком пустынна.

— Да, я вижу. Т'Келанский прайд соответствует земной семье. Это универсальная единица, верно? Думаю, что большие единицы организованы по-другому, не так, как на земле.

— Да, наиболее отсталые дикари не имеют объединений больших, чем прайд, но общество Кусулонго (так мы называем этих туземцев, организованных в орды) — самое передовое в культурном отношении в северном полушарии — имеет более сложную в социальном отношении культуру. Десять или двадцать прайдов образуют то, что мы называем кланом. Эти туземцы все происходят от одного общего предка и контролируют большую территорию, по которой они бродят вслед за дикими стадами. Кланы в свою очередь объединяются в орды, каждая из которых собирается на ежегодное совещание в каком-нибудь традиционном оазисе. Там они совещаются, торгуют, заключают браки — юноши получают жен и образуют новые прайды, и там же они разрешают свои споры: судом и схваткой. Среди кланов часто происходят стычки, как из-за

вопросов чести, так и по практическим делам, например, из-за источников аммиака. Браки всегда заключаются внутри орды, у каждой орды своя одежда, обычаи, боги и т.д.

— Между ордами не бывает войн?

— Нет, если не считать ужасных стычек, которые происходят при переселении народов. Обычно, хотя среди отдельных представителей разных орд часто бывают схватки, между ордами нет организованных войн. Я думаю, у них просто нет излишков в экономике, чтобы содержать армию во время войны.

— М... м... Полагаю, что причина где-то глубже. Когда люди хотят воевать, они мало заботятся о том, каковы излишки. Сомневаюсь, чтобы в этом отношении т'келанцы отличались бы от людей. Возможно, здесь и лежит ключ от всей проблемы. Только нужно узнать, как им пользоваться.

— Ну,— сказала Джойс.— Старейшие тоже стремятся предотвратить войны. Среди прочего они разбирают большинство споров между ордами.

— Ах, да, эти парни на горе. Расскажите мне о них.

Джойс приготовила сэндвич и протянула его ван Рийну. Он с шумом принялся жевать. Она села и стала смотреть в окно: кустарники, булыжники, облако под тускло-красным светом, темная масса стада, бредущего впереди, всадники, поскакавшие назад, чтобы разнять дерущихся животных. Далеко впереди был виден Лубамбару — ледяной хребет, вершины которого сверкали на фоне тусклого неба. Сквозь гул мотора до Джойс доносились крики животных. Машина качалась и подпрыгивала: Джойс на себе ощущала все неровности почвы.

— Старейшие — это остатки прошлой цивилизации,— продолжила она.— Они уцепились за свой город и сохранили знания, что забыли все остальные. Их образ жизни не является естественным для т'келанцев. Я думаю, что прошло несколько тысячелетий, и на всем этом протяжении те, кому не нравился город, присоединились к кочевникам, а отдельные кочевники, которые считали город средоточением мудрости, селились в нем. Это привело к определенной генетической селекции. Старейшие отличаются по своей психологии. Они более скрытны... и умны, я так думаю.

— На что они живут? — спросил ван Рийн с набитым ртом.

— Они выполняют разные специальные обязанности и производят товары, за которые им платят. Они писцы, которые ведут записи, врачи, искусные металлурги, ткачи и изготовители пороха. Правда, порох они используют для фейерверков, хотя у них есть несколько пушек. Считается, что они владеют волшебством, главным образом потому, что они могут предсказать солнечные вспышки.

— И до вчерашнего дня они были настроены дружески?

— По-своему, конечно. Они должны были долго готовить нападение на нас — подкупить Шанга и снабдить их порохом для подрыва нашего купола. Но я все же не могу понять, почему. Я убеждена, что они поверили нам, когда мы объяснили, что хотим спасти их расу.

— Да, несомненно. Но возможно, вначале они не видели всех последствий.— Ван Рийн кончил жевать, рыгнул, поковырял в зубах и замолчал, задумавшись о чем-то. Джойс старалась подавить тоску по дому. Через некоторое время ван Рийн ударил по контрольной панели так, что она зазвенела.

— Черт возьми! — взревел он.— Подходит!

— Что? — от неожиданности Джойс вздрогнула.

— Но я все еще не вижу, как это использовать.

— О чем это вы?

— Помолчите, фриледи...— Он вернулся к своим мыслям. Медленно проходили часы.

К вечеру на горизонте вырос лес. Он покрывал склоны Лубамбару, здесь река аммиака изгибалась, и волны ее слегка увлажняли почву. Деревья были низкими и изогнутыми, с усеянными колючками стволами и густой листвой из маленьких зеленовато-серых листьев. Высокие кусты собирались в густые заросли между деревьями. Всадники заставили своих изиру войти в лес, оставили на опушке часовых и двинулись к северу компактной группой в пятнадцать туземцев, плюс стадо. Матери несли на руках мохнатых детей. Женщины были ниже мужчин, черты лица у них были мягче. Несмотря на шерстяной покров и постоянную температуру тела, т'келанцы не были млекопитающими: матери отрыгивали пищу для детей, еще не имевших зубов. Ньяронга вел группу, на его боку висел меч, в одной руке он держал копье, в другой щит, его большие желтые глаза внимательно осматривали местность. Младшие сыновья прикрывали группу с боков, держа стрелы на тетивах луков. Ван Рийн направил машину по следам туземцев.

— Они ожидают неприятностей? — спросил он у Джойс.

Девушка оторвалась от своих безрадостных мыслей.

— Они всегда ожидают неприятностей,— ее тон был мрачным.— Я ведь говорила вам, что это очень раздражительная и склонная к ссорам раса — войн нет, но есть множество кровавых схваток. Очевидно, сегодня эти предосторожности — лишь дань традиции. Они собираются разбить лагерь вместе с другими прайдами своего клана. Стадо такого размера требует, чтобы все Гангу охраняли его.

— Вы говорили, что они — охотники, а не пастухи.

— Большую часть времени так оно и есть. Но видите ли, когда Солнце вспыхивает, их изиру и бамбало впадают в панику, многие из них получают такие сильные ожоги, что умирают. Это происходит потому, что они не выработали в своем организме защиты от ультрафиолетовых лучей, пока атмосфера не начала изменяться. Кланы не могут допустить таких потерь. В такие сезоны, как этот, в сезоны вспышек, они держатся вблизи стад и загоняют их на территории, где есть тень или специальные убежища, где густой лес или что-то подобное может предотвратить панику.

Ван Рийн презрительно указал на опускающийся к горизонту красный диск:

— Вы хотите сказать, что эта угасающая зола может

своей радиацией повредить хотя бы бабочке?

— Нет, если это земная бабочка. Но вы знаете, что такое карлики типа М. Они часто вспыхивают и могут увеличивать свою светимость на несколько сотен процентов. В наши дни содержание кислорода в атмосфере упало так низко, что озоновый слой не может задержать ультрафиолетового излучения. К тому же на планетах, подобных этой, с корой, бедной металлами, слабое магнитное поле. Некоторые заряженные частицы, вылетающие из солнца в момент вспышки, проходят сквозь него. К этому добавляется фон космического излучения... Вас или меня это не беспокоит, так как человек привык выносить большие дозы радиации, чем те, что здесь являются нормой.

— Понятно. Может, сыграло роль то обстоятельство, что здесь нет местных источников радиоактивных минералов. На Троре вспышки не волнуют местных туземцев. Наоборот, в эти дни они устраивают праздники. Но вы правильно сказали, что Троре повезло куда больше, чем т'Келе.

Джойс вздрогнула.

— Как суров космос! Мы на Эсперансе верим: нужно объединиться, бороться всем вместе во Вселенной.

— Прекрасная философия, жаль только, что не все для нее созданы. Вы очень хорошая девочка, вам кто-нибудь говорил это? — Ван Рийн положил руку на ее плечо. Она почувствовала, что не в силах сопротивляться: слишком мрачна была надвигающаяся снаружи солнечная буря.

Через час они достигли лагеря. Горбатые кожаные шалаши были воздвигнуты на ровном участке у аммиачного ручья. У входов горели костры, поддерживаемые подростками. Женщины суетились у костровых котлов, мужчины разлеглись рядом, положив руки на рукоятки своего оружия. Появление машины встревожило всех, но никто никуда не бежал, мужчины прогуливались мимо, стараясь сохранить равнодушие и незаинтересованность к необычному. Или они на самом деле были равнодушны к прибывшим, размышляла Джойс. Она смотрела на толпу: несколько сотен нечеловеческих глаз, лиц, сверкающие наконечники копий, ветер раздувает шерсть, но ни один звук не доносится снаружи. Они поступают одинаково, подумала она. Везде, в любом клане, любой орде, с которыми мы уже встречались: сначала заинтересованность нашим высшим видом, нашими машинами, потом равнодушная вежливость, как будто им все равно, несем ли мы добро или зло. Они благодарили нас, но не очень горячо, за то, что мы делали для них, часто настаивали на том, чтобы мы приняли плату, но никогда не приглашали нас на свои обряды или праздники, а дети иногда бросали в нас камни.

Ньяронга выкрикнул команду. Его прайд начал разбивать собственный лагерь. Постепенно все зрители отошли. Ван Рийн взглянул на солнце.

— Они уверены, что сегодня будут вспышки?

— О, да. Если Старейшие сказали, то так оно и будет.

Это нетрудно предсказать, если у вас есть закопченное стекло или маленький телескоп, чтобы можно было наблюдать за поверхностью звезды. Свет его так тускл, что легко можно заметить пятна и свечения — совсем не так, как у звезд типа М, а признаки вспышки у звезды очень характерны. Любой примитивный астроном может с точностью до дня предсказать вспышку карлика типа М. Гелиографические сигналы разносят весть о ней от Кусулонго в орды.

— Я считаю, что эти старые чудаки унаследовали свои эмпирические знания от более ранних времен. Точно так же, как вавилоняне знали о движении планет, да... Черт возьми, кажется, начинается!

Солнце склонилось к западному хребту, его разбухший диск стоял над вершинами... Тонкий ярко-красный завиток медленно выполз с одной его стороны. Басаи закричали. Среди туземцев пронесся гомон. Мужчины хватали животных за уздечки, останавливая их. Женщины тащили котлы и малыщей в шалаши. Вспышка разрасталась и становилась ярче. Свет разливался по затемненным холмам, по всей равнине. Небо начало бледнеть. А ветер усиливался и шумел листвой деревьев на краю лагеря. Т'келанцы загоняли своих испуганных животных в длинный навес из шкур, укрепленных на столбах. Одно животное понесло. Но воин размотал свое лассо, бросил его и свалил басаи на землю. Два других воина помогли втащить его под навес. Для человеческого глаза вспышка была не настолько яркой, чтобы защищать глаза. Джойс видела повсюду паутину раскинувшихся лучей. Брызги излучения разрастались, умирали и появлялись вновь. Хотя она и видела эту картину раньше, вдруг осознала, что сжимает руку ван Рийна. Ван Рийн затянулся и выпустил густое облако дыма. Уулобу спустился с машины. Джойс слышала, как он спросил Ньяронга:

— Я могу помочь вам перед лицом гневного Бога?

— Нет,— ответил патриарх.— Отправляйся в шалаш с женщинами.

Зубы Уулобу сверкнули. Шерсть на спине поднялась. Он схватился за томагавк.

— Не надо! — крикнула Джойс в интерком.— Мы гости.

Несколько мгновений два т'келанца смотрели в глаза друг другу. Копье Ньяронга было нацелено в горло Уулобу. Затем Уулобу отступил.

— Мы гости,— сказал он приглушенным голосом.— В другой раз, Ньяронга, мы поговорим с тобой об этом.

— С тобой, безземельным? — вождь сдержался.— Ладно, между нами мир, и сейчас не время его нарушать. Но мы, Гангу, сами заботимся о своих стадах и пастбищах. Никакая помощь нам не нужна.

Все еще напряженный Уулобу прошел в ближайший шалаш. Вскоре последний басаи был загнан в убежище. Входной его клапан крепко завязали, чтобы оставить животных в темноте. Вспышка превратилась в неровное полотно света вокруг всего диска. Увеличиваясь в яркости, становясь ярко-оранжевой, она

продолжала расти. Ветер усиливался. Главы прайдов медленно прошли к центру лагеря. Они встали в кружок, неженатые воины образовали большой круг. Вверх взвились копья, затем мечи, томагавки. Т'келанцы начали танцевать, все быстрее и быстрее, по мере того, как усиливалась радиация. Вдруг Ньяронга еще раз затрубил в рог. Тучи стрел взметнулись к солнцу.

— Что они делают? — спросил ван Рийн.— Изгоняют дьявола?

— Нет,— ответила Джойс.— Они не верят, что это возможно. Они бросают ему вызов. Они всегда предлагают ему спуститься и вступить в борьбу. И это не дьявол, а бог.

Ван Рийн кивнул.

— Да, это подходит,— сказал он как будто сам себе.— Когда бог отказывается выполнять свои обязанности, его не пытаются подкупить, нет, ему угрожают. Да, все сходится.

Мужчины закончили танец и с торжественной медлительностью направились к своим шалашам. Дверные клапаны завязывались. Лагерь выглядел пустынным под солнцем.

— Ха! — Ван Рийн вскочил на ноги.— Мой костюм.

— Что? — Джойс удивленно посмотрела на него.

— Я хочу выйти. Не стойте с прилипшим языком. Давайте сюда мой костюм.

Джойс заставила себя повиноваться. К тому времени, когда громадная фигура была облачена в костюм, солнце было уже над самим хребтом и утроило силу своего излучения. Теперь вспышка была подобна второй звезде, не круглой, а продолговатой, в форме языка пламени, и белой. Длинные тени ползли по равнине, каждая приобрела неестественный бронзовый свет. Ветер поднимал пыль и сухие листья, задувал костры, хлестал полотнищами навесов.

— Когда я дам знак,— отчеканил ван Рийн,— включите интерком на полную мощность, чтобы они могли вас слышать. Скажите этим так называемым мужчинам, чтобы они выглянули и посмотрели на меня, если у них не задрожат поджилки.— Он взглянул на нее.— И не будьте слишком вежливы, понятно?

Прежде чем она смогла ответить, он был уже у входного шлюза. Через минуту он выбрался из машины и, оказавшись в центре лагеря, взмахнул рукой. Джойс облизнула губы. Что собирается делать этот идиот? Месяц назад он и не слышал об этой планете. Он не пробыл на ней и недели. Практически всю информацию о планете он получил от нее за последние 10—15 часов. И он думает, что знает, как нужно вести себя? Если после этого его толстый живот не будет набит железными наконечниками стрел и копий, то нет, значит, справедливости во Вселенной. Неужели он считает, что она хочет погибнуть вместе с ним? Вырисовываясь огромной черной фигурой на фоне пылающего неба, он снова взмахнул рукой. Джойс включила интерком и сказала в микрофон:

— Смотрите, люди Гангу, у кого хватает храбрости! Смотрите на мужчину издалека, который бросает вызов гневному богу!

Ее голос глухо разнесся по лагерю. Ван Рийн кивнул. Она прищурилась, чтобы видеть, что он делает. Щуриться приходилось из-за контрастности, а не из-за яркости света. Излучение все еще составляло несколько процентов по сравнению с тем, что получала Земля. Она подумала, что ультрафиолета даже мало для того, чтобы покраснел земной ребенок, но достаточно, чтобы принести смертельные ожоги этим несчастным скитальцам Гадеса. Ван Рийн извлек свой бластер. С нарочитой неторопливостью он несколько раз выстрелил в звезду. Вспышки бластера казались слабыми на фоне разгоревшейся звезды. Что теперь?!...

— Нет! — закричала Джойс.

Ван Рийн открыл лицевую пластинку своего шлема. Он давал представление, показывая всем резкие черты лица, выступающие из шлема при ярком свете. Он гротесково танцевал, направив свой большой нос к небу. Но... Торговец кончил непередаваемым жестом, вновь закрыл свой шлем, выстрелил дважды и стоял с поднятыми руками, пока солнце заходило за горизонт. Вспышка задержалась ненадолго после захода солнца, освещая листву деревьев. Ван Рийн в сумерках отправился к машине. Джойс впустила его. Он снял шлем, ругаясь и отдуваясь на дюжине языков. И иней начал застывать на его костюме.

— Ох! — простонал он.— И нет даже стаканчика виски, чтобы согреть мои старые и слабые кости.

— Вы могли умереть,— прошептала Джойс.

— О, нет, нет! Николас ван Рийн умрет не так. Я планирую в возрасте полутораста лет быть застреленным разгневанным мужем. Холод не слишком велик, а на несколько минут я могу задержать дыхание. Но впустить этот аммиак — ужас и налоги! — Он побрел в ванную и с фырканьем начал мыть лицо.

Исчезли последние лучи вспышки. Небо осталось розовым, так что видны были лишь самые яркие звезды. Тяжелые частицы излучения солнца должны были достичь планеты только через час. Один за другим появились на поляне туземцы. Вновь загорелись костры и зашныряли во тьму снопы искр. Ван Рийн вышел из ванной.

— Отлично, я готов,— сказал он.— Теперь надевайте свой костюм и идемте со мной. Мы должны поговорить с ними.

На пути в круг, образованный темной линией шалашей, Джойс была вынуждена прокладывать себе дорогу среди женщин и юношей. Их кольцо смыкалось за нею, она видела отражение огней в их глазах и знала, что она окружена. Было спокойнее видеть рядом с собой громоздкую фигуру ван Рийна и слышать сзади топот ног Уулобу. «Непрочное спокойствие»,— подумала она, глядя на мужчин, ожидавших их у источника аммиака. Они собрались, как только увидели выходящих из машины людей. Ее взгляду они представлялись сплошной черной массой, как и ночь за ними. Костры с обеих сторон, превращавшие для т'келанцев ночь в день, слабо освещали лишь передний ряд. Время от времени пламя, раздуваемое ветром,

полыхало вверх, летели искры и вдаль уносились клубы дыма. Иногда она видела обсидиановый заостренный наконечник копья, меч из рога, топор или железный кинжал. Лес шелестел за лагерем: она слышала испуганные крики изиру, блуждающих вокруг во тьме. Во рту у нее пересохло. Отцы прайдов стояли впереди. Многие из них были совсем молоды, старость редко встречается в пустыне. Ньяронга казался самым старшим из них. Он стоял с копьем в руке, полуоткрытые зубы сверкали, щупальца дрожали. Его юбка развевалась по ветру Ван Рийн остановился перед ним. Джойс заставила себя подойти и встретить взгляд Ньяронга. Уулобу присел на корточки возле ее ног Гомон, похожий на предвестие бури, пронесся среди воинов. Но ван Рийн невозмутимо ждал, пока наконец Ньяронга не нарушил молчания.

— Почему ты бросил вызов солнцу? Ведь до сих пор ни один небесный человек этого не делал?

Джойс торопливо перевела. Ван Рийн отдувался в тяжелом костюме.

— Скажите ему,— начал он,— что я пришел сюда совсем недавно. Скажите ему, что вы все считаете ненужным бросать вызов солнцу, но я не согласен с вами.

— Чего вы добиваетесь? — спросила она.— Малейшая ошибка может погубить вас.

— Верно. Но бедствие погубит нас еще вернее. Не так? — Он похлопал ее по руке.— Черт бы побрал эти перчатки! Без них было бы значительно приятнее. Во всяком случае, вы должны мне верить, Джойс. Николас ван Рийн не стал бы старым и толстым, побывав на сотне планет, если бы не умел находить выход из положения. Верно? Поэтому передавайте им то, что я скажу, и говорите резко. Не оскорбляйте их, но говорите резко. Понятно?

Она сглотнула.

— Да. Не знаю почему, но я буду выполнять ваши приказы. Если...— Она преодолела страх и повернулась к ожидавшим туземцам.— Этот небесный мужчина,— сказала она,— не из нашего отряда. Он моей расы, но из народа, гораздо более могущественного, чем мой. Он велел мне сказать, что мы, небесный народ, не бросаем вызов солнцу, а вот он соизволил.

— Вы не бросаете вызов солнцу? — прервал ее кто-то.— Что это значит?

Джойс пустилась в импровизацию.

— Яркость солнца не грозит нашим людям. Мы часто говорим об этом. Разве никто из вас не слышал об этом?

Некоторое время все молчали, потом изукрашенный рубцами одноглазый патриарх неохотно отозвался:

— Я слышал это в прошлом году, когда ты или кто-то из ваших, лечили детей из моего прайда.

— Теперь вы видите, что это правда,— заметила Джойс

Ван Рийн потянул ее за рукав:

— Эй, что происходит? Разговаривать должен я, или вы своими глупостями все испортите.

Она не позволила себе рассердиться и пересказала ему весь разговор Он удивил ее, ответив

— Прошу прощения, девочка Вы все проделали прекрасно. Теперь я должен произнести речь. Вы будете переводить каждое предложение, как только я его окончу, а?

Он наклонился вперед и, размахивая указательным пальцем перед самым носом Ньяронга, резко воскликнул:

— Ты спрашиваешь, почему я вышел под пылающее солнце? Чтобы показать вам, что я не боюсь его огня. Я плюнул на ваше солнце, и оно зашипело. Мое солнце может съесть ваше за завтраком и попросить добавки, черт возьми! Этот ваш маленький уголок дает слишком мало света, чтобы видеть, его не хватает даже на то, чтобы испугать ребенка нашего народа.

Т'келанцы зашумели и придвинулись еще ближе, потрясая оружием. Ньяронга возмущенно ответил.

— Да, мы часто замечали, что вы, небесный народ, почти слепые.

— Тебе приходилось стоять в свете фар наших машин? Ты слеп, верно? Ты не продержишься и минуты на Земле. Хлоп — и ты уже облако дыма!

В ответ Ньяронга сплюнул

— А вы должны закрываться от нашего воздуха.

— Ты видел, моя голова была открыта! А вот сможешь ли ты осмелиться глотнуть нашего воздуха? Кто из вас посмеет?

Гневный ропот пронесся по толпе воинов. Ван Рийн сделал презрительный жест

— Видишь? Вы слабее нас

Молодой высокорослый глава прайда выступил вперед. Его усы дрожали.

— Я посмею.

— Отлично. Я дам тебе понюхать, Ван Рийн повернулся к Джойс. — Помогите мне управиться с этим проклятым аппаратом для восстановления воздуха. Я не хочу, чтобы в мой шлем еще раз проник этот аммиак.

— Но...— она беспомощно повиновалась, отвинчивая выпускной клапан аппарата, висевшего на спине ван Рийна.

— Направьте ему в лицо,— приказал ван Рийн.

Воин стоял неподвижно. Джойс подумала, какую боль ему предстоит испытать. Она не могла поднять шланг.

— Двигайтесь! — заорал ван Рийн.

Она повиновалась. Земной воздух рванулся вперед. Воин крикнул и зашатался Он тер нос и слезящиеся глаза. Еще мгновение он держался, потом упал на руки окружающих... Джойс закрыла клапан, а ван Рийн произнес:

— Я так и знал. Слишком много кислорода, а особенно водяных паров. Трорианцы не переносят нашего воздуха, и я решил, что эти парни тоже его не выдержат. Скажите им, что скоро он будет в порядке.

Джойс передала его заверения. Ньяронга ответил:

— Я слышал об этом. Зачем вы показали парню, что дышите ядом?

— Чтобы доказать, что мы так же сильны, как и вы,— сообщил ван Рийн через Джойс.— Мы еще сильнее. Мы можем загнать вас в ваши конуры, как собак, если захотим.

Его слова вызвали бурю. Взлетело оружие. Ньяронга поднял руку, призывая к тишине. Она наступила, слышались лишь отдельные возгласы да вздохи женщин, следивших из темноты. Старый вождь с гордостью изрек:

— Я знаю, что вы владеете оружием, которого нет в нашем мире. Значит, вы обладаете знаниями, которых нам не хватает, и никто никогда не отрицал этого. Но это не значит, что вы сильнее. Т'келанец тоже сильнее бамбало только лишь потому, что у него есть лук, который может убивать издалека. Мы — охотничий народ, а вы — нет, несмотря на ваше оружие.

— Скажи ему, что я голыми руками справлюсь с самым сильным их бойцом. Так как я должен носить этот костюм, который защитит меня от укусов, он может использовать оружие...

— Он убьет вас! — запротестовала Джойс.

Ван Рийн хитро посмотрел на нее.

— В таком случае я умру за прекраснейшую даму этой планеты.— Голос его дрогнул.— Может, вы тогда пожалеете, что не были добры с бедным стариком!

— Я не могу!

— Вы должны, черт возьми! — Он схватил ее за руки так сильно, что она скривилась от боли.— Я знаю, что делаю.

Она передала вызов. Ван Рийн швырнул свой бластер к ногам Ньяронга.

— Если я проиграю, победитель возьмет мое оружие.

Это подействовало. Дюжина молодых воинов с криком выступила вперед. Ньяронга проревел что-то, восстанавливая порядок. Он осмотрел всех по очереди и указал на одного из воинов.

— Это мой сын Кусалу. Он будет защищать честь прайда и клана.

Т'келанец был ниже Ван Рийна, но почти так же широк. Мускулы перекатывались под его шерстью. Он двинулся вперед, сверкая зубами, держа в одной руке томагавк, а в другой — кинжал. Остальные мужчины расступились, образуя широкий круг. Уулобу отвел Джойс в сторону. Его рука дрожала.

— Я могу сразиться с ним сам,— прошептал он.

Кусалу кружил, а Ван Рийн поворачивался, как огромная планета. Руки его, как у обезьяны, свисали с горбатых плеч. Огонь костров освещал через лицевую пластинку на шлеме резкие черты его лица.

— Мяу,— поддразнил он.

Кусалу выругался и с ужасной силой метнул томагавк. Левая рука ван Райна дернулась с невообразимой скоростью. Он поймал оружие в воздухе и потянул его к себе. Шнур, что был привязан к томагавку, натянулся. Кусалу был вынужден приблизиться. Ван Рийн бросился в атаку. Кусалу увернулся

и отпрыгнул, сверкнуло лезвие его кинжала. Ван Райн перехватил его руку правой рукой, левой же он вновь ухватил за шнур и потянул. Кусалу упал на одно колено. Ван Райн завернул его руку за спину. Все т'келанцы вскрикнули. Кусалу разрубил шнур. Сплюнув, он выругался и начал новую атаку. Ван Рийн хитро ударил ногой в живот, отдернул ногу, прежде чем тот успел поймать ее. Кусалу согнулся. Ван Рийн приемом каратэ ударил его по шее. Кусалу зашатался, но удержался на ногах. Ван Рийн вновь увернулся от удара кинжала. Он отступил. Кусалу мгновение стоял, выжидая. Затем бросился вперед. Схватка завершалась. Ван Рийн перебросил Кусалу через плечо. Тот с грохотом упал. Ван Рийн ждал. У Кусалу все еще был кинжал. Он встал и придвинулся ближе. Из его ноздрей шла кровь.

— О, моя дорогая! — пропел ван Рийн.

Кусалу приготовился его ударить, но ван Рийн вновь перехватил его руку, вывернул ее и нажал. Кусалу закричал. Ван Рийн нажал сильнее:

— Проси пощады.

— Он скорее умрет! — взвизгнула Джойс.

— Отлично, тогда придется принять меры.

Ван Рийн вырвал нож и отбросил его в сторону. Удар рукой в живот, и т'келанец зашатался. Торговец продолжал безжалостно наносить удары, пока тот не упал. Ван Рийн отошел в сторону. Джойс с ужасом посмотрела на него.

— Все в порядке,— успокоил он ее.— Я же побил его не сильно.

Ньяронга помог сыну встать. Двое воинов увели его. Среди т'келанцев послышались причитания. Ничего подобного раньше Джойс не слышала. Ван Райн и Ньяронга встали друг против друга. Вождь очень медленно заговорил:

— Ты доказал свою правоту, небесный мужчина. Для безземельного ты дерешься очень хорошо. И ты хорошо поступил, что не убил его.

Джойс между всхлипываниями переводила с туземного. Ван Рийн ответил:

— Скажите, что я не убил этого юношу, потому что в этом не было нужды. Скажите также, что я владею огромной территорией у себя.— Он указал вверх, где на ветреном туманном небе горели звезды.— Скажите ему, что мои охотничьи территории там, черт возьми!

Выслушав это, Ньяронга чуть ли не жалобно спросил:

— Но чего он хочет в нашей земле, какова его добыча?

— Мы пришли помочь...— Джойс остановилась и передала вопрос ван Рийну.

— Ха! — воскликнул тот злорадно.— Сейчас мы поговорим об индюках.

Он присел на корточки у костра. Отцы прайдов присоединились к нему, их сыновья подошли ближе, чтобы было слышно. Уулобу радостно прошептал Джойс:

— Они принимают нас, как друзья.

— Я пришел не для того, чтобы грабить земли или дичь,— елейным тоном сказал ван Рийн.— Нет, я хочу заняться делами, выгодными для обеих сторон. Несомненно, что племена торгуют друг с другом. Они же не могут сами производить все необходимое.

— О, да, конечно,— Джойс села рядом с ним.— И их отношения с городом построены на принципе «услуга за услугу», я вам уже говорила это.

— В таком случае они поймут меня. Скажите им, что эти Старики на горе завидуют нам. Скажите, что они натравили Шанга на наш лагерь, говорите правду, ничего не приукрашивая.

— Что? Но я думала... считала, разве вы не хотите создать у них впечатление о нашем могуществе? Мы должны признаться, что спасаемся бегством?

— Ну, скажем, мы совершаем... как это говорится в военных коммюнике... совершаем запланированный переход на заранее подготовленные позиции.

Джойс повиновалась. Щупальца поднялись на головах туземцев, зрачки сузились и руки потрясали оружием. Ньяронга с сомнением спросил:

— Вы хотите найти у нас убежище?

— Нет,— опроверг это ван Райн,— скажите им, что мы пришли предупредить, потому что если их уничтожат, мы не сможем заключить с ними выгодную сделку. Скажите им, что Шанга захватили в куполе наше оружие и движутся со своими дружественными кланами на территорию Рокулала.

Джойс подумала, не ослышалась ли она.

— Но мы не... мы не... у нас не было другого оружия, кроме личного. А все личное оружие унесли при отступлении.

— Они что, знают об этом, эти туземцы?

— Ну... разве они поверят вам?

— Моя хорошенькая блондиночка с выпуклостями везде, где полагается, даю вам свое, Николаса ван Рийна,. слово, что они поверят.

Запинаясь, она выговорила ложь. Реакция была ужасной. Лагерь взорвался. Все бегали и потрясали копьями, воя, как волки. Один Ньяронга остался сидеть, но и у него шерсть встала дыбом.

— Это действительно так? — спросил он.

— А зачем же иначе Шанга нападать на нас с помощью Старейших? — Ван Рийн провоцировал туземцев.

— Вы очень хорошо знаете, зачем,— парировала Джойс.— Старейшие могли подкупить их, сыграв на их суеверии и, возможно, пообещав им, что они сделают из нашего металла им ножи.

— Да, несомненно, но вы передадите старику точно то, что я сказал. Скажите ему, что Шанга напали на нас ради наших бластеров и пистолетов и что Старикашки для этого снабдили их порохом. Скажите им, что это означает, что Седобородые на стороне орды Шанга... как ее называют?

— Ягола.

— Да. Скажите им, что все увиденное вами свидетельствует о том, что Шанга во главе всех кланов орды движутся на запад и собираются согнать Рокулала с их территории.

Ньяронга и все остальные, сохранявшие спокойствие, пока Джойс говорила, не нуждались в разъяснениях. Как она говорила ван Рийну, война не была в обычае у т'келанцев. Но они были знакомы со стычками при переселении племен на новые охотничьи территории. А на умирающей планете такое случалось часто. Когда территория становилась совершенно безжизненной, ее обитатели были вынуждены куда-нибудь переселяться или же умирать с голоду.

Отличие заключалось в том, что Ягола не умирали с голоду на своей территории. Ван Райн обвинил их в том, что они решили захватить как можно больше земель и при помощи украденного оружия завоевать господство.

— Я не думал, что они такие чудовища,— сказал Ньяронга.

— Это неправда,— по-английски выразила протест Джойс.— Их нельзя оклеветать так ужасно, что...

— Ну, ну, все дело в пропаганде,— ответил ван Рийн.— Предложите Ньяронга совместно вернуться в Кусулонго, собрать подкрепление и проверить, правда ли это.

— Вы хотите, чтобы они вцепились друг другу в глотки! Я никогда не приму в этом участие. Скорее умру...

— Послушайте, моя сладкая, еще никто не убит пока. Может, никто и не будет убит. Я могу объяснить позже. Но сейчас... мы должны ковать железо, пока оно горячо. Они чрезвычайно возбуждены, не давайте же им остыть, пока они не примут решение о выступлении.— Ван Рийн приложил руку к сердцу.— Вы думаете, что старый, страдающий одышкой, любящий комфорт, трусливый Николас ван Рийн хочет развязать войну? Неверно. Удобное кресло, стакан джина, венесуэльская сигара, тихая музыка из проигрывателя на борту его яхты, когда он странствует в компании танцующих девушек — вот все, что он хочет. Разве это так много? Поэтому будьте умницей и помогите мне.

В замешательстве она позволила ему делать все, что он хочет. В ту же ночь во все кланы орды Рокулала послали вестников. Выступили во тьме, чтобы избежать света солнца. Двинулись только мужчины, девушки и дети остались в лагере. Все были закутаны в просторные накидки и бурнусы, басаи были покрыты одеялами, чтобы избежать ужасной чахотки, которая охватывала т'келанцев в такие периоды. Большинство заряженных частиц падало на дневную сторону планеты, но магнитное поле планеты было достаточным, чтобы перенести часть частиц на противоположное полушарие. Несмотря на все это, отряд двигался довольно быстро. Выглядывая в окно машины, Джойс видела тусклое свечение двух лун, бесформенные тени, иногда сверкало оружие. Сквозь гул машины она слышала, как они окликали друг друга, доносилось глухое топанье неподкованных копыт.

— Видите ли,— начал свою лекцию ван Рийн.— Я в этом мире недавно, но был во многих других мирах и о еще большем количестве миров читал отчеты. Мое дело требует этого. Всегда можно найти параллели. У меня было достаточно данных, чтобы понять их мышление. Вы же, эсперансиане, не обладаете таким опытом. Как большинство колоний, вы изолированы от основных галактических путей, чтобы разбираться в отношениях между племенами. Это видно из того факта, что вы не предприняли сразу психологического исследования. Никогда не поступайте так, Джойс. Всегда сначала проверьте, с кем имеете дело: эта Вселенная слишком жестока.

— Вы, кажется, знаете, о чем говорите, Ник,— согласилась она.

Он просиял и поднес к губам ее руку. Она что-то пробормотала о необходимости подогреть кофе и сбежала. Вернувшись от кухонного стола и сев рядом с ним на переднее сиденье, Джойс попросила:

— Что ж, расскажите и об их мышлении. Как работает их мозг?

— Вы были уверены, что они подобны воинственным племенам прошлого,— начал он.— На первый взгляд это соответствует истине. Они разумны, они обладают языком, они разговаривают с вами, вам кажется, что они смогут легко вас понять. Но вы забыли, что сознание есть всего лишь небольшая часть личности. Сознание помогает нам получить то, чего мы желаем. Но наши желания — пища, убежище, пол, все наши мотивы — они идут из глубины. Нет даже логической причины для того, чтобы оставаться живыми. Но инстинкт говорит, чтобы мы остались живыми, и мы живем. А инстинкт возник в результате длительной эволюции. Мы были животными и очень долго, пока не научились думать...— ван Рийн набожно поднял глаза вверх,— и не получили души. Вы должны были сначала выяснить эволюцию их расы, чтобы понять их. Люди, как говорили мне специалисты, начали свою эволюцию, когда площадь лесов в Африке много тысяч лет назад сократилась. Древесные обезьяны стали хищниками. Они начали ходить прямо на задних ногах, и у них появились руки. Когтей и зубов у них не было, как у львов, и им пришлось изобрести оружие. Так появились мы — Homo sapiens, с нашими хищными инстинктами. Но они у нас довольно поверхностны. Мы по-прежнему всеядны и можем выжить, если понадобится, и на брюссельской капусте. Наши предки были мирными поедателями орехов долгое время до того, как стали охотниками. Это оказывает свое воздействие. С другой стороны, т'келанцы всегда были хищниками. Очевидно, не очень сильными. У них нет сильных когтей, зубы у них даже слабее, чем у людей. Поэтому они тоже приобрели в ходе эволюции руки и умение изготовлять оружие, а это привело к появлению разума. Однако у них не было вегетарианских предков, как у нас. И их инстинкт убийства гораздо сильнее, чем у нас. К тому же они не общественные существа. Хищники не могут быть ими. Если в какой-нибудь местности поя-

вится много хищников, то добыча исчезнет, черт возьми. Кофе готов?

— Наверное,— Джойс принесла кофе.

Ван Рийн выпил его, не обращая внимания на его температуру, которая сожгла бы ей небо.

— Я начинаю понимать,— сказала она с растущим возбуждением.— Поэтому они и не образовывали абсолютных наций и не вели между собой войн. Большие организации для них всегда искусственны и не обязательны. Бороться и умереть за орду для них все равно, что человеку умереть... за его карточный клуб.

— Гм, я не раз видел убийства за карточными столиками. Но да, вы поняли мою основную мысль. Прайд совершенно естественен здесь, как для человека семья. Клан, с его кровными узами,— лишь одна ступенька удаления. Он возбуждает т'келанцев в такой же степени, вероятно, как человеческая страна. Но орды? Нет. Это лишь вопрос удобства организации. Конечно, прайд или клан — это не леденцы. Люди тоже устраивают семейные скандалы и гражданские войны. У т'келанцев более сильны инстинкты борьбы, чем у нас. Здесь хватает схваток и борьбы. Но никто не воспринимает их слишком серьезно. Вы говорили мне, что здесь нет кровной мести. Это означает, что тот, кто убивает, не совершает ничего дурного. В сущности, тот, кто не убивает и не сражается — любой мужчина,— кажется им неестественным и ненормальным.

— Поэтому ... они не воодушевлялись нашими планами? Планами эсперанской миссии?

— Отчасти. Дело не в том, что от вас ожидали опасности. Никто не беспокоился, и вы никого не оскорбляли и были даже полезны. Но ваше поведение они не в состоянии были понять. Они считали, что в вас есть что-то ненормальное, и испытывали к вам легкое презрение. Я же доказал, что так же силен, если не сильнее. Это удовлетворило их инстинкты, которые вследствие этого уснули. Тем самым я заставил их отнестись ко мне с уважением и выслушать меня.

Ван Рийн поставил пустую чашку и взял трубку.

— Другое обстоятельство, которое вы упустили из виду,— территории,— продолжил он.— Животные на Земле обладают инстинктом защищать свой участок. Люди тоже. Но для хищников он гораздо сильнее, ибо они не могут прожить на ягодах и кореньях. Их жизнь зависит от добычи. Изгнанные с территории, они погибают. Вы видели, что туземцы, которые не смогли удержать свою территорию, шли к вам, а не искали других земель. Потом вы отправились с проповедью, что вам не нужна ничья земля. Ха! Они восприняли это как ложь — может, именно в этом и причина нападения Шанга — или как проявление ненормальной слабости.

— Но разве они не поняли? — спросила Джойс.— Неужели они думали, что мы, хоть внешне и отличаемся от них, будем действовать так же, как и они?

— Я думаю, что цивилизованные т'келанцы, вероятно, по-

няли бы это,— сказал Ван Рийн.— Однако мы имели дело с наивными варварами.

— За исключением Старейших. Я уверена, что они поняли...

— Может быть, это и так. Вполне возможно. Но вы стали для них смертельной угрозой. Разве вы не видите? Они были летописцами, врачами, высококвалифицированными ремесленниками, специалистами по солнцу в течение многих веков. Вы пришли и стали делать у них то же самое, только гораздо лучше. Чего же вы от них ожидали? Что они будут целовать вам ноги? Или другие части вашего тела? Вы забыли, что они хищники. Они начали борьбу.

— Но мы никогда не собирались заменять их.

— Вспомните,— ван Рийн ткнул в нее трубкой,— разум есть лишь слуга инстинкта. Старикашки здесь слабее всех. Они могут удержаться лишь в одном месте, за стенами. Они не охотятся. Они не нуждаются в тысячах квадратных километров. Но это не значит, что у них нет инстинкта территории. Ха! Они лишь заместили его. Работа — вот их территория, и вы хотите выжить их с нее!

Джойс сидела, ошеломленно глядя в ночь. Прошло немало времени, прежде чем она смогла возразить.

— Но мы объясняли им, и я уверена, что они поняли,— мы объясняли, что планета без нашей помощи погибнет.

— Да, да. Но прирожденный боец смерти боится меньше, чем другие существа. К тому же смерть ожидала планету через много тысячелетий. Это уж слишком долгий срок, чтобы внушать эмоции. Ваша же собственная угроза была для них совершенно реальной. А ваша болтовня о взаимопомощи планет для них ничего не значила. Думаю даже, что они вас просто не поняли. Хищники никогда не объединяются, за исключением самого юного возраста. Для них это не имеет практического значения. У них нет соответствующего инстинкта. Орды ни в коей мере не являются нациями. Альтруизм вне их умственного горизонта. Он только заставил их относиться к вам с подозрением. Старейшие в чем-то, возможно, поняли ваши мотивы, но ни в коей мере не разделяли их. Вы не можете организовать этих туземцев. Уж легче построить карусель на кольцах Сатурна.

— А вы организовали их для войны! — в гневе воскликнула она.

— Нет. Я только дал им общую цель: они поверили в то, что я им сказал об оружии в куполе. С их образом мысли это казалось самым простым, самым правдоподобным. Конечно, у нас было оружие, у всех оно есть. Конечно, вы использовали бы его при возможности — все бы так поступили. Следовательно, у вас такой возможности не было: Шанга захватили купол слишком быстро. В результате этого рассуждения Ягола составили заговор против Рокулала, и это тоже вполне соответствует их образу мыслей.

— Но что же вы сейчас хотите заставить их делать? — Она больше не могла удержать слез.— Штурмовать горы? Они ничего не могут сделать без Старейших.

— Могут, если Старейших заменят люди.

— Но... но... нет, мы не можем... мы не должны...

— Может, и не придется,— сказал торговец.— Посмотрим. Ну, ну, не расстраивайтесь. Пока Ники вытрет вам глаза.— Она положила голову ему на руку и разрыдалась.

Гора Кусулонго, как чудовище, вырастала над равниной: утес громоздился на утес, меж ними осыпи, покрытые ледниками, и так вплоть до пиков, вырисовывающихся на солнечном диске. Джойс никогда раньше не ощущала так сильно холод и мрак этого мира. Она ехала по тропе, ведущей в город, на однорогом животном, укрытом одеялами, чтобы предохранить его от тепла человеческого тела, что пробивалось даже через костюм. Ветер, свистевший между скалами, бил ее, как кулаками, и развевал знамя, которое нес на конце копья ехавший впереди Уулобу. Оглядываясь назад, она видела уходившую вниз тропу и на ней Ньяронга и с полдюжины других вождей, которым разрешили ехать с отрядом. Плащи их развевались по ветру, копья поднимались и опускались в такт прыжкам их животных, цвет их шерсти терялся в сумерках, но ей казалось, что она различает жестокое выражение их лиц. Бесконечно далеко, внизу, у подножья горы, находилось их войско — пятьсот вооруженных и разгневанных Рокулала. Но они были скрыты пылью, и если она погибнет вверху, они смогут лишь отомстить за нее, а она этого совсем не хотела. Она вздрогнула и приблизила своего басан к соседнему, который пыхтел и ворчал под тяжестью ван Рийна. Их колени соприкоснулись.

— Наконец-то у нас есть компания,— произнесла она, понимая нелепость этого замечания, но ей хотелось что-то сказать, чтобы перекричать ветер.— Слава богу, вспышка закончилась быстро.

— Да, мы успели вовремя. Всего лишь три дня от Лубамбару до Кусулонго — гораздо быстрее, чем я ожидал, и к тому же собрали много союзников.

Она печально оглянулась назад. Всю дорогу ван Рийн развлекал ее и преуспел в этом больше, чем она ожидала. Но вот они прибыли. Шанга отступили в горы, преследуемые Рокулала. Атакующие остановились, не желая встречаться с артиллерией Старейших. Договорились о переговорах, и она не представляла себе другого конца, кроме кровопролития. Старейшие могут отпустить их группу назад, как они обещали, могут и не отпустить, но в любом случае ей казалось, что до рассвета множество воинов превратятся в падаль. Да, она вынуждена была себе признаться: я также боюсь своего возвращения на Эсперансу. Что меня ждет там, если я вернусь живой? Десять лет исправительного заключения. Развязывание войны!.. Или я убегу с Ником и никогда не увижу дома, никогда, никогда... Но заставить этих веселых молодых охотников умирать! Она натянула стремена, полусознательно пытаясь спрыгнуть с тропы в пропасть, к пустоте. Ван Рийн поймал ее за плечо.

— Спокойно,— проворчал он.— Нам нужно перехитрить

тех, наверху. Это будет чертовски трудно, гораздо труднее, чем с этими варварами.

— А мы сможем? — спросила она.— Они могут отразить любое нападение. У них большие запасы. Я уверена, что они выдержат больше и дольше, чем мы...

— Если мы закроем их на месяц, этого будет достаточно. Потом придет корабль Лиги.

— Но они могут тоже послать за помощью. Использовать гелиографы.— Она указала на одну из решетчатых башен вверху. Ее зеркало тускло сверкало в красном освещении. Только т'келанец мог различить другие зеркала; разбросанные в разных направлениях по равнине и холмам.— Или между нашими линиями может проскочить вестник — линии так ужасно тонки, что через них может проскочить вся орда Ягола.

— Может, да, а может, и нет. Посмотрим. А теперь не пищите и дайте мне подумать.

Они ехали в молчании под свист ветра. Через час приблизились к стене, построенной поперек тропы. Непроходимые скалы из датрита возвышались с обеих сторон. Вход охраняли два примитивных орудия. А возле них стояли четыре солдата из гарнизона города с зажженными фитилями. Стражники в кожаных шлемах и нагрудниках, вооруженные луками и пиками, стояли на стенах. Железо поблескивало в сумерках. Уулобу, самоуверенный благодаря трепету, в который поверг охотничьи кланы ван Рийн, проехал вперед.

— Дайте проход могущественному небесному народу, который снизошел для беседы с вашими патриархами,— потребовал он.

— Пф! — фыркнул командир охраны.— Когда это у небесных людей была храбрость выпотрошенного янгулу?

— У них всегда было мужество разгневанного маковоло,— сказал Уулобу. Он провел пальцами по лезвию своего кинжала.— Если тебе нужны доказательства, подумай, кто осмелился бы запереть Старейших в их горах?

Воин издал возбужденный возглас, но потом овладел собой и громко произнес:

— Вы можете пройти и будете в безопасности, пока не будет нарушен мир между нами.

— Не вздумайте трепаться тут,— наставлял ван Рийн девушку.— Мы пройдем и возьмем эти пугала и пошлем их туда, куда они заслужили.

Джойс воздержалась от того, чтобы прервать его. У Ника множество хороших качеств, если бы он только мог избавиться от вульгарности! Но у него была тяжелая жизнь, у бедняги. Никто не протянул ему руку дружбы... Ван Рийн проехал по тропе между пушками и дальше вверх. Тропа перешла в широкую террасу перед городской стеной. Из бойниц смотрели дула пушек. Два взвода солдат проявляли дисциплину и выдержку, неизвестную в ордах. Глаза Джойс отметили три фигуры у входа... Они были в просторных белых балахонах, и шерсть их поседела от возраста. Они высокомерно смотрели на прибывших. Она поколебалась:

— Я... это главные писцы...

— Никаких разговоров с секретарями и служащими,— отрезал Ван Рийн.— Будем говорить только с боссами.

Джойс облизнула губы:

— Глава небесного народа требует немедленных переговоров.

— Он их получит,— сказал один из Старейших без выражения,— но вы должны оставить здесь свое оружие.

Ньяронга оскалил зубы.

— Ничего не поделаешь,— напомнила ему Джойс.— Ты знаешь так же хорошо, как и я, что по закону отцов никто, кроме Старейших и воинов, рожденных в городе, не может пройти через эти ворота с оружием.— И ее кобура, как и кобура ван Рийна, была пустой.

Она видела, как тяжело это дается Рокулала, и вспомнила, что говорил ван Рийн об инстинкте. Разоружение для т'келанцев — это символическая кастрация. Со смелым выражением лиц они побросали оружие и, спешившись, с напряженными спинами прошли в ворота вслед за ван Рийном. Но она заметила, как сверкали у них глаза, словно у пойманных зверей, когда они проходили через ворота. Город Кусулонго поднимался каменными прямоугольными террасами, черными и громоздкими, над сторожевыми башнями. Улицы были узки и путаны, полны ветра и грома кузнечных молотов. Обитатели города сторонились варваров и подбирали свои одежды, как бы боясь прикосновения. Три сопровождающих члена совета не говорили ни слова: молчание становилось все напряженнее, по мере того как они углублялись в город. Джойс с трудом удерживалась, чтобы не закричать. В центре города возвышался прямоугольник в двадцать метров высотой, без окон и с единственной дверью и вентиляционными отверстиями. Стражники у входа со свистом обнажили мечи и взмахнули ими в знак приветствия, когда члены совета входили в здание. Джойс услышала за собой приглушенный возглас. Рокулала следовали за людьми, и она подумала, что от них будет мало пользы. Освещенная факелами пещера в конце коридора была предназначена для того, чтобы поразить охотников с равнины. На семиугольном помосте сидели шесть одетых в белое стариков. Стена за ними была покрыта мозаикой, яркой даже в полутьме, с изображением вспыхивающего солнца. Дыхание Ньяронга вырвалось сквозь стиснутые зубы. Он не забыл о могучей власти Старейших. Правда, подумала Джойс, он должен вспомнить, что люди делают не хуже. Но представления многих поколений не так легко поколебать. Их проводники тоже сели. Вновь прибывшие остались стоять. Молчание становилось все напряженнее. Джойс несколько раз сглотнула и начала:

— Я говорю от имени Николаса ван Рийна, патриарха небесного народа, который объединился с кланом Рокулала. Мы пришли требовать правосудия.

— Правосудие здесь,— ответил высокий худой туземец в центре помоста.— Я, Акуло, сын Блуба, глава совета, гово-

рю от лица города Кусулонго. Почему вы подняли против нас копье?

Ха! хмыкнул ван Рийн, когда вопрос был ему переведен. Спросите этого старого гиппопотама, почему они первыми начали эту заваруху?

Вы лицемерите,— автоматически заметила Джойс, обращаясь к торговцу.

— Я говорю то, что думаю. Переводите. Я очень хорошо знаю, почему они это сделали, но послушаем, как он будет выкручиваться.

Джойс перевела вопрос. Ноздри Акуло раздулись, он пробормотал:

— Странно. Старейшие никогда не вмешивались в ссоры на равнине. Когда вы напали на Шанга, мы дали им убежище, но таков старый обычай. Мы с радостью выслушаем ваш спор и вынесем решение, но в борьбе участвовать не будем.

Джойс опередила ван Рийна, с возмущением выпалив:

— Они взорвали наши стены. Кто, кроме вас, мог снабдить их порохом?

— Ах, да,— Акуло дернул себя за усы.— Я понял тебя, небесная женщина. Все совершенно естественно. С позволения совета мы, задолго до вашего прибытия сюда, продавали порох для волшебств и праздников. Шанга купили у нас много пороху. Мы не спрашивали, зачем он им. Его-то они могли использовать против вас.

— Что он говорит? — потребовал перевода ван Рийн.

Джойс объяснила. Тут выступил Ньяронга — требовалось немало смелости, чтобы возразить Старейшим.

— Несомненно, отцы клана Шанга поддержат эту сказку? Ложь — скромная плата за оружие, подобное вашему.

— О каком оружии ты говоришь? — прервал его советник.

— Арсенал небесного народа, который захватили Шанга, чтобы обратить его против моей орды,— выкрикнул Ньяронга. Его рот скривился.— Это тоже не касается бескорыстных Старейших?

— Но... нет! — Акуло наклонился вперед, голос его был не таким ровным, как раньше.— Правда, что город Кусулонго не делал ничего для организации нападения на лагерь небесного народа. Небесный народ слаб и бескровен — это законная добыча. К тому же они были причиной смуты между кланами, нарушив законы отцов...

— Законы, благодаря которым разжирел город Кусулонго! — прервала его Джойс.

Акуло хмуро глянул на нее, но продолжал обращаться к Ньяронга:

— Благодаря своему нападению Шанга получили большой запас металла. У них будет много хороших ножей. Но это недостаточное увеличение их силы, чтобы они могли вторгнуться в новые земли, когда их не подгоняет отчаяние, страх и голод. Мы здесь, в горах, думали об этом и не хотим, чтобы это случилось. Забота Старейших заключается в том, чтобы со-

хранять существующее равновесие. Небольшое количество металла, попавшее в руки Шанга, не нарушит его. У небесного народа никто не видел другого оружия, кроме того, что они носили с собой. Они забрали его с собой, когда бежали. У них не было в куполе никакого арсенала. Ваш страх ни на чем не основан, Рокулала.

Джойс переводила его речь ван Рийну почти дословно. Он кивнул:

— Отлично. А теперь скажите им то, что я велел.

«Я зашла слишком далеко, чтобы отступать», — с отчаянием подумала она.

— Но у нас было резервное оружие,— выпалила она.— Много оружия, сотни штук, полные ящики. Но мы не смогли его использовать, так как нападение было слишком внезапным.

Воцарилась тишина. Члены Совета с ужасом уставились на нее. Пламя факелов подпрыгнуло, и тени забегали по стенам друг за другом. Вожди Рокулала следили с суровым удовольствием, самоуверенность отчасти вернулась к ним.. Наконец Акуло заговорил, заикаясь:

— Но вы говорили... я однажды сам спрашивал... что у вас лишь несколько...

— Естественно,— ответила Джойс,— мы хотели сохранить наше оружие в тайне.

— Шанга ничего не говорили нам об этом.

— А чего вы от них ожидали? — Джойс подождала немного, чтобы до всех дошло, и продолжала: — Вы и не найдете тайник, даже если и обшарите весь оазис. Они не встретили наше нападение огнем сейчас, значит, оружие далеко отсюда. Вероятно, они спрятали его в земле Ягола, чтобы использовать позже.

— Мы проверим это,— вступил в разговор другой Старейший.— Стража! — Появился часовой.— Приведи представителя наших гостей.

Джойс передала ван Рийну смысл происходящего, пока они ждали.

— Пока все хорошо,— сказал он.— Но сейчас начнется щекотливое дело, а это гораздо менее весело, чем щекотать вас.

— Вы невозможны! — ответила она, покраснев.

— Нет, всего лишь невероятен... А вот и они.

Высокий т'келанец в одежде Шанга вошел в комнату. Он скрестил руки и взглянул на Рокулала.

— Это Масоту, сын Батузи,— представил его Акуло. Он наклонился вперед, напряженный, как и его коллеги.— Небесный народ нам говорит, что вы захватили в их лагере довольно много ужасного оружия. Это правда?

Масоту вытаращил на него глаза.

— Конечно, нет! Там не было ничего, кроме пустого пистолета, который я показал тебе, когда ты спустился вниз на рассвете.

— Значит, Старейшие на самом деле заключили союз с Шанга,— выкрикнул т'келанец из отряда ван Рийна.

Немного сбитый с толку Акуло собрался с силами и наконец решился:

— Ладно. В конце концов, зачем нам это отрицать? Город Кусулонго заботится о счастье всего мира, это и наше счастье. А эти лукавые чужеземцы разрушили старые обычаи. Разве они не склонили вас напасть на другую орду? Какая же у них причина путешествовать в наших землях? Чего они еще хотели? Да, совет предложил Шанга уничтожить их лагерь и изгнать из нашей земли.

Хотя биение сердца, казалось, заглушало ее слова, Джойс передала все ван Рийну, и тот процедил сквозь зубы:

— Итак, они признали это перед нами. Наготове у них и история, призванная обмануть землян, чтобы они никогда не возвращались на эту планету. Они не собираются отпускать нас живыми, иначе никто не поверит их сказке.— Но он не сказал ей ни слова для туземцев.

Акуло указал на Масоту.

— Итак, ты утверждаешь, что небесный народ лжет и вы не нашли никакого арсенала?

— Да.— Шанга обменялся взглядом с Ньяронга.— Ваш народ беспокоится, чтобы мы не направили этого оружия против ваших пастбищ. Вам нечего бояться. Идите с миром и дайте нам покончить с чужеземцами.

— Мы никого не боимся,— поправил его Ньяронга. Тем не менее во взгляде его появилось сомнение.

Старейшие нетерпеливо зашевелились на помосте.

— Достаточно,— отрезал Акуло.— Мы все видим, какое смятение приносит небесный народ. Вызвать стражу! Пусть их убьют. Да будет мир между Шанга и Рокулала. Все разойдутся по домам, и дело завершится.

Джойс перевела одновременно с окончанием речи Акуло.

— Ботулизм и бюрократы! — взорвался ван Рийн.— Не так быстро.— Он засунул руку под резервуар на спине и извлек оттуда бластер.— Всем оставаться на местах!

Ни один т'келанец не шевельнулся, хотя между ними пробежал шепот. Ван Рийн прислонился к стене спиной и держал под наблюдением дверь.

— Теперь мы поговорим более дружелюбно.

— Закон нарушен! — крикнул Акуло.

— Но и вы нарушили закон, подготовив для нападения на нас Шанга,— ответила Джойс. Она чувствовала облегчение. Не то, чтобы бластер решил все проблемы. Он, конечно, не позволит убить их так просто. Но...

— Спокойно! — пробасил ван Рийн.

Эхо отразилось от каменных стен. Вбежали несколько часовых. Увидев бластер, они застыли на месте.

— Входите, присоединяйтесь к остальным,— пригласил ван Рийн.— Энергии здесь хватит на всех.

— Ну вот, сейчас как раз время проверить,— это предназначалось для Джойс,— на что годятся наши мозги. Скажите им, что Николас ван Рийн произнесет речь. Потом дайте мне знак, чтобы я начинал.

Она передала его слова. Тела воинов слегка расслабились. Акуло, Ньяронга и Масоту кивнули одновременно.

— Послушаем,— решил Старейший.— Сразиться насмерть мы всегда успеем.

— Хорошо.— Гигантская фигура ван Рийна сделала шаг вперед. Он ораторским жестом повел вокруг стволом бластера.— Во-первых, вы должны знать, что я организовал весь этот шум для того, чтобы можно было поговорить. Если бы я пришел сюда один, вы забросали бы меня камнями и ни для кого из нас это не было бы хорошо. Следовательно, я должен был прийти в сопровождении воинов. Пусть Ньяронга подтвердит, что, если понадобится, я могу сражаться, как разгневанный кредитор. Но может быть, в этом нет нужды, а?

Джойс предложение за предложением перевела его речь и подождала, пока отец прайда Тангу подтвердит, что люди — сильные бойцы. Ван Рийн воспользовался общим изумлением, чтобы начать словесное наступление.

— Теперь обдумайте положение. Допустим, Шанга лгут, на самом деле они овладели оружием. Тогда они приобретут такую силу, что даже город будет зависеть от них, вместо того, чтобы быть первым среди равных, как это было раньше. Нет? Чтобы предотвратить это, нужно согласие между Старейшими, Рокулала и нами, людьми, которые могут использовать и еще более мощное оружие и остановить Ягола, когда придет наш спасительный корабль.

— Но у нас нет такой добычи,— настаивал Масоту.

— Так ты говоришь,— ответила Джойс. Она начала понимать замысел ван Рийна.— И Старейшие, и Рокулала, рискнете ли вы поверить ему на слово?

На помосте продолжалась нерешительность. Ван Рийн продолжал:

— Теперь предположим, что я лгу, и никакого оружия в куполе не было. Тогда Старейшие и Шанга должны действовать вместе. Люди с корабля, который прилетит с моей территории (а моя территория — все небо, полное звезд), этим людям они должны будут рассказать какую-нибудь выдумку о том, почему купол разрушен. Все, кроме меня и этой хорошенькой куколки, спаслись благополучно, поэтому все равно будет известно, что напали Шанга. Мой народ разгневается, что упущена прибыль, ради которой мы трудились много лет. Они обвинят Старейших в том, что те использовали Шанга для нападения, и, может быть, разнесут по кусочку всю гору. Но, может, Шанга поклянутся, что Старейшие здесь ни при чем, и тем оправдают их. Верно? Тогда на протяжении многих лет Шанга, а благодаря им и все Ягола, будут связаны с городом Кусулонго. И они, конечно, будут оправдывать Старейших не бескорыстно... Как вы думаете, Рокулала, как к вам тогда отнесутся Старейшие? Насколько они будут беспристрастны? Ведь Шанга смогут шантажировать их. Вам необходимы люди, чтобы поддерживать равновесие.

Уулобу щелкнул зубами и крикнул:

— Это правда!

Но Джойс следила за Ньяронга. Вождь медлил, обменивался взглядами с вождями остальных прайдов, а потом произнес:

— Да, так может быть. Никто не хочет быть обманутым. И надо смотреть в будущее. Могут настать плохие времена для Ягола, тогда они двинутся на другие земли... и единственной ошибки в предсказании вспышки солнца будет достаточно, чтобы ослабить нас и подготовить Ягола к вторжению.

Вновь наступила тишина. Джойс слышала лишь треск факелов и гул ветра за дверью. Акуло не двигаясь смотрел на ствол бластера ван Рийна. Наконец он проговорил:

— Ты сеешь раздоры с великим искусством, чужестранец. Ты надеешься, что мы отпустим такого опасного человека, а также этих отцов прайдов, ставших твоими союзниками, живыми?

— Да,— с помощью Джойс ответил ван Рийн убежденно.— Потому что я не сею раздоры, лишь доказываю, что вы не можете верить друг другу и нуждаетесь в людях, чтобы поддерживать порядок. Ибо, видите ли, когда люди, заинтересованные в мире, с их мощным оружием, будут здесь, Ягола, с их несколькими пистолетами ничего не смогут сделать. Или, если они говорят правду и не имеют оружия, все равно у вас нет причин объединяться с ними, если люди вернутся с миром и не будут требовать мести за разрушенный купол. В любом случае с приходом людей восстанавливается равновесие между городом и ордами. Что и требовалось доказать.

— Но почему небесный народ стремится закрепиться здесь? — спросил Акуло.— Вы хотите выполнять функции города Кусулонго? Нет, вначале вам придется истребить всех нас до одного, здесь, в горах!

— В этом нет необходимости,— сказал ван Рийн.— Мы получаем прибыль другим путем. Я расспрашивал эту леди по дороге сюда, и она мне многое объяснила. А теперь я хочу рассказать вам... Гм, Джойс, теперь ваша очередь. Я не уверен, как все это им объяснить: у них ведь нет знаний биохимии.

Она открыла рот.

— Вы хотите сказать... Ник, неужели вы нашли выход?

— Да, да, да,— он потер руки.— Мне придется поразмыслить. Итак: моя компания берет на себя операцию на т'Келе. Вы, эсперансиане, поможете нам вначале, естественно, но потом вы можете тратить свои деньги на какой-нибудь другой планете, пригодной для посева... а Николас ван Рийн будет извлекать деньги отсюда.

— Но как же это?

— Смотрите, мне нужно вино (кунгу)... К тому же, мне кажется, здесь можно организовать неплохую торговлю шерстью. И кланы отовсюду будут доставлять мне эти товары. Я буду продавать им аммиак и нитраты с планет, где есть азот, в обмен на их товары. Они будут нуждаться в этом для улучшения своей почвы — им нужно будет все, чтобы размножать

фиксирующие азот бактерии. Вы покажете им, как это делается. А для этого понадобится много аммиака и нитратов. Конечно, у них образуются излишки, на которые они смогут покупать различные приспособления. Особенно оружие. Никто с охотничьим инстинктом не устоит перед возможностью купить оружие: для этого они согласятся и на то, чтобы временно стать фермерами... И по мере того, как мои фактории будут продавать им инструменты, машины, вещества, они станут все более и более цивилизованными, как вы этого и хотели. И вот на всем этом Галактическая компания Специй и Спиртных напитков хорошо погреет руки.

— Но мы пришли не для того, чтобы эксплуатировать их!

Ван Рийн хихикнул, подкрутил усы и, щелкнув по лицевой пластине шлема, состроил гримасу:

— Может, вы, эсперансиане, не хотите, зато я собираюсь их эксплуатировать. И они поймут, эти кланы, разве вы не видите: благотворительность находится вне их инстинктов, зато выгоду они понимают очень хорошо, и они еще будут радоваться, что надули нас в ценах на вино. Нет больше ни неприязни, ни подозрительности к людям, поскольку люди пришли сюда добывать деньги. Понятно?

Она ошеломленно кивнула. Они на Эсперансе никогда не рассуждали подобным образом. Община всегда смотрела высокомерно, сверху вниз на Политехническую Лигу. Но они вовсе не были фанатиками, и если это единственная возможность выполнить замысел, то... погодите.

— Старейшие,— заметила она.— Как вы их расположите к себе? Введение такого количества новых элементов изменит всю их политику.

— О, я подумал и об этом. Нам понадобится множество туземных агентов и чиновников, проверенных парней, которые будут вести записи, распространять нашу торговлю на новые территории, и так далее. Для этого потребуется много молодых Старейших... глупое название... Что касается остальных, мы даже можем поддержать влияние и престиж города. Вспомните, что здесь нужно будет разрабатывать нефтяные залежи, строить электролизные фабрики. Фабрики будут поставлять водород, а сжигание нефти даст электричество. Я построю здесь эти фабрики, научу Старейших управлять ими и продам им на условиях долговременной выплаты. Эта возможность их должна вполне удовлетворить....— Он задумчиво уставился в темный угол.— Гм, как вы думаете, стоит с них брать двадцать процентов или остановиться на пятнадцати?

Джойс несколько раз вздохнула и начала подыскивать фразы на языке города Кусулонго. Перед заходом солнца они спустились с горы. За ними слышались приветственные возгласы, впереди дружественно мерцали костры лагеря. Местность казалась ей более приветливой, чем раньше. Была какая-то особенная красота в этих ночных равнинах, где бродят свободные кочевники. Те несколько недель, которые придется ждать корабль, будут совсем неплохими. Напротив, они могут стать слишком веселыми.

— Другое преимущество,— говорил ей ван Рийн,— это то, что работа, приносящая прибыль, имеет гарантию того, что будет двигаться долго. А чтобы спасти планету, нужно много времени. Вы считаете, что ваше правительство осуществит ваш замысел. Ба! Правительства — это однодневки. Любое изменение идеологии, настроения... и пуф! Кончится ваш проект. Но когда замешана прибыль, положение станет более стабильным. Политики приходят и уходят, а алчность всегда остается.

— О, нет, этого не может быть,— возразила она.

— Что ж, у нас будет достаточно времени в машине, чтобы обсудить это и многое другое,— сказал ван Рийн.— Я думаю, что можно будет попробовать получать алкоголь из кунгу. Мы подмешаем его к фруктовым джусам и будем пить вино, достойное человека, черт побери!

— Я... я не могу... Ники, ведь мы останемся вдвоем...

— Вы еще слишком молоды. Вы хотите сказать, что бедный старик может показать вам, что такое молодость? — Ван Рийн бросил на нее хитрый взгляд.— О'кеи, попробую.

Джойс, вспыхнув, отвернулась. Придется быть начеку до прибытия корабля, подумала она. Конечно, если она хочет немного расслабиться... в конце концов, он действительно очень интересная личность...

Величественный Арго рассекает море,
Неся завоеванный приз:
Другой Орфей вновь поет,
И любит, и плачет, и умирает.
Новый Улисс вновь покидает
Калипсо ради родных берегов.

Шелли

Некогда был король, возгордившийся перед иноземными торговцами. Теперь уже неважно, что он делал: это было давно и на другой планете, и кроме того, девушка уже была мертва. Гарри Стенвик и я подвесили короля за штаны на его высочайшем минарете на виду у всего народа, и имя Политехнической Лиги было прославлено на этой земле. Затем мы совершили набег на склад компании Специй и Спиртных напитков и поклялись в вечном братстве. Находятся такие, кто заявляет, что у Николаса ван Рийна имеется криогенный компьютер, обслуживаемый техниками, который у него вместо сердца. Может быть, и так. Но он никогда не забывает хороших работников. И я не могу найти другой причины, почему он пригласил меня на обед: кроме того, должен был прийти и Гарри, и вряд ли у нас был еще шанс увидеться.

Флиттер высадил меня на вершине Крылатого Креста, где находится, как утверждал ван Рийн, его скромный маленький домик. Облака летней пыли скрывали меньшие здания, протянувшиеся до горизонта и за него; на западе всходила Ве-

нера, и Чикаго зажег свои бесчисленные огни. Я находился очень высоко, и до моих ушей доносился лишь отдаленный шум машин.

Мимо кустов роз и жасмина я прошел к двери. Когда дверной робот проверил меня и открыл дверь, я увидел за нею Гарри. Мы обняли друг друга и поразили бога множеством нарушений третьей заповеди. Некоторое время мы разглядывали друг друга.

— Ты не очень изменился,— солгал он.— Такой же хилый и неопрятный, как раньше... Метан в атмосфере вполне удовлетворяет тебя?

— Аммиак, там, где я был в последнее время,— поправил я его.— Длительные переходы без ночевок, случайные пули и бесконечная торговля по мелочам. Ты выглядишь отвратительно — лоснящимся и самодовольным. Как Сигрид?

Подобно большинству мужчин, Гарри в конце концов начал семейную жизнь. В его случае она сложилась удачно, он построил дом на скалах над Хардангар-фьордом и растил там мастифов и сыновей. Что касается меня... но это не относится к делу.

— Хорошо. Она шлет тебе любовь и с ней коробку домашнего неченья. В следующий раз ты должен добиться длительного отпуска и навестить нас.

— А парни?

— Тоже ничего,— легкий норвежский акцент немного резал ухо.— У Пера были неприятности, но теперь все позади.

— Да ты его сейчас увидишь, он тоже здесь. Думаю, он будет рад пожать твою хилую руку.

Так, подкалывая друг друга, мы прошли по коридору и успели в двух-трех словах рассказать обо всем, что случилось с нами за время, минувшее после последней встречи.

Компания встретила нас шумно. Хозяин встал навстречу, и я никогда не слышал более гостеприимных ругательств. Он не садился и не брал свой стакан кларета, пока мы с Гарри не уселись.

Слуга — живой мужчина, а не робот, в этом ван Рийн был расточителен — принес наши заказы: аквавит для Гарри и мартини для меня. Пер вертел в руках стакан с вермутом.

— Долго ли ты будешь дома? — спросил я его после обмена любезностями.

— Так долго, как понадобится,— быстро ответил Гарри.

— Не очень, я думаю,— с неменьшей быстротой добавил ван Рийн.— Ни одного мгновения больше, чем потребует природа: а он молод и силен, поэтому нечего бездельничать.

— Прошу прощения, сеньор,— сказал Мануэль, сказал мягко и равнодушно, но в то же время со звоном сталкивающихся звезд.— Я не хотел бы противоречить своим начальникам... Но мой долг заключается в том, чтобы знать, в каком состоянии мой капитан, а доктора глупы. Я надеюсь, сеньор накануне рождества не откажет ему в небольших каникулах.

Ван Рийн поднял руки.

— Все считают меня апокалиптическим зверем,— простонал он,— я всего лишь бедный одинокий старик в море горестей, пытающийся удержаться на поверхности. Я нашел многообещающего парня, я следил за ним с тех пор, как он ходил в мокрых штанах, так как знаю его семью. Я дал ему дорогостоящее образование в надежде, что потом он поможет мне, а теперь он хочет запереться в своем домашнем ящике, и тогда несколько моих новых планет станут добычей волков.

— Да поможет бог этим волкам,— улыбнулся Пер.— Не беспокойтесь, сэр. Я буду готов, как только вы потребуете.

— Эй, эй, я ничего не требую. Я слишком стар и толст. Вам кажется, что сейчас у вас неприятности, но подождите, пока состаритесь, станете бедным старым хрипуном, вроде меня. Тогда вам не будут доступны никакие удовольствия. Абдал! Абдал! Ты, существо с желеобразными ногами, неси выпивку, ты хочешь, чтобы мы высохли от жажды? Как только мой стакан опустел?!

— Неужели ты хотел бы вновь увидеть Каин? — спросил Гарри, взглянув на ван Рийна.

— Конечно,— сказал Пер.— Он ждет настоящего человека! Целый мир, отец! Разве ты не помнишь?

Гарри посмотрел на экран и кивнул. Я поторопился нарушить молчание:

— Где ты был на этой планете, Пер?

— Везде,— ответил тот.— Эта планета совсем не исследована. Даже один процент ее территории не нанесен на карты.

— Как? Даже с орбиты?

Выражение лица Мануэля сказало мне, что он думает о картах с орбиты.

— Но для начала нас больше всего привлекали меха и травы,— сказал Пер.

Не говоря ни слова, Мануэль извлек из кармана маленькую коробочку, открыл ее и протянул мне. В ней лежало несколько зеленовато-синеватых листьев. Я попробовал. Удивительный вкус был у этого растения, непередаваемый вкус, будивший во мне глубочайшие воспоминания, затрагивая самые отдаленные участки мозга.

— Химический состав мы не сумели установить, поэтому не синтезировали,— сказал ван Рийн, закуривая сигару.— Ба! Мои химики ничего не делают целыми днями, только забавляются в лаборатории с алкоголем. А что касается шкур, то Лупеску из компании «Пелтри» согласен покупать их у меня. Этот человек с этикой параноидальной ласки повсюду разослал своих шпионов и за последний месяц истратил пятнадцать тысяч на то, чтобы узнать, где эта планета.

— Откуда вы знаете, сколько он потратил? — спросил Гарри.

Ван Рийн постарался принять самодовольный вид, в то же время он чуть скромничал. Пер с беспокойством проговорил:

— Я никогда не упоминал координаты. Это в созвездии

Пегаса. Карликовая звезда типа Ж-9, светимость половина солнечной... Восемь планет, одна из них с условиями, подобными Земле. Открыл ее Брандер. Он же решил, что планета интересная и приземлился, чтобы узнать больше. У него было немного времени, поэтому он узнал только язык туземцев той местности, где высадился, и провел некоторые исследования по бионике и планетографии. Но он же привез сведения о мехах и травах. Поэтому меня направили для организации постоянного пункта.

— Его первый рейс в качестве капитана,— заметил Гарри, хотя это было известно всем.

— Неприятности с туземцами? — спросил я.

— Неприятности — не то слово,— ответил ван Рийн.— Слово не предназначено для вежливых ушей.— Он нырнул в пивную кружку и вынырнул, отфыркиваясь.— После всего, что я сделал для них, святые ввергают меня в такую разорительную историю.

— Но нам казалось, что все исправится,— Пер как будто оправдывался.

— Ах, вам так казалось? — Ван Рийн ткнул в него волосатым пальцем.— Но мы .. хотим быть более уверенными, парень, иначе нам придется терять дорогостоящие корабли.

— А также настоящих людей,— прошептал Мануэль так тихо, что его с трудом можно было расслышать.

— Я читал доклады людей Брандера,— произнес ван Рийн.— А также ваши. Мне кажется, я понял, в чем дело. Когда побываешь на стольких планетах, новый капитан, всегда находишь аналоги для новых явлений. Однако я не уверен. Я думаю иногда, что Бог шутит невинные шутки с нами, бедными смертными. Поэтому я не выскажу своего заключения, пока не услышу из ваших собственных уст, как все это было... Доклады даже по видеоэкрану не имеют вкуса реальности. В вас я снова переживу все события, все схватки, все, что недоступно теперь бедному старику.

И это говорил человек, без посторонней помощи захвативший Борту, Диомед и т'Келу.

— Что же,—— Пер покраснел и принялся вертеть в руках стакан.— Я могу рассказать немногое. Вы все видели так много, что я... один пустяковый эпизод...

Гарри указал на его перевязанную ногу:

— Ничего себе пустяк.

Пер сжал губы.

— Прошу прощения. Ты прав. Там погибли люди.

Я поинтересовался:

— Какого типа эта планета? «Земные условия» — это шутка. Так говорят чиновники в земных офисах, если только на планете можно дышать без скафандра.

— И если выдержишь местную гравитацию в течение получаса,— добавил ван Рийн.

— Что же, Каин не очень плох в низких широтах,— сказал Пер. Лицо его расслабилось, быстрой жестикуляцией он

планеты, существование которой говорит в пользу манихейской ереси, ибо он, ван Рийн, не в силах представить себе, зачем всеблагому Творцу понадобилось создавать такой мир, и бедного несчастного старика спокойно можно будет хоронить, потому что он наверняка умрет, и некому будет его оплакать... В конце концов Тея встревожилась и взяла на себя ответственность изменить их местопребывание. Двое инженеров при помощи роботов сняли со звездолета Лиги силовые установки. Теперь пленникам не улететь, даже если они очень этого захотят. Поэтому они вполне могут спать на борту корабля, а для охраны их достаточно двоих-троих шеннов с бластерами. На третий день, поздно вечером, вернулся Моэт. Встречавшие его подданные подняли такой шум, что стоявшим поодаль ван Рийну с Эдзелом стало не по себе. Моэт обратился к своим вассалам с верхней шлюзовой палубы своего личного космофлиттера. Голос его напоминал раскаты грома. Ответом ему был восторженный рев. Молодые шенны вопили, приплясывали, водили хороводы, стучали кулаками по бортам флиттера, размахивали архаичными мечами и палили в воздух из самых суперсовременных ружей. Над самой высокой из сохранившихся башен замка развевалось ярко-красное знамя.

— Что он говорит? — спросил ван Рийн.

Тея стояла неподвижно, уставившись в пространство невидящим взором. Торговец схватил ее за руку.

— Переведите мне, что он говорит! — К ним двинулся было стражник, но на пути у него встал Эдзел. Ван Рийн гаркнул так, что голос его чуть не перекрыл рев Моэта: — Переведите мне, что он говорит! Я приказываю!

И она, находясь в шоковом состоянии, механически повиновалась. Вскоре после этого пленников загнали обратно в звездолет. Зашипели клапаны шлюзов. На экранах холодные звезды сверкали над серыми тенями датинской ночи; у стен ярко освещенного замка полыхали громадные костры. Из шумоуловителей доносилось завыванье ветра, рев горнов, грохот барабанов, клацанье мечей и вопли шеннов.

Ван Рийн сказал Эдзелу:

В твоем распоряжении целый час. Займись, чем хочешь. Мне надо посидеть со святым Дисмасом. Хочу, понимаешь, исповедаться.— Потом, хмыкнув, прибавил: — Спорим на что угодно: от моей исповеди у него уши завянут!

Я, пожалуй, займусь медитированием,— сказал Эдзел, а через час приду к вам на мостик.

Именно там, на мостике, ван Рийн объяснил одиниту, почему он сдался в плен у безымянной звезды.

Но ведь мы могли и улизнуть от них,— возразил Эдзел.— Разумеется, шансов было ничтожно мало. Но в худшем случае они догнали бы нас и уничтожили. Наша смерть была бы мгновенной, зато мы умерли бы на свободе, так сказать, геройски. Неужели вы предпочли участь раба на Датине?

— Послушай,— ответил ван Рийн необычайно серьезно,— необходимо, крайне необходимо, чтобы у нас дома узнали,

лина, поросшая густым лесом. Небо бледное, оранжевый солнечный свет искажал цвета. Шивару стоял очень прямо, напряженно глядя в объектив. Он был около двух метров роста, как сказал Пер, телом он походил на длинного человека с широкой грудью. Рыжевато-коричневая шерсть покрывала все тело до кончика элегантного хвоста. Голова меньше напоминала человеческую: на вершине черный гребень, зеленые глаза с длинными узкими зрачками, круглые подвижные уши, плоский нос, очень похожий на кошачий, толстогубый рот с торчащими по углам клыками и челюсть, суживающаяся книзу в форме буквы У. На нем было что-то вроде львиной шкуры и ожерелье из необработанных полудрагоценных камней. В левой руке он сжимал боевой топор с обсидиановым лезвием, за поясом торчал стальной нож, полученный от землян.

— Они более или менее млекопитающие,— продолжил Пер,— хотя есть отличия в анатомии и биохимии, как и следовало ожидать. Сложная система экзо- и эндотермических реакций в крови регулирует температуру тела.

— Выделение пота нечасто встречается на холодных планетах земного типа,— заметил ван Рийн.— Если долго приглядываться к чему-либо, то обязательно найдешь аналог тому, что встречал раньше. Эволюция образует параллельные линии.

— А также отклоняющиеся линии,— добавил я.— Брандер анатомировал их тела?

— Ни одного милдивана,— ответил Пер.— Но они присылали ему столько мертвых тел лугалов, сколько он не просил, а лугалы принадлежат к тому же виду, несомненно.— Он вздрогнул.— Надеюсь, они не убивали лугалов специально для землян.

Мое внимание перешло на существо, скрывающееся за Шивару. Это был другой каинит — приземистый, коротконогий, с коричневой шерстью. Лоб и подбородок были развиты слабо, на лице почти не было носа. Это существо было голым, если не считать тяжелого тюка, колчана со стрелами, лука и двух копий, торчащих из-за мускулистой спины. Я видел, что кожа существа натерта тяжестями, которые ему приходилось перетаскивать.

— Это лугал? — спросил я.

— Да. Видите ли, на этой планете два вида, и чем дальше развивается эволюция, тем больше они отходят один от другого. Все равно, как если бы австралопитеки дожили бы до наших дней. Милдиваны превратили лугалов в рабов — по крайней мере в Улаше, а также, если судить по нашим разведочным полетам, по всему Каину.

— Не очень-то хорошо обращаются с этими бедными дьяволами, а? — вставил Гарри.— Я не стал бы доверять рабу с оружием.

— Но лугалам можно абсолютно доверять,— возразил Пер.— Как собакам. Они выполняют тяжелую монотонную работу. Милдиваны, и мужчины и женщины, колдуны, художники, охотники и тому подобное. Вся культура основана

милдиванами.— Он отпил из стакана; нахмурившись.— Хотя я не вполне уверен в том можно ли применить к ним слово «культура».

— Как это так? — Ван Рийн высоко поднял брови над своими маленькими глазками.

— Ну... у этих милдиванов нет ничего похожего на нацию, племя или любой другой вид общества. Семейные группы распадаются, когда самец становится слишком стар, чтобы удержать семью. Молодые самцы отделяются, к ним присоединяются несколько молодых самок. Их лугалы уходят вместе с ними, как собаки. Насколько я мог понять, такие семьи лишь случайно контактируют друг с другом. Изредка меновая торговля, иногда временные объединения для охоты на особо крупного зверя, случайные стычки между индивидуумами — и это все.

— Но этого не может быть,— возразил я.— Разумные расы нуждаются в большем. Передача традиций, что-то должно стимулировать развитие мозга. Разум не может развиваться только как биологическая функция.

— Меня это тоже смущает,— согласился Пер.— Я много разговаривал с Шивару и другими каинитами, время от времени посещавшими наш лагерь. Они были не менее любопытны к нам и тоже старались добиться успеха в торговле. Но что за работа! Целая планета — два или три миллиарда лет особой эволюции — и у них есть только упрощенный язык Улаш для начала, скромный словарь, который составили люди Брандера. Мы не могли углубляться в тонкости. И особенно, когда речь заходила о странностях их образа жизни. К концу, однако, передо мной стало что-то мерцать. Получалось, что, несмотря на свой придурковатый вид, лугалы далеко не глупы. Может, они не менее умны, чем их хозяева, но по-своему, во всяком случае, между ними не слишком большая разница. И в любом из этих патриархальных селений в пещере или под навесом в лесу всегда больше лугалов, чем милдиванов. Каждый член семьи, даже ребенок, имеет по нескольку рабов. Среди милдиванов нет кланов или племен, но нечто подобное наблюдается у лугалов. Лугалов посылают с поручениями в другие семейства милдиванов: с товарами для обмена, с известиями и так далее: они возвращаются назад с новостями. Милдиваны выращивают лугалов сознательно: у них есть некоторые практические сведения по генетике. Лугалам часто разрешают быть свободными, когда нет работы, так же как и мы разрешаем бегать собакам. У лугалов есть свои знахари и колдуны. Не следует думать, что с ними обращаются жестоко. По нашим стандартам так оно и есть, но Каин — жестокая планета, и даже жизнь самих милдиванов не так уж легка. Разумный лугал ценится высоко. Он назначается старшим среди других лугалов, учит маленьких детей милдиванов ремеслам, и в некоторых случаях хозяин даже спрашивает у него совета, как поступить в той или иной ситуации. Некоторые семьи разрешают таким лугалам есть и спать в их жилищах, как мне го-

ворили. И вспомните, что он исключительно предан своему хозяину. То, как обращаются с другими лугалами, для него ничего не значит. Он с радостью помогает выбраковывать слабых, наказывает ленивых и все такое. Таким образом, я как будто нашел ответ на ваш вопрос. У милдиванов есть общественная жизнь, есть большие, чем семьи, объединения, но не прямые, а косвенные, через лугалов. Милдиваны — создатели и новаторы, лугалы сохраняют традиции и осуществляют связь между поколениями. Я могу утверждать, что такие отношения между ними существуют так долго, что биологическая эволюция привела к неразрывной связи этих двух видов.

— Ты говоришь о них так спокойно и дружелюбно,— сказал Гарри,— как будто забыл, как они поступили с вами.

— Но вначале они были хорошими созданиями,— по голосу Пера я понял, как тяжело он перенес случившееся.— Гордые, как Сатана, но не жестокие. Честные и щедрые. Приходя в лагерь, они всегда приносили подарки и не требовали платы. Два или три раза предлагали нам помощь лугалов в работе. В этом не было необходимости, но они не понимали. Когда же поняли, то были очень поражены. Так во всяком случае считаю я. Трудно быть уверенным, ибо они не могли признать кого-нибудь могущественней и сильней себя. Каждое существо считает себя высшим созданием во всем мире. Но они признавали нас равными. Я не старался объяснить им, откуда мы на самом деле. «Из другой страны». Для практических целей такое утверждение вполне подходит. Шивару особенно интересовался нами. Он был уже не молод, большинство его детей выросло и отделилось. В своем роде он считался даже богатым, передовым — экспериментировал со скотоводством, как добавочным источником пищи, наряду с охотой, и его советы всегда внимательно выслушивались остальными. Однажды я взял его с собой в флиттер, и он был возбужден и счастлив, как ребенок: в следующий раз привел трех своих жен, чтобы они тоже порадовались. Время от времени мы вместе охотились. Боже, вы посмотрели бы, как он гнался за этими огромными рогатыми животными, вскакивал им на спины и валил одним ударом топора! Затем его лугалы свежевали добычу и тащили ее в лагерь. И поверьте мне, мясо чертовски вкусное. В биохимии каинитов не хватает некоторых наших витаминов, но в целом человек может вполне питаться их пищей. Большую часть времени мы с ним разговаривали. Может, это будет для вас странным, фримены, но я никогда раньше не проводил столько часов за разговорами с другим существом. Мы старались пополнять словарь, пытались понять друг друга, и оба были так увлечены этим, что забывали даже о еде, пока Мануэль или Черкез — это главный лугал — сухой и старый каинит, напоминавший мне дружелюбных старых гномов из детских сказок,— пока один из них не приходил за нами. Иногда я приходил в себя и с удивлением замечал, что любуюсь его красотой. Каиниты хорошо сложены и грациозны, как кошки, и смертельно опасны, когда котятся этого. Это мы тоже узнали

со временем. У нас было любимое место под защитой скалы на склоне холма за лагерем. Скала за нашими спинами была теплой, она казалась еще теплее, когда я смотрел на бледное сморщенное солнце и на свое дыхание, белым облачком вырисовывающееся на фоне жемчужного неба. Высоко-высоко над нами кружил хищник в поисках добычи, потом птица вдруг неожиданно метнулась в сторону — в разреженном воздухе я отчетливо слышал свист ветра в ее крыльях — и скрылась за вершинами деревьев внизу в долине. Листва деревьев имела миллионы оттенков цвета, как будто стояла бесконечная осень. Шивару сидел на корточках, охватив хвостом колени, рядом с ним на земле лежал топор. Черкез и один или два других лукала горбились на приличном удалении. Глаза лугалов никогда не отрывались от милдиванов. Иногда к ним присоединялся Мануэль, когда не был занят на строительстве. Помните, Мануэль? Вы не всегда могли быть с нами.

— Да, капитан,— отозвался Мануэль.

— Ну,— продолжал Пер,— глубокий голос Шивару звучал все дальше и дальше. Он был полон планов на будущее. Никаких вопросов о торговом договоре — у них не было никаких организаций, с которыми мы могли бы заключить договор,— но он предвидел, как его люди приносят то, что мы хотим, в обмен на то, что мы им предлагаем. И он был достаточно умен для того, чтобы понять, как воздействует на них существование постоянного торгового поста, общего места всех встреч. Начнется более близкое общение. Пустит корни идея более тесного объединения. Он видел это впереди, выходя за рамки тех узких понятий, к которым привык. Например, он считал, что множество милдиванов, работая вместе, смогут наиболее полно использовать нерест на реке Мукуньян. Можно будет построить больше крепких каноэ и отправиться на поиски новых охотничьих угодий. Ну и тому подобное. Потом уши его, выражая внимание, начинали двигаться, усы дрожали, он наклонялся вперед и расспрашивал о людях. Из какой страны мы пришли, какая там дичь? Как мы женимся и воспитываем детей? О, он взрывался целым космосом вопросов! Постепенно, по мере расширения словаря, вопросы его становились все более отвлеченными. Мы начали изучать основы психологии каждого и были совершенно поглощены этим занятием. Я был не очень удивлен, узнав, что его культура не имеет религии. Вообще он с трудом понял мой вопрос об этом. У них практикуется колдовство, но они рассматривают его как разновидность технологии. Они не знают анимизма, у них нет аналогов антропоморфизма. Милдиваны очень хорошо знают, что они господствуют над любым растением или животным. Мне кажется также, хотя я в этом не очень уверен, у них есть смутная идея перевоплощения. Но эти вопросы не очень их интересуют, так же как и проблемы происхождения. Жизнь есть то, что существует. Мир — это такой феномен, в котором нужно либо господствовать, либо быть побежденным. Шивару спрашивал меня, почему я задаю вопросы о таких самоочевидных вещах.

Пер покачал головой. Взгляд его скользнул по повязке на ноге.

— Вероятно, в этом была моя первая ошибка.

— Нет, капитан,— мягко сказал Мануэль.— Откуда вы могли знать, что у них нет души?

— Нет ли? — пробормотал Пер.

— Оставим это теологам,— вставил ван Рийн.— Мы платим за то, чтобы они решали эти вопросы. Продолжай, мальчик.

Я видел, как Пер старается ободриться.

— Я попытался объяснить идею Бога,— начал он вновь свой рассказ.— Уверен, что это мне удалось. Шивару выглядел удивленным... и обеспокоенным. Вскоре после этого он ушел. Упоминал ли я, что милдиваны используют барабаны для связи на большое расстояние? Всю ночь я слышал грохот барабанов из долины, далеко на холмах слышался ответный рокот. В течение недели нас никто не навещал. Но Мануэль, бродивший по окрестностям, видел множество следов. За нами все время наблюдали. Вначале я почувствовал облегчение, когда вновь пришел Шивару. Вместе с ним было несколько других туземцев: Ферагхир, Тулитур — не менее значительные, чем он. Они направились прямо ко мне. Я знал об их приближении, так как их заметили наши автоматы, рубившие лес. Мы использовали в строительстве много местных материалов, в том числе и бревна. Обрубали деревья силовым лучом, грузили на гравитележки и везли на строительство. Воздух был полон гула и грохота, звона и треска, а ветер пронизывал, как луч лазера. В облаке пыли я с трудом различил наш корабль и жилые навесы около него: лучи солнца едва пробивались на площадку. Они подошли ко мне, эти трое высоких охотников, в сопровождении дюжины вооруженных лугалов. Шивару поманил меня.

— Идем,— произнес он.— Тут не место для милдивана.

Я посмотрел ему в глаза, они были непроницаемы, как будто он поставил стеклянную маску между собой и мной. Правду сказать, у меня по коже пробежал озноб. Я был безоружен, мы все были безоружны, за исключением Мануэля — вы знаете новомексиканцев,— и я боялся, что сделаю хуже, если пойду за оружием. Я на языке Улаш приказал Тому Вуллису занять мое место и попросил Мануэля пойти со мной. Если автохтоны вбили себе в голову, что мы хотим причинить им ущерб, вряд ли их успокоит, если я буду при них говорить по-английски — на языке, которого они не понимают. Не было сказано ни слова, пока мы не очутились вдали от пыли и шума, на нашем старом месте у скалы. Сегодня она не казалась теплой.

— Я приветствую вас,— сказал я милдиванам,— и прошу есть и спать с нами.— Это местная форма вежливости для посетителей.

Но я не получил обычного ответа. Тулитур взмахнул копьем, которое он держал, и спросил — не грубо, понимаете, а с каким-то неприятным оттенком в голосе:

— Зачем вы пришли в Улаш?

— Зачем? Но ты знаешь. Торговать.

— Нет, подожди, Тулитур,— прервал Шивару.— Ты не то спрашиваешь.— Он повернулся ко мне.— Кто вас послал?— спросил он.

— И я должен вас спросить, фримены, понимаете ли вы, что такое черный голос? Я не собирался увиливать от ответа. Мы что-то сделали неправильно, но у меня не было ни малейшего представления, что же именно. Ложь или увертки могли улучшить дело, но могли и ухудшить его. Я видел, как солнце блестит на лезвиях топора, и испытывал радость, что со мной Мануэль. Шум лагеря доносился сюда слабо. Либо мы далеко отошли, либо усилился ветер. Я заставил себя смотреть прямо на него.

— Ты знаешь, что мы здесь ради таких же людей, но оставшихся дома,— начал я.

Мускулы под его шерстью напряглись, к тому же... я не очень хорошо понимаю выражение лица туземца. Но губы Ферагхира обнажали его зубы, как будто он встретил врага. Тулитур держал копье наготове. В докладах Брандера сообщалось, что милдиваны никогда не ведут себя так в присутствии друзей. Однако понять Шивару было трудно. Готов поклясться, что он сожалел. О чем?

— Вас послал Бог? — спросил он.

Это дало завершающий штрих к этой сумасшедшей картине. Я засмеялся, хотя на самом деле никакого веселья не ощущал. И в голове у меня звенело. Я понял семантическую трудность. В Улаше используются несколько разновидностей повелительного наклонения. Приказ отца сыну отличается от приказа другому милдивану, побежденному в схватке, и оба они отличаются от распоряжений, отдаваемых лугалу, и так далее, в таком широком масштабе, которого не могли представить наши психолингвисты. Шивару хотел знать, являюсь ли я рабом Бога. Конечно, сейчас было не время рассказывать ему историю религии, к тому же я не очень силен в этом. Я только сказал: нет, мы не рабы Бога. Бог — это символ, в чье существование верят некоторые из нас, но далеко не все. И он определенно не давал мне никаких приказов. Это удивило их. Дыхание со свистом вырывалось сквозь клыки Шивару, гребень на его голове поднялся, хвост хлестал по ногам.

— Тогда кто же послал вас? — почти закричал он. Я мог бы перевести этот вопрос и так: «Кто же ваш владелец?»

Я услышал щелчок, это Мануэль раскрывал кобуру. За спинами милдиванов лугалы приготовили топоры и копья. Можно представить себе, как я тщательно выбирал слова для ответа.

— Мы здесь свободны,— сказал я,— как часть общества.— Или, быть может, слово, которое я употребил, означало «содружество»? Я не мог объяснить особенности нашей экономики.— В нашей стране,— сказал я,— никто не является лугалом. Вы видели, как за нас работают наши машины. Нам вообще не нужны лугалы.

— Ах-х-х! — Ферагхир взмахнул копьем. Мануэль взвел курок.

— Я считаю, что вам лучше уйти,— сказал он туземцам,— прежде чем начнется схватка. Мы не хотим убийства.

Брандер демонстрировал туземцам действие нашего оружия, мы тоже. Никто из капнитов не двигался, как нам показалось, в течение вечности. Волосы на лугалах встали дыбом. Они были готовы броситься на нас и умереть во славу своих хозяев. Но это слово не было произнесено. Три милдивана обменялись взглядами. Шивару проговорил безжизненным голосом:

— Мы должны обсудить это.

Они повернулись и пошли по длинной шуршащей траве, лугалы следовали за ними. Барабаны гремели дни и ночи. Мы между собой долго обсуждали события. В чем дело? Милдиваны были примитивны и необразованны по стандартам здравого смысла, но далеко не глупы. Шивару не был удивлен, что мы отличаемся по виду от жителей Каина. Например, то обстоятельство, что мы живем обществом, а не отдельными семьями, было одной странностью и скорее интриговало, а не шокировало его. И, как я уже говорил вам, хотя обширные объединения не были приняты у милдиванов, время от времени они все же объединялись. В таком случае, что же в нас ему не понравилось? Игорь Ющенков, офицер «Королевы Марии», высказал правдоподобное объяснение. Если они считают нас рабами, значит, наш хозяин должен быть еще могущественнее. Может, они считают, что мы готовим базу для вторжения?

— Но я ясно сказал им, что мы не рабы,— ответил я.

— Не сомневаюсь, но поверили ли они вам?

Можете себе представить, как я ворочался в своем навесе. Должны ли мы собрать свои механизмы, найти другой район и начать все заново? Это означает уничтожение всего, чего мы добились. Изучение нового языка было самой легкой проблемой. Но перемещение мало что дало бы нам. Полеты на флиттере показали, что повсюду на Каине один и тот же образ жизни, как на Земле в палеолитическую эру. Если мы каким-то образом нарушили не просто местное табу, а нечто фундаментальное... Я не знал этого. Сомневаюсь, что Мануэль проводил больше двух часов за ночь в своей постели. Он был слишком занят укреплением системы нашей обороны, тренировкой людей, проверкой постов и бдительности. Но следующий наш контакт был внешне совершенно мирным. На рассвете меня поднял часовой, сообщивший, что появилась группа туземцев. Ночью поднялся туман, затянув влажной серой дымкой весь мир, так что трудно было что-либо различить и в трех шагах. Выйдя, я услышал треск припарковавшегося поблизости трактора — единственный отчетливый звук во всеобщей заглушенности. Тулитур и другой милдиванин стояли в окружении пятидесяти лугалов. Их шерсть была покрыта влагой, а оружие блестело от инея.

— Они двигались ночью, капитан,— заметил Мануэль.— Для лучшей скрытности. Несомненно, за пределами видимости ждут другие.

Он послал со мной взвод охраны. Я в соответствии с ритуалом приветствовал их, как будто ничего не случилось. И вновь я не получил никакого ответа. Тулитур только сообщил:

Мы пришли для торговли. За ваши товары мы дадим вам меха и травы, которые вам так нравятся.

Это было удивительно, тем более что наш торговый пост был построен лишь наполовину. Но я не мог отказаться от того, что, возможно, было оливковой ветвью.

— Хорошо,— сказал я.— Идемте, поедим и переговорим.

Хороший ход, решил я. Совместная еда накладывает некоторые обязательства, как на Земле, так и в Улаше. Тулитур и его товарищ, Вокзахан, теперь я вспомнил его имя, не поблагодарили, но вошли в корабль и сели за стол в кают-компании. Я решил, что так будет более впечатляюще, чем под навесом, к тому же не так холодно. Я приказал принести бекон и яйца — пищу, которую, как я знал, любили каинйты. Они сразу же перешли к делу.

— Сколько вы хотите продать нам?

— Это зависит от того, что вы хотите купить и что у вас есть в обмен,— я решил соревноваться с ними в любезности.

— Мы не принесли ничего с собой,— объяснил Вокзахан,— потому что не знали, согласитесь ли вы торговать.

— Почему мы не согласимся? — ответил я.— Ведь для этого мы и пришли. Между нами нет споров, не так ли?

Ни один зеленый глаз не моргнул.

— Нет,— произнес Тулитур,— споров нет. Мы хотим купить пистолеты.

— Такое оружие мы не можем продать,— я вынужден был сразу покончить с этим и не хитрить.— Однако мы можем вам предложить ножи и множество других полезных инструментов.

Они помрачнели немного, но спорить не стали. Наоборот, тут же принялись обсуждать условия обмена. Они хотели получить как можно больше и не снижали цены. Но милдиваны желали взять вещи в кредит. Они сказали, что наши товары понадобятся им немедленно, а сбор трав и мехов на обмен потребует времени. Это ставило меня в неприятное положение. С одной стороны, милдиваны всегда действовали честно, и, насколько я могу судить, всегда говорили правду. К тому же я не хотел отказывать им. С другой стороны... но вы все понимаете не хуже меня. Я льщу себе, но я дал им дипломатический ответ. Мы нисколько не сомневаемся в их добрых намерениях, сказал я. Мы всегда знаем, что милдиваны хорошие парни. Но всегда может произойти нечто неожиданное, и мы потеряем огромную сумму. Тулитур хлопнул по столу и фыркнул:

— Следовало ожидать таких опасений. Хорошо, мы оставим наших лугалов, пока не будет собрана плата. Они стоят очень дорого. Но вы будете должны отвезти товары туда, куда мы укажем.

Я решил, что на таких условиях они могут получить половину запрашиваемых товаров.

Пер замолчал и прикусил губу. Гарри наклонился и взял его за руку. Ван Рийн проворчал:

— Да, черт возьми, никто не может предвидеть всего, но всегда следует ожидать худшего. Ты поступил правильно, мальчик. Абдал, еще выпивки, ты считаешь, что мы на Марсе?

Пер вздохнул.

— Мы погрузили товары на гравитележку,— продолжал он.— Мануэль сопровождал ее на вооруженном флиттере — предосторожность не помешает. Но ничего не случилось. Примерно в пятидесяти километрах от лагеря милдиваны попросили наших людей остановиться на берегу реки. Здесь стояли каноэ, около них — несколько других милдиван. Было ясно, что дальше они намеревались перевозить товары самостоятельно, и Мануэль спросил, есть ли у меня какие-нибудь возражения.

— Нет,— ответил я.— Какая разница? Они хотят сохранить в тайне место назначения. Они нам больше не доверяют.

За Мануэлем на экране я видел смотрящего на нас Вокзахана. Наши коммуникаторы и раньше очаровывали посетителей лагеря. Но на этот раз мне показалось, что на его лице промелькнула усмешка. Я был занят обеспечением и размещением лугалов. При них всегда находились один или два охранника. Не то чтобы я ожидал неприятностей. Я слышал, как хозяева сказали им: «Оставайтесь здесь и делайте все, что прикажут земляне, пока мы не вернемся». Тем не менее я беспокоился, так как знал, что в лагере находится целая свора этих домашних собак милдиванов. Они сидели по-звериному. Когда ночью загремели барабаны, они беспокойно задвигались по отведенному им павильону, переговариваясь на языке, о котором в записях Брандера не было никаких сведений. Но на следующее утро они были вполне кроткими. Один из них даже спросил, не могут ли они помочь нам в работе. Я чуть не засмеялся, представив себе лугала среди приборов пятисотсильного трактора, и сказал им, что мы благодарны, но их помощь не нужна: они должны только ждать. Несколько раз на протяжении следующих трех ночей я пытался вступить с ними в беседу, но ничего из этого не вышло. Они отзывались, однако ответы их были бессмысленными.

— Где вы живете? — спрашивал я.

— Там, в лесу,— говорил лугал, глядя на пальцы ног.

— Что за работу вы выполняете дома?

— Ту, что велит мой милдиванин.

Я отступил. Тем не менее они не были глупы. У них были какие-то игры, и они в них играли, используя глиняные фигурки, значение которых я так и не смог разгадать. На рассвете они строились в ряд и пели: странная печальная песня с импровизациями, которая иногда заставляла меня ощущать нервную дрожь. Большую часть времени они спали или сидели, уставившись в пустоту, но изредка по нескольку собирались в кружок, обхватив друг друга руками за плечи, и о чем-то шептались. Ну... я рассказываю слишком долго. На нас напали незадолго до рассвета, на четвертый день.

Позже я узнал, что там было около ста милдиванов и одно небо знает, сколько лугалов. Они сошлись повсюду на этой

ужасной территории, называемой Улаш, созванные барабанами... Их разведчики обнаружили наши пикеты, и, пока град стрел обрушивался на эти места, большая часть отряда ворвалась внутрь. Однако не могу сказать вам слишком много. Я был ранен...— Лицо его исказилось.— Что за проклятие! И в первом самостоятельном полете!

— Продолжай,— попросил Гарри,— ты не рассказывал нам подробности.

— Их немного,— Пер вздрогнул.— Первые же крики разбудили меня. Я сунул ноги в сапоги, набросил куртку, шаря руками в поисках оружия. В то же время в полный голос зазвучали сирены. Даже сквозь них я услышал у своего навеса выстрелы из бластеров. Я выскочил наружу. Все было черным кипящим котлом. Сверкали выстрелы из бластеров, гудели сирены, раздавались крики туземцев. Холод охватил меня. Свет звезд отражался инеем, покрывавшим холмы. Я на мгновение удивился, как много здесь звезд и какие они яркие. Затем Ющенков включил прожекторы на башенке «Марии». Внезапно над нашими головами вспыхнуло солнце, слишком яркое для нас. Каким же оно должно было показаться каинитам? Сине-белая невероятность, я думаю. Они кишели между нашими навесами и машинами, высокие охотники в леопардовых шкурах, приземистые коричневые гномы, топоры, копья, дубинки, луки, кинжалы в их руках. Я видел только одного человека, распростертого на земле, пальцы его сжимали пистолет, а голова являла собой размозженный ужас. Я поднес ко рту командный микрофон — на всякий случай я его всегда ношу у пояса — и принялся отдавать приказы, пробираясь к кораблю. У нас было мощное оружие, но нас было двадцать, нет, девятнадцать или даже меньше против всего Улаша. Наше расположение было предназначено и для обороны. Два человека спали в корабле, остальные — под навесами вокруг него. С полдюжины часовых пробрались на корабль, остальные все еще лишь пытались пробиться к нему. Мы должны были выручить их, да побыстрее. Иначе будет слишком поздно. Я видел, как наши парни показались из своих укрытий у посадочных стабилизаторов. Даже теперь я помню, как бежал Зерковский, не застегнув свою парку, и она болталась вокруг его голых ног. Он никогда не спал в пижаме. Вы заметили, что в самые напряженные моменты обращаешь внимание на такие подробности? А каиниты начали разбегаться, ошеломленные светом. Они не ожидали этого, как и сирен, звук которых ужасен даже для привычных ушей. Несколько их лежали ранеными или убитыми.

Все, что я сам видел, было ревущим, воющим, звенящим потоком. На меня напали сзади. Я упал им под ноги. Они перепрыгнули через меня и оставили меня в тисках лугала. Он лежал на моей груди и старался сжать мое горло руками и зубами. Черт возьми! Это создание было очень сильным. Сантиметр за сантиметром он сжимал мое горло. Вдруг появился другой лугал. Он подобрал дубинку упавшего каинита и ударил меня по подвернувшемуся месту — таким местом оказалась

моя нога. И после этого я не чувствовал ничего, кроме боли и ярости, а потом наступила тьма. Дело, конечно, в том, что лугалы-заложники освободились. Я должен был ожидать этого. Даже без особого приказа они не могли оставаться в стороне, когда сражались их хозяева. Но, несомненно, они получили приказ. Тулитур и Вокзахан провели нас. Они получили безвозмездно большую партию товаров и к тому же разместили подкрепление для атакующих в самом нашем лагере. Но даже и в этом случае их план не удался. Они не представляли нашей реальной силы. Да и как они могли ее представить? Мануэль один убил двух напавших на меня лугалов. Для этого ему потребовалось два выстрела. Наши парни образовали кольцо огня, и враги разбежались. Но они сильно повредили нам. Я пришел в себя в лазарете «Королевы Марии». Мануэль сидел рядом со мной, как беспокойный ворон.

— Как дела? — спросил я.

— Вы должны отдыхать, сеньор,— ответил он,— но пусть Бог простит меня, я приказал доктору начинить вас стимуляторами... Нам требуется ваше решение. И немедленно. Несколько человек ранены. Двое мертвы. Трое исчезли. Враги отступили, я думаю, с пленниками.

Он поднял меня на носилки и вынес наружу. Я не испытывал боли, но голова у меня кружилась. Вы знаете, как чувствуешь себя, когда по горло набит наркотиками. Мануэль сказал мне, что кость левой ноги скрепили, но сейчас дело было не в этом... Гувер и Мурамото погибли, Будлис, Ченг и Зерковский исчезли. Лагерь под оранжевым солнцем был неестественно спокоен. Мои люди очистили его, пока я был без сознания. Трупы врагов лежали в ряд. Двадцать три милдиванина — и это число будет преследовать меня до конца жизни — и не знаю сколько лугалов. Вероятно, не меньше сотни. Меня понесли мимо, и я смотрел в их окровавленные лица. Но никого не узнал. Наши пленники были размещены в главном котловане фундамента. Около ста лугалов, но только два милдиванина. Большинство же раненых унесли с собой друзья. С таким количеством конструкций и машин, стоявших вокруг, это не так трудно было сделать. Мануэль объяснил, что остановил нападение заложников парализующими лучами. Это оказалось наилучшим оружием: благодаря ему нельзя заставить лугала сражаться за своего хозяина, даже под угрозой смерти. В углу ямы, глядя на вооруженных людей, стояли два милдиванина. Один был мне незнаком. У него был ужасный ожог от бластера, и наши медики дали ему болеутоляющее. Но другого, невредимого, я узнал. Его уложил парализующий луч. Это был Кочихир, старший сын Шивару, навещавший нас один или два раза с отцом. Мы смотрели друг на друга. Наконец я спросил:

— Почему? Почему вы сделали это?

Каждое слово белым облачком вылетало у меня изо рта, и ветер уносил его.

— Потому что они предатели, убийцы и воры по нату-

ре! — выкрикнул Ющенков, также на Улаш. Группа Брандера позаботилась о том, чтобы собрать все слова, относящиеся к понятиям о чести и бесчестии. Ющенков плюнул на Кочихира. — Мы должны охотиться на них, как на диких зверей, — вспылил он. Гувер был его двоюродным братом.

— Нет,— возразил я на Улаш, потому что среди лугалов раздался ропот, свидетельствующий о возможности любых, самых безумных поступков.— Не говорите так...

Ющенков закрыл рот, и вновь среди этих полосатых людей послышался гул, как рокот океанского прибоя.

— Но, Кочихир,— сказал я,— твой отец был моим хорошим другом. Во всяком случае, я в это верил. Чем мы обидели его и ваших людей?

Он поднял гребень на голове, обернул хвост вокруг лодыжек и фыркнул:

— Вы должны уйти и никогда не возвращаться. Иначе мы будем уничтожать вас в лесах, обрушив на вас холмы, прогоним через ваш лагерь рогатых зверей, отравим источники и сожжем всю траву под вашими ногами. Уходите и не смейте возвращаться!

Я готов был взорваться, в моей голове пульсировала боль, меня охватила лихорадка. Я с трудом проговорил:

— Мы не уйдем, пока не вернут наших пленных друзей. В лагере есть барабаны, которые твой отец подарил мне до своей измены. Вызови своих, Кочихир, и скажи им, чтобы вернули наших людей. После этого, вероятно, мы сможем вести переговоры, но не раньше.

После моей речи он смотрел на меня, не отвечая.

Я поманил Мануэля:

— Нет смысла продолжать разговор. Нужно организовать прочную оборону. Вторично нас не захватят врасплох. И пошлите на поиски флиттеры. Их отряд не мог далеко уйти.

Вы лучше можете рассказать, как со мной спорили, Мануэль. Вы сказали, что посылка флиттеров будет напрасной тратой энергии, которая теперь нам так необходима. Верно?

Мануэль выглядел смущенным.

— Я не хотел противоречить моему капитану,— произнес он.— Но я на самом деле считал, что разведка с воздуха ничего не обнаружит на этих сотнях гектаров лесов, холмов и ущелий. Они могли разделиться, эти дьяволы. Но даже если они шли вместе, инфракрасный локатор вряд ли обнаружил бы их сквозь покров лесов. Но мне не нравится противоречить своему капитану.

— О, вы и не противоречили,— уголок рта Пера поднялся.— После этого я чуть не сошел с ума. Бушевал и кричал на вас, да? Сказал, чтобы вы выполнили приказ и подняли в воздух все флиттеры. Вы отсалютовали и пошли, но я остановил вас. Вы не должны были вылетать лично. Вы слишком ценны для корабля. Я хотел послать человека с опытом жизни в лесу, который смог бы найти следы даже сверху. Но мозг мой все глубже и глубже погружался в какой-то водоворот.

— Посмотрим, как заставить этого обросшего шерстью ублюдка действовать с нами,— я все не мог успокоиться.

— Меня слегка обидело, что капитан так вел себя со мной,— признался Мануэль.— И хотя время от времени на различных планетах, когда бывает крайняя необходимость... но это не к месту.

— Я хотел каким-нибудь образом снизить моральный дух наших пленников,— продолжал Пер.— Сейчас-то я вижу, что нет никакой разницы, помогли бы нам пленники связаться со своими или нет. Каиниты не знают нашего чувства групповой солидарности. Если Кочихир и его приятели попали в наши руки, тем хуже для них, но Шивару и другие достаточно знали о нашей психологии, чтобы понять, что означают для нас эти три пленника.

Я посмотрел вниз на Кочихира. Его зубы сверкнули. Он не издал ни звука, не сделал ни одного движения, хотя даже он, не понимая по-английски, должен был сообразить, что происходит. Я говорил, как пьяный. И, как пьяный, тщательно подбирал слова.

— Кочихир,— сказал я.— Я приказал охотиться на флиттерах за вашими людьми и отобрать наших друзей. Сможет ли милдиванин противостоять летающей машине? Сможет ли он бороться, если наши бластеры сожгут его сверху? Сможет ли он укрыться от глаз, которые видят от горизонта до горизонта? Ваши люди дорого заплатят нам, если не вернут пленных. Бери барабаны, Кочихир, и скажи им это. Если ты этого не сделаешь, то тебе это обойдется дорого. Я приказал своим людям сделать все, чтобы сломить вашу волю.

О, это была отвратительная речь. Но Гувер и Мурамото были моими друзьями. Будлис, Ченг и Зерковский тоже были моими друзьями, если они еще живы. А я был на грани обморока. Я на самом деле лишился чувств при возвращении на корабль. Я услышал, как док бормотал что-то о том, что как он может лечить пациента, если тот начинен наркотиками, которые могут свалить даже верблюда... но слова доносились откуда-то издалека, все вертелось вокруг меня, пока мне не показалось, что я превратился в электрон, пойманный в осциллограф... Тьма стала зеленой и... потом мне сказали, что я сорок часов был без сознания. С этого момента будет рассказывать Мануэль.

К этому времени Пер уже охрип. Он откинулся в кресле, и я увидел, как он побледнел. Одной рукой он привязывал повязку, вермут расплескивался в другой, когда он поднял свой стакан. Гарри с беспомощным гневом, готовый испепелить ван Рийна, смотрел на сына. Торговец же был невозмутим:

— Ну, ну, после такого происшествия я заставил его рассказывать, да? Но скоро обед, и нет лучшего лекарства, чем натуральный бифштекс, а как только он сможет ходить, он явится в мой дом в Джакарте для хорошей оргии.

— О, огонь ада! — вспылил Пер.— Почему вы стараетесь, чтобы я чувствовал себя хорошо? Я испорчу вам весь праздник.

— Ну, сынок,— постарался я его успокоить.— Ты был в хорошем настроении полчаса или час назад, и через полчаса ты снова будешь в хорошем настроении. Вновь переживать такие моменты — самое тяжелое наказание из всех, наложенных Иеговой. Я тоже испытал это. Послушай, Пер, если бы ван Рийн считал, что миссия провалилась из-за твоей ошибки, ты не выпивал бы здесь сегодня. Ты продавал бы мясо людоедам.

Ответом мне был намек на улыбку.

— Ну, дон Мануэль,— сказал ван Рийн,— теперь мы слушаем вас.

— Вы льстите мне, сеньор, но я не док,— ответил тот вежливо, академично и не совсем покорно.— Мой отец был охотником в Сьерра лос Воскес, и я отправился в космос вместе с наемниками Роджерса и стал там сержантом, а потом перешел на службу к вам. Не больше.— Он поколебался.— Я не много могу добавить о случившемся на Каине.

— Не говорите глупостей.— ван Рийн приканчивал третий или четвертый литр пива с момента моего прихода, знаком показывая, чтобы принесли еще. Мой собственный стакан тоже наполнили, и звезды и город снаружи стали слегка покачиваться. Я достал трубку, чтобы немного протрезветь.— Я читал официальные доклады вашей экспедиции,— продолжал ван Рийн.— Они сухи. Мне нужны детали. Те мелкие подробности, которые никогда не попадают в отчеты, наподобие тех, что привел Пер. И я должен себе представить планету во всей реальности, и тогда этот старый котелок, возможно, найдет разгадку. Ибо мой опыт охватывает множество планет, где я, даже я, Николас ван Рийн, падал мордой в грязь. А на ней, хо-хо, вмещается много грязи! Эволюция делает параллели, а также наклонные линии, как кто-то сказал сегодня вечером. Какая линия параллельна эволюции на Каине? Говорите, Мануэль. Смелее. Шутите, пойте песни, стойте на голове, если хотите, но рассказывайте.

— Как пожелаете, сеньор,— начал он.— Голос его был ровным.— Когда моего капитана унесли, я стоял в задумчивости, пока Игорь Ющенков не поинтересовался:

— Ну так кто же поведет флиттер?

— Никто,— проговорил я.

— Но мы получили приказ.

— Капитан ранен и потрясен. Нам даже не следовало поднимать его,— ответил я и сам спросил у стоящих рядом людей: — Разве я не прав?

После некоторого колебания они согласились. Я наклонился над краем ямы и спросил Кочихира, будет ли он передавать с помощью барабана наши условия.

— Нет,— тот был непреклонен,— нет, чтобы вы со мной ни сделали.

— Я ничего не собираюсь делать,— произнес я.— Сейчас вам принесут еду.

Остаток дня я бродил по сугробам, лежащим на склонах

холмов. Да, это была окоченевшая земля, то устремляющаяся вниз долинами, то поднимающаяся холмами и кончавшаяся на горизонте зубцами гор. Я думал о доме и об одной девушке по имени Долорес, которую я когда-то, очень давно, знал. Люди не работали, они толпились, мало говорили, и к вечеру их дыхание инеем стало застывать на их парках. Я говорил с ними по очереди и отбирал тех, которые были мне нужны для выполнения заданий. Они были хорошими людьми, но мало кто из них имел охотничий опыт. Сам я не мог долго выслеживать каинитов, так как они пересекали широкую полосу скального грунта, на котором совершенно не были видны их следы. Но Хамиб ибн Рашид и Жак Нголо в свое время были охотниками. Мы приготовили все необходимое. Потом я отправился на корабль взглянуть на капитана — он лежал тихо. Я почти ничего не ел и мало спал. Когда я вернулся к яме, наступила темнота. Четверо людей, оставленных для охраны, темными тенями вырисовывались на фоне звездолета.

— Вы свободны,— сказал я, извлекая свой бластер...

Их шаги замерли вдалеке. Темные фигуры, скрывавшиеся на дне ямы, шевелились и бормотали. Послышался голос Кочихира:

— А, ты вернулся. Пришел меня пытать?

У этих каинитов глаза видят во тьме не хуже кошачьих. Я раньше думал, что они хихикают, видя, как мы слепнем после захода солнца.

— Нет,— отозвался я,— я только караулю вас.

— Ты один? — фыркнул он.

— С этим,— я показал бластер.

Он замолчал. Холод все больше охватывал меня. Я не думал, чтобы каиниты особенно ощущали его. Звезды медленно двигались над головой, и я начал постепенно отчаиваться в успехе своего плана. Донесился шепот пленников, но в остальном весь мир застыл в холодном безмолвии.

Это произошло с дьявольской быстротой. Лугалы все время безостановочно двигались. И вдруг они бросились на меня. Один вставал другому на плечи, и так они дотянулись до края ямы. Они шли на смерть, так они считали, но я промахнулся. Лугал, бросившийся на меня, был изумлен, что еще жив. Если бы я не промахнулся, на меня набросились бы другие. Два лугала оказались на мне, я пытался оторвать их руки от своего горла. Тяжелые кулаки били меня по голове и животу. Ладонь заткнула мне рот, мешая крикнуть. Тем временем все пленники выбирались из ямы и убегали. В конце концов я высвободил одну ногу и ударил лугала. Он покатился, крик боли застыл в его горле. Я обернулся и ударил другого по горлу ладонью. Когда он обмяк и свалился, я вскочил на ноги и закричал.

Мгновенно взревела сирена и вспыхнул прожектор. Люди бежали от корабля и навесов.

— Назад! — крикнул я.— Не бегите туда, во тьму!

Много лугалов не успело удрать, они отступили к дальней

стене ямы, когда прибежали вооруженные люди. Своими телами они закрывали раненого милдиванина от наших пистолетов. Но мы стреляли лишь вслед бежавшим, да и то безуспешно. Охранники выстроились вокруг котлована. Я шарил по земле в поисках бластера. Его не было. Кто-то забрал его: если не Кочихир, то кто-нибудь из лугалов, который все равно отдаст его Кочихиру. Жак Нголо подошел ко мне.

— Плохо,— решил он, узнав, в чем дело.

— Дьявольски не повезло,— согласился я с ним,— но мы должны преследовать их...

Я встал и стянул свою парку. Под ней был шлем и специальный космический костюм, который и защитил меня в борьбе. Я сбросил его, так как он теперь лишь мог помешать мне, и присоединился к другим. Хамид ибн Рашид нес мои припасы и запасной бластер. Я взял их, и мы втроем начали преследование. Благодаря милосердию Господа нам не привелось раньше испытать очки ночного видения. Они делали мир ясным, но каким-то уж очень нереальным, как во сне. Нашим компасом был инфракрасный следоискатель Нголо, игла прибора, дрожа, указывала направление, куда удалилась группа каинитов. Мы увидели их вскоре, когда они пересекали безлесую часть холма, прячась за булыжниками. Но мы припали к земле, чтобы они не увидели нас на фоне неба. Мы задыхались от бега, когда достигли края леса, но продолжали идти под прикрытием деревьев, чтобы не выпустить каинитов за пределы действия прибора. Он и так стал мерцать, поскольку множество деревьев начали закрывать от нас тепло тел каинитов. Я осторожно шел среди кустарников, раздвигая ветки. Через час мы углубились в долину. Повсюду стояли высокие деревья; небо было скрыто, и я должен был до предела увеличить напряжение в своих ночных очках. Картина начала проясняться. Каиниты двигались обычной походкой, уверенные в том, что им удалось скрыться, но даже без специальных предосторожностей не оставляли следов. Поскольку они не были начеку, мы подошли ближе, и надобность в инфракрасном приборе отпала. Наконец мы вышли на луг, примятая трава которого указывала, что здесь они проходили совсем недавно. И тут каиниты сделали то, чего я опасался. Отряд разбился на три или четыре группы, и каждая двинулась своим путем.

— Которую выберем? — спросил Нголо.

— Нас трое, значит, мы должны следовать за тремя,— ответил я.

— Бисмилла! — выговорил ибн Рашид.— С бластером или без него, я бы не хотел встретиться с ними в одиночку. Но чему быть, того не миновать.

Мы провели в обсуждении дальнейших действий некоторое время, и, очевидно, когда мы разделились, восток начал сереть. Похоже, лугалы двинулись к домам своих хозяев, а рабы Кочихира сопровождали его. А именно Кочихир был

нам нужен. Я предполагал, что самая большая группа его, так как в атаке в первую очередь принимали участие принадлежавшие ему лугалы. Этот след я выбрал для себя. Хамид и Нголо тоже хотели идти по нему, но я, используя свою власть, отстоял эту честь, чтобы народ Нового Мехико никогда не мог говорить, что Мануэлю Гомесу недостает храбрости. Теперь между нами и беглецами было такое большое расстояние, что не было причин не использовать радиопередатчики для переговоров друг с другом и с людьми в лагере. В последующие часы эти переговоры очень ободряли меня. Ибо это было медленное, трудное выслеживание охотников в их собственном мире. И я не уверен, что мне бы удалось это, если бы отряд состоял из милдиван и лугалов, которые используются на охоте. Но, к счастью, в нападении участвовали и лугалы с полей и шахт, домашняя прислуга, а они были менее осторожны. Позже, утром, меня вызвал Нголо.

— Мой отряд подошел к пещере и к навесу около нее,— сказал он.— Я сижу на дереве и вижу, как их встречают женщины и дети милдиванов. Они движутся к навесу. Я думаю, что это жилище их хозяина, и они не пойдут дальше. Должен ли я вернуться на луг и идти по другому следу?

— Нет,— возразил я,— он будет слишком холоден к этому времени. Ступайте на место, где вас не увидят, и вызывайте флиттер.

Через несколько часов сердце подпрыгнуло у меня в груди. Ибо я увидел дерево с несомненными следами выстрелов из бластера. Кочихир практиковался. Я вызвал Хамида и спросил, где он.

— На берегу реки,— ответил он.— Они здесь переправились. Думаю, как перебраться на другой берег.

— Дальше не ходите,— сказал я.— Мой след правильный. Быстрее возвращайтесь в лагерь.

— Что? — удивился он.—Разве я не присоединюсь к вам?

— Нет,— отказался я.— Я же очень близко. Возможно, так близко, что они увидят флиттер и насторожатся.

Думаю, что это был единственный разумный выход. Несколько раз я останавливался для еды и отдыха. Стимуляторы помогали мне выдержать такой длинный путь, что поразились бы даже презиравшие людей каниты. К вечеру след стал таким свежим, что я замедлил ход и пошел со змеиной осторожностью. Здесь, в низине, воздух после захода солнца был не таким холодным, как на холмах. Около полуночи мой инфракрасный детектор отметил источник излучения, слишком мощный для человеческих тел. Я прошептал эту новость по рации и приказал прекратить связь, чтобы нас не услышали. Затем я двинулся вперед. Наконец я оказался на краю небольшой поляны. Здесь горел костер, отбрасывая пляшущие тени на стены большого прямоугольного сооружения без окон, прикрытого деревьями. Два милдиванина склонились над своими копьями. Из отверстия на крыше пробивался свет. Я осторожно

достал свой парализующий пистолет. Два выстрела — и стражи упали. Я пробежал открытое пространство, укрылся в тени здания и стал ждать. Но ничего не было слышно. Только кожаный занавес мешал мне рассмотреть внутренность помещения. Я осторожно отодвинул его и заглянул в образовавшуюся щель. Хотя густой дым и мешал, но я смог рассмотреть, что внутренность здания представляет собой одну длинную комнату. Все вокруг было увешано прекрасными мехами. Около десяти милдиван, в основном, мужчин, сидело на корточках кружком около огня, горевшего в яме и освещавшего их свирепые плоские лица. В углу сгрудилось несколько лугалов. Среди них я узнал старого Черкеза и обрадовался тому, что он уцелел в битве. Лугалов из отряда Кочихира, по-видимому, отправили в бараки. Сам Кочихир рассказывал отцу, Шивару, о своем бегстве. И хотя момент был совсем неподходящим для радости, я дал обет поставить множество свечек перед святыми. Ибо все случилось так, как я надеялся: Кочихир не пошел домой, а явился на заранее условленное место встречи. Зерковский, Ченг и Будлис были здесь же. Они сидели в дальнем конце комнаты, кашляя от дыма. Их прикрывали шкуры, спасающие их от холода. Кочихир кончил свой рассказ и взглянул на отца, ожидая одобрения. Хвост Шивару двигался взад и вперед.

— Странно, что они так заботились о тебе,— удивился он.

— Они подобны слепым детенышам,— фыркнул Кочихир.

— Не уверен,— пробормотал Шивару.— Их сила велика. И... и мы знаем, что они совершали в прошлом.— Голос его внезапно стал острым, шепот резал, как ножом.— Или нет? Повтори, Кочихир, как их хозяин отдал приказ, они же поступили по-другому.

— Но это ничего не значит,— сказал другой милдиванин, седой и покрытый шрамами.— Сейчас мы должны решить, какую пользу извлечь из этих пленных. Ты считаешь, что на них можно обменять наших лугалов, а также Гумуша — Кочихир говорит, что он остался у них. Но я спрашиваю — зачем нам это? Лучше выставить тела пленных там, где земляне смогут их найти. Это послужит для них еще одним предупреждением.

— Правильно,— согласился Вокзахан, который сидел среди собравшихся.— Тулитур утверждает, что они слепы и глупы.

— Вначале надо попробовать обмен,— настаивал Шивару.— Если не удастся...— Его клыки сверкнули при свете огня.

— Убьем одного для примера, а потом поговорим,— гневно спорил Кочихир.— Они угрожали мне тем же.

Гул пробежал между ними, как между зверьми в зоопарке. Я с ужасом подумал о том, что они могут так поступить. Мой капитан говорил вам, что ни один милдиванин не имеет власти над другими. Как бы ни хотел этого Шивару, он не сможет помешать другим сделать так, как они пожелают. Я должен был принять решение немедленно. Бластер не мог перебить их

так быстро, чтобы они не успели схватить оружие, лежащее под руками. К тому же луч мог убить наших людей. Парализующий пистолет лучше, но и он не сможет уложить их раньше, чем я окажусь под ударами топоров. Оставаясь на месте, я мог закрыть их в зданин, так как оно имело один выход, но Зерковский, Ченг и Будлис по-прежнему останутся в их руках. То, что я сделал, несомненно, глупость, ибо я — не мой капитан. Я проскользнул в лес и вызвал лагерь.

— Вылетайте как можно скорее,— сказал я, оставив передатчик для указания направления.

Затем я обошел полянку и нашел дерево, нависающее над сооружением. Я взобрался на него и подполз к дымовому отверстию. Очки защищали мне глаза, но ноздри испытали всю прелесть дыма. Время тянулось страшно медленно, но наконец я услышал гром. Наши флиттеры падали с неба, подобно ястребам. Милдиваны закричали. Двое или трое из них побежали к дверям, чтобы посмотреть, что происходит, я уложил их парализующим пистолетом, но один успел крикнуть:

— Здесь земляне!

Я вновь заглянул в дымовое отверстие. В помещении была суматоха. Кочихир пронзительно крикнул и извлек бластер. Я выстрелил, но промахнулся. Слишком много тел было между нами, сеньоры, другого извинения нет. Я взял пистолет в зубы, ухватился за край дыры и спрыгнул вниз. Я коснулся пола и вскочил на ноги. Черкез попытался схватить меня за горло. Ударом ноги я отправил его в угол и принялся водить пистолетом. Кочихира не было видно в толпе туземцев. Я прокладывал путь к пленникам. Со свистом опустился топор Шивару. Благодаря милости Божьей я уклонился от удара, повернулся и усыпил его, потом проскользнул между двумя туземцами. Третий прыгнул мне на спину. Я ударил его по голове, и он упал, отбросив в сторону какого-то лугала. Я увидел Кочихира. Он приближался к пленникам. Они пытались убежать от него, слишком ошеломленные, чтобы защищаться. На лице Кочихира была написана ненависть. Он неумело прицелился в них, увидел меня краем глаза и повернулся ко мне. Рявкнул бластер, в полутьме сверкнул выстрел. Но я упал на одно колено и спустил курок. Луч бластера опалил мою парку. Кочихир упал. Я наклонился, подобрал бластер и встал рядом с нашими людьми. Вокзахан бросил в меня свой топор, но я сжег его в воздухе. Потом вновь поднял парализующий пистолет. Через одну-две минуты все было кончено. Граната обрушила переднюю стену здания. Каниты падали в огне множества парализующих пистолетов. Мы не стали ждать, пока они придут в себя, и вернулись в лагерь.

Вновь наступила тишина. Мануэль спросил, может ли он закурить, вежливо отклонив предложенную ван Рийном сигару, и взял коричневую сигарету из своего портсигара. Это был любопытный и необычный ящичек, отделанный серебром на планете, которую я не смог определить.

— Уф,— выдохнул ван Рийн.— Но ведь это не вся история. Вы писали, что он еще раз посетил лагерь.

Пер кивнул:

— Да, сэр. Мы уже почти закончили приготовления к отлету, когда появился Шивару в сопровождении других милдиванов и их лугалов. Они медленно шли по лагерю, не глядя по сторонам, гребни на головах напряжены, хвосты вытянуты. Я думаю, они были бы удовлетворены, если бы мы в них выстрелили. Я приказал держать их под прицелом и вышел из-под навеса, чтобы приветствовать их со всеми традиционными условностями. Шивару очень серьезно ответил. Он говорил, с трудом подбирая слова. Он не извинялся. В языке Улаш нет таких слов. Он поманил Черкеза.

— Вы хорошо обращались с нашими пленными,— сказал он.

— Ха! Что еще мы должны были с ними делать, съесть, что ли, их? — ответил я.

Черкез передал мне кожаный мешок.

— Я принес подарок,— Шивару достал из мешка голову Тулитура.— Мы вернем вам все товары, которые сумеем собрать,— пообещал он,— а если дадите нам время, мы за все заплатим двойную цену.

Боюсь, что после такого количества крови я не счел этот дар таким отвратительным. Я только сказал, что мы не любим таких подарков.

— Но мы обязаны восстановить свою честь в ваших глазах,— возразил он.

Я пригласил их поесть, но они отказались. Шивару поторопился объяснить, что они не считают себя вправе пользоваться нашим гостеприимством, пока еще не выплачен их долг. Я сказал им, что мы улетаем. Хотя это было видно по состоянию нашего лагеря, они испугались. Поэтому я сказал им, что, возможно, я или другие люди еще вернутся, но прежде нам нужно отвезти домой наших раненых. Это тоже было ошибкой. Упоминание о том, что они сделали нам, так расстроило их, что они только что-то непонятное бормотали в ответ, когда я спросил, почему они сделали это. Я решил больше не поднимать этого вопроса — ситуация и так была достаточно щекотливой, и они ушли с явным облегчением. Мы еще некоторое время не улетали, пытаясь выяснить причину случившегося, главным образом потому, что все равно придется посылать людей на Каин. Всю дорогу домой мы спорили. Где мы ошиблись? И почему позже все начало налаживаться? Мы до сих пор не знаем этого.

Глаза ван Рийна сверкнули.

— И каковы же ваши гипотезы? — спросил он.

— О,— Пер развел руками.— Ющенков высказал такую мысль. Туземцы решили, что мы готовим сражение. Когда же мы доказали, что действуем не жестоко — не мучили пленников, использовали парализующие пистолеты, а не другое оружие,— они решили, что ошиблись.

На лице Мануэля не дрогнула ни одна мышца, но нос ван Рийна, подобно носу боевого корабля, повернулся в его сторону.

— У вас другое мнение, а? Давайте, выкладывайте.

— Мой долг не позволяет мне противоречить моему капитану.

— Почему же вы тогда не выполнили приказ на Каине? Значит, у вас было свое мнение, черт возьми! Говорите.

— Если сеньор настаивает. Но я не ученый. У меня нет книжных знаний. Я просто подумал, что понимаю... понимаю милдиван. Они немногим отличаются от тех, с кем я воевал, будучи наемником.

— Как это?

— Всю свою жизнь они проводят рядом со смертью. Храбрость и умение сражаться — вот что больше всего нужно им для того, чтобы выжить, и вот что они ценят больше всего. Они думали, видя, как мы используем свое оружие, машины, действующие на расстоянии, как мы слепнем ночью, как большинство из нас беспомощны в лесу,— они думали, что у нас отсутствует храбрость. И поэтому презирали нас. Они не считались с нами, думая, что мы лишены души и никогда не поймем их. Мы — лишь законная добыча, сначала для хитрости, потом для оружия,— Мануэль расправил плечи. Голос его гремел так, что я подпрыгнул на стуле.— Когда же они увидели, как ужасен человек, когда поняли, как они слабее нас, мы в их глазах из преследуемых превратились в королей.

Ван Рийн шумно затянулся.

— Были ли еще какие-нибудь мнения? — спросил он.

— Нет, сэр,— ответил Пер.— Это две основные точки зрения.

Ван Рийн загоготал.

— Ну что ж, располагайтесь свободнее, фримены. Не вертитесь, как ангелы на конце иглы. Отдыхайте и пейте. Вы оба не правы.

— Прошу прощения,— прервал его Гарри,— но осмелюсь сказать, что вы там не были.

— Нет, во плоти там не был,— торговец шлепнул себя по пузу.— Здесь слишком много плоти. Но сегодня вечером я побывал на Каине, вернее, побывал этот старый мозг; он, конечно, проржавел и пропитался алкоголем, но хранит в себе столько информации о Вселенной, сколько, может, не стоит вся Вселенная. Теперь я вижу параллели. Ксанаду, Дунбар, Тамета, Разрушенные земли... о, точной аналогии не существует... однако я представляю себе всю картину и понимаю смысл случившегося. Да аналогии и не требуется. Вы мне дали столько ключей, что я смог решить проблему при помощи одной только логики.

Ван Рийн помолчал. Он столь явно ждал, что мы начнем его уговаривать, что мы с Гарри принялись за свои напитки,

а затем снова наполнили стаканы. Ван Рийн побагровел, тяжело задышал, а потом решил проявить свой характер еще раз и засмеялся.

— Ладно, вы выиграли,— признал он.— Расскажу вам коротко и быстро, потому что скоро обед, если только кухня не провалится ко всем чертям. Ключом проблемы являются лугалы. Вы называете их рабами, и в этом ваша ошибка. Они не рабы, они — домашние животные...

Пер выпрямился.

— Не может быть! — воскликнул он.— Сэр, я хочу сказать, что у них есть язык и...

— Да, да. Я даже готов предположить, что у них в головах алгебра, и все же они прирученные животные. Что такое раб? Человек, который вынужден волей или неволей выполнять то, что ему прикажет другой человек. Верно? Гарри сказал, что он не стал бы доверять рабу с оружием, и я с ним согласен, ибо человеческая история полна восстаниями рабов, бегством рабов, убийством рабами жестоких хозяев и тому подобными глупостями. Но ведь и вы, Гарри, доверяете своим дорогостоящим псам с их зубами? Когда ваш ребенок мал и мочится в пеленки, вы оставляете его одного в комнате с собакой в качестве охранника. Здесь большая разница. Раб может повиноваться, а может и не повиноваться... Но домашнее животное не может не повиноваться. Его гены запрещают ему поступать иначе. Но вы сами упоминали, что милдиваны так долго и сознательно выращивали их с изменением наследственности, что изменилась природа лугалов. Так и должно быть. Иначе лугалы были бы не животными, а рабами, и им бы так не доверяли. Вы предположили также, что милдиваны могли иногда притворяться, но не развили свою мысль до конца. Ибо все, что вы рассказали о милдиванах, доказывает, что они по своей натуре являются д и к и м и животными. Дикими — значит, подобными тиграм или буйволам, у них нет генов повиновения, кроме генов повиновения своим родителям, когда они молоды. Они в течение долгого времени содержали лугалов для выполнения грязной работы — задолго до того, как они стали разумными: готов спорить, что они содержали их, как муравьи тлей. Вспомните, вы не видели ни одного лугала, не зависящего от своего хозяина. Ни одного гена общественности и стадности у милдиванов, ни одного гена свободной воли у лугалов. Так и должно получиться. Это разрушает твою теорию опасности вторжения, Пер. Не имея понятия об армии или племени, они не могли представить себе вторжение. И дикое животное не становится смирным, когда его побьют, Мануэль Гомес. Это по поводу вашей теории. Человек с комплексом превосходства может лизать вам сапоги, если вы докажете ему, что лучше его, но у хищника нет даже представления о гордости. Ну так что же произошло? Люди высадились на планете. У милдиван не было никакого опыта общения с чужими расами. Они, естественно, решили, что вы рассуждаете так же, как и они.

Когда они ближе познакомились с людьми, что же они увидели? Люди получают приказы. Как это может быть? Ни один милдиванин не потерпит приказа, даже если над ним стоять с топором. Ха! Значит, эти чужеземцы — лугалы особого рода. Очень скоро, готов поклясться, Шивару решил, что на корабле все лугалы, за исключением юного Стенвика, ибо, в конечном счете, все приказы исходили от него. Некоторые другие, например, Мануэль,— старшие лугалы, но и только. Покорные животные. И тогда Пер упомянул о Боге...

Ван Рийн перекрестился с раздражающим смирением.

— Я не богохульствую,— продолжал он,— но все знают, что наше представление о Боге — это отражение нас самих. Даже теперь мы согласны, что он — господин всего, мы признаем, что выполняем его волю, и в то же время молчаливо надеемся, что он не воспринимает слишком серьезно такие человеческие слабости, как гнев, гордыня, зависть, обжорство, похоть и все остальное, что только и делает нашу жизнь привлекательнее. Пер сказал о Боге. Он признал его господином. Но это значит, что Пер — тоже лугал, животное. Ни один милдиванин не допустит даже наличия мистического господина, о чем свидетельствует сам факт отсутствия религии у них, хотя у лугалов она, по-видимому, есть. Поразмыслив над услышанным, Шивару вернулся с другими, чтобы расспрашивать дальше. И что же он узнал? Он всегда знал, что всякий повинующийся — есть лугал. И вот Пер говорит, что он не лучше остальных. А выпустили джина из бутылки слова Пера о том, что ни он, никакой другой член экипажа не имеет хозяина дома! Ну, ну, спокойнее, малыш. Ты ведь не мог знать. Знание дается недешево. Бедные милдиваны это тоже поняли теперь. Можете себе представить, как они были встревожены. Даже собаки иногда срываются с цепи. И, несомненно, на Каине некоторые лугалы тоже набрасывались на своих хозяев и причиняли немало бед, прежде чем были убиты. Милдиваны видели ваше могущество и знали, какими опасными вы можете быть... вероятно, ваша порода лугалов сошла с ума и перебила своих хозяев. Иначе как же может существовать лугал без хозяина? Итак, что бы вы стали делать, друзья, если бы жили в одиноком деревенском доме, а по соседству расположилась стая бешеных собак, убивающих людей?

Ван Рийн проглотил кружку пива. Некоторое время мы размышляли.

— Это кажется несколько натянутым объяснением,— вставил Гарри.

— Нет,— щеки Пера горели от возбуждения.— Все сходится. Фримен ван Рийн выразил словами то, что я всегда чувствовал, узнав как следует Шивару. Его... его прямодушие. Такое впечатление, будто он не может видеть некоторые вещи, понять определенные идеи, хотя его мыслительные способности развиты не хуже моих Да...

— Ну вот, и двое из них решили захватить вас врасплох,—

произнес ван Рийн,— и попытаться надуть, прежде чем напасть на вас: они не были уверены, что атака удастся. С их точки зрения вы были животными, чьи предки уничтожили целую расу людей. Поэтому встревоженные милдиваны постарались смести вас с лица земли. Им это не удалось, но они надеялись шантажировать вас пленниками, чтобы вы убрались домой. Но на этот раз их опередил Мануэль.

— Но почему они изменили свое мнение о нас? — спросил Пер.

— Ха, здесь вам повезло. Ты отдал совершенно ясный и важный приказ. Твои люди не подчинились ему. Лугалы могут сойти с ума, могут убить своего хозяина, но их природа не позволяет им не выполнить приказ. Если они не делают этого, то они настолько безумны, что не могут совершать последовательных действий. Между тем Мануэль действовал, и действовал успешно. Его стратегия сработала безупречно. К тому же ваши люди убили не больше милдиван, чем это было необходимо, а сошедшие с ума лугалы так бы не поступили. Следовательно, вы не могли быть домашними животными, здоровыми или больными. А поэтому вы — дикие животные, мозг каинита — узкий мозг, как вы сами говорили, не может представить третьего рога на голове быка. Поскольку вы доказали, что вы не лугалы, следовательно, вы милдиваны. Доказательство противоположного — вы получали приказы или знания от Бога — все это могло быть следствием недоразумения со стороны каинитов. Поняв это, Шивару решил, что поступил с вами нечестно. В глубине души он чувствовал себя ответственным за это. Вы сами говорили, что у милдиван есть понятия о честности по отношению к другим милдиванам. К тому же, он не хотел упустить возможность выгодной торговли с вами. Он убедил друзей. И они попытались исправить сделанное.

Ван Рийн в восторге потер руки.

— О-хо-хо! Какими отличными партнерами они будут для нас! — заревел он.

Мы сидели некоторое время, обсуждая эту возможность, пока дворецкий не объявил об обеде. Мануэль помог Перу встать.

— Мы проинструктировали всех, кто отправится на Каин,— сказал Пер.— Мы должны доказать, что мы не дикие животные, а люди.

— Но, капитан,— Мануэль высоко поднял голову,— мы же действительно дикие животные.

Ван Рийн остановился и некоторое время смотрел на нас. Потом он яростно покачал головой и по-медвежьи побрел к прозрачной стене.

— Нет,— проворчал он.— Только некоторые из нас.

— Как это? — удивился Гарри.

— Мы здесь, в этой комнате, действительно таковы,— сказал ван Рийн.— Мы поступаем так, потому что хотим или считаем это правильным. Никаких других причин, верно? Если

нас превратят в рабов, будет не очень мудро давать нам оружие в руки, верно? Но как много в истории Земли было рабов, облеченных полным доверием своих хозяев! Были даже армии рабов, всецело преданные нычар. А сколько людей и сегодня в душе являются домашними животными. Они хотят, чтобы кто-нибудь другой сказал им, что нужно делать, и чтобы кто-нибудь другой позаботился об их нуждах и защитил их от других и от самих себя. Почему все подлинно свободные человеческие общества оказываются такими недолговечными? Не потому ли, что люди, подобные диким животным, рождаются там удручающе редко?

Он взглянул на город, сверкающий и мерцающий бесконечными огнями под звездным небом, теряясь за горизонтом из-за кривизны планеты.

— По-вашему, они там действительно свободны? — воскликнул он и презрительно махнул рукой.

— Ты не можешь уехать сейчас,— сказал Дэннель Холм сыну.— Ведь в любой момент может начаться война. Может быть, уже началась.

— Именно поэтому я и хочу уехать,— ответил ему сын.— Сейчас по всей планете из-за нее собираются тучи круачи. Где же мне сейчас быть, как не со своим чосом?

Говоря это, он перешел на другой язык. Птичьими стали не только слова. Сам акцент изменился. Он не говорил больше на языке Авалона, который был англиком с примесью планха — чистые гласные, резкие «р», «м», «н», и «т», как молоточки. Это был язык, полный глубины, четко разделенный на предложения.

Это скорее походило на то, как если бы он пытался передать собеседнику мысли итрианского мозга — перевести их с птичьего на человеческий.

Человек, чье изображение виднелось на экране, не возразил. Вначале ему хотелось сказать сыну: «Останься с нами, со своей семьей». Но вместо этого Дэннель Холм спокойно сказал:

— Понимаю. Ты больше не Крис, ты — Аринниан.— Но произнеся это, он как-то сразу состарился.

Молодой человек был глубоко задет.

— Я навсегда останусь Крисом, папа,— сердито бросил он.— Но при этом я и Аринниан. И к тому же, если начнется война, нужно будет приготовить к ней чосы, не так ли? Я хочу помочь им, я не улечу слишком далеко.

— Конечно. Счастливого пути!

— Передай привет маме и всем остальным!

— Почему бы тебе самому с ней не поговорить?

— Но я, действительно, очень спешу... и потом ничего особенного ведь не происходит. Я поднимусь, как обычно, в горы...

— Конечно,— сказал Дэннель Холм.— Я передам. А ты передай мой привет своим.— И Второй Марчварден Лауранской системы выключил свой фон.

Аринниан, закусив губу, отвернулся от экрана. Он не любил огорчать людей, которые о нем заботились. Но почему они не могут его понять? Их род называет это «становиться птицей». Словно для тех, кто отрицает создавшую их расу, процесс получения чоса просто мода.

Даже сосчитать невозможно, сколько часов он провел, пытаясь убедить своих родителей и других, мыслящих столь же ортодоксально людей, в том, что он расширяет и очищает свою человечность.

Ему вспомнился один из давних разговоров: «Пойми же, папа,— говорил он тогда отцу,— две расы не могут в течение поколений населять одну и ту же планету, не проникая глубоко в сознание друг друга. Почему ты занимаешься небесной охотой? Почему Феруну подают вино за столом? Все эти символы имеют глубокое значение».

— Я все это прекрасно понимаю. Ты считаешь меня наивным простаком, да? Суть в том, что ты совершаешь слишком большой скачок.

— Из-за того, что я должен стать членом Врат Бури? Послушай, люди приняли чос столетие назад!

— Не в таком виде, как сейчас. И мой сын не был одним из них. Я бы хотел, чтобы ты следовал нашим традициям.

— Кто говорит, что я их не придерживаюсь?

— Прежде всего, ты не повинуешься больше закону людей, ты повинуешься чосу и его обычаям... Все было бы прекрасно, если бы ты был итрианин. Но ты не получил хромосом. Те, кто их получил, никогда не смогут достичь полного согласия с другой расой.

— Ну и пусть! Я не претендую!..

Аринниан отбросил эти воспоминания. Он с удовольствием подумал о сборах, которые его ожидали. Если он хочет достичь Аитранских гнезд до наступления темноты, ему пора отправляться. Конечно, машина преодолела бы это расстояние меньше чем за час. Но кому хочется летать в оболочке из металла и пластика?

Он был наг. Те, кто жили так, не носили одежды и вместо нее разрисовывали тело. Но иногда одежда была необходима. Кроме того, итрианина редко можно увидеть без пояса и сумки. В пути будет холодно, а крыльев у него нет.

Аринниан взял плащ и ботинки.

Задержавшись у письменного стола, он посмотрел на лежавшие на нем бумаги — свою работу, вместе с текстами и справками, полученными в центральной библиотеке.

«Черт возьми! — подумал он.— До чего же не хочется улетать сейчас, когда я почти понял, как доказать эту теорему».

Крис уже многого достиг в математике, а мог бы достичь гораздо большего. Он часто думал о том, что тогда его разум испытал бы тот итрианский экстаз, который испытывала его плоть во время полета. Тогда, наконец, ему удалось бы пойти на компромисс, который примирил бы его с отцом. Он смог бы продолжать учебу, достиг бы своей цели и стал бы профессором математики. Чтобы получить все это, он должен был согласиться на определенную финансовую поддержку, хотя никто уже не надеялся на то, что он будет жить дома.

Остальную часть необходимой ему суммы Крис должен был добывать сам, нанявшись к пританам охотником или пастухом.

Пряча улыбку, Дэннель Холм ворчал:

— У тебя светлая голова, сынок! Я не хочу видеть, как

твой талант пропадает зря. В то же время ты слишком загружен. Вечно сидишь за книгами, рисуешь или пишешь стихи. И никаких физических упражнений. Все это кончится тем, что твое седалище выйдет за пределы стула, а ты этого и не заметишь. Думаю, что мне следует поблагодарить твоих друзей за то, что они сделали из тебя такого атлета!

— Моих соратников по чосу,— поправил его Аринниан. Ему как раз дали новое имя, и он был полон восторга и готовности им служить. То было четыре года назад. А сегодня он с улыбкой вспоминал события той поры. К счастью, отец ошибся.

Сегодняшний, тридцатилетний — по авадионианскому счету — Кристофер Холм был высоким, стройным и широкоплечим. Внешне он напоминал свою мать: удлиненной формы голова, узкое лицо, тонкий нос и губы, голубые глаза, волосы цвета красного дерева, которые он стриг, как и все, кто совершал множество полетов в гравитационном поясе. А так как борода его росла плохо, то вместо ежедневного бритья он просто смазывал лицо кремом против роста волос. Его совершенно белая кожа потемнела от постоянного пребывания на воздухе. Лаура, звезда типа гамма, была не такой яркой, как Солнце и ультрафиолетовое излучение ее было гораздо слабее. Но орбита Авалона, планеты, на которой они жили, составляла 0,81 астрономической единицы. При периоде обращения, равном 0,724 земного, он получал на 10% больше полной иррадиации.

Прежде чем всунуть руки в лямки и укрепить на спине летательный аппарат, он внимательно проверил весь прибор.

Конусообразные цилиндры должны были иметь заряженные аккумуляторы и безотказно действующие цепи. В противном случае он мог считать себя мертвецом. Ни один итрианин не смог бы удержать человека, падающего с неба.

Несколько раз обитатели этой планеты сознательно шли на риск, но то были небесные пастухи с лассо, которые в случае надобности умело накидывали их на своих товарищей. А просто так рассчитывать на удачу не приходилось.

О, боже! Какое счастье иметь настоящие крылья!

Он надел шлем с перьями, опустил на глаза специальные очки — жалкую замену защитной оболочки. Нож он вложил в ножны и прикрепил к бедру. Никакой опасности ждать не приходилось, возможность дуэли совершенно отпадала, потому что для Круата мир был священен: никто сейчас не ссорился и не убивал друг друга, как это было в старые времена. Но люди Врат Бури большей частью были охотниками и всегда носили с собой оружие. Брать в дорогу провизию ему не нужно было. Все необходимое Аринниан мог получить из хранилищ, в которые регулярно вкладывал свою долю, перевозя ее на грависанях.

Выйдя за порог, он оказался на земле. Людей на Авалоне было около десяти миллионов; итриан — четыре миллиона. И даже здесь, в Грее, где все напоминало настоящий город, строения были низкими и широкими.

Несколько высоких зданий предназначались для резидента и тех, кто прилетал сюда с других планет.

Аринниан включил приборы.

Подъемная сила мягко повлекла его вверх.

Поднявшись, он задержался на минуту, озирая окрестности.

Город раскинулся на холмах, зеленых от деревьев и газонов, сверху хорошо были видны яркие пятна садов, окаймляющие залив Фалькайан. На воде там и тут виднелись лодки: ими пользовались только для увеселительных прогулок. Несколько грузовых кораблей, длинных и изящных, стояли в доках, где их загружали разнообразные роботы.

Одно судно входило в порт, и судя по курсу, оно пришло с Вренденских островов. Еще одно стояло у выхода в Хеспернано, и солнце касалось их своими лучами, и все вокруг было освещено его сапфирным светом.

Лишь на северном и южном горизонтах он переходил в пурпурный.

С западной стороны низко нависла Лаура, давая более глубокий цвет, чем в середине дня. Голубое небо постепенно темнело. Высокие перистые облака предвещали великолепную погоду.

Соленый бриз холодил его щеки.

Движение воздуха было едва ощутимым. Мимо пролетело несколько итриан, и крылья их отливали бронзой и медью. Были среди них и двое людей, которые подобно Аринниану, летели с поясами. Издали итриане походили на летучих мышей-вампиров, которых вечерние сумерки манили из пещеры.

Кое-кто из людей летел в машинах — горизонтальных каплях. Пронеслись, направляясь к аэропорту, два-три лайнера. И это было удивительно, потому что Грей никогда не был оживленным местом.

Высоко в небе, однако, расположились военные патрулирующие корабли, которых не было здесь с самого конца беспорядков.

«Неужели война против Земной Империи?» — содрогнувшись, подумал Аринниан и повернул к востоку, в глубь материка.

Вдали показались горы, к которым он летел. Они простирались вдоль побережья и большой долины, напоминая облачный берег небесного океана. Эти пики были самыми высокими в Короне, на всем Авалоне, если не считать гряды Оронезия. Их называли Андромедами, но Аринниан, как и планхи, именовал их Матерью погоды.

Внизу показались земли ранчо. Здесь, в окрестностях Грея, поселения итриан, идущие с севера, сливались с поселениями людей, идущими с юга: местность здесь походила на шахматную доску. Тут были поля, принадлежавшие людям, они были засеяны зерновыми, урожай которых снимался в конце лета. Сейчас они желто-коричневыми пятнами выделялись среди зеленых пастбищ, на которых итриане пасли своих маунхов и

майавов. Участки, засаженные дубами и соснами, чередовались с полями берралайцев, где можно было еще увидеть барриосороида. Его стремительным бегом нельзя было не залюбоваться. Пусть Империя нападает на суверенные владения... если только посмеет! А пока он, Аринниан останется здесь, чтобы снова видеть Айат.

Встретившись в столовой, где было полно народу, они украдкой обменялись взглядами, которые говорили: «Хорошо бы побродить вдвоем на воздухе, стать самими собой».

Она попросила разрешения у своего отца Литрана и матери Блоусы. Айат уже не зависела от них, и хотя эта просьба была лишь данью ритуалу, однако в их жизни она очень много значила.

Аринниан же в свою очередь сказал своим друзьям-итрианам, сидевшим рядом, что хочет прогуляться без сопровождающих.

Он и Айат вышли вместе. Это ни на миг не прервало медленное течение разговора, в котором принимали участие все присутствующие. Они подружились еще в детстве. И все давным-давно привыкли видеть их вместе.

Владение располагалось на плато Маунт Фарвью. В центре его возвышалась старая каменная башня, в которой жили старшие члены семьи и их дети. Более низкие деревянные строения, на чьих дерновых крышах цвели звездные колокольчики, предназначались для дальних родственников, вассалов и их семей.

Дальше по склону холма расположились сараи, амбары и загоны.

Все это пряталось среди итрианских деревьев с плетеной корой, отливающими медью ветвями, драгоценными листьями, серебрящимися в лунном свете. На клумбах росли наиболее выносливые из инопланетных цветов: сладко пахнущая маленькая джани, отличающийся острым запахом ливвел, грациозные тирфойлы и чаша Будды, тихонько поющая, когда ветер качал ее стебелек. Если не считать этого слабого звука, вокруг было тихо. И холодно, как всегда ночью на такой высоте. Дыхание белым облачком вырывалось изо рта.

Айат расправила крылья. Они были более изящными, чем у других, хотя размах их достигал шести метров. Правда, это размашистое движение заставило ее прибегнуть к помощи рук и хвоста.

— Б-р-р,— она рассмеялась,— Холодно! Поднимаемся! — она взлетела над землей, нарушив неподвижность воздуха.

— Ты забыла! — крикнул он ей вслед.— Я снял пояс!

Она опустилась на платформу, построенную на вершине медного дерева.

Очевидно, она ждала, что он вскарабкается к ней наверх. Аринниан подумал, что Айат преувеличивает его возможности. В отличие от нее он хорошо понимал, как это опасно. Один ложный шаг в этой густой листве и все кончится самым плачевным образом. Но он не мог отклонить брошенный ему вызов и уронить себя в ее глазах.

Аринниан подтянулся и полез на дерево. Там, наверху, среди листвы, он услышал ее шепот. Это придало игре особую остроту. Правда, временами ему казалось, что она слишком серьезно относится к происходящему.

Ведь Айат занимала в своем обществе очень высокое положение. Он даже сам себе не любил говорить об этом.

Достигнув платформы, он увидел, что она спокойно сидит на ветке, перекинув хвост через руку.

Моргана, почти полная, заливала белым сиянием восточную сьерру, и перья Айат в этом призрачном свете таинственно мерцали.

Диск Луны четко выделялся на фоне Млечного Пути. А рядом с ней сверкали созвездия — Вил, Шпаги, Цирраук...

Он сел подле Айат, подогнув колени. Девушка приветствовала его негромким мелодичным звуком,— на ее языке это означало, что она ему рада. И он с нежностью ответил ей.

Над чистым изгибом клюва сверкали огромные глаза.

Внезапно Айат замолчала. Проследив за ее взглядом, он увидел новую звезду, засветившуюся в небе.

— Спутник? — спросила она дрогнувшим голосом.

— А что же еще? — ответил он.— Я думаю, это один из последних.

— Сколько же их теперь всего?

— Об этом не объявляли,— напомнил он ей. Итриане никак не могли примириться с тем, что есть такие понятия, как государственная тайна, правительство, и представить не в силах были, что это значит для людей. Правители Ферун и Холм гораздо больше энергии тратили на вопросы чоса, нежели на действительные приготовления к обороне.— Мой отец не верит в то, что у нас и вправду много врагов.

— Не хочет тратить богатства?

— Но если придут земляне...

— Ты действительно веришь в то, что они придут?

Беспокойство, которое он почувствовал в ее голосе, заставило его погладить ее по голове и нежно коснуться перьев на шее.

Они были теплыми и шелковистыми.

— Не знаю,— сказал он.— Может быть, удастся решить вопросы о границах мирным путем. Будем надеяться на это.— Последние слова были характерны скорее для англика, нежели для планха. Итриане никогда не строили планов на будущее. И они стали говорить о звездах, о том, что их окружало. Она, как и многие колонисты, говорила на двух языках.

Солнце сейчас вот там, в Маунхе, примерно в том месте, где четыре звезды образуют рог... Как это далеко! О, да, 205 световых лет. Он вспомнил, как читал об этом. Кетлен и Лаура входили в созвездие Зайца. Ни одно из трех солнц невозможно было разглядеть невооруженным взглядом на таком расстоянии. Их окружало несколько планет — отсюда они казались химическими соединениями, которым другие химические соединения дали названия «Земля», «Итри», «Авалон».

— Заяц,— пробормотал он.— Какая ирония.

Айат вопросительно свистнула.

Он объяснил:

— Заяц — это было животное, которое на Земле всего боялось. А для нас Солнце находится под знаком большого, стерегущего время зверя. Но кто на кого нападает?

— Я не слишком внимательно слежу за новостями,— сказала она тихо и не очень уверенно.— Мне все это кажется каким-то нереальным. Какое нам дело до чужих столкновений? Притом все это так внезапно... Можем ли мы стать причиной волнений, Аринниан? Может ли наш народ действовать агрессивно, быть жестоким?

Ее настроение было таким необычным. И дело тут не в итрианском темпераменте, а в том, что обычно Айат была очень жизнерадостна. Но что с ней сегодня? Аринниан и удивился этому ее настроению и встревожился.

— Что заставляет тебя так беспокоиться? — спросил он.

Айат наклонилась к Ариннану, и он едва услышал сказанное ею:

— Водан.

— Что? А! Ты обручена с Воданом?

Его голос задрожал. «Что меня так потрясло? — удивился он сам себе. Прекрасный парень. И из того же самого чоса. Не нужно менять закон, обычай, традиции, никакой тоски по дому...»

Аринниан обвел взглядом край Врат Бури.

Над долинами, окруженными каменными стенами, темными и благоухающими от обилия лесов, возвышались снежные горные пики. Ближе всего к ним был склон горы с водопадом, серебрящимся в свете Луны. Летающий по ночам баглер прорезал тишину криком, похожим на призыв охотничьего рожка. Равнины Лонг-Бич, арктические болота, саванна Гейлана, бесчисленные острова, составляющие большую часть суши Авалона,— как могла она отказаться от королевства своего чоса?

«Нет, подожди,— подумал он,— ты рассуждаешь, как человек. Итриане гораздо сложнее. Мать Айат родом из бассейна Садитариус, и часто навещает эти места... Но почему я не могу думать, как человек? Я и есть человек! Я нашел мудрость, правоту, счастье в некоторых итрианских путях, но не к чему притворяться, будто я смогу быть итрианином, жениться на крылатой девушке, свить с ней орлиное гнездо».

Она прервала молчание:

— Да нет, не так, не совсем так! Мой друг, неужели ты думаешь, что я не сообщила бы тебе о своей помолвке и не пригласила бы тебя на свадебный пир? Но он, он тот, к кому моя любовь растет все больше и больше. Ты знаешь, что я решила остаться одинокой до конца обучения?

Да, он знал, что ее привлекает трудная, но благородная профессия музыканта.

— Но в последнее время...— продолжала Айат,— во время

последней поры любви, я много думала о нем. Я переживала эту пору жарче, чем когда-либо раньше, и все время представляла себе Водана.

Аринниан почувствовал, что лицо его залилось краской. Он посмотрел на холодно сверкающий вдалеке ледник.

. Она не должна говорить ему подобные вещи! Это нечестно! Незамужняя итрианка или та, которая потеряла мужа, должна была оставаться вдали от мужских особей своего рода, когда у них наступала пора любви. И Айат тоже обязана была тратить лишнюю энергию на работу, учебу, размышления...

Айат поняла его замешательство.

Она засмеялась, и он ощутил нежное пожатие тонких пальцев с острыми коготками.

— Ты смущен? Но в чем дело?

— Тебе не стоит говорить об этом... с твоим отцом или братом... Кроме того, лучше избегать таких чувств! Мечты в одиночестве, да! Но уподобляться проститутке, обливающейся пóтом на кровати в дешевом отеле. Это не для тебя, Айат!

— Конечно, об этом было бы нечестно говорить во Вратах Бури. Я часто думаю, не следует ли мне выйти замуж так, чтобы попасть в менее строгий чос. Водан, впрочем... Аринниан, дорогой, думаю, тебе я могу сказать все. Ведь правда?

— Да! В конце концов, я не настоящий итрианин...

— Недавно мы говорили с ним,— сказала она.— О свадьбе. И подумали, что дети сейчас, в это неспокойное время, были бы ужасной помехой. Мы хорошо летаем вместе. И наши родители давно подталкивали нас друг к другу: союз между нашими домами был бы очень удачным! Мы говорили о том, что, может быть, нам стоило бы первые несколько лет остаться без детей.

— Это не слишком хорошее решение, не так ли? — сказал он, когда она замолчала, хотя голос ее все еще звучал у него в ушах.— Но если расставаться друг с другом всякий раз, как только начинается любовный период, то к чему это приведет? Этим вы зачеркнете себя друг для друга. Не проще ли пользоваться противозачаточными средствами.

— Нет!

Он знал, почему ее раса с презрением отвергает такую возможность. Родительский инстинкт очень силен и у самца, и у самки — дети были именно тем, что привязывало их друг к другу. Если вокруг тебя смыкаются маленькие крылья и маленькая головка тычется в твой клюв, ты забываешь о неизбежных трудностях и разочарованиях брака и чувствуешь себя так, как будто брак твой молод и счастлив.

— Мы могли бы отложить все до тех пор, пока я не закончу учебу, а он не наладит свое дело,— сказала Айат.

Аринниан вспомнил: Водан среди молодежи Врат Бури, Термиалов и Тарнов основал лесную инженерную фирму. «Но если начнется война... он в морском запасе...»

Свободной рукой она машинально обняла его плечи. Опершись на локоть, он просунул руку под ее крылья и обнял ее

напряженное тело, стал нашептывать ей, своей сестре детских лет, слова утешения, какие только мог придумать.

Утром их настроение улучшилось. Мрачность была не в натуре итриан. Сегодня весь клан Литрана, кроме тех, у кого были неотложные дела, должен был лететь в горы, где встречался местный Круат.

По пути к ним должны были присоединяться другие семьи Врат Бури. А в горах их ждали остальные часы. Каким бы серьезным ни был повод для этой встречи, восторги, частные дела, личные удовольствия — и в этот раз все тоже должно было быть так, как всегда бывало на их общих сборищах.

И заря была ясной, и ветер был попутным.

Призывное пение трубы! Литран сорвался с вершины башни. Итриане расправили крылья, так что связки под ними напряглись, а тонкая кожа покраснела от притока крови. Крылья резко пошли вниз, потом снова взметнулись вверх. Люди-птицы оторвались от земли, с шумом взлетели в воздух, и, подхваченные потоком ветра, образовали единый строй. Потом они плавно понеслись на восток.

Аринниан летел следом за Айат. Улыбнувшись ему, она запела. У нее было изумительное сопрано, заставляющее веселее петь волынки и гитары.

То, что она пела сейчас, было традиционным гимном, но он предназначался для Аринниана, потому что она исполняла его на англике, хотя он всегда чувствовал, что это отнимает у песни часть очарования.

Свет еще не взошедшего солнца
Дарит улыбкой царящего.
Крылья его собою умоют,
Ночь отгоняя спящую.

Голубизна, этот колокол неба,
Мир заливает волною.
Леса и луга новый день встречают
Торжественной тишиною.

Скользя сквозь буйство летящего ветра,
Кружа, как листочек, плавно.
Сбежь наискось пласт воздушных потоков —
Утром охотиться славно!

Замри на мгновение — метнусь я к цели
Единым стремительным махом.
То, что тебя наполняет весельем,
Наполнит врага страхом!

Послеполуденный жар и истома.
Тень отдохнуть манит.
Призрачный мир сновидений и грез
Внезапно реальным станет!

Вдруг — этот звук, возвышающий голос,
Чертит в небе зигзаги!
И вот уже листья наполнились смехом,
Потом живительной влаги.

Будто в каком-то священном танце
Плотные струи гнутся.
Тучи, друг друга громом встречая,
Над нами зловеще смеются.

Но все теснит и теснит их ветер,
Ветер вечный, нетленный,
И вот глазам открывается небо:
Высоко оно и священно!

Период обращения Авалона равнялся 11 часам, 22 минутам и 12 секундам. На уровне Грея ночи всегда были короткими, а летом еще и темными, и авалонские сутки пролетали, как единое мгновение.

Дэннель Холм подумал о том, не в этом ли причина его усталости.

Скорее всего нет. Он здесь родился. Предки его здесь жили столетиями: они прибыли с Фалканша. Если отдельные люди были способны к изменению своих биоритмов — как это часто происходило с ним самим во время космических полетов — то и раса, конечно, тоже.

Врачи утверждали, что посадка в гравитационном поле, составляющем только 80% земного, приводит к очень большим нагрузкам на организм. В таких условиях следует изменение всего баланса жидкости и процесса кинестозии.

Кроме того, те изменения, которые происходили в организме человека, казались незначительными в сравнении с тем, что претерпевал организм колонистов. У итриан стал другим весь цикл воспроизведения, они приспособились к иному дню, году, весу, климату, питанию, миру. Неудивительно, что их первые несколько поколений не отличались высокой рождаемостью. И все равно они важничали, а в настоящее время их раса поистине процветала.

Было бы нелепым предполагать, что человек может устать от чего-то другого, кроме напряженной работы. Ну и, конечно, сказывался возраст, несмотря на все антистарители. Неужели, так оно и есть? Когда стареешь, когда чувствуешь приближение смерти, можно ли не возвращаться мыслями к ранним годам, годам начала, не думать о доме, которого ты никогда не видел, но каким-то чудом помнишь? Хватит, прочь подобные мысли! Кто сказал, что восемьдесят четыре — старость?

Холм достал из кармана сигару, откусил кончик и глубоко затянулся. Дэннель Холм был среднего роста. Но в оливкового цвета тунике и мешковатых брюках, какие носили все люди, бывшие членами итрианских вооруженных сил, он казался коренастым. А его круглая голова, широкое лицо, высокие скулы, припухлые губы и тупой нос заставляли вспомнить о мон-

голоидной ветви его предков. Кавказская же заявляла о себе серым цветом глаз, кожей, которая оставалась бледной, несмотря на то, что он много времени проводил на охоте и в саду, а также волосами, которые, хотя и поседели на голове, но оставались черными на груди. Как и большинство людей на планете, Холм не отпускал бороды.

Сейчас он, забыв обо всех тревогах, углубился в разложенные перед ним последние отчеты его помощников. Но вдруг динамик загудел и безличный голос сообщил:

— Первая Марчварден Ферун хочет обсудить положение дел!

— Конечно! — Начальник Холма только что вернулся с Итри. Холм протянул было руку к экрану, но в последнюю секунду передумал.— Почему бы не лично? Я сейчас буду.

Он вышел из кабинета.

Коридор был наполнен гулом голосов, здесь мелькали представители обеих рас — флотский персонал, гражданские служащие из лоранского адмиралтейства. Кондиционеры, работавшие на полной мощности, практически уничтожали запахи — кисловатый человеческий и чуть отдающий дымом итрианский.

Итрианцев, в связи с изменением состава населения Авалона, было больше. Но здесь собрались представители со всего Доминиона, особенно из материнской его части, чтобы помочь этой границе подготовиться к войне.

Холм учтиво отвечал на приветствия. Его вежливость превратилась в твердую валюту, ценность которой была для него очевидна. «Вначале это было искренне!» — подумал он.

Караульный отдал ему честь и пропустил в апартаменты Феруна (Холм не выносил отнимающих время церемоний в своем отделе, но допускал их в итрианском).

Внутреннее помещение было самым типичным: удобная мебель, несколько строгих украшений, скамья, письменный стол и техника снабжены орнитологическими приспособлениями. Стена не была прозрачной, но из огромного окна открывался прекрасный вид на Грей и сверкающие вдалеке воды залива. Ветерок, влетающий через него сюда, был насыщен ароматом садов.

Ферун добавил к имеющимся в кабинете вещам несколько сувениров с других планет, книжные полки, заставленные фолис — копиями образцов земной классики, которую он читал для развлечения в оригинале на трех языках.

Он был маленьким, с темными перьями, лицо его напоминало лик с иконы.

Его чос, Миствуд, всегда был одним из самых прогрессивных на Авалоне. По части механизации он не уступал человеческим общинам, результатом чего являлось его успешное развитие.

У него не оставалось особого времени на поддержку традиций, религии и всего, что было связано с консерватизмом.

Все формальности он сократил до минимума, потому что не

смог отказаться от них совсем, но никогда не скрывал того, что они ему не нравятся.

Сорвавшись со своего насеста, он стремительно подбежал к Холму и, по земному обычаю, пожал ему руку.

— К-р-р, рад тебя видеть, старый разбойник! — он говорил на планхе: итрианское горло приспосабливается к другим языкам хуже, чем человеческое (хотя, конечно, ни один человек никогда не сможет произносить звуки языка итриан совершенно правильно). А Ферун не хотел говорить на англике, который хорошо знал, из-за своего гротескного акцента.

— Как поживаешь? — спросил Холм.

Ферун поморщился, если так можно сказать о птицеподобном. Расположение его перьев было не только более сложным, по сравнению с оперением земных птиц, но они плотнее прилегали к мускулам и нервным окончаниям, и движение их помогало его лицу принимать множество выражений, недоступных человеку. Раздражение, беспокойство, обескураженность — все эти, связанные друг с другом чувства, одно за другим выразило его тело.

— Понятно! — Холм подошел к сконструированному специально для него стулу и сел. Он ощущал во рту привкус табака.— Рассказывай!

Ногти-когти зацокали по прекрасному полу. Ферун стал расхаживать по комнате.

— Я дам вам полный отчет,— сказал он.— Вкратце: дела обстоят хуже, чем я мог предположить. Да, они пытаются установить единое командование и вбить в голову каждого офицера мысль о необходимости полного подчинения. Но они не имеют ни малейшего понятия о том, как это сделать.

— Бог свидетель,— воскликнул Холм,— что мы пытались поладить с ними эти последние пять лет! Реорганизация нашего флота проходит очень медленно и далека от завершения.

— Так оно и есть! Непомерная гордость, ссоры из-за пустяков — вот в чем беда! Мы, итриане,— по крайней мере, наша доминирующая культура,— не слишком подготовлены для полной централизации.— Ферун помолчал.— Действительно,— продолжал он,— самым сильным аргументом против реорганизации нашей отдаленной, с плохо связанными между собой частями планеты по подобию Земли является то, что Земля располагает гораздо большими силами, и держит под контролем куда большие пространства, чем Доминион. Если они нападут на нас, мы погибнем.

— Ха! А этим сумасшедшим на Итри не приходило в голову, что Империя не так глупа? Если Земля нападет, то это будет война, начатая не Землей, а сектором, находящимся близко к нашим границам.

— Мы обнаружили очень мало признаков того, что в ближайших системах могут быть сосредоточены силы.

— Конечно! — Холм ударил кулаком по ручке кресла.— Неужели они бы так просто обнаружили себя? А вы бы на их месте? Они будут собираться в космосе, в нескольких парсе-

ках от любой звезды. Между местом сбора флота и любой планетой, до которой могут добраться наши разведчики, движение должно быть минимальным. Через несколько световых лет от нас они могут тайно собрать такую силу, чтобы легко нанести нам удар с воздуха.

— Ты говоришь это уже не первый раз,— сухо сказал Ферун.— Я об этом думал, вычислял возможные варианты.— Он перестал шагать. Некоторое время в комнате царило молчание. Желтый свет Лауры бросил на пол тень в форме листа. Они вздрогнули.

— В конце концов,— сказал Ферун,— наши методы ведь спасли нас в период волнений.

— Нельзя сравнивать войну князьков, пиратов, жалких забияк, варваров, никогда не выходящих за пределы стратосферы, если только у них нет самоуправляемых кораблей. Нельзя сравнивать все это жаждущее крови ничтожество с Имперской Землей.

— Я знаю,— ответил Ферун.— Суть в том, что итрианские методы хорошо служили нам, потому, что они согласуются с итрианской натурой. Во время моей последней поездки я начал думать, что мы можем превратиться в бледную тень соперника. Попытка делается, пойми — получишь все, но это может ничего не дать. Я решил, что раз уж Авалон должен затратить много усилий на подготовку к войне, он может, в то же время, рассчитывать на помощь извне.

И снова наступила тишина.

Холм посмотрел на своего начальника, старинного, испытанного годами друга, и не в первый уже раз он подумал о том, до чего же они разные.

Он поймал себя на мысли, что смотрит на Феруна так, как будто встретился с итрианином первый раз в жизни.

В стоячем положении марчверданин имел около 120 сантиметров роста, если считать от ступней до конца грудной клетки. Высокая особь имела рост приблизительно 140 сантиметров, доходя Холму до середины груди. Поскольку тело несколько выдавалось вперед, истинное расстояние между клювом и хвостом было несколько больше. Весил он килограммов двадцать. Максимальный вес итрианина не достигал и тридцати килограммов.

Голова его казалась вылепленной скульптором. Так как лоб был довольно низким, верхняя и затылочная ее части были несколько увеличены, чтобы вместить объемный мозг. Вниз от ноздрей шел почти скрытый перьями выступ. Под ним виднелся подвижный рот, полный острых белых клыков с алым языком.

Небольшой подбородок переходил в сильную шею. Особое внимание привлекали к себе большие, цвета меди глаза, и густой хохолок перьев, растущих изо лба и сбегающий по голове до шеи. Частично он предназначался для аэродинамических целей, частично использовался для шлема на тонком черепе.

Выдающееся вперед туловище имело две руки, ни по размеру, ни по форме не похожие на руки человека. Они были лишены перьевого покрова, и кожа их была или темно-желтой, как у Феруна, или коричневой, а то и черной, как у многих итриан. Но в особенности не похожими на человеческие были ладони. Каждая имела по два пальца по краям и еще по три между ними, а у каждого пальца было на сустав больше, чем у человека. Нототь правильнее было бы назвать когтем, а на внутренней поверхности кистей росли небольшие дополнительные когти. Ладони казались слишком большими по сравнению с руками и неожиданно, мускулистыми. То были настоящие хватательные инструменты, помощники зубов. Удивительной формы хвост из перьев был достаточно тверд, чтобы при необходимости поддержать тело.

Но в данный момент огромные крылья Феруна были сложены и опущены вниз, исполняя роль ног. В средней части каждого крыла выступало вогнутое «колено». Во время схватки эти кости могли смыкаться вместе. В воздухе они охватывали крылья кольцами, укрепляя их этим, одновременно увеличивая их чувствительность. Три остальных пальца, оставшиеся этим особям в наследство от предков — орнитоперов, были спаяны воедино, выступая сзади более чем на метр. Сверху они были покрыты перьями, снизу кожа была белой и загрубевшей. Они тоже были хорошей опорой при отдыхе.

Гребень Феруна выступал выше, чем у женских особей, а по белому хвосту шли черные полоски. У итрианских женщин он был черным и блестящим.

— Кр-р-р!

Этот горловой звук вернул Холма к действительности.

— Что ты так смотришь?

— О, прости! — итрианину подобное поведение, конечно, казалось более грубым, чем человеку.— Мои мысли блуждали далеко.

— Где же? — спросил Ферун своим обычным голосом.

— Просто я начинаю думать о том, что мой род действительно не играет большой роли для Доминиона. Может быть, нам следует найти нечто более связанное с итрианским стилем и постараться использовать это как можно лучше.

Ферун издал вибрирующий звук и шевельнул несколькими перьями. Это означало: «Вам подобные не являются единственными неитрианами, находящимися под нашим руководством. Но только вы обладаете современной технологией». На языке планха звуки были гораздо лаконичней мыслей, которые они передавали.

— Н-нет! — пробормотал Холм.— Но в Империи мы — лидеры! Конечно, Великая Земля включает несколько миров и колоний негуманоидов. Множество пришельцев с различных планет получили земное гражданство, все это так. Но большинство ключевых постов занято именно людьми, а не представителями какой-либо иной расы.— Он вздохнул и посмотрел на

кончик своей сигары.— Здесь, в Доминионе, что представляет собой человек? Горсточка на уединенном шарике! О, мы трудимся, мы хорошо себя проявляем, но факт остается фактом: мы не являемся таким уж значительным большинством в великом созвездии меньшинств.

— Ты об этом сожалеешь? — мягко спросил Ферун.

— Я? Нет-нет! Этим я только хотел сказать, что Доминион располагает слишком ничтожным количеством людей, чтобы можно было создать флот по земному типу. Мы приспособились к вам лучше, чем вы к нам. И это неизбежно!

— Я слышу тоску в твоем голосе и вижу ее в твоих глазах,— сказал Ферун мягче, чем ему хотелось.— Ты снова думаешь о своем сыне, ушедшем в птицы, не так ли? Ты боишься, что его младшие сестры и братья захотят последовать его примеру.

Прежде чем ответить, Холм собрался с силами.

— Ты знаешь, что я уважаю ваш образ жизни. И никогда не забуду, что Итри принимала моих людей, когда Земля оказалась для них потерянной. Но и... мы тоже заслуживаем уважения. Разве не так?

Ферун подался вперед и положил руку на плечо Холма. Огорчения человека ему были понятны.

— Когда Крис впервые стал бегать и летать с итрианами, что ж, я был рад. Холм вздохнул. Он не отрываясь смотрел в окно. Время от времени он машинально касался пальцами сигары.— Он всегда очень любил читать, любил одиночество. Поэтому когда у него появились друзья из Врат Бури и он стал их навещать, когда Крис, Айат и их компания сновали по всяким странным уголкам планеты — меня это нисколько не огорчало, потому что и я делал то же самое, когда был в его возрасте. Только я не нуждался ни в чьей помощи в минуту опасности. Я думал, что Крис будет служить на флоте...— Холм покачал головой.— Я не понимал толком, что с ним происходит, а когда понял, было уже слишком поздно. Когда я узнал, что мой сын стал итрианином, мы поссорились, он убежал и прятался на Островах Щита целый год. Айат помогала ему... Стоит ли продолжать?

Ферун покачал головой.

После того, как Дэннель Холм, разгневанный, примчался в дом Литрана и осыпал всех оскорблениями, именно Первому Марчвардену пришлось вмешаться, чтобы успокоить обе стороны и предотвратить ссору.

— Наверное, мне сегодня не нужно было бы об этом говорить,— продолжал Холм.— Просто... Ровена плакала этой ночью. Потому что Крис ушел и не попрощался с нею. А главное — она беспокоится о том, как сложится его жизнь теперь, когда он присоединился к чосу. Например, сможет ли он вступить в нормальный брак? Обычные девушки больше не привлекают его, ему нравятся девушки-птицы... И, конечно, наши малыши. Томми тоже очень тянется к итрианам. Школьный наставник приходил к нам, чтобы сказать, что он отказывается

учить уроки, подчиняться требованиям, ходить на консультации. А Джинни тоже нашла себе итрианскую подружку...

— Насколько мне известно,— сказал Ферун,— люди, вошедшие в чос, как правило, чувствуют себя там совсем неплохо. Конечно, возникают различные проблемы. Но разве жизнь не ставит их перед нами всегда? Кроме того, чем больше будет подобных людей, тем меньше будет трудностей.

— Послушай,— Холм с трудом подбирал слова.— Я не имею ничего против твоего народа. Да будь я проклят, если это не так! Никогда я не сказал и не скажу, что в том, что сделал Крис, есть что-то позорное. Я бы ничего подобного не сказал, даже если бы он примкнул к какому-нибудь священному ордену целебата. Но все равно мне это не по душе. Для человека это неестественно. И я изучил все, что смог относительно людей-птиц! Конечно, большая их часть говорила о том, что они счастливы. Возможно, что большинство верило в это. Но я не могу не думать, что никто из них даже не подозревает, что он потерял!

— Пешеходы,— сказал Ферун. И на планхе этого было достаточно, хотя на англике ему пришлось бы произнести целую фразу, вроде: «Мы тоже несем потери за счет тех, кто оставляет чосы, чтобы стать такими, как человек, и жить в человеческих общинах».

— Влияние,— прибавил Ферун, что можно было перевести: «В течение столетий на Авалоне сформировались под вашим влиянием уже целые чосы. Сопротивляясь этому влиянию, некоторые группы стали более консервативными, чем раньше».

Холм возразил:

— Разве основная идея не состояла в том, что обе расы нашей планеты должны были сближаться друг с другом, чтобы стать тем, чем они стали?

— Так было записано в Договоре, а он остается в силе и сейчас,— Ферун выразил эту мысль двумя слогами и тремя словами.— Никто против него не возражает. Но как может совместная жизнь не повлечь за собой изменений?

— Из-за того, что Итри и Инствуд, в особенности, добились успехов, приспосабливаясь к традициям Земли, ты веришь в то, что для развития подобного процесса нужен лишь здравый смысл. Но все это не так просто!

— Я ничего такого не утверждал,— сказал Ферун.— Я только хочу сказать, что мы не должны тратить время на бессмысленные разговоры.

— Прости, я не хотел отнимать у тебя время, тем более, что мы об этом говорили много раз. Но меня очень тревожит то, что дома сейчас неспокойно.— Человек поднялся с кресла, подошел к окну и посмотрел вдаль сквозь струйку дыма от сигары.

— Давай-ка вернемся к делу,— сказал он.— Я бы хотел задать несколько вопросов, касающихся различных аспектов готовности Доминиона на случай войны. А тебе не мешает послушать мой рассказ о том, что здесь творилось, когда тебя не было, и оценить обстановку во всей Лауранской системе. В ней тоже мало радостного.

Машина определила место посадки и устремилась вниз. Первоначально ее высота была такова, что сидящий в ней пилот успел различить дюжины точек, пляшущих на сверкающей поверхности воды. Но когда они оказались ближе, все это скрылось за горизонтом. Теперь ему был виден лишь неровный конус Сент-Ли.

11.308 километров — таков был диаметр Авалона, и расплавленное его ядро, пропорционально меньшее, чем у Земли, не могло сохранить много тепла. Это делало силы недостаточными для того, чтобы удерживать поверхность в выгнутом состоянии. В то же время ускорялась ее эрозия. Атмосферное давление на уровне моря равнялось примерно земному, но из-за меньшей гравитации оно падало медленнее, так что быстрое вращение создавало условия для неблагоприятной погоды. Благодаря всему этому поверхность планеты была в основном плоской, самый высокий пик Андромеда поднимался не более чем на 4.550 метров. Соответственно уменьшались массивы материков. Корона, которая захватывала Северный полюс и тянулось к тропическим Свордам, занимала едва ли восемь миллионов квадратных километров, то есть примерно территорию Австралии. В противоположном полушарии акватории Новая Африка и Новая Гайила напоминали скорее большие острова, чем маленькие континенты. А кроме них существовало еще много мелких островов.

И все же один гигант здесь был!

В 2000 километрах западнее Грея начиналась гряда, чьи пики, прорезающие воздух, были известны под названием Оронезии. Она уходила к югу, перерезала тропическую зону и заканчивалась неподалеку от Антарктического кольца. Таким образом формировалась природная гидрологическая граница. Западная ее часть отделяла Средний океан, восточная — Гесперианское море в северном полушарии и Южный океан за экватором.

Роль ее в экологических процессах была очень высока. Более того, после колонизации она стала социологическим феноменом: любое склонное к эксцентризму существо, человек ли, итрианин ли, мог уйти туда, расположиться на одном из островов и вести здесь свое собственное, независимое существование.

Чосы основных территорий отличались как размерами, так и организацией и традициями. Но хотя они могли быть приблизительными аналогами кланов, племен, графств, религиозных общин, республики или чего-то еще, у всех у них была общая черта: их численность не опускалась ниже тысячи членов.

В Оронезии были простые домашние кланы, носившие определенное имя.

Когда в таких семьях вырастали дети, то они могли найти себе новые, независимые сообщества.

Естественно, подобные крайности являлись исключением.

В основном кланы Высокого Неба были многочисленными и контролировали территории рыбной ловли у 30 градусов северной широты, занимая значительную часть архипелага. И внутренне они были безгранично убеждены в том, что слова «Высокое Небо» имеют к итрианам самое прямое отношение.

Воздушная машина опустилась на берег на специально огороженное место.

Ей навстречу шагнула высокая рыжеволосая женщина. На плечах ее был кильт, на ногах сандалии, в руках оружие.

Табита Фалькайн видела, как опускалась машина, и встретила прибывшего.

— Привет, Кристофер Холм,— сказала она на англике.

— Я прилетел как Ариинниан,— ответил он на планха.— Мне приятно снова видеть тебя, Хрилл!

Она улыбнулась.

— Извини, я не ждала тебя сегодня.— Потому уже другим тоном Хрилл добавила.— Ты сообщил, что хочешь поговорить со мной о каком-то деле. Это, должно быть, имеет отношение к пограничному кризису. Думаю, ты решил, что Западная Корона и Северная Оронезия должны объединиться для защиты Гесперианского моря.

Он нерешительно кивнул.

Впереди, насколько было видно, на выгибающейся к небу линии берега сверкало Солнце. Группа вирианских шуатов пролетела под контролем пастуха и его ухотов. Вокруг рифов сновали местные птероплеуроны.

Море катило свои волны цвета индиго, которые закручивались наверху прозрачно-зелеными барашками, а пена, выбрасываемая на берег, была уже почти белой. Такая же пена взбивалась вокруг траулеров.

Верхние склоны гор были еще кое-где покрыты светло-изумрудным ковром сузина. Другим растениям практически не удавалось пробиться сквозь его цепкие корни. Ну а ниже склоны были обработаны жителями планеты.

Здесь краснел итрианский властергрейн, защищавший почву от эрозии. Им кормили шаусов. Плоды кокосовых пальм, манго, цитрусовых предназначались для людей Высокого Неба.

Дул ветер, теплый, но свежий, насыщенный запахами соли и воды.

— Я думала, что конференция «Птица с птицей» была бы полезна,— продолжала Табита.— Ведь горным без переводчика достаточно трудно понять морских и наоборот. Соберутся ли орнитоиды на такую встречу? — Помедлив, она добавила:— Тебе, конечно, следовало прилететь с делегацией. Хотя в твоем чосе таких, как ты, немного. Но зачем было прилетать одному? Конечно, тебе будет оказан радушный прием. И все же нужно было предупредить о своем визите по телефону.

— Формальности отняли бы у нас много времени,— сказал он. Гостеприимство, которое ему было оказано, Крис вос-

принял как само собой разумеющееся: гость для всех чосов был особой священной.

— Но почему ты обратился именно ко мне? Я — только местная власть.

— Но ты — потомок Давида Фалькайна.

— Это не слишком много значит.

— Для нас много. Кроме того... нам приходилось встречаться и на больших круачах, и у друзей... и... Так что мы немного знаем друг друга. Если бы мне пришлось иметь дело с совершенно незнакомым человеком, я бы просто не знал, с чего начать. Ты — другое дело. Ты всегда сможешь посоветовать, к кому обратиться за консультацией, и представишь меня. Ведь так?

— Конечно! — Табита взяла обе его руки в свои.— А вообще, я рада нашей встрече, Крис!

Его сердце учащенно забилось. Он едва удержался от вздоха. «Почему я так робею в ее присутствии?» — подумал Крис.— Конечно, она привлекательна — высокая, сильная, с полной грудью и длинными ногами, которые не скрывала короткая туника. У нее был вздернутый нос, большой рот, широко расставленные глаза, а лицо смуглое, слегка обветренное. Светлые, как лен, волосы были подстрижены ниже ушей и закрывали шрам на правой скуле.

Крис подумал: «Смотрит ли она на близость так же легко, как девушки-птицы Короны? Или же все еще остается девственницей? Такое казалось маловероятным! Как человек, находящийся в любовном периоде низшего порядка, мог состязаться в чистоте с Айат?»

Он молчал.

Высокое Небо — это не Врата Бури или Горное Озеро. Это — родина Табиты. Она принадлежит к самому древнему и знатному роду. Ее общественное положение дает возможность много путешествовать. Крис думал об этом, но старался отогнать от себя посторонние мысли.

— Да ты покраснел,— рассмеялась Табита.— Я тебя чем-нибудь смутила? — Она отпустила его руки.— Если так, то прости меня. Но ты всегда слишком серьезно относишься к подобным вещам: общественный ритуал, который необходимо выполнить, дежурный набор фраз. Это не смертельно — все это гораздо проще, чем ты себе представляешь.

«Ей, конечно, легко,— подумалось ему.— В этот чос были приняты еще ее предки. Так что и ее родители, и братья с сестрами выросли в нем. Люди сейчас составляют, по крайней мере, четверть его членов. И они обладают немалым влиянием — вспомнить только общество по торговле рыбой, которому дали начало она и Драун...»

— Боюсь,— задумчиво сказала Табита,— впереди нас ждут тяжелые времена.

— Вот как?

— Империя собирается выступить против нас. Может, зайдешь к нам? — Она взяла его за руку, и они направились к дому, в котором жила Табита.

Местные строения с тростниковыми крышами были ниже, чем большинство итрианских домов, и гораздо крепче, чем казались с виду. Авалонские ураганы были им не страшны.

— Знаешь,— сказала Табита,— Империя сильно выросла со времен Мануэля I. Меня заинтересовало, как наша планета попала под ее господство. Я заглянула в историю. Оказывается, часть планеты какое-то время была ее торговым партнером. Цивилизованные негуманоиды, подобно синтианам, находили в этом выгоду для себя и завязывали торговые отношения с Землей. Другие думали о господстве и, несмотря на свои смехотворные возможности, пытались воевать с силами во много раз их превосходящими. Их постигла печальная участь. Это был ветерок против бури.

— А мы? Мой отец говорит...

— Да. Сфера Земли достигает 400 световых лет в поперечнике, наша — около 80. Империя связана прямыми контактами с несколькими тысячами планет, мы же — всего с 260. Но не считаешь ли ты, Крис, что мы знаем наши планеты получше? Мы более осведомлены о том, что там происходит. В целом, ресурсов у нас меньше, но зато наша технология достаточно высока. И потом, мы так далеко от Земли, что ей незачем на нас нападать. Мы ей не угрожаем, мы лишь оговариваем свое право на границы. Если речь идет о расширении государства, то и по соседству с Землей они могут найти Галактики, в которых ни разу еще не были. Эти территории им легче будет завоевать, чем гордый и хорошо вооруженный Доминион.

— Мой отец говорит, что мы слабы и не готовы к отражению нападения.

— Ты думаешь, мы проиграем войну, если она начнется?

Крис молчал.

Стало так тихо, что было слышно, как скрипит песок у них под ногами.

Наконец он ответил:

— Я думаю, что каждая из сторон, вступая в войну, надеется на победу.

— Я не думаю, что на нас нападут,— сказала Табита.— Я верю в здравый смысл Империи.

— И все же необходимо принять меры предосторожности. Одна из них — это домашняя защита.

— Да. Но ее организовать не просто. Ведь чосов — огромное количество.

— Может быть, в этом сможем помочь мы, те, кто стал птицами,— заметил он.— В особенности те, кто сделал это так давно, как твоя семья.

— Сочту за честь сделать это,— сказала Табита.— Было бы просто замечательно, если бы все чосы объединили свои усилия. Борьба с Империей — великое дело,— тут она гордо подняла голову.— В конце концов мы сумеем показать ей, кто летает выше.

Айат и Водан летели вместе. Они были красивой парой: у обоих золотистые глаза и перья; но он — желтовато-коричневый, а она — темно-бронзовая.

Под ними простирались земли Врат Бури: поросшие темным лесом долины, утесы и ущелья, горные пики, которые сверкали серебром ледников; водопады, чьи воды походили на отливающее голубизной лезвие ножа.

Воздух был холодным и свежим. Ветер, распевая свою обычную песню, гнал прочь облака, позолоченные Лаурой.

Неслышными тенями неслись они над планетой. Итриане пьянели от свежего воздуха. Он наполнял их уверенностью и силой, заставлял широко расправлять крылья, так, что их перепонки под ними напрягались до предела.

Водан сказал:

— Если бы я принадлежал к роду Аринниана, я бы непременно обвенчался с тобой теперь же, до того, как взойду на корабль. Но ты месяцами будешь избегать любовного периода. А меня, может быть, и убьют. Я не хочу, чтобы ты стала вдовой.

— Ты думаешь, я буду меньше скорбеть, если не стану носить титул «вдовы»? — ответила она.— Я хотела бы иметь право на то, чтобы возглавлять танец в твою память. Потому что только я знаю, какую часть этих небес ты любишь больше всего!

— И все же могут возникнуть всякие трудности: обязательства по отношению к моему роду и тому подобное. Нет! Станет ли наша дружба менее крепкой от того, что ты не будешь считаться моей женой?

— Дружба...— пробормотала она. Потом с жаром добавила: — Той ночью и я мечтала о том, чтобы мы были людьми.

— Как? Вечно внизу? Вечно на Земле? И никогда в Небе?

— Вечно связанные любовью!

— Кх-Хъянг! Я питаю глубокое уважение к Аринниану, но иногда я думаю — уж не слишком ли много связывает тебя с ним и притом с самого детства. Если бы Литран не взял тебя с собой, когда у него было дело в Грее...— увидев, как сердито поднялся ее хохолок, Водан не договорил начатую фразу и закончил уже другим тоном:— Да, он твой преданный друг. Это делает его и моим другом. Я только хочу предупредить тебя — не пытайся быть человеком...

— Нет, нет! — Айат почувствовала, что теряет высоту. Она взмахнула крыльями и рванулась к сверкающему за деревьями пику, так что свежий ветер загудел вокруг нее.

Айат летела вперед, чувствуя, как напрягается и наливается силой каждый ее мускул, наполняя тело невыразимой радостью, а небеса раскрывают ей свои объятия.

Она радостно рассмеялась.

Водан догнал ее.

— Разве я могла бы отказаться от этого? — весело крикнула ему Айат.— Или ты?

Экрэм Саракоглу, имперский губернатор сектора Пакис, уже давно намекал на то, что хотел бы познакомиться с Луизой Кайал-и-Паломарес—дочерью адмирала флота Хуана де Иесуса.

Она прибыла из Нью-Мехико затем, чтобы стать хозяйкой и домоправительницей у своего овдовевшего отца, который переехал из штаб-квартиры в Эсперанса в снятый во Флервиле дом.

Однако встреча откладывалась.

Дело было не в том, что адмирал не любил губернатора — они хорошо ладили между собой, и не в том, что он не одобрял его намерений — несмотря на чрезвычайную гордость губернатора и всем известное пристрастие к женскому полу, адмирал был не против этого знакомства.

Сама Луиза в случае необходимости смогла бы защитить свою гордость и честь. Дело было просто в том, что оба мужчины были по горло завалены работой.

Наконец им удалось ввести в курс дела своих помощников, и те могли какое-то время справляться с делами сами, и тогда Кайал пригласил Саракоглу к обеду.

Однако в последнюю минуту возникло еще одно непредвиденное препятствие. Адмирал позвонил домой, предупредил, что вынужден задержаться на пару часов.

Луиза передала это губернатору.

— Ваше общество не может идти ни в какое сравнение даже с самым чудесным обедом,— вкрадчиво ответил Саракоглу, целуя ей руку.

При небольшом росте Луиза обладала прелестной фигурой и хорошеньким смуглым личиком. Вдобавок, она оказалась внимательной слушательницей и прекрасной собеседницей.

В ожидании адмирала они бродили по саду.

Такие кусты роз и вишневые деревья вполне могли бы расти и на Земле. Среди других планет-колоний Эсперанса была настоящим чудом.

Была середина лета, и солнце Пано все еще стояло над горизонтом, и лучи его падали на старую кирпичную стену. Пронизанный птичьим пением, теплый воздух наполнялся ароматом цветов.

Высоко в воздухе проплыло несколько машин. Но Флервиль был не слишком велик, и шум городских улиц не долетал в это удаленное от центра место.

Саракоглу и Луиза неторопливо шли по выложенной гравием дорожке и беседовали. За ними следили, вернее, их тайком разглядывали пожилые дамы-гувернантки. Однако на некотором расстоянии за ними следовала не дуэнья, а шел вооруженный горпурианский наемник, от которого не могли бы укрыться даже самые незначительные проявления флирта.

«К сожалению,— думал губернатор,— она задала тон искренности».

Вначале это было даже приятно. Она побуждала его говорить о себе, и он незаметно для самого себя увлекся.

— Да, именно так, я являюсь графом Анатолии... Честно

говоря, даже на Земле малое пэрство... Да, бюрократическая карьера... Может быть, я смог бы стать художником — ведь я баловался кистью и красками... возможно, вы пожелали бы увидеть мои картины... Увы, вы не знаете, как получается в таких делах. От Имперской знати ждут, что она будет служить Империи. Родиться бы в эпоху декаданса! К несчастью, Империя живет настоящим...

В душе Саракоглу смеялся над самим собой. Он, которому уже стукнуло пятьдесят три, коренастый, начинающий полнеть, абсолютно лысый, с маленькими глазками, посаженными близко к гигантскому носу, он, в чьем дворце живут две дорогие любовницы, ведет себя, словно мальчик, изображающий «светского человека»! Когда-то такая игра его забавляла. То была возможность отвлечься и отдохнуть от суровой реальности, и от своего трезвого взгляда на мир, который так и не позволил ему попробовать улучшить свою внешность с помощью биоскальпа.

Неожиданно Луиза спросила:

— Мы действительно собираемся напасть на итриан?

— Что? — беспокойство в ее голосе заставило губернатора взглянуть на нее.— Видите ли, торговля приостановлена...

— Кто ее приостановил? — спросила Луиза, вглядываясь куда-то вдаль. Голос зазвенел, а легкий испанский акцент стал заметнее.

— Кто был инициатором конфликтов? — оборонялся он.— Итриане. Поймите, речь идет не о том, что они — чудовища. Но по натуре они первобытны. У них нет сильной власти, нет настоящего правительства, которое могло бы сдерживать агрессивность отдельных группировок. Это и было главным препятствием к тому, чтобы достичь взаимопонимания.

— А вы очень хотели достичь его? — требовательно спросила она, по-прежнему не глядя на него.— Пытались ли вы найти общий язык? Мой отец ничего мне не говорит, но все и так стало ясным, когда мы сюда переехали — разве часто штаб-квартиры флота и гражданских служб сосредотачиваются на одной и той же планете? Что-то готовится, это ясно.

— Донья,— серьезно сказал Саракоглу,— когда флот космических кораблей может превратить весь мир в одну большую могилу, следует готовиться к худшему и принимать все возможные меры предосторожности.— Он помолчал.— Кроме того, было бы неразумно оставаться в том состоянии взаимной непроницаемости, в каком находятся Империя и Доминион. Вынужден заметить, что вы еще молоды и не представляете себе, что такое две совершенно изолированные системы... Мне очень жаль, но я вижу, вы уверены, что Империя провоцирует войну с целью проглотить весь Итрианский Доминион. Это неправда!

— А в чем же правда? — с горечью спросила Луиза.

— В том, что были кровавые стычки из-за споров о территории и различных интересов.

— Да. Наши торговцы терпят убытки.

— Это — мелочи! Коммерческие споры — явление неизбежное. Гораздо серьезнее обстоит дело с разногласиями политическими и военными. Например, кто из нас завоюет Анторанито — Кроакоакский комплекс вокруг Бета Центадра? Его ресурсы очень бы укрепили Землю. Итриане уже получили большое подкрепление, подчинив себе Датину, и на этот раз мы не хотим заполучить еще одну потенциально враждебную расу. Кроме того, появление Новой границы заставит нас вооружаться против возможного нападения на мерсейаском фланге.— Саракоглу поднял руку, предупреждая возможный протест.— Конечно, донья, Рондхунати далек и не слишком велик. Но он растет, и вооружение его тоже растет, а идеология его неразрывно связана с агрессивными намерениями. Обязанность Империи — заботиться о своих прапраправнуках.

— Почему мы не можем просто подписать договор, дать каждому возможность поделить все честно и благоразумно? — спросила Луиза.

Саракоглу вздохнул.

— Население планеты стало бы возражать против того, что с ними обращаются, как с движимым имуществом. Ни одно правительство, предпринявшее подобную попытку, не просуществовало бы долго.— Он махнул рукой.— Но важней всего то, что Вселенная хранит в себе слишком много неведомого. Мы стремились сотни и тысячи световых лет к особо интересным звездам. Но сколько мириадов их остаются вне поля нашего зрения? Что может случиться, когда мы обратимся к ним? Ни одно разумное правительство, человеческое ли, итрианское ли, не станет слепо протягивать руку неведомому. Нет, донья, эту проблему невозможно решить идеально. Мы должны только как можно лучше справиться со своим незнанием. Что вовсе не означает полное подчинение Итри. Я первым выступаю за то, чтобы Итри получила право на существование, шла собственным путем, даже сохранила свои внепланетные владения. Но граница эта должна быть стабилизирована.

— Мы устанавливали связи с другими планетами, и никаких осложнений не возникало.

— Конечно. Для чего, например, нам сражаться с братьями по водороду? Они настолько экзотичны, что мы едва можем с ними общаться. Как гласит старая поговорка, две ловкие, сильные расы всегда хотят заполучить одно и то же.

— Но мы можем просто жить рядом с ними! Люди это делают. Делают поколениями!

— Вы имеете в виду Авалон?

Она кивнула.

Саракоглу усмотрел в этом шанс повернуть разговор в другое русло.

— Да, здесь, конечно, есть интересные случаи,— улыбнулся он.— Как много вы об этом знаете?

— Очень мало,— неохотно призналась Луиза.

— Вы могли бы побывать на Авалоне,— сказал он.— Он не так далеко, в десяти-двадцати световых годах. Я бы сам

не отказался от этого. Общество там совершенно необычное, если не сказать — уникальное!

— Неужели вы не понимаете? Если люди и итриане могут поделить одну и ту же планету...

— Это совсем другое дело. Позвольте мне кое о чем вам рассказать. Я тоже никогда там не бывал, но изучил много материалов.

Саракоглу глубоко вздохнул.

— Авалон был открыт пятьсот лет назад одним из кораблей Великого Обзора, прилетевшим на Итри,— начал он,— и отмечен им как потенциальная колония. Но планета находилась так далеко от Земли, что тогда ею никто не заинтересовался. Само это название долго не упоминалось. И хотя Итри был на сорок световых лет дальше, но казался более привлекательным — богатая планета, населенная народом, с энтузиазмом шедшим навстречу всему новому и стремящемуся к торговым связям.

Саракоглу на мгновение умолк, а затем вновь продолжил свой рассказ.

— Примерно три с половиной столетия тому назад человеческое общество сделало итрианам предложение. Но Политехнической лиге предстояло еще продержаться до краха не менее пятидесяти лет, и тот, у кого неплохо работали мозги, уже предвидел надвигающийся период раздора. Эти люди, предводимые старым опытным исследователем, желали защитить будущее своих семей, перебравшись на Авалон — под протекцию Итри, которой не грозил распад, как цивилизации техники. Итриане согласились и, естественно, некоторые из них присоединились к переселившимся землянам. Потом пришли беспорядки, коснувшиеся и Итри. Но Земля добилась мира, превратившись в Империю, Итри же стал Доминионом. В то же время, авалоняне, которые держались вместе и вместе пережили ужас хаоса, слились в одно целое.

— Именно это и требуется сегодня.

Они остановились у решетки, обвитой виноградными лозами.

Саракоглу сорвал кисть винограда и предложил девушке. Луиза покачала головой. И тогда он съел ее сам.

Виноград был сладким и вкусным, но немного странным: ведь все-таки почва Эсперанса отличалась от почвы Земли.

Солнце скрылось, сад наполнили тени, ярким цветком расцвела на небе Вечерняя звезда.

— Я понимаю, что ваши планы состоят в том, чтобы включить Авалон в состав Империи,— сказала Луиза.

— Да,— кивнул Саракоглу.— Если принять во внимание все, что я сказал, и то, что людей на нем большинство. Думаю, что они были бы рады присоединиться к нам, а Итри не возражала против того, чтобы избавиться от них!

— Должны ли мы сражаться?

Саракоглу улыбнулся.

— Мир установить никогда не поздно,— сказал он.

Саракоглу взял Луизу за руку.

— Не вернуться ли нам в дом? Наверное, ваш отец вот-вот появится, и мы успеем приготовить для него шерри.

Он не стал огорчать ее сообщением о том, что вот уже несколько недель, как корабль-курьер привез Имперский указ о войне на Итри, ко всенародному объявлению которой и готовились все последнее время губернатор и адмирал.

Кампания против Итри требовала огромного флота, собранного со всех концов Империи. Открытых сообщений об этом не было, но отдельные слухи просачивались. Однако объединения на границах увеличивались в открытую по мере усиления кризиса, а маневры были почти непрерывными.

Двигаясь вокруг Панса по орбите в десять астрономических лет, крейсеры класса «Планета», «Тор» и «Аиза» несли черные снаряды и торпедировали силовые экраны друг друга, пронизывая последние лазерными лучами и стараясь удержать направление удара до тех пор, пока бласт не разъест броню, производили магнитные вспышки, чье свечение порождало смертельную радиацию, маневрировали в гравитационном поле, ныряли в гипердрайвную фазу и обратно, оттачивали каждый возможный маневр, приведенный в учебниках, а также такие, которые, как надеялось Верховное командование, ни в одном учебнике еще описаны не были.

Тем временем лодки класса «Кометы» и «Метеора», по отношению к которым они выполняли материнскую функцию, тоже были очень заняты.

Чтобы заинтересовать участников будущих боев в учениях, был назначен приз. То судно, которое компьютер сочтет победителем, отправится вместе со своим экипажем на Эсперанса, где команда получила бы неделю отдыха.

«Аиза» победила.

Она послала ликующий вызов. И в полумиллионе километров дальше, на «Метеоре», который его капитан окрестил «Звездой-охотницей», ожил механизм.

— Наконец-то воскрес! — воскликнул лейтенант Филипп Рошфор.— И при этом со славой победителя!

— С незаслуженной,— усмехнулся артиллерийский офицер Ва Чау оф Синтия.

Его маленькое, покрытое белыми перьями тело, склонилось над столом, который он убирал после еды. Кустистый хохолок покачивался над голубой мордочкой.

— Что ты хочешь этим сказать? — поинтересовался инженер-компьютерщик КПО Адбуллах Хелу, сухощавый, средних лет карьерист с Хау Бразил.— В наши обязанности входило строить из себя мертвых в течение трех дней.— Теоретически лодка была уничтожена и находилась в состоянии свободного полета, ибо настоящие обломки очень осложнили бы жизнь технического персонала.

— Особенно, когда расклад в покер удачен? — поддел его Ва Чау.

— Больше я с вами играть не буду, сэр,— сказал Хелу штурману.— Не обижайтесь, но вы слишком большой насмешник.

— Все дело во времени,— ответил Рошфор.— Обстоятельства есть обстоятельства. Ведь наша лодка вела себя хорошо. Как и вы в отношении денег! Так что в следующий раз и вам, и ей может повезти больше!

То была его первая лодка, его первая команда — он недавно был выдвинут на повышение за удачную операцию — и ему очень хотелось, чтобы лодка произвела хорошее впечатление.

И каким бы неизбежным при данных обстоятельствах не было поражение, все равно было обидно.

Но они находились в лагере победивших, и на счету у них было два корабля плюс отвлекающий маневр на трех, что давало ощутимое преимущество.

Теперь же им предстояло присоединиться к «Аизе» и значит — отправиться на Эсперанса, где их ждали знакомые девушки, с которыми можно было приятно провести время.

Маленькая каюта дрожала и гудела от шума работающих двигателей. Воздух, проходивший сквозь вентиляторы, пах машинным маслом и сопровождающими химикатами.

«Метеор» был сконструирован для работы в условиях действия как теории относительности, так и гипердрайва, а также для точного попадания в цель торпед с водородными бомбами и, наконец, для того, чтобы обеспечить команде тот минимум комфорта, который необходим в полете.

Космос, пронизанный россыпью ярких, как бриллианты, звезд, простирался за иллюминатором во всем своем величии. В его ясной черноте они собирались то в серебристое течение Млечного Пути, то в тусклые таинственные скопления — сестер Галактик.

Рошфору хотелось сесть и смотреть на эту красоту, давая своей душе возможность проникнуть в божественный храм Вселенной.

И он мог бы это сделать — лодка была полностью автоматизирована. Однако команда должна была видеть старательность и заинтересованность в работе своего командира.

Он вернул ручку прибора в то положение, в котором она была, когда пришло сообщение.

Заранее записанная лекция только что началась.

Человек-ксенолог появился на экране и заговорил:

— Итриане, обладающие теплой кровью, оперением и умеющие летать, не являются птицами. Они приносят потомство живым после четырех с половиной месяцев беременности. У них нет клюва, но есть губы и зубы. Они не являются млекопитающими. Они не имеют волос и желез, вырабатывающих молоко. Губы их развиты таким образом, чтобы кормить младенцев путем извержения. И хотя у них есть устройство, напоминающее жабры, оно рассчитано не на воду, а на...

— Ох, нет! — воскликнул Хелу.— Сэр, разве у нас не будет времени позже, чтобы заняться этим? Один дьявол знает, сколько недель нам предстоит лежать на орбите, абсолютно ничего не делая.

— Война может начаться каждую минуту,— сказал Ва Чау.

— Кому интересны во время военных действий внешний вид или интимная жизнь противника? — пробормотал Синтия.

Рошфор остановил ленту и огрызнулся:

— Знание врага может стать именно тем, что спасет нас, когда начнутся военные действия. Я предлагаю вам посмотреть.

— Мне, я думаю, не мешает проверить осциллятор номер три, пока мы летим не с такой большой скоростью.

Лейтенант улыбнулся. Он воздержался от того, чтобы сказать Синтии: «Ты — хороший парнишка! Наверное, ты поступил на службу, чтобы избавиться от раздражительных женщин, живущих на вашей планете?»

Потом он подумал: «Система воспроизведения — половые характеристики, появление потомства, похоже, составляет нечто основное у разумных масс. Похоже, что циничное замечание насчет того, что организм — это просто молекула ДНК, было верным. Или любые химические элементы, которые наследственность может принести в этот мир... Но нет! Церковь не поверила бы в это. Биологическая наследственность располагает, а не руководит».

— Давай-ка посмотрим, как итриане работают,— сказал он вслух, потянувшись к выключателю.

— А разве вы не знаете, сэр?— спросил Ва Чау.

— Не совсем. Клочок пространства, который мы вроде бы исследуем, так и кишит различными расами. И кроме того, я был слишком занят, приступив к своим новым обязанностям,— ответил Рошфор.— И если уж говорить правду, предвкушал и возможный отпуск!

Он включил экран.

Появился итрианин, идущий на ногах, которые росли из его крыльев.

Походка была довольно медленной и подпрыгивающей и явно не годилась для преодоления больших расстояний.

Существо остановилось, протянуло руки к земле и утвердилось на четвереньках. Потом оно расправило крылья и... внезапно стало прекрасным!

Внизу и сбоку на его теле появились продольные щели. Когда крылья поднялись, защищающие их перья отошли назад, щели увеличились и раскрылись и походили теперь на пурпурные рты.

Теперь существо занимало весь экран.

Тонкая кожа видна была так хорошо, что стала заметной каждая морщинка. Когда крылья опустились, щели снова закрылись.

Голос лектора сказал: «Именно это и помогает летать та-

кому тяжелому телу при наличии притяжения и давления воздушного столба, близкого к земному. Итриане более чем в два раза превышают размерами самое большое из земных летающих существ. Анибраторы, накачиваемые движениями крыльев, принимают под давлением кислород и направляют его прямо в кровь. Таким образом они выполняют функцию, подобную той, которую выполняют легкие земных животных. Итриане обладают силой, нужной для того, чтобы подняться вверх, и летают быстро и красиво».

Изображение вновь отошло в глубину экрана.

Существо сильно взмахнуло крыльями и полетело быстро, как стрела.

— Конечно,— продолжал голос,— эта энергия может возникать в результате значительного ускорения метаболизма. За исключением того периода, когда они находятся в состоянии полета, итриане очень прожорливы. Они плотоядны, хотя в рацион их входит некоторое количество сладких фруктов, что, без сомнения, способствует увеличению обычной тенденции плотоядных жить маленькими, отделенными друг от друга группами. Каждая из этих групп занимает большую территорию. А их инстинкт побуждает защищать эти территории от вторжений.

— Собственно, чтобы лучше понять итриан, нужно соединить все наши возможные знания с догадками об эволюции их расы,— подытожил лектор.

— Больше догадок, чем знаний,— заметил Рошфор. Однако он не мог не признаться себе, что зрелище зачаровало его.

— Мы верим в то, что теплокровная жизнь на Итри произошла не от рептилий или рептилоидной расы, а прямо от амфибий, обладающих жабрами рыб. Во всяком случае, у них есть подобие жаберных щелей. Те экземпляры, которые прижились на Земле, теряют эту черту. У более примитивных животных жабры сохраняются. Среди них и те маленькие, возможно, обитающие в болотах существа, что стали предками софонта. Поднявшись к вершинам деревьев, они могли развить перепонки и перелетать на них с ветки на ветку. В конце концов перепонки стали крыльями, а жабры — аэрональными устройствами — супер-зарядителями.

— Обычная история,— прокомментировал Ва Чау.— Неудачи на одной стадии превращаются в успехи на другой.

— Конечно, итриане могут подниматься высоко и даже парить,— сказал голос,— но этого они достигают благодаря огромной маховой площади, а крыльями, способными ее производить, они оперируют благодаря антибраншерам.

К преимуществам организма относится и легкая костная система. Более сложная, чем у людей, она составлена из удивительно прочного материала, органическим компонентом которого является коллаген, субстанция, выполняющая функцию костного мозга земных млекопитающих. Птичий клюв у них, однако, отсутствует. Многие итрианские орнитоиды, например,

ухоты, внешне похожие на коршунов, по сути дела являются собаками. А прасофонты напоминают кое-каких обитателей джунглей.

На крыльях итриан есть небольшие отростки, за которые не умеющие летать детеныши держатся во время полета. Постепенно эти отростки развились в конечности.

Короткий период беременности не означает, что итриане рождаются с плохо развитой нервной системой. У итриан ускорен процесс деления клетки, и это делает их органы совершенными.

Тем не менее, младенец-итрианин требует большей заботы и большего количества еды, чем земной. Родители должны объединить свои усилия, чтобы добыть своему ребенку все необходимое. В этом мы можем увидеть корни полового равенства или почти равенства всех итрианских культур.

В таких условиях быстрое воспроизведение потомства невозможно. Может быть, в этом причина того, что женская особь способна к овуляции через год, который равен примерно половине земного, после того, как родит. Половые инстинкты не играют особой роли в иные периоды, кроме этого. Тогда же они становятся бесконтрольно сильными как у женской, так и у мужской особи. После того, как интеллект развился до определенной степени, стали играть немаловажную роль территориальные моменты. Родители желают в подобный период оградить своих высокородных дочерей от ищущих случая мужских особей. В дальнейшем муж и жена не желают тратить сильное и редкое ощущение на чужих.

Сексуальный цикл не является неизменным. Как правило, он заканчивается скорбью. Несомненно, это является находкой самой природы, желающей возместить потерю. Она как бы приносит в психику итриан черты Эроса и Гекаты одновременно, и это составляет особенность именно этой расы, хотя и не до конца понятную человеку. Иногда женская особь может овулировать по собственной воле, хотя подобное явление считается аморальным: в старые времена она была бы убита, теперь же ее, как правило, избегают. Главным злодеем итрианской истории является существо мужского пола, которое могло по желанию лостигать нужного состояния. Конечно, самым важным доказательством степени гибкости итрианского организма является то, что итриане с успехом приспособились в своем воспроизведении, как и во всем другом, к разнообразию условий колонизированных планет.

— Думается, мне больше нравится быть человеком,— заметил Рошфор.

— Не знаю, сэр,— ответил Ва Чау.— На первый взгляд связь между полами выглядит более простой, чем у вашей расы или у моей: или вы в настроении, или не в настроении, и это все. Но я бы не удивился, если бы они оказались более тонкими и сложными, нежели наши, даже более взаимосвязанные со всей психологией.

— Но вернемся к эволюции,— между тем продолжал лек-

тор.— В главных своих чертах она напоминает ту, что была пережита земной Африкой. Орнитоиды были вынуждены выйти из лесов в саванну. Здесь они эволюционировались от едоков-хищников в крупных охотников вроде предков человека. То, что раньше выполняло функцию ног, стало руками, которые превратились в инструменты для работы. Для поддержки тела и передвижения по земле локтевые когти стали выполнять функцию ног, ступней, а крылья превратились в подобие самих ног.

И все же разумный итрианин оставался хищным существом, причем не слишком хорошо чувствовавшим себя на Земле. Это были примитивные охотники, нападавшие сверху с копьями, стрелами и топорами. Оружия вполне хватало, чтобы справиться с самыми крупными животными. Не было нужды объединяться для расстановки ловушек на слонов или вставать плечом к плечу, чтобы вместе идти на льва. Общество оставалось разделенным на семьи или кланы, которые редко воевали между собой?

Когда итрианский Каменный век закончился, на первом плане было не сельское хозяйство, как в случае с человеком, а целенаправленное выращивание и разведение крупных наземных животных, таких как маукки, длинноволосые майау. Это стимулировало изобретение рельсов, колеса, целого ряда других открытий, что вынуждало итриан прочнее укрепиться на Земле. Сельское хозяйство было изобретено как средство добычи корма для скота. Излишек еды оставался для путешествий по делам торговли, для обмена и расширения культурных связей.

В дальнейшем комплекс социальных отношений усложнялся.

Их нельзя было назвать цивилизацией в полном смысле этого слова, потому что итриане никогда не строили настоящих городов. Благодаря своим крыльям, они обладали подвижностью, которая позволяла им общаться друг с другом. Жить вместе не было необходимости. Конечно, кое-какие промышленные центры неизбежно возникали: горнодобывающие, металлургические, торговые, религиозные, а также центры, предназначенные для обороны в том случае, если одна группа нападала на другую. Но они всегда были маленькими, а население их нестабильным. Если не считать управляющих и гарнизона, постоянное их население составляли лишь рабы со связанными крыльями — сегодня их место заняли роботы. Перевязывание крыльев облегчало наблюдение за подневольными существами. Однако, поскольку обрезанные перья быстро отрастали, рабу обещали, что после не слишком долгой службы он получит свободу, то способствовало миролюбивому настрою пленников. Таким образом, рабство вошло в индустриальный период итрианского общества, и даже не полностью исчезло и по сей день.

— «Что ж, мы возрождаем его и в Империи,— подумал Рошфор.— И, толкуя закон, используем его то в виде наказания, то как средство извлечь пользу из преступников. Как

бы там ни было, мы пытаемся вернуть к жизни то, что у итриан исчезает. Так неужто мы сильнее их в области морали? И неужели у нас и вправду больше прав?»

Он выпрямился в своем кресле.

— «Человек — это моя раса!»

Ева Дэвидсон и Филипп Рошфор сидели в ресторане Флервиля.

Девушка — стройная блондинка — была одета изысканно просто. Оба молодых человека знали, что они являются приятной противоположностью друг друга. Филипп Рошфор был высоким юношей, с прекрасной атлетической фигурой. Его блестящие волосы гармонировали со смуглой кожей лица, черты которого были правильными, но крупными. Одетый вызывающе модно, Филипп выглядел весьма экстравагантно: лихо заломленная шапочка с эмблемой Империи, отороченная золотой каймой, голубой китель, алый плащ и кушак, снежно-белые брюки, заправленные в высокие сапожки из кожи земного быка.

Итак, они сидели в ресторане возле окна, из которого открывался прекрасный вид.

Сонорист наигрывал что-то старинное и сентиментальное. Воздух был напоен пьянящими ароматами. Отдавая дань закускам, они не забывали о шампанском. Однако Ева была серьезна.

— Эта Вселенная населена людьми, которые верят в мир,— сказала она.

Тон ее был скорее мрачным, чем обвиняющим.

— Вот уже несколько поколений у них нет вооруженных сил. А все потому, что люди полагались на добрую волю тех, кому они помогали.

— Однако эта добрая воля не спасла нас от беспорядков,— сказал Рошфор.

— Я знаю. Я знаю! Я не стану общаться с теми из моих друзей, которые, узнав, что я была в ресторане с имперским офицером, не преминут кое-что сказать.

— Если начнется война, это будет страшнее сплетен. Авалон недалеко, и там большие силы.

Ее пальцы замерли на ножке бокала.

— Нападение с Авалона? Но я встречалась с этими людьми. с представителями обеих рас. Они прилетали сюда по торговым делам, я и сама не так давно летала туда на экскурсию. Все было так мило, что мне не хотелось возвращаться назад!

— Не думаю, чтобы манеры итриан не отразились на поведении их коллег-людей.— Рошфор постарался заставить свой голос звучать как можно более непринужденно.

Он надеялся, что это успокоит ее, вечер не должен превращаться в политический диспут.

— Так же, как люди не помогли своим примером итрианам избавиться он наиболее неприятных черт.

Ева изучающе посмотрела на Филиппа, прежде чем сказать:

— У меня такое впечатление, что смешанная колония не вызывает у вас симпатий.

— В некотором смысле — да,— Филипп готов был во всем оглашаться с девушкой, лишь бы добиться у нее успеха, хотя понимал, что это не очень честный прием. Он вообще не любил к нему прибегать, а в данном случае — в особенности, потому что Ева ему очень нравилась.

— Я верю в то, что нужно оставаться самим собой и поступать соответственно.

— Вы говорите как человек, который чувствует свое преимущество,— сказала Ева, и голос ее звучал довольно холодно.

— Если иметь в виду только то, что человек принадлежит к ведущей расе технической цивилизации — то в этом случае я действительно ощущаю свое преимущество,— согласился он.— Это вовсе не означает, что мы обладаем полным правом притеснять других. Например, люди моего сорта являются лучшими друзьями ксенософонтов. Мы просто не хотим их имитировать.

— Вы верите в то, что Земная Империя является силой, ведущей к добру?

— В общем — да! Но она содержит в себе и дьявольское! К сожалению, этого не может избежать ничто смертное! Наш долг — исправлять неверное... а также выявлять скрытые достоинства Империи.

— Может быть, мы оставили на долю дьявольского слишком мало.

— Потому что я сам с Земли? — хмыкнул Рошфор.— Дорогая моя, вы достаточно умны для того, чтобы не считать, будто материнская система населена сугубо аристократами. Мой отец всего лишь небольшой служащий Социолого-динамической службы. Его работа заставляла нас много путешествовать. Я родился в Селенополисе — это, как вы, вероятно, знаете, крупный космопорт. Я провел несколько памятных лет на Венере, планете преступлений и власти, чье преобразование не смогли завершить успешно. Я вступил в ряды флота не из шовинизма, а из-за мальчишеского желания посмотреть Вселенную — и еще два-три года тянул с поступлением в штурманскую школу. За это время я успел увидеть темные стороны более чем одного мира. Конечно, в Космосе еще полно мест, которыми можно было бы восхищаться. Так будем же улучшать его, а не рвать на части. И будем защищаться!

Филипп помолчал.

— Черт возьми,— честно признался он,— я надеялся отвлечь вас от серьезной темы, а сам ринулся ей навстречу.

Теперь рассмеялась девушка. Она подняла бокал.

— Давайте поговорим о чем-нибудь другом,— сказала она.

Так они и сделали.

Рошфор приятно провел свой отпуск и когда две недели спустя вернулся на корабль, «Аиза» получила приказ выйти в открытый космос.

В нескольких световых годах от Панса они присоединились к флоту, который спрятался здесь, до поры до времени скрывая свои намерения. Отсюда корабли сотнями устремились к Доминиону Итри.

Конференция проводилась по фону, как почти все остальные, проходившие в эти дни. Это, конечно, противоречило древнему авалонскому этикету, но зато экономило время. «Время становится все большей и большей ценностью»,— думал Дэннель Холм.

Участники конференции были вне себя от гнева. Два-три изображения перед ним, казалось, вот-вот вылезут за рамки экрана. Дэннель не сомневался, что сам он производил на тех, кто видел его на своих экранах, такое же впечатление.

Мэттью Викери, президент Парламента, сказал, нервно хрустя пальцами:

— Смею вам напомнить, что у нас нет армии. Мне кажется, вы об этом забыли. Мы, гражданское правительство, одобрили ваши меры защиты, над которыми вы работали несколько лет, хотя лично я всегда считал их крайними. Я все время думаю о процветании, которого мы могли бы достичь, о социальных преобразованиях. В будущем мы смогли бы построить в четвертом измерении такие базы, которые смогут защитить нас от любого вторжения.

— Вы всегда смотрите только в будущее,— сказал Ферун.— То будущее, которое должно наступить сейчас, не сулит нам ничего хорошего.

Холм скрестил ноги, откинулся на спинку кресла, выпустил клуб дыма в изображение Викери и фыркнул:

— Не нужно громких слов, вас и так переизберут, так что жаловаться не на что.

— Во всем виновато ваше крайнее легкомыслие,— объявил Викери.— Самым нелепым был ваш последний приказ о выводе из Лауранской системы всех неитрианских кораблей. Вы же знаете, какую торговлю мы ведем, не только с Империей, хотя здесь мы извлекаем наибольшую выгоду, но и с неприсоединившимися цивилизациями, подобными Кроакану?

— Вы понимаете, как легко было бы землянам проникнуть, замаскировавшись, на орбиту Авалона? — Холм повысил голос.— Несколько тысяч мегатонн, сброшенных с такой высоты при отсутствии облачности, заставили бы запылать костром половину Короны. Или же они могли проявить еще большую хитрость и приземлиться как мирные торговцы. Компьютеры сознания не слишком широко используются в наше время, сейчас проводится не так много исследований, но при необходимости они могут быть изготовлены и запрограммированы на возбуждение различных чувств, включая и побуждение к самоубийству. Подобный взрыв может быть проведен в пределах защитной системы города. Он бы вывел из строя генераторы, оставив то, что уцелело бы от города в беспомощном состоянии. Радиоактивная пыль отравила бы все окрестности. А вы,

Викери, помогли им отвоевать у нас половину блока, необходимого нам для убежища!

— Что выиграет Земля, если изберут новое правительство? — сказал президент.— Я не отрицаю возможность войны, но я считаю, мы должны охладить свои горячие головы. Возьмите эту смехотворную программу, к осуществлению которой вы всех призываете.— Взгляд его обратился в сторону Феруна.— Это даст молодежи прекрасный предлог болтаться без дела, мешать занятым людям, отдавая им приказы, ощущать свою важность и смотреть на общество как на источник доходов. Но если говорить о флоте, который вы строите и всячески укрепляете, отрывая деньги от наших насущных нужд, то если о нем узнает Земля, она, возможно, никогда не захочет приблизиться к нам. Кто же тогда заменит ее?

— Мы находимся неподалеку от главного сектора землян,— напомнил ему Феруи.— Они могут ударить первыми, и удар этот будет сокрушительным.

— Ну сколько можно говорить об одном и том же? — возмутился Викери.— Спасибо вам большое, но я предпочитаю разрабатывать программу самостоятельно. Видите ли,— продолжал он более миролюбиво,— я согласен с тем, что положение — критическое. Мы все с Авалона. Коли я уверен, что вы предлагаете глупость, то я так и говорю об этом в Парламенте. В конце концов мы разумные существа и должны договориться, даже если для этого нужно пойти на компромисс.

Лицо Феруна сморщилось.

Хорошо, что Викери не заметил этого.

Льзу из Тарна сидел с невозмутимым видом.

Холм проворчал:

— Продолжайте!

— Я должен обдумать оба ваши предложения и все вытекающие из них последствия,— сказал Викери.— У нас не военная диктатура, и у Компакта нет никаких оснований объявлять осадное положение.

— Это раньше не было оснований,— сказал Холм.— Но сейчас опасность очевидна, но я не думаю, что тут нужны крайние меры. Адмиралтейство отвечает за местную защиту и связь с вооруженными силами в Доминионе.

— Это не помешает вам остановить торговлю, увеличить армию или придумать что-нибудь еще, что расстроит нормальную жизнь Авалона. Мы с моими коллегами очень обеспокоены создавшимся положением и считаем, что нужно предпринять какие-то меры. Но сегодня необходимо напомнить вам о том, что вы — слуги народа, а не хозяева. Если народ захочет отстранить вас от дел, он сделает это, выставив своих представителей.

— Круат уже собирался и представил Адмиралтейству самые широкие полномочия,— проговорил своим скрипучим голосом Льзу из Тарна. Он был стар, с проседью в оперении, но держался прямо и уверенно, и на экране за ним виднелся утес, на котором белел ледник.

— А парламент...

— Там все еще идут дебаты,— прервал его Холм, желая покончить с делом.— У Земной Империи нет таких помех. Если вам нужна формулировка с точки зрения закона — что ж, считайте, что мы действуем по закону чоса.

— У чосов нет правительства,— сказал Викери, побагровев.

— Что такое правительство? — спросил Льзу.

— Законная власть...

— Да! Закон диктуется традициями, и это неоспоримый факт. Закон опирается на вооруженные силы, и это непреложный факт! Правительство является такой организацией, которая обязана воплощать в жизнь чаяния своего народа. Правильно ли я понял ваших философов и историков, президент Викери?

— Да... но...

— Вы, кажется, упустили из виду, что чосы были не более единодушны, чем ваши человеческие фракции,— сказал Льзу.— Поверьте мне, у них произошел раскол. Хотя большинство проголосовало за введение последних мер защиты, у этих мер есть и противники. Подобно вам, президент Викери, чосы считают, что опасность преувеличена и не стоит затрачивать столько средств на оборону.

Льзу замолчал, и остальные участники конференции ясно услышали свист ветра и увидели двух его внуков, летавших неподалеку. У одного из них была в руках обнаженная шпага, которая передавалась от дома к дому как символ войны, у другого — бластер.

Высокий Виван сказал:

— Чосы отказываются вносить свою долю. Я со своими сторонниками сказал им, что созовем против них Сэрван. Если бы они не согласились, мы бы выполнили свою угрозу. Серьезность положения требует этого.

Холм хмыкнул: «Раньше он мне ничего подобного не говорил!»

Ферун держался почти так же спокойно, как и Льзу.

Викери тяжело дышал. Его лицо покрылось каплями пота. Он быстро вытер его платком.

«Мне почти жаль его,— подумал Холм.— Так внезапно столкнуться с жестокой реальностью».

Мэттью Викери следовало бы оставаться экономистом-аналитиком, а не заниматься политикой. (Тут Холм не мог не подумать о том, как изменился он сам.) Тогда он был бы безобидным и, действительно, приносил бы пользу: межпланетная экономика очень нуждается в хороших специалистах и их опыте.

Беда в том, что на планете, где плотность населения так мала, как на Авалоне, правительство никогда не играло важной роли, если не считать основных аспектов экологии и защиты. В последнее же время функции его несколько расширились, ибо человеческое общество изменилось под итрианским влиянием. Голоса охотников отдавались за тех кандидатов, которые выглядели наиболее лояльными. Так, реакционеры имели возможность выбрать Викери, который с тревогой смотрел

в сторону итринизации. (Не оправданная ли это тревога?)

— Вы понимаете, что это должно остаться между нами?— сказал Льзу.— Если начнутся разговоры, сомневающиеся чосы сочтут свою гордость смертельно оскорбленной.

Да,— прошептал Викери.

Опять установилось молчание.

Сигара Холма догорела и теперь жгла ему пальцы. Он притушил ее. Запахло паленым. Холм закурил новую. «Я слишком много курю,— подумал он.— Может быть, и пью слишком много в последнее время. Но дело сделано, насколько позволяют обстоятельства».

Викери облизал губы.

— Это еще одна проблема? — спросил он.— Могу ли я говорить прямо? Я должен знать, является ли это намеком на то, что... в конце концов вы придете к заключению «о необходимости ответных действий».

— Думаю, для нашей энергии найдется лучшее применение,— сказал ему Льзу.— Может быть, все-таки ваши усилия в Парламенте увенчаются успехом.

— Но... вы понимаете, что я не могу изменить своим принципам. Я должен иметь возможность говорить все, что считаю нужным.

— Это записано в соглашении,— сказал Ферун.

И за этими словами последовал монолог, который не был многословным даже с точки зрения итрианских критериев.

— Люди, населяющие Авалон, имеют неограниченные права свободы слова, печати, радиовещания, ограниченные только всеобъемлющим правом неприкосновенности личности и требованиями защиты от чужеземных врагов.

— Я хотел сказать...— Викери сглотнул. Годы политической деятельности не прошли для него даром.— Я хотел только сказать, что дружеская критика и предложения всегда правомочны,— сказал он со всей любезностью, на которую был способен.— Как бы там ни было, мы не должны допустить, чтобы началась гражданская война. Можем ли мы сейчас обсудить политику непартизанских объединений?

За кажущимся спокойствием ощущался страх.

Холму подумалось, что сейчас он может читать мысли Викери, пытающегося постичь все значение того, что сказал старый Льзу.

Как может суровая, могущественная, разбитая на кланы и рассеянная территориально раса регулировать свои общественные дела?

Как и на Земле, разнообразные культуры Итри в различные периоды ее истории давали множество ответов на этот вопрос, но ни один из них не казался полностью исчерпывающим, особенно на длительный период.

Ораторы Планха были наиболее могущественными и прогрессивными, когда прибыли первые исследователи. Некоторые называют их «хеленистинами».

Легко приспособившись к современной технологии, вскоре вовлекли в свою Систему и других. В то же самое время с успехом применяя ее к изменяющимся условиям.

Это было нетрудно, потому что Система не требовала строгого единства.

Состояли ли владения Системы из ряда разбросанных земель или из единого участка Земли или моря, но внутри этих владений — чос был независимым. Принципы управления чосом подсказывались традицией, хотя и сама традиция медленно изменялась, как неизбежно меняется все живое. Племя, анахронизм, деспотизм, свободная федерация, теократия, клан, увеличивающаяся семья, корпорация и еще множество понятий, для обозначения которых нет подходящих слов на языке людей — все это могло характеризовать чос.

Вечное «нужно», то есть традиционное понятие долга, определялось скорее обычаем и общественным мнением, нежели предписанием и силой. Семьи редко жили в тесном единстве, так что разногласия возникали редко и были минимальными. Обычно наказанием служило изгнание из союза или, что случалось крайне редко, рабство. Между ними лежало изгнание общее. Тот, кто совершал особый проступок, скажем, убийство, мог быть сам убит за это безнаказанно, и если кто-то пытался ему помочь, это расценивалось, как столь же тяжкое преступление.

Наказывали еще и временным изгнанием, которое автоматически кончалось по окончании установленного срока. Итрианам было тяжело перенести его. С другой стороны, особо недовольные могли легко оставить дом (как удержишь в небе?) и примкнуть к другому чосу, более отвечающему их вкусу.

Теперь, конечно, некоторые признанные группы должны были время от времени собираться вместе и принимать соответственные решения, устраивать междучосовые диспуты и сообща решать общеполитические и другие вопросы. Вот так в прошлом и возник Круат — периодическое собрание всех свободных взрослых итриан.

Оно обладало законными и ограниченно законодательными правами, но отнюдь не административными. Удачливые покровители кланов и указов, выигравшие судебные процессы, становились в глазах соплеменников силой, которой они желали подчиняться.

По мере развития общества планха, региональные собрания начали выдвигать кандидатов на годовой Круат, представлявший более обширные территории. В конце концов те, в свою очередь, посылали своих представителей в Высший Круат всей планеты, встречавшийся каждые шесть лет, если все было спокойно, и чаще, если возникало что-либо непредвиденное. На каждом уровне избирался президиум — Виван. На него были возложены обязанности решать спорные вопросы (разъяснение законов, обычаев, прецедентов), а также разбор всевозможных тяжб.

Эту организацию нельзя было назвать советом, потому что

любой взрослый мог участвовать в работе на том уровне, на котором желал.

Подобное устройство не могло бы иметь место на Земле — что-то похожее появилось там однажды, давным-давно, но просуществовало совсем недолго и закончилось кровавым столкновением.

Но итриане менее болтливы, более свободны, чем земляне, не такие упрямые, как они, и не так перегружены историческим опытом прошлого. Современные средства коммуникации, компьютеры, информационные приборы, обучающие машины помогли Системе распространиться вширь, по всему Доминиону.

Прежде чем она достигла подобного состояния, ей пришлось столкнуться лицом к лицу с проблемой администрации.

Необходимые общественные работы должны были иметь под собой материальную основу, опирающуюся на добровольные вклады часов. На практике же все оказалось гораздо сложнее. Поведение, причиняющее физический или социальный вред, запрещалось независимо от того, каким бы правильным оно ни считалось в отдельных часах.

И все же не существовало машины для принуждения, и итриане не думали о ее создании.

Когда же несогласие принимало угрожающие размеры, Виваны соответствующего Круата вызывали обвиняемых на Сэрван, который был чем-то вроде общественного суда, чьи решения принимались безоговорочно. Сэрван после долгих размышлений и серьезнейшей церемонии требовал присутствия каждого из проживающих на данной территории. Ради их собственных интересов и особенно ради их чести, обвиняемые должны были предстать перед судом общественности.

В прежние времена суд целого часа означал его конец — обращение в рабство тех, кто не был убит, с разделением их между победителями. Позднее он стал заканчиваться арестом и изгнанием тех, кто ранее признавался лидером. Но всегда этот своеобразный суд проводился под знаком высшей гордости. Если вызов на Сэрван отклонялся, как это случалось, когда обвинение не было признано настолько подтвержденным фактами, что можно было признать его правомочным, то требовавшие его Виваны вынуждены были кончать жизнь самоубийством.

С учетом характера итриан, Сэрван был у них тем же, что и полиция у людей. Если же ваше общество живет по законам морали, то скажите, часто ли возникает необходимость в полиции?

Никто из тех, кто знал Льза из Тарна, не поверил бы в то, что он может сказать неправду. А он говорил о том, что Авалон может оказаться разорванным на части, и к этому надо было прислушаться.

Могучий Саггитариус впадал в залив Центаур, который носил то же имя, что и второй город Авалона — единственный, кроме Грея, имевший определенное название.

Этот Центаур был, в основном, городом людей и походил на многие имперские города — полный суматохи, шума, веселья, а иногда и опасностей. В нем были речной, морской и космический порты, промышленный и торговый центры.

Находясь здесь, Аринниан большую часть времени был вынужден быть Кристофером Холмом и вести себя соответственно этому имени.

А теперь этого требовали и его новые обязанности.

Он не удивился назначению его верховным офицером охраны Западного Короната после организации этого рода войск — в их обществе семейственность была нормой.

К своему удивлению, Крис довольно успешно справлялся со своими обязанностями и даже получал некоторое удовольствие, исполняя их,— и это он, всегда насмехавшийся над «пастухами»!

Через несколько недель под его началом действовала хорошо организованная армия, постоянно проводились учения, были налажены снабжение и коммуникации. Конечно, большим подспорьем служило то, что большая часть авалонян были завзятыми охотниками, кроме того, постоянное участие в военных конфликтах привело к тому, что у них сложились определенные традиции, которые в армии пришлись как нельзя более кстати. Кроме того, всегда можно было прибегнуть к совету старого Дэннеля.

Такие формирования возникали сейчас повсюду. Им нужно было согласовывать свои действия с мерами, принимаемыми братством Симен. Была созвана Конференция, на которой все эти вопросы были разрешены.

После конференции Аринниан предложил Хрилл:

— Давай отпразднуем это событие! Может случиться так, что нам больше не представится возможности увидеть друг друга. Предложение Аринниана было не случайным. Он думал об этом два последних дня.

Табита Фалькайн улыбнулась.

— Конечно, Крис! С удовольствием!

Они пошли по Лайвелл-стрит, взявшись за руки. Было очень жарко.

— А почему ты все время называешь меня только моим человеческим именем? — спросил он.— И говоришь со мной на англике?

— Мы люди, ты и я! У нас нет перьев, чтобы пользоваться планха по всем правилам. Ты против?

Крис помедлил с ответом.

«Вообще-то это личное дело каждого,— думал он,— она просто относится к этому, как все люди».

Он остановился и повел свободной рукой.

— Посмотри на все это и перестань философствовать,— сказал Крис. И тут же подумал, что не совсем учтив с девушкой.

Но она только улыбнулась в ответ.

Эта часть улицы пролегала вдоль канала, вода которого была покрыта масляными пятнами и засорена отбросами.

Повсюду, куда ни глянь — баржи, и узкая полоска воды казалась зажатой между двумя рядами плотно притиснутых друг к другу зданий, чьи ободранные фасады тянули свои десять-двенадцать этажей к ночному небу. Звезды и белый полумесяц Морганы терялись в ярком искусственном свете мигающих реклам и надписей: «Грог», «Танцы», «Еда», «Лучшие земные ощущения», «Дом развлечений», «Спешите к Марии Джуанс», «Азарт игры», «Обнаженные девушки»... Машины запрудили дорогу, по тротуару текла толпа. Кого тут только не было! Моряки, летчики, сплавщики, рыбаки, охотники, фермеры, едва стоящий на ногах пьяница, еще один пьяный, согнувшийся волосатый человек, стоящий на углу и выкрикивающий что-то невнятное,— бесконечный людской поток, смеющийся, беззаботный, перекрывающий своими голосами шум уличного движения, шарканье ног, обрывки фраз, доносившиеся из громкоговорителя.

Воздух вонючий, пропитанный дымом, маслом, запахом пота, насыщенный испарениями окрестных болотистых земель, кажущимися в городе зловонными.

Табита улыбнулась своему спутнику:

— Все это очень забавно, Крис,— сказала она.— Но зачем мы сюда пришли?

— Ты ведь не стала бы...— он запнулся и поймал себя на том, что смотрит на девушку не отрываясь. Они оба были одеты в блузы без рукавов, кильт и сандалии. Одежда прилипала к их мокрым телам, лица были влажными. Но несмотря на это и на запах женского разгоряченного тела, который он не мог не уловить, в ней все равно угадывалось существо, привыкшее к морским просторам, огромному небу и свежему ветру. Молодой человек был очень взволнован.

— Иногда необходимо расслабиться, — сказала Табита, дружелюбно улыбаясь ему.— Ты — пуританин, Крис!

— Нет, нет,— запротестовал он, боясь, как бы она не сочла его наивным.— Разборчивый — может быть. Я часто бывал здесь не только по делам службы. Мне хотелось объяснить тебе, что я горжусь тем, что принадлежу к чосу, и мне больно, что люди моей расы могут жить в грязи. Неужели ты не понимаешь, что это и есть то древнее, чего стремились избежать пионеры и что они не хотели брать в новый мир.

Табита произнесла слово, от которого он отшатнулся. Айат никогда бы не сказала такого.

— Ладно, если ты и в самом деле так считаешь,— усмехнулась девушка и продолжила: — Я читала записи Фалькайна. Он и его последователи не хотели ничего, кроме комнаты, в которой им бы никто не мешал,— она неожиданно спросила,— Как насчет обеда?

И они пошли к ресторану.

Он почувствовал себя несколько лучше в полумраке респектабельного Фениксхауз. Этому способствовало и то, что здесь было прохладно, и одежда уже не обрисовывала с такой откровенностью формы ее тела, как на улице. Понемногу они приходили в себя.

Она заказала коктейль «котфлауэр». Ему же пить не хотелось.

— Давай же,— улыбнулась Табита.— Вылези, наконец, из своей скорлупы!

— Не хочу! — Аринниан, наконец, нашел нужные слова.— Зачем притуплять свои чувства в счастливый момент?

— Мне кажется, что я уже слышала эту фразу. Поговорка Врат Бури?

— Да. Хотя, я думаю, в Высоком Небе тоже не пользуются наркотиками.

— Не пользуются. Большая часть из нас придерживается старых правил, ты же знаешь.— Некоторое время Табита внимательно смотрела на него.— Твоя беда в том, Крис, что ты слишком стараешься походить на итрианина. Расслабься! Надо быть своим среди тебе подобных! Много ли есть людей, с которыми ты близок? Держу пари — единицы!

Он заставил себя сдержаться.

— Последнее время я часто с ними виделся.

— Да! И неважно, есть у тебя к ним дело или нет — разве это плохо? Я не хочу вмешиваться в твою жизнь, учить тебя уму-разуму, но факт остается фактом: мужчина или женщина, пытающиеся вести жизнь итриан, стараются впустую!

— Что ж, после трех поколений тебе, должно быть, неспокойно в твоем чосе,— сказал он, сдерживая сарказм.— Ты достаточно много времени проводишь среди людей, не так ли?

Она кивнула.

— Несколько лет. Я перепробовала разные профессии: охотницы, рыбачки, старательницы — чуть ли не большую часть авалонских профессий. Я получила большую часть доли в начатом деле Драуна — и оставила ее на различных покерных столах! — она рассмеялась.— Черт возьми! Иногда кое-что действительно легче объяснить на планха! — И очень серьезно добавила: — Но вспомни, я была совсем юной, когда мои родители пропали в море. Меня удочерила итрианская семья. Они и вдохновили меня на бродячую жизнь: таков обычай Высокого Неба. Моя верность и благодарность чосу крепла. Я считала себя его членом, который, по случайности, является человеком.— Она прервала себя и обернулась.— А вот и коктейль! Давай-ка просто поболтаем, я стосковалась по этому в Сент-Ли!

— Пожалуй, я тоже выпью,— сказал Аринниан.

И вскоре обнаружил, что напиток помогает сбросить напряжение.

Вскоре беседа их стала оживленной. А так как ее жизнь была куда богаче приключениями, чем его, то ему скучать не приходилось. Бывали и в его жизни случаи, когда он мог оказаться в опасности не меньшей, чем угрожала ей — хотя бы тогда, когда он скрывался от родителей на осаждаемых прибоем Островах Щита или когда он встретил спадатонта на суше, имея при себе лишь копье. И хоть таких случаев было немного, его воспоминания произвели на Табиту большое впе-

чатление. Она никогда не совершала межпланетных путешествий, если не считать короткой поездки на Моргану.

В отличие от нее, он, сын флотского офицера, получил возможность увидеть всю Лауранскую систему от разрушенного солнцем Элизиума и многочисленных лун Камелота до темного, любимого кометами Утгарда. Говоря о хрупкости голубого мира Фзеации, Крис процитировал строки Гомера, и Табита пришла в восторг, просила прочитать ей еще что-нибудь и спрашивала, что еще написал этот парень. Гомер, и разговор перешел на книги...

Еда была смешанной, составленной из блюд обеих рас: рыба, тушенная в пискоиде и томате, пирог с говядиной и шуа, салат из листьев иластергрейна, груши, кофе, сдобренный белым корнем. Дополнением послужила бутылка вытяжки из дего. В конце обеда Аринниан, начинавший привыкать к самостоятельности Табиты, был шокирован, когда его спутница закурила трубку.— Как насчет того, чтобы заглянуть в «Гнездо»? — предложила она.— Мы могли бы разыскать Дрэуна.— Компаньон Табиты был ее начальником по охране. В Центауре она была его помощницей. Положение чоса о рангах было одновременно и более сложным, и более гибким, чем у Техников.

— Что ж, хорошо,— ответил Аринниан.

Она наклонила голову.

— Ты, правда, согласен? Я думаю, что ты предпочитаешь итрианский гангут любому месту в этом городе.— Это было единственное заведение, предназначенное специально для орнитоидов, гостями которого они бывали довольно редко.

Аринниан нахмурился.

— Я уверен, что таверна — не самое лучшее место для них,— добавил он поспешно.— Я не гордец, пойми!

— Но все же ты не возражаешь, когда люди подражают итрианам. Ух-ух! На двух крыльях не получается! — Она встала.— Давай заглянем в пивнушку «Гнездо», выпьем с другом, если встретим его, почитаем стихи. А потом—дансинг-клуб, идет?

Аринниан кивнул — несмотря на охватившее его волнение, он был доволен тем, что Табита сегодня в приподнятом настроении. Но поскольку даже с помощью техники невозможно принять участие в итрианских воздушных танцах, он может просто передвигаться по полу в объятиях другой птицы, и это тоже было прекрасно. Но раз эта возможность потеряна для него, то может быть Табита... Ведь в эту необычную ночь она была Табитой, а не Хрилл с небес...

Он слушал болтовню об общении с девушками-птицами, весьма далекими от благоговейного созерцания. Для Аринниана и ему подобных их соратницы-женщины были товарищами, сестрами. Но Табита подчеркивала его и свою человечность.

Они на такси-кэбе отправились в «Гнездо» — самое высокое в городе здание, которое, к тому же, располагало гравитационной шахтой, потому что многие прибывали сюда не на летательных аппаратах.

Таверна была защищена от дождя стеклянной крышей, сквозь которую на этой высоте звезды безбоязненно могли лить свой свет, не боясь исчезнуть в свете искусственного пламени внизу. Моргана склонялась к западным землям, но все еще серебрила своим светом реку и залив.

На востоке громоздились грозовые тучи, и световые блики выхватывали из темноты их громады. Инсектоиды призрачной дымкой покачивались над каждым столом.

Народу было немного, несколько неясных силуэтов, склоненных над стаканами с напитками, виднелись тут и там, слуга-робот ходил по залу, позвякивая стальным покрытием.

— Скучища,— разочарованно сказала Табита.— Но мы сможем поднять настроение!

Они принялись пробираться между столиками, пока Аринниан не остановился и не воскликнул:

— .Хой! Водан, экс-Хирр!

Его соратник по чосу, изумленный, поднял голову. Он выпивал в компании пухленькой особы, которая посмотрела на вновь появившихся недовольным взглядом.

— Хорошего тебе полета,— приветствовал его Аринниан на планха, последующая фраза была вполне подходящей для англика, хотя произнесена была на англике чисто автоматически.— Не ожидал встретить тебя здесь!

— Доброго приземления и тебе,— ответил Водан.— Через несколько часов я должен быть на своем корабле. Мой транспорт отходит от базы на Хэлцнон-айленд. Я отправлюсь пораньше, пока не начался шторм. Неподалеку от дома мы попали в три дьявольские бури подряд.

— Ты готов к битве, охотник,— сказала приветливо Табита.

Это верно,— подумал Аринниан,— он жаждет битвы. Только как же так, почему он не остался с Айат до последней минуты, по крайней мере, он должен был бы совершать полет в свете Луны, размышляя и созерцая... А он предпочел пирушки...— Он прервал себя.

Водан сделал знак своей спутнице.

— Кьенна,— сказал он. Его фамильярность при посторонних была оскорблением, и девушка недовольно и печально качнула крыльями.

Аринниан с удовольствием избежал бы этой компании, но не мог придумать никакого правдоподобного предлога, давшего бы возможность уйти, никого не обидев. Делать нечего, и он с Табитой опустились на сиденья рядом с Воданом и Кьенной.

Когда подкатился робот, они заказали густое, крепкое ньюафриканское пиво.

— Как дуют твои ветры? — спросила Табита, попыхивая трубкой.

— Хорошо. Я желаю этого и тебе! — ответ Водана был точен. Он повернулся к Аринниану, который искусно скрывал свое плохое настроение.— Ты ведь знаешь, что я последние недели был на тренировочных маневрах.

— Да, Айат не раз говорила мне об этом.

— Это было очень интересно. Мой корабль требует хорошей подготовки. Позволь мне рассказать тебе о нем. Один из новых торпедоносителей подобен земным, и это прекрасно! Я горд, что смог увенчать его корпус тремя золотыми звездами!

«Айат» означает «Три звезды».

Водан продолжал свой рассказ.

Аринниан посмотрел на Табиту. Она и Кьенна встретились взглядами. Перья последней передали гамму чувств. Даже он смог прочесть большую часть невысказанных фраз полу-языка.

«Да, моя милочка, рожденная, чтобы ходить, Кьенна — то, что она есть, и кто ты такая, чтобы бросать вот эти свои презрительные взгляды? Чем я еще могу быть, если я, выросшая из детеныша в девушку, поняла, что мой любовный период приходит, как только я подумаю о нем, поняла, что для меня во всей Вселенной нет места, где я буду иметь право на уважение? О, да, да, я слышала об этом раньше, не беспокойся — «специальное лечение», «советы» — так вот, слаботелая, к твоему сведению: чосы не часто держат слабых, а я не собираюсь хныкать и просить о помощи. Кьенна пойдет своим путем, и этот путь будет лучшим, чем твой, хотя ты, впрочем, не так уж от меня и отличаешься... не правда ли, человек?»

Табита подалась вперед, похлопала ее по руке, не обращая никакого внимания на когти, улыбнулась, глядя в красноватые глаза, и бросила;

— Хорошей тебе погоды, девушка!

Удивленная Кьенна подалась вперед.

Какое-то мгновение казалось, что сейчас она кинется на девушку, и Аринниан потянулся к рукоятке ножа, но Кьенна обратилась к Водану:

— Нам лучше уйти!

— Еще рано! — итрианин великолепно скрывал свое замешательство.— Только облака могут знать, когда я снова увижу моего брата!

— Нам лучше уйти,— повторила она совсем тихо.

Аринниан почувствовал слабый мускусный запах. За соседним столом другой самец поднял свой хохолок и посмотрел в их направлении.

Аринниан мог представить себе, какие чувства бушевали в груди Водана — не убить, потому что она не вооружена, но оскорбить, бросить вызов, ударить! Но он не дал выплеснуться им наружу — традиция не позволяла этого.

— Мы сами сейчас уйдем — только допьем пиво,— сказал человек.— Рад, что встретил тебя, Водан. Вечного тебе прекрасного ветра!

Облегчение Водана было очевидным.

Он пробормотал несколько вежливых фраз и поднялся наверх вместе с Кьенной.

Аринниан не мог решиться нарушить молчание. Он был благодарен тусклому свету: лицо его жарко пылало. Он старался не смотреть на Табиту.

Наконец та мягко произнесла:

— Бедная потерянная душа!

— Кто, эта ночная пташка? — он сразу же пришел в ярость.— Мне приходилось раньше встречаться с существами ее сорта. Дегенератки, жалкие преступницы! Ее счастье, если Водан не перережет ей горло в каком-нибудь из низкопробных клубов, в который она его потащит. Я знаю, что произошло. Он блуждал одинокий, потерянный, житель гор, который, возможно, никогда не встречался с ей подобными. Она заметила его, проявила свое уменье, угх!

— Ну, а тебе-то какое дело? Я хочу сказать, что он, конечно, твой друг, но я не могу поверить в то, что это существо сумеет вытянуть из него больше обычной платы.— Табита выпустила клуб дыма.— Ты знаешь,— задумчиво проговорила она,— в этом хорошо проявляются особенности итрианской культуры. Она использует только те человеческие идеи, которые не угрожают ей всякими ненормальностями, вроде насильственной смерти. К сожалению, они еще не интересуются вопросами сенсорных изменений, исследований или лечений... Когда-нибудь...

Он едва слышал последнее замечание.

— Водан должен жениться на Айат,— сказал он каким-то изменившимся голосом.

Табита подняла брови.

— О, на той, о которой ты мне говорил? Но не думаешь ли ты, что узнай Айат об этом, она была бы только рада, что он приобрел немного опыта?

— Это неправда! Она слишком чиста! Она...

Аринниан задохнулся. Внезапно он подумал: «Почему бы не рискнуть? Мне сейчас и самому нужно забыться».

— Это так мало для тебя значит? — выпалил он.— В таком случае, давай сделаем то же самое!

— Хм! — некоторое время она изучала его. Его гнев утих, и он сделал усилие над собой, чтобы не отвести глаз под этим изучающим взглядом.

Наконец она сказала:

— Ты чем-то огорчен, не так ли, Крис? — Усмешка.— Но, во всяком случае, ты подаешь надежды.

— Прости,— он встал.— Я не хотел быть грубым! Я хотел заставить тебя понять, что меня расстроило.

— Я могла бы утешить тебя, назвав твои переживания воображаемыми,— она улыбнулась, и голос ее был более сочувственным, чем сами слова,— но я все же не считаю нужным делать этого. Итак, ответ будет «нет»!

— Этого я и ожидал. Мы, птицы...— он не смог закончить, посмотрел на кружку и сделал большой глоток.

— Что ты хочешь сказать словом «Мы»? — с вызовом бросила она.

— Мы... наше поколение...

Когда она кивнула, волосы ее блеснули.

— Я знаю,— сказала она серьезно.— Эта нестабильность, смешанность общения, как того требует каккелек, приведут к

тому, что они не испытают должного уважения к своим партнерам. Речь идет лишь о мимолетном общении с птицами противоположного пола. Ты же умный мальчик, Крис! Авалоняне не склонны к самоанализу, но ты должен видеть истину! Неу жели ты не хочешь иметь жену и детей?

— Конечно, хочу.

— Большая часть хочет этого, я уверена. Многие и раньше имели их, когда им удавалось понять друг друга. Но в этом вопросе нет единства для всех. Мы, птицы, испытываем в этом аспекте меньше давления, чем люди, поэтому обычная статистика ничего не дает. Проблема в наши дни становится тем более острой, чем больше усиливается движение в чосы, нарастая как снежный ком. И в конце концов, Крис, твой жизненный опыт ограничен. Сколько из тысяч ты знаешь настолько хорошо, что можешь описать их жизнь? Естественно, ты тяготеешь к знакомствам с тебе подобными, и особенно потому, что мы, люди, весьма преуспели в обращении со своими душой и телом.

Трубка Табиты потухла. Она набила ее снова и закончила:

— Я вот что тебе скажу: твой случай не является ни таким типичным, каким тебе кажется, ни таким серьезным. Но я искренне желаю, чтобы уход в птицы не заставил других разумных людей терять годы себе во вред.

Гнев вновь овладел им. Какое право она имела говорить с ним как высший с низшим?

— Нет, подожди-ка...— начал он.

Табита отодвинула свой стакан и встала.

— Я возвращаюсь в отель,— сказала она.

Он непонимающе уставился на нее.

— Что?

Она потрепала его по волосам.

— Прости. Но боюсь, что если мы будем продолжать в том же духе, то поссоримся. Я слишком хорошо к тебе отношусь, чтобы хотеть этого. Лучше мы встретимся в другой раз. А теперь я намереваюсь лечь в постель и заказать на экране Центральной библиотеки эту штуку Гомера.

Крис не стал отговаривать Табиту. Возможно, то спокойствие, в котором она пребывала после спора с ним, обидело его.

Пожелав ей доброй ночи весьма прохладным тоном, он направился к ближайшему фону.

Первая женщина, которую он вызвал, была занята. Оборонная промышленность требовала семи часов непрерывной работы, плюс-минус пятнадцать минут, не считая дополнительных часов.

Вторая женщина испуганно сказала, что если ему нужен ее муж, она может его позвать.

Он извинился за то, что набрал неверный номер.

Третья согласилась. Она была чрезмерно пухлой, беспрерывно болтала и обладала мозгами барриссоронда... Но какое это имело значение?

...Он проснулся на рассвете следующего дня. Женщина во сне вспотела, и дыхание ее было насыщено парами поглощенного накануне алкоголя.

Интересно, подумал он, почему так жарко и душно? Что-нибудь не в порядке с кондиционером? Впрочем, было объявлено, что если придется поднять силовые экраны, то утечка энергии потребует закрытия Окружного контроля...

— Силовые экраны!

Ариниан вскочил с кровати. Из-за дождя ничего не было видно, но он разглядел дымку за этой пеленой.

Он бросился вон из комнаты.

Записанный на пленку монотонный голос повторял снова и снова... война объявлена!

Курьер из Итри принес в Грей новости о том, что Земля известила о начале войны.

— Наша основная стратегия проста,— объяснил адмирал Кайал.— Я бы предпочел еще более простую: открытая битва между двумя флотами — победитель забирает все.

— Но итриане вряд ли согласятся на такие условия,— заметил губернатор Саракоглу.

— Конечно. Они же достаточно хорошо организованы. Потом, не в их характере вести прямой бой. Кроме того, они знают, что у них мало шансов выиграть такую битву. Они проигрывают нам в численности. Я думаю, они попытаются удержать узловые пункты, оттуда они будут делать вылазки, набеги, уничтожать те наши небольшие соединения, которые им удастся обнаружить, ослаблять наши коммуникации. Мы не можем прямо отправиться в Доминион, пока в тылу у нас будет существовать подобная опасность. Потому что это может привести к слишком большим потерям. Мы можем оказаться перед лицом настоящей беды, если позволим зажать себя между внешними и внутренними их силами.

— Итак, мы начнем с захвата их ключевых баз.

— Только самых главных. Не стоит беспокоиться о крошечных новых колониях или союзниках, находящихся в глубоком тылу, что держат на своей орбите всего несколько кораблей.— Кайал выключил экран. Засверкали тысячи звезд нужного им района. Они усеяли расстояние в парсеки, являя собой единое пламя света, в котором лишь немногие могли различать отдельные планеты.

Кайал обнаружил, что его способность в этом отношении приносила ему определенную выгоду. Что-то мог делать и компьютер, но его способность в быстрой ориентации оказалась незаменимой.

— Лаура — ближайшая,— сказал он.— Хру и Кхрау находятся дальше, образуя вместе с первой треугольник. Дайте мне их, и я смогу направиться прямо к Кветлану. Это заставило бы итриан стянуть все силы, которыми они располагают, чтобы защитить свой дом. А поскольку к тому времени мой тыл и коммуникации будут в достаточной безопасности, я предприму решающую битву!

— Гм-м-м! — Саракоглу потер массивный подбородок. Звук получился скрипучим: при его занятости он часто забывал как следует побриться.— Вначале нанесем удар Лауре?

— Да, конечно! Не всей армадой. Мы разделимся приблизительно на три равные группы. Две из них медленно двинутся к Хру и Кхрау, но не станут нападать до тех пор, пока не будет ослаблена Лаура. Сил будет достаточно во всех трех системах, но я хочу почувствовать итрианскую тактику — и, к тому же, убедиться в том, что они не готовят нам какой-нибудь неприятный сюрприз, который каким-нибудь образом ухитряются скрывать под перистой оболочкой.

— Это возможно,— согласился с ним Саракоглу.— Как известно, мы о них не слишком высокого мнения. Проблема шпионажа за негуманоидами... Предателей среди итриан найти почти невозможно, а компетентных — совсем исключено.

— Я все же не понимаю, почему мы не можем направить агентов в тот населенный пункт Лауры, где наиболее высоко человеческое население?

— Мы делали это, адмирал, делали! Но поскольку основная жизнь там сосредоточена в маленьких, замкнутых и плохо связанных между собой общинах, они не смогли сообщить ничего, кроме и так очевидных фактов. Вы должны понять, что авалонские люди уже не думают, не говорят и даже не ходят так, как люди Империи. Сойти там за своего — дело непростое. Кроме того, Авалонское адмиралтейство превосходно справляется с делами безопасности. Второй их командующий, парень по имени Холм, кажется, совершил в прежние времена несколько продолжительных поездок по Империи, как официальных, так и неофициальных. Кроме того, Холм с успехом окончил одну из наших академий. И хорошо знает наши методы.

— И насколько я понимаю, благодаря Холму не только лаурианский флот, но и защита планеты были намного усилены за последние несколько лет,— сказал Кайал.— Да, конечно, мы должны заняться этим человеком.

...Этот разговор произошел несколько дней тому назад. В этот день (часы показывали, что он является продолжением бесконечной звездной ночи) земляне приблизились к своему врагу.

Кайал сидел один в центре супердредноута «Валендерей». Его окружали экраны связи, закладывающая уши тишина и километры металла, машин, оружия, энергии, сквозь которые прошли несколько тысяч живых существ.

Но в этот момент он сознавал присутствие только того, что находилось вне. Видеоэкраны показывали ему это: темнота, драгоценная россыпь звезд и Лаура, крошечная, удаленная на девятнадцать астрономических единиц, золотая и смеющаяся.

Корабли легли в гипердрайв и должны были появиться у Солнца на гравитационном ускорении. Большая их часть летела впереди флагмана. Встречи с противниками можно было ожидать каждую минуту.

Уголки рта Кайала опустились вниз, он был высоким человеком, худощавым, с острым носом, его вдовий хохолок и остроконечная бородка побелели, хотя ему едва ли было шестьдесят. Форма его была настолько скромной, насколько это позволял ему чин.

Он курил безостановочно. Сейчас он отбросил окурок последней сигареты с таким отвращением, как будто это был червяк. «Почему мне так трудно переносить эти последние минуты ожидания? — подумал он.— Потому, наверное, что я буду спокоен, когда мои люди начнут воевать».

Кайал посмотрел на фотографию своей покойной жены. Она стояла перед их домом, среди высоких деревьев.

Он направился к картине, желая включить ее. Но вместо этого включил проигрыватель.

Зазвучала музыка — пьеса, которую так любили он и его жена, мелодия, давно забытая на Земле, но совершающая триумфальное шествие по другим местам Вселенной — «Нассагалия» Баха.

Кайал откинулся на спинку стула, закрыл глаза и отдался музыке.

«Долг мужчины в этой жизни,— думал он,— избегать зла, насколько это возможно.»

Сигнал нарушил покой Кайала. На экране появилось изображение его помощника.

— Сэр, мы получили рапорт о начале военных действий из Вангуара квадрат три. Сообщение подтверждено. Никаких подробностей.

— Хорошо, гражданин Файнберг,— сказал Кайал.— Любую важную информацию немедленно передавать мне.

Скоро ее будет так много, что ни один живой мозг не сможет воспринять такое ее количество. Тогда она пойдет фильтроваться сквозь сложный комплекс подчиненных и компьютеров, а он сможет надеяться: то, что дойдет до него, будет не слишком далеко от реальности. Но эти самые ранние сообщения всегда были истинны — словно они доносили и до него отзвук едва начавшейся битвы.

— Есть, сэр! — Экран потух.

Кайал выключил музыку.

— Пока что прощай,— прошептал он ей и встал. В комнате была еще одна его личная вещь — распятие. Он снял с головы фуражку, встал на колени и перекрестился.— Отец, прости нас за то, что мы собираемся делать,— попросил он.— Отец, будь милосердным ко всем, кому суждено умереть. Ко всем!

— Сообщение получено, командующий,— произнес итрианский голос.— Контакт с землянами около 12 з.у., направление Пики. Огонь начался с обеих сторон, но потерь, как будто, пока не наблюдается.

— Благодарю! Прошу держать меня в курсе.— Дэннель Холм выключил интерком.— Как будто от того, что я знаю,

удет какая-то польза! — проворчал он.

Он быстро произвел вычисления. Свет, радио, нейтроны — сему этому понадобится восемь минут на то, чтобы пересечь строномическую единицу. Сообщения будут опаздывать бо-ее чем на полтора часа. Единичная перестрелка нескольких ебольших судов могла уже быть с успехом окончена, часть по-едителей вернулась на свои орбиты, в то время как другая их асть, вернее их суда, образовали маленькие миниатюрные пы-ающие солнца, пытаясь восстановить кинетическое ускоре-ие, которое позволило бы им перегруппироваться.

Или же, если другие суда одной из сторон находились не ак далеко, они могли присоединиться к своим, все увеличи-ая и увеличивая радиус битвы.

Ударив кулаком по столу, он с досадой сказал:

— Если бы можно было установить гипнокоммуника-ию.—Но такое не практиковалось. Мгновенные импульсы вантовых прыжков судна в окружении природного ограни-ения скорости могли быть смодулированы для посылки сооб-ения на световой год или около этого — но не так глубоко, кога звезда имеет искаженное гравитационное поле, где, если нач-ешь путешествовать релятивистически, то рискуешь жизнью. онечно, можно было и избежать неприятных последствий при бсолютной уверенности в повороте событий, но кто мог быть бсолютно уверен в том, как будут развиваться военные дей-твия — во всяком случае, принимая во внимание, что Земле уждено стать более сильным противником, чем обычно, и борь-а вполне может окончиться печальным исходом... «Зачем я по-ружаюсь во все это?»

Он соскочил с письменного стола, на краешке которого идел, подошел к окну и остановился, глядя вдаль. Сигара, ажатая во рту, клубилась дымом, как вулкан. День за окном ыл как назло прекрасен. Осенний ветер нес с залива запахи оли, его воды двигались и сверкали между Лаурой и небеса-и. И еще ветер приносил сюда запахи садов. Северные скло-ы холмов лежали вдали в голубой дымке.

К Дэннелю подошла Ровена.

— Ты же знал, что тебе придется остаться, дорогой.

Несмотря на возраст, она все еще была тонкой и стройной, волосы ее по-прежнему оставались каштановыми.

— Да. Меня беспокоит тыл. Логическая, компьютерная, оммуникационная поддержка. Может быть, Ферун и лучше азбирается в вопросах космической войны, но именно я по-троил планетную защиту. Месяцами мы действовали в согла-ии. И не моя вина в том, что я все так остро чувствую.— Холм овернулся к жене, обнял ее за талию.— Но, господи, Ро, я не умал, что это будет так тяжело.

Она притянула его голову к своему плечу и нежно погла-ила по седеющим волосам.

Ферун решил отправить свою жену из Миствуда. Марр утешествовала вместе с ним в течение всей его долгой флот-кой карьеры, рожая и поднимая детей на корабле. Но она

была больна, и врачи не обещали вылечить ее до начала атаки. Как это ни печально, но старость неизбежна. Ему очень будет не хватать Марр.

Но Ферун был так занят, что не смог попрощаться с женой.

— Наблюдай,— сказал он помощнику, сидевшему у приборов. Компьютеры только что внесли исправления в колебательный контур согласно последним данным. Изображение передавало окружающие их планеты, Солнце и ореолы искр, оставляемые кораблями.— Битвы будут здесь и здесь! Повсюду, где нейтринные потоки достигают наших детекторов, совершается процесс кросскорреляции, разъясняются затруднительные моменты.

— Этой информации явно не хватает,— сказал его племянник и помощник.

— При таком расстоянии ничего другого ждать не приходится. Тем не менее, мы сами можем заполнить некоторые бреши, если допустим, что их адмирал достаточно благоразумен. Я почти уверен в том, что его клещи состоят из двух половин, каждая из которых движется с диаметрально противоположного направления — с севера и юга эклиптического уровня... Вот так.— Ферун указал направление.— Теперь он должен иметь дальнейшие резервы. Чтобы избежать создания широкой цепи со значительным риском быть преждевременно обнаруженным, они должны проходить по прямой от основного направления на Пакас. И если бы этим занимался я, то поместил бы их неподалеку от эклиптики. Так что нужно ждать их нападения вот здесь.— Он указал область.

Они стояли на большом, как комната, мостике, поскольку итрианам нужно место, чтобы расправить крылья. И все же были теснейшим образом связаны со всем вокруг. С кораблем с помощью его интеркомов, калькуляторов и офицеров. А с тем великолепным местом, где началась бойня, их связывал экран, отражающий все ее подробности.

Шум битвы, достигающий мостика через сакасы силового поля, пока что слышался слабо, просто как общий фон. Воздух был теплым и легким, ветерок колыхал перья на их крыльях. Пахло циннамонами и абердрагуном. Звуки битвы не проникнут сюда до тех пор, пока судно не окажется в самом ее водовороте: члены команды очень быстро потеряют силы, если стимуляторы не будут работать на полную мощность.

План Феруна не позволял так рано посылать супердредноут навстречу противнику. Он был рассчитан на последний этап этой игры. Вот тогда-то адмирал и намеревался показать, почему корабль получил это свое название в той уже давней битве на Итри

На обоих бортах судна было написано на англике: «Адова скала».

Появились новые сообщения. Указывались типы судов так точно, как это позволяла проанализировать их нейтронная эманация.

Помощник насторожился. Хохолок его поднялся.

— Так много врагов за такое короткое время? Дядя, кажется, новости плохие!

— Мы этого ожидали! Не позволяй этой игрушке загипнотизировать себя! Я бывал и не в таких переделках. Половина меня — ткань, регенерированная после полученных в битвах ранений. А я все еще копчу небо!

— Прости меня, дядя, но большая часть твоих битв была полицейскими актами в пределах Доминиона. А сейчас на нас идет сама Империя!

Ферун подумал: «Мне об этом известно не хуже. Я тоже изучал материалы о прекрасно развитой военной технике Земли. Как практически, так и теоретически».

Вслух он сказал:

— Компьютеры, роботы, машины — лишь полдела во время войны. Есть еще мозг и сердце.

Клацая когтями, Ферун прошел по палубе к видеоэкрану и вгляделся в него. Его наметанный взгляд заметил среди звезд мерцание — один-единственный корабль. Вся остальная часть флота терялась в необъятности, через которую они летели.

— Начинается новый бой,— сказал он в интерком и тастыл, ожидая сообщений. В голове промелькнули слова, вычитанные им в одной из земных книг, которые доставили ему столько удовольствия. «Страх перед королем подобен львиному рыку: тот, кто вызывает его гнев, грешит против собственной души».

Часы выстраивались в дни, пока два флота своими тяжелыми дивизиями нащупывали слабые места друг друга.

Подумайте только: при ускорении, равном одной земной гравитации, корабль, движущийся от «начальной точки», мог покрыть одну астрономическую единицу, а это около 149 миллионов километров, примерно за пятьдесят часов. В конце этого периода он набирал скорость до 1060 километров в секунду. За время, в два раза больше этого, он двигался с удвоенной скоростью и должен был покрыть четыре начальных расстояния. Неважно, какая часть силы присваивалась термоатомными двигателями. Неважно, какая часть маневренности исходит от гравитационного толчка, который действует против того, что мы называем «Космосом» — подобные данные быстро не изменишь.

Нельзя скидывать со счетов и огромность расстояния, даже межпланетного. Сфера радиусом в одну а.е. имеет объем примерно в тринадцать миллионов земных. Умножение этого радиуса на десять означает умножение объема на тысячу. Неважно, насколько чувствительны приборы — все равно невозможно провести очень точные измерения в пределах непосредственного окружения, не зная, где находится предмет поисков сейчас, если сигналы ограничены световой скоростью. По мере того, как нарастает снежный ком неточных данных, изменяются не только параметры вычислений битвы, изменяются сами результаты. Кто-то обнаруживал, что потерял часы на путешест-

вие, которое оказалось бесполезным и даже вредным, и еще массу часов или дней на попытку сгладить неприятные последствия неудачного маневра.

Но потом, в мгновение ока, вдруг станет понятно, что все оказались рядом друг с другом, и битва может завершиться в считанные секунды.

«Номер семь, вперед!» — предупредил робот-диспетчер, и «Звезда-охотница» ринулась в бой.

Ее двигатели заработали на полную мощность.

Тело Филиппа Рошфора, сидящего в кресле пилота, охватила дрожь.

Над приборной панелью, над его шлемом и чуть сбоку, за его спиной видеоэкраны показывали полусферу с солнцами. Лаура, свечение которой было таким ярким, что ослепляло его, походила на диск, расположенный между двумя крыльями зодиакального света.

Его радар тревоги свистнул и включился, словно стрела закружилась вокруг шара. Сердце его забилось. Рошфор не мог не смотреть на экран. Он успел заметить движение цилиндра, направлявшегося к огромному корпусу «Аизы».

Во время рывка гравитационный экран в этой части материнского корабля должен быть включен. Но против торпед они были бессильны. Если она попадет в корабль и детонирует... в вакууме несколько килотонн не являются столь плачевно разрушающими, как в воздухе или в воде: бронированный корабль, надежно защищенный против сотрясений и высоких температур, снабжен такой плотной защитой, которая в состоянии отсечь могущую проникнуть внутрь жесткую радиацию. И все равно корабль будет серьезно ранен, возможно, покалечен, а люди получат ужасные травмы и обгорят настолько, что станут молить бога о смерти.

Вспыхнул энергетический луч. Хлынула мгновенная инкондесация. Сенсоры передали свои сигналы нужному компьютеру. Одно из орудий Ва Чау перехватило торпеду.

— Молодец! — крикнул в интерком Рошфор.— Отлично! — Он нацелил свои детекторы на поиски лодки, которая должна была быть достаточно близко, чтобы послать снаряд.

— Запеленговано! Цель установлена!

«Звезда-охотница» устремилась вперед. «Аиза» мерцала среди созвездий.

— Дай мне немного времени, чтобы вернуться в ряд, Абдуллах,— сказал Рошфор.

— Похоже, он о нас знает,— с каменным спокойствием откликнулся голос Хелу.— Все зависит от того, попытается он уйти или приблизиться к...

— Он ищет укрытия! — Честно говоря, подумал Рошфор, я бы тоже его искал, когда тяжелый крейсер выплевывает лодки. Храбр тот капитан, который рискует подойти поближе.— Мы можем задержать его примерно через десять минут, если допустить, что корабль находится в стадии наивысшего ускоре-

ния. Но я не думаю, чтобы кто-нибудь смог нам помочь, а если мы будем ждать, он удерет.

— Мы не будем ждать,— решил Рошфор.

Он вновь стал внимательно следить за показаниями приборов, связался с командным пунктом и получил «добро». Хорошо бы, мимоходом подумалось ему, чтобы у его пота не было запаха такой кислятины. Однако страха он не испытывал. Его пульс был частым, но ровным. Никогда Рошфор не видел звезды с такой отчетливостью и остротой. Было приятно сознавать, что он обладает той смелостью, которую развивает психотренинг Академии.

— Если победите, направляйтесь к...— последовал ряд номеров, усвоенных машиной,— и действуйте благоразумно. Мы обнаружили легкий боевой корабль. Попытаемся нейтрализовать его защиту! Удачи! «Ганимед» с нами.

Голос умолк.

Лодка неслась все быстрее с каждой секундой, пока баллистический счетчик не указал на деселерацию.

Рошфор отдал необходимые указания.

В голове его пронесся отрывок из лекции-инструктажа: «Штурманы, оружейники, весь персонал должны принимать решения. Машины проверяют большую часть этих решений, устанавливают курсы, направляют и вводят в действие оружие, делая это быстрее и точнее, чем человек. Машины, компьютеры сознательного уровня могут тоже быть настроены таким образом, чтобы решать поставленные перед ними задачи. Так было и в прошлом. Но в то время, как их логические способности не могут быть выше человеческих, им всегда присуще отсутствие некоей способности к общению,— назовите это интуицией, или внутренним зрением, или как вам будет угодно. Далее, они были слишком дорогими для того, чтобы использовать их во время войны в нужном количестве. Вы, джентльмены, являетесь разностороннейшими компьютерами, имеющими причину сражаться и выжить! Компьютеры вашего сорта могут с успехом развиваться и, не считая программирования, производиться в течение девяти месяцев в неподражаемых лабораториях».

Рошфор вспомнил, как шепнул своему товарищу, что не смеяться над бородатой остротой — нельзя, это порицается.

— Направление! — сказал Хелу.

Появились энергетические лучи. Куча летящих потоков, которые прокладывали световую трассу.

Часть коснулась «Звезды-охотницы».

Автомат лодки изменил их направление раньше, чем те успели проникнуть в тонкую обшивку. Толчок! Внутреннее поле не могло полностью компенсировать внезапно увеличившуюся акселерацию. Рошфора так вдавило в кресло, что хрустнул скафандр.

Прошло! Вернулось нормальное давление. Они были живы. Даже надобности в заплате, похоже, не было. Если их и задело, то дырка была достаточно маленькой для самозаживления.

А впереди — видимый невооруженным глазом враг!

Руками и голосом Рошфор приказал лодке двигаться прямо к этому яркому силуэту. Он рос чудовищно быстро. Два луча отделились от него.

Рошфор не изменил направления. Он надеялся на то, что Ва Чау сможет сфокусироваться на противнике и нанести удар раньше, чем они получат серьезное повреждение.

Вспышка! Еще вспышка! Попали!

Итрианин подошел настолько близко, что люди смогли различить изображенный на нем знак: колесо, спицы которого были цветочными лепестками. «Значит, правда, что они ставят персональные знаки на небольшие суда, подобно тому, как мы даем своим неофициальные имена. Интересно, что означает этот знак?»

Ему говорили, что некоторые из скоростных судов несут на борту круглые заряды. Но твердые предметы, оказывающиеся на вашем пути, не слишком опасны, если только ускорение не превращается в десятки КПС.

Судно выпустило торпеду. Ва Чау почти сразу же сбил ее. «Звезда-охотница» вздрогнула.

Взрыв был таким близким, что клубы газов застлали экран земного корабля.

Обломки достигли и ее брони, и она загудела. Потом «Звезда-охотница» прошла мимо, одна в чистом пространстве. Ее противник превратился в облако, которое редело, пока не стало совсем невидимым. Все вещественное, что от него осталось, должно было распасться на метеориты, которые в секунды исчезли из виду.

— Извините мою восторженность,— слабым голосом сказал Рошфор.— Но это было здорово!

— Последний взрыв был совсем близко,— сказал Хелу.— Нужно, чтобы нас осмотрели, когда вернемся.

— Да! Но пока что мы свое дело закончили.— Рошфор велел лодке изменить направление.— Парни, вы вели себя достойно.

Они еще не добрались до места событий, когда было передано радостное сообщение о том, что отряд лодок и мелких судов уничтожил боевой корабль противника.

Объемы пространства, по мере ведения боевых действий, медленно вступали во взаимодействие и приближались друг к другу.

В кратчайшее время корабли выстроились в определенном порядке. Они образовали не только защитный барьер, но и сеть, препятствующую проникновению водородных бомб.

Эскадрилья из небольших судов могла путешествовать некоторое время отдельно. Если два главных соединения флотилии оказывались друг от друга на расстоянии сотен километров, считалось, что это близко.

Тем не менее, временный коммуникационный указатель опустился до нуля, смертельные стычки сделались более частыми.

Теперь без труда можно было определить, какой оппонент вступил в игру и где. Стало возможным изобретать всевозможные ходы и вести за собой противника.

Как заметил в отчете Саракоглу:

«Если бы каждая итрианская система обороны была столь же сложна, сколь у Лауры, нам мог бы понадобиться для борьбы с ней весь имперский флот. Здесь они удерживают приблизительно половину моих кораблей, что представляет собой шестую часть того, что мы собирались бросить на весь Доминион. Конечно, это не означает, что действительные силы находятся в подобной пропорции. По нашим стандартам, их слабое место — тяжелые суда. Но их миноносцы, а еще в большей степени корветы и торпедные лодки действуют удивительно эффектно. Я очень рад, что ни одно другое солнце, кроме Кветлана, и отдаленно не может сравниться с Лаурой!

Тем не менее, наши успехи удовлетворительны! Если не использовать (данные вы получите позже) специальный технический язык, то можно сказать вот что: около половины того, что от них осталось, отступило на Авалон. Мы намерены преследовать их там, уничтожить, и тогда планета окажется в нашей власти.

Остальная часть их флота рассыпалась и ушла в космос. Вне всякого сомнения, они намереваются рассыпаться по необитаемым планетам, лунам, астероидным системам, где у них могут быть базы, и оттуда совершать партизанские вылазки. Такая ситуация несет в себе больше мелких беспокойств, чем реальной угрозы, и когда планета будет оккупирована, правительство само их отзовет. Возможно, более крупные суда, обладающие способностью к гипердрайву, будут искать где-то подкрепления. Но теперь это не так уж важно.

Я не преуменьшаю способностей этих людей: они сражаются умело и доблестно. Может быть, они собираются использовать планетную защиту в соединении с теми кораблями, которые движутся сейчас домой. Бог да отговорит их от этого, и не столько во имя нас, сколько во имя их собственных жен и детей. Бог да поможет их лидерам понять, почему они должны как можно скорей капитулировать, прежде чем мы нанесем им решительный удар!»

Полудиск Авалона, сверкающий сапфиром, кружил среди звезд — такой маленький и такой близкий. Моргана двигалась вокруг темной стороны.

Ферун вспомнил ночные полеты под ней в обществе Марр и прошептал:

— О, луна восторга моего, луна, не знающая ущерба...

— Что? — спросил Дэннель Холм, чье изображение виднелось на экране.

— Ничего... Я просто отвлекся.— Ферун перевел дыхание.— Мы переживаем тяжелые времена. Они движутся слишком быстро. Я хочу убедиться в том, что у тебя нет серьезных возражений против плана битвы.

Лазерному лучу понадобилось несколько секунд на то, чтобы пропутешествовать между флагманом и штаб-квартирой.

Ферун вернулся к своим переживаниям.

— Как будто я не говорил! — проворчал Холм.— Ты подвел «Адову скалу» слишком близко. Прекрасная цель!

— Я тебе говорил,— ответил Ферун:— Ее командные способности нам больше не нужны. «Я хотел бы умереть, настолько ужасны наши потери!» — подумал он и продолжил:— Нам не нужна ее огневая способность, нам не нужно привлекать ею внимание врага. Вот почему я не хотел отправлять ее на Кветлан. Там она превратилась бы еще в одну мишень. Здесь же она является центром нашей позиции. Если дела пойдут лучше, то она выживет. Я знаю, исход игры не гарантирован, но «Адова скала» со своими компьютерами — это лучшее, что у меня есть. И именно на ней я и мой штаб можем начать разработку плана, о котором тебе известно. Спорить об этом сейчас бесполезно.

Молчание.

Моргана высоко поднялась над Авалоном, когда корабль двинулся.

— Ладно...— Холм споткнулся на полуслове. Он похудел до такой степени, что его скулы торчали, как каменные гряды среди пустыни.— Я верю.

— Дядя, рапорт о неопознанном объекте,— сказал помощник Феруна.

— Уже? — Первый Марчварден Авалона повернулся к экрану.— Слышал, Дэннель Холм? Прекрасных крыльев навсегда!

Он отключил прибор прежде, чем человек успел ответить.

— А теперь,— сказал он помощнику,— я хочу, чтобы орбита этого корабля была вычислена повторно! Составить план возможного передвижения землян в свете той информации, которую мы имеем, и соответственно связать их с нами!

Яркие искры пронзили пространство. Не каждый разрыв означал попадание. Но они были довольно сильны.

«Три звезды» отделилась от своего крейсера. Немедленно ее детекторы опознали присутствие предмета. Анализ занял несколько секунд.

— Земной метеор, возможно пересечение, спутников поблизости нет.

— Добыча! — пропел Водан.— Пять минут на подготовку!

Корабль наполнился гулом голосов. Две недели и тяжелейший из маневров, оставляющий лишь короткие часы отдыха — все это явилось тяжким испытанием.

Новый вектор указывал прямо на Авалон.

Планета все увеличивалась: он летел к Айат. У него не было сомнений в победе. «Три звезды» достаточно обагрила себя кровью. Она была, естественно, больше, чем соответствующий корабль Империи — итрианам нужно было больше места — и соответственно ускорение ее было немного больше. Но

ее огневая сила могла по этой причине достичь большой мощи — и достигала!

Водан оторвался от насеста и поднялся в воздух. Он расправил крылья. Медленно взмахнув ими, он принялся наполнять тело кислородом, делая его сильным и подвижным.

Он услышал шелест — четверо его помощников делали то же самое. Звезды сияли над ними.

Три предмета занимали значительную часть места в кабинете Дэннеля Холма, а теперь и такое же место в его мыслях. Карта Авалона указывала наземные сооружения. Большинство из них было замаскировано и, как он надеялся, оставалось неизвестно врагам. Вокруг голографического изображения плавали на многочисленных орбитах подобия пылинок. Многие станции перемещены сюда из засекреченных подземных автоматических заводов и установлены здесь несколько дней тому назад. И, наконец, большой экран давал сведения о различных кораблях.

Холм потянулся за сигарой, но рот его и так был наполнен горечью дыма от бесконечного курения. «Выпить бы!» — подумал он. Но об этом не могло быть и речи: это только усилило бы его возбуждение.

Он посмотрел на экран. «Да, они явно озабочены тем, чтобы поразить наш флагман, просто охотятся за ним».

Холм подошел к окну.

Грей все еще лежал во тьме, но первые лучи дневного света уже освещали дома и поверхность залива. Небо поднималось пурпурным сводом.

Холм был в кабинете один. Сейчас он был более одинок, чем когда-либо раньше, хотя его решений с нетерпением ждали люди его мира. И Дэннель должен был оправдать их ожидания: компьютеры были лишь советчиками. Он подумал, что именно так должен чувствовать себя пехотинец, готовый выстрелить.

— Есть! — крикнул Рошфор.

Он увидел движущуюся точку света на видеоэкране. Свечение ее достигало высшего накала.

По мере того, как он наблюдал за ней, она росла, превратилась в иглу, потом в спицу, потом в игрушку, потом в остроносый охотничий корабль, на боку которого сверкали три звезды.

Направление его было почти таким же, как и у них. Корабли сближались медленнее, чем стремились к планете.

«Странно,— подумал Рошфор,— как близко подходит «Аиза», не встречая при этом никакого сопротивления. Собираются ли они нам его оказать? Страшно не хочется никого убивать».

Они приближались к планете под таким углом, что слева от нее виднелся большой диск дневного света. Он позволял увидеть лазурь, бирюзу, индиго — тысячи голубых оттенков океана

под чистотой белых облаков. И здесь же, рядом, единую массу Земли — зеленую, коричневую и рыжеватую. Справа же сгустилась тень, и лунный свет таинственно мерцал над океанами.

Ва Чау послал пробный луч. Никаких результатов! Теперь Рошфор мог видеть вражеский корабль, без помощи какой-либо оптики.

На некоторых экранах он еще только начинал появляться. Но корабль уверенно скользил среди звезд и был более реальным, чем вспыхивающие вокруг комочки света.

Космос сверкал на тысячу километров вокруг гигантского сфероида, который был «Адовой скалой».

Она не пыталась увернуться — при ее массе это было бесполезно.

Она шла по орбите вокруг своего мира.

Вражеский корабль выныривал, вновь нырял, проходил мимо и возвращался. Их было много, а она была одна, если не считать облака вспомогательных метеоров и комет. Но огневая мощь ее была ошеломляющей. Еще более удивительными были ее приборные и компьютерные способности. Она не получила никаких повреждений. Когда секция экранов снималась для пропуска с судов, энергия орудий сразу направлялась на защиту открытого места.

Лучи поражали. Но ни один не мог быть удержан до приближения нового, что дало бы возможность безостановочно бить по тяжелой стенке. Бомбы со смертельной дозой радиации взрывались в пределах ее защиты. Но гамма-лучи и нейтроны слой за слоем впитывались внутренними полями. Однако до последнего слоя, за которым трудились живые существа, добиралось столь незначительное их количество, что их действие легко устранялось с помощью самых обычных мер.

«Адова скала» была построена в Космосе и никогда не касалась земли, являя таким образом собой нечто вроде планетоида. Она поражала корабль за кораблем, которые атаковали ее.

Супердредноут Кайала был сильнее. Но нельзя было рисковать «Валендереем».

Основное назначение всей этой горы оружия и брони состояло в том, чтобы защищать командование флотилией.

Когда сообщение достигло командующего, он изучил данные.

— Мы теряем малые суда. «Адова скала» поедает их,— сказал он, главным образом, сам себе.— Мне не хочется посылать главные корабли. Похоже, что защита врага гораздо сильней, чем мы предполагали. Но близость, быстрота и маневренность нашего флота помешает им добиться того успеха, на который они рассчитывают. Нам нужно бросить все свои силы на то, чтобы вывести из строя это чудовище. И мы должны сделать это раньше, чем превратимся в настоящую угрозу этой планете.— Он потеребил бородку.— Итак... «Персей», «Унза», «Минор», «Регулас», «Юпитер» и вспомогательные корабли

должны сделать это достаточно быстро и на таком расстоянии, чтобы успеть подготовиться к ответному удару этой планеты.

Тактические компьютеры размножили и передали сообщение. Приказ был отдан!

И вскоре Водан увидел, что вражеская торпеда прошла мимо его корабля, названного в честь Айат «Три звезды».

— Хей, хорошо! — крикнул он.— Будь их мощь чуть меньше — встреча была бы неминуема.

Метательный снаряд начал было маневрировать, но одно из орудий уничтожило его.

Судно землян виднелось впереди, чуть левее и ниже. Приборы Водана сообщили, что его боковая маневренность более совершенна, по сравнению с прямой. Командир его, по-видимому, надеялся встать на курс итрианского судна за много километров впереди, освободить череду радарных окон и создать огненный заслон такой мощности, чтобы лучи успели достичь своей цели прежде, чем будут отражены.

Поскольку итриане, подобно землянам, не сражались в скафандрах — какое живое существо может вынести в подобной оболочке больше, чем несколько часов, не спятив при этом? Поэтому большая пробоина в отсеке должна была убить их.

А сын Зиккаурха молодец, с радостью отметил Водан. Дуэль, хотя и неуклюжая и спотыкающаяся, как это всегда было в Космосе, велась с такой уверенностью, как будто дело происходило в атмосфере. Пока она длилась, Авалон на боковых экранах увеличился до огромных размеров. Собственно, они подошли к его атмосфере ближе, чем это было допустимо. Покончить с этим можно было только одним способом.

И Водан решил сделать это.

Он начал понемногу замедлять скорость, как будто намеревался пойти по косой. В ответ на это, подумал он, землянин должен будет решить так: «Он понял мой замысел. Когда я ослеплю его радар, он попытается ускользнуть от моего огня в любом направлении. Да, но мы находимся под действием гипердрайва. Он не сможет перекрыть скорость энергетического луча, так что я смогу проконтролировать угол, под каким он станет менять направление».

Но для этого орудию требовался постоянный вектор. В противном случае, включалось слишком много побочных факторов, и цель получала великолепную возможность ускользнуть. Тогда, если догадка Водана верна, на долю минуты его корабль получит преимущество в скорости. А преимущество в орудийной мощности у него уже есть.

Землянин, конечно, может ожидать появления торпеды и считать, что легко сумеет от нее избавиться. Противник может не оценить того, насколько велика концентрация энергии, та ее часть, которая может быть выпущена в кратчайший промежуток времени, когда все прожекторы работают на полную мощность.

Водан произвел вычисления. Оружейники приготовились.

Метеор ринулся вперед — гном на фоне огромного светящегося Авалона.

Внезапно на него налетел блестящий туман. Несколько мгновений — и он превратился в плотную завесу, которая закрыла корабли друг от друга.

Но идущие лучи хорошо выполняли свою задачу. Водан точно знал, где его цель. Буря длилась 30 секунд.

Металлическая пыль рассеялась. Авалон снова сверкал, огромный и спокойный.

Водан прекратил огонь раньше, чем успел выгореть его прожектор. С метеора — ничего! Он использовал магнификацию и увидел дыру, зиявшую в столе управления. Вылетела струйка белого пара. С ускорением все было покончено.

Радость наполнила грудь Водана.

— Мы его поразили! —закричал он.

— Он мог собрать торпеды в одно место,— обеспокоенно предположил инженер.

— Нет! Посмотри сам, если хочешь. Его силовой отсек принял этот удар на себя, не осталось ничего, кроме электрического резервуара. Если даже он использует его на полную мощность, в чем я сомневаюсь, то все равно не сможет дать торпеде такую начальную скорость, чтобы она причинила нам серьезный урон.

— Мы его прикончим?

— Посмотрим, есть ли сопровождающие. Стандартная связь... Вызывает Имперский метеор! Вызывает Имперский метеор!

«Еще один трофей для тебя, Айат!» «Три звезды» мчались к Авалону.

«Адова скала» содрогалась и гудела. Рев наполнял ее помещения. Воздух был горьким от дыма, тяжелым от криков и громких команд, топота бегущих ног и шелеста крыльев.

Отсек за отсеком открывались в Космос. Скользили переборки, отделяя искореженный металл и обезображенные тела раненых.

«Адова скала» боролась с помощью того, что осталось от нее автоматики. Даже после того, как уйдет последний член команды — она будет прикрывать этот его уход.

Последними членами были Ферун, его штаб и несколько рядовых из Миствуда. Они пробирались по коридору, спотыкаясь и скользя. Те секции, где панели и облицовка были повреждены, лежали в темноте.

— Сколько пройдет времени, прежде чем противники растерзают ее? — спросил один из помощников Феруна.

— Может быть, час,— высказал он догадку.— Тот, кто построил наш корабль, неплохо поработал. Конечно, Авалон вмешается гораздо раньше.

— Когда же?

— Даннель Холм должен это решить.

Они спустились в спасательную шлюпку.

Ферун сел за пульт управления. Судно поднялось внутренними полями. По бокам его разошлись волны. Шлюпка рванулась вперед, к дому.

Адмирал оглянулся. Флагман был изувечен, раздавлен и смят! Местами металл расплавился до такой степени, что сделался бесформенным. Если бы бомбардировка могла сосредоточиться на тех местах, где защита была прорвана, мегатонна-другая взрывчатых веществ превратила бы корабль в пепел и газ. Но вероятность прямого попадания в средний ряд была слишком ничтожной для того, чтобы стоило ради нее рисковать главным судном. Лучше было бы держаться в стороне и пользоваться мощностью более мелких кораблей.

— Велика цена крыльям,— прошептал Ферун.

В этот миг он отринул и новые пути, и старые, и был просто из Миствуда, вспоминающим свою жену Марр, своих предков, своих детей.

И тут, наконец, Авалон ударил по врагу. Лодка подпрыгнула — слишком близко находились она к вражескому судну, на которое обрушился удар их планеты.

Под невыносимой тяжестью веса померкли видеоэкраны. Погас свет. Флайеры закружились, сгрудились в страхе, жаре и слепоте. И вот все кончилось. К счастью, лодка не получила серьезных повреждений. Включилась система заднего хода. Вернулась видимость, внешняя и внутренняя. Сбоку, на фоне разросшегося на полнеба огненного шара маячил силуэт «Адовой скалы».

Кто-то шепотом спросил:

— Сколько мегатонн?

— Не знаю,— сказал Ферун.— Возможно, достаточно, чтобы избавиться от тех представителей Империи, которые нас атаковали.

— Чудо, что мы проскочили,— сказал его помощник. Перья на нем стали дыбом и дрожали.

— Газы распространились на километры,— напомнил Ферун.— К сожалению, у нас нет экранных генераторов поля. Но к тому времени, как их фронт настигнет нас, даже скорость, эквивалентная нескольким миллионам градусов, не сможет достаточно поднять нашу температуру.

Все замолчали. Мелкие взрывы вспыхивали и исчезали далеко от них, пронзая пространство энергетическими шпагами.

Они молча смотрели друг на друга. И каждый во взгляде другого надеялся найти ответ и утешение.

Ферун сказал сразу всем:

— Ионизационная радиация, первичная и вторичная. Я не могу сказать, насколько большую дозу мы получили. Счетчик зашкалило. Но отчитаться мы, по крайней мере, сможем.

И он весь ушел в пилотирование. Где-то там его ждет больная Марр.

Рошфор на ощупь пробирался по коридору «Звезды-охотницы». Внутренний гравитационный генератор был выведен из строя.

Находясь в состоянии свободного падения, они стали невесомыми. И за пределами защитной оболочки не было воздуха.

Тишина была такой полной, что он слышал биение своего сердца. Капли пота выступили на лбу Рошфора, скапливались на внутренней поверхности скафандра, мешая зрению, превращая свет в маслянистое пятно. Этот свет странным призраком наполнял вакуум.

— Наблюдатель! — хрипло сказал он в микрофон.— Наблюдатель, ты здесь?

– Боюсь, что его нет! — отозвался в наушниках голос Хелу из рубки.

Рошфор обнаружил маленькое тело за панелью, наполовину оторванной. Тот же луч, что искорежил панель, прошел насквозь через скафандр и тело, несколько капель крови плавали поблизости.

– С Ва Чау все? — спросил Хелу.

-- Да, · Рошфор обнял неподвижное тело и едва сдержался от рыданий.

– От орудийного контроля что-нибудь осталось?

– Нет!

– Что ж! Думаю, я смогу выжать электроемкостную мощность из двигателя. От планеты нам на этом не удрать, но, может быть, мы сможем сесть, не превратившись при этом в пар. Вам лучше вернуться на свое место, капитан!

Рошфор снял шлем с погибшего, намереваясь закрыть выкаченные глаза, но веки не желали повиноваться. Он привязал тело к панели, чтобы не потерять его и вернулся на свое место.

Световой сигнал был ослепляющим. Механически, не чувствуя ничего, кроме наполняющей душу скорби, он нажал на кнопку «принято».

Англик, с акцентом, немного гортанный и звенящий:

— Имперский метеор! Вы живы? Говорит авалонянин! Назовите себя, или мы выстрелим!

— Говорит капитан,— сказал Рошфор, усилием воли подавив готовый вырваться из груди стон.

— Если хотите, мы можем взять вас на борт.

Рошфор вцепился в ручки кресла. Ноги его были как ватные.

— Итри соблюдает условия ведения военных действий,— сказал нечеловеческий голос.— Вы будете допрошены, но никакого вреда вам не причинят. Если вы откажетесь, мы будем вынуждены уничтожить вас!

— Кх-х-х... м-м-м...

— Отвечайте немедленно! Мы слишком близко к Авалону! Опасность попасть в полосу огня возрастает с каждой минутой!

— Да,— услышал Рошфор свой голос.— Конечно, ведь мы окружены!

— Хорошо! Я наблюдаю за тем, чтобы вы не включили вновь двигатель! Не делайте этого. Мы нейтрализуем скорость! Привяжитесь и прыгайте в Космос! Мы нацелим на вас втягивающее устройство, так что очень скоро вы будете у нас! Понятно? Повторите!

Рошфор повиновался.

— Вы хорошо сражались,— сказал итрианин.— Вы — гордые воины! Я сочту за честь приветствовать вас на борту моего судна.— Наступила тишина.

Рошфор вызвал Хелу.

Люди обмотались концами кабеля, сняли заслон и приготовились к свободному падению. За километры от них виднелось судно с тремя звездами на борту, летящее, как орел.

Небеса озарились вспышкой.

Когда красная дымка перестала застилать их взоры, Хелу сдавленным голосом произнес:

— Аллах акбар, Аллах нибар... Они исчезли! Что это было?

— Прямое попадание! — сказал Рошфор.

Шок парализовал все его чувства, и теперь ему казалось, будто он пробуждается от глубокого сна. Но способность соображать вернулась к нему полностью.

— Они знали, что мы беспомощны и не имеем поблизости поддержки. Но несмотря на предупреждение, сделанное капитаном, они, должно быть, забыли оглядеться в поисках собственных друзей. Орудия планетной базы начали стрелять. Я думаю, у них много торпед-охотниц. Наш двигатель был выключен. Их — нет. Торпеда шла на лучи.

— Как, у них нет опознавательных цепей?

— Очевидно, нет! Судя по тому, что они делают, авалоняне не стали бы приносить в жертву качество ради количества и полагаться на знание диспозиций соединений. Было бы неразумным ожидать появление корабля настолько близко. Границы борьбы очень расширились. Я думаю, что торпеда была подготовлена здесь на случай концентрации в этом месте имперских судов.

— Гм...— Они повисли между тьмой и сиянием.— Мы потеряли свой транспорт,— сказал Хелу.

— Тогда построим его сами,— ответил Рошфор.— Пошли!

Он был потрясен благородством авалонян, которые вели с ними разговор.

Когда лодка остановилась, гудя и содрогаясь, так что лишь жар и сильный запах горелого напоминали о недавнем ее полете, Рошфор не сразу это почувствовал.

Он вынырнул из небытия несколькими минутами позже. Над ним стоял Хелу.

— Все о'кей, капитан? — Вначале голос инженера донесся до него откуда-то издалека, словно тихое жужжание, а пот, стекавший по лицу Рошфора, мешал ему видеть.

— О'кей,— пробормотал он.— Дай мне... стимулятор.

Хелу так и сделал, присовокупив к таблетке стакан воды, которая показалась чудом одеревеневшему языку и воспаленному небу.

— Я был уверен, что с нами все кончено. Как вам удалось нас посадить?

— Не помню! — был ответ Рошфора.

Стимулятор подействовал, вернув ему ясность ума и чувств плюс некоторую долю энергии. Он смог восстановить в памяти, что делал в эти последние минуты. Эргов, сохранившихся в канистрах, было недостаточно, чтобы полностью приспособить скорость лодки к падению на планету. Он использовал их для контроля, на предохранение корпуса корабля от того, чтобы тормозящая его атмосфера не сожгла их. «Звезда-охотница» проскочила половину окружности шара на тропопаузе, как камень мог бы проскочить по поверхности воды, потом устремилась по касательной, которая кончилась бы тем, чем кончается путешествие для камня. Починить изуродованную корму было невозможно, а изолированная аппаратная стала бы слишком тяжелой, попав в воду.

К счастью, Филиппу Рошфору удалось различить (теперь он это припоминал) цепь островов и совершить посадку на одном из них.

Некоторое время он с благоговением осознавал что жив, потом снял скафандр, и они с Хелу, каждый на свой лад, вознесли благодарность за свое спасение. Они добавили к ней пожелание мира душе Ва Чау.

К этому времени корпус остыл настолько, что до него можно было дотронуться рукой.

Они обнаружили, что внешний клапан оторвало, видимо это случилось тогда, когда лодка понеслась по поверхности.

— Хороший воздух! — сказал Хелу.

Рошфор с благодарностью вдохнул его в себя. Дело было не только в том, что в рубке было жарко и душно. В живом мире ни одна регенерационная система любого корабля не могла работать на полную мощность. Атмосфера, встретившая их потоками воздуха, была насыщена запахами озона, воды, зелени, цветов, воздух был прохладным, ветерок легким.

— Давление равно, примерно, земному,— продолжал Хелу.— Как может эта планета удерживать такое количество газа?

— А разве ты впервые встречаешься с подобными планетами? — спросил Рошфор.

— Да, но я никогда не переставал им удивляться. Теперь, когда Вселенная повернулась ко мне лицом, я хотел бы знать ее получше!

— Видимо, помогает магнетизм,— рассеянно объяснил Рошфор.— Планета маленькая, но зато вращение быстрое, что создает поле достаточных размеров, которому нужно удерживать меньшее количество заряженных частиц. Следовательно, и меньшее их количество выталкивает молекулы газа. Уменьшается и общее количество ультрафиолета, а также Х-радиации. Солнце достаточно близко — мы получаем света на 10% больше, чем Земля. Но оно прохладнее, чем земное Солнце. Пики распределительных изгибов энергии находятся на более низкой частоте, а звездный дождь слабее.

Между тем, он ощутил притяжение планеты.

Здесь его вес равнялся четырем пятым того, каким он был, когда внешнее поле лодки было установлено на стандартное тяготение. Когда теряешь шестнадцать килограммов, это нельзя не заметить. Совсем другие усилия надо теперь прилагать, чтобы соблюдать устойчивость и равновесие. К новым условиям приспосабливаешься не сразу. Но вскоре с благодарностью начинаешь воспринимать ту легкость, с которой теперь двигаешься.

Он шагнул вперед и огляделся. То, что осталось от видеоэкранов, показало ему безлюдную местность. С одной стороны, островок круто спускался к морю. С другой, он мягко опускался к берегу, где прибой катил сердитую белую пену. Его шум слышался более, чем за километр. А дальше море катило свои волны к горизонту, который, несмотря на авалонский радиус, не выглядел особенно близким по сравнению с земным или горизонтом Эсперанса.

Небо над ними было голубым, более ярким и глубоким, чем на Земле. Солнце — низким и двигалось в два раза быстрее, чем земное. Диск его казался несколько большим и светился золотистым светом. Виднелась и Луна, путешествующая под непривычным углом. Она казалась крупней земной, но Рошфор знал, что на самом деле она меньше, все дело в небольшом расстоянии, которое отделяет ее от Авалона.

То там, то здесь мелькали искры — чудовищные взрывы в Космосе.

Рошфор старался не думать о них. Для него война, вероятно, была окончена. Так пусть же она будет окончена для каждого, прежде чем увеличится количество ее жертв!

Он посмотрел вокруг. Их шлюпка опустилась на ковер низкой растительности, яркой зеленью покрывавшей остров.

— Я полагаю, это объясняет, почему на планете нет природных лесов,— пробормотал он,— что, в свою очередь, может объяснить, почему так мало развита животная жизнь.

— Эпоха динозавров? — спросил Хелу, наблюдая за стаей пролетающих мимо неуклюжих крылатых животных. Каждое из них имело четыре ноги.

— В общем, рептилоиды, хотя у некоторых появились волосы или достаточных размеров сердце. В процессе развития они не упускают возможности приблизиться по форме к млекопитающим или птицам. Колонистам пришлось проделать много работы, дабы создать постоянные смешанные колонии, и они держали в запасе доброе количество земли, включая весь экваториальный континент.

— Ты что действительно их изучал?

— Я интересовался. И мне казалось, что нехорошо превращать их просто в мишень. Мне хотелось знать, что представляют собой люди, с которыми мне предстоит воевать.

Хелу огляделся. Кустарник, кое-где деревья... Последние были невысокими и толстостволыми, или стройными и гибкими, чтобы выдержать напор сильных ветров, которые навер-

ное возникали здесь из-за быстрого вращения. Хотя сейчас на Авалоне вполне могла быть осень: множество цветов продолжало цвести, поражая глаз буйством алого, желтого и пурпурного. С некоторых растений свешивались гроздья плодов.

— Можем ли мы есть местную пищу? — спросил Хелу.

— Да, конечно,— ответил Рошфор. Если бы колонисты не могли использовать природные ресурсы, они никогда бы не поселились здесь. Конечно, кое-что к местному ассортименту им пришлось добавить. Потом они развели домашних животных. Если бы люди питались исключительно авалонской пищей, то они нажили бы кое-какие болезни. Но все это происходит не так быстро, и я читал, что большая часть здешних растений очень вкусные! Но из этих же книг я узнал и о том, что некоторые из них ядовиты. Беда в том, что я не знаю, какие именно!

— Гм! — Хелу потеребил свои усики и нахмурился.— Нам лучше позвать кого-нибудь на помощь.

— Не спеши,— сказал Рошфор.— Давай вначале изучим то, что сможем. Не забудь, что лодка снабжена продовольствием на несколько недель. Мы просто могли бы...— он замолчал. Одна мысль поразила его.— Но у нас есть еще и скорбный долг.

Они начали копать могилу и обнаружили, что зеленое покрытие представляет собой плотный слой, а почва под ним глинистая и вязкая.

Закат превратился в пламя, прежде чем они похоронили Ва Чау.

Полная Луна была расположена на такой высоте и под таким углом, что сила ее свечения должна была втрое превышать яркость земной Луны. К сожалению, сегодня светил лишь тонкий месяц. Но чтению заупокойной службы помогли две светящиеся белым планеты и бесчисленные звезды. Большая часть созвездий была теми же самыми, на которые Рошфор смотрел в обществе Евы Дэвидсон на Эсперанса. Три-четыре парсека — не расстояние для Галактики.

«Существует ли жизнь за гробом? Я должен в это верить», — подумал он и сказал.— Отец, Тебе, в какой бы форме я не видел тебя, вручаем мы нашего товарища. И мы молимся о том, чтобы ты даровал ему отдых, как молим и за себя! Будь милосерден! Будь милосерден! Будь милосерден!

Вспышки наверху становились все более далекими.

— Рассыпаться,— сказал Кайал.— Уходить! Перегруппироваться на широкую орбиту!

— Однако, адмирал,— запротестовал капитан из его штаба,— их корабли воспользуются этим, чтобы скрыться в глубоком космосе!

Кайал переводил взгляд с одного экрана на другой. На него смотрели разные лица. Одно из них принадлежало гуманоиду, другое — нет, но все они были лицами офицеров Земной империи. Он почувствовал, что ему трудно встречаться с ними взглядами.

— Вам придется пойти на это,— сказал Кайал.— Только так можно избежать новых потерь, они и так огромны. Лаура только начало! Мы можем захватить ее только в том случае, если придет подкрепление и если эту краткую передышку итриане используют для реорганизации своих войск, мы должны пойти на это. А также учесть это обстоятельство при выработке своей стратегии. Война угрожает стать долгой и дорогостоящей.

Он вздохнул.

— Будем честны перед собой, граждане,— сказал он.— Наше понимание этой системы было никуда не годным! Мы понятия не имели о том, какие укрепления созданы на Авалоне...

На орбите находились сотни автоматических станций, чьи источники силы питали не машины, а исключительно защитные экраны и ищущие прожекторы. Подходить к ним было смертельно опасно. Между ними и планетой сновали суда, подвозящие все, что могло быть необходимо для поддержания боевой готовности роботов.

На поверхности планеты и на Луне находилось секретное энергетическое оружие — шарообразная решетка детекторов, выступающих трубок. Оно было слишком велико для того, чтобы его мог нести на своем борту даже самый большой космический корабль. Это оружие частично было скрыто в скалах или на дне океана, а частично находилось на поверхности земли или воды. Ни вражеское судно, ни снаряд не могли прорваться из Космоса незамеченными: мегаполя защищали его очень надежно.

В воздухе клубился рой патрульных судов, готовый применить силу против каждого, кто попытается сюда вторгнуться.

— ...и защитники великолепно использовали наше невежество. Они очень умело подтолкнули нас к стратегически неверному решению, благодаря которому мы неправильно расположили свои войска, и из-за этого потерпели жестокое поражение. Мы оказались в мышеловке между планетой и их кораблями! Их флот сражается с дьявольским упорством, под давлением обстоятельств он становится неправдоподобно боеспособным!

— У нас нет выбора! Мы должны отойти и быстро! Если мы уйдем на такое расстояние, что их защита не сможет нас достать, то преимущество в численности снова окажется на нашей стороне и, я уверен, их флоту придется оставить окраины системы, как об этом говорил капитан Кхан.

— А потом, сэр? — спросил один из людей.— Что мы будем делать потом?

— Потом займемся переоценкой,— ответил ему Кайал.

— Можем ли мы нейтрализовать их, используя только то, что находится в нашем распоряжении сейчас? — поинтересовался другой.

— Не знаю,— признался Кайал.

— Как они смогли это сделать? — воскликнул человек, лицо которого, словно белая маска, покрывали бинты. Его корабль был поражен торпедой.— Какая-то несчастная колония!... Что там за население — четырнадцать миллионов, большей частью ранчеры?.. Ведь наша победа казалась бесспорной!

— Вы бы могли и сами ответить на этот вопрос,— упрекнул его Кайал, хотя и мягко — он знал, что наркотики притупляют не только боль, но и способность мыслить.— Располагая свободной атомной энергией, совокупностью естественных ресурсов, достаточно развитой технологией, общество не нуждается ни в чем другом, кроме воли. Машины производят машины. Через несколько лет выпуск продукции ограничивается лишь минеральными ресурсами, а в малонаселенном, главным образом, земледельческом мире, таком, как Авалон, в последних недостатка не будет.

— Я мыслю себе так,— продолжал он громко, радуясь возможности уйти от мыслей о том жестоком поражении, которое потерпел сегодня его флот,— что сама сельскохозяйственная экономика упрощает возможность сохранения в тайне тех великих усилий, которые затрачиваются на ее создание. Более развитое общество стало бы апеллировать к своей промышленности, что равносильно ее раскрытию. Авалонские лидеры, когда-то получившие карт-бланш, большинство своих приспособлений развивали с нуля, на территориях, где никто не живет.— Он кивнул.— Да, граждане, давайте признаемся себе, что мы обмануты! — Он выпрямился.— Теперь мы должны спасать то, что сможем!

Началось обсуждение путей и возможностей. Несмотря на огромные потери, силы землян все еще были гигантскими. И уведя их из Авалона, армию затем можно было укрепить. Организация отступления сама по себе была большой операцией. При этом неизбежно возникали неясности, неучтенные обстоятельства, непредвиденные битвы. И авалонские космические капитаны показали, что они будут биться насмерть. Надо было думать не только о тактическом маневре, но и о том, чтобы показать, что уходом своим они не предают свой народ.

Как только компьютеры и младшие офицеры смогут заняться разработкой деталей операции, начнется подготовка к отступлению. Тогда Кайал сможет побыть один.

«Или не смогу? — подумал он.— Никогда больше не смогу? Повсюду будут поджидать меня призраки!»

Нет! Это поражение не было его виной. Он действовал, используя ложную информацию. Саракоглу... Нет, губернатор был гражданским лицом, вовлеченным в процесс сбора фактов лишь самым косвенным образом. И он постоянно работал, помогая готовиться к войне. Сама флотская служба безопасности... весь флот, вся Империя... являлись нитью слишком тонкой, чтобы протянуться через все пространство, такое необъятное. В конце концов, возможно, все усилия расширить мир человека были тщетными.

Ты сделал все, что мог. Кайал понимал, что действовал

неплохо. То, что случилось, нельзя было назвать разгромом, это было просто разочарование. Благодаря дисциплине и командованию, его флот понес гораздо меньшие потери, чем мог бы. Он остался несказанно сильным. Он усвоил полученные уроки, с тем чтобы использовать их в дальнейшем.

И все равно призраки не исчезнут!

Кайал опустился на колени. «Христос, простивший воинов, помоги мне простить себя! Святые, не покидайте меня, пока не будет выполнено дело!»

Он прервал молитву и перевел взгляд с распятия на портрет. «А ты, Елена, ты, которая сейчас на Небесах, должна еще любить меня, ибо никогда и ничто не могло ослабить твою любовь, так наблюдай же за мной! Держи мою руку!»

Под флайерами океан катил свои воды, которые сейчас казались черными. Над ними звезды и Млечный Путь прорезали холодным светом теплый воздух.

Впереди мрачным облаком обрисовывались очертания острова. Табита слышала шум прибоя, то усиливающегося, то затихающего.

— Они уверены, что эта штуковина приземлилась там? — спросил один из шести итриан, сопровождающих ее и Драуна.

— Или здесь, или в море,— проворчал ее спутник.— Для чего тогда домашняя охрана, если не для того, чтобы проверять показания детектора? А теперь, тише и осторожнее! Если это была имперская лодка...

— Они ничего не смогут сделать,— заметила на это Табита.— Они беспомощны!

— Тогда почему они не позвали на помощь?

— Может быть их передатчик не работает?

— А может быть, они задумали какую-нибудь игру? Я бы хотел этого. Этой ночью у нас было немало покойников. Чем больше землян отправится в ад, тем лучше!

— Следуй собственным приказам и заткнись,— сказала Табита.

Иногда она самым серьезным образом обдумывала проблему своего сотрудничества с Драуном. Годы знакомства с ним показали ей, что он не верит по-настоящему в богов Старой веры, не считает нужным поддерживать традиции, как большинство людей Неба. Нет, он наслаждался самым процессом принесения в жертву. И он много раз убивал на дуэли, сам бросал вызов, к каким бы это ни приводило осложнениям впоследствии. И хотя он не злоупотреблял рабами, но нескольких держал, обращаясь с ними, как ей казалось, самым негодным образом.

И все же — он был хорошим другом, и, по-своему, великодушным. Его лидерство на море прекрасно соединялось с ее способностями управлять. В компании, когда ему этого хотелось, он был великолепен. У него была милая жена, его детишки были прелестными, и они обожали свою родственницу Хрилл, которая так любила их обнимать...

«А сама я безупречна? Судя по всему — нет!»

Они летели высоко над планетой. Фотоамплифайеры показывали ее ровную серебристо-серую растительность, над которой то здесь, то там поднимались более высокие растения. На валунах капли росы отражали лунный свет.

«Но как вражеский корабль туда попал? В новостях сообщалось, что враг отброшен, но...»

Она пожалела, что не летит обнаженной в прозрачном, пронизанном ночным ароматом воздухе. Но это дело требовало одежды, кирасы, шлема, ботинок. Все это мешало, но в то же время... Хой!

— Смотрите! — указала Табита.— Свежий след!

Они сделали круг, пересекли дорогу и увидели внизу обломки корабля.

— Действительно земной! — сказал Драун.

Его гребешок и хвостовые перья поднялись дыбом. Он поднес к глазам бинокль.— Двое снаружи! Хай!

— Стоп! — крикнула ему Табита, но он уже спускался.

Поправляя неуклюжий пояс, повозившись с приборами, она полетела за Драуном. Сзади следовали другие итриане, бластеры позвякивали у них на груди. Драун оставил свой пистолет в кобуре, а вместо него вытащил тяжелый изогнутый нож «фао» полуметровой длины.

— Стоп! — крикнула Табита, перекрывая свист воздуха.— Дай им возможность сдаться!

Люди, стоящие у холмика свежезакопанной земли, подняли головы.

Драун испустил боевой клич. Рука одного человека дернулась к кобуре. И тут же на него налетел итрианин. Крылья его захлопали с такой силой, что воздух заклокотал. За два метра от земли Драун обратил свое падение в прыжок. Его правая рука занесла нож коротким полукругом, левая ударом ладони послала его вперед.

Голова землянина упала с плеч, ужасающе подпрыгивая. Тело покачалось, как будто в нерешительности, истекая кровью, потом рухнуло, как кукла, у которой сломались пружины.

— Хиа-а-а-ах! — выкрикнул Драун.— Адские крылья поразят вас перед моими товарищами по чосу!

Второй землянин отскочил назад, держа в руке оружие. Он выстрелил, и вспышка разрезала темноту.

«Прежде, чем они его тоже убьют...» — у Табиты не было времени на размышление. Она была впереди всех. Безумный взгляд человека и дуло его оружия были нацелены на Драуна, чья ширококрылая тень не поднялась еще для второго захода. Табита налетела на землянина сзади, потащила вниз, крепко в него вцепившись.

Они споткнулись, пояс не мог поднять их обоих. Она почувствовала, как больно проехалась щекой по камням.

Землянин перестал сопротивляться. Табита склонилась над ним, забыв о собственной боли, и увидела, что он жив, хотя сейчас без сознания. Видимо, падая, он ударился виском. На

его кудрявых черных волосах запеклась кровь. Но вот веки пилота дрогнули, и в глазах отразился звездный свет. Он был высоким, по авалонским стандартам, темнокожим. Люди с подобными хромосомами обычно вырастают под солнцем, более сильным, чем Лаура.

Итриане столпились поблизости, готовые броситься на врага. Табита вскочила. Держа пистолет наготове, она выдохнула:

— Нет! Назад! Хватит убийств! Он — мой!

Ферун из Миствуда отчитался в Грее, устроил все свои дела и попрощался со всеми, оставляя их на несколько дней. Дэннелю Холму он сказал:

— Я рад, что ты, мой друг, стал Первым Марчварденом!

Губы его собеседника дрогнули:

— У тебя есть еще время, прежде чем...

Ферун покачал головой. Хохолок его безжизненно повис. Большая часть оставшихся перьев была тускло-белой. Он говорил едва слышным голосом, но его улыбка не изменилась:

— Нет, боюсь, что медики не смогут обеспечить регенерацию, когда заряд получила каждая клеточка. Жаль, что земляне не обстреляли нас ртутными парами, хотя ты посчитал бы это ужасным.

«Да, вы более терпимы к тяжелым металлам, чем люди,— подумал Холм.— Но зато хуже нас переносите жесткую радиацию.»

Ферун продолжал:

— Сейчас меня все время держат под действием наркотиков. Большей части тех, кто был со мной на корабле, уже нет. Но прежде чем я последую за ними, я должен передать тебе свои знания.

— Мне! — У Холма перехватило дыхание.— Мне, который убил тебя?

Лицо Феруна окаменело.

— Сойди с этого насеста, Дэннель Холм. Если бы я считал, что ты на самом деле виноват, я бы не оставил тебя на своем месте, а, может быть, даже и в живых. Оставь эти глупые мысли. Ты видел и мою историю болезни, и последний анализ крови, не так ли?

Холм опустился на колени, положил голову другу на грудь и почувствовал, каким острым стал теперь его киль, когда плоть вокруг него истаяла, как лихорадочно-горяча его кожа, как трудно бьется сердце.

Ферун поднял голову. Крылья обняли человека, и итрианин поцеловал его.

— Ты заставлял меня летать выше,— сказал Ферун.— Если не помешает война, окажи нам честь — прими участие в нашем ритуале. Прекрасных ветров навсегда!

Он вышел. Адъютант помог ему сесть в машину и повез на север, к лесам его чоса, где его ждала Марр.

— Позвольте представиться, я — Хуан Иесус Кайал-и-Паломарес из Нью-Мехико, командующий морскими силами Его императорского величества в настоящей кампании. Даю вам слово земного офицера, что луч плотный, управление автоматическое. Этот разговор будет записан, но не мониторизирован, а лента будет засекречена.

Двое, смотревшие на него с экрана, молчали. Тишина была такой, что Кайал ощущал присутствие окружавшего его со всех сторон металла, услышал пульс машин, почувствовал слабый химический запах нагнетаемого в вентиляторы воздуха.

Интересно, подумал он, какое я произвел на них впечатление? Но по выражению лица старого итрианина это невозможно было понять. Льзу? Да, Льзу, который, очевидно, представлял гражданскую власть.

Это существо сидело, подобно мрачной статуе. Живыми были лишь желтые глаза в глубоких складках.

Дэннель Холм был весь в движении: то брал в рот сигарету, то вынимал ее, то барабанил пальцами по крышке стола, левая его щека временами подергивалась. Он был измучен, небрит, мрачен, в нем не было и следа имперской аккуратности. Но не было и робости.

Именно Холм спросил наконец:

— Почему?

— Почему? — в удивлении ответил Кайал.— Почему я послал вам сигнал, предлагая конференцию? Для того, чтобы обсудить условия, конечно!

— Нет, зачем такая секретность? Не могу сказать, чтобы я был склонен верить вам — и в этом, и во всем другом!

Кайал почувствовал, что у него загорелись щеки. «Я должен быть сдержанным».

— Как вам будет угодно, адмирал Холм! Тем не менее. Я не буду говорить о массовом убийстве людей с точки зрения морали. Не буду говорить о средствах, которые поглощает война. Я просто хочу избежать ненужных потерь — и, надеюсь, это вы понимаете. Вот почему мы избрали дальнюю орбиту вокруг Авалона и Морганы и не проявляем никаких агрессивных намерений с тех пор, как на прошлой неделе закончилась битва. Теперь, когда мы знаем свои возможности, я готов начать переговоры! И я надеюсь, что вы тоже хорошо подумаете. Меня не интересуют ни слава, ни огласка. Подобные встречи нужны только для того, чтобы достичь практических решений. Именно поэтому наши переговоры должны носить конфиденциальный характер. Надеюсь, что вы будете говорить так же откровенно, как намерен говорить я, зная, что на ваше слово можно положиться!

— На наше — да! — сказал Холм.

— Прошу вас,— взмолился Кайал.— Вы сердитесь, вы, может быть, даже убили меня, если бы могли, но несмотря на все это вы — профессионал. Мы оба исполняем свой долг, каким бы неприятным он ни был.

— Ну, тогда начнем! Чего вы хотите?

— Обсудить условия, как я уже сказал. Насколько я понимаю, мы втроем не можем распорядиться сдачей в плен, но...

— Я думаю, вы можете,— вмешался Льзу. Он говорил на англике с сухим резким акцентом.— Если боитесь последствий военного суда, гарантируем вам психиатрическую лечебницу.

Услышав это, Кайал от неожиданности едва не застыл с открытым ртом.

— Что вы говорите?

— Мы должны быть уверены в том, что с вашей стороны не будет никаких уловок. Я предлагаю вам вывести все свои суда сразу на замкнутую орбиту для погрузки. Транспортные суда могуть быть подготовлены позже.

— Вы... вы...— Кайал сглотнул.— Сэр, мне сказали, что ваш титул переводится, примерно, как «судья» или «говорящий от имени закона». Судья, сейчас не время для шуток!

— Если вы не собираетесь сдаваться,— сказал Холм,— то к чему все эти дискуссии?

— Речь идет о вашей капитуляции! — кулак Кайала опустился на ручку кресла.— Я не собираюсь играть в словесные игры! Вы и так тянули достаточно долго! Но ваш флот разбит! Еще немного усилий с нашей стороны — и он был бы вообще уничтожен. Мы контролируем все пространство вокруг. Помощь извне для вас невозможна. Все, что может быть безрассудно послано из других Систем, будет развеяно в пыль, и командованию об этом известно.— Он подался вперед.— Нам очень не хочется подвергать вашу планету бомбардировке. Пожалуйста, не вынуждайте нас к этому!

— Что ж, давайте,— ответил Холм.— Наши интенсенторы с радостью попрактикуются!

— Но... вы считаете, что блокраннеры смогут... О, я знаю, как велика планета. Я знаю, что случайные маленькие суда могут проскочить мимо наших детекторных установок, наших патрулей и станций. Но я знаю, какими маленькими должны быть эти суда и как случаен должен быть их успех!

Холм сердито запыхтел сигаретой, прежде чем ему удалось ее раскурить.

— Да, конечно,— отрезал он.— Технический стандарт! Уничтожьте космический флот, и его планете придется уступить, иначе вы превратите ее в радиоактивную пыль! Неплохая работа для человека, а? Что ж, мы с моими коллегами предвидели возможность подобной войны годы назад. Мы знали, что никогда не сможем создать флот, равный вашему, хотя бы только потому, что вы, ублюдки, имеете гораздо больше населения и территории. Но защита... адмирал, вы стоите у конца долгой череды коммуникаций и складов. Пограничные миры не могут создать флот, подобный вашему. Этот флот — детище всей Империи! Мы здесь готовились только к тому, чтобы достойно его встретить. Мы можем проглотить все, что вы намерены в нас швырнуть!

— Абсолютно?

— О'кей, допустим, при удаче, вам удастся приземлиться

с боевым зарядным отделением, и оно может быть большим и грязным. Мы это выдержим, и домашние охраны снабжены обеззараживающими средствами. Ни один ваш корабль не сможет достаточно близко подойти к энергетическому прожектору, такому сильному, что он может разглядеть даже, что делается у вас в желудке! А у наших наземных фотонных генераторов нет ограничений ни в размере, ни в массе. Мы можем использовать целые реки воды, чтобы охладить их, пока их носы будут изгонять вас с нашего неба. А теперь скажите мне, почему в этом пылающем хаосе мы должны сдаваться?

Кайал сел. Он почувствовал себя так, как будто ему нанесли удар в спину.

— Неплохо было бы узнать, какие условия вы можете предложить,— монотонно сказал Льзу.

«Спасение расы? Эти итриане, должно быть, чертовски гордые создания, но не до безумия же». Надежда вновь ожила в Кайале.

. . Условия будут самыми почетными,— сказал он.— Ваши корабли должны быть конфискованы, но они не будут использованы против Итри, а их воинский состав может отправиться домой, причем офицеры имеют право сохранить личное оружие. То же самое относительно вашей защиты. Вы должны согласиться на оккупацию и скооперироваться с военным правительством, но будет сделано все, что поможет с уважением отнестись к вашим законам и обычаям, индивидуумы получат право подавать петиции с требованиями, а те земляне, которые превысят свой статус, будут называться так же сурово, как авалоняне в аналогичных случаях. В общем, если население будет правильно себя вести, то я гарантирую, что оно не увидит вообще имперские суда.

— А после войны?

— Такие вопросы решает королевская власть, но я думаю, что вы будете включены в состав Реорганизованного Кестора. И вы должны знать, что губернатор Саракоглу — человек деятельный и добрый. Насколько только это будет возможным, Империя даст возможность развиваться местному образу жизни

— Позвольте! Весомое слово! Но пусть так. Давайте обсудим вопрос демократии. Сможем ли мы остановить возможную волну иммиграции прежде, чем она нас захлестнет?

— Пожалуй, нет. Гражданам гарантирована свобода передвижения. Это одно из положений, за которые стоит Империя. Черт возьми, нельзя же так самолюбиво преграждать путь прогрессу только потому, что вы стоите за архаизм!

— Обсуждать больше нечего. Всего хорошего, адмирал!

— Нет, подождите! Вы не можете... сами приговорить свой народ!

— Если Круат и Парламент примут ваши предложения, вы будете проинформированы.

— Но послушайте! Вы обрекаете свой народ на гибель,— с жаром заговорил Кайал.— Эта граница должна быть укреп-

лена. Вы, весь Доминион, Итри, все равно не сможете помешать этому процессу. Вы можете только оттянуть момент окончания трагедии. И вы будете наказаны за свое упрямство — вам придется принять мир на гораздо худших условиях, чем это было бы сейчас! Послушайте, в капитуляции есть положительный момент: вы войдете в состав Империи! Вы получите возможность торговать, получите контакты, защиту! Соглашайтесь на сотрудничество — и станете равноправным государством, со всеми привилегиями, какие только возможны. Через несколько лет все индивидуумы получат земное гражданство. Естественно, весь Авалон станет частью Великой Земли. Ради любви к Богу, будьте реалистами!

— Мы и есть реалисты! — сказал Льзу.

Холм усмехнулся. Оба экрана померкли.

Несколько мгновений Кайал сидел, глядя на них невидящим взглядом. «Они не могли говорить серьезно. Не могли!» Дважды он протягивал руку к интеркому.— «Нужно повторить вызов. Может быть, это какое-то детское упрямство, чтобы вынудить Империю пойти еще на какие-нибудь уступки?..»

Рука его упала. «Нет, я отвечаю за наше собственное достоинство!»

Решение пришло само. Пусть план «Два» будет отложен. Часть военных сил останется охранять Авалон. Их на это понадобится не так уж и много. Осада потребует большего количества людей и кораблей, чем оккупация, но придется все же ими воспользоваться.

Важно было не упустить момент.

Свободные корабли должны быть немедленно отосланы к Кхрау и Хру на тот случай, если там повторятся подобные попытки. К первой он поведет флот сам, ко второй — флот поведет его помощник. Опыт сражения с Авалоном будет им очень полезен.

Кайал был уверен, что в дальнейшем их ожидают быстрые победы. Служба безопасности попала впросак, сделав неправильный вывод о действенности авалонского оружия, но не самого факта его существования: скрыть его было невозможно. По некоторым признакам он знал, что остальные планеты не имели своего ворчащего Дэннеля Холма, способного за непродолжительное время развить такую защиту. Он знал, что другие итрианские колонии обладают маленькими и плохо скоординированными между собой флотами, а сами миры не вооружены.

Кветлан, солнце этого сектора, являло собой большую угрозу. Но пусть себе показывает свою силу: он надеялся, что враги его будут достаточно благоразумны и капитулируют раньше, чем он поразит их в самое сердце.

«Что думают об этом они сами? Хотят продлить на несколько недель иллюзию свободы? Что ж, надеюсь, цена, которую им придется за это заплатить, не покажется непомерно большой: будут смерть, разрушение, наступит реконструкция всего их общества. Терпение станет для них теперь главным!»

Перед заходом солнца Ферун покинул Миствуд.

В тот день его родной край вполне отвечал своему названию — Туманный лес. Туман стелился холодной сырой дымкой, тянувшейся со стороны моря. Он был таким густым, что влага капала с ветвей на опавшие листья, образуя в некоторых местах маленькие озерца прозрачной воды. Дом Феруна находился в глубине острова, где остался Старый Авалон. Оттуда доносились странные звуки.

Это собирались крылья. Слетались товарищи по чосу. Звук трубы прорезал тишину ночи. Впереди шли его сыновья.

Они несли на носилках тело адмирала. Рядом летели его ухоты, озадаченные неподвижностью своего хозяина. За носилками шла вдова. За ней следовали его дочери, их мужья и взрослые сыновья, несущие факелы.

Били по воздуху крылья. Свет факелов прорезал тьму. Шествие поднималось в воздух. Когда факелы оказались вознесенными над завесой тумана, тот обратился в голубоватый призрачный занавес над бледным свечением на востоке. На западе, над морем, сверкали королевским пурпуром последние звезды.

А процессия продолжала подниматься, пока не достигла огромной высоты. Здесь воздух был разряженным и холодным, но на кромке мерцающего мира снежные пики Матери погоды согревались еще скрытым от взоров солнцем. Траурный кортеж направлялся к северу.

Дэннель Холм и его семья, следующие за остальными в тяжелом снаряжении и масках для дыхания, видели над собой мелькание крыльев. Они едва различали свет факелов, казавшийся им таким же далеким, как свет самых далеких звезд. Шум крыльев нарушал тишину.

Они достигли земель, сохранивших свою первозданность — уступы, валуны, быстро бегущие речки.

Здесь сыновья Феруна остановились.

Раскинув крылья, парили они в первых волнах тепла еще не наступившего утра. Впереди была мать, по бокам — члены клана, сзади — чос. И вот над горами поднялось солнце.

К Феруну подлетел новый Виван Миствуда. Еще раз он протрубил сигнал и трижды выкрикнул имя умершего. Подлетела и Марр и запечатлела на лбу мужа прощальный поцелуй. Потом Виван произнес слова Новой Веры — итри повторяли их тысячи лет.

— Высоко летел твой дух над многими ветрами, но внизу настиг тебя, наконец, крылатый Бог охоты! Ты встретил его в гордости, ты сражался с ним доблестно, от тебя он узнал о чести! Умри же теперь, оставшееся, будь водой и листьями, поднимись ветром. А ты, дух, останься навсегда незабвенным!

Сыновья подняли носилки. Тело упало вниз, а за ним упали факелы.

Марр двинулась вперед и вниз, начав танец Неба. Остальные последовали за ней.

Повиснув между пустотой и вечностью, Дэннель Холм сказал Кристоферу:

— А эти земляне думают, что мы им сдадимся!

Льзу из Торна заговорил:

— Мы встретились на Великом Круаче Авалона, где свободный народ может выбрать свой путь. Наш враг в борьбе с нами потерял много силы. Но нам рано праздновать победу, потому что очень скоро оставшиеся суда устремятся против Доминиона.

Земляне оставили значительное количество судов, которые постараются отрезать нас от остального мира. Вряд ли они нападут на нас. Но корабли Империи будут стараться уничтожить наши базы на родственных планетах и те наши военные корабли, которые остались в Космосе. Мы должны до бесконечности совершенствовать нашу защиту. И все же я не думаю, что нас удастся покорить. Кайал сказал, что мы можем рассчитывать на лучшее обращение, если не станем продолжать войну, а сдадимся сейчас. Хотя на самом деле в этом случае мы, конечно, попадем под власть имперского закона и обычаев.

Те, кто говорил от вашего имени, отклонили эти предложения, так как не могли поступить иначе, пока вы все не соберетесь и не решите, что нам делать дальше. Я напоминаю вам о том, как сложно и трудно продолжать войну, о жестоких условиях мира, которые ожидают нас в случае поражения. Более того, я напоминаю вам, что, если мы все-таки продолжим сопротивление, свободному народу Авалона придется отказаться от многих своих прав и подчиниться диктату военных лидеров.

— Что говорят часы?

Льзу и его коллеги стояли на старинном участке, расположенном на Первом Острове Гесперианского моря. За ними возвышался дом Дэвида Фалькайна. Перед ними зеленая лужайка полого опускалась к пустынному берегу. Не было видно никаких палаток, ни один корабль не стоял на якоре, не было потока делегатов, стремящихся занять свои места под деревьями.

На церемонии не было времени. Выбранные на региональные митинги и независимые граждане Авалона, желающие говорить, сообщались с остальными с помощью электронной техники.

Вооруженный компьютерами штаб работал на полную мощность. Несмотря на нелюбовь к речам среднего итрианина, несмотря на его всегдашнюю боязнь показаться смешным, рассуждая об очевидном, все же, когда почти два миллиона взрослых оказались перед лицом такого серьезного, как этот, момента, желающих высказаться должно было оказаться столько, что надо было выбрать из них лучших. Избранным предстояло ждать своей очереди.

Аринниан знал, что его должны вызвать. Он сидел рядом с Айат перед большим экраном. Они сидели на широкой перед-

ней скамье — За ними громоздились ряды сидений, на которых восседали члены дома Литрана и Блавзы с хозяевами во главе.

Медленные слова Льзу только подчеркивали тишину, царящую в большом темном зале, чьи стены были увешаны оружием.

Точно так же подчеркивал ее тихий шелест перьев, стук когтей, когда кто-нибудь слегка шевелился.

Воздух был пропитан запахом дерева и итрианских тел. Ветерок, проникающий в открытое окно, добавлял к ним еще и запах сырой земли. Он шевелил свисающие с флагштоков знамена.

— Отчитаться о фактах, касающихся...

На экране возникло изображение ранчера. За ним виднелась прерия Северного Короната. Пастбище вдали, стадо нагруженных ношей циррауккхов, ведомое каким-то юнцом.

Появившийся на экране заговорил:

— Запасы продовольствия, сделанные на равнинах Лонг-Бич, были в этом году удовлетворительными. Прогнозы на новый сезон оптимистические. Нам удалось добиться того, что 75% запасов мяса в бункерах надежно защищены от радиации, и мы надеемся также успешно закончить заготовку продуктов к середине зимы. Детали можно узнать в Центральной Библиотеке. Я все сказал.

Снова возникло изображение Верховного Вивана, и тот вызвал следующего из выступающих.

Айат схватила Аринниана за руку. Он почувствовал, как пульсирует кровь в ее пальцах, как впились в него ее когти, причиняя ему боль. Аринниан посмотрел на нее. Бронзово-коричневый гребешок был поднят, янтарные глаза светились, как факелы. Меж полуоткрытых губ сверкали клыки.

— Сколько можно продолжать это бесполезное жужжанье? — выдохнула она.

— Они должны знать всю правду, прежде чем решать,— прошептал он ей в ответ и почувствовал, как со всех сторон на него устремились неодобрительные взгляды.

— Что решать, когда Водан в Космосе?

— Ты помогаешь ему своим терпением,— сказал он и подумал: «Интересно, кто я такой, чтобы давать советы? Хорошо, Айат была молода, я тоже, но сегодня я чувствую себя постаревшим. Как жестоко, что она не может надеяться на получение известия о том, с кем помолвлена, до самого конца войны. Ни один корабль не может передать сообщение на осажденный Авалон.»

По крайней мере, было известно, что Водан — среди тех, кто бежал. Слишком многие корабли вышли на орбиту только как груда обломков. Потери землян, конечно, были еще значительней, благодаря ловушке Феруна и Холма. Но и итриан погибло слишком много,— подумал Аринниан. Что значит миллион землян?

— ...Вызывается глава охраны Западной Короны!

Он встал и сообразил, что будет гораздо удобнее, если он

произнесет свою речь сидя. Он снова сел и начал говорить:

— Я — Аринниан из Врат Бури. Мы в хорошей форме, вооружены, тренируемся, принимаем рекрутов по мере их поступления. Но нам нужны дополнительные силы; поскольку еще никто не сказал об этом, я бы хотел напомнить всем, что кроме офицеров, все несут службу по охране лишь в определенное время, причем время добровольцев может быть сокращено до такого минимума, чтобы это не мешало повседневной работе. Наша секция объединяется с северо-оронезианской и теперь протянулась через весь архипелаг, и мы намерены точно так же продолжить ее к югу и востоку до тех пор, пока не соединимся с Бреданом, Фьерри и Островами Щита, чтобы обеспечить непрерывной защитой весь периметр Короны.

От имени моего отца, Первого Марчвардена, я хотел бы указать на значительную брешь в защите Авалона. Речь идет о почти полном отсутствии охраны в экваториальной зоне. Там нет ничего, кроме нескольких прожекторов и орудий. Конечно, континент необитаем, это правда, но землянам об этом тоже известно, и если они решатся на вторжение, то вряд ли станут заботится при этом о сохранении местной экологии. Я хотел бы получить предложения по этому поводу и передать их дальше по нужным каналам.— Во рту у него пересохло.— Я все сказал.

Он глубоко вздохнул. Айат взяла его за руку, на этот раз ее пожатие было более нежным. Судьба оказалась к нему милостивой — никто не задавал вопросов. Он вполне мог бы провести дискуссию по техническим проблемам с несколькими знающими особами, но два миллиона — многовато для человека, не обладающего политическим опытом.

Разговор казался бесконечным. И все же в конце концов было объявлено о голосовании, и до того момента, когда Льзу объявил, что, согласно данным, 83% высказались за продолжение сопротивления, прошло меньше шести часов. Земляне не могли бы провести так быстро подобное совещание.

— Что ж,— сказал Аринниан, возвышая голос в шуме расправляемых крыльев,— ничего удивительного!

Айат схватила его за руку.

— Идем,— сказала она.— Надень пояс. Я хочу немного размяться перед обедом!

Лил дождь, пахнущий небом. Когда они поднялись к облакам, то оба свернули к востоку, желая отделиться от товарищей по чосу, тоже нуждавшихся в полете после долгого сидения. Белели гребни снежных пиков и ледников, появились ранние звезды, и наравне с ними сверкали несколько движущихся точек — орбитальные крепости.

Они летели в молчании, пока она не сказала:

— Я бы хотела присоединиться к охране!

— Гм? ...А, да, конечно!

— Но не к летающему патрулю. Это необходимо, я знаю, и приятно, если погода хорошая. Но мне не нужны удовольствия! Смотри, вон там поднимается Камелет. Может быть, Водан

скрывается внутри его мертвой Луны и ждет шанса рискнуть своей жизнью.

— Что бы ты предпочла? — спросил он.

Движения ее крыльев были более уверенными, чем ее голос.

— У тебя, конечно, целая прорва работы. Твой штат, несомненно, слишком мал, иначе ты бы не был так занят и не уставал бы так. Не могла бы я помочь тебе?

— Но...

— Быть твоей ассистенткой, посыльным, секретарем? Я могу воспользоваться помощью электро-крама и через несколько дней буду готова приступить к работе.

— Нет. Это слишком трудно.

— Я постараюсь. Испытай меня. Если я не справлюсь, уволишь меня, и мы все равно останемся друзьями. Но я думаю, что смогу. Может быть, я справлюсь лучше тех, кто не знал тебя все эти годы. Я, кажется, неглупа и довольно энергична. Разве нет? Аринниан, мне так нужно быть с тобой! Так мне легче пережить это ужасное время! Она потянулась к нему. Он схватил ее за руку.

— Хорошо, мой боевой друг! — И в вечернем тусклом свете она летела так же прекрасно, как в свете Солнца или Луны.

— Да, я назначу голосование на завтра,— сказал Мэттью Викери.

— И как вы думаете, оно пройдет? — спросил Дэннель Холм.

Президент вздохнул.

— А как вам кажется? Военная фракция в Парламенте не имеет такого большинства, как в Круаче. Некоторые члены охотнее выразят свое мнение голосованием, нежели почтой. Но я видел результаты исследований почты, телефонных звонков и...

— Да, вам удастся протащить свою проклятую резолюцию. Вы получите необходимую вам власть, приостановив функции гражданского правительства, чего и добиваетесь. Мне очень хочется, чтобы вы прочли хотя бы некоторые из писем или просто просмотрели ряд записей. Я никогда не представлял, что может быть столько безумия.

— Борьбу за свой дом вы считаете безумием?

Викери поджал губы.

— Да, когда она обречена на поражение!

— Я бы сказал, что мы уже кое-что выиграли. Мы разгромили огромную земную армаду. Мы пытаемся достичь еще больших результатов на Итри.

— Неужели вы действительно верите в то, что Доминион способен победить Империю? Холм, Империя не пойдет на компромисс! Встаньте на эту точку зрения хотя бы на минуту, если можете. Единственный хранитель мира среди тысяч диких, рассеянных по разным местам народов. Единственный хранитель границ, защищающий их от вторжений варваров

и чуждых цивилизаций, имеющих водородное оружие. Она должна поддерживать веру в себя, в свою неуязвимость, иначе с ней все будет кончено.

— Мне до слез жаль Империю,— сказал Дэннель Холм,— но его Величество должен решать свои проблемы не за наш счет. Мы ему так просто не сдадимся! Кроме того, вы же знаете, что земляне не собираются высаживаться на Авалон.

— Им это и не нужно,— ответил Викери.— Если возникнет такая необходимость, они вернутся с новыми силами. А тем временем нам нужно прийти в себя.— Он глубоко вздохнул.— Я считаю, что ваша игра будет стоить чрезвычайно дорого.

— Прошу вас. Во-первых, не игра, а изобретение. Во-вторых, не мое, а наше!

— Но неужели вы не понимаете, что в дальнейшем нам все равно придется заключить мир? Сейчас мы можем добиться великолепных условий. Я уже имел дело с губернатором Саракоглу и знаю, что он проследит за тем, чтобы соглашение было честным. По здравому размышлению, что плохого в том, чтобы войти в состав Империи?

— Ну, начать с того, что мы нарушаем присягу, принесенную нами Итри. Простите, приятель, но, как говорят на Итри, смертельная гордость не позволяет!

— Вы сидите здесь и говорите всякие устаревшие слова, но учтите: ветры перемен все крепчают!

— Насколько я понимаю, и эта фраза достаточно стара,— сказал Холм.— Ферун тоже знал одну старинную фразу и любил ее цитировать. Как она звучит? В их звездный час...

Табита Фалькайн оттолкнулась от пристани. Кливер и мачта заскрипели под ветром.

Светлая открытая лодка закачалась среди белой пены и устремилась вперед.

Выйдя из бухты, она оказалась в открытом море, и понеслась над волнами.

— Мы скользим! — крикнул Филипп Рошфор.

— Конечно,— отозвалась Табита.— Это гидрофойл. Держитесь! — она надела шлем. Лодка качнулась и накренилась на один бок.

— Нет киля? Что же вы используете для горизонтального сопротивления?

Она указала на старинного вида изогнутые доски, что возвышались над каждым поручнем. Вот что? Конструкция итриан! Они знают о путях ветров больше, чем это могут вообразить себе человеческие компьютеры.

Рошфор с восхищением смотрел на море. Оно было великолепно! До самого горизонта перекатывались могучие валы — синие с фиолетовыми и зелеными искорками, пронизанные солнечным светом, увенчанные белыми шапками пены. Они ворчали, вздыхали и брызгались каплями воды, солеными и такими хлесткими, что в тех местах, где они касались тела, выступали

красные пятна. Напоенный жизнью, воздух был прохладным, но не холодным. Сбоку на большой скорости они пронеслись мимо изумрудных высот Сент-Ли.

Но самым великолепным из всего окружающего была Табита, крупная загорелая девушка, которая стояла, дымя трубкой, с похожим на коршуна домашним животным на плече. На ней не было ничего, кроме кильта, развеваемого ветром, ножа и бластера на боку.

— Сколько, вы говорите? — спросил он.

— Около тридцати пяти километров. При такой скорости пара часов. Не стоит возвращаться раньше захода солнца, когда на небе высыпет множество звезд — у нас будет достаточно времени, чтобы хорошенько оглядеться.

— Вы очень добры,— осторожно сказал он.

Она рассмеялась:

— Нет, я рада возможности выбраться оттуда. Особенно потому, что меня очень привлекают эти морские растения. Если верить экологам, местами они могут покрывать поверхность, равную по величине среднему острову. А один рыбак говорил мне, что он видел среди таких зарослей иракена. Надеюсь, мы его увидим. Это редкое зрелище! Они миролюбивые, хотя все равно страшно приближаться к существу такой величины.

— Я имел в виду не только эту экскурсию,— сказал Рошфор.— Вы принимаете меня, военнопленного, в своем доме, как гостя.

Табита пожала плечами.

— Почему бы нет? Мы не боимся глупой болтовни. От нее все равно никакого вреда.— Во взгляде ее была искренность.— Кроме того, я хочу узнать вас!

Внутренне сжавшись, он спросил себя, насколько хорошо.

Она помрачнела.

— И,— сказала она,— я надеюсь, что вы постараетесь понять нас. Вы видели, как Драун убил вашего друга. Это не бессмысленное убийство. К сожалению, он очень несдержан: чуть что — и выхватывает оружие. Но сейчас идет война.

Рошфор попытался улыбнуться:

— Она будет не всегда!

— Меня зовут Табита, Филипп, или Хрилл, когда я говорю на планха. Когда вы вернетесь домой, мне бы хотелось, чтобы вы не думали об итрианах как о чудовищах.

— Вы итрианка? — он поднял брови.

— А кто же еще? Авалон принадлежит Доминиону.

— Так будет совсем недолго,— сказал Рошфор и торопливо добавил:— когда этот день настанет, я сделаю все, чтобы доказать вам, что и мы, земляне, тоже не чудовища!

Он не мог понять, как она может так искренне улыбаться.

— Если подобная мысль доставляет вам радость, то что ж, думайте так. Но боюсь, что для вас здесь мало развлечений. Плавание, ловля рыбы, гребля, прогулки пешком... чтение. Я очень люблю приключения, и у меня много приключенческих книг, некоторые из них доставлены прямо с Земли. Но это,

пожалуй, и все. Я единственный человек, имеющий постоянную резиденцию в Сент-Ли, но мои дела и обязанности по Домашней охране заставляют меня подолгу бывать в других местах.

— Я скоро совсем освоюсь здесь,— сказал он.

— Конечно, со временем все образуется,— отозвалась она.— Настоящие итриане не настроены к вам враждебно. Главным образом они смотрят на войну как на что-то стихийное — как на голод, например. Или так же, как на злые обстоятельства, толкающие на жестокость, когда, например, кто-то вынужден кого-то убить ради того, чтобы накормить своих малышей. Не будешь же за это его ненавидеть? Они не станут болтать с вами запросто, но если вы захотите сыграть в шахматы, то найдете несколько желающих.

Табита поправила парус.

— И все же,— сказала она,— авалоняне любого типа не устраивают столько массовых развлечений, сколько, как я слышала, люди Империи. И на экранах вы ничего особенного не найдете, кроме новостей, навевающих сон учебных программ и классических драм, которые, возможно, вам будут совсем не интересны. Так что... когда вам станет очень скучно, скажите мне, и я устрою для вас поездку в такой город, как Грей или Центаури.

— Не думаю, что в этом будет необходимость,— сказал он и мягко добавил:— Табита...

Дальнейшие его слова были искренними:

— Нет, я чувствую себя виноватым, потому что не сожалею, а рад той фантастической удаче, как будто так и должно быть.

— Ха! — усмехнулась она.— Когда-нибудь я подсчитаю, сколько раз вам повезло! Остров, на который вы попали, — необжитый, чистый Старый Авалон, плюс еще населенный экземплярами мерзостных созданий!

— Неужели вооруженный человек должен бояться здешних животных?

— Ну, без сомнения, вы смогли бы подстрелить спатодонта прежде, чем он успел бы на вас наброситься, хотя рептилоида убить нелегко. Но насчет пары ликозауроидов я не высказалась бы так смело, а вот если бы по вашим брюкам побежал каккелак...— Табита сморщилась.— Это все наземные тропические животные. Но еще больше неприятностей могут доставить растения. Вот, например, неподалеку от того места, где вы стояли, я заметила дупло, полное сухих листьев. Только итрианин может вдохнуть их запах и выжить.

— Бр-р-р! — сказал он.— Какой неисправимый романтик дал название этому месту?

— Праправнучка Дэвида Фалькайна, когда он решил, что это — то место, куда нужно идти,— ответила она и голос ее вновь звучал серьезно.— Не говоря уже ни о чем другом, проблема стояла в том, чтобы сохранить местную природу нетронутой. Это как с центаврами, из-за которых в Экватории были введены ограничения, потому что они использовали для своих

инструментов камень и кость и может быть через миллионы лет смогли бы стать разумными. И, между прочим, их защита была тем, на чем настаивали итри — охотники-итри, а не пионеры-люди.

Она повела рукой.

— Посмотрите,— сказала она,— это наш мир. И он останется нашим!

«Нет,—подумал он мрачно,—ты ошибаешься, Табита-Хрилл. Мой адмирал намерен нажимать на твоих итриан до тех пор, пока у них не будет иного пути, кроме как сдать все моему Императору!»

Через неделю после сражения земная армада двинулась вперед.

Кайал сознавал, что несмотря на трагическое начало, его компании суждено стать классическим примером главы из учебника.

Действительно, решение, принятое им относительно Авалона, классифицировало ее совершенно однозначно. Не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы поразить врага, обладая такой силой. Как и было предсказано, ни одна другая колониальная система не обладала силами, которые даже отдаленно можно было бы сравнить с теми, что они обнаружили у Лауры. Обращение с тем, что имелось в наличии, было довольно умелым, но шансов на победу у них не было.

Так что любой мог бы жертвовать жизнями и кораблями и перемалывать своего противника в порошок в течение месяцев. Данные, собранные помощником Кайала, и его собственные выводы говорили о том, что враги именно этого и хотели. Итриане, в свою очередь, будут добиваться отсрочки, посылать свои корабли в набеги на земные, попытаются втянуть в игру третью сторону, такую, как Мерсейз, и постараются сделать войну для Земли такой дорогостоящей, что та вынуждена будет предпочесть мир.

Кайал сомневался, чтобы это сработало, пусть даже при таких благоприятных обстоятельствах. Он хорошо знал людей, сидящих у политического руля, и все равно считал, что его долг — добиться победы, с наименьшими потерями, долг перед обоими королевствами. И поэтому полагался не на медленное и осторожное продвижение, где каждый шаг тщательно изучается, а на внезапный удар.

Кайал оставил в системах Кхрау и Хру по нескольку кораблей из оккупационных отрядов, главным образом состоящих из технического персонала.

Силы эти казались смехотворно малыми. И Марчварден Руса устремился на освобождение Кхрау.

Земляне немедленно послали сообщение о случившемся. Удивительно быстро появилась большая часть основного флота, и войска Руса были уничтожены.

На Хру чосы подняли восстание и уничтожили часть гарнизона. Тогда ударили орудия из Космоса. Виваны были окру-

жены и расстреляны, как того требовали военные законы. Однако их достоинство при этом унижено не было. Некоторые из них перед смертью обратились к своим людям с призывом сотрудничать с представителями тех войск, что были посланы из Эсперанса на захваченные территории.

Тем временем вторженцы устремились к Кветлану. От главного войска отделялись части, захватывавшие систему за системой. Кайал не беспокоился о том, чтобы укрепиться в каждой из них, а довольствовался тем, что разбивал их войска и спокойно шел дальше.

Через шесть недель Солнце Итри было окружено сданными позициями.

Теперь армада углубилась во владения Доминиона, находясь более, чем на 50 световых лет от ближайшей имперской базы. И итрианам не представилась еще возможность отрезать ее от базы. Если бы они собрали все, что имели для решающей битвы, такой, которая длится недели, то, может быть, смогли бы выиграть. Но на Итри не обладали необходимым для этого снаряжением и боеприпасами, тогда как у Империи было все.

Кайал обеспечил флот всем необходимым для этого.

Битва при Иарро Кластер длилась восемь стандартных дней, считая от первой стычки и кончая бегством последнего из немногих уцелевших итрианских кораблей. Детали подробно изложены в отчетах. Суть же заключается в том, что Кайал в полной мере воспользовался двумя основными преимуществами. Первое заключалось в неожиданности: командующему удалось скрыть, какое огромное число ракетоносцев имеется у него в резерве. Второе заключалось в организации: он маневрировал многочисленными кораблями своего флота, словно единым инструментом, с его помощью обрекая на смерть все новые части войск противника.

Возможно, у него было и третье преимущество — гениальность! Когда мысль об этом пришла ему в голову, он сурово осудил себя.

Остатки сил Доминиона ринулись назад, к Кветлану. Кайал не спеша преследовал их.

Итри была несколько меньше Авалона, несколько суше, облачный покров ее был не таким плотным, и поэтому массы земли видны были из Космоса более отчетливо. Коричнево-рыжеватая дымка обволакивала планету, освещенную более холодным и желтым, чем Лаура, Солнцем. И все же, плавая среди звезд, Итри выглядела прелестно.

Кайал оставил видеоэкран включенным и время от времени поглядывал на него, отвлекаясь от приборов.

Верховный Виван Траувей сказал:

— Это наглость, что вы вторгаетесь в наш дом! — Англик его был гладким и он, для полной ясности произношения, прибегнул к помощи вокализатора.

Кайал встретился со взглядом немигающих желтых глаз и ответил:

— Вы согласились на переговоры. Я верю в вашу честность. Я также полагаюсь на свою Супернову и ее эскорт. «Нужно напомнить ему об этом»,— подумал командующий, но вслух сказал: — Эта война — глубокая печаль для меня. Мне бы очень не хотелось уничтожать даже малую часть вашего мира или лишать жизни ваших столь одаренных людей.

— Может быть, это не так легко сделать, как вам кажется, адмирал,— медленно ответил Траувей.— У нас есть защита!

— Мне это известно. Виван, могу ли я говорить прямо?

— Да. Решение, как вы понимаете, должно быть однозначным.

«Полмиллиона итриан втянуты в эту войну,— подумал Кайал.— Мне кажется, будто я ощущаю их присутствие. И что это за правительство? Его нельзя назвать демократическим, как вообще нельзя прикрепить к нему ни один из земных ярлыков, равно как и само слово «правительство». Можем ли мы, люди, научиться здесь чему-нибудь? Все наши попытки как будто разбиваются о невозможное, и единственное, к чему мы здесь пришли, грубая простота кайзера».— Так думал он в то время, как официальная беседа шла своим чередом.

— Я благодарю, Виван,— сказал Кайал,— и призываю вас и ваших людей поверить в то, что мы не станем нападать, если только нас не принудят к этому. Пока что причин для этого у нас нет. Цель наша достигнута. Теперь мы можем с успехом провозгласить свои права на границах. Любое возможное сопротивление было бы случайным и, я бы сказал, безрассудным и, да позвольте мне употребить это слово, патетическим! Кветлан можно блокировать сравнительно малыми силами. Да, естественно, отдельные ваши корабли не могут время от времени не проскакивать мимо наших постов. Но все же вы будете полностью отрезаны от всех владений, союзников, связей. Подумайте о том, сколько времени Доминион продержится при таких условиях, как политическое единство! А также о том, как эти бесконечные расходы и раздражение, которое они вызывают, повлияют на отношение к вам Империи. Рано или поздно будет принято решение об отсечении источника раздражения. Я не говорю о том, справедливо это или нет, я только констатирую факт. Сам я просто был вынужден повиноваться приказу открыть огонь. Если даже я буду не согласен с какими-либо решениями и подам из-за этого в отставку, то у его Величества достаточно адмиралов.

Наконец Траувей сказал:

— Вы призываете нас сдаться?

— Я призываю вас к прекращению военных действий,— ответил Кайал.

— На каких условиях?

— Взаимное прекращение огня, конечно... Захваченные корабли и прочее будут задержаны Землей, но пленные обеих сторон будут возвращены. Мы оставим оккупационные войска в Системе, в которую мы уже вошли, займем и остальные миры, которые тоже станут частью Империи. Местные власти и насе-

ление должны будут подчиняться оставленным на местах военным властям. Мы же гарантируем уважение к законам и обычаям, к правам на свободу слова и петиций, поощрение экономических и торговых связей, сохранение независимости любого индивидуума, желающего продавать свою собственность на открытых торгах и менять место жительства. Определенные части войск останутся возле Кветлана и время от времени будут совершать по Системе патрульные рейды, но приземляться они не будут, если только их об этом не попросят. Мы не будем вмешиваться и в коммерческие дела, если только не придется проверять, не посылаются ли под видом торговых дел воинские отряды или снаряжение.

Перья пришли в движение. Кайал пожалел о том, что не умеет читать по ним чувства собеседника. Голос итрианина по-прежнему оставался монотонным:

— Вы все же требуете капитуляции.

Человек покачал головой.

— Нет, сэр, не требуем. Собственно говоря, предъявляя подобное требование, я бы просто нарушил свои полномочия. Конечные соглашения — дело дипломатов.

— Что мы выиграем, если заранее согласимся на поражение?

— Многое.— Кайал выпрямился.— Относясь с уважением к вашему чину, я все же не сомневаюсь, что вы проконсультировались с вашими специалистами по человеческой социодинамике. Грубо говоря, вам предстоит преодолеть два негативных момента: первое — это патриотическое желание возобновить военные действия. Вы помните о том, что большая часть вашей промышленности все еще сосредоточена в ваших руках, что у вас осталось значительное количество кораблей и что ваш дом хорошо защищен и прорыв этой защиты обойдется нам в значительную сумму.

Но, Виван и все люди Итри, я со всей ответственностью заявляю, что Империя не собирается уничтожать вас. Зачем нам брать на себя такой грех? Что может быть хуже, чем потеря высокоразвитой цивилизации. Мы хотим дружить с вами, это нужно нам. Эта война была развязана еще и для того, чтобы преодолеть причины раскола. Давайте же теперь попытаемся договориться. Я не знаю, каким именно будет мирный договор между нами, но прошу вас прислушаться к многочисленным предложениям, сделанным Империей, — на ее слово можно положиться. Доминиону, правда, придется отказаться от некоторых территорий. Но можно договориться о компенсации. И, конечно, везде, где ваши границы сольются с нашими, перед вами откроется вся Вселенная.

Кайал очень хотел, чтобы его правильно поняли. Эту речь составляли специалисты, и он потратил часы на ее заучивание. Но если эксперты ошиблись, или он неправильно выразился...

«О, Боже, помоги остановить это убийство...— думал он,— и прости меня, если в глубине моего мозга прячется мысль о

том, какими техническими приемами можно скорей покорить эту планету.»

Траувей некоторое время молчал, потом сказал:

— Это следует обдумать. Прошу вас быть поблизости на случай консультации.

Где-то в глубине корабля землян ксенолог, для которого изучение Итри было делом всей его жизни, услышав эти слова, вскочил с кресла, смеясь и плача:

— Война окончена! Война окончена!

Над Флервилем плыл колокольный звон.

Звонили колокола большого собора. Взвивались к небу разноцветные петарды и таяли, не долетев звезд. Толпы народа заполняли улицы. Люди были опьянены не столько вином, сколько радостью. Они дудели в рожки, они кричали, и каждую женщину поцеловало не менее сотни незнакомых мужчин. Днем был устроен парад, и имперские войска прошли под триумфальные звуки трубы, а в небе пролетели эскадрильи воздушных машин и малых космических кораблей. Но в столице Эсперанса в секторе Пакис веселье по-настоящему разгорелось ночью.

Высоко на холме, в оранжерее губернаторского дворца стоял и смотрел на город Экрэм Саракоглу. Шум праздника доходил до него лишь как звук отдаленного прибоя. Но разноцветные огни ярко сверкали даже на таком расстоянии. Колонисты сохранили миролюбие своих предков: теперь они могли перестать испытывать ненависть к своим братьям, носящим форму Империи. «Хотя,— подумал Саракоглу,— я подозреваю, что они испытывают чисто животное облегчение. Страх витал над этой планетой с тех пор, как на границе произошел первый инцидент, и особенно усилился он с началом войны. Рейд итриан, прорвавшихся сквозь наши кордоны... мгновенно раскалившееся небо...»

— Да,— сказала Луиза,— я просто поверить не могу!

Саракоглу посмотрел на стоящую возле него невысокую девушку.

Луиза Кармен Кайал-и-Гомес была одета очень просто, и ничем не украсила свое незатейливое платье из серого вельвета, хотя и приняла его приглашение к обеду. Кроме крошечного золотого крестика на груди, ее единственным украшением было несколько искусственных бриллиантов. Они сверкали в черных блестящих волосах, как звезды, что нарушало призрачную неподвижность ночи, или как капли слез, что блестели на ее ресницах.

Губернатор облачил свое тучное тело в рубашку с кружевами и рюшем, тигрово-пятнистую арктоновую куртку, зеленые иридоновые килоты, снежно-белые чулки и украсил все это драгоценностями, прикрепив их везде, где только можно было найти для этого место. Саракоглу осмелился погладить руку Луизы:

— Вы боялись, что война продлится? Это невозможно.

Итриане не безумцы. Принимая условия предложенного нами перемирия, они даже лучше, чем мы, понимали, что война для них проиграна. Ваш отец скоро будет дома. Он свое дело сделал. Губернатор вздохнул, надеясь, что говорил не слишком напыщенно.— Моя роль, конечно, будет более прозаической!

— Из-за условий переговоров?

— Да. Как бы там ни было, мне предстоит быть представителем Земли, и Империя будет полагаться на советы моего штаба и мои собственные. Этот сектор будет по-прежнему граничить с Доминионом и объединять новые миры.

Луиза глянула на губернатора — и для столь юной девушки взгляд ее казался слишком проницательным.

— Вы становитесь весьма важным человеком, не так ли, Ваше превосходительство? — Тон ее голоса был если не ледяным, то, во всяком случае, весьма прохладным.

Саракоглу, казалось, был полностью поглощен лепестками фуксии, которые он сосредоточенно обрывал. Куст циниамона — итрианского растения — наполнял воздух нежным ароматом.

— В общем, да,— наконец сказал он.— Я не хочу быть неискренним с вами, донья, демонстрируя ложную скромность!

— Сектор будет расширяться и реорганизовываться. Вы, возможно, получите награды или рыцарские отличия. И, наконец, вполне вероятно, будете отозваны домой с предложением стать одним из советников.

— Мечтать может каждый!

— Вы способствовали началу этой войны, губернатор!

Саракоглу провел ладонью по лысой голове. «Ну что ж,— решил он.— Если ей совершенно безразлично мое отношение к ней и то, что из-за нее я отказал Хельге и Генриетте (слухи об этом, конечно же, дошли до нее, хотя она ничем не дала понять, что знает об этом), то мне, я думаю, удастся вернуть их. А если даже они не захотят, недостатка в женщинах все равно не будет. Эта моя мечта о ней — всего лишь извечное мужское нежелание признать, что потихоньку стареешь и толстеешь. Мне давно уже известно, что служит лучшим лекарством от разочарования. И все же, как она хороша!»

— Я способствовал осуществлению планов Империи до того момента, как оно приняло дурной оборот,— сказал Саракоглу девушке.— Итриане тоже не святые. Они всегда преследуют свои интересы, насколько это возможно.

— Но ведь погибло столько живых существ!

— Донья, я принес Земле присягу!

Она все еще испытующе смотрела на него.

— Тем не менее, вы прекрасно сознавали, что это способствует вашей карьере,— сказала Луиза по-прежнему спокойно.

— Конечно. Но поверите ли вы мне, если я скажу, что это не упростило все для меня, а напротив — усложнило? Я и вправду считал, что утверждение границ — благое дело. Я был уверен, что способен на большее, нежели выполнение обыденной работы. Должен ли я был отказаться от этого дела, боясь по-

казаться самодовольным? И неужели это так плохо — любить свою работу?

Саракоглу опустил руку в карман за портсигаром.

— Возможно, в ответ на эти вопросы вы скажете «да»,— закончил он.

Луиза подошла к Саракоглу немного ближе.

Сердце его екнуло, но губернатор заставил себя улыбнуться.

— О, Экрэм!..— она запнулась.— Простите, Ваше превосходительство!

— Нет, это большая честь для меня,— сказал он.

Луиза не хотела, чтобы губернатор назвал ее по имени.

— Прошу прощения за фамильярность, я не хотела вас обидеть. Я бы ни за что не пришла бы сегодня сюда вечером, если бы не знала наверняка, что вы... честный человек!

— Я не надеялся на то, что вы примете мое приглашение,— сказал Саракоглу с некоторой грустью в голосе.— Вы могли бы отпраздновать это событие среди своих сверстников.

Бриллианты в ее волосах ярко вспыхнули, когда она покачала головой.

— Мне не до веселья. Слышали ли вы о том, что я уже однажды была помолвлена. Он был убит во время акции два года назад. Это называлось — усмирение племен, которые отказались следовать «совету» имперского резидента... Вот так!— Она перевела дыхание.— Сегодня я просто не могла найти слов для вознесения благодарности Господу! Мир — слишком большой дар, чтобы выразить это словами!

— Вы — дочь адмирала,— сказал он.— Вы знаете, что мир никогда не бывает добровольным даром.

— Значит, войны полезны?

Их прервал осторожный кашель.

Саракоглу оглянулся. Он ожидал увидеть лакея с коктейлями на подносе, и вид человека в морской форме озадачил его.

— В чем дело? — сердито спросил он.

— Если позволите, сэр,— нервно проговорил офицер.

— Умоляю вас простить меня, донья.— Саракоглу склонился над удивительно нежной рукой Луизы и последовал за человеком в холл.

— Итак? — спросил он.

— Курьер из армии, стоящей возле Лауры, сэр,— офицер дрожал и был бледен.— Знаете, есть пограничная планета Авалон?

— Конечно, знаю.— Саракоглу старался держать себя в в руках.

— Так вот, сэр. Сначала они сдержали слово насчет перемирия. А сейчас отказываются! Говорят, что хотят продолжить борьбу!

Худощавое, бородатое лицо на экране проговорило с ноткой отчаяния в голосе:

— Господа, вы ведете себя, как безумцы!

— У нас неплохая компания,— ответил Дэннель Холм.

— Значит, вы намереваетесь отделиться от Доминиона? — воскликнул адмирал Кайал.

— Нет! Собираемся в нем остаться. Нам здесь очень нравится! Никакой тебе имперской бюрократии!

— Но соглашение о перемирии?..

— Конечно, будем придерживаться его. Авалон никому не хочет причинять вреда.

Кайал плотно сжал губы.

— Знаете, нельзя так играть словами. Ваше правительство заявило, что Империя может занять эту Систему, пока не будет разработано окончательное мирное соглашение.

Льзу из Тарна наклонил седую голову к сканнеру, передававшему его изображение в офис Холма и на орбитальный корабль Кайала.

— Обычаи Итриан не похожи на земные,— сказал он.— Миры Доминиона связаны друг с другом клятвами взаимной дружбы. И то, что наши коллеги не могут больше помогать нам, не дает им права приказывать, чтобы мы сами отказывались от продолжения самозащиты, не говоря уже о том, что наша гордость требует, чтобы мы продолжали борьбу ради той помощи, которую, возможно, мы сможем им оказать.

Кайал потряс в воздухе кулаком.

— Господа,— прогремел он,— мне кажется, вы думаете, что мы живем в эру беспорядков, а вашими оппонентами являются варвары, не знающие ни что такое цель, ни что такое организация, и те, кто отступается от своего, если сразу не получает того, чего хочет. Правда же состоит в том, что вы выступаете против Имперской Земли, которая мыслит на столетия вперед и правит тысячами планет. И все это может быть обращено против вас. Вся сила, победившая Доминион, может сейчас быть сосредоточена в одном месте. А так будет, господа! Если вы будете настаивать, именно так и будет!

Он обвел взглядом каждого из оппонентов:

— У вас сильная защита,— сказал он,— но вы должны понять, что она будет уничтожена. Сопротивление не даст вам ничего, кроме уничтожения ваших домов и смерти миллионов. Вы спросили у них? Они согласны на это?

— Да,—ответил Льзу,— Круат и Парламент снова провели голосование. Большинство высказалось за продолжение войны.

— Насколько было велико в этот раз большинство? — резко спросил Кайал. И увидел, как встопорщились крылья и напряглись мускулы итрианина.

Холм сглотнул.

— Вот что, адмирал. Как насчет эвакуации всех, кто не может или не хочет оставаться, прежде чем мы снова начнем драку?

Кайал сидел неподвижно. Лицо его окаменело. Когда он заговорил, то казалось, будто собственный голос причиняет ему боль.

— Нет. Я не могу позволить врагам избавляться от их же собственных обязательств.

— Вы жаждете возмездия? — спросил Льзу.— Неужели нельзя продлить период прекращения огня до тех пор, пока не будет подписан мирный договор?

— А если по этому договору Авалон отойдет Империи, вы станете повиноваться? — вопросом на вопрос ответил Кайал.

— Возможно.

— Неприемлемо! Лучше сразу же покончить с этим делом.— Кайал колебался. Конечно, понадобится время на то, чтобы привести все в порядок в других местах и переправить сюда армию.— Учтите, период прекращения огня кончается, когда мой корабль возвратится на установленную по соглашению дистанцию. Я проконсультируюсь с губернатором Саракоглу. Я обещаю вам и всем авалонянам, что мы самым тщательным образом обсудим положение дел с тем, чтобы принять самое разумное решение. Если вы захотите с нами связаться, вам стоит только заявить о новых переговорах. Чем скорее это произойдет, тем великодушней будет... обращение, на которое вы можете рассчитывать.

— Принято к сведению,— сказал Льзу.

Последовали ритуальные церемонии, и экран с изображением Кайала померк.

Холм и Льзу смотрели друг на друга через разделявшее их пространство. Аринниан, сидящий в глубине отцовского офиса, вскочил, встревоженный тем, что довелось ему сейчас услышать.

— Он действительно имел это в виду,— сказал Холм.

— Насколько можно ему верить? — спросил Виван.

— Он говорил правду. Мы не сможем блокировать все их силы, если они вздумают обрушить их на нас. Против таких бомбардировок наши заграждения бессильны. Похоже, что Империя не хочет уничтожать такие прекрасные земли... Да, вероятно, и сам Кайал против тысяч смертей, которые повлечет за собой война.

— Вы говорили, что у вас есть план.

— Да, мы с моим сыном работаем над ним. Вы о нем услышите, как только он будет готов. Счастливых ветров!

— Летайте высоко, Дэннель Холм! — и этот экран тоже померк.

Марчварден отбросил сигару и долго сидел, нахмурившись, потом встал и подошел к окну. Перед ним открылся вид на ясный зимний день. В Грее не было снегопадов, как в городах северных районов, и растительность на холмах зеленела круглый год. Но ветер дул холодный и пронизывающий. У залива мелькали белые фуражки работающих людей, развевались плащи. Итриане наверху носились в потоках воздуха.

Аринниан подошел к нему и, облизав пересохшие губы, спросил:

— Папа, есть ли у нас шанс?

— Видишь ли, у нас нет выбора,— ответил Холм.

— Нет, есть! Мы можем подавить в себе нашу чертову гордость и объявить людям о том, что война окончена!

— Они сместят нас, Крис! Ты же сам знаешь: Итри может сдаваться, потому что она не терпела поражения. Остальные колонии могут согласиться на оккупацию, потому что не смогут спасти положение. С нами же другое дело.— Холм подмигнул сыну сквозь клубы голубого дыма.— Ведь ты же не боишься, не так ли?

— Боюсь, но не за себя — за Авалон... Меня пугает риторика насчет свободы. Насколько могут быть свободны мертвые тела, лежащие на искареженной земле?

— Мы готовимся не к уничтожению,— сказал Холм.— Мы готовимся к тому, чтобы пойти на риск уничтожения. А это совсем другое дело. Мысль состоит в том, чтобы сделать наш захват слишком невыгодным для Империи.

— Если бы Авалон отошел Империи и мы не могли бы смириться с этим, то можно было бы переехать в Доминион.

Палец Марчвардена указал на пейзаж за окном.

— А где еще ты найдешь такую красоту? И что останется именно от этого общества, которое строили наши предки и мы сами?

Некоторое время он молча курил, потом сказал:

— Как-то мне довелось читать книгу об истории колонизации. Автор сделал интересный вывод. Он сказал, что приходится оставлять большую часть поверхности под покровом самой разнообразной растительности — она нужна для того, чтобы поддерживать атмосферу. И эти растения являются частью экологии, так что приходится держать большое количество животных, а так же почвенные бактерии и так далее. И пока необходимость поддерживать биосферу остается в силе, дешевле, легче и более продуктивнее заставлять ее давать большую часть продовольствия и тому подобного, чем синтезировать его. Вот почему колонисты на земноподобных планетах почти всегда являются фермерами, ранчерами, лесниками и тому подобное, а также шахтерами и текстильщиками.

— И что же дальше? — спросил его сын.

— А то, что ты выращиваешь в своем мире поколение за поколением. Речь идет не о стенах или машинах, а о живом мире, о природе — о дереве, на которое ты впервые в жизни влезал, когда был мальчишкой; о поле, которое возделывал твой дед; о том самом холме, на вершине которого ты впервые в жизни поцеловал девушку. Твои поэты воспели это, художники изобразили, твои предки вернули этой земле свои останки, на этом основана и строится твоя история. И ты не сможешь отказаться от всего этого иначе, как вырвав из груди сердце.

И снова Холм посмотрел на сына.

— Я думал, что ты сильнее меня, Аринниан,— сказал он.— Что с тобой случилось?

— Тот человек,— пробормотал он.— Он не угрожал всякими ужасами, он предупреждал, умолял! Я понял его. Я подумал о Матери, ребятишках, тебе, моих товарищах по чосу...

«Айат, Хрилл! Хрилл, которая Табита! Все эти недели мы вместе работали: она, Айат и я... Три дня назад я летел между ними на проверку одной подводной военной базы. Сверкающие бронзовые крылья, развевающиеся золотые волосы. Глаза золотистые, глаза зеленые. Чистая линия килевой кости. Очертания полной груди... Она чиста. Я знаю, что это так. Я придумывал столько причин, чтобы побыть с ней, встретиться с ней! Но этот проклятый речистый землянин, который живет в ее доме, со своей мишурой космополитического очарования — он слышит ее хрипловатый голос гораздо чаще, чем я!»

— А что станет с их гордостью? — задумчиво спросил Холм.

«Айат скорее умрет, чем сдастся»,— подумал Аринниан и расправил плечи.

— Да, конечно, папа!

Холм наконец-то улыбнулся.

— В конце концов,— сказал он,— это ведь ты первый заложил камень той удивительно сложной интриги, плести которую мы намерены.

— План не является всецело моим. Мне пришлось поговорить с Табитой Фалькайн, ты ее знаешь? Она обронила замечание полушутя. Размышляя насчет этого позже, я согласился с нею.

— Гм! Похоже, это интересная девушка! В такие дни ей удается сохранить присутствие духа и не унывать! — Холм по-видимому заметил мелькнувший в глазах сына огонек, потому что быстро отвернулся и сказал:— Давай-ка примемся за работу. Прежде всего составим карту. Хорошо?

Нетрудно было угадать ход его мыслей. Интонации голоса, морщинки, собравшиеся вокруг глаз — все это выдавало его «Так, так, Крис! Наконец ты встретил девушку, которая стала для тебя не просто секс-машиной. Но посмею ли я сейчас сказать об этом Ро? Я просто скажу ей, что наш сын и мы снова вместе!»

В окрестностях Сент-Ли зима приносила с собой ливни. Они гремели, они смывали, они ласкали, а когда на какое-то время прекращались, то оставляли после себя радугу.

И все же большую часть времени приходилось проводить в помещении, слушая музыку или разговаривая. Но вечера были такими прекрасными, что невозможно было терять эти часы.

Табита и Рошфор брели вдоль берега, взявшись за руки. Было тепло, и на Филиппе был только кильт и принадлежащий девушке кинжал у пояса.

На востоке поднялась над водами Моргана. Небо было затянуто дымкой, так что звезды, которые оставались видимыми, сияли матово и нежно.

Свет этот лился от горизонта к скалистым выступам, превращая их в подобие затухающих костров. Люди под ним казались тусклыми светлыми пятнами, а деревья сливались в единую туманную полосу. Ветра не было, и шум прибоя был

умеренным и ненавязчивым, как биение сердца. Запахи листьев и земли смешивались с запахами моря. Песок отдавал воздуху дневное тепло и слегка шелестел под их ногами.

Рошфор с тоской сказал:

— И это должно быть разрушено? Сожжено, отравлено, испепелено?

— Мы тоже надеемся, что это не случится,— ответила Табита.

— Я говорю потому, что знаю, что должно произойти.

— Земляне непременно станут бомбардировать нас?

— Они этого не хотят. Но если вы, авалоняне, с вашей бессмысленной гордостью не оставите им выбора...— Рошфор прервал начатую фразу.— Прости меня. Мне не следовало этого говорить. Просто нервы чересчур напряжены.

Ее рука напряглась в его.

— Я понимаю, Фил. Ты не враг?

— Что плохого в том, что вы присоединитесь к Империи?— Он указал на небо.— Смотри! Там Солнце, а потом еще одно, а потом еще! И все они могут быть вашими!

Она вздохнула:

— Я хотела бы...

Очень внимательно она слушала его сказки о мириадах миров.

Внезапно она улыбнулась, и взгляд ее просветлел.

— Нет, я бы не хотела,— сказала она.— Я заставлю тебя сдержать свое обещание и показать мне Землю, Анзу, Хоуп-велл, Цинтию, Воден, Диомедес, Викоен — все, о чем ты мне рассказывал, когда снова наступит мир.

— Если это будет еще возможно.

— Будет! Эта ночь слишком хороша, чтобы можно было думать о дурном.

— Боюсь, что не могу разделить с тобой итрианское отношение к жизни,— сдержанно проговорил он.— И это тоже ранит!

— Разве? Я имею в виду то, что ты храбр, я же знаю, что это так, и я знаю, что ты умеешь наслаждаться жизнью.— Голос ее сделался тихим, ресницы опустились.— Да, можешь!

Он остановился, повернулся к ней, взял ее руки в свои. Они стояли, молча глядя друг на друга.

— Я попытаюсь,— сказал он,— ради тебя. Ты поможешь мне?

— Я помогу тебе во всем, Фил,— сказала она.

Они целовались, и их поцелуи становились все более долгими. Сегодня она не мешала ласковым движениям ни его, ни своих рук.

— Фил и Хрилл,— прошептала она наконец, прижавшись к нему.— Фил и Хрилл! Дорогой, я знаю одно место в двух километрах отсюда. Деревья там образуют убежище, и можно видеть Луну и воду между ними, а трава там густая и мягкая, как на Земле...

Он пошел за Табитой, с трудом веря своему счастью.

Она рассмеялась мягким грудным смехом.

— Я ждала своего дня так долго! — сказала она.— Ты не против того, чтобы тебя соблазнили? Может быть, у нас действительно мало времени?

— Целой жизни рядом с тобой было бы мало,— сказал он ей.

— Теперь тебе придется помочь мне, любовь моя,— сказала она ему.— Ты первый у меня. Я так долго ждала тебя!

Аринниан позвал Айат:

— Хой-а-а! Спускайся вниз и идем.— Он усмехнулся и добавил на англике: — Мы, Важные Исполнители, не можем зря терять время!

Она сделала еще один круг. Солнце, бившее ей в спину, обращало ее крылья в бронзовую бахрому с золотым ореолом по краям. «Она могла бы быть самим Солнцем,— подумал он.— Или ветром, или всем диким и прекрасным, что существует над этой ферробетонной пустыней. Потом она стремительно понеслась вниз, развернулась в потоке воздуха и остановилась перед ним.

Взгляд ее с тревогой задержался на торпедообразном сооружении, громоздившемся за его спиной.

— Мы должны путешествовать на этом? — спросила она.

— Поскольку нам предстоит покрыть половину окружности планеты — да,— ответил он ей.— Ты поймешь, что это не так плохо. Особенно потому, что полет не будет долгим. До Сент-Ли меньше часа. Ну-ка, дай мне руку.

Пальцы, чьи когти могли оцарапать Аринниана, были тонкими и теплыми. Они доверчиво легли на его ладонь. Крис подвел ее к трапу. Конечно, Айат и раньше приходилось летать на машинах, но всегда на круглых, хрупких и медленных, кабины которых были похожи на стеклянные пузыри.

— Вот проблема, которую чосы, подобные Вратам Бури, должны преодолеть,— сказал он.— Клаустофобия. Вы очень ограничиваете свои способности и возможности путешествовать, когда окружаете себя прозрачным веществом.

Она подняла голову:

— Если Водан преодолел этот страх, то мне стыдно отставать от него, Аринниан!

— Я надеюсь, что ты увидишь то, что видел Водан. Ему нравится в Космосе, не так ли?

— Да-да. Он говорил мне об этом. Мы должны непременно увидеть другие планеты после войны.

— Попробую сегодня же убедить тебя, что в путешествии есть что-то особенное... м-м-м, знаешь, Айат, две близкие по духу пары, путешествующие вместе... Ну, вот мы и здесь!

Аринниан усадил ее в кресло помощника пилота, хотя Айат была его пассажиром.

— Это совсем необязательно,— объяснил он.— Флиттер является космическим — на нем легко можно достичь Морганы, ближайших планет, если это нужно — так что его ускори-

тельные поля вполне терпимы, если не считать внутреннего веса при состоянии свободного падения, но мы полетим высоко, уже в слоях атмосферы, где не создается сонический эффект. А поскольку во время войны могут нарушаться любые правила и над нами имеется целая серия орбитальных крепостей, то...

Она склонила свой гребешок к его плечу.

— Конечно, Аринниан,— пробормотала она.

Он пристегнулся, проверил приборы, настроился и взлетел. Начальные стадии полета находились под контролем, и они без труда прошли проекторы, охранявшие космопорт. Оказавшись за их пределами, он стал набирать высоту до пределов, которые позволялись законом, пока верхние слои атмосферы не придали его лодке силу, обеспечивающую минимальный расход времени на достижение цели.

— О-о-х,— выдохнула Айат.

Полет их был спокойным. Видеоэкраны давали возможность созерцать пространство в нескольких направлениях. Внизу серебряным океаном стлался Авалон. Вокруг — пурпурное мерцание Солнца, Луны, звезд: огромное, неподвижное, спокойное пространство.

— Ты должна была видеть подобные изображения,— сказал Аринниан.

— Да. Но это не то же самое,— Айат схватила его за руку.— Благодарю тебя, мой дорогой соратник!

«А я стремлюсь к Табби, чтобы рассказать ей о плане, который может помочь итрианам выиграть войну и который позволит нам с ней работать вместе. Как смею я быть таким счастливым?»

Они летели в итрианском молчании, которое может создавать больше понимания, чем человеческая болтовня.

Они были недалеко от цели своего назначения. И вскоре, пробившись через туман, увидели, что небо над ними — жемчужно-серое, а остров под ними окрашен в мягкий зеленый цвет различных тонов и оттенков. Посадочное поле было маленьким, высеченным среди гор в нескольких километрах от того места, где жила Табита.

Когда Крис сообщил ей о своем приезде, она обещала его встретить.

Он расстегнул костюм слегка дрожащими пальцами. Не прекращая помогать Айат, открыл воздушный замок. Появился трап. Ветер взъерошил его волосы — теплый, сырой ветер, напоенный запахами дженей, росших вокруг поля. Табита махала ему издали левой рукой, потому что правая покоилась в руке землянина.

Через мгновение она крикнула:

— Ты что, намерен простоять там весь день, Крис?

Он спустился. Они обнялись и пожали друг другу руки на человеческий манер. Но ее нога касалась ноги Рошфора, и на ней не было ничего, кроме яркого рисунка, которым было раскрашено ее тело. В него входил и такой банальный фрагмент, как пронзенное стрелой сердце.

Аринниан поклонился:

— Нам нужно обсудить важный вопрос,— сказал он на планха.— Лучше сразу пройти в дом Драуна.

Друг и начальник Табиты ждал их у нее дома.

— Слишком много помощников,— проворчал он.— Необходимо помнить о соблюдении тайны или вообще ничего не выйдет... хотя мы и знаем, как ты любишь общение.

— Гости в моем доме всегда желанны,— строго сказала женщина.

Аринниан удивился тому напряжению, которое охватило его здесь.

Драун, иссеченный шрамами, худой, не встопорщил перья, а опустился на хвост, показывая, что сердится. Он то и дело поглаживал бывший при нем нож. Взгляд Табиты, устремленный на Рошфора, был, казалось, хотя и менее нежным, чем на поле, но и более призывным.

Оглядевшись, Аринниан обнаружил, что гостиная несколько изменилась. Но перемены ему понравились. Табита сама отделывала дом. Потолок был низким по итрианским стандартам о гармоничности пропорций. Несколько расшитых циновок лежали на полу из полированного дуба, между стенами серного дерева с огромными окнами, под несколькими кушетками, низкими столиками, каменной вазой с цветами. Все было сверкающе-чистым, все было на своих местах — и пепельница, и трубка, и раскрытая книга, валяющиеся, обычно, где попало, и модель корабля, который она мастерила.

Зато сегодня он увидел несколько странных для Авалона вещей: гитару, которую, должно быть, приобрели позднее, потому что, насколько ему было известно, она на гитаре не играла. Занавес, отделявший ее спальню от гостиной, не был опущен. Аринниан отметил новую двуспальную кровать, чей каркас был сделан из дерева и перьев.

Айат коснулась его плечом. Драун не нравился ей. Он ощутил излучаемое ею тепло.

— Да,— сказал он.— Нам действительно стоит держать это дело в тайне.— Он скользил взглядом по Рошфору.— Насколько я понимаю, вы изучаете планха. Как ваши успехи?

Улыбка землянина была удивительно робкой для инопланетного врага, вскружившего голову девушке, иногда именуемой Хрилл.

— Не слишком велики,— произнес он.— Я бы попытался сказать несколько слов, но боюсь, что у меня ужасный акцент.

— Он чертовски хорошо успевает,— сказала Табита и прижалась к нему.

Обняв ее рукой за талию, Рошфор заявил:

— Я не имею ни малейшего намерения передавать ваши планы своим собратьям, гражданин... я хотел сказать, Кристофер Холм! Но мне лучше прояснить свою позицию. Я — на стороне Империи. Когда я получал офицерский чин, я принял присягу, и сейчас не собираюсь отрекаться от своего чина.

— Хорошо сказано,— одобрила Айат.— Так мог бы сказать мой нареченный!

— Что значит честь для землянина? — фыркнул Драун. Табита бросила на него полный ярости взгляд. Прежде, чем она смогла ответить, очевидно, не понявший сказанной на планха фразы, землянин продолжал:

— Я думаю, что после войны поселюсь на Авалоне. Каким бы ни был конец войны. Но я верю в то, что он может быть только одним. Кристофер Холм, прежде, чем влюбиться в эту леди, я влюбился в ее планету! Смогу ли я заставить вас понять, что вы заняли неверную позицию, прежде чем ужас опустится на Табби и Авалон?

— Нет,— ответил Аринниан.

— Я так и думал,— вздохнул Рошфор.— О'кей! Я пойду погуляю. Часа будет достаточно?

— О, да,— сказала на англике Айат.

Рошфор улыбнулся:

— Я люблю весь ваш народ!

Айат кивнула Аринниану:

— Я вам нужна? — спросила она.— Ты собираешься объяснить идею в целом. Я ее уже слышала.— Она издала свистящий звук, обозначающий на планха смешок.— Вы знаете, как жены ускользают от насмешек своих мужей.

— Гм?...— сказал он.— Что же ты собираешься делать?

— Побродить с Ф... Фи-дипп Хроаш Фор,— сказала она с итрианским акцентом.— Он бывал там, где сейчас Водан.

«И ты тоже?» — подумал Аринниан.

— Он — мужчина Хрилл, наш друг,— добавила Айат.

— Иди, если хочешь,— сказал Аринниан.

— Значит, час.— Коготки постукивали, шелестели перья, когда Айат шла по полу за землянином. Она догнала его и взяла за руку.— Идемте, нам нужно о многом поговорить,— сказала она на своем певучем англике.

Он снова улыбнулся, поцеловал Табиту и повел итрианку из дома. Когда они исчезли, установилась тишина, нарушаемая лишь шелестом листьев. Аринниан не двинулся с места. Драун глумливо усмехался. Табита порылась в трубках, выбрала одну и закурила. Казалось, все ее внимание привлечено именно к этому занятию.

— Не нужно меня винить,— сказал Драун.— Если бы не Табита, я бы обошелся с ним так же, как и с его товарищем. Известно ли тебе, что она не позволила превратить его череп в кубок?

Табита окаменела.

— Что ж, скажи мне, когда ты устанешь от его приставаний,- продолжал Драун.— Я вспорю ему живот на итрианском алтаре.

Она решительно повернулась к нему. Шрам на ее щеке белел, как кость.

— Ты напрашиваешься на то, чтобы я положила конец нашей дружбе? — спросила она.— Или же хочешь, чтобы я тебя вызвала?

— Табита Фалькайн имеет право сама устраивать свою жизнь, Драун,— вмешался Аринниан.

— Ак-р-ркх, может быть, я сказал не то, что хотел,— проворчал тот. Перья его встопорщились, голова склонилась на бок.— Но сколько еще мы должны сидеть в этой клетке из земных кораблей?

— Столько, сколько будет нужно,— ответила Табита, все еще бледная и дрожащая.— Ты что, хочешь умереть из-за собственной спеси, как герой какой-нибудь саги? Или вызвать такую бомбардировку, которая уничтожит целый континент?

— Почему бы и нет? Наконец-то все умрет! — усмехнулся Драун.— Какой бы получился грандиозный фейерверк! Лучше бы, конечно, было послать Землю в адские ветры, но коль скоро мы не можем этого сделать...

— Я бы предпочла скорее проиграть войну, чем убить планету, любую планету,— сказала Табита.— И тем сильнее было бы это мое желание, чем гуще населена была бы планета.— Она понизила голос и прямо посмотрела на итрианина.— Твоя беда в том, что старая вера усиливает желание покончить с войной, которая так будоражит тебя... но ты не имеешь возможности это сделать!

Выражение лица и тела Драуна говорило: «Возможно, по крайней мере, с врагами я не церемонюсь». Но вслух он ничего не сказал. Табита не хотела смотреть на него. Вместо этого она обернулась к Аринниану:

— Ты можешь что-то изменить? — спросила она. Улыбка ее была почти робкой.

Он не улыбнулся ей в ответ.

— Да,— ответил Аринниан.— Позволь мне объяснить, что мы имеем в виду...

Поскольку орнитоиды не привыкли уходить на большие расстояния, а во время полетов продолжительные разговоры невозможны, Айат вначале повела Рошфора на конюшню. За последнюю неделю она была здесь не раз и хорошо знала дорогу. Там жило несколько циррауккхов и лошадь Табиты. Она была меньше, чем ее соседи, и походила на них только тем, что тоже была теплокровной, хотя использовали их для одних и тех же целей.

— Вы смогли бы снарядить вашего скакуна? — спросила она.

— Теперь, когда я пожил здесь некоторое время, да. Раньше мне приходилось видеть лошадь разве что в зоопарке.— Рошфор вежливо улыбнулся.— А не следует ли нам попросить разрешения?

— Зачем? Люди чоса должны уважать обычаи своих гостей, а во Вратах Бури не принято спрашивать, когда находишься в кругу друзей.

— Теперь мне хочется, чтобы мы действительно ими были.

Айат подняла руку и мягко провела концом крыла по его щеке. Они сели в седла и поскакали рядом по тропе. Морской

бриз шелестел листьями. В этом ясном свете они казались серебристыми. Цокали копыта, но сырой воздух не давал подниматься пыли.

— Ты так добра, Айат,— сказал наконец Рошфор несмело.— И многие добры ко мне. Больше, чем того заслуживает военнопленный и, боюсь, больше, чем были бы добры земляне в подобной ситуации.

Айат подыскивала нужные слова. Она часто говорила на англике — и ради практики, и из уважения к собеседнику. Но сейчас ей не удавалось найти нужные слова.

— Война есть война! — это была единственная пришедшая ей на ум фраза.

— Это помогает. Если ты человек, конечно,— сухо ответил он.— И этот Драун...

— О, он не ненавидит тебя... Он всегда такой с врагами. Я чувствую... жалость?... к его жене. Нет, не жалость! Это значило бы, что я думаю о ней, как о стоящей ниже меня, а я считаю ее выносливой.

— Почему она остается с ним?

— Из-за детей, конечно, и, возможно, она не несчастна. У Драуна должны быть хорошие черты, раз он дружит с Хрилл, и все же я буду в браке гораздо счастливее!

— Хрилл...— Рошфор покачал головой.— Боюсь, что я навлек на себя ненависть вашего... э... брата Кристофера Холма.

Айат вздохнула.

— Ясно видно, что он хотел идти туда, куда ты пришел первым. Его рана так велика, что слышно, как капает кровь.

— Ты не ревнуешь? Ведь вы так близки!

— Конечно, я не радуюсь его переживаниям. Но он справится с ними. Кроме того, боюсь, что она могла слишком сильно его привязать. («Лучше не говорить об этом, девочка» — подумал он.) — Айат посмотрела на человека.— Мы болтаем о том, что нас не касается. Я хотела расспросить тебя о звездах, которые ты видел, о пространстве, которое пересекал, о том, что значит быть воином там.

— Не знаю,— сказала Табита.— Звучит весьма неопределенно.

— Ты можешь предложить что-то другое? Можешь найти стратегию, которая никому не казалась бы стратегией? Удачен мой план или нет — нам все равно надо менять формы борьбы,— ответил Аринниан.— Но то, что я предлагаю, сулит нам новые возможности. Подумай — у Империи не будет причины для бомбежек, и Авалон будет спасен.— Он посмотрел на Драуна.

Тот рассмеялся.

— Желаю я этого или нет, акх? — сказал он.— Что ж, думаю, любой план прекрасен, если он позволяет лично убивать землян.

— Ты уверен, что они приземлятся там, где нужно? — поинтересовалась Табита.

— Нет, конечно, мы не можем быть уверены,— отрезал Аринниан.— Мы сделаем то, что сможем, чтобы эта территория была их логическим выбором. Среди прочего, мы организуем несколько случаев дезертирства. Земляне не смогут заподозрить, что они спровоцированы нами, потому что уйти от этой планеты будет для них действительно нелегким делом. Ее защита предназначена для того, кто приближается к ней извне.

— Гм...— Табита потерла подбородок.— Если бы я была умным земным офицером и кто-нибудь, заявивший, что он бежал с Авалона, рассказал мне подобную историю, я бы подвергла его гипнопробе.

— Вне всякого сомнения,— Аринниан в знак согласия кивнул головой.— Но детекторы сработают как надо. Мой отец отобрал особых людей, чтобы у землян не возникло и тени сомнения. Я не знаю деталей, и могу только догадываться. У нас действительно есть люди, поддавшиеся панике, или такие, которые хотят сдаться, потому что убеждены в том, что мы поступаем безрассудно. И еще больше таких, которые думают совсем по-иному и которым мы можем полностью доверять.

Предположим на мгновение, что мы убедим президента Викери вызвать потенциального предателя для конфиденциального разговора. Викери объясняет, что сам хотел бы бежать, но действовать открыто для него равносильно политическому самоубийству, поэтому он хочет помочь нескольким особам бежать и передать секретное сообщение землянам. Понимаешь? Я не утверждаю, что это будет сделано именно таким образом, я не знаю, до какой степени мы можем доверять Викери, но, возможно, таких людей мы предоставим моему отцу.

— И подобным же образом надо предусмотреть и боевые действия, которые помогут приблизить мечту к реальности. Прекрасно, прекрасно! — отозвался Драун.

— Именно к этому я и подходил,— сказал Аринниан.— Я хочу собрать лидеров различных домашних охран и скоординировать их действия.

Поднявшись, он принялся расхаживать по комнате. И, не глядя на Табиту, отрывисто сказал:

— В данном случае нам очень помогло бы, если бы нужную информацию принес им один из нас.

Дыхание со свистом прорвалось сквозь ее сжатые зубы. Драун подался вперед, освободив ахатаны и перенеся тяжесть тела на пальцы ног.

— Да,— подтвердил Аринниан.— Речь идет о твоем драгоценном Филиппе Рошфоре. Можешь сказать ему, что я здесь потому, что очень озабочен судьбой Экваториии.— Он сообщил детали.— Потом я найду какое-нибудь дело на соседних островах и улечу вместе с Айат. Наша лодка останется здесь, не охраняемой. Ты ведь позволяешь ему свободно бродить по окрестностям, не так ли?

Табита с такой силой сдавила трубку, что треснул черенок. Но она даже не заметила этого.

— Нет,— был ее ответ.

Аринниан почувствовал, что для того, чтобы остановиться и посмотреть на нее, ему не нужно делать над собой усилия.

— Он значит для тебя больше, чем твой мир?

— Бог покарает меня, если я когда-нибудь попытаюсь вот так его использовать,— сказала она.

— Но если Рошфор благородный человек, он не сможет обмануть твое доверие. О чем же тогда тебе беспокоиться?

— Я не собираюсь ронять перед ним свое достоинство,— сказала Хрилл.

— Перед этим-то птичьим пометом? — едко заметил Драун.

Взгляд ее метнулся в его сторону, а рука — к лежавшему на столе ножу.

И Драун отступил:

— Ладно, ладно,— пробормотал он.

Повисло тяжелое молчание. И когда оно, наконец, было нарушено, все почувствовали облегчение.

Кто-то постучал в дверь. Аринниан открыл ее. За дверью стоял Рошфор. За его спиной маячила лошадь и цирраукх. Он тяжело дышал, и сквозь смуглость его кожи проступала бледность.

— Вы вернулись слишком рано,— сказал Аринниан.

— Айат...— начал Рошфор.

— Что? — Аринниан схватил его за плечи.— Где она?

— Не знаю. Мы скакали, разговаривали... Внезапно она вскрикнула! Крис, я никак не могу забыть этот крик! Она сорвалась с седла, взмахнула крыльями и исчезла за вершинами деревьев раньше, чем я успел ее окликнуть. Я... я ждал, но:..

Табита подошла к ним. Она хотела оттолкнуть Аринниана, но, заметив, с какой силой его пальцы впились в руку Рошфора, отступила.

— Фил,— тихо сказала она,— дорогой, подумай! Она, должно быть, услышала что-то ужасное! Что это было?

— Не могу понять.— Землянин поморщился от боли в руке, которую все еще сжимал Аринниан.— Она попросила меня описать космический бой, мои вмечатления. Я рассказал ей о последнем бое перед нашей высадкой. Помните, я рассказывал вам то же самое.

— Может быть, ты ей рассказал о чем-то, чего не знаю я?

— Кажется, я не говорил тебе о том, как выглядел итрианский корабль, который был сбит своими же, но Айат попросила меня это сделать.

— И что же?

— Я сказал ей. Разве не нужно было?

— И как же он выглядел?

— На гиперболическом изгибе были три золотые звезды.

Аринниан выпустил Рошфора. Кулак его опустился на лицо землянина, тот покачнулся и упал. Аринниан выхватил было нож, но овладел собой. Рошфор, ничего не понимая, сел. Из разбитой губы текла кровь.

Табита опустилась возле него на колени.

— Ты не мог знать, дорогой мой,— сказала девушка. Она

сама едва держала себя в руках.— То, о чем ты ей сообщил, было известием о смерти ее возлюбленного!

Ночью поднялся ветер. Поплыли облака, бросая сине-черные тени на плывущую среди них Моргану. Там и здесь лениво поблескивали звезды. В темноте шелестел прибой, и деревья отвечали ему глухим ропотом. Холод заставил людей одеться теплее.

Рошфор и Табита медленно брели среди дюн.

— Где она? — подавленно спросил землянин.

— Ей нужно побыть одной,— ответила она.

— В такую погоду? Она ведь может ухудшиться. Послушай, если бы Холм сразу отправился на поиски, то мы хотя бы знали, где она.

— Они оба могут о себе позаботиться.— Табита поплотнее запахнула плащ — Я не думаю, чтобы Крис нашел ее, если только она сама не захочет вернуться, в чем я сомневаюсь. Просто он должен что-то предпринять. И ему хочется некоторое время побыть от нас вдали. Скорбь Айат заставляет печалиться и Аринниана. Типичная итрианская черта — самому переносить первый прилив горя.

— О, Боже! Я все испортил, да?

Он маячил рядом с ней длинной тенью. Она протянула руку, нащупала его ладонь, и это вернуло ей ощущение близости.

— Еще раз говорю тебе: ты же не мог знать,— ответила Табита.— Во всяком случае хорошо, что она узнала все сейчас. Это лучше, чем быть в неизвестности еще долгие недели и месяцы и так и не узнать, как он погиб. Сейчас же она знает, что он герой и погиб после того, как одержал блистательную победу.— Она колебалась.— Кроме того, не ты же убил его! Это сделали наши же нападающие. Можно сказать, что это сделала сама война. Это было как удар молнии.

— Проклятая война,— сказал он с горечью в голосе.— Разве недостаточно мы еще натворили бед?

Она вспыхнула:

— Твой драгоценный Император мог бы окончить ее в любую минуту.

— Она и окончена, если не считать Авалона. Зачем продолжать все это? Вы заставите их разнести здесь все в щепочки.

— И показать всем остальным мирам, что на самом деле представляет из себя Империя! Это подорвало бы ее авторитет очень серьезно и надолго.— Гнев Табиты угас.— Ты же знаешь, мы делаем ставку на то, что они не чудовища, и на то, что умеют блюсти свои интересы. Давай не будем больше говорить об этом.

— Я готов! Табби, ты и Холм... я, конечно, имею в виду старого Холма, и еще несколько других старых людей и итриан, которым совершенно безразлично, сколько молодых умрет, расплачиваясь за их глупость, за их чванство...

— Прекрати, пожалуйста!

— Не могу! Вы разрабатываете какой-то новый безумный план, который, как вы считаете, позволит одной маленькой колонии одержать верх над всеми остальными мирами. Я вот что скажу: как бы долго это ни длилось, все окончится катастрофой. Потому что если битва продолжится, потери будут ужасны. Нет, я не могу безразлично наблюдать за тем, что вы делаете!

Она остановилась. Он тоже. Вглядываясь в темноту, она пыталась разглядеть выражение лица Рошфора.

— Не беспокойся,— сказала она.— Мы знаем, к чему вы клоните!

— Знаешь? Каков же твой план?

— Я не должна тебе этого говорить, дорогой!

— Конечно,— сказал Филипп с горечью,— но ты можешь позволить мне лежать ночами без сна, жить день за днем в страхе за тебя. Послушай, я многое знаю о войне. И о психологии Высшего императорского командования. Я могу тебе дать неплохой совет относительно того, как оно станет реагировать на ваши начинания.

Табита покачала головой. Она надеялась, что он не видит, с какой силой она закусила губу, как больно ей слушать его.

— Скажи мне,— настаивал он,— ну какой вред я смогу причинить? А может быть, вы не предлагаете ничего особенно безрассудного? Тогда я мог бы в этом убедиться...

Ей едва удалось заставить себя сказать:

— Прошу тебя, прошу тебя!

Он положил руки ей на плечи. Лунный свет падал на его глаза, превратив их в два черных озера.

«Я не могу ему лгать. Или могу? Но я ведь нарушаю присягу! Могу? Аринниан хотел, чтобы я ему кое-что сказала... Но я не испытываю тебя, Фил! Я выбираю меньшее зло, потому что ты не захотел бы, чтобы твоя женщина нарушила данное ею слово, ведь правда? Я дарю тебе то короткое счастье, которое могу, неправдой, что не может никак повлиять на твое поведение. Потом, когда ты узнаешь, я на коленях буду просить тебя о прощении.»

Она с трудом узнала свой голос:

— Мы можем тебе доверять?

— Относительно неиспользования против вас полученной информации? — Несколько секунд он молчал. Волны бились за его спиной.— Да!

— Ох, нет! — Она потянулась к нему.— Я не думала...

— Я даю тебе слово, моя милая!

«В этом случае,— подумала она.— Но нет, я не могла бы сказать ему правды прежде, чем не посоветовалась бы с Аринниаком, который, конечно же, сказал бы «нет», а Фил, без сомнения, чувствовал бы себя несчастным из страха за меня, и, что там ни говори, за своих друзей из флота, потому что честь не позволяла бы ему предупредить их.»

Она сжала кулаки и, спрятав их под плащом, поспешно проговорила:

— В общем, речь не идет ни о чем серьезном. Тебе известно насчет Экватории, ненаселенного континента. Там нет ничего, кроме крошечных установок и ничтожного количества охраны. Главным образом она сидит в бараках, потому что несколько попыток патрулировать территорию оказались ненужными. Крис очень обеспокоен.

— Гм... Да, я слышал, как он упоминал об этом.

— Крис убедил своего отца в том, что защита недостаточна. При более тщательном изучении они обнаружили, что плоскогорье Скорпелуны вообще открыто. Горы, частые штормы и прочее делают его изолированным. Если бы враг сконцентрировал свои силы на том, чтобы прорвать орбитальную защиту и быстро устремиться вниз, то, оказавшись примерно в пятидесяти километрах над Землей, он обнаружил бы прегра. ду всего лишь из нескольких несильных лучей и без сомнения вполне мог бы справиться с теми несколькими орудиями и воз· душными кораблями, которые успели бы туда подоспеть. А, оказавшись на Земле, он бы сразу окопался и создал... как вы говорите?... плацдарм. Мы должны укрепить эту территорию. Вот и все!

Она замолчала. У нее закружилась голова. «Неужели, я сказала все это на одном дыхании?»

— Понятно,— отозвался он немного спустя.— Спасибо тебе, дорогая!

Она подошла к нему и поцеловала так нежно, как только могла.

Ночью ветер стал тише, небо затянуло, пошел тихий дождь. К утру он прекратился. Среди разлива вод медленно поднялась сонная Лаура. Она плавала в бесконечной голубизне, а каждый листок и травинка острова, казалось, были усыпаны драгоценными камнями.

Айат покинула утес, на котором провела несколько последних часов. Вначале она чувствовала себя окоченевшей и вымокшей. Но ветер, бивший ей в ноздри и антибраторы, оживил кровь, налив силой мышцы.

«Вверх, вверх»,— подумала она и понеслась по спирали. Море смеялось, но остров дремал, и единственным звуком был шум ее крыльев.

«И в смерти своей, Водан, ты тоже был солнцем!»

Отчаяние ушло, воспламененное усилиями ее крыльев, развеянное ветром, затопленное водой — так как этого хотел бы он. Она знала, что боль еще вернется, но над этой болью она уже была властна. И под ней уже ощущались печаль, как огонь, тлеющий под травой. И пусть она живет, пока живет Айат, пусть Водан живет в ней и после того, как в ней пробудится чувство к другому, после того, как она отдаст этому другому свою любовь.

Айат сделала круг. С той высоты, на которую она поднялась, ей был виден не один остров. «Я еще не хочу возвращаться Аринниан может ждать меня до сумерек?—Айат почувствовала,

что голодна. Она потратила слишком много энергии.— Будь благословенна боль, будь благословенен голод... будь благословенна удача!»

Далеко внизу стая итероплеуронов покинула свои гнезда и устремилась на поиски пискоидов над поверхностью воды. Айат прочла молитву, прицелилась и устремилась вниз. Когда она закрыла глаза пленками, чтобы защитить их, мир сделался пятнистым и немного потускнел. Но она еще острее ощутила присутствие неба, струящего потоки света, свист ветра вокруг нее. Каждая клеточка ее тела ощущала готовность, знание нужного угла, скорости, силу.

Ее тело знало, когда сложить крылья и камнем устремиться вниз, когда расправить их, когда наступит черед действовать рукам. Кинжал не был ей нужен. Шея рептилоида сломалась под ее вихревым натиском.

— Водан, ты был бы рад!

Ноша мешала ей. Не будучи тяжелой, она в то же время была неудобной. Айат опустилась на одинокую скалу, нарезала мясо и поела. Сырое, оно было пресноватым. Прибой под ней шумел и брызгал пеной.

Потом она полетела в глубь острова, теперь уже медленнее. Нужно было найти какую-нибудь рощу и отдохнуть среди деревьев и цветов, в нагретой солнцем тени. Потом можно будет вновь подняться в небо. И все время она будет вспоминать Водана! Поскольку они не совершили брачного обряда, она не сможет вести его похоронный танец. Поэтому сегодня она должна исполнить его одна; наедине с собой.

Айат спустилась к фруктовому саду. Вода, испаряющаяся с листьев и земли, поднималась вверх дымкой легкого тумана, который маревом колыхался среди зелени под солнцем. Запахи накрыли ее своим невидимым опахалом. Она вдыхала сильные ароматы живой земли, и антибраторы ее справлялись с этим не хуже, чем легкие, пока у нее не закружилась голова, а кровь не забурлила и не запела.

«Водан,— грезила она,— если бы ты был здесь, возле меня, мы улетели бы вместе, и ничто бы уже не помешало нам. Мы нашли бы место, где ты смог бы укрыть меня своими крыльями».

Казалось, что он и впрямь был здесь.

Шелест крыльев, воздух, внезапно наполнившийся мужским запахом... Все поплыло перед ней. «Может, я теряю сознание? Мне лучше сесть». Она неуверенно опустилась вниз и приземлилась.

Ее окружали апельсиновые деревья. Они были не слишком высокими и росли не густо, но их оранжевые круглые плоды таинственно светились в глубине листвы. Земля была недавно обработана, засеяна и лежала, открытая небу. Коричневая и мягкая, нагретая солнцем, она прильнула к ее ногам.

Послышался шум крыльев. Чья-то тень на мгновение закрыла Лауру. Летящий снизился, и она узнала Драуна.

Его гребешок был напряжен. Каждое перышко вокруг

усмехающегося рта говорило: «Я знал, где смогу найти тебя после того, что случилось».

— Нет! — жалобно бросила она и расправила крылья, намереваясь улететь.

Драун уверенно двинулся вперед, широко расставив руки и изогнув пальцы.

— Ты прекрасна,— прошептал он.— Хкр-р-р!

Крылья Айат качнулись. Поток воздуха принес силу, но это была иная сила, потрясающая ее до основания.

— Водан! — взмолилась она и попыталась взлететь. Подъем был медленным и неуклюжим. Драун настиг Айат и сомкнул когти вокруг ее алатена. Они упали вместе.

Девушка царапнула его по лицу и потянулась за ножом. Драун поймал ее за обе кисти и притянул к себе.

— Ты ведь не хочешь, чтобы я отпустил тебя! — его дыхание ударило в ее ухо.

— А теперь? — Он обвил руками ее шею и крепко сжал в объятиях. Распростершись, крылья Драуна снова закрыли собой солнце, и перышки опустились ей на глаза.

Крылья Айат скрылись под его оперением.

Айат так плотно смежила веки, что темнота под ними заполнилась пляшущими бесформенными огнями.

«Водан,— пронеслось где-то в гудящей крови,— я делаю вид, будто это ты».

Но Водан ни за что не ушел бы сразу после случившегося, оставив ее в горечи, царапающей землю, дрожащей. Такой и нашел ее Аринниан.

Табби спала. Аринниан все еще искал свою несчастную подругу. Драун недавно улетел, обронив, что хочет, если сможет, помочь в поисках. Все остальные разошлись по делам. Земля покоилась в лучах утреннего солнца.

Рошфор потихоньку пробрался в спальню. Табита принадлежала к тем немногим женщинам, которые хорошо выглядят во сне. Крупное тело, коричневая кожа, слишком упругая для того, чтобы запасть или опухнуть. Короткие белокурые волосы разбросали свои завитки так, что пальцы его сами собой тянулись поиграть с ними. Она дышала глубоко, уверенно, хотя губы ее чуть-чуть разошлись, обнажив белую полоску зубов.

Когда он склонился над ней, то ощутил нежный, девичий запах и увидел следы высохших слез.

Рот Рошфора искривился, но боль в прикушенной губе не была такой сильной, как в сердце. Она плакала из-за него, когда они вернулись домой:

— Сегодня тебе, конечно же, нельзя,— прошептала она, склонившись над ним и лаская его лицо и грудь.— Ты так измучился! Не расстраивайся! Ты сам не знаешь, какая это для тебя травма. Подожди до завтра или до следующей ночи, Фил! Перед нами целая жизнь!

«Мучительней всего то,— думал Фил,— что я не могу сказать тебе, почему я так тяжело это перенес,— подумал

он.— Если я поцелую тебя, ты проснешься... О, святой Джоан, сожженный за ее народ, помоги мне!»

Он понял, что если помедлит еще, она действительно может проснуться. Он медленно досчитал до ста, прежде чем выскользнуть из комнаты.

Крыши строений четко вырисовывались на фоне неба, в котором властвовали только солнце и свежий ветерок. Воздух был напоен запахами зелени и моря, чьи волны перекатывались вдали. «Насколько непрочна эта дивная красота»,—Рошфор быстро пошел прочь. По тропинке он направился через фруктовый сад. Скоро она должна была слиться с главной дорогой, ведущей к посадочной площадке.

«Это не может окончиться удачей, что-то обязательно помешает. Там должен быть сторож, и тогда все пропало, или же я просто не смогу проникнуть внутрь. Мне кто-то встретится, и тогда я скажу, что просто вышел на прогулку. Ведь нет ничего плохого в том, что я решил прогуляться перед завтраком.

И никакого зла в этом нет, только вот ее авалонянам будет позволено убить себя, может быть, и она окажется в их числе... Еще мои товарищи по флоту тоже могут умереть — без всякой на то причины, хотя, может быть, все это можно спасти. И тогда Табита поймет, что я сделал это ради того, чтобы война быстрее закончилась и чтобы она могла жить».

Кругом было тихо. В это время года никто не работал на плантациях.

И посадочное поле тоже было пустынным. Для того небольшого количества транспорта, которое принимал Сент-Ли, вполне было достаточно автоматического контроля.

Космический флиттер оказался неподалеку. Рошфор стоял неподвижно, пока в памяти его не всплыли слова: «Только погода может быть врагом». А воров здесь не боятся.

А как насчет любопытных детей?

«Если кто-нибудь появится и увидит меня здесь, я смогу объяснить, что просто обеспокоен отсутствием охраны. Табби поверит мне».

Он подошел к небольшому трапу, используемому для разгрузки грузовых кораблей, и подвез его к корпусу ракеты. Стук... стук... стук — стучали при подъеме его ботинки. Вход был очень похож на те, к которым он привык, и он немедленно отыскал щит, который должен был скрывать внешний контроль. Он не был защищен и легко отошел в сторону. За ним не было ничего, кроме кнопки. Он нажал на нее. Открылся внешний клапан. И трап отъехал в сторону, как ненужный.

«Господи, укажи мне волю твою!»

Рошфор скрылся внутри.

Итрианское судно было похоже на земное. И в этом не было ничего удивительного, если вспомнить, что летающая раса училась искусству кораблестроения у человека и что на Авалоне суда часто водили именно люди. В кабине пилота сиденья и аппаратура были пригодны для особей и той, и другой расы.

Надписи были на планхе, но Рошфор разобрался в них довольно быстро. Через пять минут он знал, что может поднять и вести эту лодку.

Вначале он сжал кулаки. Потом принялся за дело.

Аринниан вел Айат обратно. Его гравипояс был недостаточно надежен для того, чтобы удержать их в воздухе вдвоем. Дважды она говорила ему, что может лететь или идти с любой скоростью, но говорила это таким слабым шепотом, что он отвечал: «Нет». Если не считать этих односложных фраз, они не разговаривали.

Аринниан не мог долго нести Айат на руках. Она повисла на нем, прижавшись килевой костью к его спине, свесив руки по его плечам, как это делают маленькие итрианские дети. Он разорвал свою рубашку на лоскуты и смочил ее раны водой с листьев, а оставшимися лоскутами перевязал их, чтобы остановить кровотечение. Они не были опасными. Он ощущал тепло (даже жар) шелковистого оперения, лежавшего у него на спине, чувствовал запах ее любовной поры, окружавший его, подобно тяжелому аромату.

«Это плохо,— размышлял он.— Пора любви у Айат продлится несколько дней, а может быть, и пару недель. Если она неожиданно снова столкнется с ним... Испытает ли она угрызения совести? Но можно ли их испытывать против того, что не в силах остановить? Айат, конечно, в шоке, ей больно и стыдно, но чувствует ли она себя одураченной? Я вдруг перестал понимать свою подругу».

Путь был долгим и трудным. Он и так потратил много сил на поиски. Все его тело болело, во рту пересохло, голова казалась набитой песком. Весь мир превратился в длинную-длинную дорогу, которую предстояло одолеть, и каждый ее километр казался все более долгим. Так же сужался мир мыслей, и памяти, пока не превратился в череду предательств. Аринниан старался не думать об этом, воссоздав в памяти детские стишки и приноровив их к своим шагам. «Ты срываешь и бросаешь. Ты срываешь...» Но это заставило его слишком сосредоточиться на ногах, на их боли, на тяжести в руках, на горечи во рту и волей-неволей он вернулся к мыслям о череде предательств. Земля-Итри, Итри-Авалон, Табита-Рошфор, Айат-Драун... Эти руки, сомкнувшиеся сейчас на его животе, руки, которые он держит в своих, совсем недавно напрягались, стараясь подтянуть поближе к себе Драуна. Этот голос, что пел для него, а сейчас едва слышно стонал и казался голосом какой-нибудь обыкновенной суки... «Прекрати это! Прекрати, я сказал!»

Вид участка вернул его к действительности. Никого поблизости не было видно. Удача! Он потихоньку унесет Айат. Итрианские химики создали аэрозоль, который эффективно нейтрализует действие фермонов и, без сомнения, его можно будет занять у кого-нибудь из соседей. Если ему удастся заставить местных мужских особей держаться вдали от ее комнаты до

тех пор, пока она не отдохнет настолько, что сможет полететь с ним в лодке домой, к Вратам Бури, то все обойдется.

Двери в дом Табиты были распахнуты. Должно быть, она услышала звук его шагов и тяжелое дыхание, потому что подошла к двери.

— Хелло! — позвала она.— Ты ее нашел?.. Ой! — она подбежала.— Она в порядке?

— Нет.— Он заглянул в себя — там были только холод и мрак. Они, казалось, принадлежали иной планете.

Табита пошла за ними.

— Сюда,— сказала она,— в мою кровать.

— Нет! — Аринниан остановился.

Айа лежала. Одно крыло было придавлено ее телом, другое раскинулось так широко, что перья его касались пола. Закрытые мембраны делали ее похожей на слепую.

— Спасибо! — голос ее был едва слышен.

— Что случилось? — Табита склонилась над ней. Запах, который самец-итрианин мог различить за километры, достиг и ее ноздрей.— О! — она выпрямилась. Подбородок ее отвердел.— Вот оно что.

Аринниан отыскал ванную, выпил один за другим несколько стаканов холодной воды, принял ледяной душ. Тем временем Табита ходила по комнате, готовя все, что нужно, для Айат.

Когда они оба покончили с делами, то встретились в гостиной. Она приблизила губы к самому его уху, так, что он явственно ощутил ее дыхание, и прошептала:

— Я дала ей седатив. Через несколько минут она уснет.

— Хорошо,— глухо ответил он.— Где Драун?

Табита отступила. Ее зеленые глаза расширились.

— Зачем он тебе?

— Неужели ты не догадываешься? Где он?

— Зачем тебе нужен Драун?

— Чтобы убить его!

— Ты не сделаешь этого! — крикнула она.— Крис, если это был он, то они ведь не могут собой владеть. Никто не может! Ты же знаешь! Шок и печаль вызвали овуляцию раньше времени, и тогда он воспользовался случаем, и...

— Он не воспользовался случаем, этот негодяй,— сказал Аринниан,— или, если он это сделал, он должен был отступиться после первого, даже самого ничтожного сопротивления, как и подобает всякому честному мужчине, а не брать ее силой. Где он?

Табита отошла в сторону и остановилась перед телефоном. Она была бледнее, чем тогда, когда ей приходилось терпеть насмешки Драуна. Аринниан отстранил ее. Некоторое время она сопротивлялась, но он был сильнее, и ей пришлось уступить.

— Наверное, уже сидит дома, как ты догадываешься,— сказал Аринниан.— И под рукой вооруженная кучка друзей.

— Для того, чтобы помешать тебе совершить безрассудство, конечно же,— взмолилась Табита.— Крис, сейчас война.

Он слишком важен для дела охраны. Если бы Фил был здесь, ты бы ни за что... Должна ли я удержать тебя оружием?

Он сел.

— Твой Рошфор не сможет мне помешать позвонить.— Она отступила.— Как и твой глупый пистолет! Успокойся!

Он знал номер и набрал его. Экран ожил: Драун и действительно еще парочка с бластерами. Итрианин сейчас же заговорил:

— Я ждал твоего звонка. Ты меня слышишь? Что сделано, то сделано, и ничего постыдного в этом нет. В подобных случаях чосы говорят «нет», если не считать того, что оскорбленная гордость может потребовать денежного возмещения. Что же касается тордости, то она получила удовольствие. Он усмехнулся и посмотрел куда-то за спину Аринниана.— Ведь правда, красотка?

Аринниан оглянулся. Айат покачиваясь выходила из спальни. Глаза ее были широко раскрыты, но затуманены наркотиком, который уже вверг ее в полубессознательное состояние. Руки ее протянулись к изображению на экране.

— Да, приходи! — прошептала она надтреснутым голосом. — Нет! Помоги мне, Аринниан, помоги!

Он не мог шевельнуться. Табита подбежала к ней и увела ее.

— Видел? — сказал Драун.— Никакого вреда. Вы, люди, как я слышал, можете брать своих женщин силой и часто делаете это. Я — нет! Во всяком случае, что стоит одна наша забава по сравнению с сотнями в год ваших?

Аринниан едва сдержал себя. В груди у него жгло. Когда он заговорил, его собственные слова показались ему никчемными и далекими, хотя смысл их оставался для него совершенно ясным.

— Я видел, в каком состоянии она была.

— Ну, может быть, я немного переусердствовал. Но вы, люди, не так все понимаете. Мы, итриане, наблюдаем за вами и удивляемся. Ты понял меня? Хорошо, я соглашусь заплатить за любое нанесенное повреждение, любое, зафиксированное врачами. Я даже согласен обсудить с ее родителями размеры платы за оскорбленную гордость. Ты удовлетворен?

— Нет!

Драун слегка пошевелил гребешком.

— По законам и обычаям у тебя нет никаких прав вести это дело.

— Я хочу тебя убить,— сказал Аринниан.

— Что? Подожди биения ветра! Убийство...

— Дуэль! У нас есть свидетели. Я тебя вызываю!

— Я же сказал, что у тебя нет причин для этого!

На сей раз Аринниан пожал плечами.

— Тогда ты меня вызови!

— За что?

Человек вздохнул.

— Нужно ли нам так соблюдать формальности? Позволь мне подумать, какое оскорбление можно было бы считать

смертельным? Вульгаризм, который я смог бы допустить, летя над тобой? Нет, слишком искусственно! Я просто сделаю описание твоего характера, Драун! Потом я смогу добавить, что чос Высокого Неба — дерьмовый чос, потому что в него входит такой мерзавец, как ты!

— Достаточно,— сказал итрианин очень спокойно, хотя перья его стояли дыбом и крылья вздрагивали — Ты вызван! Перед моими богами, твоими богами, памятью всех наших предков и надеждой на наших наследников, я, Драун из Высокого Неба, вызываю тебя, Кристофера Холма, прозванного Аринниан, из Врат Бури с тем, чтобы твоя смертельная гордость встретилась с моею в битве, из которой живым должен выйти лишь один! В присутствии тех свидетелей, которых я позову...

За спиной человека появилась Табита. С удивительной силой она схватила Аринниана и стащила его со стула. Он упал на пол, выпрямился и увидел, что она встала между ним и экраном. Правой рукой она вцепилась в Аринниана, а левую держала так, как будто хотела таким же образом удержать на расстоянии его врага, своего друга.

— Вы что, с ума оба сошли? — крикнула она.

— Слова были произнесены. Крис оскорбил меня.— Драун обнажил клыки.— Если только он не попросит у меня прощения.

— Я не буду просить его о прощении,— сказал Аринниан.

Табита стояла, тяжело дыша и переводя взгляд с одного на другого. Слезы катились у нее по щекам, но она, казалось, не замечала этого. Через некоторое время ее руки опустились.

— Можете вы выслушать меня? — хриплым голосом спросила она. Они кивнули. Аринниана била нервная дрожь. Безжизненно повисшие руки Табиты сжались в кулаки.— Вы должны членам вашего чоса не свою гордость... Ваш долг защитить его! Авалон... может... погибнуть. Подождите до конца войны! Я обещаю вам, что дуэль между вами состоится.

— Что ж, я согласен, но при условии, что мне не нужно будет ни встречаться, ни разговаривать с Ходящим,— неохотно согласился Драун.

— Если ты считаешь, что мы должны сотрудничать как и раньше,— сказал Табите Аринниан,— то тебе придется стать нашим посредником.

— Разве она может? — осклабился Драун.— После того, как ты оскорбил ее чос.

— Думаю, как-нибудь смогу,— вздохнула Хрилл.

Она отступила — задача была выполнена. Экран потух.

К Аринниану вновь вернулась сила. Он повернулся к девушке и извиняющимся тоном произнес:

— Последнее мое оскорбление не было умышленным. У тебя я прошу прощения.

Табита, даже не глянув в его сторону, вышла из дома.

«Пошла к своему любовнику,— пронеслось в его голове.—

Я найду дерево, под которым смогу отдохнуть, пока Айат не встанет и я не смогу отнести ее к флиттеру».

Грохот прокатился среди гор. Оконные стекла задрожали. Табита застыла.

Шум замер, снова стало тихо. Она побежала.

— Фил! — закричала она.

«Так,— подумал Аринниан.— Вот оно! Еще одно предательство!»

— Спокойнее, лейтенант! Садитесь!

Темноволосый красивый человек напряженно застыл в кресле. Хуан Кайал опустил глаза и принялся перебирать бумаги на письменном столе. Молчание заполнило кабинет.

«Валендерей» кружился на своей орбите вокруг Пакса на расстоянии, которое превращало это солнце в подобие яркой звезды, похожей на те, что светили на Эсперанса, где жила Луиза.

— Я прочел ваш отчет очень внимательно, лейтенант Рошфор,— сказал, наконец, Кайал.— Поэтому я просил, чтобы вас доставили сюда на спидстрере.

— Что я могу добавить, сэр? — голос вновь прибывшего был так же напряжен, как и его тело. Тем не менее, когда Кайал снова поднял голову и встретился с ним взглядом, он вспомнил животное, виденное им однажды в Нью-Мехико, в сьерра де Лас Воскас Секос, загнанное в угол каньона, оно ожидало приближения охотника.

— Вначале,— сказал адмирал,— я склонен был отдать личный приказ о гипнопробе, которой вы подверглись, когда присоединились к нашему флоту, и сейчас приношу вам за это свои извинения. Это — не лучший способ обращения с нашими офицерами.

— Я понимаю, сэр,— сказал Рошфор.— И не удивляюсь. Допросы проводились очень корректно. Вы же должны были убедиться в том, что я не лгу.— Лицо его оживилось.

— Гипнопроба обнажает даже мельчайшую ложь, не так ли? Информация никуда дальше не пойдет. Вы исполнили свой гражданский долг.

— Почему вы решили допросить меня лично, сэр? То немногое, о чем я мог сообщить, отмечено в моем рапорте.

Кайал откинулся на спинку кресла. Он дружески улыбнулся.

— Прежде всего потому, что я хочу получить немного дополнительной информации. Что вы пьете?

Рошфор изумился.

— Сэр?

— Скотч, бурбон, чистый виски, джин, теквиду, водку, аквавант и так далее, включая разнообразные экстерриториальные напитки. Может быть, какая-то особая смесь? Я полагаю, наш бортовой бар оборудован неплохо.— Поскольку Рошфор продолжал сидеть с непонимающим видом, Кайал закончил:— Дело в том, что мы вместе обедаем.

— Но, адмирал, это в высшей степени любезно с вашей стороны. Я бы предпочел мартини. Благодарю!

Кайал отдал распоряжение. В те редкие случаи, когда ему хотелось выпить, он заказывал маленькую порцию шерри. Адмирал думал, что и Рошфор в обычных условиях предпочитает что-то новое. Необходимо было дать мальчику возможность расслабиться.

— Закурите? — предложил он.— Сам я не курю, но не возражаю против того, чтобы курили другие, так что губернатор присылает мне эти сигареты. Он известный знаток.

— Благодарю вас... Перед едой не хотелось бы.

— Как пожелаете.— Принесли коктейли. Бокалы были большие и холодные. Он поднял свой. А вуэстре салюд, ми амиго!

Ваше здоровье. На мгновение на застывшем лице Рошфора появилось подобие жизни. Бон санте, месье адмирал!

Они пригубили бокалы.

— Не стесняйтесь,— подбодрил адмирал.— Человек, обладающий такой смелостью, которую проявили вы, не должен бояться начальства. Ну, может быть, только своего капитана — немножко, но никак не меня! Кроме того, я не собираюсь отдавать вам приказания. Скорее, я хочу попросить вас о помощи.

Рошфор удивился:

— Не могу себе этого представить, сэр. Кайал жестом показал Филиппу, чтобы он продолжал пить. Сам же он едва притронулся к бокалу. Не то чтобы адмирал поставил себе целью напоить Рошфора, он просто хотел, чтобы тот почувствовал себя свободнее и увереннее.

— Полагаю, вам известно, что вы — единственный пленный, которому удалось бежать,— сказал адмирал.— С таких лодок, как ваша, они обычно берут не больше десяти-двенадцати пленных. Вам удивительно повезло! И все же, хотя вы можете не знать этого, к нам прибывали с Авалона другие люди.

— Перебежчики, сэр? Я слышал о недовольных.

Кайал кивнул.

— Страх, жадность, а иногда мотивы, заслуживающие похвалы: желание сделать все возможное, чтобы исправить положение, предотвратить дальнейший хаос. Они поступали к нам по очереди, один за другим, пока не набралась целая группа. Естественно, все были подвергнуты тщательному допросу, даже более тщательному, чем вы. Ваш психопрофиль занесен в дело: службе безопасности нужно лишь было установить, нет ли подделки.

— Там не стали бы этого делать, сэр,— сказал Рошфор. Речь его снова стала живой.— На Авалоне самым аморальным считается задеть чью-то честь. Это стоит вашей собственной чести.— Он откинулся назад и быстро глотнул.— Прошу прощения, сэр.

— Не нужно извинений. Вы говорите как раз то, что мне и

хотелось бы от вас услышать. Это именно так. Впрочем, я продолжу. Первые перебежчики не представляли собой ничего интересного. Но позже... В общем, не к чему читать вам целую лекцию. Достаточно одного типичного случая. Городской торговец, разбогатевший на торговле с ближними имперскими мирами. Он не возражает против того, чтобы мы захватили его планету, лишь бы война не разрушила его собственность, в результате чего восстановление стоило бы ему дополнительных средств. Презренный тип или реалист? Неважно. Суть в том, что он владел некоторой информацией и еще другой информацией, переданной ему с тем, чтобы он сообщил ее нам. Передающими были весьма высокопоставленные официальные лица, входящие в тайную группу стоящих за заключение мира.

Рошфор наблюдал за Кайалом поверх краев бокала.

— Вы опасаетесь ловушки, сэр?

Кайал развел руками.

— Искренность перебежчика сомнению не подлежит. Но не начинили ли его фальшивыми данными перед побегом? А ваша история — важное подтверждение того, о чем рассказал он.

— Относительно экваторианского континента? — спросил Рошфор.— Мне совершенно ни к чему вам лгать. Возможно, я не пытался бы бежать, если бы не поверил в то, что услышанное мною может сыграть решающую роль. Тем не менее, я знаю очень немногое.

Кайал потеребил бородку.

— Вы знаете больше, чем предполагаете! Например, наши данные о вражеских огневых точках, подготовленные к первой битве за Авалон действительно включили Экваторию в слабые пункты обороны Авалона. Вы же были на месте в течение месяца. Слышали разговоры. Вы наблюдали лица людей, которых там узнали. Они очень озабочены?

— Гм...— Рошфор отпил еще глоток. Кайал как бы мимоходом нажал кнопку, давая знать обслуге, что бокал гостя следует наполнить вновь.— Видите ли, сэр, что касается леди, с которой я был, то Экватория не входила в круг её забот.— Он торопливо продолжал.— Вот Кристофер Холм, старший сын их верховного командующего, действительно о ней беспокоился.

— Что же это за место? Как оно называется,... да, район Скорпелуны. Мы собираем всю информацию, которую только можем собрать, но хотя кругом столько миров, никому словно и дела нет до пустынных участков, на которых никто не живет.

Рошфор порекомендовал пару книг. Кайал не стал говорить ему о том, что компьютеры Службы безопасности, должно быть, нашли их в библиотеках еще несколько недель назад.— Ничего особенного там нет,— продолжал лейтенант.— Насколько я понимаю, это большое, высушенное плато, окруженное горами, которые на Авалоне считаются высокими. Оно находится примерно в середине континента, который, как известно

адмиралу, невелик. По-видимому, там действительно невозможно жить.— Помолчав, он добавил: — И не только местным жителям, но и тем, кто, скажем, захотел бы там высадиться.

— Но те, которым нужно пересечь океаны, чтобы туда попасть, оказались бы от своего дома дальше, чем наши люди от своих кораблей,— пробормотал Кайал.

— Это очень опасный путь, сэр!

— Если мы разобьем местную защиту, он перестанет быть опасным. А горы, дающие великолепное убежище...

— Я тоже так думал, сэр! Судя по тому, что мне известно о... э... возможностях связи и транспортировки, итрианские организации не могут быстро доставить туда сильное подкрепление. И это независимо от того, взволновал ли их мой побег или нет!

Кайал склонился над письменным столом.

— Предположим, что мы это сделаем,— сказал он.— Предположим, мы обоснуем базу для воздушных судов и наземных орудий. Как вы думаете, что сделают тогда авалоняне?

— Им пришлось бы сдаться, сэр,— решительно сказал Рошфор.— Они... Я не скажу, что хорошо знаю и понимаю итриан, но что касается тамошних людей... что ж, я думаю, что они не безумцы. Они очень любят Авалон. И, собственно говоря, эта любовь и толкает их на сопротивление. Но если бы они поняли, что у нас есть возможность разрушить Авалон, то ради его спасения они, может, даже были бы готовы оказаться на Земле,— он покачал головой,— приношу свои извинения. Все это такая неразбериха. Кроме того, я могу и ошибаться.

— Ваши впечатления внимательно изучали все наши ксенологи,— сказал ему Кайал.— Тем более, что в их основу лег личный опыт общения с итрианами. — Принесли новую порцию мартини. Но Рошфор отказался. Кайал сказал:— Пейте, прошу вас. Мне нужно, чтобы ваши воспоминания лились свободно, чтобы вы рассказали о том, что такое итрианское общество, что его окружает. Вам понятно, что принять решение нелегко. То, что вы можете мне поведать, конечно же, не решит дела. Тем не менее, меня интересует каждый, даже самый незначительный факт, касающийся наших противников.

Рошфор пристально посмотрел на него.

— Вы — за вторжение, не так ли, сэр? — спросил он.

— Конечно! Я — не машина-убийца. И те, кто стоят надо мной,— тоже!

— Я бы хотел верить вам. Клянусь телом Христовым.— Рошфор осенил себя крестом, глядя на распятие.— Как бы я этого хотел!— Поставив свой бокал, он добавил:— Одна просьба, сэр! Я сделаю все, что только смогу. Но если вы действительно решитесь на проведение этой операции, могу я быть в первой группе нападающих? Вам понадобится несколько «метеоров».

— Это в высшей степени опасно, лейтенант,— предупредил его Кайал.— Мы не можем быть уверенными в том, что у них нет скрытых резервов. В то же время, мы не можем бро-

сить большой отряд в первую атаку. Вы заслуживаете большего.

Рошфор поднял бокал. Он держал его так, как будто хотел не осушить, а разбить вдребезги.

— Я прошу именно того, что заслужил, сэр!

Имперская армада окружила Авалон, и нападение началось.

На маленьком пятачке Космоса столкнулось множество кораблей и орудий, полетели энергетические стрелы, взорвались и потухли огненные мечи — и все это на протяжении тысяч километров. На этот раз на Земле наблюдатели увидели, как эти искры разгорались и с каждым часом становились все ярче, пока не сделались такими яркими, что глазам было больно на них смотреть, а мир на мгновение превратился в сосредоточие синевато-бледных теней. Битва продвигалась вглубь.

Тем не менее, шаги ее были хорошо рассчитаны. Кайал поторопился со своим решением и собрал свои силы всего за несколько дней, чтобы у врага не осталось времени на укрепление Скорпелуны. Но теперь, когда он был здесь, ему хотелось свести риск до минимума. Сложившаяся ситуация полностью отличалась от прежней. Под рукой были силы, в три раза превышавшие прежние, и не нужно было беспокоиться о том, прячутся ли во тьме, на подступах к Лауранской системе, останки авалонского флота. Патрули уверенно сообщали, что они собрались на расстоянии в одну-две астрономические единицы. Поскольку итриане не выказывали очевидных намерений броситься в пекло, адмирал не видел причин, чтобы посылать в них снаряды.

Он даже не отдал приказа об уничтожении флагмана Феруна, хотя внешние роботы распознали врага и открыли огонь. Он плавал на таком расстоянии и на борту его осталось так мало снаряжения, что просто не стоило и связываться. Легче было с миром отпустить неуклюжую старушку и те останки, которые она несла на своем борту.

Сейчас Кайал сосредоточился на методическом изучении планетной защиты.

Внешней ее частью были крепости, некоторые — огромные, большинство — поменьше. Орбиты их были самыми разнообразными. Преимущество их было в том, что они служили портами для космических кораблей... Их можно было постоянно поддерживать с планеты. Эти крепости спокойно шествовали по своим орбитам мимо землян. Почти все они были полностью автоматизированы, и потому хоть и уступали в стратегической гибкости, но зато были крепче, чем хрупкая человеческая плоть.

Но во время первой битвы они вступили в бой. Впоследствии осаждающая часть флота получила план расположения крепостей, разрушила часть из них и не давала их восстановить. Залпы батарей с Земли тоже не были больше неожиданностью. Корабли в Космосе попросту ускользали от них. Их преимущество заключалось в маневренности.

Основная мысль Кайала состояла в том, чтобы выслать эскадры на высокой скорости. Поразив намеченную цель, они должны были немедленно лечь на непредвиденные курсы и избежать ответного огня. В случае неудачи первой атаки, должны были немедленно следовать вторая, третья, четвертая .., пока защита полностью не выйдет из строя от перенапряжения и наземная ее станция не взорвется. Не опасаясь за тыл и продовольственные линии, Кайал не жалел боеприпасов.

Космические суда такой маневренности были недоступными целями для орудий, снаряды которых должны были пролететь через атмосферу и преодолеть гравитацию, пользуясь, как исходной, нулевой скоростью. Авалоняне скоро поняли это и через некоторое время перестали даже пытаться уничтожить противника.

План Кайала не включал разрушения каждой станции. Это было бы настолько дорогим удовольствием, что ему пришлось бы ждать подкрепления из Империи, а он торопился.

Адмирал решил, что необходимо нейтрализовать Луну, и через некоторое время Моргана была окружена и подвергнута такому жесткому натиску, что разрушились горы, а долины расплавились.

В остальном имперцы охотились за теми из крепостей, которые, по их мнению, могли послужить угрозой первой высадившейся силе в установленный командующим срок. При такой ограниченности цели, невозможно было сфокусировать весь энергетический запас быстро. Эти жаркие часы, из которых сложилось несколько авалонских дней, были часами самого быстрого проникновения через защиту за всю историю Империи.

Потери были неизбежны. Они особенно возросли, когда корабли подошли к атмосфере настолько близко, что действие наземных прожекторов и орудий сделалось эффективным. Следующим шагом было обезвреживание некоторых из них вместе с другими установками.

Капитан Ион Мунтяну, командир огневого контроля на борту «Фобоса», дал своим офицерам короткий инструктаж, когда корабль рванулся вперед.

— Мы должны выполнить особую миссию, как вы, должно быть, догадались, принимая во внимание класс судна. Мы должны не просто припечатать место, которое может доставить мальчикам хлопоты. Хотите задать вопрос, Зисей Озуми?

— Да, сэр! Два. Как и почему? Мы можем собрать множество боеприпасов и хитроумных ловушек вокруг мегаполей, чтобы это взорвалось именно там, где нам нужно. Речь идет о военных объектах. Но ведь у городов должна быть куда более сильная защита.

— Я хочу напомнить вам о яйце и курице, Зисей! Конечно, она есть. Это мощные сложные слои защиты плюс внешние ракетные установки Космос—Земля. Мы будем стрелять со всей мощью, на которую способны наши орудия. Та часть

атаки, которую я как раз собирался запрограммировать, позволит нам проделать все настолько быстро, что итриане и опомниться не успеют. Если нет, начнем сначала!

— Сэр! Вы же не собираетесь превратить континент в развалины?

— Нет, нет! Успокойтесь! Вспомните, что наш корабль не приспособлен для этого. Мы не получили приказ разрушать ценную собственность Его величества до такой степени, чтобы она стала совершенно негодной. Действия наши будут в высшей степени грубыми, это так, но честными — мы всего лишь хотим обезвредить то, что может представлять для нас непосредственную угрозу — главным образом, радиацию. Взрывы, о которых говорил Зисей, против мегаполей малоэффективны. Мы займемся только центральной частью города, поскольку Служба безопасности сообщает, что края его наименее опасны.

— Сэр, я не хочу вам надоедать, но почему мы это делаем?

— Не нужно так беспокоиться, Озуми! Должна быть произведена посадка. Война на планете может некоторое время еще продолжаться. Именно этот город они называют Центаур, это их главный морской порт и основной промышленный центр. Мы не можем дать ему возможность спокойно посылать своим войскам подкрепления, которые будут нападать на наших друзей.

Пот выступил на лбу Озуми.

— Но женщины и дети...

— Если бы враг обладал хоть каплей разума, то давно бы произвел их эвакуацию,— отрезал Мунтяну.— Честно говоря, мне на это наплевать! В прошлый раз я потерял здесь брата. За работу!

Кьенна медленно летела над каналом Лайвелл-стрит. Опустилась ночь, та ясная ночь, что была так не похожа на обычные зимние ночи в Дельте. Поэтому ясно были видны звезды. Они пугали ее. Слишком много колючих и холодных маленьких зерен света.

На самом деле, они — солнца! Война начинается с них, та война, что так изменила мир.

Вначале все было прекрасно — мимо нее проходило столько итриан, наполняя ее кошелек монетами, что временами она забывала обо всем, кроме своего любовника. А в перерывах между любовью она с помощью разных снадобий поддерживала себя в превосходном состоянии духа, особенно на вечеринках. Вечеринки, как она слышала, были придуманы людьми. (Кто ей об этом сказал? Она пыталась вспомнить лицо, тело, и, наверное, смогла бы это сделать, если бы они не тонули в путанице из голосов, музыки и ароматного дыма). Какой вначале казалась война? Любовь, любовь, смех, смех, сон, сон. А если и просыпаешься с дурным привкусом во рту и болью в голове, то достаточно нескольких пилюль — и снова все хорошо!

А потом все испортилось: никаких больше морских офице-

ров, в «Гнезде» — пустота, как в пещере, ночь за ночью, так что Кьенне иногда хотелось кричать, но это делала за нее музыка. Все торопятся, входят и выходят, а те, кто остается,— девушки были согласны даже на человеческую компанию,— держатся в тени. Темные спокойные ночи, утомительное одиночество дня, деньги, истаявшие настолько, что их едва хватало на еду, не говоря уже о бутылочке или пилюле, способной поддержать ее в состоянии грез.

Взмах крыльями, еще один. Кто-то должен быть в городе, и он должен быть одинок — теперь, когда битва началась снова.

— Я тоже одинока,— сказала она вслух.— Кем бы ты ни был, я люблю тебя.

Ее голос прозвучал слишком громко в этом неподвижном теплом воздухе, над маслянистой водой, мертвыми мостовыми, между затененными стенами и под этими ужасными маленькими звездами.

— Водан? — позвала она совсем тихо. Кьенна помнила его лучше, чем других, почти так же хорошо, как тех нескольких, которые были у нее первыми, пока остальных не стало столько, что она была просто не в состоянии их сосчитать. Он был нежен и беспокоился о своей девушке, оставшейся дома, — подумала Кьенна.— Вне всякого сомнения, звезды съели Водана!

Девушка подняла гребешок. У нее была гордость. Нет, она не станет бояться полуночных улиц. Вскоре затеплится заря, и тогда она осмелится уснуть.

Солнце появилось очень скоро.

Она видела его одно мгновение, потом ночь окружила Кьенну, потому что глаза ее ослепли от ужасной жары. Но она не узнала об этом. Оперение ее вспыхнуло в страшном огне. Адский грохот поглотил ее вопль. Супербыстрые молекулы воздуха всосались мегаполями и раздавили ее барабанные перепонки, разрушили капилляры. В своей агонии Кьенна вспомнила о канале — о воде, которая могла погасить сжигающее ее пламя. Она устремилась к нему, потеряла равновесие и упала на дом, который пылал, словно огненный факел. Вода в канале кипела.

Нападение на Центаур должно было послужить делу спасения хотя бы части авалонских ресурсов. Земляне хорошо все рассчитали. Всего лишь через три часа брешь в защите Авалона была увеличена, и сквозь нее ринулась первая волна нападающих.

Среди них был Рошфор. Он и его наскоро собранная команда не имели военного опыта такого рода, но они были способными людьми, а на борту «Метеора» было все, что ему хотелось бы иметь для битвы. Они не вводили в действие орудия, пока не оказались ниже опасной высоты.

В пути была остановлена пара вражеских кораблей. Хотя ни одно космическое судно не было по-настоящему пригодным для полетов в атмосфере, торпедные лодки соединяли в себе

достаточную маневренность, огневую силу и силу человеческого разума. О машинах, управляемых роботами, говорить не приходилось.

Оказавшись близко к земле, Рошфор переключил все внимание на наземные орудия.

Внизу лежали горы и река. Земные лодки с ревом приближались к ним, выпускали лучи и торпеды против мегаполей и функеров, затем взмывали круто вверх, устремляясь к стратосфере, чтобы сделать новый заход.

Третий бой был не нужен.

Несколько катеров взорвалось под утесами с грохотом, вызвавшим в горах обвалы.

Рошфор желал бы забыть о том, как прекрасен был этот каньон.

Вернувшись в Скорпулену, он обнаружил, что весь патруль приземлился. Из транспорта, перевозившего личный состав, выходили моряки и инженеры, из грузовых судов выводились машины. Наверху небо потемнело от роя патрульных машин. Прошло несколько безумных дней. За кипящей деятельностью чувствовалось истерическое возбуждение. Кто знал наверняка, что являет собой враг?

Ничего не случилось. Экранные генераторы были собраны и приготовлены к действию. Защитные проекторы и суда поставлены на позиции. Были возведены укрытия для оборудования, потом — для людей. И никакой контратаки!

Воздушная разведка и космическое оборудование сообщали о значительной вражеской активности на другом континенте и за островами. Вне сомнения, что-то готовилось! Оно, это «что-то», не казалось немедленной угрозой.

Открылась вторая брешь в защите, и новая волна вторжения хлынула вниз. База Скорпулены расползалась как чернильное пятно.

Когда намерения врага стали очевидными, Кайал разрушил еще ряд орбитальных крепостей, чтобы еще больше ослабить защиту. После этого он рассредоточил основную часть флота по нескольким направлениям. Кайал брал с кораблей людей и оборудование и посылал их вниз.

Последние авалонские корабли то уходили, то опять возвращались, похожие на волков, настолько изголодавшихся и обессилевших, что перестали казаться грозными, не стоило тратить на них серьезных усилий. Поэтому имперцы повсюду воздерживались от наступательных действий. Они работали, окапывались на захваченной территории, возводили фундамент своей будущей победы так скрупулезно, что скоро он поднялся над Авалоном, подобно разящему кулаку.

Поскольку было известно, что лейтенант Филипп Рошфор (только что получивший звание старшего) пользуется покровительством самого адмирала, его прошение о постоянном пребывании на планете было принято. Надобность в космическом торпедном судне отпала, Фил нашел себе место на

двухместном скиммере, входящем в состав воздушного патруля.

Его партнером был морской капрал, Ахмед Назутион, чей возраст равнялся девятнадцати стандартным годам, он только недавно прилетел с Нью Вьявы.

— Знаете, сэр, все говорили мне, что эта планета восхитительна,— сказал он разочарованно.— Поступай во флот и увидишь Вселенную, а?

— Эта территория не типична,— коротко ответил Рошфор.

Скиммер низко летел над Скорпуленским плато. Навесы были приспущены, чтобы воспрепятствовать проникновению обжигающего воздуха. Защитные костюмы гораздо лучше защищали их в битве от вражеского оружия, нежели от лучей раскаленного солнца. Единственным различимым звуком был шум мотора, смешанный со свистом рассекаемого воздуха. Вдали виднелись горные пики. Голубоватые, они казались какими-то нереальными. Кругом было пусто. На красноватой почве лишь кое-где росли низкие, с красноватыми листьями кусты, распространявшие сильный и несколько медицинский запах. Земля не была по-настоящему плоской и казалась иссеченной шрамами. Вдалеке можно было увидеть несколько пасущихся шестиногих животных. А больше — ничего, кроме звенящей жары и песчаных дюн.

— А как насчет того, чтобы убраться отсюда? — спросил Назутион, протягивая руку за бутылкой с водой.

— Когда сделаем то, что нужно,— ответил Рошфор.— Полегче с питьем! Нам осталось еще несколько часов, тебе и мне.

— Почему же враг не сдается, сэр? Парни из нашей палатки поймали их передачу на англике. Я не слишком ее хорошо понял, у них акцент какой-то странный. Они услышали фразу: «У имперцев в руках не больше, чем пядь земли». Над этой фразой стоило бы задуматься, не правда ли, сэр? Но самое главное в том, что мы ведь не хотим причинять им вред. Неужели они не могут быть благоразумными?

— Ш-ш-ш!— Рошфор поднял руку. Из мониторного приемника несся звук сигнала. Он настроился на эту волну.

— Помогите! О, боже, помогите!.. Инженерная группа три... дикие животные... три-четыре километра к северо-западу от лагеря... Помогите!

Рошфор развернул скиммер.

Он прибыл на место через несколько минут. Группа в десять человек в наземной машине проводила геологические исследования, выясняя глубину проникновения в почву лучей крупных орудий. Они были вооружены, но не ожидали никаких неприятностей. Стая генсеподальных скакунов размером с собаку напала на них в нескольких сотнях метров от машины.

Двух человек они свалили и разорвали. Трое в ужасе бежали, пытаясь достичь машины, и были окружены поодиночке. Один из них погиб на глазах Рошфора и Назутиона. Остальные держались твердо, стоя спиной к спине и непрерывно ведя огонь. Однако этих чешуйчатых существ было, казалось, не-

возможно убить. Их было много, и они постепенно сужали свое кольцо.

Рошфор выстрелил, но попал в передатчик. Назутион стрелял более точно. И все же, прежде чем твари были убиты, погибло еще два человека.

После этого случая каждая группа, покидающая лагерь, сопровождалась воздушным прикрытием, и это неизбежно замедляло все операции.

— Нет, доктор, я перестал верить в то, что дело здесь в психогенетике.— Майор бросил взгляд в диспенсерное окно, на слишком быстрый закат, который песчаные штормы окрасили в кровавый цвет. Ночь должна была принести облегчение от ужасной жары... в виде жуткого холода.— Вначале я готов был в это поверить, но ваши психонаркотики больше не помогают. И у все большего и большего числа людей появляются странные симптомы — но об этом вам известно лучше, чем мне,— боль в животе, раздвоение сознания, боль в мускулах, постоянная мучительная жажда. И сверх того дрожь и головокружение. Из-за этого сегодня была сорвана важнейшая работа... А ведь я должен был выполнить ее во что бы то ни стало.

— Я сам не способен думать как следует.— Офицер-медик потер пальцами висок. На нем размазалась полоска сажи — хотя в раскаленном воздухе пот высыхал раньше, чем успевали образоваться капли.— Неясные видения тоже? Да?

— Может, в окружающей среде есть яд?

— Конечно. Вы не были в первой волне, майор? Я был! Разведка, как и история, уверила нас в том, что Авалон достаточно безопасен. И все же, поверьте моему слову, мы едва разбили лагерь, и сразу же к работе должны были подключиться ученые.

— А что показали допросы авалонских пленных?

— Мы сделали ряд вылазок, захватили побольше пленных, чтобы от них побольше узнать, куда мы попали. Но кто, кроме нескольких специалистов, может знать что-то об этой части континента, на которой никто не живет. Я уверен, что все было подстроено специально.

— Похоже на то. А своих экспертов авалоняне постараются от нас спрятать.— Майор тяжело перевел дыхание.— Так что вам удалось обнаружить?

Медицинский офицер потянулся к стоящей на столе открытой коробке, в которой были стимулирующие таблетки.

— Речь идет о высокой концентрации тяжелых металлов в местной почве. Но здесь не о чем беспокоиться. Эту соль можно вдыхать в течение нескольких лет, прежде чем станешь испытывать потребность в лечении. Кустарник, растущий вокруг, использует эти элементы в процессе своего метаболизма, как этого и следовало ожидать, и мы предупредили о том, что нельзя жевать его или жечь. Ни одно органическое соединение не проявило себя при испытаниях как аллерген. Биохимическое строение людей и итриан настолько сходно, что

они могут есть большей частью одну и ту же еду. Если эта территория скрывает в себе что-то особенно смертоносное, то не считаете ли вы, что обычный колонист должен был, по крайней мере, слышать об этом? Я — с Земли, из средней части Западного побережья Северной Америки. О, боже! — На мгновение он мысленно вернулся на родину и был так далеко от Скорпелуны. Офицер стряхнул с себя оцепенение.— Мы жили среди олеандров. Мы растили их ради их красивых цветов. Но олеандры ядовиты. С ними нужно было быть очень осторожными. И это все знали.

— Но должна же быть какая-нибудь причина,— настаивал майор.

— Мы исследуем,— сказал медик.— Если кто-то предвидел, что эта планета настроена против оккупации, то это должно было быть изучено раньше, чем началась война, но теперь уже поздно!

Случайная маленькая лодка из остатков авалонской эскадры скользила между блокирующих Авалон земных судов на высокой скорости при максимально возможном ускорении. Примерно половина из них была уничтожена. Остальные благополучно миновали заслон и вернулись в космос. Было известно, что они обменялись посланиями с Землей. При удобном коде и помощи лазерных лучей большое количество информации могло быть пропущено за секунду.

— Очевидно, они обсуждают свои передвижения,— ворчал на свой штаб Кайал.— Похоже, что, если мы попытаемся охотиться на них, они разбегутся и исчезнут среди бесчисленных астероидов и лун, как делали это и раньше. И я чувствую, что у них есть планы на будущее. Раздвоения не может быть, джентльмены! Мы должны сосредоточить здесь всю нашу силу!

Все увеличивающееся количество данных указывало на то, что на Земле и на море, под морем и в небесах колонисты готовились наконец к решающему сражению.

Рошфор почувствовал вопль раньше, прежде чем осознал, что происходит внизу, под их скиммером. Мысли ползли медленно, с трудом: «Господи, что меня мучает?» Его мускулы протестовали против сидения в скиммере. Пальцы превратились в сосиски, застывшие на приборной доске. Рядом с ним Назутион застыл в молчании. Он был таким уже несколько дней. Округлые щеки мальчика запали и были покрыты черным пухом.

И все же судно Рошфора отправилось на помощь наземному патрулю и вскоре кружило над ним в воздухе. Беда в том, что больше ничего они сделать не могли. Их энергетическое оружие убивало одной вспышкой сотни тараканоподобных существ в двадцать сантиметров длиной, чьи туловища чернели на поверхности среди кустарника. Но они не могли спасти людей, которых эти твари уже настигли и пожирали.

Рошфор старался, насколько это возможно, не смотреть на это зрелище. Сам он опускался ниже и подбирал на борт

уцелевших. Это зрелище произвело на Назутиона столь сильное впечатление, что он не мог оправиться от потрясения, и пользы от него не было никакой.

Почуяв запах мяса, столь редкий в этой голодной стране, к главной базе устремились каккелаки. Они не могли летать, но прыгали с удивительной быстротой. Все возможные усилия затрачивались на то, чтобы создать против них действенный кордон.

Тем временем авалоняне высадились у Экватории. Они так быстро заняли огромную территорию, что бомбардировка была бы бесполезной.

Старшие офицеры-медики и планетологи собрались на военный совет. За стенами вздыхала и кружилась беззвездная ночь равнодействия. Пыль билась о вздрагивающие металлические стены. Волны жара казались объемными сухими взрывами.

— Да, сэр,— сказал глава медиков. Его чин по рангу был почти равен адмиральскому.— Мы доказали это почти наверняка.— Он вздохнул, и вздох этот потерялся в общем шуме.— Если бы у нас было бы более совершенное оборудование, другой состав специалистов... В общем, подробности я сохраню для следствия и суда. Факт же в том, что недостаток информации завел нас в смертельную ловушку.

— Слишком много миров.— Гражданский планетолог покачал головой.— И каждый так велик! Кто может все знать?

— Пока вы болтаете,— сказал командующий,— люди лежат в горячке и конвульсиях. И с каждым днем таких все больше. Говорите,— голос его дрожал от гнева и едва сдерживаемых рыданий.

— Мы, конечно, подозревали отравление тяжелыми металлами,— сказал офицер-медик.— Мы провели повторные испытания. Концентрация все время казалась в пределах установленных норм. Потом вдруг...

— Неважно,— прервал его планетолог.— Вот результаты. Кусты, растущие здесь повсюду... мы знали, что они содержат элементы, подобные мышьяку и сере. И в литературе содержались описания адского кустарника с картинками, говорилось о том, что он испускает отравленные пары. Чего мы не знали, так это того, что он здесь растет. Он оказался точной копией своих соседей. Подумайте о розах и яблоках! Кроме того, мы понятия не имели о том, как действует этот токсин. Это, должно быть, было установлено после того, как опубликовали описание и выяснили, что это — некое органическое соединение. Объем информации в каждой науке — настоящий потоп...— Он внезапно замолчал.

Командующий ждал.

Вступил офицер-медик:

— Пары несут в себе металл в свободной комбинации с молекулярным соединением, о котором не слышал ни один из известных мне ученых. Действие их заключается в том, что они

блокируют некоторые ферменты. Действие защитной одежды аннулируется. Ни один атом металла не отталкивается. Каждый микрограмм проникает в живой организм. В то же время организм человека ослабляется тем, что части его протеиновых соединений не работают так, как нужно.

— Мне понятно,— сказал командующий.

— Мы, офицеры высшего ранга, еще не в худших условиях,— сказал ему планетолог.— У нас есть штабы. Мы большую часть времени проводим за закрытыми дверями. Но солдаты...— он потер глаза.— Хотя, к сожалению, я и себя тоже не могу назвать совершенно здоровым,— пробормотал он.

— Что вы рекомендуете? — спросил командующий.

— Эвакуацию,— сказал глава медиков.— У нас нет выбора. Наши люди должны немедленно уходить отсюда. Они нуждаются в лечении.

Командующий кивнул. Сам больной, чудовищно усталый, он ждал этого ответа несколько дней и уже потихоньку начал приготовления.

— Мы не сможем взлететь до завтра,— сказал Кайал все тем же бесстрастным голосом.— У нас нет достаточного количества судов. Большая их часть вернулась в Космос. Кроме того, панический взлет мог бы превратить нас в мишени для авалонян. Но мы примем меры предосторожности. Соберем всех людей в лагере. Согласно приказу, вниз будет спущено достаточное количество кораблей.— Губы его дрожали.

Теперь отступали имперцы, и удары авалонян настигали их. Они не стреляли из орудий Земля—Земля. При создании обороны их больше интересовало оружие ближнего действия, занимающее гораздо меньше места, и воздушные суда небольших размеров с ограниченным числом членов команды. Самым крупным объектом была концентрация энергетических проекторов в пиках, смотрящих на Скорпулену.

Тем временем итрианские партизанские отряды устремились на плато. Чувствительность итрианцев к странному токсину была незначительной. Поэтому они пребывали в полном здравии, к тому же им не приходилось таскать на себе груз из космических костюмов и респираторов, как это делали люди.

Крылатые, они не нуждались в сидении в машинах с радарами, газарами и магнетоскопами. Итриане неожиданно появлялись из укрытий и создавали целый заслон из огня и металла, закидывали гранатами наземные машины, прошивали пулями скиммеры и исчезали раньше, чем земляне могли организовать действенный отпор.

Но и они неизбежно несли потери.

— Хэй-ай-а-ах! — испустил вопль Драун из Высокого Неба и устремился с утеса вниз. На дне сухого оврага брела к лагерю колонна землян, уходящая от наполовину свернутой огневой точки. Пыль, клубящаяся вокруг каждого из людей, делала их похожими друг на друга больше, чем остатки уни-

формы. Их сопровождали несколько бронированных машин и воздушных судов. Грависани везли ослабевших.

— Отправить их к Адскому ветру! — Итриане устремились вниз, испуская воинственные клики.

Драун видел, как подобно пустым мешкам падали земляне. Но их товарищи яростно отбивались от итриан под прикрытием бронированной машины. «Они еще сохранили храбрость»,— подумал итрианин. Но тут ему в голову пришла мысль о том, что при втором заходе нужно сбросить в самую гущу людей тортопитовую бомбу. Итрианский отряд вновь устремился вперед. «Я иду, ребята!» — Драун помчался за остальными. Вторая атака оказалась неудачной, но верные своим принципам, итриане дрались с землянами до последнего. Вот упал Найссан, и кровь его окрасила песок в алый цвет. Дошла очередь и до Драуна. Он стоял над Найссаном и стрелял, пока мог.

— Перевести все, что осталось, на орбиту,— сказал Кайал.— Нам нужна свобода для маневра!

Глава его штаба прочистил горло.

— Адмиралу известно о вражеских кораблях?

— Да! Они на внутреннем ускорении. Совершенно ясно, что те из них, что способны сесть на планету, попытаются это сделать. Остальные будут действовать в Космосе.

— Не следует ли нам организовать перехват?

— Мы не можем расходовать силы. Очистка этих фортов опустошила бы большую часть наших складов. Нашим первоначальным долгом является вывод людей из того кошмара, в который мы... я... их послал.

Лицо Кайала застыло.

— Если какие-нибудь соединения смогут быть освобождены от работы на орбите — то пусть энергетическим оружием уничтожают столько авалонян, сколько смогут. Я, правда, сомневаюсь в том, что его у них достаточно. Большая часть авалонских судов, к сожалению, все равно последует своим путем.— Он горько усмехнулся.— Как в нашу бытность в Академии любил говорить старый профессор На-Ту — помнишь, Джим? «Лучшее основание, которое позволяет нам принимать решение — это наше ошибочное суждение о возможностях».

Тропические штормы Авалона были более яростными, чем того можно было ожидать. На день и ночь была отложена погрузка раненых и больных. Во-первых, от таких ливней могло погибнуть само судно. Во-вторых, боялись, что струи дождя убьют некоторых из больных, пока их будут поднимать по трапу.

Недавно прибывшие, и еще более или менее здоровые, сражались с водой, пытаясь сохранить дамбу. Отчеты, неясные и без конца прерываемые треском, неслись по радио один за другим.

Но все это не касалось Рошфора. Он относился к среднему классу: слишком больной, чтобы работать, но достаточно хо-

рошо себя чувствующий для немедленной эвакуации. Он покачивался на стуле среди сотен своих товарищей в вонючем жарком бункере, борясь с ознобом и тошнотой, иногда видя перед собой лицо Табиты, иногда — Ахмеда Назутиона, умершего тремя днями раньше.

Оставшиеся авалонские суда опустились в Экватории, где офицеры охраны распределяли их по местам.

Буря утихла. Первые Имперские суда поднялись с разрушенной базы. То были военные корабли, проверяющие возможность полета транспорта с ранеными и больными.

Навстречу им с орбиты двинулись другие суда землян.

Авалонская воздушная и наземная защита открыла огонь. В битву вступила и космическая ее часть.

Дэннель Холм сидел у сканнера. Тот передавал его слова и изображение его лица по большинству мощных передатчиков планеты. Невозможно было не услышать эту передачу.

«...мы перекрыли их пути к отступлению. Вы не можете взорвать нас, не убив при этом людей, число которых мы оцениваем в четверть миллиона. Даже если мы не станем сопротивляться, может быть, половина из них не протянет до тех пор, когда вы прекратите войну с нами. Мне просто не хочется думать об остальных — органические, нервные, мозговые поражения, действие которых необратимо. Вот что их ждет!

Сейчас мы не можем их спасти. А ведь мы располагаем целой сетью специальных лечебных заведений, рассредоточенных по всей планете. Постели, обслуживающий персонал, диагностическое оборудование, противоболевые средства, поддерживающие лечение ждут заболевших на Скорпулене. Мы будем рады принять у себя группы ваших инспекторов и медицинский персонал. Наше желание — не смешивать политическую игру с жизнью живых людей! В ту же минуту, как вы согласитесь на прекращение огня и на отвод вашего флота настолько далеко, чтобы он не мог нам угрожать, в эту же самую минуту наши спасательные отряды направятся к Скорпулене.»

Палата была чистой, с достаточным количеством обслуживающего персонала, но в нее пришлось поместить сорок человек и здесь не было экрана — впрочем, местная программа и не заинтересовала бы большинство из больных. Так что у них не было другого развлечения, кроме радио и болтовни. Большинство предпочитало последнее.

Вскоре Рошфор попросил принести ему пару наушников для того, чтобы он мог читать принесенные ему книги.

Таким образом, Филипп отключился от разговоров. Он вернулся к окружающей действительности лишь тогда, когда кто-то тронул его за плечо. «Ах,— подумал он.— Уже ленч?» Он поднял глаза от «Людей Ганалы» и увидел Табиту.

Сердце дрогнуло в его груди и куда-то провалилось. У Рошфора так тряслись руки, что он едва смог снять наушники.

Табита стояла среди шума и антисептических запахов так, как будто рамой для нее служило открытое окно, голубизна не-

ба и цветение весны. Простой комбинезон скрывал ее фигуру. Даже по лицу Табиты было заметно, как она похудела. Скулы выступали отчетливее под потемневшей кожей, а волосы выгорели под солнцем более ярким, чем солнце Грея.

— Табби,— прошептал он и потянулся к ней.

Она подержала его руку в своей, но сжимая ее, почти не улыбалась.

— Хелло, Фил,— сказала она знакомым грудным голосом.— Ты выглядишь лучше, чем я ожидала, когда мне сказали, что ты здесь!

— Ты бы посмотрела на меня вначале.— Он плохо слышал собственный голос.— Как ты? Как все?

— Я — хорошо. Большинство из тех, кого ты знаешь, — тоже! Драун и Найссан погибли.

— Мне жаль,— солгал он.

Табита отпустила его руку.

— Я бы пришла раньше,— сказала она,— но пришлось ждать отпуска и потом немало времени ушло на то, чтобы проверить длинный список пациентов, перевезенных сюда. У нас еще много проволочек и неорганизованности.— Глаза ее были зелеными и серьезными.— Я была уверена, что ты на Авалоне, живой или мертвый. Хорошо, что живой.

— Как же я мог остаться вдали от тебя?

Она смежила веки.

— Как твое здоровье? Персонал слишком занят, чтобы хорошо ухаживать за всеми.

— Когда я немного окрепну, меня заберут в регулярный имперский госпиталь, чтобы заменить печень. На это может уйти год, целый земной год. Обещают, что я выздоровею.

— Великолепно! — Тон ее голоса был почти официальным.— С тобой здесь хорошо обращаются?

— Насколько это возможно. Конечно, компания не очень подходящая, а врачи и помощники не могут остановить их болтовню. Я был чертовски одинок, Табби, пока ты не пришла.

— Я постараюсь навестить тебя снова. Ты же понимаешь, что я постоянно занята, а большую часть времени вынуждена проводить в Сен-Ли на службе.

Слабость охватила его. Филипп опустился на подушки, руки его упали на одеяло.

— Табби... ты согласилась бы подождать этот год?

Она медленно покачала головой и снова глянула на него.

— Может быть, мне следовало притвориться, пока ты не станешь достаточно здоровым, Фил. Но я не слишком умна для этого, не слишком умею притворяться, а кроме того, ты заслуживаешь лучшего отношения.

— После того, что я сделал...

— После того, что я сделала.— Она наклонилась и положила руки на его плечи.— Нет, мы не позволим ненависти встать между нами, правда?

— Тогда не можем ли мы оба простить?

— Я думаю, что мы уже сделали это. Когда боль умерла

там, где я ее чувствовала, и я снова смогла думать, я поняла, что больше ничего не осталось. Дружба, уважение, воспоминания... Но это все!

— Разве этого недостаточно... чтобы начать все снова?

— Нет, Фил! Теперь я понимаю тебя лучше. Если бы мы попытались начать сначала, я знаю, что сделала бы с тобой рано или поздно. Я этого не хочу.

Табита нежно поцеловала Рошфора и встала.

Они еще немного поговорили, а потом она попрощалась под предлогом, что ему нужен отдых.

Когда Табита ушла, Фил надел наушники, чтобы не слышать палатных разговоров, и закрыл глаза.

«Вероятно, она права,— думал он.— И моя жизнь не кончена. Надеюсь, я преодолею и это.»

Он вспомнил девушку из Флервиля и понадеялся, что когда закончится война, он попадет в госпиталь на Эсперанса.

Табита остановилась перед зданием больницы, держа в руках гравипояс. Силуэт здания враждебной громадой высился на фоне очертания Грея.

Она вспомнила протесты, которые раздались, когда Марчварден Холм рассредоточил все промышленные, военные и медицинские объекты. Тогда возобновление битвы казалось неизбежным, и комментаторы говорили: то, что он приказывает делать, слишком ничтожно, чтобы спастись от бомбардировки, и слишком громоздко, если страхи окажутся напрасными.

«Мы делаем, что можем»,— ворчал он и вопреки всем провел свой проект в жизнь.

Это означало, что офицеры домашней охраны вынуждены были ему повиноваться. Они знали, что он и вправду беспокоиться об этих людях, о заболевших землянах, чья боль заставила умолкнуть оружие. Табита стояла на склоне пологого холма, покрытого ковром смарагдинов, розовыми кустами и чашами будды. Отсюда открывался вид на город и сверкающий залив Фалькайн.

Ароматный ветер гнал маленькие, словно ватные, облака. Она вдыхала в себя его прохладу.

После Экватории он казался просто целебным. Табита почувствовала удивительную пустоту внутри.

Зашелестели крылья. Рядом с ней кто-то опустился.

— Доброго полета тебе, Хрилл,— сказал женский голос.

Табита вздрогнула. Кто это?

— Айат! Доброго тебе приземления!

«Как монотонен ее голос, как тускло ее оперение. Я не видела ее с того дня на острове...» Табита взяла в обе руки ее когтистую ручку.

— Просто удивительно, дорогая! Как ты?

Поза Айат и мембраны, прикрывавшие глаза, были ей ответом. Табита обняла ее.

— Я искала тебя,— пробормотала Айат.— Я провела битву дома, а потом я пасла стада, потому что нуждалась в оди-

ночестве. А кроме того, стране было нужно мясо.— Она прильнула головой к животу Табиты.— Потом я освободилась и отправилась на поиски...

Табита все гладила и гладила ее по спине.

— Я узнала, где ты служишь, и о том, что ты говорила, будто собираешься остановиться в Грее во время отпуска,— продолжала Айат.— Я ждала. Я расспрашивала в отелях. Сегодня мне сказали, что ты здесь. Я подумала, что ты должна прийти сюда.

— Что я могу сделать для тебя, подруга по цели, лишь скажи мне?

— Это трудно.— Айат, не поднимая глаз, до боли сжала руки Табиты.— Аринниан тоже здесь. Он работает в штабе своего отца. Я искала его и...— Звук подавленного рыдания, хотя итриане не плачут.

Табита догадалась:

— Он тебя избегает?

— Да. Аринниан пытается быть добрым со мной. Это самое худшее — то, что ему приходится заставлять себя...

— После того, что случилось...

— Кр-а-ах! Для него я уже не та.— Айат собрала все свои силы.— И для себя. Но я надеюсь, что Аринниан понимает лучше, чем я.

— Неужели он единственный, кто может помочь? А как твои родители, сиблинги, товарищи по чосу?

— Они ко мне не изменились. Отчего им было меняться? Во Вратах Бури то, что случилось со мной, считается простой неудачей, а не позором или ущербностью. Они не могут понять моих переживаний.

— А ты чувствуешь себя так из-за Аринниана, понимаю.— Табита посмотрела вдаль. В этот прекрасный день особенно остро ощущалось биение жизни.— Что я могу сделать?

— Не знаю. Может быть, ничего. И все же, если бы ты могла с ним поговорить... объяснить... попросить у него за меня прощения...

В груди Табиты всколыхнулась волна гнева.

— Попросить? У него? Где он?

— На работе, наверное. Его дом...

— Я знаю адрес.— Табита выпустила ее из объятий и выпрямилась.— Пойдем, девочка, хватит разговоров. Сегодня прекрасный день для полета, и у меня с собой все, что нужно, а когда день кончится, я останусь с тобой там, где ты окажешься. Я посмотрю, как ты засыпаешь.

...Опустился сумрак, мазнул шафраном по серебристой глади воды, зажег ранние звезды. Табита приземлилась возле двери дома Аринниана. Окна были освещены. Она не стала пользоваться звонком, а просто постучала.

Он открыл. Табита увидела, что он тоже похудел. Волосы цвета черного дерева казались особенно яркими в сочетании с изможденным лицом.

— Хрилл! — воскликнул он.— Я никак... я не мог... проходи же, проходи!

В комнате царил беспорядок. По-видимому, ею пользовались только для того, чтобы спать и есть. Аринниан неуверенно подошел к ней. Их разговоры были короткими, чисто деловыми, и общались они только по фону, пока не началась новая битва. После этого они знали только о том, что обы живы, и это все.

— Я... я рад тебя видеть, Хрилл,— выдохнул он.

— Не уверена, чувствую ли я то же самое,— сухо отозвалась она.— Сядь. Я хочу хорошенько щелкнуть тебя по носу, глупая ты голова!

Некоторое время он продолжал стоять, потом повиновался. Табита увидела, как напряжен ее друг, и вдруг растеряла все сердитые слова. Текли минуты, а они молча смотрели друг на друга.

Дэннель Холм сидел перед тремя экранами, на которых виднелись изображения Льзу из Тарна, Мэттью Винери из Парламента и Хуана Кайала из Империи. Четвертый экран только что потемнел. Он передал записанное на пленку сообщение Треувея, высшего Вивана Итри, который умолял Авалон сдаться прежде, чем случится самое худшее, и всему Доминиону будут продиктованы самые жесткие условия Империи.

— Вы слышали, господа? — спросил Кайал.

— Мы слышали,— ответил Льзу.

Холм ощущал биение пульса в груди и висках. Он не то что ускорился, но превратился в громкое и твердое тиканье.

Ему страшно хотелось сигару — но нет, сейчас это недоступно, или выпить — но это нежелательно, а лучше всего было бы проспать год, и чтобы никто не тревожил! «Во всяком случае,— пронеслось у него в голове,— мы в лучшей форме, чем адмирал. Если мне когда-то и приходилось видеть голову мертвеца, то именно на этих плечах».

— Что вы говорите? — голос Кайала был голосом старика.

— Мы не испытываем желания драться,— объявил Льзу,— или усиливать страдания наших братьев. И все же мы не можем предать свой народ, проявивший к нам такое доверие.

— Марчварден Холм?

— Вы не посмеете возобновить нападение, пока здесь находятся ваши люди,— жестко сказал человек.— Я не хочу сказать, что мы станем их держать вечно. Я говорил вам раньше: мы не заключаем политических сделок, спекулируя судьбой мыслящих существ. И все же время и обстоятельства их освобождения должны быть хорошо продуманы.

Кайал перенес взгляд на следующий экран.

— Президент Викери?

Политик сопровождал свой ответ улыбкой.

— События вынудили меня изменить свое мнение в отношении стратегической картины, адмирал! Я остаюсь твердым в оппозиции к абсолютистским интересам. Мой уважаемый коллега, губернатор Саракоглу, всегда производил на меня большое впечатление своей благоразумностью. Вы недавно вер-

нулись с продолжительных переговоров с ним. Несомненно, в них принимало участие много умных, хорошо информированных особ. Неужели нет возможности достичь компромисса?

Кайал вздохнул.

— Я могу каждый день вести бесконечные споры,— сказал он.— Что толку? Я использую данные мне полномочия, чтобы сообщить вам те условия, которые мне предложено сообщить.

Холм крепко вцепился в ручки кресла.

— Губернатор указал, что можно рассматривать Авалон как уже согласившийся с большим числом условий перемирия,— продолжал адмирал.— Его орбитальные укрепления больше не существуют. Его флот, как и было предложено, являет собой ряд отдельных звеньев, не имеющих для вас особого значения. Но что самое важное, имперские соединения находятся сейчас на вашей планете! Не остается ничего, кроме нескольких формальностей технического характера. Наши раненые и наши медики могут получить название оккупационных сил. За вашими военными приспособлениями может быть установлен надзор: один-два человека на кажкой стадии могут провести соответствующие переделки и взять их под контроль. И так далее. Вам должна быть понятна основная мысль.

— Спасение чести,— буркнул Холм.— Угу. Почему бы нет? А что потом?

— Необходимость сформулировать условия мира остается в силе,— произнес измученный голос.— Могу сказать вам под строгим секретом, что губернатор Саракоглу послал в Империю самые настоятельные рекомендации относительно неаннексирования Авалона.

Викери начал было что-то бормотать.

Льзу сидел как каменный.

Холм перевел дыхание и откинулся на спинку кресла.

Они это сделали. Им удалось.

Разговоры, конечно, будут продолжаться и дальше, с бесконечными кивками. Неважно! Авалон останется итрианским — останется свободным! «Я мог бы зарыдать,— подумал он.— Может быть, потом, а сейчас я слишком устал».

Огромным счастьем, спокойным и глубоким, было сознание того, что сегодня он сможет отправиться домой, к Ровене!

Не было никаких откровений, драматических признаний и примирений, но определенный час врезался в память Аринниана.

Его работа у отца перестала быть всепоглощающей. Он обнаружил, что у него опять появилось свободное время — он его заработал и теперь может опять вернуться к занятиям. Потом Аринниан решил, что нет ничего более непрактичного, чем практичность, неверно употребленная.

Табита согласилась с ним. Она тоже стала свободней, но вынуждена была вернуться на свой остров и заняться приведением в порядок дел — не столько своих, сколько семьи своего Драуна, своего друга и компаньона. Аринниан же все еще оставался на Грее.

Он позвонил Айат в комнату, которую она снимала.

— Ты бы не хотела немного поплавать?

— Да,— ответила она с готовностью.

Погода была неважной.

Когда лодка оставила бухту, пошел дождь. Над оливково-темными волнами низко летали чайки. Волны вздымались под нависшим небом и вновь опускались, поднимая брызги, которые потом бежали по спине холодными струями.

— Стоит ли плыть дальше? — спросил Аринниан.

— Я бы хотела.— Взгляд Айат искал Землю, избегая его взгляда. Вокруг не было видно ни кораблей, ни флайеров.— Так приятно побыть здесь одним.

Аринниан кивнул. Он отдохнул, волосы его вновь блестели, лицо было свежим.

Она посмотрела на него поверх разделявшей их кабины.

— Ты что-то хочешь мне сказать? — произнесла Айат с помощью двух слов и перьев.

— Да.— Тиллер дрогнул в его пальцах. Планха освобождал его от необходимости произносить еще какие-то слова.

— Мой товарищ по цели, мой товарищ по цели,— вздохнула она.— Я рада.— Она распростерла крылья к нему и сразу же их убрала.

— Навсегда,— сказал он с благоговением.

— Я не желала бы для тебя ничего лучше, чем Хрилл,— проговорила Айат и, придвинувшись немного ближе, сказала: — Но что-то тебя волнует?

Он закусил губу. Айат ждала.

— Скажи мне,— он слегка подался вперед, глядя на палубу,— ты видишь нас со стороны. Достоин ли я Табиты?

Она ответила не сразу. Удивленный тем, что Айат молчит, Аринниан поднял глаза. Он-то думал услышать безоговорочное «да»! и теперь не осмеливался прервать молчание девушки.

Волны гудели, дождь швырялся водяными струями.

Наконец Айат сказала:

— Я верю, что она сделает так, что ты сможешь!

Аринниан почувствовал боль. Айат, смутившись, стала извиняться, что сказала не совсем то, что хотелось.

— Мне давно казалось,— сказала она,— что тебе нужен кто-то вроде Хрилл, чтобы показать тебе... как то, что неверно для моего народа, верно и полно смысла жизни для вашего.

Аринниан собрал все свое мужество, чтобы ответить ей:

— Я просто ревновал раньше! Это есть и сейчас. Будет, может быть, до самой моей смерти. Я не могу побороть это в себе. Айат, сестра моя, то, что она — не ты, а ты — не она — это так хорошо! И так замечательно, что вы обе — то, что вы есть!

— Она дала тебе мудрость,— итрианка сгорбилась под дождем.

Аринниан увидел ее печаль и воскликнул:

— Позволь мне продолжить! То, что произошло с тобой...

Айат подняла голову и зло глянула на него.

— Было ли это хуже, чем то, что произошло с ней? — бросила она с вызовом.— Я не хочу, чтобы меня жалели из-за

глупости в прошлом, но я действительно считаю, что судьба моя была гораздо тяжелее, чем ваша. Годы ушли напрасно из-за того, что я думала, будто физическая любовь может быть дурной.

— Айат, теперь мы можем сказать друг другу правду. Я хочу, чтобы ты разделила со мной надежды.

Она спрыгнула с кабины, подошла к нему и обняла крыльями. Голову она положила ему на плечо. Капли дождя блестели на ее гребешке, словно это была корона.

Договор был подписан во Флервиле в один из поздних зимних дней. Церемонии были самыми скромными, и итрианская делегация отбыла почти в тот же самый час.

— Они не были разгневаны,— объяснил Экрэм Саракоглу Луизе Кайал, не захотевшей присутствовать при подписании.— Итриане принимают потерю философски. Но мы не можем просить их придерживаться наших взглядов.— Он потянулся за сигаретой.— Честно говоря, сам я был только рад избавиться от этих проволочек!

Собственно, губернатор сделал заявление по телевидению и избежал всяческих церемоний. Хотя общество, подобное эсперанскому, имело обыкновение отмечать формальное окончание периодов враждебности долгими парадами и долгими хвалебными службами.

Все это было позади. Погода продолжала оставаться прохладной. Луиза согласилась пойти пообедать. Она сказала, что отец нездоров. Хотя Саракоглу любил и уважал этого человека, известие о его болезни сейчас не слишком расстроило его.

Они прошли в сад, как часто делали это раньше. Вокруг расчищенных тропинок снег белел на клумбах и кустах, на вершине стены он уже начинал таять. Кое-где вода собиралась в ручейки. Никаких цветов не осталось, воздух хранил холодную сырость, небо было мрачно-серого цвета. Под ним царила такая тишь, что звуки шагов казались неправдоподобно громкими.

— Кроме того,— добавил Саракоглу,— было большим облегчением видеть, как Авалон и его когорта грузилась на свой корабль. Люди из секретной службы, которых я нанял для охраны, тайно ликовали!

— Вот как? — Луиза посмотрела вверх, и он залюбовался ее блестящими глазами, чуть вздернутым носом, губами, как всегда немного приоткрытыми, как будто в детском изумлении.— Я знаю, что против них было высказано несколько анонимных угроз. Вы поэтому беспокоились?

Он кивнул:

— Я хорошо знаю свой драгоценный Эсперанса. Вы и сами достаточно навидались и наслушались разговоров об «оголтелых милитаристах».

Губернатор подумал: интересно, меховая шапка скрывает его лысоватость или напоминает о ней? Может, следовало решиться на скальповую операцию?

Встревоженная, Луиза спросила:

— Забудут ли они когда-нибудь... обе стороны?

— Нет,— ответил он.— Но острота ощущений уйдет. У нас слишком много общих интересов, у Земли и Итри, чтобы превращать семейную схватку в кровавую вражду. Во всяком случае, я на это надеюсь.

— Мы ведь были более великодушны, чем бывают победители? Ведь правда? Мы позволили им сохранить Авалон! Разве это не считается?

— Должно считаться.— Саракоглу сухо усмехнулся, последний раз затянулся сигаретой и отбросил ее в сторону.— Хотя всем понятно, что в игру вовлечены вопросы практической политики. Авалон доказал свою неудобоваримость. Аннексия вызвала бы бесконечные неприятности, тогда как сейчас им положен конец. Более того, при таких условиях Империя выигрывает некоторые ценные пункты, которые помогут торговле. В противном же случае настаивать на них было бы просто невозможно.

— Я знаю,— сказала она чуть нетерпеливо.

Он усмехнулся:

— Вы также знаете, что я люблю слушать собственные разглагольствования.

Вид у нее был задумчивым:

— Я бы хотела посетить Авалон.

— Я тоже. Особенно с точки зрения социологических интересов. Мне интересно, не является ли эта планета знамением будущего?

— Каким образом?

Он продолжал медленно идти вперед, не забывая о том, что ее рука покоится в его. Внутренне усмехнувшись, Саракоглу начал говорить:

— Из-за барасиальной культуры, которую они создают. Или которая создает себя. Нельзя планировать или направлять новое течение в истории. Мне интересно, не явилось ли это источником их сопротивляемости... как сплав или двухфазовый материал, во много раз более крепкий, чем любая часть, из которой он составлен. У нас есть Галактика, Космос, полный...

«Боже! Что за путаница из метафор, включая и эту!» — пронеслось в его мозгу. Усмехнувшись про себя, он закончил:

— Я вовсе не считаю, что пришел к какому-то правильному решению. Я не предполагаю даже, что встречу фактическое подтверждение тому, что Авалон должен быть оставлен Итри.

— Как же это так? — недоуменно спросила Луиза.— Вы ведь сами только что сказали, что это был единственный путь!

— Конечно, может быть, я всего лишь выражал естественный пессимизм человека, выполнившего задание Правительственного Дома менее чем удовлетворительно. И все же от раздумий никуда не денешься. Авалоняне, обе расы, похоже, считают себя более итрианами, чем жители самого Итри. Мне кажется, что будущие поколения их дадут Доминиону несоразмерно большую долю руководителей, особенно адмиралов. Будем надеяться, что они не принесут с собой добавочный груз —

реваншизм! И в мирных условиях Авалон, единственный по своей уникальности мир, несомненно может дать много большее, чем свою долю в торговле — он может дать свой мозг! И последствия предвидеть невозможно.

Она сильно сжала его руку.

— Ваши слова заставляют меня радоваться тому, что я не политик!

— Но ваша радость тому, что вы не политик, не может и наполовину быть равной той, которую я испытываю по этому же поводу,— сказал он.— Давайте же оставим эту важную тему. Давайте поговорим о вашей поездке на Авалон. Я уверен, что это можно устроить через несколько месяцев.

Луиза повернулась и посмотрела прямо ему в лицо. Потом она отвернулась снова. Прошла минута, а девушка все молчала.

— В чем дело? — спросил Саракоглу, испугавшись.

— Я уезжаю, Экрэм,— сказала она.— Скоро и навсегда!

— Что? — он едва сдержался, чтобы не схватить ее за руку.

— Отец! Сегодня он послал прошение об отставке.

— Я знаю, что он... был подвергнут низким обвинениям. Помните, я писал в адмиралтейство Центра?

— Да. Это было очень мило с вашей стороны.— Она снова встретилась с ним взглядом.

— То был не просто мой долг, Луиза,— страх не оставил его, но он был рад тому, что говорит твердо. Ему даже удалось улыбнуться.— Империи нужны хорошие люди, честные люди. Никто не мог бы предугадать ужас Скорпелуны, никто не мог бы потом сделать больше, чем сделал Хуан Кайал. Обвинять его, отдавать под суд, несомненно, бессмысленно, и я уверен, что ничего этого не произойдет.

— Но он сам себя винит,— Луиза тихо заплакала.

«На это у меня ответа нет»,— подумал Саракоглу.

— Мы возвращаемся в Нью Мехико,— сказала она.

— Я понимаю, что ему должно было быть невыносимо трудно,— попытался объяснить он.— Но должны ли ехать вы?

— Кто еще у него есть?

— Я. Возможно, мне удастся получить пост на Земле и...

— Мне жаль, Экрэм,— тень от ресниц упала на нежные щеки.— Земля тоже не подойдет. Я не позволю ему мучиться одному. Дома, среди ему подобных, отцу будет легче.— Луиза не слишком уверенно улыбнулась ему и кивнула.— Нам подобных! Я тоже стосковалась по дому. Навестите нас как-нибудь.— Она старательно подбирала слова.— Я, конечно, выйду замуж. Думаю, вы не будете возражать, если я назову сына в вашу честь?

— Что вы, это такая честь, которую не могла бы мне дать Империя, повесь она на мою грудь все возможные награды,— автоматически ответил он.— Не пройти ли нам в дом? Сейчас как раз время для коктейлей. К тому же, у нас особый случай.

«Что ж,— думал он сквозь щемящую боль,— дивная мечта — приятная гостья, но теперь я свободен от обязанностей хозяина. Я могу расслабиться и насладиться играми в губерна-

торство, рыцарство, высокородство, лорда-советника, государственного деятеля на покое, пишущего мемуары. Завтра я должен использовать последний шанс в разговоре с леди. В конце концов средний возраст бывает только раз в жизни!»

В Грее было лето, когда известие достигло Авалона. Неуверенность не проходила — кто может полностью доверять Империи? Но потом радость взяла свое и вылилась в общее празднество. Птицы, Кристофер Холм и Табита Фалькайн, скоро оставили веселье. Соглашение, церемония, празднество могли подождать.

Они решили, что ночь окончательного мира станет их брачной ночью, но не стали спешить. Это не было в обычаях чоса.

Двое ищут способа, как стать единым целым в их мире, их судьбе, их смерти.

За северными землями холмы были еще ненаселенными, хотя растения, чьи семена прибыли с пионерами, давно уже перестали быть чужими. Крис и Табби приземлились на закате, красные и золотые лучи сверкали над спокойным морем.

Они разбили лагерь, поели, выпили по маленькому бокалу вина и поцеловались. Потом рука об руку пошли по тропинке, ведущей к гряде. Слева от них земля, густо покрытая травой, круто обрывалась к воде. Это сверкающее, уходящее к горизонту безмолвие казалось вдали фиолетовым, почти черным. Среди дремлющих созвездий поднялась Вечерняя звезда. Справа от них был лес, темнеющий, наполненный сладковатым запахом сосны. Теплый ветерок перебирал листья.

— Айат? — спросила она.

— Дома,— ответил он.

Его тон и то, как он скользнул губами по светлеющим в полутьме волосам, сказали ей: «Я должен исцелить ее, как ты исцеляешь меня, дорогая». Пальцы Табиты, тронувшие его щеку, ответили: «Я радуюсь...»

И все же Аринниан почувствовал ее вопрос. Он подумал, что знает, в чем дело. Этот вопрос возникал и в нем самом: но он — читатель, философ, поэт — смог вопрошать столетия лучше, чем она, чьим даром было понимание настоящего.

Крису не нужно было, чтобы она произнесла его вслух. Достаточно этого часа, и она будет здесь и его.

Поднималась Моргана, усеянная темными пятнами и менее яркая, чем раньше, — так велики были ее раны. Табби остановилась.

— Стоила ли она этого? — спросила она.

— Война, ты имеешь в виду? — проговорил он.

— Да.— Она высвободила руку.— Посмотри! Посмотри на наш мир, на эти солнца — везде смерть, увечья, агония, траур, руины. Везде потери, о которых мы расскажем своим детям. И все это ради политики.

— Я тоже спрашиваю себя,— признался он.— Вспомни, однако, что мы сохранили для детей нечто такое, что они иначе потеряли бы. Мы сохранили их право быть самими собой.

— Ты имеешь в виду, быть теми, кем являемся мы? Пред-

положим, мы бы потерпели поражение. Мы были так близки к этому! Следующее поколение выросло бы в благоразумных, умеренных подданных Империи. Разве нет? Так имели ли мы право делать то, что мы сделали?

— Я пришел к выводу, что да,— сказал он.— Дело не в том, что существует какой-то простой принцип или что я не могу ошибиться. Но то, чем мы являемся, наше общество или культура или как хочешь назови их, имеют собственную жизнь и собственные права.— Он перевел дыхание:— Ненаглядная моя! — сказал он.— Если общества не будут сопротивляться окружению, они скоро будут проглочены самыми большими и прожорливыми. Разве нет? И восторжествует смертоносное подобие. Никаких вызовов, никаких отклонений от других путей. Какую службу сослужило все это жизни, позволь мы этому случиться? И ты знаешь, вражда не должна быть вечной. И у губернатора Саракоглу, например, и у адмирала Кайала есть прародители на противоположных сторонах Лапанто.— Он видел, что она не поняла его слов, но следует общему течению мыслей.— Суть в том, что обе половины наступали, обе сопротивлялись, обе выжили, чтобы что-то дать расе, нечто особое, что не может быть дано никем и ничем другим. Можешь ли ты поверить в то, что здесь, на Авалоне, мы спасли часть будущего?

— Испачкавшись в крови,— сказала Табита.

— И это не было необходимо,— кивнул он.— Но все же, принимая во внимание, что мы такие, какие мы есть, это было неизбежным. Может быть, когда-нибудь где-нибудь путь будет лучшим. Может быть, даже это наше «я», крылатое и бескрылое одновременно, поможет нам. Мы можем попытаться, конечно.

— И у нас есть на некоторое время мир,— прошептала она.

— Разве не можем мы быть в нем счастливы? — спросил он.

Тогда она улыбнулась сквозь блестящие в лунном свете слезы и сказала:

— Да, Крис, Аринниан, самый дорогой на свете,— и потянулась к нему.

Айат оставила Грей до наступления зари. В этот час после отступления ночи в ее распоряжении было Небо.

Поднявшись, она поймала ветер и помчалась в его течении. Он струился и пел. Последние звезды, опустившаяся Луна, превращали море и Землю в таинственный мир. Впереди, на белом фоне, ясно поднимались горы и дома. Было холодно, но этот холод лишь вливал жизнь в кровь Айат.

Она подумала: «Он, который заботился обо мне, который утешал меня, разделяя со мной эту честь. И этого довольно».

Мускулы ее танцевали, крылья били, до краев наполненные жизнью. Планета летела навстречу утру.

«Мой брат, моя сестра нашли свою радость. Пусть и я найду свою!»

Пламя залило снежные пики. Солнце встало, выплеснув на все, что было внизу, свет жизни.

«Высоко Небо и священно!»

ПРАВО ПЕРВОРОДСТВА

Такси, пробившись в просвет между машинами, село на крышу Воздушного перекрестка. Эмиль Далмэди расплатился и вышел.

Когда такси удалилось, он внезапно почувствовал себя очень одиноким. Вокруг в теплой и глубокой синеве летних сумерек благоухал парк; звуки Объединенного Чикаго с этой высоты были шепотом далекого океана; дома-башни и воздушные дороги между ними — лесом, по которому пролетали светлячки — аэрокары, а там, внизу,— словно Земля стала прозрачной насквозь — фантастические скопления звезд-фонарей вспыхивали и тасли в необозримой дали. Только массивный особняк, высившийся впереди на крыше, казался холмом, где устроил свою берлогу медведь-гризли.

Далмэди расправил плечи. Держись, сказал он себе. Он же тебя не съест. Ярость вновь овладела им — ты и сам можешь его съесть. Он резко двинулся вперед: коренастая, крепко сбитая фигура, обтянутая синим костюмом на молниях, крупные черты лица и высокие скулы, вздернутый нос, серые глаза и слегка откинутые назад темно-рыжие волосы.

Но как бы он не ожесточал себя, ясно было одно — он не готов был к встрече с одним из торговых королей Политехнический Лиги, да еще в его собственном доме.

И когда Далмэди встретил настоящий дворецкий и он пересек пространство невероятно длинного ковра, протянувшегося до противоположной стены роскошной гостиной, обставленной с нарочитой небрежностью, и оказался лицом к лицу с Николасом ван Рийном, горло его перехватило и ладони вспотели.

— Добрый вечер,— прорычал хозяин.— Прошу.— Его массивное тело не оторвалось от кресла.

Далмэди не возражал. Не только вес, но и собственный рост словно сделали его лилипутом.

Ван Рийн махнул рукой в сторону стоявшего напротив стула; другая рука сжимала литровую кружку с пивом.

— Садитесь. Расслабьтесь. Вы, похоже, дрожите, как бланманже перед стрелковым взводом. Что вы пьете, курите, жуете, нюхаете или еще что там делаете, чтобы отвлечься?

Далмэди опустился на краешек стула. Лицо ван Рийна с большим крючковатым носом, множеством подбородков, усами и козлиной бородкой, обрамленное темными локонами до плеч, скривилось в усмешке. Маленькие черные глазки под нависшими бровями сверкнули на посетителя.

— Расслабьтесь,— настойчиво повторил он.— Пропустите

чего-нибудь для принятия формы. Конечно, удовольствия от этого меньше, чем от объятий прелестной девушки, но и меньше изнуряет, а? Думаю, стаканчик джина со льдом пойдет вам на пользу.— Он хлопнул в ладоши.

— Сэр,— начал Далмэди, и от напряжения голос его прозвучал резко,— я не хотел бы показаться неблагодарным, но...

— Но вы явились на Землю, изрыгая огонь и камни, как бык, преследующий корову, прошли сквозь шесть эшелонов самых твердокаменных в компании секретарей и служащих, которые слова лишнего не скажут. Вы требовали показать вам ту глиняную башку — чья бы она ни была,— что додумалась уволить вас после всех ваших свершений. Никому ничего не удалось объяснить. Беда в том, что они никак не думали, что вы не знаете простых вещей, которые сами собой разумеются. Так что понятно, их слова звучали для вас, как топот вспугнутой дичи, и вы ураганом отлетали от одних и налетали на других.

Ван Рийн предложил сигару из золотого ящичка, о происхождении которого Далмэди мог сказать только то, что он сделан не людьми. Молодой человек покачал головой. Торговец выбрал себе сигару, откусил кончик, ловко выплюнул его в мусороприемник, прикурил и с удовольствием затянулся.

— Итак,— продолжал он,— кто-то разобрался с вами в конце концов, тогда только я узнал о вас и назначил эту встречу. Мне надо было поговорить с вами в любом случае. Теперь я сделаю все ясным и прозрачным, как индийское масло.

Его радушие было почти столь же безграничным, как и ярость, если только легенды о нем были правдой. А ведь он мог бы обрушить на меня громы и молнии, подумал Далмэди и, цепляясь за свое возмущение, ответил:

— Сэр, если ваша компания недовольна моим поведением на Сулеймене, можно было хотя бы объяснить почему, а не ограничиваться кратким извещением, что меня заменяют и я должен представить отчет в штаб. Если вы не можете доказать, что я плохо работал, я не приму понижения в должности. Это для меня вопрос чести, а не служебного положения. Подумают, каким образом я ушел отсюда. Я подам в отставку. И... в Лиге есть множество компаний, которые с радостью примут меня.

— Верно-верно, хотя я поставил столько свечей святому Дисмасу.— Ван Рийн окутал Далмэди облаком дыма.— Они всегда стараются перехватить моих сотрудников, которые еще не давали присяги,— будто воры. А я, бедный, старый, одинокий толстяк, все делаю, чтобы не перехватили мой персонал, который разбросан по стольким мирам,— даже при современной компьютерной технологии мозги мои плавятся от переутомления, а среди помощников очень мало таких, у кого мозги работают без скрипа, так что приходится заманивать хороших работников откуда-то еще.— Он отпил большой глоток пива.— Фу.

— Полагаю, вы читали мой отчет, сэр,— разыграл свой гамбит Далмэди.

— Сегодня. Так много информации приходит через столько световых лет — как может эта усталая старая башка вместить все, чтобы эта информация не полезла из ушей? Позвольте мне для пущей уверенности заглянуть в свой тессеракт. Это значит — хо, хо! — сразу в четырех измерениях.

Ван Рийн поглубже вдавился в кресло, соединил кончики волосатых пальцев и закрыл глаза. Появился дворецкий с огромным шипящим и дымящимся кубком. «Если это значит немного выпить...» — подумал Далмэди. Помрачнев, он сделал над собой усилие, чтобы усидеть на месте, и отпил маленький глоток.

— Теперь приступим к делу.— Сигара покачивалась в такт словам.— Эта звезда, которую ее открыватель назвал Османом, лежит по ту сторону Антареса, в дальнем углу нынешней сферы влияния Лиги. Одна планета обитаема, люди называют ее Сулейменом. Она юпитерианского типа; основа жизни — водород, аммиак, метан; туземцы примитивны, но дружелюбны. На самом большом континенте есть растение, которое у нас называется... хм-м-м... голубые флажки, туземцы его употребляют как приправу и тоник. Анализ показал сложную смесь химических элементов — соответствует некоторым нашим гормонам с синергическим эффектом. Для кислорододышащих не годится, но каким-нибудь водорододышащим продавать можно. Итак, мы нашли очень мало рынков сбыта — по крайней мере там, где нам могут предложить взамен что-нибудь подходящее. Надо иметь особую биохимию, чтобы голубые флажки пошли нам на пользу. Итак, синтез обошелся бы нам дороже, считая основные капиталовложения и доставку грузов из центральных химических лабораторий, чем прямой сбор урожая туземцами на Сулеймене, оплаченный промышленными товарами. Рассмотрев все это, можно увидеть, что прибыль тут небольшая. Даже крошечная — операция в целом чертовски близка к пределу,— но пока все идет спокойно, почему не пустить в оборот несколько честных кредитов? И все шло спокойно, и весьма долгие годы. Туземцы прекрасно выполняли работу, доставляя голубые флажки на склад. Внешний торговый флот был на том участке Млечного Пути, где мы не вкладывали капитал в собственные корабли, и мы заключили контракт с грузовыми линиями о регулярном заходе судов. О да, время от времени случались неприятности — неурожай, бандиты захватили караван, местные правители запрашивали чрезмерную плату — обычные вещи, которые всякий компетентный посредник может уладить на месте, не докладывая об этом каждый раз и не докучая мне. А потом... Ахмед, еще пива!.. настоящий провал. Лучший рынок сбыта голубых флажков — на планете под названием Бабур. Ее звезда, Могол, находится в том же районе, около тридцати световых лет от Османа. Ее самая развитая страна на протяжении десятилетий имела дело с Технической цивилизацией. Стремясь к прогрессу, они заинтересовались робототехникой

и в конце концов набрали достаточно межпланетной валюты, чтобы заказать строительство нескольких кораблей с гипердвигателями и подготовить экипаж. Теперь Федерация Солнечной системы и другие власти стали обходиться с ними немного повежливей. Бластерная пушка и ядерные ракеты определенно улучшают манеры, черт возьми! Они — еще мелкие сошки, но честолюбивы. И для них, с их большими внутренними потребностями, голубые флажки — это не пустяк.— Ван Рийн подался вперед, изъяв свое вышитое одеяние, в которое облечено было его брюхо.— Вы хотите знать, зачем я говорю вам то, что вы и так знаете, а? — спросил он.— Когда мне нужен точный отчет о положении, особенно в таком малоизвестном мире, как Сулеймен, я не могу штудировать все отчеты, поступившие за десятки лет. Прочитанные сведения для меня абстракция. Я сверяю с вами, человеком оттуда, дала ли мне машина все, что важно для нашей беседы. До сих пор я был точен?

— Да,— сказал Далмэди.— Но...

Ивонна Вэлланкур смотрела поверх консоли, как посредник вошел в открытую дверь ее лаборатории.

— Что случилось, Эмиль? — спросила она.— Я слышала, как ты все время ходишь внизу.

Далмэди остановился и взглянул на нее. Внутри базы с земными условиями одежда обычно сводилась к минимуму, но как бы ни примелькались ему шкуры обитателей, ее внешность он всегда выделял. Быть может, думал он, ее белая фигура производила на него особое впечатление потому, что он родился и вырос на Алтее. Колонисты этой холодной планеты в силу необходимости ходили в тяжелой, плотной одежде. Та же необходимость выжить вынуждала их к строгости; изолированные в малоизученном пограничном секторе, они получали скудные новости о развитии центра цивилизации. Когда ты — один из полдюжины человеческих существ в мире, самый воздух которого смертелен для тебя, когда тебя даже не посещают представители твоего племени, потому что рейсовый корабль — это почтовый корабль с Дианы, у тебя нет иного выбора, кроме как вести себя легко и непринужденно. Далмэди понял то, что объяснили ему, когда готовился к этой работе, и признал это, и жил с этим. Но он хотел бы знать, привыкнет ли когда-нибудь к непредсказуемости тех, кем руководил.

— Не знаю,— ответил он девушке.— Морской Повелитель ждет меня во дворце.

— Зачем? Он же прекрасно умеет обращаться с видеосвязью.

— Да, но кочевник принес какое-то скверное известие с Нагорья, так что он и близко не подойдет к аппарату. Боится, наверное, что похитят его душу.

— Гм, думаю, нет. Ты же знаешь, мы только пытаемся выяснить характерное для психологии сулейменитов, а сведений о трех или четырех культурах недостаточно, чтобы продолжать... Но у них, кажется, нет склонности к одушевлению предметов,

как у людей. Обряды — да, достаточно, но ничего такого, что можно было бы признать магией или религией.

Далмэди отрывисто, нервно рассмеялся:

— Иногда я думаю, что весь мой штат рассматривает нашу торговлю как адскую помеху, которая стоит поперек дороги их драгоценной науке.

— Иногда ты бываешь прав,— промурлыкала Ивонна.— Что удержало бы нас здесь, кроме возможности проводить исследования?

— А долго ли продлятся наши исследования, если компания закроет эту базу? — вспыхнул он.— Что и произойдет, если мы потерпим убытки. Моя работа — следить, чтобы этого не случилось. Я вправе рассчитывать на поддержку.

Она соскользнула со стула, подошла и коснулась губами его лица. Запах ее волос напомнил ему степную согретую оранжевым солнцем траву, что колышется на пастбищах под кольцами Алтея.

— От нас никакой помощи? — прошептала она.— Прости, дорогой.

Он закусил губу и отвел взгляд, уставившись на безвкусные росписи, которыми долгие годы раскрашивали стены станции ее обитатели, дабы заполнить чем-то свободное время.

— Нет, это я должен извиниться,— сказал он с решительностью и искренностью своего народа.— Конечно, вы все тут верные люди, а вот я — я здесь самый младший из вас, полуварвар, мальчишка-пастух, вознамерившийся сделать карьеру... в одном из самых легких, рутинных мест этого сектора... и после пятнадцати месяцев безделья...

«Если я провалюсь, подумал он, то смогу, конечно, вернуться домой, обратив в прах все жертвы моих родителей, все, что они сделали, чтобы послать меня в школу управляющих. Да и можно ли презреть улыбнувшуюся мне удачу — что Галактическая компания Специй и Спиртных напитков открыла здесь отделение и не было под рукой опытных специалистов заполнить эту лагуну; забыть все мечты попасть когда-нибудь в новые, неизвестные миры, где у человека действительно проявляются все его способности. Да, конечно, это не смертельно, если не считать более тонких вещей, для которых у меня нет названия».

— Ты слишком мучаешь себя.— Ивонна погладила его по щеке.— Скорее всего, это просто очередная буря в стакане воды. Ты дашь кому-нибудь взятку, или оружие, или еще что-нибудь — и все будет как раньше.

— Надеюсь. Но Морской Повелитель вел себя — ну, не совсем в соответствии с точными ксенологическими расчетами. Я бы сказал, что он был слишком встревожен.— Далмэди постоял несколько секунд, нахмурясь.— Ну что ж, я лучше пойду своей дорогой.— Он обнял ее.— Спасибо, Ивонна.

Она следила за ним, пока он не скрылся из виду, затем вернулась к своей работе. Официально она была секретарем-казначеем торговой базы, но эти обязанности ей редко

приходилось исполнять, разве что с приходом торгового корабля. Компьютеры она использовала с другой целью — пыталась систематизировать обрывки знаний, которые четверо ее коллег сумели вырвать у этого мира — обширного, бесконечно разнообразного мира, и надеялась, что где-то какие-нибудь ученые смогут со временем внимательно изучить отчет о Сулеймене и заинтересуются им.

Облачившись в наружный костюм, Далмэди покинул базу через главный шлюз для личного состава. Подождав немного, чтобы успокоиться, он зашагал через город к дворцу — если это действительно были город и дворец. Он не знал этого. Книги, пленки, лекции и нейронные сети напичкали его информацией об этой части материка, но то были повседневные события, а для руководства их деятельностью требовалось особое искусство. Длительные разговоры с подчиненными добавили немного понимания, но лишь немного. Непосредственное общение с местными жителями время от времени что-то проясняло, но могло и что-то запутать. Неудивительно, что, однажды заключив договор с племенами (?) Побережья и Нагорья, его предшественники не пытались расширить или улучшить отношения. Когда вы не понимаете устройства машины, но видите, что она работает спокойно, вам не придет в голову что-то исправлять в ней.

За пределами силового поля базы местная гравитация притягивала его на сорок процентов сильнее, чем на Земле. Хотя костюм его был легким, а мышцы — сильными, восстановитель воздуха неизбежно давал дополнительный вес за счет устройства для преобразования водорода, который просачивался сквозь любой материал. Вскоре он вспотел. Тем не менее он чувствовал, как холод проник через все термостатические спирали и пронизывает его до костей. Высоко над головой стоял Осман, свирепая белая звездочка, вдвое ярче Солнца, но со своего расстояния посылающая едва ли шестнадцатую часть того, что получала Земля. Тучи, красноватые от органики, плыли, слегка подгоняемые медленным ветром, по хмурому небу, где тускло виднелась одна из трех лун. Эта атмосфера порождала давление, втрое превышающее земное. Состояла она большей частью из водорода и гелия, содержала испарения метана и аммиака и следы других газов. Парниковый эффект, однако, не мешал воде замерзать. Действительно, планета была покрыта коркой льда, смешанного с горными породами, пронизывающего бедные металлами пласты. Грунт сверкал и скрипел под ногами Далмэди. Склон полого спускался к темному бурному морю жидкого аммиака, чей горизонт был слишком отдален — в радиусе 17 000 километров,— чтобы его можно было увидеть в красноватом мглистом воздухе. Изо льда были и сооружения которые глыбами вздымались вокруг. Они мерцали, подобно зеркалу, и дверные проемы и мрачные резные фигуры не нарушали их гладкости. Здесь не было улиц в обычном смысле слова, но воздушные наблюдения открыли

четкую схему в расположении зданий, о которой местные жители не могли или не хотели говорить. Воздушные потоки с трудом пробивались между сооружениями. Воздух усиливал звуки, каждый звук становился резким и пронзительным.

Уличное движение нарастало. Это были в основном пешеходы — туземцы, спешащие по своим делам, несли инструменты странной формы и сосуды со светильниками нечеловеческой культуры неолита. Попадались повозки, нагруженные изделиями прибрежной полосы; их тянули животные — миниатюрные динозавры, чей создатель лишь смутно слыхал о подобных тварях. На похожих, но более гибких животных ехали верхом. Рыбачьи лодки покачивались на поверхности моря; можно было сказать, что с них ловили рыбу, хотя настоящая рыба могла прожить здесь без защиты не дольше, чем человек.

В наушниках Далмэди звучал только ветер, отдаленный рокот волн, звук шагов и скрип повозок. Сулейменити обычно не пользовались речью. Однако они беспрестанно общались: жестами, переливами вздыбленного меха; деликатно обменивались выделениями пахучих желез. Они старались не подходить близко к человеку,— просто потому, что прикосновение к его костюму обжигало их. Он посылал и получал многочисленные приветствия. За 2 года — 25 земных лет — Побережье и Нагорье теперь зависели от предметов торговли: металла, пластика и источников энергии. Местные рабочие стали оказывать помощь в строительстве космопорта на Столовой горе над городом и уже сделали большую часть работы. Это позволило сэкономить на автоматах — и станция получила скромную прибыль.

Далмэди согнулся от своей утомительной прогулки. Через десять минут он был во дворце. Десяток туземцев, что стояли перед большим зданием с башнями, не были стражей. Хотя на Сулеймене случались войны и грабежи, убийство «короля» казалось в буквальном смысле немыслимым (Действие фермонов? В каждом из обществ, которые ксенологи изучили до сих пор, правитель ест особую пищу, так как его приближенные утверждают, что кто-то хочет отравить его; и, возможно, приближенные правы.) Барабаны, жезлы с перьями и малопонятные приспособления в руках этих существ имели церемониальное назначение.

Далмэди справился со своим нетерпением и не без удовольствия следил за ритуалом открывания дверей и препровождения его в резиденцию Правителя. Сулейменити были грациозными и изящными существами. Это были двуногие прямоходящие, похожие на людей, хотя тела их были толще, а рост — примерно ему по плечо. На руках у каждого было по два больших пальца, а между ними — по два средних, рукам помогал цепкий хвост. Голова у них была круглая, клюв, как у попугая, они имели ушные отверстия, один большой золотистый глаз посередине и два поменьше, недоразвитых — для бинокулярного и периферийного зрения. Одежда в основном

ограничивалась чем-то вроде шотландской кожаной сумки-передника, украшенной меховой отделкой и тщательно вышитыми знаками; она оставляла открытыми пахучие железы и красноватый мех для изображения сигналов. То, что язык сулейменитов содержал неречевые компоненты, мешало усилиям человека понимать их.

Морской Повелитель в своей синевато-мерцающей ледяной пещере-приемной сам обратился к Далмэди. Наушники срезали верхние частоты до пределов слышимости человеческого уха. Тем не менее этот писк и бормотание всегда слегка портили впечатление от цветочного венца и резного скипетра. Этому способствовали и карлики, горбатые и уродливые, которые сидели на корточках на ковре и обтянутых шкурами скамьях. Неизвестно было, почему домашних слуг всегда набирали из калек. Сулейменитцы, когда их спрашивали об этом, пытались объяснить, но смысл их объяснений был недоступен людям.

— Удачи, силы и мудрости тебе, Посредник.— В этом мире не использовали личных имен, казалось невозможным постигнуть понятие «отождествление», которое не было обонятельным знаком.

— Могут ли они продолжать свое пребывание у тебя, Повелитель? — Вокализатор на спине преобразовал слова Далмэди в звуки, которые его губы не могли произнести.

— Здесь присутствует Старший Погонщик каравана,— произнес монарх.

Далмэди обменялся ритуальным приветствием с жителем Нагорья — для сулейменита он был очень высок и строен, вооружен каменным топором и винтовкой (из тех, что поставляли на эту планету); пестрые драгоценности и браслеты говорили о его дикарском происхождении. Тем не менее отношения с кочевниками с холмов были хорошими. Заключив однажды сделку, они придерживались ее с большим тщанием, чем требовали человеческие ухищрения.

— Что за беда стряслась? Из-за чего меня вызвали, Погонщик? Ваш караван встретил бандитов на Побережье? Я буду рад всеми силами помочь вам справиться с ними.

Не привыкший к устной речи при общении с людьми, караванщик заговорил на сулейменитском языке — на своем диалекте, и понять его было невозможно. Один из карликов пробрался вперед. Далмэди узнал его. Ясный ум обитал в этом тщедушном крохотном тельце, жадно впитывая любое знание об окружающем мире, которое ему предлагали, и в ответ он часто помогал советом.

— Позвольте мне перевести его речь, Посредник и Морской Повелитель,— предложил он.

— Если сможешь, Советник,— согласился его господин.

— Ты очень обяжешь меня, Переводчик,— сказал Далмэди, как можно лучше изображая жесты благодарности.

Составление учтивых фраз не мешало ему лихорадочно размышлять, и он почувствовал, что дыхание его стеснилось в ожидании ответа. Не могли же известия быть подлинной катастрофой!

Он перебирал события, как бы надеясь найти в них что-то спасительное, не замеченное до сих пор. Из-за незначительного наклона оси на Сулеймене не было времен года. Голубым флажкам необходим был сухой, холодный климат Нагорья, и там они росли круглый год. Первобытные туземцы — охотники и собиратели — срывали их во время своих вылазок. Каждые несколько земных месяцев эти племена встречались с одним из более развитых кочевых племен, и происходил обмен их на сушеные листья и плоды. Затем собирали караван и совершали долгое путешествие в этот город, где сотрудники компании Специй и Спиртных напитков складывали их в тюки в обмен на технические товары. Можно было рассчитывать на загрузку и отправку примерно дважды в месяц. Четыре раза в течение земного года корабль с Дианы увозил содержимое складов компании и оставлял гораздо более дорогой груз писем, пленок, журналов, книг, новостей со звезд, которые так редко бывали видны в этих мглистых небесах. Это была не самая эффективная из всех возможных систем, но она была самой дешевой: достаточно было один раз подсчитать необходимые издержки — вложенный капитал и зарплату сотрудников — для начальной плантации. Издержки должны были снизиться, или предприятие должно было измениться при уменьшении отношения актива к пассиву, а пассив вскоре должен был ликвидироваться. В сущности, Сулеймен был типичной внешней базой такого рода: для ученых — завораживающие исследования и возможность приобрести научную репутацию в своей области, для посредников — сравнительно легкая работа, первый шаг по лестнице, где наверху ожидают важные, чарующие, с великолепной оплатой директорские кресла. И так это было до сих пор.

Переводчик обернулся к Далмэди.

— Старый Погонщик сказал вот что,— пропищал он.— Недавно в Нагорье появилось то, что он называет... нет, я думаю, это нельзя сказать одним словом... ясно, это машины, которые собирают голубые флажки.

— Что?! — человек понял, что воскликнул это по-английски. Сквозь внезапно громкие удары сердца он услышал, как Переводчик продолжал:

— Дикари испугались и в ужасе разбежались в разные стороны. Машины пришли и забрали то, что они запасли со времени последней встречи. Это рассердило караванщиков нашего Погонщика, который торговал с ними там. Они поехали заявить протест. Издалека они увидели корабль, похожий на тот большой корабль, который бывает здесь, но другой конструкции. Те, кто следил за работой, были невысоки... у них много ног и клешни на руках... длинные носы... Робот-сборщик пришел и выстрелил молнией над головами кочевников. Они увидели это и побежали, чтобы предупредительный выстрел не сменился смертельным. Сам Старший Погонщик взял запасных лошадей и поскакал сюда что есть духу. Словами я не могу больше передать то, что он рассказал.

Далмэди задыхался в окружавшей его ледяной синеве.

Губы его пересохли, колени ослабли, желудок начал вращаться.

— Бабуриты,— пробормотал он.— Точно, они. Но почему они так поступили с нами?

Кусты, трава, листья на редких деревьях казались черными в наступающей темноте. Кое-где картину оживляли пятна красных, коричневых и синих цветов или аммиачная река, водопадом мчащаяся с холмов. Вдали ослепительно сверкала гряда ледяных гор; сулейменитский двенадцатичасовой день подходил к концу, и лучи Османа падали на равнину через разрыв в мутно-красном облачном покрове. Где-то шторм вздыбился темной стеной, на которой вспыхивали небрежные каракули молний. Плотная атмосфера доносила их громовые раскаты до ушей Далмэди, как высокий барабанный бой. Он почти не замечал их. Порывы ветра, свистящие вокруг его кара, и воздушные ямы, в которые проваливалась машина, отнимали все время на управление полетом. Кибернетический транспорт был слишком дорогим для этой малодоходной планеты.

— Здесь! — крикнул Погонщик. Он сидел на корточках рядом с Переводчиком в заднем отделении, которое было оборудовано для местных условий и имело смотровой купол. Из уважения к суеверию кочевника (или чем бы это ни было) работал только слуховой канал внутренней связи.

— Действительно,— Переводчик говорил спокойнее.— Теперь и я заметил. Немного правее от нас. Посредник, видишь, в долине возле озера?..

— Минуту,— и Далмэди пошел на снижение.

Кар прыгнул так, что зубы пилота лязгнули, но силовое поле удержало машину от падения. Далмэди нагнулся, пытаясь не обращать внимания на жесткое давление, и отрегулировал развертывающий экран. Световые волны, способные проникнуть сквозь эту атмосферу, были недоступны человеческому глазу, а расстояние было значительным, как обычно на планетах юпитерианского типа. Преобразуя световые частоты, усиливая и увеличивая, экран дал изображение. Возвышаясь над кустами и аммиачными потоками, стоял космический корабль. Далмэди определил его как торговое судно типа Голберт-Х — такие обычно продавали водорододышащим. В корабле, несомненно, было что-то переделано для удобства его обитателей, но внешне Далмэди не видел никаких изменений, кроме добавившейся пушечной башни и пары ракетных установок. Оружие и железобетонное сооружение были собраны где-то поблизости. Конструкция роботов позволяла сделать это быстро, без остановки; куб был уже закончен больше чем наполовину. Далмэди мельком увидел вспышки источников энергии, похожие на крохотные синие звездочки. Он не мог понять их особенностей, а потому не хотел рисковать, подходя слишком близко.

— Видишь? — спросил он Петера Торсона и переслал изображение на другой экран.

Далеко на базе массивная голова инженера кивнула. По-

зади него виднелись четверо остальных. Они выглядели такими же напряженными и встревоженными, как и Далмэди; может быть, Ивонна — больше других.

— Да. Вряд ли мы сможем тут что-нибудь сделать,— заявил Торсон.— Они напичканы мощнейшим оружием. А видишь эти впадины по углам сарая? Клянусь, это для бластерной пушки. Добавь еще генератор силового поля для пассивной обороны — и у нас не останется никакой надежды раскусить этот орешек.

— Министерство внутренних дел...

— Да, они могут принять решение — обидеться на вторжение и послать сюда пару-тройку военных кораблей. Но я в это не верю. Говоря языком экономики — не стоит затрат. И не слишком законно, вспомни, ведь Специи и напитки не имеют здесь официальной монополии.— Торсон пожал плечами. — Мое мнение: Старина Ник просто закроет свою лавочку на Сулеймене, а чтобы убытков было поменьше, хитростью вынудит бабуритов пойти на сделку в расчете надуть их и получить возмещение.— Он был ветераном профессиональной торговли и привык к случайным препятствиям, равнодушный к научным загадкам окружающего мира.

Ивонна, у которой было иное отношение к происходящему, тихонько вскрикнула:

— Нет-нет! Мы не сможем! Наши открытия...

А Далмэди — ведь не мог же он позволить себе провала в самом начале карьеры — сжал кулак и резко перебил ее:

— Мы можем по крайней мере поговорить с ними, верно? Я попытаюсь вызвать их. Держите связь.— Он переключил внешнюю связь на универсальную полосу частот и поставил в положение «Вход». Последнее, что он увидел на базе, были ее удивленные глаза.

Переводчик спросил сзади:

— Ты знаешь, кто эти чужеземцы и чего они добиваются, Посредник?

— Не сомневаюсь, что они с Бабура, как мы его называем,— рассеянно ответил тот.— Это мир (наиболее просвещенные жители Побережья приобрели некоторые познания в астрономии), похожий на ваш. Он больше и теплее, воздух там тяжелее. Его обитатели не способны безболезненно выдержать долгое пребывание здесь. Но они могут какое-то время передвигаться без защиты. Они покупают большую часть наших голубых флажков. Очевидно, теперь решили выйти на источник.

— Но зачем, Посредник?

— Полагаю, ради прибылм, Переводчик.

Быть может, это как раз соответствует их нечеловеческим затратам, думал Далмэди. Они сделали гигантские вложения в медицинскую промышленность. Но они работают в условиях, не похожих ни на капиталистическую, ни на любую другую известную людям систему — во всяком случае так я слышал.

Значит, они могут рассматривать это как вклад в... империю? Несомненно, они могут расширить свою базу здесь, один раз мы им не помешали...

Экран ожил. Существо, которое показалось на нем, стоя было почти по пояс человеку. У него был прямой торс, остальное тело вытянулось сзади, смутно напоминая гусеницу на восьми коротких, словно обрубленных, ножках. Вдоль безволосого тела виден был ряд жаберных крышек, защищающих трахеи, которые в плотной водородной атмосфере снабжали организм воздухом. Две руки оканчивались клешнями, похожими на крабьи; от запястий вниз расходились короткие, жесткие пальцы-щупальца. На голове был губчатый хобот. У существа с Бабура не было рта. Оно — индивидуумы меняли время от времени пол — размягчало пищу клешнями и отправляло ее в пищеварительный мешочек для растворения, а затем высасывало хоботом. У него было четыре глаза, совсем крошечных. Для речи служила диафрагма по другую сторону черепа, для слуха и обоняния — трахеи. Кожу покрывали оранжевые, синие, белые и черные полосы. Большая часть тела пряталась под одеждой из газа.

Создание было бы немыслимым, биологически невозможным на планете земного типа. Но на своем корабле, при большой силе тяжести, в плотном холодном воздухе и в полутьме, сквозь которую двигались неясные фигуры, оно внушало ощущение достоинства и силы.

Оно издало звуки, которые вокализатор перевел на достаточно хороший международный язык Лиги:

— Мы ожидали вас. Не подходите ближе.

Далмэди облизнул губы. Он почувствовал себя ужасно маленьким и беспомощным.

— П-п-приветствую вас. Я — посредник.

Бабурит ничего не ответил.

Подождав немного, Далмэди ринулся вперед:

— Мы слышали, что вы... э... захватили территорию голубых флажков. Я не могу поверить, что это правда.

— Действительно это не так,— произнес ровный механический голос.— В настоящее время туземцы могут использовать свои земли, как и прежде, за исключением того, что они не найдут больше голубых флажков для сбора. Наши роботы очень эффективны. Взгляните.

Экран высветил небольшую цилиндрическую машину. Под действием обычного силового двигателя она парила в воздухе в нескольких сантиметрах от грунта. Восемь ее рук оканчивались датчиками, захватами, приспособлениями для резки кустов и обдирания листьев. На верху у нее была приварена большая корзина. Там же находился лазерный приемопередатчик и вращающийся бластер.

— Она работает на аккумуляторах,— пояснил невидимый бабурит.— Им достаточно лишь подзаряжаться от установленного нами объединенного генератора каждые тридцать с небольшим часов, не считая непредвиденных случаев расхода энер-

гии... как боевые действия, например. Высоко расположенные реле постоянно предохраняют роботов от соприкосновения друг с другом и с центральным компьютером, который сейчас на корабле, а позднее будет в блокгаузе. Он управляет всеми ими одновременно, значительно уменьшая расходы на каждого в отдельности.— И бабурит добавил не без доли злорадства: — Вы поймете, что такая радиально-лучевая система не может давать сбоев. Компьютер защищен ракетами, пушками и силовым полем. Он запрограммирован наносить удар при любой попытке помешать его действиям.

Изображение робота исчезло, и вновь появилось изображение существа. Далмэди почувствовал слабость.

— Но это было бы... было бы... военными действиями! — запинаясь пробормотал он.

— Нет. Это было бы самозащитой, узаконенной правилами Политехнической Лиги. Вы можете поверить нашим, мы изучили положение вещей — и в социальном, и в физическом плане,— прежде чем действовать и, конечно, перед вступлением в Лигу. Никто не пострадает, кроме вашей компании. Это не вызовет неудовольствия ее конкурентов. Они заверили наших представителей, что смогут набрать достаточное количество голосов в Совете, чтобы предотвратить санкции. Убытки будут не очень большими. Позвольте мне посоветовать вам лично подыскать себе службу где-нибудь в другом месте.

«Угу... после того как я брошу эту планету... мне наверняка останется только заняться мытьем уборных»,— пронеслось в голове у Далмэди.

— Нет,— возразил он.— А как насчет коренных жителей? Они потерпят ущерб.

— Когда земля будет расчищена, на ней заложат плантации голубых флажков,— сказал бабурит.— Несомненно, для некоторых из перемещенных дикарей работа найдется, если они достаточно понятливы. Как несомненно и то, что другие ресурсы, которые не имеют значения для вас, кислорододышащих, ожидают своего часа. Мы можем в конце концов вырастить колонистов, приспособленных к Сулеймену. Но это все не касается Лиги. Мы выяснили, каков практический эффект от запрета на империализм. Там, где никто еще не заинтересован в деле, договора с местным правительством достаточно, а местное правительство, придерживающееся разумных позиций, не будет препятствовать созданию предприятия. Сулеймен — как раз такой случай. Списанные со счета операции только указываются на полях и не входят в итоговые подсчеты, они не могут быть поводом для беспокойства Лиги.

— Закон...

— Соблюдается. Мы не станем провоцировать ни войну, ни наше собственное исключение и бойкот. Вспомните, однако, что вас никто не выдворяет с этой планеты. Вы просто встретили превосходящего вас противника, превосходящего благодаря близкому расположению к месту действий, лучшей приспо-

собленности к местным условиям и гораздо более заинтересованного в успехе. Мы имеем такое же право заниматься предпринимательством, как и вы.

— Что вы подразумеваете, говоря «мы»? — прошептал Далмэди.— Кто вы? Что вы? Частная компания или?..

— Номинально — мы организованы так, хотя, как многие члены Лиги, не делаем секрета из того, что это только проформа,— ответил бабурит.— В действительности условия, при которых наше общество должно вести дела с Технической цивилизацией, мало соотносятся с условиями внутри ее структуры. Принимая во внимание различия — социальные, психологические, биологические — между нами и вами и вашими близкими союзниками, наше желание быть свободными от проблем вашей цивилизации не несет реальной угрозы последней и, следовательно, никогда не спровоцирует никакой реальной ответной реакции. В то же время мы никогда не достигнем звездной свободы без средств современной технологии. Чтобы развить индустрию с минимальной задержкой, мы должны достичь начальных объемов при помощи закупок у технически развитых миров. Это требует технической валюты. Таким образом, пока наши расходы на этот проект голубых флажков кажутся несоразмерной суммой затраченных усилий и средств, но в результате это приведет к сохранению межпланетной валюты для гораздо более важных вещей. Мы сказали вам то, что мы сказали, с целью разъяснить не только нашу безвредность для Лиги в целом, но и наше решение. Мы доверяем вам довести до всех содержание нашей дискуссии. Это может предостеречь вашего хозяина от лишней траты нашего времени и энергии на противодействие всем его попыткам, заранее обреченным на провал. Пока вы останетесь на Сулеймене, соблюдайте наши правила. Теперь возвращайтесь, передайте все в точности.

Экран опустел. Далмэди несколько минут пытался снова вызвать бабурита на связь, но не получил ответа.

Через тридцать дней, которые равнялись пятнадцати земным, на базе собралось совещание. В комнате, наполненной туманным и едким табачным дымом, за столом сидели люди. На большом полноразмерном экране виднелись изображения Морского Повелителя и Переводчика, чья трехмерная реальность, казалось, дышит холодным воздухом их ледяной комнаты.

Далмэди провел рукой по волосам.

— Подвожу итог,— устало произнес он. Мех Переводчика пришел в движение, голос превратился в низкий свист — он переводил с английского для Повелителя.— Донесения наших местных разведчиков в записи Ивонны ожидали меня, когда я вернулся из последнего полета два часа назад. Все данные сходятся. Мы надеялись, как вы помните, что компьютер не сможет справиться с нами, когда корабль бабуритов уйдет.

— Почему живой экипаж должен уезжать? — спросил Санъюро Накамура.

— Это очевидно,— сказал Торсон.— Они не могут вести вои дела нашими способами, но это не освобождает их от кономических законов. Планета типа Бабура — с единой господствующей страной — все еще отсталая, все еще бедная, достиает тех пределов, какие она может себе позволить. Они могут ользоваться более короткими линиями связи, чем у нас, но мы ома используем немного более высокую производительность руда. В их теперешнем положении они не могут тратиться на о, чтобы создать и поддерживать постоянную, оборудованную ля жизни базу, как наша. Сулеймен — не слишком здоровое есто для них, знаешь ли; и у них нет даже того небольшого пыта, что накоплен нами. Значит, они в первую очередь прибрели автоматы, чтобы послать кого-нибудь один раз и ненаолго для проверки и сбора урожая.

— Кроме того,— подчеркнула Алиса Берген,— кочевники ринесли нам присягу на верность. Они не захотят заключать делку с другими. И бабуриты не смогут выгодно использоать их где-то еще. Мы сидим на единственном месте, приодном для склада, и только один из этих народов обладает остаточной культурой, чтобы можно было научить их нужной ам работе. Значит, бабуриты вынуждены работать прямо там, де растут голубые флажки. Кочевники обижены, что их торовым караванам пришел конец, и будут устраивать партизанкие набеги на сборщиков.

— Уф! — сказал Накамура с натянутой усмешкой.— Уверяю ас, мой вопрос был сугубо риторическим. Я просто хотел одчеркнуть, что противники не оставили бы все на попечение омпьютера, если бы не были уверены в его способности выполять все эти функции, включая обязанность держать нас на асстоянии. Я начинаю понимать, почему их проектировщики начале индустриализации сконцентрировались на создании оботов. Без сомнения, они намеревались использовать машины для нескольких воровских операций.

— Знаете ли вы, сколько у них роботов? — спросила Изаелла.

— По нашим оценкам, примерно сотня,— ответил Далмэи,— хотя мы не могли провести точный подсчет. Видишь ли, они работают быстро, покрывая огромную территорию — по правде говоря, всю территорию, где голубые флажки растут остаточно густо, чтобы стоило их собирать. Роботы одинаковы а вид, за исключением верхних реле.

— Может быть, это компьютер-шарлатан, который меняет вои фокусы, когда меняются условия,— заметила Алиса. Кибернетика была не ее областью.

Ивонна покачала головой, ее золотистые волосы рассыпались ю плечам.

— Ничего необычайного. У нас есть телефото, сделанное дальнего расстояния в течение сборки. Это стандартная многоанальная конструкция, только электронные схемы приспособлены к окружающей среде. Набор знаний — элементарный: ольше и не требуется, и было бы неэкономично снабжать

его подробной информацией, так как задача у него несложная.

— Раз так, не сможем ли мы перехитрить его? — спросила Алиса.

Далмэди скорчил гримасу.

— Как ты думаешь, что я со своими местными помощниками пытался сделать всю последнюю неделю? Это открытая местность; датчики засекут тебя на огромном расстоянии, и компьютер вышлет роботов. Не так много нужно. Если ты подойдешь слишком близко к блокгаузу, они сделают предупредительный выстрел. Вот что привело в ужас туземцев. Некоторые из них где-то приблизились к нему, и вот дикари стали разбегаться, а в результате мы получили хорошенькую группу голодных беженцев. Я их не обвиняю. Низкотемпературный организм усваивает пищу быстрее, чем наш. Я продвинулся вперед и вызвал настоящий огонь. Я счел за лучшее убраться, пока еще не пострадала защитная одежда.

— А как насчет воздушной атаки? — поинтересовалась Изабелла.

Торсон фыркнул.

— Тремя грохочущими карами с ручным оружием? Ведь роботы умеют летать, вспомни. Кроме того, у центра есть силовые поля, бластерная пушка, ракеты. Для такой борьбы нужен военный корабль.

— К тому же,— воскликнул Морской Повелитель,— я говорил об угрозе разрушения города воздушным оружием при серьезном штурме этой местности. Этим нельзя рисковать. Скорее я прикажу вам уехать навсегда и заключу сделку, какую только можно, с вашими противниками.

Он может сделать это, подумал Далмэди, просто приказав нашим туземным рабочим оставить работу. Но ссора не так уж неизбежна. Он вспомнил последнее заявление Старшего Погонщика; вспомнил, как они уходили с места разведки: сулеймениты — на своих животных, человек — на гравискутере.

— Мы твердо держимся союза с вами, а вы не поддерживаете нас. Ваши предшественники дали клятву, что мы будем иметь защиту от прилетевших с неба захватчиков. Если вы отказываетесь выгнать их, как мы можем доверять вам? — Далмэди сослался на прошлое, он неохотно допускал такой оборот событий, с тех пор как караванщики оценили торговлю с ним. «Но если мы не решим эту задачу в ближайшее время,— заключил он мысленно,— вряд ли систему когда-нибудь смогут возобновить».— Мы не подвергнем вас опасности,— пообещал он Морскому Повелителю.

— Какова реальная угроза? — спросил Накамура.— Лига не слишком мягко отнесется к убийству и нанесению вреда коренному населению.

— Но Лига вряд ли пойдет дальше выражения недовольства,— вставил Торсон,— особенно если бабуриты докажут, что мы применили против них силу. Они сделают ставку на свою нейтральность, и, я подозреваю, дело разрешится в их пользу

— Правы они или нет,— сказала Алиса,— оценка их психополитики будет обусловлена их собственным мнением об этом. А какую оценку они могут сделать? Что мы знаем об их способе мышления?

— Больше, чем можно предположить,— ответила Ивонна.— В конце концов, с ними контактировали на протяжении поколений, а торговые соглашения не заключают без предварительных исследований. Вы не слишком часто видели меня последнее время, потому что я работала в картотеке. У нас здесь масса информации о Бабуре.

Далмэди выпрямился на стуле. Пульс его зачастил. Не было ничего удивительного в том, что на этой штатной базе находилась обширная и разнообразная ксенологическая библиотека. Копия с микропленки стоит дешево, а вы никогда не узнаете, какая удача выпала кому-то, если привыкли довольствоваться справками только о вашем собственном секторе.

— Что же у нас есть? — отрывисто спросил он.

Ивонна криво улыбнулась.

— Боюсь, ничего стоящего. Как обычно: три-четыре основных языка, наброски по истории и наиболее значительной современной культуре, анализ состояния технологии, статистика о таких предметах, как численность и производительность,— помимо планетологии, биологии, психологических очерков, et cetera[1]. Я все время пыталась найти какое-то слабое место, но тщетно. Да, я могу показать, что эта операция потребует от них напряжения всех сил, и они должны будут оставить эту затею, если она быстро не окупится. Но то же самое справедливо и по отношению к нам.

Торсон закурил трубку.

— Если бы мы могли установить оборудование, у нас был бы неплохо оснащенный рабочий цех. Вот где я бы попотел.

— Что ты хочешь сказать? — поинтересовался Далмэди. Безрадостный тон инженера передался и ему.

— Ну, во-первых, я хотел бы знать о роботах — как они выходят наружу и как их выследить. Я мог бы сделать одного, только одного, с лучшим вооружением и защитой.— Он хлопнул по столу тыльной стороной ладони.— Но у компьютера их сотня, и он — гораздо сложнее, чем любой мозг, какой я могу собрать из запчастей; а как сказал Морской Повелитель, мы не можем рисковать и подставлять под ответный ракетный удар наш космопорт, потому что это уничтожит большую часть города. Потом я подумал о перебоях в работе или о том, чтобы испортить сам компьютер, но это совершенно безнадежно. Он никогда близко нас не подпустит.— Он вздохнул.— Друзья мои, надо признать естественный ход событий и составить план, как отступить с наименьшими потерями.

Морской Повелитель остался невозмутим, как и подобает монарху. Но центральный глаз Переводчика подернулся пленкой,

---

[1] et cetera — и т. д. *(франц.)*.

его крошечное тельце сжалось, и он закричал:

— Мы надеялись... когда-нибудь наши потомки, научившись от вас, присоединятся к вам среди бесчисленных солнц, а вместо этого — бесконечно подчиняться законам чужеземцев?

Далмэди обменялся взглядом с Ивонной. Их руки сжались. Он подумал, что та же самая мысль крутится сейчас и у нее в голове. Мы, существа Лиги, не можем позволить себе быть альтруистами. Но мы и не какие-нибудь чудовища. Какой-то бесстрастный бухгалтер в земной конторе может отдать приказ о нашем отъезде. Но можем ли мы, те, кто жил здесь, кто любит этот народ и кому он доверяет, бросить их и продолжать жить сами по себе? Не будем ли мы постоянно чувствовать, что данное нам благословение утрачено?

И старая-старая легенда с грохотом ворвалась в его сознание.

Он сидел минуту или две, не воспринимая того, что рычали и стонали вокруг. Ивонна первая заметила отсутствующее выражение в его застывшем взгляде.

— Эмиль,— прошептала она,— тебе плохо?

Далмэди с воплем вскочил.

— Что-то в космосе? — спросил Накамура.

Посредник взял себя в руки. Он дрожал, озноб пробегал по телу, но голос его звучал спокойно:

— Есть идея.

Под одеждой, складки которой ветер обвивал вокруг тела, Переводчик нес незаметный миниатюрный зрительно-слуховой приемопередатчик. Далмэди находился в своем каре за холмом, на некотором расстоянии; Торсон был в другом каре, повыше, для страховки; Ивонна, Алиса, Изабелла, Накамура и Морской Повелитель в городе видели прыгающий и движущийся ландшафт на своих экранах. Черные листья, длинные и истрепанные, развевались на кустах, чьи ветви пощелкивали в ответ на жалобное завывание ветра; валуны и ледяные глыбы горбатились среди кустов; аммиачный водопад гудел, разбрасывая брызги по всему полю обзора. Люди в карах могли почувствовать еще планетное притяжение и дрожь корпуса от этого медленного, плотного ветра.

— Я все же думаю, нам надо было подождать помощи извне,— объявил Торсон на отдельном экране.— Такая шутка заслуживает плетки.

— А я все же говорю,— возразил Далмэди,— твоя работа сделала тебя чересчур суетливым. А туземцев нельзя долго водить за нос. «Тем более,— подумал он,— если мы сможем одолеть их только тем, что у нас есть, это должным образом отразится на моем послужном списке. Приятно думать, что это самое главное для меня, но все же это так. Поступить так или иначе — решение принимаю я. Я — посредник. Это — чувство одиночества. Хотел бы я, чтобы Ивонна была тут рядом».

— Тише,— приказал он.— Что-то происходит.

Переводчик пересек гребень горы и скатился на грависку-

тере по противоположному склону. Помощи ему не требовалось: несколько дней тренировки сделали его вполне сносным водителем, даже в одежде. Он вошел в область владений роботов, и небесное орудие уже наклонилось, чтобы перехватить его. В пронзительных лучах Османа, среди охряных облаков, оно сверкало, как огонь. Далмэди согнулся на сиденье. Он был одет в наружный костюм. Если его друг попадет в беду, он захлопнет лицевой щиток, откроет кабину и ринется вниз, пытаясь спасти его. Бластер лежал у него на коленях. Мысль, что он может опоздать, вызывала привкус тошноты.

Робот некоторое время парил, вытянув руки и нацелив оружие. Переводчик продолжал скользить в размеренном темпе. Когда столкновение стало неизбежным, приемопередатчик сказал роботу:

— Отойди в сторону. Мы начинаем изменять программу.

Это было сказано и услышано компьютером на одном из главных языков Бабура. Ивонна составляла правдоподобные фразы и терпеливо проводила время с вокализатором и записывающей аппаратурой, добиваясь правильного произношения. Инженер Торсон, ксенологи Накамура и Алиса Берген, биолог с художественными наклонностями Изабелла да Фонсека, сам Далмэди и несколько сулейменовских советников, которые наблюдали за бабуритами, создавали маскировку. Закутанному в просторное одеяние Переводчику не требовалось особо тщательной маскировки — выбритый и выкрашенный торс; сзади — механическое гусеничное тело, управляемое скрытым хвостом; в добавление к собственным ногам — шесть автоматически передвигающихся ножек; клешни и щупальца надеты поверх своих рук, фальшивые ступни — поверх своих ног. Человек или обычный сулейменит не смог бы добиться успеха в таком виде. Помимо прочего, они были бы слишком большими. Но, по-видимому, бабуритам не пришло в голову, что на планете могут жить карлики. Маскировочный наряд был далек от совершенства; но компьютер, очевидно, не был запрограммирован на проверку подобных случаев; к тому же умный, хороший подготовленный актер, изменяющий свою роль по ходу действия — чего никогда не мог сделать робот,— создает образ, затмевающий любые мелкие погрешности в деталях. И... с точки зрения логики, программа компьютера должна позволять бабуритам входить к нему, чтобы обслуживать и забирать голубые флажки, хранящиеся неподалеку.

Тем не менее челюсти Далмэди были стиснуты так, что болели от напряжения. Робот скрылся из поля зрения. На принимающем экране земля продолжала скользить под скутером. Далмэди отключил слуховую передачу с базы. Хотя никто, кроме Ивонны, сидящей в отдельной комнате, ничего не говорил Переводчику, а ее слова передавались через звукопроводящие кости его черепа, тихие аплодисменты, наполнившие кабину Далмэди, своей неожиданностью и преждевременностью словно ударили его. А километры все уходили один за другим. И на экране все тянулся блокгауз — темный куб, ощетинившийся

антеннами и датчиками, изукрашенный по углам зловещими очертаниями пушечных башен и ракетных установок. Силовая завеса была опущена. Ивонна сказала через переговорное устройство Переводчика:

— Открой, не закрывай, пока не получишь команды,— и ученый идиот-компьютер приказал массивным воротам разойтись шире.

То, что происходило потом, также было работой Ивонны, Она просматривала главный вход компьютера через приемопередатчик, вспоминала полученные сведения о бабуритском производстве автоматов и руководила Переводчиком. Позже она сказала, что работать ей было не слишком трудно, мешала только плохая видимость. Создатели машин использовали стандартные схемы и языки программирования. Но Посредник весь этот час покрывался испариной, все проклинал, стискивал пальцы, играл мускулами — и вглядывался, вглядывался в изображения загадочных вещей, которые неясно вырисовывались на фоне белых стен под синеватым светом, резким и бледным одновременно. Когда Переводчик появился вновь и ворота за ним закрылись, Далмэди едва не потерял сознание. Но зато потом — как ликовали сотрудники Лиги и какой праздник они устроили!

— Да,— сказал Далмэди.— Но...

— Но мне не нужны никакие «но»,— отрезал ван Рийн.— Факт тот, что вы переделали этот дорогой компьютер так, что он должен был прекратить работу этих дорогих роботов. Почему нельзя было по крайней мере использовать их для Специй и Спиртных напитков?

— Это нарушило бы отношения с туземцами, сэр. Первобытные существа не слишком благоговейно относятся к безработице, вызванной применением машин. В этом случае станут невозможными научные исследования. Как тогда вы наберете персонал?

— Какой еще персонал нам нужен?

— Такой, который находился бы на месте постоянно. В противном случае бабуриты, живущие поблизости, могут вернуться и, например, организовать и вооружить справедливо недовольных сулейменитов против нас. Будут у нас роботы или нет, мы скоро увидим, что голубые флажки обходятся нам слишком дорого... Кроме того, машины изнашиваются и замена их стоит денег. Живые помощники-туземцы воспроизводятся бесплатно.

— Ну, тут у вас здравого смысла побольше, чем в остальном,— прогудел ван Рийн.— Но зачем вы приказали компьютеру и его роботам нападать на любые машины, включая кары и космические суда, которые подойдут близко, и любые существа любой формы, которые скажут ему впустить их? Предположим, ситуация изменилась — наши люди ничего не смогут сделать с ними, как и сейчас.

— Я уже говорил, им это не нужно,— раздраженно ответил Далмэди.— Мы ладим с ними — не блестяще, но все же ладим,

и получаем прибыль традиционными способами. Пока мы устанавливали отношения, мы исключали бабуритов. Если бы мы сами имели доступ к компьютеру, нам надо было бы выставить вокруг него дорогую охрану. Ведь бабуриты могли бы выкинуть подобный фокус с нами, верно? Тогда как сейчас система удерживает от любых попыток изменить образ действий в районе голубых флажков. Иначе говоря, она защищает нашу монополию — бесплатно — и будет защищать еще долгие годы.

Он поднялся.

— Сэр,— сказал он резко,— все это пришло мне в голову в результате простейших экономических расчетов. Может быть, у вас в голове нечто более тонкое, но если вы...

— Что-о? — загрохотал ван Рийн.— Сядьте на место. Взболтайте ваше питье, мальчик, и слушайте меня. Я — старый и толстый, но легкие и язык у меня исправны. Еще два органа у меня работают как следует, один из них вас не касается, но другой — это мои мозги, и мои мозги хотят, чтобы я получил информацию от вас и переварил ее.

Далмэди понял, что он должен повиноваться.

— Вы должны смотреть на вещи не как узкий специалист,— продолжал ван Рийн.— Иногда человек бывает слишком груб из-за того, что думает только о своей работе. Он добивается успеха, не заботясь, какие последствия это возымеет для всего остального, и проваливает работу всей организации, служащим которой считается. Итак, вы рассмотрели возможную реакцию Бабура?

— Конечно. Мадемуазель Вэлланкур,— (Когда я снова увижу ее?),— доктор Берген и, в особенности, доктор Накамура произвели исчерпывающий анализ имеющихся у нас материалов. В результате мы дали компьютеру дополнительную перспективу: чтобы он предупреждал любой приближающийся объект, прежде чем открыть огонь. Моя последующая беседа с капитаном корабля — или кто он там — подтвердила правильность наших расчетов.

(Дрожащий хобот. Холодный блеск четырех крошечных глазок. Но голос, пропущенный через машинные фильтры, бесстрастен: «Согласно законам, придуманным вашей цивилизацией, вы не дали нам повода к войне; а Лига всегда реагирует на так называемое неспровоцированное нападение. Следовательно, мы не прибегнем к бомбардировке».)

— Несомненно, они испытали что-то вроде бешенства,— сказал Далмэди.— Но что они могут сделать? Они — реалисты. Если они не придумают какой-нибудь новый трюк, то спишут Сулеймен со счета и попытают счастья в другом месте.

— А они еще покупают наши голубые флажки?

— Да.

— Может, стоит поднять цену, чтобы это послужило им уроком и они впредь не пытались нас провести?

— Можете повысить цену, если хотите натолкнуть их на мысль, что проще синтезировать нужное вещество. В моем отчете есть предостережение на этот счет.— С этими словами Далмэди встал.— Сэр,— гневно заявил он,— я могу быть

неотесанной деревенщиной, я мог обучаться в самом захолустном заведении, но я не прирожденный идиот, который потерял свои пилюли, и у меня есть чувство собственного достоинства. На Сулеймене я принял наилучшее решение из возможных. Вы даже не попытались показать мне, в чем я был не прав, а просто сместили меня с поста и сегодня весь вечер бубнили мне о вещах, ясных каждому, кто уже вышел из пеленок. Не будем больше попусту терять время. До свидания.

Ван Рийн поднялся с грохотом обвала.

— Хо-хо! — заорал он.— Горяч, очень горяч! Это мне нравится!

Ошеломленный Далмэди мог только открыть рот от изумления.

Ван Рийн хлопнул его по плечу, едва не сбив с ног.

— Мальчик,— проговорил торговец.— Я не собирался услаждать ваш нос ароматом нежных фиалок. Я должен был узнать, наткнулись вы случайно на этот ответ, который превосходен, или вы способны мыслить самостоятельно. Потому что вы взяли мою поговорку. Наверно, все, как и вы, понимают, что пеленки уже изношены, но тогда почему 99,99 процента каждой расы, стоящей на второй ступени, все еще ходит в пеленках — по крайней мере их мозги, и это заметно по их речам. Я нашел, что вы входите в 0,01 процента, и вы нужны мне. О-о, как вы нужны мне!

Он сунул кубок с джином в руку Далмэди, при этом его пивная кружка звякнула.

— Пейте! Пейте!

Далмэди чуть отхлебнул. Ван Рийн стал расхаживать взад-вперед.

— Вы — с пограничной планеты и потому так наивны,— сказал торговец,— но это может пройти со временем, как прыщики. Поймите, когда мои подчиненные из штаба узнали, как вы разрубили этот узел на Сулеймене без всякой стрельбы, они послали вам стандартное извещение, не представляя себе какого-нибудь алтейца вроде вас, не знающего, что в подобных случаях это — **поощрение**,— он подчеркнул слово «поощрение» и взмахнул горилльей рукой, расплескивая пиво на пол.— Как я сказал, нам надо было проверить, не является ли ваша удача простым везением. Если да, то мы назначили бы вас управляющим в какое-нибудь местечко получше и забыли бы вас. Но если вы действительно сверхсообразительны и тверды, вы не нужны нам как управляющий. Для этого вы слишком редкая и драгоценная вещь. Это все равно что украшать кошачью коробку картиной Хокусая.

Далмэди неуверенно поднес стакан к губам.

— Что вы имеете в виду? — хрипло произнес он.

— Предприниматель! Вы сохраните звание посредника, потому что мы не хотим разжигать зависть, но ваша работа, как говорили старые американцы, оплачивается не той монетой. Взгляните.— Ван Рийн поправил сползающий ободок на сигаре, затянулся и, взмахивая кружкой и сигарой так, словно в ру-

ках у него был судейский жезл, продолжал шагать по комнате, сотрясая все вокруг.— Сулеймен считался милым заурядным местечком, но вы рассказали мне, как мало мы знали о нем и как внезапно сам дьявол явился к вам на завтрак. Ну, а что вы скажете насчет других, по-настоящему новых, по-настоящему мохнатых и приносящих настоящее состояние мест? А? Вам не надо будет управлять ими, пока они не примут какую-то форму. Хороший управляющий — это очень могущественный человек, и мы нуждаемся в таких людях. Но в глубине души он рутинер; его цель — сделать так, чтобы все шло своим чередом. Нет, для диких мест нужен новатор, человек, любящий риск, если это мужчина, или ересь, если это особа женского пола, словом, тот, кто может решить все новые задачи дьявольски новыми способами, понимаете?

Такие люди очень редки, скажу я вам. Они получают высокую плату — такую высокую, какую могут заработать для себя. Естественно, я хочу, чтобы они зарабатывали и для меня. Посредникам этого сорта я не назначаю твердых окладов и не обольщаю их продвижениями по службе. Нет, в предпринимателе я прежде всего побеждаю дух Джона Бульдога — десятилетней клятвой верности. Затем я даю ему волю сделать свою ставку при моей поддержке, делать все, что он захочет, из расчета девяноста процентов комиссионных.

Очень плохо, что никто не составлял ваших характеристик до того, как вы пришли в школу управляющих. Теперь вы должны некоторое время провести в школе предпринимателей, которую я запрятал туда, где ее никто не заметит. Скучно не будет; я слыхал, они там пускаются в загулы; но в основном, думаю, вы получите удовольствие от своих занятий, если, конечно, не заработаетесь до того, что мозги потекут из носу. А потом вы станете богатым, если выживете, или получите изрядную порцию шуток, если нет. Идет?

Далмэди на мгновение вспомнил об Ивонне, а потом подумал: «Какого черта, если ничего лучшего не появится, через несколько лет я смогу заключить любые контракты по найму, какие захочу»,— и, воскликнув: «Идет!»,— он залпом осушил свой кубок.

ПОВЕЛИТЕЛЬ ТЫСЯЧИ СОЛНЦ

— Да,— сказал я,— почти все, что человек в силах вообразить, вы можете встретить где-нибудь в Галактике. Их чертовски много, этих планет, с невероятным, фантастическим разнообразием и поверхности, и форм жизни, а также разума и цивилизаций, так что вы можете увидеть там все, что угодно. Я, например, бывал и на планетах, населенных огнедышащими драконами, и в мирах, где карлики воюют с кем-то вроде домовых, каких боялись наши матушки, и на планете, где обитала раса колдуний, владеющая телепатическим псевдогипнозом. Могу поспорить, нет ни одного неправдоподобного рассказа, ни одной волшебной сказки, у которых не было бы дубликата где-нибудь во Вселенной.

— Угу,— согласился Лэрд. Он говорил удивительно медленно и с той мягкостью, которая была свойственна только ему.— На одной из таких планет однажды выпустили джина из бутылки.

— Вот как? И что произошло?

— Он меня убил.

Я хотел было засмеяться, но еще раз посмотрел на Лэрда и передумал. Было непохоже, чтобы Лэрд шутил,— уж слишком он был серьезен. У него не было того нарочито бесстрастного лица, какое бывает у хорошего актера, который приготовился рассказать о чем-то невероятном — нет, к тому же в глубине его глаз я увидел неподдельную скорбь, к которой примешивалась немалая доля горького юмора.

Я не слишком хорошо знал этого человека, да и никто его не знал как следует. Большую часть времени Лэрд проводил в поездках по поручению Галактической Инспекции. Он реже других, занятых той же работой, отправлялся в новое путешествие и почти ничего не рассказывал о том, что довелось увидеть и пережить.

Из-за своего высокого роста и атлетического сложения Лэрд казался гигантом. А матовое лицо, орлиный профиль и зеленовато-серые блестящие глаза делали его очень привлекательным.

Он был уже немолод, но его возраст выдавали только тронутые сединой виски. Лэрд был неизменно вежлив, молчалив и почти никогда не смеялся. Старые друзья, знавшие его лет тридцать, рассказывали, что когда-то это был самый веселый и беззаботный офицер во всем Солнечном Флоте: они считали, что во время восстания что-то его так изменило, что с тех пор он стал совсем другим человеком. Сам Лэрд никогда и

ничего по этому поводу не говорил, а просто после войны вышел в отставку и поступил в Инспекцию.

Мы с ним сидели одни в уголке огромного зала Лунного филиала Клуба Исследователей, построенного вне главного купола Лунного Центра.

Столик наш стоял у большого окна, мы не торопясь потягивали коктейль с Центавра и, конечно же, болтали. Лэрд сам затеял этот разговор, но я подозревал, что сделано это было не для того, чтобы посидеть в компании, а чтобы что-то из меня вытянуть.

Мы уселись спиной к полупустому залу. В огромном окне перед нами во всем своем суровом великолепии распростерся лунный пейзаж: причудливые острые скалы, обрывистые берега кратеров, черные холмистые равнины — все было залито голубым светом Земли. Над нами же нависла абсолютная чернота Космоса, усыпанная сверкающими миллионами ледяных искр.

— Но потом вы, конечно, ожили? — спросил я с улыбкой, чтобы разрядить неловкую паузу.

Лэрд рассмеялся, но не слишком весело.

— Я могу рассказать вам эту историю,— сказал он.— Вы ей не поверите, но это неважно. Иногда я ее рассказываю — алкоголь, знаете ли, располагает к воспоминаниям.

Он уселся поглубже в кресло.

— Не могу сказать, что это был настоящий джин,— продолжал он.— Скорее, призрак. Это случилось на планете, где водятся призраки. Они господствовали там за миллион лет до появления человека на Земле. Они путешествовали по звездам и знали такие вещи, о которых современная цивилизация даже не подозревает. А потом цивилизация призраков исчезла. Их собственное оружие испепелило их в единой вспышке пламени, остались только бесформенные развалины, пустыни, и призраки, ждущие в бутылке своего часа.

Я сделал знак, чтобы нам принесли еще по бокалу, и невольно спросил себя, о чем же он хочет рассказать мне и все ли в порядке у этого гиганта со здравым смыслом. Однако... кто знает?

По ту сторону этой звездной завесы я видел такое, чего нельзя представить себе в самых безумных фантазиях. Я видел людей, которые, вернувшись оттуда, смотрели на все отсутствующим взглядом. В их мозгу поселилась ледяная пустыня космоса. Что-то разрушило слишком тонкие стенки их разума. Говорят, что космолетчики — доверчивая раса. Бог мне свидетель, такими они и должны быть.

— Вы говорите не о Новом Египте? — спросил я.

— Дурацкое название. Как только находят остатки большой исчезнувшей космической культуры, так непременно называют ее именем незначительной сельской долины на Земле. Я же говорю вам, люди Ввирдды были подобны богам, и, когда они гибли, гасли целые солнца от тех сил, что они развязали, мил-

лионы лет тому назад. Они в один день убили всех динозавров на Земле, и для этого им понадобился всего один корабль.

— Откуда, к дьяволу, вы об этом знаете? Не думаю, что археологи расшифровали их сообщение.

— Да, конечно. Единственное, что когда-нибудь узнают наши археологи — это то, что ввирдданцы были по виду совершенные гуманоиды, с далеко продвинувшейся межзвездной культурой, которая была сметена приблизительно миллион земных лет назад. По правде сказать, я не знаю, действительно ли они убили наших динозавров. Но зато знаю, что они постепенно уничтожали больших рептилий на планетах земного типа, подготавливая их таким образом для колонизации. И знаю, что они долетели до Земли, и потому предполагаю, что Земля тоже могла подвергнуться такой обработке.

Лэрд взял свой второй бокал и встал:

— Спасибо. А теперь разрешите мне, пожалуйста, продолжить свой рассказ.

Это было... когда же? Да, тридцать три года назад. Я был блестящим молодым лейтенантом с не менее блестящими и молодыми идеями. Восстание шло полным ходом, дженеранцы держали под контролем весь этот район космоса, кроме дороги на Стрелец, как вам, наверное, известно. Для Солнечной системы все складывалось хуже некуда. Я думаю, никто даже не подозревал, до какой степени мы были близки к поражению. Они готовились прорвать своими боевыми кораблями нашу линию обороны, смять наши границы и раздавить саму Землю своим адским потопом, который уже стерилизовал полдюжины планет. Наша защита, растянувшаяся на многие миллионы кубических световых лет, была ужасающе хрупкой. Ужасно!

Ввирдда — Новый Египет — была открыта незадолго до начала войны. Мы знали о ней мало, почти столько же, сколько и сегодня. В сущности, мы знали только то, что место, называемое Долиной Богов,содержит больше реликвий, чем любая другая точка на поверхности планеты. Я очень интересовался этой изыскательской работой и потому побывал на Ввирдде, чтобы принять участие в работе группы, которая обнаружила и привела в порядок гравитомагнитный генератор — тот самый, благодаря которому мы узнали очень многое о гравитомагнитных полях.

Я был молод, и живое воображение подсказывало мне, что в этом лабиринте можно найти и другие любопытные вещи. А изучив рапорты, понял, что и где надо искать — это было оружие, которое новые звезды имели миллионы лет тому назад...

Планета находилась далеко за линиями Дженерано и с военной точки зрения не представляла интереса. Видимо, поэтому дженеранцы не оставили там гарнизона, и я был уверен, что эти полуварвары и не догадывались, что таится на Ввирдде. И значит, у меня были все шансы на успех. Одноместный разведывательный самолет легко мог туда проникнуть — его совершенно невозможно блокировать в космическом пространстве, слишком он мал для этих дьявольски нечеловеческих пропор-

ций. Нам нечего было терять, кроме меня, а выигрыш был бы огромным, так что я полетел один.

Я добрался до планеты без всяких неприятностей, приземлился в Долине Богов и принялся за работу. Вот тогда все и началось.— Лэрд снова засмеялся, все так же невесело.— Над холмами низко висела Луна — громадный, как три Земли, щит. Ее белый ледяной свет наполнил до краев долину, приглушив цвета и рассеяв тени. А над ней разверзлось невероятное небо созвездия Стрельца — тысячи и тысячи пылающих светильников, громоздившихся один на другой, двигающихся и группирующихся то в четки, то в букеты, то в незнакомые человеческому глазу сочетания, сверкающие и подмигивающие в холодном воздухе. Свет Луны был так силен, что Лэрд мог различить даже поры на своей коже, когда окоченевшими пальцами ощупывал камень пирамиды. Ветер заставлял его дрожать, с сухим бормотаньем бросал в него целые горсти пыли, леденил тело. Дыхание Лэрда, вырываясь изо рта, повисало рядом призрачным облачком, воздух словно бы расплавлялся, когда он вдыхал его.

Вокруг лежали развалины того, что было когда-то городом, — несколько колонн, обрушившиеся стены, они сохранились только благодаря лаве, которая растеклась по ним и этим их укрепила.

Камни высоко поднимались в нереальном свете луны и, казалось, шевелились, когда ветер проносил перед Лэрдом песок и тени. Город-призрак. Его развалины были последним отголоском жизни, бурлившей когда-то на этой планете, вымётенной ветрами.

Но что-то под этой поверхностью, в глубине...

Что это за жужжание высоко в небе? Оно становится громче, приближается. Исходит ли оно от звезд, Луны или от ветра? За несколько минут до того, как Лэрд его услышал, стрелка его гравитомагнитного детектора закачалась в глубинах пирамиды. Он поспешно поднялся и теперь настороженно смотрел и слушал. Сердце его замерло.

«Нет, нет, только не дженеранский корабль... если они придут, это конец всему!» — думал он в отчаянии.

Лэрд ругался со злой яростью. Ветер разносил его слова вместе с поднятым песком и хоронил их в вечном молчании долины. Взгляд Лэрда устремился к его суденышку. Корабля не было видно, он сливался с большой пирамидой. Лэрд из предосторожности набросал на свой корабль песку, но если у дженеранцев есть металлоискатель, песок им не помешает. Лэрд проворен, но, к несчастью, безоружен. Они легко отыщут его по следу в лабиринте и найдут усыпальницу.

Господи! Неужели это он привел их сюда? Неужели и план, который он выносил, и все его усилия позволят врагу овладеть тем оружием, которое уничтожит Землю...

Рука Лэрда сжалась на рукоятке огнемета. Жалкое оружие, дурацкий пистолет с кнопкой... Что он может сделать?

Но Лэрд принял решение. Отчаянно ругаясь, он повернулся и бегом бросился в глубь пирамиды.

Его факел освещал бесконечные коридоры слабым, мерцающим светом. Тени плясали над ним и позади него, шли по бокам; это были старые миллионнолетние тени, они сползались отовсюду, чтобы задушить его.

Ботинки Лэрда громко щелкали по камню, и эхо шумно повторяло эти звуки. В нем стал подниматься первобытный ужас, еще больше усиливший его тревогу. Лэрд спускался в древнюю гробницу, в гробницу богов, и ему потребовались вся его энергия, все мужество, чтобы не бежать отсюда сломя голову. Он боялся обернуться.

Ниже, еще ниже, по этому петлявшему туннелю, ведущему вниз, в самое чрево планеты. Человек может блуждать здесь до смерти в холоде, темноте, со всех сторон окруженный грозным эхом. Ему понадобятся недели, чтобы найти дорогу к усыпальнице, а единственным указателем, помогающим ее отыскать, были только рапорты Марчисона, которые он читал. Теперь...

Лэрд бросился в узкий проход, взорвал огромную дверь. она наклонилась и приоткрыла тьму, которая сгустилась за ней. Дверь была высотой метров в пятнадцать. Он проскочил под ней, как муравей, и вошел в самое сердце пирамиды.

Его факел осветил металл, стекло, какие-то материалы, которые он видел впервые и которые оставались здесь запечатанными миллион лет до тех пор, пока он не пришел разбудить машины, оставленные здесь призраками — древней расой Ввирдды. Но как они действуют, Лэрд не знал. Он пропустил ток в некоторые элементы, они замурлыкали и замигали, но он не решился продолжать эксперименты. Лэрд надеялся найти антигравитационные соединения, перенести все эти машины на борт своего корабля и вернуться домой, чтобы передать их в руки ученых. Но теперь его зубы оскалились в волчьей усмешке. Он зажег большую лампу. Белый свет залил гробницу, отразился на этих чудовищных машинах, которыми он не мог воспользоваться и которые вобрали в себя мудрость и технологию расы, миллионы лет бороздившей звезды и смещавшей планеты. Может быть, он и смог бы понять, как пользоваться той или иной вещью до появления дженеранцев. Может быть, он мог бы уничтожить врагов одним ударом дьявольской метлы — в точности, как герой фильма, сказал он себе — или просто разрушить все то, что здесь сохранилось, чтобы оно не попало в руки дженеранцев.

Надо было, конечно, предвидеть и такую вероятность. Надо было сделать бомбу, чтобы отправить к дьяволу всю пирамиду...

Овладев собой, он остановил яростный бег своего разума и огляделся вокруг. На стенах были рисунки: стершиеся от времени, но все еще различимые пиктографии, предназначавшиеся, по всей вероятности, тому, кто в конце концов обнаружит это сокровище. Там были изображены жители Нового Египта, очень близкие к человеческому типу — высокие и величественные, с черной кожей, острыми чертами лица, в яркой одежде. Он

обратил особое внимание на один из рисунков. На нем была изображена серия жестов: человек брал предмет, похожий на стеклянный, укреплял его на голове и нажимал на маленькие переключатели. Лэрду хотелось попробовать сделать это, но... Боже мой, а каким будет результат?

Он нашел стеклянную каску и осторожно надел на голову. Вероятно, это было последнее, решающее средство. Предмет был холодный, гладкий, твердый, на голову Лэрда он надевался медленно, в нем было что-то странно... живое. Лэрд вздрогнул и повернулся к ввирддским машинам.

Вон та штука с длинным дулом, обернутым проволочной спиралью — проектор какого-нибудь рода энергии? Как пустить ее в ход? Черт побери, где же отверстие? Он услышал легкий звук шагов, доносящихся из бесконечных извилистых коридоров. «Боже мой! — простонал он,— видно, они не теряют времени!»

Однако дженеранцы могли не торопиться — они действовали наверняка: детекор металлов уже, должно быть, сказал им, что Лэрд находится именно в этой пирамиде, а не в какой-нибудь из тех, что рассеяны по долине. А счетчики энергии засекли его здесь...

Он погасил свет и присел за одной из машин, тяжело сжимая в руке свой огнемет.

Шаги стихли, и голос из-за двери сказал:

— Сопротивление бесполезно, Солнечник. Выходите!

Лэрд закусил губу и замер. Затем раздался женский голос,— красивый голос, как отметил некстати Лэрд, низкий, хорошо модулированный, но с металлическим оттенком. Грубый народ эти дженеранцы. Даже их женщины командуют отрядами, водят суда и убивают мужчин.

— Вам лучше выйти, Солнечник. Вы хорошо поработали для нас. Мы давно предполагали, что вы попытаетесь добраться сюда. Археологические рапорты от нас ускользнули, поэтому мы не рискнули действовать сами. Но мой патруль стоял поблизости от этого солнца, а на орбите вокруг планеты кружилось мое судно с детекторами. Мы выследили вас, дали вам время поработать, а теперь пришли взять то, что вы нашли.

— Убирайтесь,— крикнул Лэрд, отчаянно блефуя.— Я поставил бомбу. Уходите, или я взорву ее

В ответ раздался презрительный смех.

— Если бы вы ее сделали, мы об этом знали бы. Солнечник, вы даже не сняли космический комбинезон. Выходите с поднятыми руками, иначе мы пустим в усыпальницу газ.

— Отлично! — вскричал он, едва ли сознавая, что говорит.— Отлично, вы сами этого хотели!

И двинул переключатель каски.

В голове его словно взорвалось что-то — с таким грохотом осветилась темнота. Обезумев от охватившей его ярости, чувствуя боль, бегущую вдоль его нервов и сухожилий. Лэрд тяжело упал на пол и над ним сомкнулись тени. Ночь и смерть, и гибель мира. И где-то высоко, над всем этим, Лэрд услышал... взрыв смеха.

Скрюченный, стонущий, он лежал за машиной. Дженеранцы медленно, осторожно вошли в усыпальницу и теперь стояли над ним, наблюдая за последними судорогами его тела.

Они были высоки и хорошо сложены, эти мятежники дженеранцы. Триста лет тому назад Земля послала самых лучших из тех, что у нее были, для колонизации планет Стрельца. Им пришлось вести долгую и жестокую борьбу, завоевывать, строить, привыкать к планетам, которые не были и никогда не будут Землей, и все это изменило их, сделало их тело похожим на металл и заледенило их души.

Все началось с ссоры по поводу таможенных тарифов, которая затем переросла в восстание против Империи. В сущности, это была новая культура, желающая как можно быстрей самоутвердиться, культура, рожденная в огне и одиночестве громадных пустых пространств между звездами. Это было диким и безудержным мятежом ребенка-мутанта. Они стояли, бесстрастно смотрели на распростертое перед ними тело и ждали, когда оно затихнет в неподвижности. Затем один из них наклонился и снял с Лэрда каску, сделанную из какого-то блестящего металла, похожего на стекло.

— Он, видимо, принял это за инструмент, которым можно воспользоваться против нас,— сказал дженеранец, вертя в руках каску,— но эта вещь не приспособлена к его жизненному типу. У древних обитателей этой планеты был совершенно человеческий вид, но не думаю, что сходство с людьми шло дальше поверхности кожи.

Женщина-командир с некоторой жалостью опустила глаза.

— Он был храбрым человеком,— сказала она.

— Подождите, кажется он еще жив. Смотрите, он шевелится...

Дариш заставил свое дрожащее тело встать на четвереньки. Он чувствовал жалкую его слабость, ощущал заледеневшее горло, напряженные нервы, сведенные судорогой мускулы. Мозг его наполняли страх и отчаяние. Перед ним были враги, и это означало смерть цивилизации и миру. Но самое главное, он испытывал страшную тяжесть, онемение в нервной системе. Он был нем, глух, слеп, отрезан от самого себя и от управления своими пятью слабыми чувствами.

Ввирдда, Ввирдда, боже мой, он оказался пленником чужого мозга, который не содержал участка, излучающего телепатические волны. Он был призраком, воплотившимся во что-то, что казалось ему наполовину трупом!

Сильные руки помогли ему встать.

— Глупо было пытаться,— сказал холодный женский голос.

Дариш чувствовал, как возвращаются к нему силы по мере того, как нервная и эндокринная системы и мускулатура находили новое равновесие, а его ум проснулся, готовый бороться с безумцем, который был Лэрдом. Он дышал и вздрагивал от давно забытого ощущения: воздух в его ноздрях после... стольких лет? Сколько времени он был мертвым?

Глаза его уставились на женщину. Она была высока и

красива. Рыжие волосы выбивались из-под шлема с забралом, широко расставленные голубые глаза смотрели открыто, немного резкие, но прекрасного рисунка черты лица, окрашенные свежестью молодости. Он на минуту вспомнил Илорну, и старая боль вдруг охватила его... Усилием воли он погасил ее, снова поднял на женщину глаза и улыбнулся.

Это была оскорбительная улыбка, и женщина гневно выпрямилась.

— Кто вы, Солнечник? — спросила она. Смысл вопроса был вполне ясен Дариш, который располагал теперь и воспоминаниями хозяина этого мозга с его лингвистическими познаниями, и своими собственными воспоминаниями, а также знаниями Ввирдды. Он твердо ответил:

— Лейтенант Джон Лэрд Императорского Солнечного Флота к вашим услугам. А кто вы?

— Вы слишком далеко заходите,— ответила она ледяным тоном,— но поскольку я намерена допросить вас более детально... Я капитан Джоана Ростов, Дженеранский Флот.

Дариш огляделся вокруг. Он не мог сейчас рыться в глубине воспоминаний Лэрда, но и так было ясно, что он стоит перед врагом. Что было справедливым и несправедливым в ссоре, затеянной века назад, после гибели Ввирдды ничего для него не значило, ровным счетом ничего. Но ему необходимо было узнать как можно больше, чтобы действовать свободно. Тем более, что Лэрд, видимо, выжил и стал сопротивляться.

Знакомые машины выглядели как-то беспокоящe. Тут было чем превратить в пыль целые планеты! Культура, которая должна была унаследовать их, казалась варварской. Но во всяком случае, решение об использовании этих адских слуг принадлежало ему. Он поднял голову с бессознательным высокомерием. Ему! Потому что он — последний представитель Ввирдды, а эти машины строила Ввирдда. Это было его наследство.

Он должен был убежать.

Джоана Ростов смотрела на него со смесью любопытства, сурового подозрения, смущения и страха.

— В вас есть что-то странное, лейтенант,— сказала она. — Вы совершенно не похожи на человека, планы которого только что потерпели крушение. Для чего служит эта каска?

Дариш пожал плечами.

— Это часть контролируемого механизма,— ответил он с легкостью.— В своем нервном состоянии я не мог ею управлять, как надо. Но это неважно. Тут есть множество других машин.

— А для чего они?

— О, они умеют много. Например, вот эта — атомный дезинтегратор, а эта — защитное приспособление, а...

— Вы лжете. Вы не можете знать обо всем этом больше нас.

— Доказать?

— Конечно, нет. Идите сюда!

Дариш спокойно оценил расстояние. У него восстановилась вся великолепная психо-соматическая координация его расы, тренированная миллионы лет, но в этом теле, видимо, не хватало субклеточных элементов. Тем не менее... нужно избегать риска.

Он бросился на дженеранца, стоявшего рядом с ним. Одной рукой рубанул человека по горлу, другой схватил его за одежду и бросил на соседа. Все в этом же стремительном порыве Дариш перепрыгнул через лежащее тело и, схватив оброненное одним из врагов атомное ружье, ударил по выключателю магнитного проектора.

В полутьме засверкало оружие. Пули, войдя в это фантастическое магнитное поле, взрывались и распадались. Дариш прыгнул к двери и бросился в туннель.

Опомнившись, они кинулись за ним, но это его новое тело было таким мощным и с такими длинными ногами, к тому же теперь оно стало подчиняться Даришу, он хорошо понимал и чувствовал его реакции. Дариш бежал легко, дышал ровно и берег силы. Он еще не мог автоматически управлять своими вероломными функциями, нервная система очень отличалась от его собственной, но он чувствовал, что может бежать в том же темпе еще очень долго.

Дариш юркнул в боковой проход, о котором вдруг так кстати вспомнил. Позади него щелкнуло ружье и плюнуло ему вдогонку дождем пуль. Некоторые из них попали в магнитное поле. Дженеранцам придется проверить каждый завиток лабиринта, каждый изгиб туннеля или воспользоваться детектором жизненной энергии, если, конечно, он у них есть, иначе им никогда не найти его. Он затеряется в этих бесчисленных туннелях и будет блуждать по ним до тех пор, пока они не умрут от истощения.

Однако эта женщина, кажется, достаточно умна. Она догадается, что он направляется к поверхности и к их кораблям. Она попытается преградить ему путь. Это немного пугало. Он побежал дальше.

Коридоры пирамиды, темные и пустые, казалось, заморозили в себе века, тысячелетия. Воздух здесь был сухим и пыльным. Сколько времени прошло? Сколько веков?

Джон Лэрд медленно приходил в себя. Его нейтронные связи нашли знакомые пути, ансамбль, составлявший его личность, боролся за право существовать. Дариш вздрогнул, когда мозг начал ощупью, наугад давать приказы мускулам, ругался и желал, чтобы его второе «я» вернулось из небытия. Держись, Дариш, держись еще несколько минут.

Он выпрыгнул через маленькое боковое отверстие и оказался среди развалин в долине. Свежий легкий ветер раздражал его легкие, он жадно смотрел вокруг, на песок, на камни, на незнакомые звезды. Новые сочетания... Боже, значит, прошло очень много времени! Луна стала больше, чем он ее помнил, и заливала мертвый пейзаж то ли серебряным, то ли пронизывающе-ледяным светом. Видимо, она приблизилась к планете за эти неисчислимые века.

Корабль! Черт побери, где он?

Он увидел недалеко корабль дженеранцев — длинную торпеду, стоящую на дюнах. Но его, конечно, охраняют, нечего и думать захватить его в одиночку, без оружия. Но где корабль Лэрда?

Ощупью, пробираясь в смутных воспоминаниях незнакомца, чей мозг принадлежал теперь и ему, Дариш вспомнил, что он захоронил корабль к востоку... Нет, это сделал не он, а Лэрд. Проклятие, надо работать скорее. Он пошел вокруг истонченной эрозией пирамиды, наткнулся на холмик и увидел отражение Луны там, где ветер смел песок и обнажил металл. Какой непроходимый дурак, этот Лэрд!

Дариш смахнул песок с пневматического шлюза. Воздух, которым он дышал, раздирал ему горло и легкие. Еще секунда, другая, и враги догонят его, но теперь, когда они поняли, что он знает, как действуют машины...

Дверь шлюза блеснула слабым светом, он чувствовал ее холод под руками. Дариш повернул внешнюю ручку, сыпя страшными проклятиями, незнакомыми старой Ввирдде, но, видимо, привычными для его хозяина, существа без психосоматической тренировки, не эволюционирующего... Они идут!

Он поднял захваченное ружье и бросил грохочущий разряд в группу людей, показавшихся из-за пирамиды. Они спотыкались и падали, как куклы, вопили от страха и ярости, залитые смертельной белизной лунного света. Пули свистели вокруг Дариша и падали рикошетом на гребень судна.

Он открыл люк, пока они отступали, чтобы собраться с силами для новой атаки. На секунду его зубы блеснули в ледяной улыбке Дариша, воина, который правил тысячью солнц и командовал космическим флотом Ввирдды.

— Прощайте, мои милые,— пробормотал он, и древний язык был сладок его губам.

Дариш захлопнул дверь люка, вбежал в рубку управления, предоставив телу совершать все те автоматические действия, которые были так привычны для Джона Лэрда — все то, что нужно для того, чтобы взлететь. Он взлетел тяжело, но поднимался уже уверенней, а затем стал удаляться.

Но тут корабль сильно тряхнуло. Дариша чуть не выбросило из кресла пилота. Послышался скрежет разрываемого металла. Боже! Дженеранцы выстрелили из тяжелого орудия с борта своего судна. Они задели его корабль, и теперь он со свистом несся обратно к Ввирдде.

Дариш печально прикинул, что, поскольку у него хорошая траектория, он упадет в холмы приблизительно в ста пятидесяти километрах от долины. Но ему придется бежать, они будут преследовать его на своем корабле, гнать, как дикого зверя,— Джон Лэрд получит то, что хотел. Мускулы сокращались, сухожилия напрягались, глотка изрыгала проклятия, в то время как личность снова проявилась и яростно пыталась найти себя. Это сражение должно скоро закончиться!

— Ну, что ж... — Дариш мысленно пожал плечами. В самом

лучшем случае он может сдаться дженеранцам, стать заодно с ними. Какая разница, кто выиграет эту маленькую идиотскую войну? У него есть другие дела.

Кошмар! Джон Лэрд скорчился в пещере, выметенной ветром, и смотрел оттуда на холмы, освещенные холодным лунным светом. Глазами другого он видел корабль дженеранцев, приземлившийся рядом с обломками его собственного судна, отблески стального света, когда люди рассеялись вокруг, чтобы начать охоту. Они охотились на него.

Но был ли он еще самим собой, не был ли он всего лишь пленником в собственном черепе? К нему приходили чужие воспоминания, а собственные воспоминания имели чужие мысли. Он убегал от врагов, но в то же время он, Лэрд, крутился в темных безднах подступающего безумия. Он вспоминал собственную жизнь, но помнил и другую, которая длилась тысячу лет. Он смотрел на эти дикие скалы, на песок, на пыль, разносимую ветром, и видел это место таким, каким оно было — зеленым и прекрасным. Он вспомнил, что когда-то был Даришем де Толлога и правил целыми планетами в Империи Ввирдды. И в то же время он был Джоном Лэрдом с Земли: два потока мыслей пересекались в его мозгу, вытекая один из другого, обменивались криками в глубине его мозга.

Миллион лет! Дариш мысленно созерцал развалины Ввирдды, и его охватил ужас, ностальгия и раздирающая скорбь. Миллион лет?

— Кто вы? — кричал Лэрд.— Что вы со мной сделали?

И пока он задавал эти вопросы, поднимались теперь уже его собственные воспоминания и отвечали ему.

Это было восстание эроев, отцы которых приехали на Ввирдду, как друзья, но с веками странно изменились. Они восстали против незыблемого правления Бессмертных. За один век войны эрои объединили половину Империи. Бессмертные могли применить против них самое мощное, самое первоклассное оружие, способное уничтожить даже солнце, оружие запрещенное, которое миллионы лет оставалось захороненным в самых глубоких подземельях Ввирдды. Но... эрои знали об этом. И у них тоже было это оружие.

В конце концов Ввирдда пала, ее флот был уничтожен, армия разбежалась по 10000 опустошенных планет. Торжествующие эрои бросились добивать мир, в котором они родились, и в мощных имперских арсеналах не нашлось больше ничего, что могло бы их остановить.

Культура эроев была нестабильна и не могла длиться так же долго, как культура Ввирдды. Через каких-нибудь 1000 лет эрои исчезли, и в Галактике не сохранились даже воспоминания о них. «Но это нам ничего не дает»,— сказал себе с горечью Лэрд и вдруг с леденящим ужасом понял, что это мысль Дариша.

Тон внутреннего монолога ввирдданца внезапно стал почти разговорным, и Лэрд понял, какое огромное усилие потребовалось ему, чтобы преодолеть это миллионнолетнее одиночество.

— Послушай, Лэрд, мы, по-видимому, осуждены занимать одно и то же тело, и ни один из нас не может избавиться от другого, и, похоже, дженеранцы не прочь это тело захватить. Чем больше мы будем сражаться друг с другом, тем беззащитнее станет наше тело — так не лучше ли нам объединиться?

— Но... Боже мой, дружище, за кого ты меня принимаешь? Неужели ты думаешь, что я горю желанием иметь в своем мозгу такого вампира?

Ответ был ледяной и яростный:

— А я, Лэрд? Я, который был Даришем де Толлога, господином тысячи солнц и любовником прекрасной Илорны, благородной Бессмертной самой крупной Империи, какую когда-нибудь знала Вселенная... А теперь я пойман в ловушку в теле полуэволюционированного существа с другой планеты, существа, появившегося через миллионы лет после смерти всего, что имело цену. Ты должен был присоединиться ко мне, когда оказался здесь, Лэрд. Я управлял орудием. Я!

Глаза оглядели голый пейзаж, подметенные ветром холмы, и двойной разум смотрел на силуэты дженеранцев, издали казавшихся крошечными. Они упрямо карабкались по скалам, отыскивая след беглеца.

— Что нам это теперь даст, — сказал Лэрд,— кроме того, что я могу слушать твои мысли и вспоминать твою прежнюю жизнь. Солнце или Дженерано — это для тебя одно и то же. Откуда мне знать, не собираешься ли ты играть мной?

Ответ последовал мгновенно, но слова сопровождались неприятным смехом.

— Ну... читай в моем мозгу, Лэрд! Это ведь и твой мозг, не так ли? По-видимому,— добавил он более спокойно,— в восстании дженеранцев против планеты-матери история повторяется, но на более низкой ступени и с менее развитым знанием. Я не ожидаю более счастливых результатов для цивилизации, чем это было раньше. Но, может, я смогу принять в том, что происходит, более активное участие, чем принимал тогда.

Было что-то фантастическое в том, как он, лежа в развалинах древнего мира и наблюдая за преследователями, думал не своими мыслями, над которыми у него не было контроля. Лэрд даже кулаки сжал, борясь за свое равновесие.

— Так-то лучше,— сказал сардонически разум Дариша.— Но не напрягайся. Дыши медленно и глубоко, хотя бы на минуту сосредоточься только на дыхании, а затем обшарь мой мозг, который также и твой.

— Замолчи! Заткнись!

— Боюсь, что это невозможно. Мы в одном и том же мозгу, ты же знаешь, и каждый из нас должен привыкнуть к потоку сознания другого. Расслабься, дружище, успокойся. Вспомни, что с тобой произошло, и согласись, что тебе еще повезло.

Говорят, что человек — это животное, порабощающее время. Но только могучая воля и горячее стремление Ввирдды могли

когда-то преодолеть барьеры самой смерти и миллионы лет ждать, ждать случайной возможности только для того, чтобы умирающий мир не исчез из истории навсегда.

Что такое личность? Это нечто не совсем понятное и нематериальное, это схема и процесс. Тело начинается с некоего генетического наследства и встречается с самыми различными осложнениями в своем окружении, на которые оно определенным образом реагирует. Весь организм — это следствие реакций между двумя элементами. Составляющая умственного начала, называемая иногда «я», неотделима от тела, но в какой-то степени может быть изучена отдельно.

Наука нашла средство спасти кое-что из того, что было Даришем. Пока враги изрыгали гром и пламя у ворот Ввирдды, пока вся планета ждала последнего боя и решающей ночи, ученые в лабораториях завершили молекулярные исследования, чтобы ансамбль, состоящий из памяти, рефлексов, привычек, инстинктов, непрерывности «я» можно было записать на электронной структуре некоторых кристаллов. Они взяли схему Дариша и никого другого, потому что из всех оставшихся Бессмертных на это согласился только он один. Кто другой мог захотеть, чтобы схема повторилась спустя века после ее собственной смерти, спустя века после того, как этот мир, вся его история и все это значение бесследно исчезли в веках? Но Дариш всегда был отважен. Илорна умерла, и теперь ему было почти безразлично все, что могло случиться.

Илорна, Илорна! Лэрд видел незабываемый образ, возникший в его памяти, ее золотые глаза, ее улыбку, длинные черные волосы, спускавшиеся вдоль очаровательного гибкого тела. Он вспомнил звук ее голоса, нежность ее губ. Он любил ее. За миллион лет от нее осталась только пыль, да и та унесена ночным ветром, а он все еще любил ее той своей частью, которая была Даришем, а также большей частью и его, Джона Лэрда... Илорна!

И Дариш — человек в конце концов умер вместе со своей планетой, но запись на кристалле, которая могла воспроизвести ЭГО Дариша, находилась в усыпальнице, которую они вырыли в самой глубине планеты, рядом с самым мощным оружием Ввирдды. Рано или поздно в какой-то момент в бесконечном будущем Вселенной кто-то придет, кто-то наденет на голову каску и включит ее. Схема воспроизведется, разум Дариша оживет, и Дариш заговорит от имени покойной Ввирдды и постарается возобновить традиции, существовавшие миллион лет назад. Обет, данный Ввирдде, пройдет через время... «Но Ввирдда мертва,— резко подумал Лэрд.— Теперь новая история... и вы не можете указывать нам, что мы должны делать!»

Последовал немедленный, ледяной ответ:

— Я буду делать то, что найду нужным. А тебе советую оставаться пассивным и не пытаться спорить со мной.

— Заткнись, Дариш! — заворчал Лэрд.— Я ни от кого не желаю получать приказы, тем более от призрака.

Голос стал убеждать:

— В настоящее время ни у тебя, ни у меня нет выбора. За нами охотятся, и если у дженеранцев есть детектор жизненной энергии — да, я вижу, что у них он есть — они найдут нас всего лишь по тепловому лучу этого нашего тела. Самое лучшее для нас — не сопротивляться. Когда мы окажемся на борту корабля, нагруженного всей мощью Ввирдды, нам может представиться случай.

Лэрд спокойно лежал и смотрел на приближающихся врагов, чувство поражения придавило его к земле, как обрушившийся мир. Что может он сделать с Дариш? Стоит ли пытаться?

— Прекрасно,— сказал он наконец вслух.— ПРЕКРАСНО. Но я буду следить за всеми твоими мыслями, понятно? Я не думаю, что ты можешь помешать мне покончить с собой, если я буду вынужден это сделать.

— Думаю, что не смогу. Но противоречащие друг другу сигналы, посылаемые телу, нейтрализуются взаимно и оставляют тело выпутываться, как само сумеет. Расслабься, Лэрд, отдались и дай мне взять тело в свои руки. Я Дариш-воин, я прошел через более жестокие сражения, чем это.

Он встал и пошел к спуску холма, подняв руки. По дороге Дариш продолжил свою мысль:

«Кроме всего прочего... эта очаровательная девушка-командир... Это может оказаться интересным!»

Его смех зазвучал под Луной, но он не был похож на человеческий.

— Я вас не понимаю, Джон Лэрд,— сказала Джоана.

— Иной раз,— ответил легкомысленным тоном Дариш,— я и сам себя не вполне понимаю... И вас тоже, дорогая.

Она выпрямилась.

— Хорошо, лейтенант. Не забывайте о своем положении здесь.

— Ох! К дьяволу наши чины! Давайте будем просто живыми людьми для разнообразия.

Она испуганно посмотрела на него.

— Странная манера выражаться для Солнечника.

Дариш мысленно выругался. К дьяволу это тело! Сила, тонкость координации и приема, половина чувств, известных ему, в этом теле отсутствовала. Грубая структура мозга удерживала только ту способность мышления, которую имела. Мысли были темны и ленивы. Он совершал промахи, к которым старый Дариш был не способен. И эта молодая женщина их тотчас же заметила. Он был пленником смертельных врагов Джона Лэрда, а разум самого Лэрда запутался в его мыслях, его воле и его памяти. Он, Дариш, готов сражаться, если появится хоть малейший признак...

ЭГО Солнечника злобно ухмыльнулось. Осторожно, Дариш, осторожно!

— Замолчи,— возразил Лэрду внутренний голос Дариша, а сам он наконец осознал, что и его собственная нервная система, как бы она ни была тренирована, тоже устала.

— Я могу сказать вам правду, капитан Ростов,— сказал он громко.— Я вовсе не Лэрд. Я больше не Лэрд.

Она не ответила, только опустила глаза и откинулась в кресле. Он попутно отметил длину ее ресниц — а, может, это отметил разум Лэрда, приведенный в действие слишком большим сходством с Илорной?

Они сидели вдвоем в ее маленькой кабине на борту крейсера дженеранцев. Стражник стоял за дверью, но дверь была закрыта. Время от времени они слышали глухой металлический звук: на борт поднимали тяжелые машины Ввирды; если бы не этот шум, они могли бы считать себя единственными живыми существами на этой старой лопнувшей планете.

Комната была меблирована скудно, но во всем чувствовалось присутствие женщины — занавеси, небольшой цветок в горшке, нарядное платье в полуоткрытом шкафу. И женщина, сидевшая напротив него за столом, была очень красива со своими рыжими волосами, свободно падавшими на плечи, и блестящими глазами. Но ее тонкая рука лежала на рукоятке пистолета.

Она сказала ему откровенно:

— Я хотела бы поговорить с вами наедине. Есть кое-что, чего я не понимаю. Но при малейшем подозрении я буду стрелять. И даже если вам каким-то образом удастся захватить меня, имейте в виду, что я, как заложница, не представляю никакого интереса. Мы — дженеранцы, и для каждого из нас корабль дороже жизни.

Теперь она ждала, что он продолжит свою речь.

Он взял сигарету из пачки, лежащей на столе — это опять-таки привычка Лэрда — закурил и медленно вдохнул дым. «Очень хорошо, Дариш, продолжай в том же духе. Мне кажется, твоя идея неплоха, если, конечно, она приведет к чему-нибудь. Но я слушаю, не забывай об этом».

— Я — все, что осталось от этой планеты,— сказал он ровным тоном.— Перед вами ЭГО Дариша де Толлога, Бессмертного из Ввирдды, и в каком-то смысле я умер миллион лет тому назад.

Она сидела неподвижно, но он видел, как сжались ее руки, ощущал ее легкое дыхание.

В немногих словах он объяснил, каким образом его ментальная схема была сохранена и каким образом он вошел в мозг Джона Лэрда.

— Вы ожидаете, что я поверю этой истории? — презрительно спросила она.

— У вас на борту есть детектор лжи?

— Он есть в этой кабине, и я могу пустить его в ход.

Она поднялась и пошла к шкафу, чтобы достать аппарат. Он смотрел на нее, отмечая грацию ее движений. Ты давным-давно умерла Илорна... ты умерла, и во всей Вселенной не было и не будет такой, как ты. Но я продолжаю жить, и она напоминает мне тебя.

На столе между ними стоял черный предмет, мурлыкал и светился. Дариш надел металлическую каску, взялся за рукоятку и стал ждать, пока она настроит прибор. Благодаря воспоминаниям Лэрда, он знал принцип действия прибора, меру активности различных мозговых центров, точное опреде-

ление легкой добавочной энергии, появляющейся в коре головного мозга в момент придумывания лжи.

— Нужен ориентир,— сказала она.— Скажите какую-нибудь заведомую ложь.

— Новый Египет,— сказал он с улыбкой,— имеет кольца из голландского сыра. Однако сердце планеты состоит из великолепного камамбера...

— Подойдет. А теперь повторите ваши недавние заявления.

«Расслабься, Лэрд, ради бога... Сотрись! Я не могу контролировать эту штуку, если ты будешь вмешиваться».

Дариш твердым голосом повторил свой рассказ, одновременно работая внутри мозга Лэрда. Прощупывая его ощущения, он пользовался и уроками контроля нервной системы, которые входили в его ввирданское образование. Конечно, обмануть простой электронный прибор оказалось нетрудно. Для этого надо было поднять уровень активности во всех центрах, чтобы добавочное усиление творящих ложь клеток оказалось невозможно обнаружить.

Он без колебания продолжал, думая в то же время, не выдадут ли его подскочившие стрелки и не сработает ли тут же пистолет Джоаны, посылая в его сердце смерть.

— Естественно, что личность Лэрда полностью пропала,— говорил Дариш между тем,— его схемы под давлением моих стерлись. У меня, конечно, остались его воспоминания, но за их исключением, я, Дарвиш с Ввирдды, к вашим услугам.

— Хорошенькие услуги,— ответила, прикусив губу, Джоана, — Вы убили четверых моих людей.

— Поставьте себя на мое место. Я только что начал новое существование. Помню только, что сидел под аппаратом, потом легкое головокружение — и вдруг я оказываюсь в чужом теле. Моя нервная система была потрясена, я не мог ясно мыслить. В моем распоряжении было только убеждение, оставшееся от Лэрда — что я окружен смертельными врагами, готовыми убить меня, и потому я действовал инстинктивно. Мне хотелось, кроме того, быть свободным в моей собственной личности, выйти из всего этого и самому принять решение. Так я и сделал. Я сожалею о смерти ваших людей, но думаю, что вы получили достаточную компенсацию.

— Гм... Но вы сдались только тогда, когда мы взяли бы вас в любом случае.

— Да, конечно, но я почти решился сделать это в любом случае.

Глаза женщины не отрывались от экрана, где мерцающие стрелки означали для него жизнь или смерть.

— В конце концов я оказался на вашей территории и был почти уверен, что меня пристрелят: ведь вы побеждающая сторона в этой войне, которая не имеет для меня никакого смысла — во всяком случае эмоционально. Но насколько я понимаю, для человеческой расы будет лучше, если победят дженеранцы. История показала: когда местная культура еще не разработана — что старая империя квалифицирует как варварство,

именно эти страны являются цивилизациями будущего — они лучше адаптируются ко всему новому. Поэтому когда такая культура торжествует над более старыми и более консервативными культурами, результатом является ее полная самореализация и необычайный взлет.

Он заметил, что Джоана расслабилась, и внутренне улыбнулся. Все действительно оказалось легко, очень легко. Этот молодой век так ребячлив. Всего и дела, что предложить ей красивую ложь, которая соответствовала бы пропаганде, окружавшей ее с самого рождения — и эта девушка не сможет больше всерьез считать его врагом.

Голубые глаза поднялись на него, губы полуоткрылись.

— Вы хотите помочь нам? — спросила она шепотом.

Дариш кивнул.

— Я знаю принцип работы этих машин, их конструкцию, умею ими управлять. В них действительно заключены силы, способные изменить планеты. Ваши ученые никогда не откроют и половины того, что было открыто Ввирддой. Я покажу вам, как пользоваться всем этим. Естественно,— добавил он, пожимая плечами,— я рассчитываю на соответствующее вознаграждение. Но даже из чисто альтруистических соображений я сделаю все, что могу. Эти источники энергии должны быть под управлением того, кто в них разбирается. Недостаточное знание может привести к невообразимым катастрофам.

Джоана внезапно вложила оружие в кобуру, встала и протянула Даришу руку.

Он крепко пожал ее и наклонился, чтобы поцеловать. Когда же поднял глаза, то увидел, что она смущена, полусчастлива, полуиспугана.

— Это не корректно! — запротестовал Лэрд.— Бедная девочка никогда не встречалась ни с чем таким. Она не имеет представления о кокетстве, для нее любовь — не игра, а что-то таинственное, серьезное...

— Я тебе сказал — молчи,— хрипло ответил Дариш.— Слушай, друг, даже если у нас будет официальный пропуск, на этом судне отношение к нам останется довольно враждебным. Мы должны контролировать наше положение всеми доступными средствами. А теперь успокойся и позабавься.

Он снова повернулся к столу и взял Джоану за руки.

— Вы знаете,— сказал он с неловкой улыбкой, которая говорила о том, что его слова были почти правдой,— глядя на вас, я вспоминаю женщину, которую любил на Ввирдде миллион лет тому назад.

Она сделала легкое движение назад.

— Я не могу этому помешать,— сказала она.— Но вы... вы стары, вы не нашего цикла, и то, что вы думаете и знаете, заставляет меня чувствовать себя перед вами ребенком. Дариш, это меня пугает.

— Напрасно, Джоана,— сказал он мягко.— Мой разум молод и очень одинок.— Он придал своему голосу немного разочарования.— Джоана, мне так нужен кто-то, с кем я мог бы по-

говорить. Вы не можете себе представить, что это такое — проснуться через миллион лет, когда твой мир полностью мертв, и быть более одиноким, чем... Ах, позвольте мне время от времени приходить и по-дружески разговаривать с вами. Забудем время, смерть и одиночество. Мне очень нужен кто-то вроде вас.

Она опустила глаза и сказала совершенно честно:

— Я тоже думаю, что это будет хорошо, Дариш. У капитана корабля нет друзей, как вам известно. Меня назначили на этот пост, потому что у меня были к этому способности, вот и все. Да, вы можете приходить, когда пожелаете. Надеюсь, что это будет честно.

Они поговорили еще немного, и когда Дариш поцеловал ее, пожелав спокойной ночи, это было самой естественной вещью в мире. Он дошел до своей кушетки в маленькой каюте с приятно затуманенным разумом.

Дариш лег, погасил свет и снова завел молчаливый спор с Лэрдом.

— Так, что теперь? — спросил Солнечник.

— Мы разыгрываем партию медленно и без рывков,— объяснил терпеливо Дариш, как будто этот идиот не мог прямо читать в их общем мозгу... — Мы ждем, чтобы представился случай, и некоторое время не будем действовать. Под предлогом установки энергетических прожекторов в боевое состояние, мы устроим механизм, способный разрушить корабль, стоит только нажать кнопку. Они ничего не поймут. Они не имеют никакого представления о субпространственных потоках. И как только нам представится случай удрать, мы нажмем кнопку, выскочим и постараемся добраться до Солнечной системы. С моим знанием науки Ввирдды мы можем изменить судьбу войны. Это риск, безусловно, но это единственная возможность, которую я вижу. И, ради бога, дай мне вести операцию. Считается, что ты умер.

— А что произойдет, если это дело выгорит? Как я смогу избавиться от тебя?

— Откровенно говоря, не вижу такой возможности. Наши схемы теперь слишком перемешались. Мы просто должны научиться жить вместе. Ты от этого только выиграешь,— убежденно добавил Дариш.— Подумай, дружище. Мы можем сделать с Солнцем что угодно. С Галактикой тоже. Я установлю резервуар жизненных сил, создам новое тело, обладающее умом и способностями ввирдданца, и сделаю его бессмертным! Значит, ты никогда не умрешь!

— Не слишком заманчивая перспектива,— сказал скептически Лэрд, подумав, что очень уж слабы его шансы взять верх в этой комбинации. Со временем его собственная личность полностью поглотится личностью Дариша. Конечно, если психиатр... наркоз... гипноз...

— Нет! — зловеще сказал Дарвиш.— Мне так же дорога моя индивидуальность, как тебе — твоя.

Общий рот скривился в двухсмысленной улыбке. «Я ду-

маю, что надо научиться любить друг друга»,— подумал Лэрд.

Тело погружалось в сон. Скоро клетки Лэрда уснули, его личность блуждала в королевстве теней, в стране грез. Дариш бодрствовал немного дольше. Сон... потеря времени... Бессмертные никогда не страдали от усталости. Он засмеялся про себя. Какой узел лжи и контрлжи он завязал! Если бы об этом знали Лэрд и Джоана...

Разум — сложная вещь. Он может скрывать некоторые факты от самого себя, он в состоянии забыть даже тягостные воспоминания, а также убедить свое собственное сознание, которое руководствуется возвышенными побуждениями, в том, что подсознательно считает правильным. Рационализация, шизофрения, аутогипноз — все это только формы, смягчающие те средства, которые используют мозг для того, чтобы обмануть себя. И тренировка Бессмертных состояла в полной координации нейронов: они могли сознательно пользоваться теми силами, которые существовали в них в скрытом состоянии. Они могли сознательно остановить сердце, блокировать боль, раздваивать свою личность.

Дариш знал, что его ЭГО стало бы сражаться со всяким хозяином, кем бы он ни был, и заранее приготовился к этому. Одна часть его разума была в полном контакте с разумом Лэрда, другая же область, отделенная от главного потока сознания обдуманной и контролируемой шизофренией, думала свои собственные мысли и разрабатывала свои собственные планы. Гипнотизируя самого себя, он в несколько секунд автоматически собирал свое «Я», чего Лэрд не знал, иначе говоря, у них был только подсознательный контакт. И это отделение разума, недоступное Солнечнику, вынашивало собственные планы.

«Этот механизм для разрушения должен быть устроен, чтобы удовлетворить возрождающуюся личность Лэрда»,— говорил себе Дариш.— Но действовать этот аппарат не будет, потому что Дариш частично сказал Джоане правду: его личный интерес был на стороне дженеранцев, и он хотел привести их к окончательной победе.

Освободиться на время от Лэрда будет несложно: убедить его, что по какой-то причине ему лучше всего напиться в стельку. Лучше контролируемое ЭГО Дариша останется в порядке, в то время как Лэрд уже будет погружен в опьянение. Он сможет тогда заняться Джоаной, которая к тому времени, вероятно, будет уже готова на все, чего он захочет.

Психиатрия... да, сонная мысль Лэрда была неплохой. Методы тренировки расщепления сознания могли быть, с некоторыми изменениями, использованы для подавления дополнительной личности. Он сотрет этого Солнечника, сотрет окончательно. А после этого появится его новое бессмертное тело, и веками, и тысячелетиями он будет делать с этой молодой цивилизацией все, что захочет.

«Демон, изгоняющий человека...» — Дариш сонно улыбнулся и вскоре уснул.

Корабль шел сквозь звездную ночь. Смена дня и ночи отме-

чалась только по положению стрелок корабельных часов — последовательность периодов сна, еды, медленное перемещение созвездий в иллюминаторах, и это в то время, как они поглощали световые годы.

Бесконечное чередование работы, еды, сна, разговоров с Джоаной и вечное жужжание трансмиссии, наполняющее кости. «Будет ли этому конец?» — с тоской думал Лэрд.

Не станет ли он, Лэрд, новым Летучим Голландцем, брошенным в вечность, запертым в собственном черепе с существом-паразитом? В подобные моменты он находил успокоение только в объятиях Джоаны. Он черпал из ее молодой энергии, и тут Лэрд и Дериш составляли одно. Но затем...

— Мы идем на соединение с Главным Флотом. Ты слышал об этом, Дариш? Для Джоаны это — триумфальное паломничество к объединенной силе и мощи Дженерано, потому что это она принесет своему адмиралу могучее оружие Ввирдды.

А почему бы и нет? Она молода и честолюбива, она так же, как и ты, жаждет славы. И что же?

— Мы должны исчезнуть до того, как она достигнет места назначения. Нам надо похитить спасательную шлюпку, а потом разрушить корабль со всем его содержимым.

— Включая Джоану Ростов?

— Боже мой, нет, конечно, мы ее похитим. Ты знаешь, что я влюблен в эту дьявольскую девушку. Но дело касается всей Земли. На этом крейсере достаточно всякой дряни, чтобы полностью разрушить планету. А у меня там родители, братья, друзья, цивилизация. Мы должны действовать!

— Прекрасно, Лэрд. Не отчаивайся. Сначала надо установить энергетические приспособления. Мы должны продемонстрировать работу, чтобы усыпить подозрения дженеранцев. На борту только одна Джоана доверяет нам, но отнюдь не ее офицеры.

Тело и двойной разум тяжело работали, управляя техниками-дженеранцами, которые не были способны понять, что они строят. Лэрд, черпая из воспоминаний Дариша, знал, какой гигант спит в этих проводах, в этих трубках и полях невидимой энергии. Там были силы, способные великие, творческие силы мироздания ориентировать на разрушение — искривление пространства-времени, атомы, рассасывающиеся в чистую энергию, вибрации, разрушающие стабильность силовых полей, расположенных сейчас в космосе. Лэрд вспомнил разрушения Ввирдды и содрогнулся.

Прожектор был поставлен и приведен в боевую готовность. Дариш намекнул, чтобы крейсер где-нибудь остановился для испытаний. Они выбрали пустынную планету в необитаемой системе и нацелились на орбиту радиусом в 50000 миль. В течение часа Дариш трансформировал гемисферу в море лавы.

— Если бы функционировали поля разрыва,— рассеянно сказал он,— я мог бы разнести эту планету в куски.

Лэрд видел вокруг себя напряженные, бледные лица, покрытые потом. Двоим, кажется, стало плохо. Джоана забылась до того, что прижалась к нему, вздрагивая. Но через минуту

она подняла к нему ликующее и нетерпеливое лицо, и в нем была безумная жестокость сокола, вонзающего когти в жертву.

— Это конец Земли!

— И у них нет ничего, что могло бы нас остановить,— ошеломленно пробормотал ее лейтенант.— Это судно, оснащенное таким пространственным экраном, о котором вы говорили. Дариш... одно это маленькое суденышко может опустошить всю Солнечную систему!

Дариш согласился. Это было вполне возможно. Для этого ему понадобится много энергии, потому что генераторы Ввирдды использовались только как катализаторы для высвобождения гораздо более мощных сил. А Солнечная система не имела даже зачатков знаний для создания защиты, которая дала его собственному миру возможность некоторое время продержаться. Да, так может случиться.

Он выпрямился от неожиданной яростной мысли Лэрда:

— Вот именно, Дариш! Это ответ...

Мысль принадлежала также и ему, пересекала тот же мозг и, в сущности, была очень проста. Они могли вооружить и окружить защитным экраном весь корабль, и Дженерано не сможет помешать этому, поскольку никто из техников на борту ничего не понимал в машинах Ввирдды, а Лэрду теперь полностью доверяли. Можно было установить контрольный прибор без ведома экипажа.

И когда большой Флот Дженерано будет собран, достаточно одного щелчка главного рубильника, чтобы в крейсере развилась смертоносная энергия. На борту останутся только трупы и... роботы, которые откроют огонь по флоту. Только один этот корабль может уничтожить все надежды варваров несколькими вспышками невероятного пламени. Роботов можно направить и на разрушение самого судна, чтобы никто из чудом выживших дженеранцев не смог бы им воспользоваться.

— А мы... мы убежим в суматохе, Дариш. Мы дадим роботу приказ сберечь капитанскую шлюпку, возьмем с собой Джоану и отправимся к Солнечной системе! И некому будет погнаться за нами!

Мысль ввирдданца медленно ответила:

— Хороший план. Дерзкий. Мы его выполним!

— В чем дело, Дариш? — обеспокоенно спросила Джоана.— Вы выглядите...

— Просто думал. Никогда не думайте, капитан Ростов. Это вредно для мозга.

Позднее, обнимая ее, Лэрд чувствовал угрызения совести при мысли об измене, которую он втайне готовил. Друзья Джоаны, весь ее мир, ее дело... все это сметется одним грохочущим ударом, и нанесет этот удар он, Лэрд. И когда все будет кончено, станет ли она хотя бы разговаривать с ним?

Дариш, этот бессердечный дьявол, казалось, рассматривал ситуацию с сардонической усмешкой.

А позднее, когда Лэрд уснул, Дариш подумал, что план парня хорош. Конечно, он присоединится к этому плану. Это зай-

мет Лэрда до тех пор, пока они не прибудут на свидание к Главному Флоту, а потом... будет уже слишком поздно. Победа Дженерано обеспечена. Дариш только и дела будет, что в решающий момент держаться подальше от главного рубильника. Если Лэрд попытается до него добраться — их противодействующая друг другу воля просто аннулируется, и это будет означать победу Дженерано.

Ему нравилась эта новая цивилизация. У нее были свежесть и энергия, способность надеяться, чего не было в земных воспоминаниях Лэрда. С ее силой и упорством она далеко пойдет. Поскольку она молода и податлива, ее можно будет подвергнуть психологическому давлению и действию тех сил, какие он для этого выберет.

«Ввирдда,— бормотал его мозг,— мы снова восстановим твой облик! Ты будешь жить снова!»

Большой Флот!

Миллион бронированных и вспомогательных кораблей собрался подле погасшего красного карлика. Все они толпились здесь, кружась по одной и той же орбите. Под раскаленной белизной звезд, над черными бездонными провалами их бронированные бока сверкали, как пламя. Они шли бесконечными рядами, как гигантские акулы, и их пушки, торпеды, бомбы и люди готовились раздавить планету и разрушить цивилизацию. Это зрелище превосходило всякое воображение, человеческий разум мог иметь только самое смутное представление о безмерности, которую не охватить вглядом.

Это был главный меч Дженерано. Он пройдет через слабую линию защиты Солнечной системы и, неожиданно возникнув в небе, опрокинет ад над самым сердцем империи. «Нет, они все-таки не вполне люди,— думал Лэрд с болью.— Отчужденность и космос слишком изменили их. Никакому человеческому существу не пришло бы в голову разрушить колыбель Человека. Прекрасно, Дариш. Вот наш шанс!»

— Не сейчас, Лэрд, погоди немного. Подожди, пока у нас будет законная причина покинуть корабль.

— Хорошо. Пойдем в контрольный зал. Я хочу быть поближе к рубильнику. Господи, ведь все человечество зависит сейчас от нас!

Дариш согласился с некоторым умолчанием, которое слегка заинтересовало ту часть мозга, что была открыта Лэрду. Другая половина, глубоко спрятанная в подсознании, знала причину; она ожидала постгипнотического сигнала, ключевого события, которое выпустит импульс в высшие мозговые центры.

Корабль выглядел непонятным и незаконченным. Все его обычное вооружение было демонтировано и заменено машинами Ввирдды. Робот-мозг, почти живой по своей сложности, стал отныне оружейником, пилотом и командиром корабля, и только двойной разум одного человека знал, какие приказы были даны этому роботу:

«Когда главный выключатель будет опущен, вы заполните корабль десятью единицами разрыва. Когда шлюпка

капитана окажется достаточно далеко, вы разрушите весь флот, за исключением этой шлюпки. Когда на линии не останется ни одного корабля, способного к действию, вы включите дезинтеграторы и вызовете распад корабля и всего его содержимого до уровня первичной энергии».

Лэрд смотрел на выключатель в каком-то болезненном ослеплении. Обычная модель: пластинки и двойная рукоятка. Боже правый, возможно ли, логично ли, что вся история зависит от угла, под которым находится эта рукоятка? Он отвел глаза, взглянул на растянувшуюся еще шире линию кораблей, дрожащими руками зажег сигарету и в ожидании страшного мига стал расхаживать взад и вперед, глубоко затягиваясь, выпуская клубы дыма.

Появилась Джоана с двумя людьми из экипажа, которые торжественно шли позади. Глаза ее блестели, щеки разрумянились, свет от башни придавал ее волосам оттенок расплавленной меди. «Нет более восхитительной женщины»,— говорил себе Лэрд — и это он готовится уничтожить то, чему она посвятила свою жизнь.

— Дариш! — закричала Джоана, и в голосе ее слышался счастливый смех,— Великий Адмирал хочет видеть нас на борту своего корабля. Он, вероятно, попросит демонстрации, и, я думаю, затем флот немедленно двинется к Солнечной системе во главе с нами. Дариш... Ох, Дариш, война почти окончена!

«Пора!» — вспыхнула, как взрыв, мысль Лэрда. Его рука потянулась к выключателю. «Пора!» — спокойно решил он, думая о том, что генераторы должны немного разогреться. А затем бежать с ней, поразив этих стражей неожиданностью, и в путь, к дому!

При этом сигнале разум, наконец, объединился, рука застыла...

«Нет!»

«Как? Но ведь...»

Наполовину изъятая часть разума Дариша открыла свою память Лэрду ради полноты триумфа, и Лэрд понял, что его карта бита.

Так просто, так страшно просто Дариш смог его удержать,— поставив тело перед конфликтом желаний и только. Потому что, пока Лэрд спал, пока высшие слои его «Я» были в бессознательном состоянии, тренированное подсознание ввирдданца взяло верх над ним. В аутогипнозе, которому подверг себя Дариш, он написал Джоане письмо, в котором объяснил всю правду. Он положил это письмо на таком месте, где его легко найдут, когда будут обыскивать его вещи, чтобы понять причины его паралича. В письме, кроме всего прочего, говорилось, что тело Дариша останется неподвижным до тех пор, пока не будут приняты некоторые меры: лекарства, электрические волны, гипноз — чтобы извлечь из его мозга личность Лэрда.

Победа дженеранцев была близка.

— Дариш! — голос Джоаны доносился как бы издалека, ее лицо качалось в тумане, так как Дариш почти потерял созна-

ние.— Дариш, что случилось? Ох, милый, что-то не так?

Ввирдданец неумолимо думал: «Брось, Лэрд. Верни себя мне и можешь сохранить все это. Я уничтожу это письмо. Ты видишь, мой разум открыт для тебя полностью, на этот раз ты видишь, что я говорю правду. Я предпочитаю, насколько возможно, избегать измены, и я тебе действительно кое-чем обязан. Но сейчас вернись, иначе будешь стерт из нашего мозга».

Падение, провал... а в награду за сопротивление медленная смерть. Воля Лэрда уступила. Его разум был слишком хаотичен и не мог работать ясно. Один смутный импульс: «Сдаюсь. Ты победил, Дариш.»

Обмякшее тело выпрямилось. Джоана с тревогой склонилась над ним:

— Что случилось, Дариш? В чем дело?

Дариш овладел собой и болезненно улыбнулся:

— Время от времени у меня бывают нервные кризы. Я еще не полностью овладел этой чужой нервной системой. Но сейчас уже все в порядке. Пошли отсюда.

Рука Лэрда протянулась к выключателю и потянула его на себя. Дариш закричал. Звериный рев вырвался из его горла, он попытался отдернуть эту руку, и тело снова ослабело и застыло от столкновения двух желаний.

Это было словно освобождение из ада и, как предписывала неизбежная логика событий, «Я» Лэрда оказалось объединившимся. Одна его половина дрожала от чувства поражения, другая же осознавала свою победу. Он яростно говорил себе: «Никто не обратил внимания, когда я это сделал. Они слишком много внимания уделяли моему лицу. Но даже если и заметили, мы им раньше говорили, что это всего лишь безобидная ручка регуляции. Но... смертельная радиация уже разливается вокруг! Если ты сейчас не объединишься со мной, Дариш, я удержу нас здесь до тех пор, пока мы оба не умрем!»

Все удивительно просто. Потому что, деля память Дариша, Лэрд разделил и его знание техники, назначенной для саморазрушения. Он видел раньше с помощью спрятанной половины своего разума, что ввирдданец может поставить такого рода ловушку, и установил собственную постгипнотическую команду. В такой ситуации, когда всякая надежда, казалось, пропала, его сознательный разум предложил сдаться, а его подсознание приказало телу опустить выключатель.

— Быстрей, Дариш! Ты так же, как и я, любишь жизнь. Присоединись ко мне и уйдем из этого ада.

Дариш неохотно произнес:

— Ты выиграл, Лэрд.

Тело встало, опираясь на плечи Джоаны, и медленно двинулось к двери. Невидимые лучи смерти пронизывали их, накапливая свой смертоносный эффект. Через три минуты нервная система будет разрушена.

— Бежим!

Джоана остановилась, а лица ее провожатых затвердели в подозрении.

— Дариш... что ты хочешь сказать? Что с тобой?

— Капитан...— заговорил один из членов экипажа,— прошу прощения... но я видел, как он опустил главный рубильник. А теперь он торопится покинуть корабль. Никто из нас толком не знает, как действует вся эта механика.

Лэрд выхватил из кобуры Джоаны пистолет и выстрелил в человека. Второй отскочил и схватился за оружие, но Лэрд выстрелил снова.

Его кулак взвился вверх, обрушился на голову Джоаны, и она потеряла сознание. Лэрд быстро подхватил ее на руки и побежал.

В проходе, ведущем к шлюпкам, стояли два члена экипажа:

— Что случилось, сэр?

— Обморок... утечка радиации из машин... Нужно отвезти ее на корабль-госпиталь,— сказал Дариш, задыхаясь.

Они нерешительно отошли. Он открыл шлюз и прыгнул в шлюпку.

— Мы должны ехать с вами, сэр?

— Нет! — Лэрд чувствовал себя слегка оглушенным. Радиация действовала и на него, смерть приближалась гигантскими шагами.— Нет...

Он ударил в лицо кулаком того, кто настаивал, захлопнул дверь люка и сел на сидение пилота.

Моторы ревели, разогреваясь. Кулаки и ноги барабанили в дверь. Ему было плохо, он начал рвать.

— Ох, Джоана, что если это тебя убьет... — Он нажал на пусковой рычаг. Его откинуло назад в тот момент, когда шлюпка рванулась вперед.— Свободны!

Он поглядел в иллюминатор и увидел, как в пространстве распускаются пылающие цветы: большие пушки Ввирдды открыли огонь.

Мой бокал опустел. Я сделал знак, чтобы его снова наполнили, и начал размышлять: стоит ли верить этой сказке?

— Я читал историю,— медленно сказал я,— и знаю, что какая-то таинственная катастрофа привела к аннигиляции флота, собранного Дженерано, и изменила ход войны. Солнечная система атаковала и меньше чем через год добилась победы. И вы уверены, что все это сделано вами?

— В какой-то мере. Вернее, сказать, Даришем. Как вам известно, мы действовали словно одна личность. Он был реалистом и всегда шел до конца. Так что, увидев свое поражение, Дариш совершенно искреннее переметнулся в другой лагерь.

— Но... Боже мой, дружище, почему же никто так и не узнал обо всем этом? Вы хотите сказать, что никогда никому не говорили об этом и никто никогда не восстановит эти машины?

Загорелое лицо Лэрда осветилось печальной улыбкой:

— Конечно, нет. Эта цивилизация не готова к таким вещам. Даже Ввирдда не была готова, а нам надо миллион лет, чтобы достичь ее стадии развития. Кроме того, это часть нашего договора.

— Какого договора?

— Дариш и я, как вы знаете, должны жить вместе. А жить с постоянным подозрением в обмане, никогда не доверять собственному мозгу — совершенно нестерпимо. И вот во время нашего долгого путешествия в Солнечную систему, мы заключили соглашение и воспользовались аутогипнозом по методу ввирдданцев, чтобы быть уверенными в том, что этот договор не может быть нарушен.— Он хмуро посмотрел за окно, в лунную ночь.— Вот почему я сказал, что дух из бутылки убил меня. Обе личности неизбежно сольются и составится одна. Естественно, что в основной своей части это — Дариш с обертонами Лэрда. Мы храним воспоминание о нашем раздельном существовании и непрерывности, которое является основным атрибутом ЭГО. В сущности, жизнь Лэрда настолько ограничена, настолько слепа к возможностям и чудесам Вселенной, что я редко сожалею о случившемся. Время от времени я впадаю в ностальгию и мне хочется поговорить с человеческим существом. Но я всегда выбираю того, кто не знает, верить или нет, и если он верит, я не слишком распространяюсь насчет этих событий.

— А почему вы поступили в Инспекцию? — тихо спросил я.

— Я хочу лишний раз увидеть Вселенную, пока она не изменилась. Дариш хочет все записать, собрать все данные, чтобы иметь крепкую базу для решения. Когда мы... я... перейду в новое бессмертное тело, тут будет много работы — направить Галактику по новому и лучшему пути, учитывая данные Ввирдды. Это займет тысячелетия, но у него есть время. Или я... Но что я могу вам сказать еще? — Он провел рукой по волосам, в которых было немало седых прядок.— Часть Лэрда в договоре состоит в том, что он будет вести человеческую жизнь, насколько можно близкую к нормальной, до тех пор, пока его тело не станет безнадежно старым. Итак... — Он пожал плечами.— Вот таким образом и договорились.

Некоторое время он молча продолжал сидеть, а затем встал.

— Извините меня,— сказал он,— пришла моя жена. Спасибо вам за этот разговор.

Он пошел навстречу высокой красивой женщине с рыжими волосами. Голос его стал мягким:

— Добрый вечер, Джоана...

И они вышли из комнаты, как обычная человеческая пара.

Сколько еще необыкновенных тайн хранит история, — подумал я, глядя им вслед.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЙНА КРЫЛАТЫХ ЛЮДЕЙ . . . 3
САТАНИНСКИЕ ИГРЫ . . . 120
ЗВЕЗДНЫЙ ТОРГОВЕЦ . . . 281
ЛЮДИ ВЕТРА . . . 385
ПРАВО ПЕРВОРОДСТВА . . . 527
ПОВЕЛИТЕЛЬ ТЫСЯЧИ СОЛНЦ . . . 550

Зарубежная фантастика

ВЫПУСК 23

Пол Андерсон

ВОЙНА КРЫЛАТЫХ ЛЮДЕЙ

Ответственный за выпуск
В. П. Кирчев

Технический редактор
О. Цыплакова

Дата в печать 22.02.93. Уч. изд. л. 42,40. Усл. печ. л. 30,24.
Тираж 52.000. Заказ № 874.

Производственно-коммерческая фирма «ЭЯ», Кишинев
Издательско-полиграфическая фирма «Центральная типография»,
277068, Кишинев ул. Флорилор, 1.
Государственный Департамент Республики Молдова
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли

